

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

ДЖЕК ЧАЛКЕР

Харон. Медуза

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

*Jack
L. Chalker*

Charon

■

Medusa

■

**ДЖЕК
ЧАЛКЕР**

ХАРОН

Медуза

ББК 84 (7США)

Ч12

Серия основана в 1992 году

Перевод с английского Е.Н.Еремченко

Под редакцией К.Е.Росинского

Серийное оформление А.В.Сальникова

Художник Р.Ш.Рамазанов

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента Spectrum Literary Agency

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Чалкер Дж. Л.

Ч 12 Харон. Медуза: Романы / Пер. с англ. – М.: ТКО
АСТ, 1996. – 640 с. – (Координаты чудес)

ISBN 5-88196-962-6

В главное Командование Вооруженных Сил – самое сердце Конфедерации проник инопланетный робот-шпион. Аналитики Службы Безопасности не сомневаются, что чужаки вербуют агентов на четырех планетах Ромба Вардена. Расследование поручено лучшему агенту Конфедерации.

Ни на Лилит, ни на Церbere никаких следов инопланетян обнаружить не удалось. Но впереди еще две планеты – Харон и Медуза.

© Jack L. Chalker, 1982, 1983

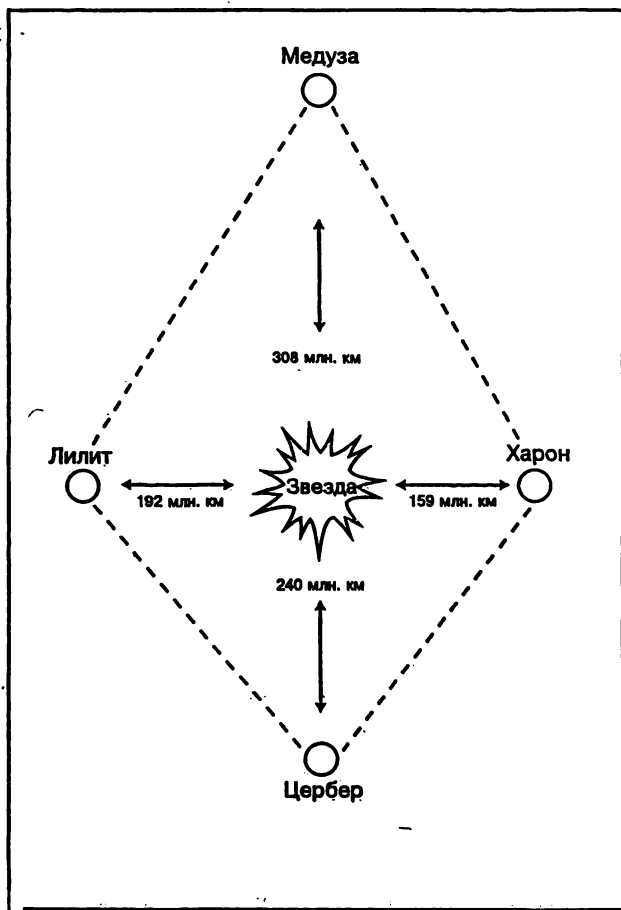
© ТКО АСТ, 1996

Харон: дракон в воротах

Charon: A Dragon at the Gate
© Jack L. Chalker, 1982
Перевод с английского
Е.Н.Еремичевой
под редакцией К.Е.Россицкого

Посвящается Арту Саха, фанату из фанатов и поклоннику из поклонников, составляющему антологии с исключительным вкусом и таким же бессердечием, а также просто прекрасному человеку.

Ромб Вардена

ПРОЛОГ

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

1

Ураганный ветер АЛ мешал нэрилам атаковать, однако они были терпеливы. Наконец один из них, выждав удобный момент, зашел с подветренной стороны и, выпустив острые как бритва резак, устремился на бегущего человека.

Эти летучие твари представляли собой гигантские черные овалы с крупными яйцевидными глазами на маленьком лице и длинными щупальцами, выполняющими в полете роль хвостового оперения. На брюхе у них имелись две лоткообразные костяные пластины с многочисленными щелями, откуда и выдвигались острейшие лезвия, способные в мгновение ока искромсать любое живое существо.

Человек затравленно огляделся, но на ровной, как стол, и прочной, как бетон, почве спрятаться было некуда. С невероятной для своих размеров скоростью нэрил налетел на беглеца, но в последнюю секунду тот рухнул как подкошенный, и жуткая тварь пронеслась мимо, едва не врезавшись в землю. Понимая, как опасно любое промедление, человек вновь вскочил, не спуская глаз с обоих нэрилов, чтобы не дать им возможности напасть одновременно.

Впрочем, эти полуразумные существа ничуть не сомневались в исходе схватки. Посреди огромной пустыни человеку все равно некуда деться, и они играли со

своей жертвой, как кошка с мышью, явно наслаждаясь этой забавой.

Внезапно беглец остановился и, резко повернувшись к преследователям, простер руки к небу и в ужасе закрыл глаза. С точки зрения нэрилов, это был, конечно же, жест отчаяния. Человек явно надеялся на чудо.

Нэрилы неторопливо снизились и на бредущем полете устремились к своей добыче. Их желтые бесстрастные глаза горели холодным огнем. Внезапно раздался оглушительный скрежет, иссушенная каменистая почва разверзлась, и вокруг одинокой человеческой фигурки выросла высокая стена. Не ожидавшие такого сюрприза нэрилы едва не врезались в нее, но в последний момент успели взмыть в воздух. До человека донеслось злобное шипение обманутых чудовищ. Вопиющая расточительность, подумал он, ведь пришлось пожертвовать половиной дневного запаса воды. Однако укрытие, похоже, надежное. Человек опустил на землю и прислушался.

Нэрилы быстро оценили ситуацию и пошли на таран, пытаясь разрушить стену, но та оказалась им не по зубам. Оставив бесплодные попытки, они ненадолго отлетели в сторону.

Потом над каменным колодцем вновь возник нэрил; однако отверстие было слишком узким для этих тварей, и, пока человек сидел на дне, ему ничто не угрожало.

Поразмыслив, нэрил попытался дотянуться до жертвы своими длинными шупальцами: человеку пришлось лечь, но все равно он ощущал на коже их неприятные прикосновения. Вскоре нэрил понял бесполезность своих попыток, и человек вздохнул с облегчением. Однако он чувствовал, что силы его на исходе.

Отверстие вновь заслонила уродливая туша, и колодец наполнился удушающим зловонием. Сообразив, что добраться до вожаемой добычи невозможно, проклятые твари решили просто-напросто утопить ее в нечистотах.

Внезапно раздался нечеловеческий рык, и тень исчезла. Но человек не тешил себя напрасными иллюзиями. Нэрил, очевидно, отправился на поиски облаков, чтобы напитаться их влагой, но его приятель, конечно же, ждет где-то поблизости.

Облака... Человек задумался. Можно ли договориться с небом? Там, на большой высоте, облака всегда найдутся, и хотя содержание влаги в них невелико, попробовать можно...

Сосредоточиться... СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ! Эх, надо было беречь силы! Человек зажмурился и попытался оторваться от всего, кроме ощущения ВА — что было весьма нелегко, ибо вязкие испражнения нэрилов уже как следует разогрелись и вонь стала совершенно невыносимой. Человек понимал, что если он не выберется отсюда, то просто изжарится заживо — ибо под раскаленными лучами солнца созданная им крепость была и очень эффективной жаровней.

Думай... ДУМАЙ! Думай только о ВА...

Она помогла ему создать это укрытие, однако сейчас требовалось нечто совершенно иное. Волевым усилием человек устремил свою ВА к ВА пустыни и установил контакт.

Нэрилы пропали, но неподалеку появились кустики, которых до того не было. Человек улыбнулся в душе: этим тварям даже не приходит в голову, что растения здесь столь же неуместны, как и сами нэрилы.

Впрочем, смешного было мало: они, несомненно, прошли соответствующую подготовку и теперь готовы ждать хоть до скончания века, чтобы исполнить приказ — возможно, личный приказ самого Мораха.

Человек явственно ощущал ВА, пронизывающую все вокруг — даже плотный горячий воздух, но ему нужно было проникнуть как можно выше, уповая на то, что в пределах досягаемости отыщется достаточно облаков, чтобы осуществить задуманное.

И они действительно были — хотя очень высоко и очень далеко друг от друга. Неспешно и осторожно человек воздействовал на ВА облаков, объединяя составляющие их молекулы воды. Капли становились все крупнее: над маленькой крепостью в самом сердце пустыни набухла огромная грозовая туча.

Человек мобилизовал все резервы и все-таки сомневался, достанет ли ему сил. Должно, должно хватить...

Два новоявленных куста зашевелились и вновь превратились в нэрилов. Тупые твари не понимали, что происходит: их накрыла огромная тень, резко похолодало. Какое-то время они колебались между инстинктом самосохранения и необходимостью выполнить приказ, но, когда упали первые капли, страх победил. Нэрилы торопливо взлетели и стремительно понеслись прочь, подальше от сверхъестественной тучи.

Несильный, но равномерный дождь накрыл пустыню в радиусе сорока метров от колодца. Не теряя времени, человек уничтожил каменное убежище и шагнул вперед. Испражнения нэрилов покрывали его с головы до ног: он сбросил с себя все, кроме черного кожаного ремня с пустой флягой, и пару минут постоял неподвижно, с наслаждением чувствуя, как прохладный дождь оmyвает нагое тело. Впрочем, медлить нельзя. Туча невелика, и дождь в любой момент может иссякнуть.

Нэрилы, сообразив, что странная буря вызвана их жертвой, уже парили у края облака, пережидая дождь.

Иссушенная почва, которая десятилетиями не видела ни одной дождевой капли, быстро стала скользкой и вязкой. Человек с трудом переставлял ноги, а облако послушно держалось у него над головой. За облаком неотступно следовали нэрилы: крупные капли могли повредить их нежные крылья, но они знали, что дождь не продлится долго...

И действительно: когда до гор, вырастающих прямо из раскаленного плато, оставалось не больше сотни мет-

ров, он начал иссякать. Никакая ВА не в состоянии пролить дождь, если воды в тучах не осталось, а на полный круговорот — испарение, конденсацию и новый ливень — времени уже не было. Капли редели буквально на глазах.

Однако нэрилы заподозрили очередную ловушку и не спешили нападать. Воспользовавшись их замешательством, человек во весь дух бросился к спасительной гряде.

Разгадав намерение жертвы, один из нэрилов с шипением рванулся в погоню. Он настиг человека у самого подножия скал и со страшной силой ударил в спину. Несчастный с душераздирающим воплем рухнул на камни, однако в спешке нэрил забыл выпустить лезвия, и человек не превратился в окровавленное месиво.

Теряя сознание, он все же заполз в ближайшую расщелину и тесно прижался спиной к спасительному камню. Все-таки он обманул их! Теперь сама природа надежно защитит его, и больше не о чем беспокоиться. Выбиваясь из сил, он протиснулся поглубже и последней мыслью его было предвкушение того блаженства, которое принесет с собой смерть.

— Джатик? — донесся откуда-то из невообразимой дали приглушенный голос. «Уйди! — взмолился измученный мозг. — Я уже умер! Дай мне отдохнуть хоть теперь!»

— Джатик, я знаю, ты слышишь меня. Это я, Кори! Ты должен ответить мне!

Теперь голос был слышен отчетливо, и его повелительному тону невозможно было не подчиниться.

— Я мертв, — еле слышно проворчал Джатик. — Оставь меня...

— Да, ты действительно мертв, — согласился Кори, — и тут я бессилен. Но пока твоя ВА еще борется, ты мо-

жесть говорить. Джатик, помоги! Ты был храбрым и преданным, но теперь преданность заключается в том, чтобы не уйти, не сказав главного.

Мозг отказывался соображать. Главное?... Ах да... Миссия...

— Где остальные, Джатик? Где?

Остальные... Остальные...

— Погибли... Все погибли.

— Значит, ты — последний. Быстрее, Джатик, я не могу долго тебя удерживать. Ты был там? Ты видел совещание?

Совещание? Какое совещание? Память заволакивало тьмой. О Боже!

— Да. На Бриллиантовой Скале собрались все владельцы... Все четверо. И другие — о Господи!

— Какие другие — вспомни, Джатик! Постарайся! Кто они? На что похожи?

— Настоящие чудовища... Все в длинных плащах, но не заметить этого просто невозможно... Они омерзительны. Это исчадия какого-то неизвестного нам жуткого ада... Ужасные, слюнявые... Их проклятая родина наверняка где-то очень далеко, куда человечество еще не добралось.

— Они заключили союз?

— Да! Корил, ты обязан уничтожить их! Ради всего святого! О Боже, что они творят с людьми! Не приведи Бог тебе столкнуться с чем-то подобным. Латир и Морах просто свихнулись.

— Какие они? Вспомни, Джатик, вспомни!

— Они настолько отвратительны, что меня буквально парализовало... Слизняки... Корил, это настоящие дьяволы! Человечеству такое и не снилось. Они сожрут весь род людской, а затем и Четырех Властителей. Корил, ты должен...

— Джатик! ДЖАТИК, ПОТЕРПИ ЕЩЕ!!! ПОТЕРПИ!!! Мне нужно знать... Черт побери, что же делать? Неужели все?

Вздохнув, Корил задумчиво покачал головой, а затем поднялся, отошел от мертвого тела и оглядел пустыню. Рядом корчились в агонии нэрилы.

На прощание он тщательно оглядел неподвижный пейзаж. Рано или поздно очередной отряд наткнется на это место и увидит лишь одно: именно здесь произошло последнее сражение, в котором погибли все — и нэрилы, и Джатик. Чтобы убить этих летающих тварей, требуется невероятная, чудовищная мощь, однако труп человека и следы ливня развеют любые сомнения. Жаль только, что он, Корил, опоздал...

Однако информация, которую успел передать Джатик, поистине бесценна. Сведения, полученные по другим каналам, подтвердились, и Корил укрепился в своих самых мрачных подозрениях. Но он был уже стар — а теперь еще и одинок. Он обладал огромным могуществом, однако годы идут, а сила и выносливость тоже имеют свои пределы.

Теперь ему нужен новый отряд. А собрать его очень непросто — особенно под неусыпным взором Мэтьюз. До сих пор она предполагала, что все его связные провалили задания, но, когда погибшего опознают, она, без сомнения, поймет, что это не так.

Впрочем, отступать уже поздно. Как ни ничтожны шансы на победу, он должен драться. Последние слова Джатика не поколеблют его решимости. Он рожден далеко отсюда и достаточно навидался, чтобы не сдаться так легко.

Ад... Пожалуй, это целиком относится и к Харону. Все кошмары человечества, с доисторических времен и до наших дней, воплотились здесь: климат, флора и фауна словно только что сошли со страниц бессмертного «Ада» Данте.

Корил и Джатик прошли все его круги.

И что же так напугало человека, уже привыкшего к жизни в преисподней?

Что называет невообразимо ужасным и поистине дьявольским уголовник, бывший в прежней жизни убийцей-садистом, уничтожившим десятки людей? Мораль была незнакома этому головорезу. Но он без колебаний назвал пришельцев сущими дьяволами — а в его устах это были отнюдь не пустые слова.

Однако Четыре Властителя Ромба отважились заключить соглашение с ними именно здесь, на Хароне. Их эгоизм послужит им защитой, с сожалением подумал Кори. Правда, ненадолго.

Четыре Властителя сами были настоящими дьяволами — достаточно вспомнить все зло, что они совершили, в том числе и по отношению к самой Конфедерации. Однако Джатик никогда не назвал бы их исчадиями ада. Что же открылось ему в этот раз? В какое невообразимое рабство продали они и себя, и все человечество для удовлетворения своей преступной мании величия?

Каменистая почва раскалилась так, что невозможно было стоять, однако душу Корила словно сковало льдом. Он медленно повернулся и пошел прочь от неподвижного тела.

2

Крупных военных шишек просто бесило, что они прохлопали давно уже, оказывается, развязанную войну. Более того, даже теперь, когда враг приступил к активным действиям, его по-прежнему не могли обнаружить.

Конфедерация являлась кульминацией исторического и культурного развития человечества. В далеком прошлом считалось, что экспансия в космос — наиболее эффективный и приемлемый путь к прогрессу, лишенный к тому же расовых противоречий: дух соревнования оказался сильнее. Спортивный азарт овладел

всеми независимо от идеологических или религиозных убеждений и послужил великолепным стимулом.

В двадцатом и особенно в двадцать первом веке политика и дипломатия окончательно изменили порядочности и здравому смыслу, поставив человечество на грань катастрофы, но тут, к счастью, наиболее светлые умы вспомнили, что земляне ступили на поверхность Луны благодаря тому, что сверхдержавы устроили настоящее состязание — первые космические гонки — за пальму первенства. И хотя дух соперничества в этом смысле с тех пор не угасал, но проявлялся он бессистемно и был направлен в основном на удовлетворение текущих потребностей. Однако если в девятнадцатом веке сильные личности имели возможность испытать себя в суровых лесах Орегона, а в конце двадцатого — отправиться вырубать города в вечной мерзлоте сибирской тайги, то теперь к их услугам была новая, космическая Граница. Впрочем, стоимость космического перелета была поистине астрономической, и посему попасть туда могли только специалисты высочайшего класса или же баснословно богатые люди. Основная же часть землян была обречена оставаться на своей планете.

Правящие режимы быстро это осознали; в условиях неуклонного роста населения и жесточайшего дефицита природных ресурсов людьми овладела апатия. Стремительное падение уровня жизни в самом ближайшем будущем казалось неминуемым; развернулась суровая дипломатическая борьба, и угроза новой мировой войны все настойчивее заявляла о себе.

Но наука и техника не стояли на месте; был найден выход из тупика эволюции, и политикам — скрепя сердце, ибо альтернативы не было — пришлось встать на новый путь. Ученым удалось невозможное: они преодолели световой барьер. Возникла принципиально новая физика, которая не столько противоречила Эйнштейну, сколько делала доступными совершенно новые уровни

строения материи, где прежняя физика просто теряла смысл. Отныне действительно открылась дорога к звездам. Конечно, полеты по-прежнему оставались весьма длительными, но если раньше, чтобы добраться до ближайших звезд, требовались десятки, а то и сотни лет, то теперь всю заселенную человечеством область Галактики — сначала сотни, а вскоре и тысячи звездных систем — удавалось пересечь за три года субъективного времени. В незапамятные времена пионеры полгода брели от Аляски до Калифорнии. При этом межзвездные корабли обладали еще одним преимуществом: будучи чрезвычайно дорогими, они имели практически неисчерпаемый полетный ресурс, были очень дешевы в эксплуатации, а их габариты позволяли брать на борт колоссальные запасы воздуха, воды и провианта.

Только одна из тысячи планет, обнаруженных первопроходцами, годилась для колонизации, но в Галактике их было бесчисленное множество; различные страны боролись за приоритет, что позволило истерзанной войнами Земле-матушке наконец-то перевести дух. Романтики и бандиты с большой дороги вновь получили шанс поработать во благо, а не во вред прогрессу. Человек опять воспрял духом. Отныне развитие экономики уже ничто не сдерживало — ведь богатства космоса безграничны.

Однако новые поколения людей, родившихся в далеком космосе и никогда не видевших Землю, смутно представляли себе разницу между Россией и Америкой или Бразилией и Ганой; прежние формулы расовой принадлежности изменились до неузнаваемости. Правнуки первооткрывателей утратили национальность — они превратились в коренных жителей своей планеты, отныне единственной известной им родины. Теперь ничто не препятствовало созданию новой, эффективной системы административного управления рассеянными по космосу колониями. Ужас перед взаимным уничтожением сменился страхом безнадежно отстать в разви-

тии — и политические режимы постепенно перешли к логике сотрудничества и кооперации, в результате чего вскоре возник совершенно иной политико-административный институт — Конфедерация. Его управляющие структуры формировались из аппаратов прежних национальных правительств, но общее руководство осуществлялось Конгрессом, в который входили все представители новых колоний.

Объединенная мощь Конфедерации и всемогущая техника позволяли активно заниматься геоформированием планет; некоторые из них стали настоящим раем, о котором жители старушки Земли могли только мечтать. Многие болезни были полностью побеждены; генная инженерия сделала землян не только прекрасными и совершенными телом, но и абсолютно равными и счастливыми. Теперь личность культивировалась для заранее определенной деятельности, и люди становились не просто мастерами — виртуозами своего дела. Планеты, достигшие полного совершенства, стали называться цивилизованными, но, хотя там были созданы идеальные условия для жизни и работы, в культурном и духовном отношении они оставались абсолютно мертвыми.

Разумеется, Конфедерация превосходно управляла людьми и на этой стадии развития общества, однако опыт прошлого оказался весьма кстати. Человечество может прожить в своем рукотворном эдеме миллионы лет, но стоит угаснуть творческой искре — дни его сочтены. С выходом в космос оно было обречено на постоянное развитие.

Разведчики по-прежнему уходили в неизведанные дали, открывая и обживая новые планеты, которые потом будут заселены всевозможными чудачками и изгоями (таковые периодически появлялись даже на самых цивилизованных планетах). Отныне рубеж освоенной человеком области Галактики стал не просто границей экспансии, а настоящей религией, символом

веры. Ее требовалось непрерывно расширять, ибо она служила своеобразным аварийным клапаном и вообще целью всего существования человечества.

Освоив четвертую часть Галактики, земляне наконец-то встретили инопланетян. Правда, их оказалось гораздо меньше, чем предполагалось, но они были, и многие обитали на планетах, совершенно непригодных для человека.

За ними, конечно, наблюдали, но в целом им не придавали большого значения. Если они использовали ресурсы, пригодные и для людей, Конфедерация вступала с ними в официальные контакты и заключала договоры о совместном сотрудничестве. Те, кто мог адаптироваться к существованию в условиях Конфедерации, принуждался к этому. Остальные безжалостно уничтожались, как в свое время североамериканские индейцы или аборигены Тасмании. У одних внеземных цивилизаций технология была примитивна, у других — более или менее продвинута, но всегда Конфедерация оказывалась мощнее, сильнее и безжалостнее.

Однако в один прекрасный день правительство Конфедерации столкнулось с тем, чего втайне боялось все эти годы, — с превосходящим противником.

Исключительно сложный и совершенный робот, созданный более развитой, — хотя и ненамного, — чем человечество, промышленной цивилизацией под видом секретного сотрудника проник в аппарат Главного Командования Вооруженных Сил. Его игра была столь безукоризненна, что он в течение нескольких лет водил за нос своих друзей, коллег по работе и даже чрезвычайно изощренную систему охраны. Снабженный великолепной защитой, он проник в центральный компьютер и выкрал жизненно важные военные секреты. Шпион допустил лишь одну крошечную ошибку, но этого, к счастью, оказалось достаточно. Тем не менее, сокрушив тридцатисантиметровые бронированные двери, ему удалось прорваться через два вакуумных контрольно-про-

пускных пункта, с невообразимым ускорением уйти на орбиту, а затем попасть в охраняемый космический корабль и попытаться оторваться от преследования. Но доблестные вояки не теряли робота из виду и уничтожили его во время передачи информации.

Она предназначалась для Ромба Вардена.

Даже в столь развитом обществе, как Конфедерация, периодически появлялись на свет уроды, что было естественным следствием генетических и культурных манипуляций над людьми. Антисоциальных элементов и несказанно талантливых преступников были считанные единицы, но они были. А так как они могли действовать даже в такой неприспособленной для уголовщины среде, как цивилизованные планеты, то вполне естественно, что это были профессионалы из профессионалов в своей области, гении, на перевоспитании которых Конфедерация была буквально помешана. С элитой преступного мира боролись исключительно серьезно. Уголовники мелкого калибра подвергались процедуре принудительного перевоспитания или полному стиранию памяти с последующей заменой личности, но выдающиеся преступники были слишком ценны, чтобы поступать с ними подобным образом. Правда, для настоящего таланта никакая тюрьма не является абсолютно надежным убежищем, и таких личностей просто сплавляли на границу, где они могли полностью удовлетворить свои дурные наклонности.

Выслеживание преступников на самом деле не представляло больших трудностей, хотя иные до ареста успевали наломать кучу дров. В Конфедерации вывели и успешно культивировали новую породу людей-ищек, бывших вполне под стать своей добыче. Правда, их было очень немного — власти боялись их ничуть не меньше, чем уголовников, — но со своими обязанностями они справлялись отлично. Вооруженные сверхмощными

самообучающимися аналитическими компьютерами, они выноживали коррумпированных политиков, аферистов, психопатов — самых опасных в истории человечества. И неизбежно возникал вопрос: куда же их девать? С открытием Ромба Вардена эта проблема решилась сама собой.

Легендарный Хальден Варден, разведчик дальнего космоса, открыл эту планетную систему почти за два столетия до того, как в последний момент был уничтожен инопланетный робот-шпион, проникший в святая святых Конфедерации. Варден искренне ненавидел Конфедерацию, как, впрочем, и любой, кто так или иначе выбивается из общей массы. Всему на свете он предпочитал одиночество, а именно такие и требовались дальней разведке, ведь многолетнее затворничество на борту космического корабля разрушает даже самую закаленную психику.

Варден был самым нелюдимым из нелюдимых. В так называемой цивилизации он старался проводить как можно меньше времени, проявляя при этом недюжинную изобретательность. Как правило, он посещал обитаемые станции только для пополнения запасов топлива и пищи и не задерживался на космодроме ни на секунду. Варден летал чаще и дальше, чем любой другой разведчик, и был абсолютным рекордсменом по числу открытий. Однако, к несчастью для начальства, он не утруждал себя всякой рутинной работой, что сильно осложняло жизнь последующим экспедициям. Нельзя сказать, чтобы Варден полностью ею пренебрегал — просто он передавал всю дополнительную информацию, когда ему вздумается, и, как правило, с опозданием на многие годы.

И когда однажды от Вардена пришло лаконичное сообщение: «4ПП», научный мир возликовал. Еще бы, целых четыре пригодные для жизни планеты, да еще в одной системе. Это противоречило всем законам теории

вероятности. Затаив дыхание, центр ждал, как же этот оригинал назовет свое детище.

И наконец дождался.

Рапорт подтвердил самые худшие опасения. Чем дальше от людей был Варден, тем короче и непонятнее выглядели его сообщения.

— Харон, — говорилось в первом отчете. — Похож на АД.

— Лилит, — значилось далее. — Змея в траве.

— Цербер, — нарек Варден третью планету. — Собачье место.

И наконец, последние разведанные:

— Медуза. Можно окаменеть от одного только взгляда на нее.

Затем сообщались координаты и другие данные, подтверждавшие, что Варден провел дистанционное обследование, а в конце донесения стояли символы «ZZ», которые повергли всю Конфедерацию в еще большее смятение. Эти буквы означали, что исследование новых территорий потребует исключительной осторожности.

Так как Сумасшедший Варден не потрудились сообщить подробности, в конце концов решено было организовать обычную экспедицию с особыми мерами предосторожности. В нее входили двести самых опытных исследователей и четыре больших, вооруженных до зубов крейсера.

Самое неприятное было то, что варденовские описания, несмотря на свою краткость, почти всегда оказывались верными, но понять, что именно он имел в виду, можно было только на собственном опыте и, как правило, с большим опозданием.

Увиденное потрясло всех: вокруг огромной звезды F-типа обращались одиннадцать газовых гигантов, восемь из которых обладали величественными системами колец, а также множество комет, астероидов и несколько планет поменьше, не представляющих никакой ценности. Обещанное сокровище таилось внутри системы.

В удивительной близости от звезды обращались четыре прекрасные планеты, четыре жемчужины, атмосферы которых изобиловали кислородом, азотом и водой.

В момент прибытия планеты находились под прямыми углами друг к другу, образуя гигантский четырехугольник. Название Ромб Вардена сразу же закрепилось за ним, хотя все понимали, что это простое совпадение. За два столетия, прошедших после открытия, странное положение ни разу не повторилось.

Само собой, сразу же возникло предположение, что Ромб Вардена — искусственное сооружение. Памятуя о предостережении автора открытия, исследовательская группа с крайним пристрастием и придирчивостью взялась за работу.

Атмосфера Харона, ближайшей к местному солнцу планеты, была очень горячей и влажной. Здесь то и дело шли настоящие тропические ливни, а в животном мире явно доминировали рептилии, в основном динозавроподобные. Большую часть планеты занимали моря, и, хотя подобный мир трудно назвать гостеприимным, человек вполне мог здесь освоиться.

Следующее небесное тело, Лилит, было идеальным примером пригодной для обитания планеты земного типа. Чуть меньше Харона, она тоже примерно на семьдесят процентов была покрыта водой, но ее температурный режим оказался куда комфортнее. Между невысокими горами лежали широкие долины и редкие болотца. Из-за незначительного угла оси вращения смена времен года здесь практически не ощущалась и, несмотря на жару, погода стояла почти курортная. На Лилит господствовали голубой и зеленый цвета, а богатейшая растительная жизнь незначительно отличалась от привычной человеку. В животном мире царили насекомобразные — от совсем крошечных до огромных, размером с бегемота. Как правило, они были безвредны, а иные даже полезны. В общем, Лилит идеально подхо-

дила для человека и к тому же не таила в себе никаких опасностей — по крайней мере на первый взгляд.

Цербер был более суров. Здесь сезонные изменения прослеживались очень четко, но перепады температур были вполне терпимы, и пространства для жизни вполне хватало — точнее, хватило бы, если бы всю без остатка поверхность планеты не покрывал океан, в котором развивалась необычная растительная жизнь — гигантские деревья поднимались со дна и уходили далеко в небо. Огромные колонии таких деревьев образовывали большие участки тверди, отдаленно напоминающей почву. В глубинах вод, судя по всему, обитали опасные и коварные хищники. Жизнь на такой планете не предвещала ничего хорошего, и в отношении Цербера опасения Вардена, похоже, были вполне оправданны.

Самая дальняя планета, Медуза, напоминала каменистую пустыню, где свирепствовал лютый холод. Замерзшие моря лежали под толстым слоем нестерпимо блестящего снега. Зато на Медузе шла активная вулканическая деятельность. Кое-где росли леса, но в основном преобладала тундра. После Лилит Медуза производила мрачноватое впечатление, однако на Земле люди когда-то жили и в более суровых условиях. И не просто жили, а тяжелейшим упорным трудом закладывали кирпичики в здание цивилизации. Впрочем, Варден и тут оказался прав — чтобы жить в таком месте, нужны стальная воля и поистине каменное сердце.

Естественно, для основной базы ученые выбрали Лилит. Они разбили лагерь на большом острове посреди тропической лагуны и через неделю, проведя предварительные изыскания, отправились на остальные три планеты.

По инструкции, исследователи должны были провести в полной изоляции не менее года; у них имелись средства для межпланетных перелетов, но контакты с внешним миром полностью исключались — риск был слишком велик.

Однако не прошло и полгода, как притаившаяся во влажных джунглях опасность, о которой предупреждал Варден, наконец проявила себя.

Ученые, разумеется, дали им сложное и труднопроизносимое название, но все называли их просто «микроорганизмы Вардена», или даже «твари Вардена». Это были крошечные, неживые в привычном смысле образования; долгое время об их существовании даже не подозревали, так как обнаружить их традиционными способами невозможно, а когда наконец открыли, было уже поздно. Микроорганизмы Вардена оказались вездесущи — их колонии имелись в каждой молекуле, являясь частью ее внутренней структуры. Они не были разумны — столь крошечное существо в принципе не может обладать разумом, — но обитали повсюду и полностью соответствовали своему назначению: выискивать молекулы, не содержащие микроорганизмов, и разрушать их. В результате через полгода все предметы быта и оборудование ученых превратились в пыль, включая и личную одежду. Микроорганизмы пожрали всю синтетику, а другой материал в космосе не использовался. Уцелела только органика: то есть люди, в чьи клетки микроорганизмы проникли и поселились там, а также некоторые привезенные с Земли растения. Внедрившись в человеческий организм, эти твари брали на себя управление всеми процессами, происходящими в клетках, вступая в тесные и в принципе взаимовыгодные отношения с организмом-носителем. Шестьдесят два ошеломленных исследователя отныне могли не беспокоиться о своем здоровье — теперь их оберегали микроорганизмы Вардена и, надо сказать, делали это весьма эффективно.

Благодаря исследовательским группам, отправившимся с базы на другие планеты Ромба, микроорганизмы попали и туда и продемонстрировали там удивительную приспособляемость. К примеру, на Медузе они ус-

пешно адаптировали сначала людей, а потом привозную флору и фауну к местным условиям, чем в конечном итоге обеспечили собственное выживание. На Цербере и Хароне бактерии нарушили экологическое равновесие в желаемом для них направлении; это, в свою очередь, привело к мутации местных форм жизни. Однако твари справились и с этой проблемой.

На борьбу с новой напастью были брошены все силы, но, к сожалению, безуспешно. Микроорганизмы Вардена столь сильно модифицировали организмы-носители, что те уже не могли существовать без них. Инфицированный человек был не в состоянии жить за пределами Ромба — при удалении на определенное расстояние от него он погибал в страшных муках. Люди могли путешествовать от одной планеты системы к другой, но оставались вечными пленниками Ромба.

Лучшей тюрьмы и не придумать.

Естественно, первыми узниками Ромба Вардена стали члены злополучной экспедиции, а за ними — элита криминального мира. За двести лет туземное население Ромба — потомки первых поселенцев — значительно возросло, но сливки общества по-прежнему составляли уголовники, в изобилии поставляемые со всех обитаемых планет Конфедерации. Став в некотором роде инопланетянами, они быстро растеряли остатки прежней лояльности к человечеству и первым делом установили строжайший контроль над местными планетами. Они быстро сообразили, что Ромб Вардена является не столько идеальной тюрьмой, сколько полностью свободным от гнета Конфедерации местом, которое отныне целиком в их распоряжении. Уголовники прибрали к рукам весь Ромб, а любой агент Конфедерации моментально инфицировался и в конце концов превращался в одного из тех, с кем должен был бороться.

Старые друзья-подельщики арестантов, оставшиеся Извне, немедленно смекнули, что Ромб Вардена — за исключением Лилит — идеальное место для хранения краденого. Здесь можно было спрятать даже «Мону Лизу», тем более что органическим материалам шедевра разрушение не грозило. Ромб Вардена постепенно превращался в огромный музей.

Правители четырех планет — лучшие из лучших, сумевшие в жесточайшей борьбе победить коварнейших противников, — приобрели неслыханное влияние уже не только в самом Ромбе, но и далеко за его пределами, то есть в Конфедерации. Могуущественнее их, пожалуй, не было вообще никого.

Они носили титулы Властителей Ромба и были готовы на все, лишь бы отомстить тем, кто сделал их изгоями.

И вот теперь выяснилось, что какие-то никому не известные инопланетяне занялись шпионажем задолго до того, как люди узнали об их существовании. Судя по всему, они проверили обороноспособность Конфедерации и убедились в ее военном могуществе. Люди уже не впервые сталкивались с внеземными цивилизациями и хорошо понимали, что вооруженный конфликт неминуем, однако уверенности в его исходе не было ни у тех, ни у других, и инопланетяне совершили необычный тактический ход — они пошли на контакт с Четырьмя Властителями и получили тем самым огромное преимущество.

Властители Ромба, обладающие передовой техникой инопланетян в сочетании с собственным богатым опытом и связями со всем уголовным миром Конфедерации, теперь представляли серьезную угрозу. Отныне инопланетяне могли оставаться в тени и загребать жар чужими руками.

— Да, это действительно проблема, — сочувственно произнес молодой человек. — У вас нет своих людей на Ромбе, а они, пользуясь этим, продали нас прищельцам.

— Совершенно верно, — кивнул Крег. — Теперь вы понимаете, какая складывается ситуация? Разумеется, мы готовим людей к засылке, но трудно утверждать, что они стопроцентно надежны, и любой из них не задумываясь перережет вам глотку, если ему это будет выгодно... Тем не менее мы смогли их зацепить — небольшими услугами, поблажками, а иногда даже шантажом и давлением на ближайших родственников. В общем, определенные стимулы нашлись, но их недостаточно, особенно если вспомнить, как Четыре Властителя поступают с изменниками. Наше единственное преимущество в том, что Ромб пока еще слабо заселен. Тотальный контроль там отсутствует, и на каждой планете существуют противоборствующие социальные структуры и иерархии.

Молодой человек кивнул.

— Кажется, я понимаю, куда вы клоните, — сказал он. — Однако вспомните судьбу предыдущих агентов. Я предпочел бы работать в одиночку.

— Ну, все не так уж и мрачно, — ухмыльнулся Командор. — Вы чертовски хороший детектив и сами это знаете. Вам предстоит выследить противника и нанести удар там, где никому еще не удавалось побывать дважды. Перехитрить самые мощные компьютеры и самые проникательные уголовные мозги; а ведь вы самый молодой инспектор за всю историю Конфедерации. Короче говоря, у нас две проблемы. Во-первых, мы должны идентифицировать противника и выяснить, какими силами он располагает. Кто они, откуда пришли и чего хотят. Впрочем, может статься, мы уже опоздали. Во-вторых, необходимо нейтрализовать их наводчиков и информаторов — Четырех Властителей. У вас есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

Молодой человек задумчиво усмехнулся.

— Перекупить их у инопланетян? — предположил он. — Предложить им что-нибудь достойное...

— Мы уже над этим думали. Власти и денег у них и без нас хватает. Но мы в состоянии изолировать Ромб.

от остальной Вселенной, на сей раз действительно превратив его в капкан. Однако если раньше им нечего было противопоставить такой угрозе, то теперь, имея мощных союзников, они вполне могут попытаться. Боюсь, ими движет животная месть, а против нее мы бессильны. Даже чтобы смягчить им наказание, требуется колоссальный прорыв в исследованиях, а ученых, работающих в этом направлении, там тоже пруд пруди. У нас нет никаких козырей.

— Значит, нужно искать тех, кто контактирует непосредственно с инопланетянами. Такие наверняка есть: кто-то же должен передавать им информацию и программировать их машинки, вроде этого фантастического робота. Агент должен перехитрить связников, а, будучи добровольцем, он, конечно же, не переметнется к каким-то пришельцам неизвестного происхождения и конструкции.

— Согласен. Такой вариант вполне приемлем. Тот, кто выжил и смог жить припеваючи в таких условиях, наверняка накопил кучу информации и, естественно, не прочь ее продать. Но нам нужно время, а где его взять?

Молодой человек слегка улыбнулся:

— Это элементарно! По крайней мере теоретически. Нужно ликвидировать всех властителей — всех четверых. На их место придут другие, но мы выиграем несколько месяцев, а возможно, и лет.

— Над этим мы тоже думали, — согласился Крег, — и даже смоделировали ситуацию на компьютерах. Выдающийся детектив, лояльный режиму, доброволец и с лицензией на убийство. Таких понадобится четверо плюс координатор, так как они все будут работать самостоятельно и встречаться им нет никакого смысла. И еще несколько агентов на случай непредвиденных обстоятельств. Мы рассмотрели все кандидатуры и остановились на вас.

Молодой человек сухо усмехнулся:

— Я так и знал. А кто еще?

— Никого. Только вы.

Это был очень сложный и тщательно подготовленный проект. Охранялся он необыкновенно строго даже для Конфедерации, в Службе безопасности которой, похоже, работали одни параноики. По имени изобретателя он назывался процессом Мертон; его целью была разработка методов перемещения личности одного человека в мозг другого. Несмотря на долгие и напряженные исследования, процедура оставалась довольно грязной — новая личность не только полностью уничтожала прежнюю, но и «приживалась» лишь в тридцати процентах случаев, не больше. Остальные испытуемые погибали, и нередко в страшных мучениях. Впрочем, властям на статистику было плевать: задуманный как средство обеспечить бессмертие правителям Конфедерации и лучшим мозгам человечества, процесс Мертон теперь служил совершенно иным целям.

Личность одного из выдающихся агентов требовалось полностью записать в память компьютеров, а затем четырежды ее скопировать — причем скопировать только в интеллектуальном смысле. «Подлинник» отправлялся в глубокий космос, откуда при помощи специального компьютера должен был поддерживать постоянный ментальный контакт со своими двойниками. Двойники с вживленными в мозг органическими передатчиками засылались на Ромб Вардена вместе с обычными арестантами, но все их ощущения попадали в главный компьютер; тот, в свою очередь, преобразовывал огромные цифровые массивы в текст, который наблюдатель на борту корабля получал в форме подробного личного доклада соответствующего агента. Анализ накопленных материалов позволял сделать беспристрастные и точные выводы.

Молодой человек на мгновение замешкался:

— А что, если после всего услышанного я откажусь? Или, допустим, мой...э-э-э... альтер эго однажды вздумают действовать самостоятельно?

Командор Крег зловеще улынулся.

— Вы все-таки подумайте над моим предложением, — сказал он. — Вы обретете бессмертие — если, конечно, выполните задание. Выше награды просто не может быть. По-моему, это более чем заманчиво.

Инспектор внимательно посмотрел на него.

— Хотел бы я знать ИХ мнение... — негромко произнес он.

Четыре Властителя Ромба. Четыре невероятно могущественных и проникательных человека, которые не останутся ни перед чем. И таинственные пришельцы, способные уничтожить человечество. Итого — пять проблем, пять загадок.

Да, тут уже не до наград. Это приказ, и пути к отступлению нет.

3

Он вернулся в командный модуль на борту огромного патрульного корабля, разместившегося на внешней орбите Ромба Вардена, за пределами зоны влияния коварных микроорганизмов. Защищенный по последнему слову техники, корабль представлял собой огромный космический город, обеспечивающий не только максимальный комфорт, но и абсолютную безопасность. Однако никто из тысяч исследователей, членов экипажа и сотрудников спецслужб не имел ни малейшего представления, чем же на самом деле занимается этот человек. В командный модуль, кроме него, не могла проникнуть ни одна живая душа.

— Вы отсутствовали больше трех дней, — с затаенным упреком сообщил компьютер. — Все это время мы непрерывно получали информацию с Харона.

— Да знаю, знаю, — раздраженно бросил тот. — Мне нужно было привести мысли в порядок. Я хотел немного пообщаться с другими людьми. — Он был слегка смущен, его самолюбие было задето, однако теперь от прежнего самоуверенного молодого человека не осталось и следа: опыт, приобретенный его двойниками и на Лилит, и на Цербере, очень сильно изменил инспектора. К тому же он не просто обрабатывал донесения агентов; он переживал их наяву.

Искренняя ненависть Четырех Властителей к цивилизованному миру и самой Конфедерации подрывала буквально каждое положение в столь милом его сердцу общепринятом символе веры. Он не просто смотрел на Конфедерацию и ее устои глазами уголовников — это еще полбеды; ведь все они психопаты. Но даже он сам, попав на планеты Ромба Вардена в ипостаси своих копий, усомнился очень во многом, и вера его лишилась своего краеугольного камня, а это гораздо серьезнее.

На расстоянии Конфедерация уже не виделась рукотворным подобием вечного эдема, и смириться с кричащими противоречиями было крайне трудно. Он сильно опасался, что все это проделки нездоровой психики; предстоящий сеанс связи, который наверняка вновь поколеблет стройную гармонию мироздания, страшил, и он, прекрасно все понимая, под разными предлогами оттягивал его.

В конечном счете ему — как и любому другому на его месте — было крайне неприятно узнать, что он сделан из такого же теста, как и все остальные, и подвержен тем же чувствам, страхам и желаниям. Прежде он мнил себя непобедимым и всесильным суперменом. Отныне же это приятное заблуждение развеялось как дым...

Благодаря своим двойникам он многое переосмыслил. Раньше он был слепым орудием Конфедерации — вроде пилы, молотка или дрели; пусть даже компьютером, но все равно только орудием. Он был удобен, пока его руками эффективно решались специфические зада-

чи. И как всякое орудие, пришедшее в негодность, его без всякого сожаления однажды выкинут на свалку — на этот счет он уже не обольщался.

В тот момент, когда тайна Четырех Властителей будет раскрыта, его хладнокровно уничтожат: этот верный, преданный компьютер просто-напросто взорвет командный модуль. А самое страшное — сейчас у него уже нет выбора. Даже если он решится на самоубийство, имея его копию, они восстановят ситуацию в любой момент.

Значит, только он сам может выбраться из этой сложнейшей ситуации. В его руках судьба Конфедерации. Либо он спасет все человечество, либо самого себя — но не всех вместе.

В конце концов он все-таки пришел к компромиссу. Во-первых, найти решение загадки, а потом уже думать, как поступить с этим самым решением. Однако второе беспокоило его гораздо больше, чем сама загадка. Он начинал склоняться к мысли, что угроза инопланетного вторжения далеко не столь однозначна, как кажется на первый взгляд.

Усевшись перед большим экраном, он ненадолго задумался и неожиданно приказал:

— Покажи микроорганизм Вардена, и покрупнее.

Экран вспыхнул; на нем возникло изображение странного объекта, сделанное явно с огромным увеличением. Микроорганизм явно состоял в тесном родстве с вирусами, но чрезвычайно маленькими; у него была странная, непривычная для землян структура из крошечных линий и впадинок, как на абстрактной картине, и он мог на атомарном уровне установить контакт с любой отдельно взятой молекулой. МОЛЕКУЛОЙ! Он представлял, по сути, очень сложное органическое соединение; и это соединение, будучи в принципе не в силах изменить ни саму молекулу, ни ее свойства, тем не менее управляло ею. Разорвать связь микроорганизма и молекулы было относительно легко — он всегда помещался с краю. Впрочем, за одним исключением: в

молекуле углерода микроорганизм Вардена находился внутри. Удалите микроорганизм — и разрушится сама молекула. Синтетические материалы с искусственными химическими связями микроорганизмы Вардена, как правило, принимали за углерод, что необратимо разрушало цепочки. Синтетика превращалась в мельчайшую пыль.

В определенном смысле это обеспечивало Конфедерации неоспоримое техническое превосходство. Ромб Вардена бесконечно отстал в своем развитии, ибо его индустрия могла использовать только то сырье, которое микроорганизмы воспринимали как «натуральное». На четырех обитаемых планетах Ромба Вардена практически не было тяжелых металлов, необходимых для промышленного производства. Руда добывалась на астероидах и спутниках ближайшей планеты-гиганта, Момрата, однако это была капля в море. На планетах хватало специалистов, способных построить современный звездолет, но его просто не из чего было строить.

Впрочем, и это еще не все...

Объект на экране, по всей видимости, не мог быть живым — по крайней мере в биологическом смысле. Более того, его назначение оставалось непонятным. Все четыре планеты Ромба сильно отличались друг от друга, но на каждой существовала обычная, рациональная, основанная на углеродной органике жизнь. Конфедерация уже сталкивалась с куда более экзотическими формами, но нигде не встречала ничего подобного микроорганизмам Вардена. Они явно были чужеродным явлением. Неизвестны ни их предшественники, ни родственные формы, ни тупиковые ветви эволюционного дерева. Они были просто бессмысленны.

— А результаты дистанционного зондирования? — поинтересовался человек. — Они ведь предшествовали высадке на планеты, не так ли? Почему в них нет и намека на микроорганизмы Вардена?

— Приборы для этого не предназначены, — моментально ответил компьютер. — Сначала никто и не подозревал об их существовании. Только потом, когда исследователи заподозрили неладное, микроорганизмы были обнаружены.

— Это ведь очень просто, — заметил человек. — Предварительное исследование для того и существует, чтобы обнаружить новые, совершенно непредвиденные опасности.

— Не всегда можно ответить на незаданный вопрос, — несколько философски возразил компьютер. — Но почему это вас интересует? Уж не думаете ли вы, что микроорганизмы Вардена и есть те самые пришельцы, которых мы разыскиваем?

— Нет, разумеется, — ответил человек. — Это очень странные и необычные образования, но вряд ли они даже обладают коллективным разумом. В Конфедерации немало планет, на которых подобные микроорганизмы никого бы не удивили. Но на Лилит они просто не вписываются в экологическую систему.

— Так считают многие специалисты. Они полагают, что микроорганизмы Вардена образовались в космосе, попали на Лилит вместе с метеоритами и потом подчинили себе планету. Это одна из самых распространенных теорий.

Человек согласно кивнул:

— Но почему именно Лилит? И где доказательства, что именно люди занесли их на остальные планеты Ромба? Возможно, все четыре планеты контактировали между собой и раньше.

— Из этого следует, что микроорганизмы Вардена должны существовать на всех четырех планетах, — заметил компьютер. — Но эксперименты показывают, что это за пределами их возможностей. Кроме того, остатки деревьев не разрушались мгновенно, как на Лилит, и это неоспоримо свидетельствует о том, что раньше этих микроорганизмов здесь не было.

— Свидетельствует, свидетельствует... Ничего это не свидетельствует. Что известно об образцах растений, взятых с Лилит, а?

— Мне необходимо сделать запрос. Все образцы погибли, но тому есть множество отнюдь не мистических объяснений. Обзорное исследование местных планет не выявило ничего необычного. Многие растения оказались нейтральны к микроорганизмам и существующей биосфере; и хотя взятые с Лилит экземпляры погибли в первую очередь, то же самое в течение двух суток произошло и со всеми остальными. Это был нормальный и ожидаемый результат. Невозможно лабораторно смоделировать абсолютно все условия, существующие в естественной среде. Кроме того, ваше утверждение теперь уже недоказуемо — микроорганизмы Вардена заполнили все четыре планеты, и тут уж ничего не поделаешь.

— Однако это вполне правдоподобная и интересная гипотеза.

— Почему же? Если предположение о космическом происхождении микроорганизмов Вардена верно, а оно вполне логично и кажется наиболее справедливым; то они могли попасть на любую из четырех планет. То, что они оказались на Лилит, еще ничего не доказывает.

— Ну да, — пробормотал человек про себя. — Ну да, конечно... — Он поднялся с кресла и подошел к приборной панели. — Кто теперь?

— Харон.

— Жаль. Я предпочел бы Медузу. Мне кажется, что подтверждение моей теории находится именно там, а возможно, и дальше. Харон, по-моему, ничего не добавит к уже имеющимся фактам.

— Вы уверены?

Человек остановился и зачем-то огляделся. Черт, неужели он трусит?

Медленно повернувшись, он уселся в командирское кресло и устроился поудобнее. С панели управления выдвинулся шлем-зонд, и он осторожно надел его на го-

лову. Теперь его мозг стал частью огромного компьютера; начался прием полученной с Харона информации.

Некоторое время он плавал в тумане полугипнотического забытья, но постепенно в мозгу стали, как и раньше, формироваться расплывчатые образы. Они становились все более и более определенными, ясными, вытесняя его собственные мысли. Наркопрепараты и маленькие нейронные зонды сделали свое дело — его личность уступила место новой, в корне отличной от прежнего «я».

— Агент готов к докладу, — сообщил компьютер, направляя команду глубоко в мозг.

Проходя через управляющий компьютер, передаваемая информация преобразовывалась, сортировалась и классифицировалась, превращаясь в связный рассказ.

Включились записывающие устройства.

Человек в кресле осторожно откашлялся. Потребовалось больше трех часов, чтобы невнятное бормотание превратилось в осмысленную речь. Компьютер терпеливо ждал, пока человеческий мозг переварит невообразимые массивы информации.

Немного погодя повествование началось.

ГЛАВА 1

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

После разговора с Крегом мне предоставили несколько дней на обустройство своих личных дел — это оказалось весьма непросто, — а затем направили в клинику Службы безопасности Конфедерации. Я бывал здесь не раз, но никогда не помнил, зачем. Тамошние специалисты программировали агентов к предстоящей операции и восстанавливали их сознание по завершении ее, но наша деятельность имеет свою специфику. Я бы назвал ее сверхлегальной, ибо просто «легальная» подразумевает откровенную уголовщину, и многие наши подвиги до сих пор остаются слишком животрепещущими, чтобы разглашать их. Во избежание этого мозг агента, как правило, подвергается информационной чистке.

Кому-то такая жизнь, когда не знаешь, где был и что делал, покажется довольно странной, но у нее есть и свои преимущества. Никакому потенциальному врагу не придет в голову требовать сведений от человека, страдающего амнезией, и вне службы вам ничто не угрожает. Конечно, порой возникают определенные неудобства, но они сполна компенсируются практически неограниченными финансовыми возможностями агента Конфедерации и организованным для него комфортом. Я останавливался в самых роскошных отелях, обедал в лучших ресторанах, безудержно развлекался, — и это помогало мне сохранять форму. Я наслаждался каждым мгновением и за исключением обязательной перепод-

готовки — четырех- или шестинедельных курсов, напоминающих курсы общей военной подготовки, только более грязные и жестокие, — вел жизнь богатого повесы, далекого от житейских проблем. Собственно, цель этих регулярных занятий как раз и состояла в том, чтобы проверить — не размягчились ли ваши мозги и воля от сытого и слегка бестолкового времяпровождения. Вживленные датчики бдительно следили за состоянием вашего организма и определяли момент, когда необходимо хорошенько встряхнуться.

По первости я частенько удивлялся крайней изощренности системы встроенного контроля за здоровьем. Казалось, целый штаб Службы безопасности неуспно следит за моими дебошами и готов в любую минуту меня одернуть, но со временем я научился не обращать на это внимания.

Так что жизнь агента была прекрасной и беззаботной. Да и не только агента. Обитатели наиболее цивилизованных планет тоже оснащались подобными датчиками, только, вероятно, менее сложными — а как же иначе развитая цивилизация может контролировать своих подданных, не забывая при этом о гуманизме и правах личности?

Впрочем, наше руководство понимало, что механическое уничтожение информации — вещь крайне непрактичная: даже самому совершенному агенту необходимо учиться на собственных ошибках и накапливать опыт. Поэтому, когда наступала пора отправляться на очередное задание, вас первым делом посылали в клинику, где быстренько возвращали в мозг все, что временно в нем отсутствовало. Вот теперь вы были готовы сполна исполнить свой долг.

После такой процедуры мне всегда было не по себе — а я знал, что на сей раз процесс пройдет на гораздо более глубоком уровне. Дело не ограничится простым восстановлением памяти: во мне будет жить информация о других личностях, и не только об их созна-

ниях, но и о физиологии, то есть достаточно скрупулезная, чтобы я в случае необходимости мог стать любой из них.

Каковы же будут они, четыре новых версии моего «я»? Что будут любить? Что — ненавидеть? Все они скорее всего рождены на какой-нибудь из еще нецивилизованных планет, обитатели которой пока не успели подвергнуться полной стандартизации во имя полного равенства. Наверняка эти люди — уроженцы самых дальних границ, шахтеры, торговцы или пираты, — одним словом, те, без которых культурная экспансия совершенно невозможна. Такие люди еще обладают индивидуальностью, уверенностью в себе, творческими способностями — короче говоря, всем, без чего нельзя выжить в сложнейших ситуациях, с которыми они сталкиваются постоянно. Наше идиотическое правительство с радостью истребило бы эти неординарные личности, но, к счастью, в результате прогрессирующей уравниловки оно и само в достаточной степени деградировало, утратив необходимые для этого волю и неукротимость.

В этом, собственно, и крылась основная причина создания резервации на Ромбе Вардена. Многие первопроходцы настолько выбивались из общей массы, что одним своим существованием ставили под угрозу безопасность и стабильность цивилизации. Ситуация осложнялась еще и тем, что личность, способная разорвать устоявшиеся социальные устои, должна обладать мощным интеллектом, а значит, бороться с ней просто некому. Ромб служил весьма эффективной ловушкой для подобных индивидуумов и одновременно позволял им сохранять творческие способности. Благодаря неусыпному дистанционному контролю Конфедерация то и дело черпала что-нибудь ценное из этого неиссякаемого источника идей и открытий.

Да и уловникам там, внизу, выбирать не приходилось. Единственной альтернативой для них все равно

была только смерть, и в конце концов одаренные натуры превратились в одну из составляющих социума Конфедерации, обеспечив тем самым собственное существование.

...Проклятые зонды сводили меня с ума. Обычно вслед за легким покалыванием наступала сонливость, а через несколько минут вы просыпались уже самим собой. Но в этот раз привычный зуд внезапно перерос в нестерпимую боль, обручем сдавившую череп. Словно гигантская рука стиснула его изо всех сил, то слегка ослабляя, то возобновляя чудовищную хватку, и, вместо того чтобы забыться неглубоким сном, я потерял сознание.

Я очнулся и невольно застонал. Пульсирующая боль исчезла, но память о ней еще жила. Несколько минут я лежал неподвижно, пытаюсь собраться с мыслями, а потом, кряхтя, приподнялся и присел на краешек койки.

Воспоминания сначала отступили и тут же нахлынули вновь. Как всегда, я с удивлением припомнил свои предыдущие подвиги. Интересно, а мои заменители тоже прошли какую-нибудь подготовку? Ведь их память по окончании миссии уже не удастся очистить, как мою. Впрочем, полный объем моей ментальной информации их бы просто-напросто убил. Да и вообще, в Ромбе Бардена безвозвратно теряются и не такие секреты, и все они — в руках тех, кто умеет извлечь из них максимум выгоды.

И однако, что-то тревожило меня, какое-то маленькое несоответствие. Оглядевшись, я внезапно сообразил, в чем дело.

Я был вовсе не в клинике Службы безопасности, наоборот, очутившись в какой-то тесной каюте, правда, с до-

вольно высоким потолком. Маленькая койка, миниатюрная раковина, стандартный пищепорт. В стену вделан выдвижной сортир. И больше ничего. Или еще что-то?

Я присмотрелся повнимательнее. Так и есть. За каждым моим движением следят — а возможно, здесь существует еще и ментальный контроль. Между дверью и стеной — ни единой щели, открыть ее изнутри — нечего и думать. Тюремная камера!

И тут, к своему ужасу, я уловил слабую вибрацию — не слишком заметную и не особенно неприятную, но я прекрасно знал, что она означает. Я на борту космического корабля.

Я встал, испытав мимолетное головокружение и осмотрел свое тело. Оно оказалось на удивление маленьким, но очень гибким и, судя по всему, выносливым: при мощно развитой мускулатуре — ни грамма жира. Я обнаружил несколько шрамов, но, не считая того, что лечились они явно не медроботом, в них не было ничего экстраординарного. Кожа, естественно, смуглая; почти шоколадная. Над этим телом еще не успела надругаться благословенная гениальная инженерия. Труднее всего оказалось смириться с маленьким ростом. Потрясенный, я застыл как изваяние, а в голове крутилось:

— Я ТЕПЕРЬ НЕ Я! Я ОДИН ИЗ НИХ, МОИХ ЗАМЕНИТЕЛЕЙ!!!

Обхватив руками голову, я повалился на койку. Это невозможно! Я точно знаю, кто я, помню каждое мгновение своей жизни...

Первоначальный шок сменился гневом — гневом и бессилием. Отныне я только кукла, полномасштабная кукла, и кто-то контролирует каждое мое движение, каждую мысль. Я возненавидел его, этого кукловода, возненавидел с нечеловеческой страстью, без всякой рациональной причины. Сейчас он, в комфорте и безопасности, пристально наблюдает за мной, а когда все закончится, вернется обратно, к сытой и безмятежной жизни, а я...

Меня зашвырнут на одну из планет Ромба, как какого-нибудь преступника, заключенного на веки вечные и безо всякой надежды на амнистию. А потом? И тут меня озарило. Да мне ли этого не знать! Меня будут постоянно отслеживать и моментально прикончат, если я сболтну что-то лишнее, а по окончании миссии убьют в любом случае — просто так, для верности.

Впрочем, профессиональная подготовка уже начинала сказываться: мысли постепенно освобождались от оков паники и ужаса. Я сосредоточился на том, что мне было известно.

Контроль? Конечно. Да еще какой! Я вспомнил слова Крега о какой-то линии дистанционной связи. Ну как тебе это нравится, сукин сын? Доволен, поди?

Я вновь попытался взять себя в руки. Все это полнейшая чушь. Во-первых, я знаю, что ОН, то есть Я, думал тогда — и в этом мое преимущество. А ОН, то есть Я, да и вообще все окружающие полагали, что я проклятый выродок, которого необходимо уничтожить.

Чертовски трудно принять, что ты совсем не тот, кем себя ощущаешь, а всего лишь этакий кентавр из двух разных людей. Столь же нелегко было осознать, что твоя прошлая жизнь — пусть и в какой-то степени чужая — ушла навсегда. Отныне не будет комфортабельных планет, шумных казино и смазливых шлюшек. И денег, которыми ты так привык сорить, тоже не будет. Но пока я пребывал в прострации, ужасаясь таким потерям, мой дух уже приспосабливался к сложившейся ситуации. Именно поэтому для предстоящего задания и отбирали людей, похожих на меня, — с редкой способностью привыкать и приспосабливаться практически ко всему.

Несмотря на чужое тело, я продолжал оставаться самим собой. Индивидуальность — это память, мысли и характер человека, а отнюдь не брэнная оболочка. Это всего лишь обычная маскировка, успокаивал я себя, только на редкость совершенная. Как и тому, кто был мною на самом деле, мне казалось, что эта личность,

эти воспоминания в какой-то степени уже ничьи. Вплоть до того момента, как я поднялся с кресла в клинике, я действительно являлся кем-то другим. Старый «я», в промежутках между заданиями был ненастоящим «мною». Он, этот ничтожный хлыщ, не обладавший даже постоянным существованием, был искусственным созданием. Подлинный «я», запечатанный, словно джинн в бутылке, в памяти мощных компьютеров, выпускался на волю только в случае крайней необходимости и представлял собой не менее серьезную угрозу диктаторскому режиму Конфедерации, как и те, с кем ему предстояло бороться.

А я был славным агентом. Лучшим, как сказал Крег. Вот потому-то я здесь, в этом теле, в этой камере, на борту этого корабля. Меня не лишат памяти и не убьют, если я выполню задание. Ненависть к другому моему «я», сидящему где-то неподалеку, внезапно прошла. Когда все закончится, его мозги опять хорошенько прочистят, выкинув все мало-мальски достойные воспоминания, а возможно, просто убьют, если мы — его отражения — разузнаем слишком много даже для хорошего агента. В лучшем случае он возвратится к своей пустой, полурастительной жизни.

А я, напротив, останусь здесь и буду продолжать жить. И это будет действительно подлинный «я». Я стану даже более настоящим, чем он, мой прототип.

Впрочем, я был стреляный воробей, и время иллюзий для меня прошло. Убрать меня можно без всяких проблем, было бы желание. Достаточно мне оступиться, и они сделают это с автоматического спутника, не терзаясь излишними сомнениями, и я это прекрасно понимал. Но я понимал еще и то, что беззащитен только до тех пор, пока не овладею ситуацией и своим новым домом, теперь уже постоянным.

Но если я обыграю их, нового суперагента, чтобы обезвредить меня, сюда никто не пошлет — чтобы не

повторилась история с его предшественником. В худшем случае это поручат какому-нибудь лоху.

Впрочем, задание свое мне выполнять все равно придется — выбора у меня нет: пока занимаюсь этим, я недосыпаю для моих контролеров, а там — проживем увидим.

Как обычно, мысль о грядущей опасности подействовала на меня как наркотик. Ну что ж, головоломка разрешима и цели достижимы. Достаточно только бросить вызов и вступить в поединок, наслаждаясь своим интеллектом и физической силой. Прежде всего нужно определить степень угрозы, исходящей от пришельцев. Впрочем, меня лично она больше не касается — отныне я вечный пленник Ромба. Если пришельцы победят, Ромб Вардена выживет — как союзник в войне с Конфедерацией. Если проиграют — ну что ж, просто нынешняя ситуация продлится неопределенно долго. Значит, проблема пришельцев — сугубо интеллектуальная задача, решение которой представляет чисто спортивный интерес. Именно этим она и привлекательна.

Другая проблема — выследить местного властителя и при случае убить его — на практике может оказаться наиболее трудной: ведь мне предстоит работать в совершенно незнакомой среде и, стало быть, наверняка потребуются союзники. А это еще одна проблема. Впрочем, если удастся свалить властителя, это существенно укрепит мое социальное положение. Если же нет — все проблемы решатся автоматически. Правда, такие мысли всегда были мне ненавистны, но зато великолепно подстегивали. Организация убийства — борьба не на жизнь, а на смерть. В ней побеждает только один, и постоянно думающий о своем поражении обречен на провал.

Неожиданно мне пришло в голову, что разница между мною и властителем лишь в том, что я тружусь во имя закона, а он — или она — вопреки ему. Но, с другой стороны, здесь именно ОН является живым воплощением закона, а вот я — его нарушителем. На редкость симметричная в плане морали ситуация.

Одно только плохо: я изначально оказываюсь в невыгодном положении. Как правило, всю необходимую информацию вкладывают в агента заранее, но на этот раз обычная процедура почему-то не состоялась. Возможно, тому виной четыре различных задания. Излишние сведения существенно затруднили бы передачу информации в мозг исполнителя; придется выкручиваться самому. Да, такого и врагу не пожелаешь. Я не самым ласковым словом помянул тех, кто готовил эту операцию, и в этот момент в камере негромко прозвенел звонок. Я подошел к пищепорту, и навстречу мне выскочил горячий поднос, пластмассовая вилка и такой же нож. Стандартный тюремный сервис.

Жратва была просто отвратительной, но я и не надеялся на лучшее. Обогащенный витаминами сок, однако, оказался вполне сносным. Я оставил себя легкий стакан из неразстворимого материала, а остальное затолкал обратно в порт, и панель моментально захлопнулась.

Естественные функции организма не поддавались дистанционному контролю и вскоре настойчиво напомнили о себе. На противоположной стене под надписью «туалет» имелось небольшое вытяжное кольцо. Я потянул за него, и панель опустилась, явив моему взору небольшой зонд с тонкими, как бумага, стенками и тянувшийся от него жесткий трубопровод. Я уселся, прислонился спиной к панели и, вдохнув поглубже, расслабился.

Все произошло в момент контакта моей задницы с поверхностью сантехнического устройства — и не спрашивайте меня, каким образом, я в инженерии ни бум-бум. Это так же отвратительно, как и программирование, зато позволяет начальству общаться со мной и даже посылать зрительные образы, доступные только мне.

— Надеюсь, с первоначальным шоком вы уже справились. — Особенно потрясало то, что мои тюремщики ничего не слышат и, очевидно, не имеют о нашей беседе ни малейшего представления. — Процесс передачи информации крайне сложен, но не беспокойтесь: вы ее

получите. Мы хотели бы дать вашему мозгу достаточно времени, чтобы привыкнуть к новым условиям, но на самом деле нам приходится спешить. Начнем прямо сейчас, ибо перед вами стоит сложная и ответственная задача.

Радостное возбуждение охватило меня. Вызов, вызов...

— Вы будете действовать на Хароне, ближайшей к местному солнцу планете, — продолжал командор. — Если есть во Вселенной место, где нормальные люди становятся психами, а психи чувствуют себя, как в раю, то это Харон. Многие из того, с чем вам предстоит столкнуться, объяснить невозможно. Надо испытать это на собственной шкуре. По-настоящему научить вас ориентироваться на Хароне может только Харон.

Хотя возможности этого устройства весьма ограничены, для начала мы перешлем вам одну вещь, которая, я думаю, поможет вам, а может, наоборот, окажется совершенно бесполезной. Это физическая и административно-политическая карта планеты, настолько полная, насколько это вообще возможно.

Меня это здорово озадачило. Как столь важная в нашем деле вещь может оказаться бесполезной? Что ж это за планета? Но тут я почувствовал резкую боль, затем приступ головокружения и тошноты и внезапно понял, что полная физическая и политическая карта Харона уже у меня в мозгу.

Затем в меня потекли всевозможные сведения о планете, более подробные, чем во время обычного инструктажа. Около 42 000 километров в диаметре, Харон представлял собой практически идеальную сферу — впрочем, как и остальные планеты Ромба, что уже само по себе необычно.

Гравитационное поле у поверхности составляло 88 процентов от нормального, так что мне предстояло стать чуточку легче и прыгучее. Потребуется время,

чтобы приноровиться. Избыток кислорода в атмосфере объяснялся, видимо, ее перенасыщенностью водяными парами.

Ось вращения Харона была заметно наклонена к плоскости орбиты, что в обычных условиях привело бы к резкой смене времен года, но 158 551 000 километров, отделявших планету от раскаленной звезды F-типа, оставляли выбор лишь между жарой, сильной жарой, лютой жарой и сущим адом. На Хароне совершенно отсутствовали полярные снежные шапки, ибо разогретый океан не позволял им образоваться, но в разгар зимы в арктической и антарктической областях возникали льды, так что даже на этой раскаленной планете человек знал, что такое холод. Однако обе области были покрыты водой, и ни о каких поселениях там не могло быть и речи.

Температура на экваторе была почти на грани человеческих возможностей: зачастую она достигала шестидесяти градусов Цельсия, и к тому же уровень солнечной радиации там был слишком высок для человека. Все население Харона — примерно одиннадцать миллионов — размещалось в более высоких широтах, однако и тамошнюю температуру трудно было назвать умеренной — в наиболее населенных районах она превышала пятьдесят градусов в разгар лета и редко опускалась ниже двадцати пяти в самые холодные зимние дни. Три самых больших континента располагались непосредственно на экваторе — и по обе стороны от него — так что людям жилось, как в доменной печи. Местные сутки длились примерно двадцать девять стандартных часов, год состоял из 282 местных суток.

Один из трех континентов был сплошь покрыт горами. Под ними раскинулись огромные пустыни, где благодаря рельефу местности никогда не выпадали дожди. Два других континента покрывали густые тропические джунгли, дождь над которыми, похоже, ни-

когда не прекращался. Не слишком гостеприимное местечко, подумалось мне, особенно учитывая, что старик Варден назвал его точной копией ада. Кажется, он опять попал в самую точку. Да, нелегко будет полюбить свою новую родину.

— Харон — единственная планета в Ромбе Вардена, — продолжал Крег, — властитель которой — женщина. Не, думаю, однако, что вам удастся покорить Эолу Мэтьюз своими мужскими достоинствами. Она — настоящий гений политики, а ее упорство и цинизм поистине не знают границ. В свое время она входила в Совет Конфедерации, и многое из того, что пришельцы знают о наших политических и военных структурах, получено именно от нее. Ее подвели собственные амбиции. Эола на редкость талантливо манипулировала государственным аппаратом и ключевыми фигурами в правительстве, готовая нечто вроде государственного переворота, в результате которого она заменила бы собой весь Совет. В этом, кстати, нет ничего смешного — она была близка к цели, и только связи в высших эшелонах позволили ей избежать того, чего она заслуживала. Эолу всего лишь сослали на Ромб, где она потратила пятнадцать лет на восхождение к вершине власти; Эола стала властителем Харона четыре года назад. Ее предшественник неожиданно ушел в отставку — по видимому, она приложила к этому руку. Недооценить ее — самая страшная ошибка! В иные времена ей, вероятно, поклонялись бы как богине.

Итак, Эола Мэтьюз. Когда-то еще ребенком я слышал это имя. Тогда, по-моему, сообщили, что она умерла, и в связи с этим даже официально объявлялся траур; и вот теперь наконец-то я узнал правду. Да, противник у меня действительно чрезвычайно опасный. Я даже не удивлюсь, если красавица аристократка, образ которой всплыл из глубин моей памяти, даже после девятнадцати лет, проведенных в аду Харона, осталась по-прежнему пленительной и очаровательной.

В остальном инструктаж был вполне обычным. Я поднялся со стульчака и задвинул шпионский инструмент обратно. Послышался звук бурлящей воды, и я опять открыл устройство, вспомнив, что так и не использовал его по назначению. Вся процедура получения информации заняла не больше минуты.

Исключительно эффективно, подумалось мне. Даже мои недремлющие тюремщики, бдительно следящие за каждым моим движением, вряд ли догадывались, сколько значит теперь для меня это выдвижное приспособление.

И, слава Богу, я наконец получил хоть какие-то сведения о собственной персоне. Теперь я знал, что мой рост всего 157 сантиметров, а вес — около 46 килограммов. Одно слово — карлик. Худошавый, «гуттаперчевый», со строгими резкими чертами лица, с непропорционально большими и чересчур оттопыренными ушами, с копной густых, иссиня-черных волос, подстриженных коротко и аккуратно; тело и лицо практически гладкие — за исключением черных, сросшихся на переносице бровей. Если не считать первичных половых признаков, я вполне мог сойти за девчонку лет этак одиннадцати, а не за двадцатисемилетнего, зрелого мужика. Возможно, этим и объяснялись его преступные наклонности.

Мое новое тело принадлежало некогда Парку Лакошу, по прозвищу Мясник, о котором я недавно узнал из газетных репортажей, — под «я», разумеется, имеется в виду мое прежнее, настоящее «я». У этого парня и в самом деле имелись определенные проблемы с прекрасным полом.

Ужаснее всего оказалось то, что работал он региональным управляющим в системе колониальной администрации — только по этой причине его ловили столько времени. Он лично командовал местными полицейскими, давно готовыми схватить преступника, а также

контролировал все компьютерные базы данных и лабораторные подразделения. Судя по отчетам, Лакош был выдающимся чиновником — никаких растрат, никакой грубости или невнимания по отношению к подчиненным. Он прямо-таки лучился обаянием, но главное увлечение Парка было все-таки иным: его интерес к женщинам выражался слишком своеобразно. Он похищал их — как правило, в фермерских регионах на самой границе — отвозил в свою частную лабораторию и там увели до смерти. Он убил семнадцать девушек, прежде чем его схватили с поличным благодаря огромной дедуктивной работе, проделанной его коллегой; по иронии судьбы, именно Лакош поручил ему эту операцию.

Конечно, это хрестоматийный случай психопата. В детстве Парк, очевидно, был всеобщим посмешищем, и это изуродовало молодую неокрепшую психику. Однако ум его, надо отдать должное, остался острым и проницательным; Лакош был великолепным администратором, лучшим в своем регионе. Для границы, где людей не выхолощивают геной и культурной инженерией, это не такая уж редкость, и Парк воспользовался своим даром на всю катушку. По всем меркам цивилизованного мира он заслуживал либо смерти, либо ссылки на Ромб Вардена. Благодаря прессе о нем узнала вся Конфедерация, так что даже полностью стертый мозг и новая личность вряд ли помогли бы Лакошу избежать линчевания.

В общем, это самая подходящая кандидатура для Ромба. Да и для меня тоже, если, конечно, закрыть глаза на его прошлое. Я любил женщин традиционными способами, и если слава о подвигах Лакоша уже достигла Харона, завести друзей там будет весьма непросто. Скорее всего придется придумать себе легенду, чтобы не сильно отпугивать окружающих.

Я улегся на койку и погрузился в легкий транс, сортируя и обдумывая полученную информацию. Подроб-

ности жизни и работы Лакоша особенно важны. Свое прошлое нужно знать досконально. Мне предстояло изучить его методы, психотип, вкусы и наклонности и попытаться втиснуть свое сознание в мозг маленького тщедушного человечка, оказавшегося в большом и очень жестоком мире.

Вскоре я буду на Хароне. Ради собственной же безопасности мне необходимо быть чрезвычайно осторожным и осмотрительным. Предыдущие подвиги Лакоша — то есть мои — вполне достойны уважения любого уголовного, однако я не собирался недооценивать Эолу Мэтьюз.

ГЛАВА 2

ПРИБЫТИЕ

За временем я мог следить только по регулярным кормежкам, но путешествие, без сомнения, тянулось очень долго. Никто не собирался тратить деньги на излишнюю оперативность.

Наконец наш корабль пришвартовался к базовой станции, дрейфующей в доброй трети светового года от системы Вардена.

Я понял это по тому, что слабая вибрация — мой постоянный спутник — внезапно прекратилась. Впрочем, распорядок дня не изменился — вероятно, мои тюремщики ждали, когда наберется достаточно большая партия приговоренных, чтобы забросить их на планету одним махом. Я по-прежнему был занят сортировкой информации, периодически вспоминая, что нахожусь совсем недалеко от своего прежнего тела.

Кроме того, у меня было время поразмыслить о том, что мне вообще известно о Ромбе Вардена и о причинах, по которым он превратился в столь идеальную тюрьму. После первого же выхода на планету бактерии проникнут во все клетки моего тела и начнут контролировать весь организм. У них есть лишь одна цель — выживание, и отныне их существование неразрывно связано с моим. Моя гибель приведет к их гибели, и наоборот.

Судя по всему, им требуется некая контрольная субстанция, или что-то в этом роде, которая имеется только в системе Вардена. О ней никто ничего не знает, обнаружить ее опытным путем не удастся, но она, без со-

мнения, существует. Этой субстанции нет в воздухе — ведь между планетами Ромба курсируют челночные корабли, где вы дышите отфильтрованным воздухом без всяких последствий. Нет ее и в пище — эта гипотеза уже неоднократно проверялась. Один из бывших обитателей системы Вардена превосходно себя чувствует в полностью изолированной от внешнего мира лаборатории на борту космической станции. Но стоит кораблю отойти подальше — и человек погибает, невзирая на натуральные продукты питания и подлинную атмосферу планеты. Микроорганизмы Вардена модифицируют человеческие клетки, превращая их в удобную среду обитания. Отныне управление клеточным делением и биохимическими процессами полностью переходит к ним, и гибель микроорганизмов приводит к стихийному развитию клеток. Человек погибает в ужасных — впрочем, недолгих — мучениях. Критическое расстояние составляет примерно четверть светового года — чем и определялся выбор орбиты для базового корабля.

Природные условия на всех четырех планетах абсолютно разные. Микроорганизмы приспособлены к местным биосферам, однако — очевидно, здесь играет роль расстояние до светила, от которого они явно очень сильно зависят, — симбиозы сильно различаются. Его тип определяется тем, на какую из планет вы попали сначала, и сохраняется, даже если вы переезжаете на другую.

Складывается впечатление, будто эти твари поддерживают между собой какую-то телепатическую связь. Объяснить этого никто пока не может — ведь они не разумны; по крайней мере их поведение всегда предсказуемо, но изменения в жизнедеятельности колонии одного организма-носителя, как правило, влияют на другие. После определенной тренировки вы можете научиться управлять собственными бактериями и таким образом стать доминирующим элементом в этом сим-

биоэ. Славная, простая и справедливая система; хорошо бы еще кто-нибудь объяснил ее!

Примерно дня через три — кормили восемь раз — пол неожиданно накренился, и резкие беспорядочные толчки швырнули меня на койку, вызвав легкую тошноту. Так, стало быть, кворум есть, и нас готовятся отфутболить на поверхность планеты. С одной стороны, этот бокс, в котором царила удручающая скука, мне уже опостылел, но с другой — дорога отсюда только одна — в такую же камеру, только побольше размером и уже пожизненную.

Толчки и удары вскоре прекратились, а потом после паузы раздался мощный гул: либо мы находились на очень маленьком судне, либо моя камера располагалась по соседству с маршевыми двигателями.

Еще через девять кормежек мы наконец добрались до места. Гулкая вибрация прекратилась, и стало ясно, что мы на планетарной орбите. Во мне снова вспыхнули противоречивые чувства — безысходность, приправленная босовским весельем.

Неизвестно откуда раздался резкий дребезжащий сигнал ожившего динамика.

— Заключенные, внимание! — повелительно произнес синтезированный голос — пародия на мужской баритон с металлическими нотками. — Мы находимся на орбите планеты Харон системы Вардена.

Для меня это была не новость, но для других арестантов наверняка настоящее откровение. «Бедняги», — подумал я.

— Сейчас ваши камеры откроются, — вещал динамик, — и вы выйдете наружу. Через тридцать секунд двери закроются и начнется вакуумная стерилизация боксов — так что медлить не советую.

Хорошенькое дельце! Вряд ли кто-нибудь замешкается.

— Выйдя в коридор, вы остановитесь в указанном месте. Каждого, кто сойдет с указателей, сожжет автоматическая система безопасности. Никаких разговоров. Дальнейшие инструкции вы получите позже. Приготовиться... Марш!

Дверь скользнула в сторону, и я нырнул в образовавшееся отверстие. Маленькая белая пластинка с нарисованными пятками показывала, где нужно встать. С некоторым раздражением я подчинился. Для абсолютно голого и беспомощного человека на борту корабля, управляемого исключительно компьютером, скромность — наиболее эффективная линия поведения.

Осторожно оглядевшись, я уверился в своей правоте. Мы стояли в длинном, закрытом с обоих концов коридоре, вдоль которого тянулись двери камер. Точное количество арестантов определить было трудно, но на первый взгляд человек десять—двенадцать, не больше. Соль земли, угрюмо подумал я. Дюжина мужчин и женщин — в основном мужчин — голых, грязных и избитых. Искоса рассматривая соседей, я пытался понять, что такого нашли в них психиатры, чтобы сохранить им и жизнь, и личность одновременно? Сами заключенные, очевидно, не имели об этом ни малейшего понятия. Интересно бы узнать, кто имел.

Двери с треском захлопнулись. Я прислушался — не раздастся ли сдавленный крик, но ничего не услышал. Динамик вновь ожил.

— По моей команде, — послышался тот же голос, — вы повернетесь направо и, соблюдая дистанцию, медленно пойдете вперед. Вы попадете в челнок, который доставит вас на поверхность. Занимайте все места подряд, начиная с передних. Сразу же пристегнуться.

Кто-то тихонько выругался, и тут же из стены вырвался мощный столб света и вонзился в пол у самых ног нарушителя — для устрашения. Ворчание мгновенно стихло.

После небольшой паузы голос скомандовал:

— Напр-ра-а-а-ВО!

Мы немедленно подчинились.

— По одному, вперед — шагом марш!

В гробовом молчании мы осторожно двинулись вперед.

Холодный металлический пол обжигал ступни — впрочем, здесь вообще царила жуткая стужа, как в хо-рошем морозильнике.

Челнок неожиданно оказался удобным и вполне современным, хотя жесткие кресла явно не предназначались для голых задниц. Я уселся в четвертом ряду и сразу же пристегнулся. Мое беглое впечатление оказалось верным — заключенных было одиннадцать человек.

Люк автоматически закрылся, перегрузка бесцеремонно вдавила нас в кресла, и челнок устремился к планете, унося обреченных навстречу судьбе.

Для тюремного транспорта корабль подозрительно хорош, с подозрением отметил я. Очевидно, один из тех, что регулярно курсируют между планетами Ромба.

Динамики захрипели, а затем раздался приятный женский голос. Я сразу же почувствовал себя гораздо лучше.

— Добро пожаловать на Харон, — проворковала невидимка словно от чистого сердца. — Вам, по-видимому, не надо объяснять, что Харон — конечный пункт путешествия и ваш новый дом. Хотя отныне вы не можете покинуть систему Ромба Вардена, зато автоматически перестаете быть заключенными и становитесь гражданами Ромба. Вы не подчиняетесь юрисдикции Конфедерации уже на борту нашего корабля — коллективной собственности Ромба Вардена, флот которого насчитывает четыре пассажирских челнока и шестнадцать грузовых транспортов. Совет системы — официальная инстанция, осуществляющая управление Ромбом. Мы признаны суверенным субъектом Конфедерации и даже аккредитованы на Всеобщем Съезде Конфедерации. Каждая из четырех планет обладает собст-

венной административной системой управления, независимой от остальных. Отныне вы начинаете новую жизнь, и ваше прошлое не имеет никакого значения. В расчет будет приниматься только ваша деятельность в качестве граждан Харона.

Голос на мгновение умолк, давая возможность ошеломленным пассажирам прийти в себя. Огромный контраст в социальном положении все восприняли как нечто чрезвычайное.

— Через пять минут мы совершим посадку в космопорту Хонуф, — вновь сообщил динамик. — Там вас встретит представитель администрации, который выдаст вам одежду, доставит в ближайший центр первоначальной подготовки и ответит на интересующие вас вопросы. Здесь у нас очень жарко и влажно, а уровень техники намного ниже, чем, вероятно, кое-кто из вас думает. В общем, Харон очень напоминает хорошо известную вам границу — однако вас ждут и кое-какие сюрпризы. Но не спешите расстраиваться — здесь есть свои преимущества. Итак, милости просим.

До самой посадки никто не обронил ни слова — отчасти от того, что произошло на корабле, отчасти из-за нервного потрясения, вызванного только что услышанным, заключил я.

Челнок стремительно шел на снижение; в плотных слоях атмосферы корпус часто содрогался, но в целом полет проходил на удивление плавно. Затем аппарат выровнялся и мягко опустился точно в посадочный док.

Не прошло и минуты, как послышался свист воздуха, наполняющего шлюзовую камеру; индикатор постепенно сменил цвет с красного на оранжевый, а потом на зеленый. Легкое шипение — и люк плавно открылся.

В первое мгновение никто не двинулся, но затем сидевшие рядом с выходом поднялись и вышли; я последовал за ними.

Причальная палуба выглядела вполне современно; кондиционеры работали превосходно. Два обыкновен-

ных с виду человека, мужчина и женщина, уже поджидали нас. Они были в темных трикотажных рубашках и шортах; на ногах — сандалии на толстой резиновой подошве. Эта парочка больше напоминала курортников, нежели официальных представителей местных властей.

— Милости просим, — сказала женщина тем самым голосом, который мы только что слышали в челноке. Очевидно, он дистанционно управлялся с поверхности. — Подойдите к столу и выберите подходящую одежду, — добавила она деловым тоном.

Среди мужской конфекции ничего на мой рост не оказалось, и мне пришлось отправиться в женскую секцию. В этом не было ничего особенного, вряд ли мужская и женская одежда на Хароне сильно различалась, но у меня зародились определенные подозрения об источнике комплексов и проблемы ложной самоидентификации Парка Лакоша.

Несколько модифицированный пляжный костюм был, похоже, униформой в этом... как его... Хонуфе. Про себя я прикидывал, является ли его материал также и водоотталкивающим.

Одевшись и поджидая остальных, я внезапно осознал, где нахожусь. Это действительно был Харон, и с того самого момента, как люк транспортного челнока приоткрылся, в меня проникли мириады микроорганизмов, которые отныне стали моими тюремщиками.

ГЛАВА 3

ОРИЕНТИРОВКА И АНАЛИЗ СИТУАЦИИ

Облачившись, мы столпились вокруг наших провожатых.

— А теперь — внимание! — выкрикнул мужчина; барабнящий по крыше ливень почти заглушил его слова. — Сейчас мы отправляемся в город — ваше временное место жительства. Я искренне рекомендую вам не отставать от нас ни на шаг, так как новичок на Хароне может погибнуть в два счета. В городе нет механического транспорта, поэтому мы поедем на гужевых экипажах, которые ждут снаружи. Не зевайте и быстро прыгайте в ближайший.

— А как же зонтики? — спросил кто-то. Мужчина с женщиной еле заметно усмехнулись, но промолчали.

Внезапно я очень остро осознал свою физическую ущербность: все мои товарищи по несчастью были намного выше меня, так что наши провожатые то и дело пропадали из виду за их широкими спинами. Очень неприятное ощущение.

— Пошли! — окликнула нас женщина. — Только не пытайтесь бежать — на обуви есть специальное покрытие, но все равно вы тут же поскользнетесь с непривычки. — Оба харонианца повернулись и направились к выходу. Первым шел мужчина, а женщина замыкала колонну.

Снаружи оказалось совсем не так страшно, как я предполагал, правда, было невероятно жарко, как в чайнике, а ливень неистовствовал так, словно на небесах

лопнул исполинский водопровод. Дул сильный горячий ветер, и даже жесткие навесы вдоль улицы защищали слабо — мы в мгновение ока промокли до нитки. Однако то, что мы увидели у обочины, поразило нас гораздо сильнее.

В две огромные колесные повозки из какого-то похожего на дерево материала было запряжено по паре ящеров — метра по четыре, не меньше. Конечно, это были не совсем ящеры, но, безусловно, их ближайшие родственники. Стоя на двух огромных мощных лапах, они поддерживали равновесие при помощи длинного толстого хвоста. Продолговатые головы с кроваво-красными немигающими глазами наводили ужас; пасть усеивали стройные ряды острых зубов. Маленькие ручки с почти человеческими кистями были согнуты, словно в предвкушении чего-то очень приятного — или же от явной скуки. На этих «руках» — неправдоподобно уменьшенных копиях задних ног — имелось по три длинных суставчатых пальца, соединенных перепонками, отчего они смахивали на листья огромного дерева. Пальцы заканчивались изогнутыми когтями. Бросалась в глаза косолапость — характерная черта всей фауны Харона, насколько мне было известно. В отличие от обычных рептилий кожа у них была гладкой и ровной, и к тому же неожиданного на Хароне нежно-голубого цвета.

На каждой зверюге болталась хитроумная сбруя и целая система вожжей, которая могла посоперничать с нитями куклы-марионетки по количеству и сложности; она уходила в передок фургона, вздернутый непропорционально высоко. Сама кабина кучера (или водителя — трудно выбрать наиболее подходящий термин) была полностью изолирована; спереди находилось огромное ветровое стекло с не менее внушительным «дворником».

Я запрыгнул в ближайший экипаж, чуть не поскользнувшись на отполированном непрестанными дождями тротуаре. Там уже сидели пятеро моих коллег и наш

проводимый. Изнутри обитый чем-то мягким фургон выглядел вполне комфортабельным, если бы, конечно, не такое количество народу.

Дверь захлопнулась, щелкнул замок, и наш экипаж судорожными рывками двинулся в путь; вторая повозка тащилась следом. Внезапно весь комфорт куда-то улетучился; нас с невероятной силой швыряло из стороны в сторону, и наше путешествие больше напоминало плавание на углу суденышке в девятибалльный шторм, нежели поездку по твердой поверхности. Харонианец с явным удовольствием разглядывал нас, уже ощутивших первые симптомы морской болезни.

— Потерпите, скоро приедем. Приятного, конечно, мало, но для Харона это самый комфортабельный транспорт, — сообщил он.

— Но ведь это не Лилит, здесь могут работать механизмы, — проворчал сидевший рядом с ним мужчина. — Какого черта весь этот примитив?

— Некоторые действительно могут, когда ЭТО РАЗРЕШЕНО, — несколько таинственно заметил мужчина. — Собственно, наша нищета — это своеобразный компромисс, на который мы решились сознательно. Вся техника так легко заражается, что не стоит и гроша ломаного на этой проклятой планете. Поэтому гораздо надежнее отправиться на пару тысячелетий назад.

— Чуть несусветная, — пробормотал мужчина, но остальные промолчали — одни ничего не знали про Харон, другие еще не успели избавиться от подавленности.

Примерно минут через пять повозка резко затормозила; толчок был куда неприятнее, чем на старте, и я подумал, что здесь не помешало бы завести ремни безопасности. Впрочем, я еще плохо ориентировался в происходящем, не говоря уж о том, что промок до нитки и вспотел от непривычной жары.

Раздался вздох облегчения, и дверь распахнулась; в экипаж ворвался теплый ветер и громадные дождевые

брызги. Харонианец помогал нам выбраться из фургона и указывал, куда идти. Мы вновь промокли с ног до головы, грохот дождя оглушил нас, но немного погодя я вполне пришел в себя и осмотрелся.

Все рассказы о здешней нищете оказались истинной правдой. Дома, построенные из какого-то местного дерева, утопали в зелени и хотя на вид были вполне добротны, но все-таки удручающе просты и бедны. Между тротуаром и улицей, насколько хватало глаз, тянулась полоса из стеклоподобного материала, сквозь которую пробивался свет масляных ламп; от дождя их защищал черепичный навес. Несмотря на то, что влага все-таки просачивалась снизу, это была надежная водозащита. Сильные порывы ветра доносили странную прохладу.

Наш проводник, такой же мокрый, как и мы, взглянул на нас с кислой ухмылкой; очевидно, наш вид оставлял желать лучшего.

Вскоре рядом остановился второй экипаж, и к ним присоединились остальные арестанты.

— Надеюсь, такой водопад здесь не всегда? — спросил я у провожатого.

— Нет, — засмеялся он. — Обычно дождь идет час-два, но ранней весной и в конце лета он льет по двое-трое суток, и уровень воды повышается на три сантиметра в час. — Он замолчал на мгновение, давая мне возможность проникнуться сказанным. — У нас очень хорошая дренажная система.

Удивительно, подумалось мне. После трех дней такого ливня земля должна покрыться двухметровым слоем воды, не меньше.

— А сейчас какое время года? — с затаенной грустью поинтересовался кто-то.

— Середина весны, — ответил гид. — Скоро потеплеет.

К моему великому сожалению, он нисколько не лгутил.

Наша группа направилась к соседнему, по-деревенски незатейливому зданию из толстых бревен; высокий потолок подпирали такой же строганный брус. Кроме плетеных, как мне показалось, кресел и нескольких столов, почти никакой мебели внутри не было. В помещении слабо мерцали лампы — впрочем, света хватало. Пол был покрыт каким-то резиноподобным материалом, изрезанным сложным глубоким узором, — для отвода воды, сразу догадался я.

Действительно, продуманная конструкция, если пойдешь в здание не затопляется даже во время столь сильных сезонных ливней.

Мы рухнули в кресла, как будто весь день занимались изнурительным трудом. А ведь мы только немного познакомились с местным бытом жителей. Напряжение постепенно спадало, и всех начало клонить в сон.

— Это здание — городской отель, — сообщила женщина. — Мы арендовали его на несколько дней, чтобы вы могли акклиматизироваться. Комнаты наверху также зарезервированы для вас — хотя боюсь, вам придется жить по двое. Постояльцев мы немного потесним, для них отвели нижние комнаты. Здесь они пока не появятся; этот зал будет служить вам и столовой. Хотелось бы сразу посоветовать избегать горожан, которых наверняка встретите в уборной или же на лестнице. Сильно не беспокойтесь — просто не завязывайте знакомств и не вступайте ни в какие разговоры. Большинство из них — уроженцы Харона и могут вас неправильно воспринять.

Некоторые согласно закивали.

— А как насчет одежды, мы ведь промокли? — поинтересовался я.

— Мы ВСЕ промокли, — возразила женщина. — Постараемся найти что-нибудь вашего размера, но пока придется посидеть так.

Девушка, сидящая неподалеку от меня, грустно вздохнула и огляделась.

— Мне показалось, или на самом деле потянуло холодом? — спросила она.

— Это сильно сказано, — возразил мужчина, — но холодный воздух действительно циркулирует по системе трубопроводов, куда он поступает из-под земли; на Хароне существует целая сеть подземных рек, а есть еще и искусственные. Система принудительной вентиляции приводится в действие ветряными мельницами, расположенными на крышах зданий. Без нее здесь можно изжариться или просто задохнуться.

Здорово придумано, одобрил я, хотя вето на технику по-прежнему оставалось для меня загадкой. Причальная палуба космодрома была хотя и крошечной, но вполне современной. Техника в принципе могла существовать на Хароне — однако кто-то ее запретил. Мэтьюз? Нет, она пришла к власти недавно и просто не успела бы. Да и внешний вид города свидетельствует, что уже не одно поколение горожан выросло, не имея ни малейшего представления о механизации. Впрочем, судя по тому, что я слышал о Цербере, здесь то же самое. Подобное табу имеет смысл, если претворить его в жизнь на всей планете. Будь властитель Цербера и его (или ее) люди технически грамотны, вся планета оказалась бы под их неусыпным контролем.

— Вы можете пройти в свои комнаты, — предложил проводник, и одуревшая от жары девушка радостно вздохнула, — и немного привести себя в порядок. Там, кстати, вы найдете и сухую одежду. Поднимайтесь наверх, занимайте комнаты — на двоих — знакомьтесь; мы встретимся с вами здесь же, например, во время трапезы. Часов у вас, конечно, нет, но будьте уверены — вы об этом узнаете.

Мы прошли в конец помещения и обнаружили в незаметной нише винтовую деревянную лестницу. Из-за дверей за нишей доносились громкие голоса и запах готовящейся еды. Что это — бар? Ресторан? Ну да ладно, пока не важно.

Толпа двинула наверх, а я малость поотстал, надеясь, что, учитывая нечетное число арестантов, мне удастся обойтись без соседа.

Однако мне не повезло. Здоровенный мужик, который все время отпускал саркастические комментарии, нагло занял отдельную комнату; перечить ему почему-то никто не решился. Все остальные, включая двух женщин, разбрелись парами по комнатам, и вскоре на лестнице остались только мы с той самой девицей. Стоя в конце коридора, она сконфуженно поглядывала на меня. Осторожно открыв последнюю комнату, заглянула туда, но, услышав мои шаги, повернулась. По выражению ее лица я понял, что наше неожиданное соседство несколько ее не смущает.

— Придется нам познакомиться поближе, — заметил я.

Немного поразмыслив, незнакомка решительно вздохнула.

— А что я могу сделать, черт побери? — поинтересовалась она.

— Большое спасибо, — утрюмо ответил я и вошел в комнату. В центре ее стояли две широкие, удобные кровати, имелся туалет и даже умывальник, что меня особенно порадовало, — я уже приготовился бегать за водой к какому-нибудь колодцу. Кровати не были заправлены, однако у каждой в изголовье лежали стопки чистого белья, полотенце и, как и было обещано, сухой одежды.

Увидев легкое замешательство моей соседки, я неожиданно проникся к ней некоторой симпатией:

— Послушайте, если мое присутствие вас смущает, я зайду в туалет, пока вы будете переодеваться. С моим ростом там вполне можно даже жить.

— Нет, не стоит, — ответила она. — Ведь мы уже видели друг друга голыми — в челноке.

Я утвердительно кивнул и, стянув с себя промокшую одежду, повесил ее на вешалку, а затем изо всех сил растер все тело, особенно волосы, полотенцем; моя

пышная шевелюра превратилась в спутанную копну. Затем я примерил одежду. Как я и думал, она оказалась великовата — я и здесь не соответствовал стандартам. Однако это меня уже не беспокоило.

Девушка тем временем внимательно меня разглядывала, и я начал подозревать, что она узнала Парка Лакоша.

— Что-нибудь не так? — поинтересовался я.

Она молчала, словно не слыша. Я уж подумал, что девушка несколько не в себе, как вдруг она глубоко вздохнула и посмотрела мне в глаза:

— Простите, но мне до сих пор трудно осознать происходящее. Порой кажется, что это просто дурной сон, и нужно только проснуться — и все пройдет.

Я сочувственно покачал головой:

— Да, я чувствую почти то же самое, но боюсь, от этого кошмара нам уже не избавиться. Сами видите — вы живы, остаетесь самой собой и все происходит наяву. Это просто начало совершенно новой жизни. И вовсе не такое уж плохое, как могло бы быть.

Ну да, конечно. Она наверняка родом с цивилизованной планеты и в глаза не видела Границы. Знакомый мир, который она вряд ли любила, но с которым сроднилась, ушел навсегда. Что ж, это может пригодиться в дальнейшем.

Девушка прошлась по комнате и уселась на краешек своей кровати.

— Что же теперь делать? — потрясенно сказала она. — По-моему, даже смерть лучше, чем ЭТО.

— Нет, смерть никогда не бывает лучше жизни. Сами посудите, люди, подобные вам, в Конфедерации редкость. Сюда нас попало всего одиннадцать, а сколько человек осудили за это время? Сотни? Тысячи? Все мы обладаем чем-то таким, что они боятся потерять навсегда. Наша судьба косвенно подтверждает — мы были лучшими людьми во всей Конфедерации.

— Ну да, наверное, — откликнулась она. — Впрочем, нет, не знаю. Я просто ничего не понимаю. Про-

вести остаток жизни в этой гнилой дыре... — Она вновь взглянула мне прямо в глаза. — А чем прославились лично вы? За что вашу жизнь предпочли сохранить именно таким образом?

Ну вот — начался допрос с пристрастием. Я решил играть как можно мягче и осторожнее.

— Вы же знаете, что не в ваших силах заставить меня отвечать.

Девушка обиженно вздохнула и принялась избавляться от промокшей одежды.

— Что, стыдно? — спросила она. — Превосходно. А я вот никогда об этом не думаю.

— Неужели вам безразлично?

Несколько мгновений она расчесывала волосы и молчала.

— Да нет, не совсем. Кстати, меня зовут Зала Эмбуэй.

— Парк Лакош, — представился я и внутренне напрыгся. Слишком уж о нем — то есть обо мне — были наслышаны во всех закоулках Конфедерации.

Девушка и бровью не повела. Ну что ж, отлично. Это уже плюс.

— Так вы, Парк Лакош, тоже были уголовником?

Я пожал плечами:

— Как и все мы.

— Ну, нет, — она отрицательно покачала головой, — по крайней мере, не я. Возможно, я единственный человек во Вселенной, ни за что сосланный на Ромб Вардена.

К таким словам трудно было отнестись всерьез.

— В самом деле?

Она кивнула:

— Вы никогда не слышали о семействе Траяна?

Теперь наступил мой черед изобразить полную неосведомленность.

— Понятия не имею.

— Траяны — видные политические деятели планеты Таккана. Неужели не слышали?

— Нет.

— Но вы хотя бы представляете, что значит принадлежать к такому клану?

Я-то представлял это очень хорошо, но Парк Лакош был слишком далек от цивилизации.

— Немного, — ответил я. — Видите ли, я ведь жил на Границе. Мне доводилось бывать на цивилизованных планетах, однако по-настоящему я их не знаю.

— Так я и думала. Значит, вы гораздо лучше подготовлены к здешней жизни.

— Граница отнюдь не столь дика и примитивна, как вам кажется, — возразил я. — По сравнению с цивилизованными планетами — возможно, но того, что здесь, там не встретишь. Знаете, разница между вами и мной — ничто по сравнению с тем, что отличает нас от местных жителей.

Не уверен, согласилась ли Зала с моими банальностями, но возражать не стала.

— Так вот, — продолжила она, — я выросла в правительственной резиденции, и детство мое протекало безмятежно; меня ожидала великолепная карьера администратора. Все складывалось прекрасно, пока однажды не нагрянули сотрудники Службы безопасности и не арестовали женщину, работавшую моей матерью, и меня.

Стоит ли пояснять ее слова? Все люди на цивилизованных планетах были продуктом высочайшего совершенства и виртуозности генной инженерии и появились на свет лабораторным путем, *in vitro*, с заранее определенным характером, судьбой и профессией. Каждый крупный чиновник с цивилизованной планеты имел так называемую Семью, и в пятилетнем возрасте дети передавались на воспитание специально назначенному члену этой ячейки социума.

— И почему же? — поинтересовался я, пытаясь тем временем вспомнить, где же находится эта Таканна.

— Ее обвинили в генетических махинациях, — пояснила Зала. — Они утверждали, что я особый ПРОДУКТ — незаконно созданный и рожденный.

Я внимательно слушал. Вот так интрига.

— На вид вы совершенно нормальная, — заверил я. — Может, они нашли скрытые рецессивные гены?

— В том-то и дело! Они ничего не объяснили! Только сказали, что для моего же блага мне лучше остаться в полном неведении. Это просто ужасно. А как бы вы себя чувствовали, если бы вас вдруг обозвали уродом и попросили поверить на слово?

— Неужели у вас нет никаких зацепок? И мать тоже ничего не заметила?

— Абсолютно. Я вспомнила все свое детство, буквально по минутам, но не нашла ничего подозрительного или необычного. Наверное, все это из-за того, что административная работа казалась мне удивительно скучной, но ведь она и на самом деле такая. Кроме того, после ареста я больше не видела своей матери и вообще никого, кто пролил бы свет на эту историю.

— И только поэтому вас сослали сюда?

Она обреченно кивнула:

— Мне объяснили, что я никогда бы не смогла приспособиться к жизни на цивилизованной планете, а потом вынесли приговор — и вот я здесь.

Я не сводил с нее глаз и уже пришел к некоторым выводам. Конечно, рассказ ее необычен, но тем не менее искренен. Да, ЭТО очень похоже на Конфедерацию. Интересно, почему ей просто не стерли память; генов, ответственных за преступные наклонности, не существует, однако определенные изменения в производстве гормонов и ферментов самым серьезным образом сказываются на физическом и интеллектуальном развитии человека, вызывая всевозможные отклонения — от неконтролируемой раздражительности до шизофрении. Если она не лжет, то я оказался в одной компании с бомбой замедленного действия. Но, с другой стороны, если она узнает правду о Парке Лакоше — мы квиты.

— Ладно, — сказал я, — если вас это хоть немного успокоит, знайте: я тоже один из таких уродов; впрочем, это видно и так. На Границе, где людям приходится тяжело, немало таких, как я. Кстати, и дети там появляются на свет по старинке — от отца и матери. Когда я сказал «таких, как я», то имел в виду не точные копии; просто там очень много неординарных личностей.

— Да, вы и впрямь выглядите необычно, — осторожно заметила Зала. — Я думала, что люди на Границе сплошь огромные и волосатые.

Я усмехнулся:

— Это не совсем верно, хотя и таких карликов тоже единицы. Скажите, кем я вам кажусь? Сколько, по-вашему, мне лет?

Моя соседка ненадолго задумалась.

— Ну, — выдавила наконец она, — вы наверняка намного старше, что, кстати, явствует и из ваших слов, но, чтобы не соврать, вы похожи на...

— На десятилетнюю девочку, да?

Зала облегченно вздохнула:

— Да. Но это, конечно, не так. Да и ваш голос подтверждает то же.

Ее слова были для меня полной неожиданностью — собственный голос казался мне резким, но никак не ниже тенора. (Слава Богу, что Крег не забыл вложить в меня всю эту информацию. Теперь я еще лучше понимал Парка Лакоша.)

— На самом деле мне двадцать семь, — признался я, — а выгляжу на двенадцать. Даже половое созревание на мне никак не сказалось — разве что голос стал немного ниже, и все. И вообще это произошло очень поздно, лет в шестнадцать. Все считали меня настоящим уродом, хотя, будь у нас современная медицина, думаю, она могла бы мне помочь. Меня назвали гермафродитом.

— Э-э-э... Вы хотите сказать, что у вас половые органы и мужчины, и женщины?

— Нет, что вы! Я нормальный мужчина, но, вероятно, единственный, у кого это ясно только по голосу. Физиологически процесс моего полового становления еще не завершен — я могу стать кем угодно, но общество в сочетании с медициной нарушили это равновесие, и в результате перед вами — чудовище. А вообще-то я мог бы — с минимальным хирургическим вмешательством — стать женщиной.

Бедный Лакош, я все сильнее проникался к нему сочувствием.

Совершенно сбитый с толку относительно своей половой принадлежности, он оказался в плену у общественных предрассудков, навсегда оставшись маленьким и женоподобным. Следствие установило, что он переодевался маленькой девочкой, когда искал очередную жертву. Неудивительно, что он рехнулся. Сомневаюсь, помогла бы ему перемена пола, но теперь все это не имеет значения — он выбрал свой путь, и семнадцать трупов уже никому не вернуть к жизни.

— Да, мы и впрямь чем-то похожи, — очаровательным голосом проворковала Зала. — И вы, и я — настоящие уроды, жертвы генетических отклонений. С одной лишь разницей — вы знаете, в чем ваша беда, а я — нет. А хотелось бы.

Я утвердительно кивнул.

— Может, микроорганизмы Вардена помогут вам. Они на это способны.

Мои слова тотчас отрезвили ее.

— О Боже, я совсем про них забыла... Я совершенно ничего не чувствую... никакой инфекции...

— Ее никто не чувствует, но тем не менее она есть. Держу пари, мы уже заражены этой дрянью.

Внезапно успокоившись, Зала без всякого перехода вернулась к прерванному разговору.

— Слушай, Парк.

— М-м-м?

— А за что ты попал сюда?

Я печально вздохнул:

— Теперь все в прошлом. У меня, понимаешь ли, было что-то с психикой — по многим причинам, в том числе и из-за физических изъятий. Но сейчас я полностью здоров. Жаль, досталось это дорогой ценой. Там, дома, я жил как в аду, а здесь я пусть и заключенный, но зато в ладу с самим собой — впервые в жизни. Кстати, я работал региональным администратором, так что нас действительно что-то роднит.

— Но почему не хочешь рассказать о своем преступлении?

Я еще раз вздохнул:

— Потому что после этого ты не сможешь заснуть со мной в одной комнате.

Она ненадолго задумалась:

— Ты... ты убил кого-нибудь?

Я кивнул.

— Женщину?

Я молча потупился.

Зала немного поколебалась.

— И что, не одну?

Мне ничего не оставалось, как вновь подтвердить ее худшие опасения.

— Много?

Глубоко вздохнув, я приподнялся на кровати:

— Слушай, не будем играть в угадку. Я стараюсь забыть о прошлом. Порой мне кажется, что теперь я совершенно другой человек, Зала. Это была какая-то ужасная болезнь, сумасшествие, полное помрачение рассудка. Вспоминая об этом, я испытываю такое отвращение, какого, наверное, не чувствует никто. Могу поклясться, что моя ссылка сюда, на Харон, — надежная гарантия полного выздоровления; в противном случае мою личность просто бы уничтожили. Меня вполне можно вернуть обратно в общество, однако мои злодеяния столь ужасны, а облик столь узнаваем, что меня линчевали бы в первый же день. Ромб для меня — един-

ственный выход, и я — хочешь верь, хочешь нет — теперь вполне удовлетворен. Впервые у меня появился шанс стать нормальным человеком — а мне это чрезвычайно важно. Пусть даже здесь, в этой Тмутаракани.

Зала улыбнулась.

— Значит, тебя ждет проверка на прочность, — резюмировала она. — В любом случае я ничего не теряю; если ты соврал и прикончишь меня, то хотя бы этот кошмар наконец-то прекратится. Если ты сказал правду, то мы оба об этом узнаем и — на все воля Божья — поможем друг другу выжить в этом аду.

— Спасибо, — искренне ответил я. В конце концов даже временный союз лучше, чем никакой. Мне, правда, действительно предстояло убить женщину, но не Залу Эмбузй.

Вскоре в дверь постучали, и мы спустились по скрипучей лестнице. Внизу было, как в бане, да и вид наш был под стать температуре. Я то и дело путался в своей великоватой одежде, но, слава Богу, ни разу не споткнулся.

Наши гиды в свежих черных одеяниях того же покроя, что и у нас, с чопорным видом уже поджидали внизу. В центре зала стоял накрытый на одиннадцать персон стол.

Пища была натуральной, хотя и несколько необычной на вкус. Я не стал изучать меню, ибо был твердо убежден, что насчет названия и происхождения некоторых блюд лучше остаться в неведении. Для шести заключенных, попавших сюда с цивилизованных планет, в том числе и для Залы, это было первое в жизни не синтетическое и приготовленное не компьютером кушанье; остальные ели просто с хорошим аппетитом. Мне действительно не очень хотелось вникать в кулинарные секреты, однако надо отдать должное — приго-

товлено все было отменно. Хоть на кормежку здесь не придется жаловаться, мимоходом подумал я.

Наши провожатые либо уже поели, либо собирались трапезничать позднее. Не обращая на нас внимания, они устанавливали в зале стенды с какими-то планами и картами.

Поев, мы приготовились слушать лекцию. Я заметил, что все сразу забеспокоились. Начал мужчина.

— Меня зовут Гарал, — представился он, — а мою спутницу — Тилиар. Опекать вас нам поручил надсмотрщик района Хонуф по распоряжению всепланетного правительства. В свое время мы тоже были заключенными, поэтому хорошо представляем, что вы пережили. В первую очередь хочу отметить, что вас переполняют всевозможные предрассудки, суеверия и панический страх, которые на самом деле беспочвенны. Вы не почувствуете никаких болезненных симптомов, а возможно, вообще не заметите никакой перемены. Однако ваши организмы в данный момент в самом деле изменяются, хотя это и невозможно обнаружить. Несколько дней спустя вы и микроорганизмы Вардена достигнете так называемого альянса. Позвольте подчеркнуть, что это не болезнь. За пять лет, прожитых здесь, я вообще ни разу не болел. Микроорганизмы Вардена справляются с вирусами и прочими возбудителями болезней намного эффективнее любой иммунной системы. Для примера добавлю: еще никто на нашей планете, несмотря на здешний климат, не простудился.

Последнее замечание многих развеселило, однако на самом деле гид затронул чрезвычайно важный аспект здешней жизни. Жители Конфедерации тоже избавились от всех болезней, но ценой многовековых титанических усилий, а здесь, если верить Гаралу, необходимости в медицине и медиках не существует вообще.

— Кое-кто из вас испытает определенный дискомфорт, — подхватила Тилиар, — потому что прибыл на Харон не совсем здоровым. Например, те, у кого по-

вреждены или отсутствуют зубы, обнаружат, что они вырастают вновь, а иногда это очень болезненный процесс. Те, кто плохо видит, будут чувствовать головокружение или легкие головные боли, пока зрение не придет в норму. Микроорганизмы Вардена не просто предохраняют вас — они делают вас лучше, а потом поддерживают это состояние. Раны здесь затягиваются очень быстро и практически бесследно. Даже потерянные конечности, как правило, полностью восстанавливаются.

— Похоже, вы тут бессмертны, — проронил тот наглый мужик из одноместного номера.

— Отнюдь, — возразила женщина. — Смертельные ранения остаются таковыми и здесь. Микроорганизмы Вардена поддерживают ваше здоровье при помощи ресурсов организма, и если он не способен бороться со смертью, вы обречены, но все равно потенциальная продолжительность жизни на Хароне даже выше, чем на цивилизованных планетах.

Большинство сидящих за столом, в том числе и Зала, обратили внимание только на последнюю фразу; меня же заинтересовало слово «потенциальная». В памяти сразу же всплыли огромные зубы той нежно-голубой зверюги.

Дальнейший рассказ напоминал введение в курс основ выживания в местных условиях; многое я уже знал. После проливного дождя, который мы уже испытали на собственной шкуре, небезынтересно было услышать, что на центральном континенте простирается несколько пустынь, где почти всегда палит солнце. Вода на Хароне на самом деле большой дефицит, а дожди — праздник. Есть районы, где осадки выпадают раз в столетие, а то и реже. Кроме того, здесь нередко возникают скоротечные, но ужасные бури-смерчи, сопровождаемые сильнейшими грозами и ветром под 160 километров в час. Точно предсказывать погоду, в том числе и стихийные бедствия, не удастся, так как верхние слои

атмосферы представляют собой необычайно мощные поля заряженных частиц, сквозь которые не могут пробиться ни радиолокаторы, ни инфракрасные камеры; в то же время искусственные источники радиоизлучения притягивают к себе всю мощь смерчей. Это объясняло вынужденный запрет на сколь-нибудь серьезное использование техники. Труднее всего приходилось космодрому. На памяти наших проводников он уже два раза разрушался до основания. Челночные орбитальные аппараты имели специальную защиту от магнитных бурь и атмосферной плазмы, однако не очень эффективную.

На орбите вокруг Харона работала исследовательская станция — достаточно далеко от зараженной микроорганизмами атмосферы. Интересно, что на таких станциях бактерии инфицировали всю органику, но не трогали неорганические материалы. В полной мере они проявлялись только на самих планетах Ромба и в людях, пораженных теми же самыми бактериями.

Вскоре речь коснулась более животрепещущих тем.

— Помимо полного отсутствия техники и связанных с нею удобств, — поведал Гарал, — существуют и другие побочные проявления симбиоза человека с микроорганизмами, в которые вам будет трудно поверить, даже когда вы испытаете их на собственной шкуре. На всех планетах Ромба Вардена они различны, но тем не менее тесно друг с другом связаны.

Например, на Лилит есть люди, обладающие способностью двигать, созидать или разрушать горы одним лишь усилием воли, приказывая СВОИМ микроорганизмам Вардена передавать команды тем, которые находятся внутри скал, деревьев, других людей и так далее. Однако подобные умения каждого конкретного человека — величина достаточно произвольная. На Цербере такая связь непосредственно влияет на мышление людей, и это проявляется столь тотально, что они чаще всего об этом и не догадываются. Но этим качеством

просто невозможно управлять. На Медузе коммуникация между микроорганизмами Вардена ограничивается одним организмом-носителем и позволяет быстро и произвольно менять свой облик, чтобы приспособиться к непрерывно меняющейся среде. Здесь же эти свойства проявляются в несколько иной форме.

Затаив дыхание, мы ловили каждое слово. Речь зашла о самом главном — все поняли это сразу.

— Как и на Лилит, мы в определенной степени воздействуем на предметы и на других людей, — подхватила Тилиар. — Как и на Цербере, это скорее ментальное, нежели физическое влияние, и мы способны устанавливать прямой контакт с мозгом друг друга. Как и на Медузе, мы можем изменять свой облик, однако несколько в ином смысле. И хотя здесь эти качества в принципе присущи каждому, требуются длительные тренировки и очень сильная воля, чтобы научиться использовать их. Тренированные и волевые люди опасны для новичков, и именно поэтому мы старались изолировать вас в начальный период обучения. — Она замолчала на мгновение, подыскивая слова. — Как вы уже поняли, Харон больше всего напоминает волшебную страну из детских сказок и древних легенд. Здесь действуют таинственные силы, и всевозможные колдуны и волшебники могут причинить неисчислимые бедствия. И вдобавок ко всему при этом не нарушается ни один из известных физических законов.

Кое-кто, тихо выругавшись, энергично помотал головой.

— Я понимаю, в это трудно поверить, — помолчав, сказал Гарал, — но самые трезвомыслящие из вас быстро приспособятся к здешним реалиям. Позвольте полюбопытствовать, каким образом вы узнали, что находитесь здесь? Как определили, на что похоже это место, что вы — это вы, что мы — это мы. И наконец, что идет дождь?

— Мы чертовски промокли, — пробормотал кто-то, и все рассмеялись.

— Отлично. Но как вы узнали, что вы промокли? Сами ВЫ — ваша личность, ваша память, все ваше мыслящее естество. Все, что локализовано в мозжечке и коре головного мозга. Единственный реальный объект для вас — это ваш мозг, который находится внутри черепа. Как орган он не способен ничего самостоятельно узнать о происходящем Извне — в нем нет даже нервных окончаний, а вся информация поступает от весьма удаленных от него датчиков пяти различных органов чувств — зрения, обоняния, осязания, вкуса и слуха. А если все ваши пять чувств искажены? Существуют пытки и психиатрические методы — что в принципе одно и то же, — позволяющие посылать в мозг ложные сигналы. В древности это называлось шаманством — может, так вам будет понятнее.

— Знахарь или шаман, — вступила Тилиар, — брал обрезки ваших ногтей, волос — даже экскременты — и складывал из них куклу. Предполагалось, что ее судьба будет аналогична вашей, и то, что он сделает с куклой, произойдет с вами. И знаете, почему эти ребята процветают и сейчас, в космическую эпоху? ПОТОМУ ЧТО ИХ МЕТОДЫ ДЕЙСТВУЮТ.

— Да что вы? — откровенно рассмеялся гигант.

С самым серьезным видом Тилиар кивнула:

— Да, да — и еще как! Но только при двух условиях. Во-первых, предполагаемая жертва должна верить в могущество и власть знахаря. Для этого даже не требуется никаких усилий — неосознанный страх доделает за вас все, что нужно. А во-вторых, она должна знать о том, что заколдована. Люди превращаются в калек — и физических, и интеллектуальных, — если эти условия выполняются, — и это много проще, чем вы думаете. Даже самые закоренелые рационалисты подсознательно крайне суеверны; а шаманы и талантливые психологи укрепляют веру простых людей в таинственное.

— Разумеется, НА САМОМ ДЕЛЕ они ничего не предпринимают, — заметил Гарал. — Они лишь формируют необходимые психологические условия. Можно сказать, что колдовство — это магическая сила, которая не нарушает ни один известный закон природы.

— То есть вы хотите сказать, что Харон — планета колдунов? — иронично произнес я.

Моего веселья, однако, никто не разделил.

— Отчасти, — ответил Гарал. — Но здесь вы можете полностью избавиться от неопределенности и пойти намного дальше. Если вы помните, я сказал, что микроорганизмы Вардена поддерживают контакт друг с другом даже за пределами того организма или предмета, в котором находятся. Однако это пассивная связь. Но, поскольку они неотъемлемая часть вашего организма, то могут контактировать с вами — как и вы с ними. И здесь вы колдун настолько, насколько способны управлять связями между своими и чужими микроорганизмами. То есть Харон — это в буквальном смысле мир чародеев, которым даже не требуется, чтобы в них верили.

— Вот, смотрите, — добавила после паузы Тилиар. — Предположим, некто решил превратить вас в утара — одно из этих голубых животных, местную тягловую силу. Если он достаточно могуществен, тренирован и обладает крепкой волей, то устанавливает контакт с микроорганизмами Вардена в вашем мозгу и своими. Затем посылает сообщение: «Вы — утар». Без тренировки, без необходимых навыков самоконтроля, вам не удастся организовать защиту и предупредить свои микроорганизмы о том, что полученное сообщение — ложное. Таким образом, эта идея — что вы утар — внедряется в мозг, как при мощном гипнозе. Ваши органы чувств начинают ошибаться, поступающая от них в мозг информация подтверждает, что вы — четырехметровая голубая ящерица, и, с вашей точки зрения, вы в самом деле становитесь ею.

Я увидел, как Зала слегка поежилась, и решил, что необходимо кое-что уточнить.

— Другими словами, это очень мощная форма гипноза, примерно такая же, какой мы добиваемся при помощи технических средств и особых методик?

— Да, — согласилась Тилиар. — Но не только. Не забывайте, что ваши микроорганизмы Вардена постоянно контактируют с другими. То есть возникающие в вашем мозгу образы «передаются в эфир». Значит, если вы считаете себя угаром, то так будут считать и остальные. Даже настоящий угар примет вас за своего — ведь у них тоже имеются свои микроорганизмы. КАЖДЫЙ СУБЪЕКТ ИЛИ ОБЪЕКТ БУДЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ ТАК, СЛОВНО ПОЛУЧЕННАЯ ИМ КОМАНДА, ЗАКЛИНАНИЕ ИЛИ МАГИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА ЯВЛЯЮТСЯ ПОДЛИННОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ. Поскольку мы получаем информацию только от собственных органов чувств и зависим от них — все, что мы воспринимаем как реальность, и есть самая настоящая реальность. Все волевые и тренированные люди обладают этой способностью в большей степени и, следовательно, менее уязвимы. Тут все просто.

— Добавлю, что наиболее способные из вас быстро продвинутся в харонианском обществе, — заметил Гарал.

Не знаю, поверил ли кто-нибудь из нас в эти байки, но сам механизм воздействия интересовал каждого. Очень хотелось бы увидеть своими глазами, как все это выглядит на практике, а там, глядишь, можно и поверить.

Но если такие способности действительно развиваются тренировкой, не стоит откладывать это в долгий ящик.

— Когда мы приступим к занятиям? — спросил я у наших гидов.

— Во-первых, это не каждому под силу, — ответил Гарал. — Необходимы определенные интеллектуальные способности, волевые качества и личностные установ-

ки, которым невозможно обучить. Большинство людей либо вообще не способны управлять своей волей, либо делают это плохо. Кроме того, не в интересах власть имущих бесконтрольно увеличивать число людей, прошедших подобную подготовку, даже невзирая на способности. И это понятно. Есть волки и овцы; такова уж природа любой власти, и не нам ее менять. В той же Конфедерации проживает множество людей, вся жизнь которых, вплоть до мелочей, расписана заранее; все они бессловесные твари, орудия в руках горстки избранных. Неужели вы думали, что на Хароне все по-другому?

Это я хорошо понимал. Здешнее правительство тоже возглавляли самые прожженные политиканы и плуты, каких только можно представить. Эта клика управляла народом, процентов на пять состоявшим из таких же подонков, а в основном из детей разного возраста. Эти ребята вряд ли добровольно уступят свои кресла. Однако мой интеллект, тренированность и привычка к самодисциплине вселяли в меня уверенность — то, чего добились Эола Мэтьюз и ее приспешники, вполне по плечу и мне. Я пройду тот же путь. Держу пари, здесь уже есть люди, готовые уничтожить эту систему. Наверняка где-нибудь можно пройти неофициальный, несанкционированный властью тренинг, и над таким вариантом тоже следовало подумать.

Я предполагал, что всех нас ждет нечто вроде вступительного экзамена: ведь на Хароне мы еще никому не известны; и ответственные за отбор достойных кандидатур наверняка предпримут нечто подобное. Те, кто не пройдет тестирование, пополнят собой общество здешних рабов и потенциальных жертв. Я не сомневался, что нас собрали здесь именно с этой целью.

Вечером мы с Залой долго обсуждали услышанное.

— Как ты считаешь, все это правда? — спросила она. — Магия, заклинания, колдуны... смех, да и только!

— Какой уж тут смех. Мне это показалось очень серьезным и довольно научным. Заметь, ведь они специ-

ально подчеркнули, что такие вещи вполне по силам хорошему психологу, вооруженному специальной аппаратурой. А я в этом хорошо разбираюсь.

Конечно, Зала поверила — обстоятельства знакомства Парка Лакоша с современной психиатрией были ей уже знакомы.

— Да, но то ведь специалисты... к тому же им требуется специальное оборудование...

— Аппаратура скорее всего действительно нужна, — согласился я. — Только не думай, что на Хароне спецов в этой области меньше, чем в Конфедерации. А уж психологов наверняка пруд пруди — у них превосходно развито воображение, и они сходят с ума чаще, чем другие. Правда, на Хароне все свои приборы они носят в голове.

Зала вздрогнула.

— Ты чего? — поинтересовался я.

— Ты сказал, они чаще других сходят с ума... Но вряд ли только оттого, что им приходится ковыряться в сотнях испорченных человеческих голов; по-моему они просто столь могущественны, что рано или поздно заболевают комплексом богоподобия.

— Вполне возможно, — согласился я.

— Ну так вот, я имею в виду, что, если там, дома, какой-нибудь психиатр съезжает с катушек, другие всегда могут вычислить и нейтрализовать его, верно?

Я кивнул.

— Но, Парк, должен же и здесь найтись кто-нибудь?

Она попала в самую точку. Мы оказались в Бедламе, в огромном сумасшедшем доме, где врачи рехнулись точно так же, как и их пациенты, и нет никого, кто освободил бы от них планету... Никого — кроме меня.

День был не слишком тяжелый, но казалось длительное вынужденное затворничество. Я довольно долго раздумывал, как бы, не обжегшись, погасить масляную лампу, и в конце концов обнаружил аналог выключа-

теля. Рядом с умывальником возле крючка для полотенца висела крошечная чашечка на длинной ручке; через несколько дней я узнал, что она предназначалась именно для этого.

Несмотря на усталость, я долго не мог заснуть: слишком много вопросов поставил передо мной Харон. Разумеется, я ничего не могу предпринять, пока не сделал хотя бы первых шагов в здешней псевдомагической практике и не оценил свои силы. Немного освоившись, я рассчитывал завести необходимые связи и получить необходимую информацию. Но пока я не получу квалифицированных советов о том, как вести себя на этой чокнутой планете, я бессилен. Вполне возможно, что политическая верхушка Харона состоит отнюдь не из самых могущественных колдунов; не исключено, что для тех и других требуются полярные качества. Однако Мэтьюз каким-то образом пробралась на самый верх и добилась абсолютной власти. Как первоклассный агент я не сомневался в своих способностях, но как человек прагматичный понимал: — на этой стезе меня ожидает множество неприятных сюрпризов и, безусловно, мне потребуется помощь. Впрочем, подобная политическая система неизбежно порождает собственных врагов и ненавистников, таких же психопатов и негодяев, как и сама Мэтьюз. Нужно только найти их и организовать.

— Парк? — донесся из темноты почти неслышимый голос Залы.

— Что?

— Слушай, как ты отнесешься к тому, что я лягу с тобой? Конечно, ненадолго?

Я усмехнулся:

— Если ты не боишься, что я удавлю тебя... или сделаю что-то в этом роде.

Она осторожно подошла и присела ко мне на кровать:

— Я ничего такого и не думала... Иначе не осталась бы с тобой ни минуты. — Она нырнула под одеяло и ласково прижалась ко мне. Ощущение было приятное,

но я слегка смутился. Чего-чего, а женщины выше меня ростом у меня еще не было.

— А почему ты так во мне уверена? — нахально прошептал я. Все произошло как-то чересчур быстро.

— Даже не знаю, — ответила она. — Я всегда понимала мысли других.

— То есть?

— Ну, например, что Тилиар и Гаралу глубоко наплевать на всех нас. Или что тот огромный сукин сын может изувечить человека просто ради своего удовольствия.

— Ну а я?

— Я... я даже не знаю... в тебе есть что-то такое... непреклонное, но в одном я уверена — ты не псих. Мне кажется, что в теле Парка Лакоша находится кто-то другой.

Да уж, не в бровь, а в глаз; ее интеллект был выше всех похвал — если, конечно, это не простая случайность. Придется хорошенько пораскинуть мозгами. Но пока надо мягко и ненавязчиво сменить тему.

— Отчасти ты права, — ласково произнес я. — Я теперь совсем другой человек. Собственно, только теперь я стал тем, кем должен был быть. Прежнего Лакоша больше нет. Его уничтожили еще там, раз и навсегда.

И я почти не солгал.

— А может, тебя еще терзают какие-то сомнения? — лукаво спросила Зала.

Я искренне рассмеялся.

— Нет, — сказал я и тут же это доказал. К нашему обоюдному удовольствию.

ГЛАВА 4

ЗНАКОМСТВО С ХАРОНОМ

В течение нескольких последующих дней мы прослушали цикл вводных лекций о жизни на Хароне, невыносимо скучных и понятных даже самым тупоголовым. Зато теперь мы были готовы влиться в местное общество.

Харон, по существу, был аграрной планетой, а все, что не выращивалось на плантациях и фермах, импортировалось Извне — этим словом называли все, что не относилось к Ромбу Вардена. Впрочем, и на Хароне имелись кое-какие ресурсы, которые экспортировались на другие планеты Ромба, в том числе и шкуры многих наземных животных — некоторые виды даже специально разводились на больших зверофермах. Их отправляли на Цербер, а там из них делали все что угодно — от превосходной водонепроницаемой ткани до черепицы и изоляционных материалов. В пищу шли также всевозможные морские твари, в изобилии водившиеся в океанах, богатые протеином и минеральными веществами.

Я искренне сочувствовал своему двойнику, попавшему на Лилит. Мне требовались немалые усилия, чтобы привыкнуть к отсутствию механизации на Хароне; сомневаюсь, выжил бы я на планете, где никакой техники не могло существовать в принципе.

Вероятно, «мне» было бы гораздо лучше где-нибудь на Цербере или на Медузе, где уровень технического развития все-таки гораздо ближе к привычному. Кроме

кож и шкур, Харон экспортировал древесину: учитывая ее водостойкость, она использовалась даже там, где хватало своего леса.

Львиная доля экспорта отводилась Медузе в качестве платы за импортируемое оттуда сырье. Медуза контролировала горнодобывающую промышленность на астероидах и спутниках планет-гигантов. Это сырье также перерабатывалось на Церbere. В общем, торговля развивалась на взаимовыгодных условиях.

Политический режим на Хароне тоже не оставил меня безучастным. Я хорошо запомнил слова Крега насчет того, что при желании Мэтьюз могла бы стать настоящей богиней.

Подавляющее большинство одиннадцатимиллионного населения планеты составляли, разумеется, городские рабочие. Как и в любом феодальном обществе, они объединялись в замкнутые цехи и трудились на так называемые Компании — этот эвфемизм обычно обозначал плантации; те, в свою очередь, гарантировали рабам безопасность и относительную сытость. На территории, занимаемой примерно десятком Компаний, обычно возникал небольшой городок, жители которого образовывали некие Союзы по профессиональным интересам или наклонностям. Городом управлял Городской Бухгалтер — странная, но вполне логичная должность; в его офисе имелись решительно все книги, в том числе и те, которые требовались Компаниям для нормальной деятельности. Несмотря на то, что в основе торговли лежал простой натуральный обмен, на планете существовали деньги — монеты из какого-то сплава. Их было мало, и они были совсем крошечными: производство металлов строго контролировалось Медузой.

В Компаниях эти монеты служили вознаграждением за выдающиеся достижения и сверхурочную работу и считались редкостью. Однако в городах союзы устанавливали определенную заработную плату и твердые расценки, зависящие от множества факторов; деньги ис-

пользовались как для оплаты товаров первой необходимости и услуг, например жилья, так и предметов роскоши, которые можно было пересчитать по пальцам. Союз Перевозчиков, разумеется, охватывал всю планету; его штаб-квартира размещалась в Хонуфе, самом большом городе Харона, где находился космопорт. Правда, еще один — грузовой — космодром был на южном континенте, но к его освоению приступили совсем недавно. В Хонуфе насчитывалось примерно пять тысяч жителей — средний городок на Хароне был раз в десять меньше.

Компании и Союзы управлялись менеджерами, благосостояние которых было довольно высоким — правда, лишь до тех пор, пока они стояли у кормила. Их деятельность контролировали Городские Бухгалтеры, а те, в свою очередь, отчитывались перед Советом Регентов. Последний держал под контролем всю производственную деятельность планеты и внешнюю торговлю. Глава Совета Регентов именовался Директором; это было высшее должностное лицо на Хароне. В общем, простая и с виду вполне эффективная система.

Однако наряду с ней существовала параллельная структура. Она объединяла горстку людей, способных управлять микроорганизмами Вардена. Именно они стояли на страже; как я и предполагал, политическая и «магическая» иерархии не совпадали.

Нижние уровни этой структуры занимали Способные — ученики странствующих магов, которых называли колдами (от слова колдун). Представители колдов имелись в любой Компании или Союзе, а также в офисе каждого Городского Бухгалтера. Они защищали людей и следили за соблюдением законов, то есть вместе со своими учениками играли роль полицейских. Они подчинялись всепланетному Совету епископов, или Синоду.

Интересно, что епископов единолично назначал и смещал Директор, и я не мог взять в толк, каким об-

разом Мэтьюз удается отправлять в отставку столь могущественных персон и почему те проявляют такую покорность. Однако политическая система подтверждала мою основную догадку: хотя Мэтьюз, очевидно, училась у магов и обладает определенными способностями, верховной ведьмой — или кем там еще — она не является, и рано или поздно я выясню, на чем зиждется неограниченная власть Директора.

Насколько я понял, Мэтьюз купалась в роскоши и снискала всеобщее почтение. Ее с полным правом можно было бы величать «Ваше Высочество» или «Ваша Милость», если бы она не носила мужественный титул Властителя Ромба.

Похоже, она упивалась своей популярностью: ее портреты заполнили всю планету; даже в зале гостиницы я насчитал четыре, разных размеров, но все — в полный рост. Когда дождь ненадолго прекращался и мы отправлялись на экскурсии по городу, ее изображения попадались на каждом шагу, даже на некоторых монетах. Правда, с более древних смотрели мужские лица. Я не сомневался, что Мэтьюз ненавидит их всем сердцем, однако она была достаточно практичной, чтобы не изымать монеты из обращения, пока те окончательно не изнасятся: все-таки ближайший монетный двор — в 160 миллионах километров.

Судя по портретам, Мэтьюз несколько не изменилась — такая же юная и прекрасная, хотя слегка отчужденная и аристократичная. Она родилась на цивилизованной планете, но в ее стандартной внешности сквозило нечто неуловимое, то, благодаря чему она достигла таких высот. Я все гадал, льстят ли ей художники, или действительно минувшие годы никак не отразились на ней.

Фауна Харона поражала разнообразием и сильно отличалась от континента к континенту. В насквозь промокшем Хонуфе в это верилось с трудом, но обитателей

иссушенной пустыни даже легкий дождик мог искалечить или убить.

Для успешного выживания нужно было хорошенько уяснить, что местные животные также обладают определенными магическими способностями. Разумеется, весьма примитивными, однако хищники, например, за просто могли внушить вам, что вы видите дерево, куст или просто красивый цветок, пока они не подберутся к вам поближе. Здешняя разновидность гиен могла имитировать даже целый ландшафт, и неосторожный путник, взбираясь на гору, порой внезапно проваливался в топкое болото.

— В прямом смысле слова, — предостерегал нас Гарал, — гулять в ясный солнечный день на Хароне без соответствующей защиты — все равно что оказаться среди ночи в незнакомом лесу; ежесекундно вас подстерегает опасность.

Феодалное устройство общества только осложняло ситуацию. Никто не решался путешествовать даже из города в город, не будучи волшебником сам или без покровительства магов. Такое положение вещей как нельзя лучше подходило для диктатуры.

Однако Харон как таковой меня мало беспокоил, потому что все его ужасы в конечном итоге сводились к таким же социально-экономическим факторам, которые обуславливают развитие любой цивилизации, в том числе и Конфедерации. Я мог либо пройти необходимую подготовку, проявить незаурядные способности и пробраться наверх, либо найти достаточно могущественного покровителя и сделать карьеру. Второй путь несколько длиннее и требует большей осторожности, но тоже вполне приемлем.

Я прекрасно понимал, отчего нас так долго держат в этом проклятом отеле. Наши хозяева выжидали, когда микроорганизмы Вардена окончательно внедрятся в

нас, чтобы мы продемонстрировали свои возможности. Среди нас должен был выявиться самый сильный, причем в самое ближайшее время.

Одно меня беспокоило — Зала. Я не сомневался, что все ее рассказы о своем прошлом — ложь: никакой профессии, а тем более связанной с управлением, она явно не обучалась. Из наших разговоров я сразу же понял, что ее способности столь же малы, как и талия, а бизнес, система госуправления или наука ей просто противопоказаны. Она могла принадлежать только к низкоквалифицированным рабочим, которых хватало на Границе, но никак не на цивилизованной планете.

Впрочем, ложь для узников Харона в порядке вещей, меня куда больше удивляло то, что сама Зала была словно соткана из противоречий. Непреодолимая тяга к труду была базовым социальным инстинктом у людей, взращенных в инкубаторах цивилизованных планет. Каждый ревностно выполнял свои обязанности и видел в этом смысл жизни; секс носил случайный характер и служил только отдушиной. Естественно, никакой семьи не было и в помине; у каждого имелся небольшой круг друзей, но психологически все были изолированы. Лозунг «Взаимопомощь в работе, независимость в душе» прочно укоренился в сердцах людей.

Но не у Залы. Она физически нуждалась в другом человеке. Она залезла ко мне в постель, несмотря на то, что я мог оказаться маньяком-убийцей. От наших упражнений я получал некоторое удовольствие; ей же они были необходимы как воздух. Робкая и послушная, она была напрочь лишена эгоизма. Я не питал никаких иллюзий насчет своих мужских достоинств; она выбрала меня явно не из-за них. Просто я вовремя подвернулся под руку.

Но сделав выбор, она посвятила свою жизнь заботам обо мне, порой забывая о себе. Хотя это казалось мне бессмысленным и сильно беспокоило, я все-таки допус-

кал, что в этом что-то есть. От робота-прислуги такого удовольствия никогда не получишь.

А еще меня очень интересовало, как такое существо вообще появилось на свет? К тому же на цивилизованной планете? И почему ее сослали на Ромб Вардена?

На четвертый день я напрямую обвинил ее во лжи. Реакция Залы, смущенная и нервная, мало что прояснила.

— Да... ты, конечно, прав, — согласилась она. — Я не чиновник, однако все остальное — правда. На следствии я узнала, что я — биоразвлекатель, хотя это и не совсем так. Руководство Такканы часто принимает делегации других планет, а кроме того, и самой Конфедерации. Для шишек закатывают пышные банкеты; от меня требовалось всячески ублажать их и следить, чтобы ничто не омрачало веселья.

Я хорошо знал, что она имеет в виду. Я повидал немало похожих девушек, когда вел дела о коррупции в госаппарате. Однообразие цивилизованного мира сделало людей невообразимо пресными и безликими. Все было стандартизовано — развлечения, пища, даже личные вкусы и пристрастия. Во имя равенства, разумеется, но высшему эшелону позволялось и нечто иное: необычные блюда и экзотические деликатесы, экстравагантные развлечения — например, танцы «живьем» и зрелища еще почище. Для удовлетворения этих потребностей и существовал класс биоразвлекателей. Неудивительно, что, выбравшись из Конфедерации, Зала тут же бросилась на поиски человека, благодаря которому ее жизнь вновь обрела бы смысл.

Однако это не объясняло, почему она оказалась здесь и почему соврала мне.

— Мне показалось, — попыталась она объяснить свой обман, — что так будет безопаснее. С моим послужным списком меня быстро сплавят в ближайший бордель — но я ведь не шлюха! Там, дома, наша профессия считалась уважаемой и почетной.

Из глаз ее медленно покатались слезинки, и я невольно смутился. Все-таки она чертовски хороша.

Но в остальном Зала гнула свое. Дескать, была нелегальным генетическим продуктом, высланным на Харон без объяснения, и мне ничего не оставалось, как, в свою очередь, позаботиться, чтобы она заняла достойное место в этой жизни. Однако ее прошлое по-прежнему окутывала некая тайна.

На пятый день мы убедились воочию, что же такое Харон. Несколько простых тестов провели так, что мы и не заметили. Выяснилось, что мы вполне акклиматизировались и можем взглянуть в лицо этому жестокому миру. Кстати, один из тестов имел прямое отношение к превосходному супу, который нам подавали на ужин. Он понравился всем без исключения; оказалось, это был вовсе не суп.

В конце трапезы Гарал встал со своего места.

— Сегодня нам не придется убирать посуду, — сказал он и взмахнул рукой. Словно по мановению волшебной палочки, кастрюля, тарелки и ложки внезапно исчезли. Пропали даже пятна на скатерти.

Хотя в душе я ждал чего-то подобного, боюсь, моя челюсть отвисла ничуть не меньше, чем у остальных. Эффект был поразительный. Невероятный. Мгновение назад суп казался мне таким же реальным, как и моя правая рука, которой я держал ложку.

— Надеюсь, вы поняли, что мы имели в виду, — продолжил наш гид. — Однако я хочу, чтобы вы уяснили себе все возможности местной магии. — Он указал на молодого светловолосого парня, родом явно с Границы.

— Ты, — сказал Гарал. — Взлетай и пари над столом.

В тот же миг потрясенный парень взмыл со стула и, оставаясь в сидячем положении, поднялся примерно на метр над обеденным столом. В панике он замахал руками и медленно поплыл по комнате. Мы смотрели, разинув рты.

Могар — так звали детину из отдельной комнаты, — сидевший рядом с парнем, бросился к опустевшему креслу и ощупал его. Кажется, я недооценивал его интеллект — на его месте я поступил бы так же.

— Но... но тут действительно пусто! — пораженно пробормотал он и в качестве доказательства уселся туда.

— Хватит! — громко произнес Гарал, но несчастный не отреагировал. — Вниз! — приказал Гарал еще раз, щелкнув пальцами. Парень с громким треском рухнул прямо в центр стола, чуть не раздавив его. Мы ужинали не только супом, и юноша поднялся, вымазанный с головы до ног.

Сказать, что мы были потрясены, — значит, ничего не сказать. Что это было? Левитация?

— Вы же говорили, что здешняя магия не реальность, а результат внушения, — с подозрением заметил я. — Как же это назвать?

Гарал весело усмехнулся.

— Вы правильно уловили специфику восприятия действительности на Хароне, — поощрил он. — Что же здесь было подлинной реальностью? То, что человек сначала взмыл в воздух, а затем рухнул вниз? Или же он под воздействием внушения влез на стол и только потом упал в тарелки с едой? ВЫ можете ответить?

— А ВЫ? — переспросил кто-то.

Гарал широко улыбнулся:

— В этом случае — да, могу. Но далеко не всегда. Только настоящий, превосходный мастер может отличить реальность от миражей — да и то любой столь же талантливый вотрет ему очки в два счета. На Хароне вы ни в чем и ни в ком не можете быть уверены. Никогда, — добавил он, еще раз щелкнув пальцами; стулья под нами мгновенно исчезли, и мы с грохотом повалились на пол. Гарал громко расхохотался:

— Ну что? Это реальность или иллюзия? Даже я воспринимаю все точно так же, как и вы, и полностью уверен только в том, что сделал это сам. Любой по-

сторонний человек увидел бы, как вы едите суп, и почувствовал бы его запах. Почему? Не потому, что я создал эту иллюзию, а потому, что вы поверили в нее и стали ее источником.

Зала с трудом поднялась на ноги и помогла встать мне. Многих била нервная дрожь.

— Но хватит играть в бирюльки, — громогласно заявил наш гид, — теперь вы поняли что к чему. В действительности все не так уж плохо, но привыкнуть вам будет очень трудно. Заклинания и контрзаклинания, самоконтроль и самодисциплина — вот ключ ко всему, но овладеть им весьма не просто. А приручить — и того сложнее.

— Так как же распознать подлинную реальность? — спросил кто-то.

Гарал посерьезнел:

— Есть только один путь выжить и благоденствовать на Хароне. Всего один. В каждой ситуации вы должны поступать так, будто все, **АБСОЛЮТНО ВСЕ ПРОИСХОДЯЩЕЕ СОВЕРШЕННО РЕАЛЬНО**. Даже магия. Вы должны напрочь отринуть свое рационалистичное прошлое и жить как герои волшебных сказок. Вы попали в мир магии, где правят колдуны, а не ученые, хотя даже колдуны не брезгают наукой. Вы попали в мир, где опыт, законы природы, даже обычная логика и здравый смысл могут быть отменены — точнее, преодолены — по чьему-нибудь капризу. Абсолютно не важно, с чем вы столкнетесь: если вам и другим происходящее кажется реальностью — все остальное не важно. Видите вон тот кувшин с фруктовым соком на столе?

Мы все уставились на кувшин, подспудно ожидая, что сейчас он исчезнет. И ошиблись. Гарал сосредоточился, полуприкрыл глаза и быстро указал на сосуд.

Желтая жидкость медленно вспенилась, закипела, многократно изменяя свой цвет, затем повалил пар, послышалось громкое шипение, и она превратилась в отвратительное варево. Я с дрожью вспомнил, что совсем

недавно оттуда пил. Гарал открыл глаза и строго взглянул на нас:

— Теперь это стопроцентный сок растения НУИ — и ничего больше. Я превратил безопасное содержимое кувшина в смертельный яд — чувствуете запах?

Мы утвердительно закивали.

— Отлично. Отойдите немного назад. — Гарал подошел к столу, осторожно наклонил кувшин и несколько капель мгновенно прожгли его насквозь. Затем он поставил кувшин на место.

— Ну так как, это в самом деле фруктовый сок или все-таки сильнейшая кислота?

— Фруктовый сок, — решительно произнес кто-то, потянувшись к кувшину.

— Стоп! Ни в коем случае! — пронзительно выкрикнул Гарал. Новоявленный Фома явно заколебался. — Неужели вы еще не поняли? То, что КАЖЕТСЯ вам кислотой — на вас будет ДЕЙСТВОВАТЬ, как кислота. Прольете на себя хоть каплю — она точно так же прожжет вас. Почему? Да потому, что ваше подсознание сообщило микроорганизмам Вардена, что это кислота, и теперь ваши клетки будут реагировать на нее соответственно. Раз мы сами верим в то, что это кислота, значит, наши микроорганизмы Вардена передали это всем остальным, в том числе и находящимся в столе, и тем, не обладающим собственными датчиками, остается только, в свою очередь, поверить в это, как вы сами только что убедились. Уверяю вас, это вовсе не гипноз. — Он обвел руками зал. — Вас окружает отнюдь не мертвая материя. Здесь все живое! И горы, и деревья, и стол, и стулья, и ваша одежда — решительно все! Благодаря микроорганизмам Вардена. Точно так же, как вы или я. Сами бактерии, конечно же, неразумны, но способны воспринимать информацию — то есть ваши мысли — и претворять ее в жизнь. Ваш мозг получил определенную установку. Это гипноз. Но затем мозг передает ее микроорганизмам Вардена — а это уже

нечто большее. Жидкость на самом деле становится сильнейшей кислотой.

Откуда ни возьмись появилась Тилиар в сопровождении мужчины с острым пронизательным взглядом, лет сорока с виду, в длинной черной мантии, украшенной золотым и серебряным шитьем. Его волосы были совершенно седыми, но лицо — необычайно живым и румяным, как у юноши, казалось, он много времени проводит на свежем воздухе.

Гарал слегка подвинулся и поклонился мужчине; его почтительность не оставляла сомнений в высоком ранге вновь прибывшего.

Незнакомец остановился посреди зала, окинул взглядом нас, дымящийся стол и слегка улыбнулся. Без всяких видимых усилий он пробормотал что-то, повелительно указав на кувшин, и его содержимое стало быстро превращаться в прежний безобидный напиток. Когда несколько секунд спустя метаморфоза завершилась, он подошел к кувшину, сотворил стакан, налил себе сока и сделал большой глоток. Затем удовлетворенно поставил стакан на стол и представился:

— Меня зовут Корман. — Его мягкий, доверительный баритон покорял. — Можно сказать, что я — городской чародей. Кроме того, я — член Синода и в данный момент полномочный представитель правительства Харона и лично Ее Величества Королевы Эолы, Властителя Ромба. Добро пожаловать на нашу планету.

Вот так новости. Когда же она стала королевой? Отчего же не сразу богиней? Или обожествлять Властителя — чересчур даже для Синода?

— Мои помощники, — продолжал волшебник, — займутся подготовкой, а мы с вами пока побеседуем. — Он немного помолчал. — О, какая невнимательность! — Он щелкнул пальцами, и кресла появились вновь; кроме них, возникло еще одно — во главе стола. Оно было из тяжелого дерева и смахивало на трон. Его занял волшебник.

Мы недоверчиво смотрели на кресла, и это сильно развеселило Кормана.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласил он, — неужели Гарал ничего вам не рассказывал? Поймите, невозможно точно сказать, стояли здесь кресла все это время и только казались отсутствующими, или их и вправду не было. Но теперь это не имеет значения. Они прочные и удобные. Ну и садитесь. Можно свихнуться, если постоянно ломать голову над тем, реальность это или нет. Доверьтесь своим ощущениям. Прошу вас!

Пожав плечами, я уселся; моему примеру последовали остальные. Корман, разумеется, прав: какая разница — настоящее кресло или нет? Однако мне показалось, что Гарал не похож на мастера по уничтожению предметов; кроме того, эти кресла стояли здесь уже четыре дня.

— Ну что же, отлично, — одобрительно произнес колдун. — Теперь к делу. Во-первых, не думайте, что вы — всего лишь заурядный человеческий материал. Мы примем участие в судьбе каждого, и поверьте, это не демагогия. Но не воображайте, что грубой физической силы для работы на полях и фермах у нас с избытком. На некоторых планетах Ромба к людям вроде вас относятся наплевательски и сразу же превращают в крестьян-рабов, чтобы побыстрее забыть о вашем существовании. У нас все по-другому. Каждый из вас попал сюда по заслугам, каждый обладает специальными навыками, для приобретения которых порой требуются десятилетия, и мы заинтересованы в ваших способностях. В настоящее время на Харон присылают мало новичков — вы первая партия за последние три года. И мы не собираемся отправлять на сбор урожая тех, кто способен на большее.

Его слова немного успокоили меня, впрочем, как и всех остальных. Никто не горел желанием батрачить; у каждого была очень высокая самооценка. Но подтекст кормановской речи был очевиден: на положение в об-

шестве может рассчитывать только тот, кто продемонстрирует некие способности, в которых здесь нуждаются. А если при здешнем уровне технологии все наши таланты бесполезны?

— На Хароне, — тем временем вещал Корман, — ваше прошлое навсегда осталось позади и для вас начинается новая жизнь. Эти слова слышат все, кто прибывает на Харон, и ваша реакция на них позволяет нам оценить вашу искренность. Любой, кто захочет утаить свое прошлое, автоматически будет считаться бесталанным рабочим. Он получит новое имя, но его память будет полностью уничтожена. Вы имеете право выбора. Ну, кто первый?

Все вопросительно переглянулись, но никто не издал ни звука. Зала, по-моему, хотела что-то сказать, но лишь схватила меня за руку и крепко сжала. Похоже, никто не собирался гнуть спину на плантациях под палящим солнцем.

После длительной паузы Корман утвердительно кивнул:

— Отлично. Ваше молчание я расцениваю как готовность приподнять завесу над собственным прошлым — разумеется, чуть-чуть. Сейчас по очереди я опрошу каждого из вас. Не пытайтесь лгать — я сразу пойму это и наложу на виновного заклятие вечной честности. Вы представляете последствия, не так ли?

М-да. Этого мне уж точно не хотелось. Однако такой запрет — это еще не требование говорить правду. Если я легко обманывал мощнейшие компьютеры, обвести вокруг пальца одного человека не составит труда.

— Кто хочет, может перед собеседованием задать принципиальные вопросы.

Мы молча огляделись, словно ища поддержки извне. Поскольку никто больше не решался, я осмелился спросить:

— Разрешите? Как мы научимся магии?

Волшебник с нескрываемым удовольствием посмотрел на меня:

— Хороший вопрос. Еще неизвестно, удастся ли вам это вообще. Но в любом случае, это произойдет не в одну минуту — вам требуется привыкнуть к местным условиям. Пока вы еще задаетесь вопросом, что реально, а что нет, всякое обучение бессмысленно. Только когда вы примете этот мир и его культуру такими, какие они есть, можно начинать подготовку. Всю свою жизнь вы слепо верили в науку и уповали на опыт, но факты, эмпиризм — всеобщий предрассудок, и вы не исключение. Здесь любой эксперимент приведет к произвольным, избранным мною результатам, и оглядка на опыт бесполезна. Мы сами определим, когда вы будете готовы, и лишь тогда займемся вашим обучением.

— То, что мы увидели сегодня, — спросил кто-то вслед за мной, — все воспринимали одинаково? А что увидят люди с других планет Ромба Вардена? И что получится на фотографии?

— Вы задали два разных вопроса, — ответил Корман, — и получите два разных ответа. Во-первых, о фотографии.

Действительно, фотоаппарат здесь будет работать, но сама фотография не имеет никакого значения — каждый увидит на ней то, что ХОТЕЛ БЫ. Предположим, я превратил вас в угара. Кто-то сфотографировал вас, посмотрел на снимок и увидел угара. Затем эта фотография попадает в другой город, и ее видят посторонние. Там тоже увидят угара, но только потому, что вы его видели, так что это спорный вопрос. Случайно попавший сюда робот не передаст вообще ничего, так как будет моментально уничтожен электронной бурей. Точно так же ничего не удастся получить с летающих роботов. Но даже если бы автомат мог здесь работать, он был бы лишь поводырем для слепцов, и вы никогда не смогли бы положиться на него — просто потому, что

не знаете всех вопросов, которые нужно задать, чтобы получить ответ.

— А внешний наблюдатель?

— Этот случай посложнее. Местные микроорганизмы Вардена — это бактерии-мутанты, и они не могут обмениваться информацией с бактериями других планет. Так что наблюдатель, попавший сюда, скажем, с Лилит, увидит вещи такими, какие они на самом деле. Впрочем, на Хароне мы тоже должны быть хоть в чем-то уверены. Дом обязан быть домом, иначе первая же буря уничтожит вас. Он может быть не совсем таким, каким вы его видите, но все-таки должен быть зданием. Что касается живой материи, то это совсем другое дело. Если я превращу вас в угара, вы сами поверите, что вы — угар. Так же поступят и микроорганизмы Вардена в вашем теле. Мы не знаем, как им передается информация, не говоря уже об энергии, но это происходит, и иллюзия становится реальностью. Ваши клетки либо изменятся соответствующим образом, либо погибнут. Биохимические процессы вашего организма пойдут так же, как в организме угара, и спустя некоторое время вы станете самым настоящим угаром. И тогда даже наш воображаемый гость с Лилит увидит уже не вас, а угара.

Перспектива подобной метаморфозы пугала меня всерьез, однако важнее было другое. Микроорганизмы Вардена могут воспринимать невероятные массивы информации, недоступные никакому компьютеру, и обрабатывать их, создавая реальные объекты. Это стоило отметить.

Корман еще раз окинул всех взглядом:

— Ну, есть еще вопросы? Нет? Отлично, тогда начнем. Вам наверняка не терпится вступить в новую жизнь; точно так же и мы хотим поскорее вернуть гостиницу хозяевам, которых ваше присутствие здесь не очень обрадовало. — Он встал и подошел к своим ассистентам, которые уже установили в углу зала расклад-

ные стол и кресла; на столе лежала огромная стопка толстых папок.

Волшебник сел за стол и взял верхнюю папку:

— Морис Кэйг!

Из наших рядов, явно нервничая, поднялся мужчина и, подойдя к комиссии, уселся напротив Кормана. Они сидели довольно далеко, и тихую речь мы бы не разобрали, однако разговор шел нормальным, деловым тоном и все были в курсе их беседы.

На первый взгляд процедура выглядела самой обычной, даже рутинной — имя, фамилия, возраст, образование, профессия, причина ссылки на Ромб и все такое. Однако в какой-то момент я уловил нечто в высшей степени странное — словно смотрел смонтированную запись, из которой вырезали кусок пленки. Кроме меня, этого никто не заметил или не подал вида, так что я тоже промолчал. Но это обстоятельство сильно взволновало меня, а дальнейшее обеспокоило еще больше.

Интересно, что подобное происходило со всеми, кроме Залы. Я внимательнейшим образом наблюдал за ней не только, чтобы поймать загадочный разрыв во времени, но и чтобы сравнить известную мне версию ее прошлого с тем, что она скажет Корману. К ее чести, они совпали даже в мелочах.

Чем дольше длилась эта тягомотина, тем сильнее нарастало мое раздражение, однако я услышал немало любопытного. Наш буйвол, захвативший себе отдельные покои, оказывается, был кем-то вроде диктатора на затерянной вдали от межзвездных трасс приграничной планете. Особое пристрастие он питал к зверским казням, пыткам и прочим ужасам. Хотя внешность у него была весьма красноречивая, я хорошо понимал, что большой, мускулистый, грязный и злобный — еще не значит тупой и недалекий. Человек, который подчинил целую планету и безраздельно хозяйничал на ней шесть лет, — безусловно, гений, и именно поэтому он и попал

сюда. Лакомый кусок для Эолы Мэтьюз — хотя смогут ли они плодотворно сотрудничать, еще вопрос.

— Меня оставили на закуску, и, когда Корман произнес наконец мое имя, я уже сгорал от любопытства: будет ли наша беседа так же «отредактирована»?

— Со мной Корман был столь же корректен, как и с остальными.

— Парк Лакош?

— Да.

— Вы не возражаете, если мы коснемся вашего прошлого?

— Я выдержал достаточно длинную паузу, после чего сказал:

— Нет.

Он утвердительно кивнул:

— Мне понятны ваши опасения. Вы очень колоритная личность, Лакош, не правда ли?

— Боюсь, что там, Извне, выразились бы несколько иначе.

Волшебник холодно усмехнулся:

— Совершенно верно. Вы автор ряда жестоких убийств при вполне благополучной с виду жизни и карьере. Они немного скрасили безысходную скуку, царящую в Конфедерации. По-видимому, психиатры уже помогли вам решить вашу насущную проблему?

— Да. Меня долго лечили, как вы знаете. Я абсолютно здоров, однако моя популярность сыграла со мной злую шутку — нормальное общество для меня заказано.

— Теперь вы поняли, что я имел в виду, называя вас колоритной личностью? Да, именно вашу болезнь. Мы обратили внимание на то, что вы уже неделю живете в одной комнате с женщиной, но ведете себя в высшей степени благопристойно.

— Скажите честно, можете ли вы вновь слететь с катушек? И даже в более ужасающих формах?

— Я неопределенно пожал плечами:

— Боюсь, это вопрос к Господу Богу. Сейчас я совершенно здоров и не представляю, как я наломал столько дров. Но наломал ведь.

— А убийства? Можете ли вы убить кого-нибудь?

Этот вопрос был полегче.

— Да, конечно. Например, защищаясь. При лечении мою психику не заблокировали; я не подвергался никакому программированию и, стало быть, полноценен.

Корман одобрительно кивнул, затем внезапно вперил в меня острый гипнотический взгляд; это длилось секунду-другую, не больше. Затем он отвел глаза, вздохнул и немного расслабился.

— Ну вот теперь мы одни, — сказал он.

— Что??? — Я подскочил от неожиданности, однако, оглянувшись, обнаружил только пустоту. Казалось, от остальных нас скрыла огромная черная стена.

— Это нетрудно, — сказал Корман, насладившись моим неподдельным удивлением. — Когда мы вернемся в обычный мир, никто ничего не заподозрит.

— Так вот в чем дело! — озарило меня. — А я-то думал, что за ерунда?

— Поразительно! Такое практически никому не удается.

Человеческий мозг не способен воспринимать скачки во времени. Вы, значит, заметили их, когда я беседовал с остальными?

Я кивнул:

— Сперва я даже испугался, не свихнулся ли по новой, однако это повторялось каждый раз, следовательно, я не ошибся.

— И такое случалось при беседах со всеми?

Я улыбнулся:

— Со всеми — кроме Залы. Мне показалось, что вы ее сюда не вытаскивали.

— Совершенно верно. Похоже, я недооценил вас, Лакош. При соответствующей подготовке вы станете

чрезвычайно могущественны. Вы просто рождены для Харона.

— Хотелось бы попробовать, — совершенно искренне ответил я.

— Посмотрим, посмотрим. У вас хорошие шансы сделать замечательную карьеру.

— О? Каким образом?

Меня удивил и в то же время слегка взволновал его неподдельный интерес к моей персоне. Я никак не рассчитывал привлечь такое внимание к своей скромной особе уже в начале игры.

Корман надолго задумался, словно борясь с терзающими его сомнениями. Немного погодя он вздохнул и решительно посмотрел на меня.

— Пять лет назад Хароном правил Тулио Корил, — сказал волшебник. — Этот хитрый старый лис был невероятно силен и могуществен. Обычная государственная рутина его совершенно не увлекала — ведь он чувствовал себя настоящим небожителем, а пристало ли Богу заниматься крючкотворством?

— Зачем же он стал властителем?

— По-видимому, из чувства долга. Это не сулило ему никакой личной выгоды, но он прекрасно понимал, какие возможности для произвола и злоупотреблений получают его соперники, если дорвутся до высшей власти; он решил перейти им дорогу.

— Неужели здесь встречаются столь благородные создания?

— И немало. Взять хотя бы меня. Вы такой же изгнанник, как и каждый из нас, и даже больше, ибо вы продукт того общества, которое вас отвергло. Оно поставило своей целью насадить всеобщее счастье в виде всеобщего равенства, но для этого ему потребовалось оболванить всех. Некоторые стали уголовниками без особых утрызений совести — это правда, однако многие превратились в преступников только потому, что позволяли себе роскошь мыслить иначе, нежели требовало

руководство Конфедерации. В грязной истории человечества «инакомыслие» зачастую означало договор с дьяволом, хотя «инакомыслие» — это всего лишь «инакомыслие», и не более. Да если бы построенное ими общество оказалось действительно совершенным, разве потребовалось бы им столько детективов или наемных убийц? Разве появились бы мы, преступники?

На такой вопрос ответить всегда непросто, а в моем положении спорить и вовсе неблагоразумно. Я предпочел промолчать.

— Те, кто навязал землянам Конфедерацию, были вынуждены прибегнуть к помощи наемников для отстрела тех, кто не мог или не хотел адаптироваться. Это началось много веков назад, сменилось уже немало поколений, а диссиденты в Конфедерации не перевелись. Почему, Лакош? Нас убивают, подвергают ментальной чистке и перепрограммированию — а мы существуем. Творцы истории никогда не извлекают из нее уроков, иначе бы они поняли, что такие, как мы, — соль земли. Именно поэтому они периодически выдворяют нас из своего мира — чтобы в первую очередь избавиться от грозных конкурентов. Но сколько бы ни выпалывала своих врагов Конфедерация, **ОНИ БУДУТ ПОЯВЛЯТЬСЯ ВНОВЬ И ВНОВЬ. ВСЕГДА.**

— Мне трудно назвать режим Конфедерации тиранией, особенно если вспомнить, что творилось на Земле раньше.

— Дело не в названии. Новые способы маскируют старые, только и всего. Общество, однозначно указующее людям, что думать, есть, пить, кого и как любить, — это чистой воды деспотия, даже если она осыпана золотом и слаще меда.

— Но если люди действительно счастливы...

— Граждане сильнейших тоталитарных государств, как правило, счастливы; точнее говоря, они не несчастны. В истории еще не было тирана, который пользовался бы молчаливой поддержкой широчайших народ-

ных масс, что бы они ни болтали после его свержения. Революции вершат одиночки, избранные, с достаточно развитым воображением и интеллектом, чтобы преодолеть существующее и понять, как устроить новую прекрасную жизнь. Именно это Конфедерация отлично усвоила — вот почему люди, подобные нам с Корилом, оказываются здесь. Совершенно неважно, как долго она уже существует и сколько ей суждено просуществовать, — она подчиняется общественным законам, а в соответствии с ними все империи рано или поздно гибнут — либо от внешних причин, либо от внутренней гнильцы. Сколь бы Конфедерация ни боролась с нами, любая империя обречена. Это лишь вопрос времени.

— Вы похожи на озлобленного философа, — заметил я. Корман неопределенно пожал плечами:

— Да, я и впрямь был историком. Не одним из этих придворных болтунов, которые вдалбливали в ваши головы одобренную режимом чушь. Нет, я был настоящим ученым, имеющим доступ ко всем материалам — ибо готовил аналитические обзоры для властей предрежащих. История, как известно, наука — хотя вам еще не довелось испытать на себе всю ее прелесть. Наши деятели — технари до мозга костей — всегда боялись истории до смерти и в конце концов решили считать ее разновидностью литературы, и не более того. Вот почему современные ученые упорно игнорируют историю и в результате становятся бессловесными овцами, которых можно завести куда угодно... Однако я отклонился от темы.

— Я получил огромное удовольствие; — искренне сказал я. Мне в самом деле требовалось досконально изучить врага. — Но вы говорили о Кориле.

Корман кивнул:

— Кори́л был редким в наше время интеллектуалом старой школы. Он прекрасно понимал, что рано или поздно Конфедерация рухнет под собственной тяжестью, и был готов поспособствовать естественному развитию со-

бытий, даже если крах наступит очень не скоро. Есть, правда, и другая теория, которая считает, что быстрый и насильственный, если потребуется, переворот спасет множество людей и приведет наконец к позитивным результатам. Человек тоже может умереть либо мгновенно, либо после долгой мучительной агонии — что приятнее? Вы уловили разницу?

Я утвердительно кивнул:

— Эволюция или революция — старая песня. Я полагаю, именно поэтому Корил больше не властитель?

— Да. Он поборник эволюции, пришедший к власти в неподходящее время.

Разговор определенно становился все интереснее.

— Неподходящее время? Значит, вопрос о революции стоит на повестке дня? Откровенно говоря, верится с трудом.

— Примерно пять лет назад, — ответил Корман, — Марек Криган, властитель Лилит, созвал конференцию Властителей Ромба. Похоже, мы установили контакт с внешней силой, которой требуется наша помощь, чтобы уничтожить Конфедерацию.

— Внешняя сила? — Я не верил собственным ушам. Пробыв на Хароне всего неделю, я узнал такие подробности, которые, как мне казалось, нужно было бы добывать годами, по крупице.

— Ну да, инопланетяне. В технологии они не слишком опередили землян, но идеология их гораздо мощнее, а стало быть, и возможности велики, хотя численностью они, пожалуй, уступают Конфедерации. Они довольно успешно сосуществовали с другими формами жизни, однако, проанализировав культуру и систему ценностей Конфедерации, пришли к выводу, что на сей раз предстоит борьба не на жизнь, а на смерть. Им ничего не стоит уничтожить Конфедерацию, хотя они не собираются истреблять все человечество.

— А почему вы так уверены в этом? Вы же сами сказали, что их намного меньше, чем нас.

Корман задумчиво покачал головой:

— Дело не в этом. Конфедерация может стереть в порошок планету с миллиардным населением при помощи небольшого устройства, одного человека и двух роботов. Трое против нескольких миллиардов — а результат?

— Однако им придется атаковать все населенные людьми планеты одновременно, — заметил я.

— Цивилизация, достаточно мощная, чтобы вступить в контакт с Четырьмя Властителями да еще и вывезти их отсюда под носом у всех патрульных кораблей, ухитрившись при этом остаться необнаруженной, способна решать и не такие задачи.

— Четыре Властителя выбирались за пределы Ромба? — потрясенно переспросил я.

Корман утвердительно кивнул:

— Правда, не все. Криган разработал общий план: пришельцы обеспечат необходимую техническую поддержку и транспорт, а планеты Ромба предоставят в полное распоряжение союзников всю свою мощь.

— По-видимому, отсутствовал Корил?

Последовал еще один кивок.

— В том-то и дело. Он открыто выступил против, опасаясь, что желание пришельцев заключить союз с Властителями Ромба — это всего лишь тактический ход с целью порабощения; а то и полного истребления человечества. Конечно, все это вряд ли произойдет в сроки, сравнимые с продолжительностью человеческой жизни; мы едва ли доживем до победы, однако в этом есть некий смысл. По крайней мере пришельцы избавят человека от микроорганизмов Вардена или хотя бы стабилизируют их. Вы понимаете, что это значит?

— Побег, — уверенно сказал я.

— Гораздо больше, чем вульгарный побег! Даже мы, лично мы, окажемся там и получим свою долю. Игра стоит свеч! Однако, как я уже говорил, имеется несколько «но». Харон наверняка котируется у заговорщиков

меньше всего. Большинство политических преступников и суперграбителей разных мастей попадают именно сюда, и заговор, откровенно говоря, может обойтись и без нашего участия. Скорее всего так и будет. Однако, если он по каким-то причинам провалится, нас накажут наравне с остальными: Конфедерация уничтожит Ромб Вардена — и дело с концом. А в случае успеха все лавры достанутся нашим соседям, а о нас никто и не вспомнит. Итак, либо мы сами присоединимся к ним, либо останемся в стороне и тогда в любом случае потеряем все. Вот к чему привела беспрецедентная нерешительность властителя Харона.

— Но, я полагаю, у него есть свои планы?

— Еще бы! Синод сделал все, чтобы изгнать его, но даже это не помогло. В конце концов он бежал на Гамуш, на экваториальный континент, в заранее подготовленное убежище; и теперь никто не может его выследить. Да и неудивительно — магия на Хароне практически всесильна. Самый бездарный волшебник убьет вас, кинув лишь мимолетный взгляд. Деревенский колдун сровняет с землей целый замок и превратит всех его обитателей в деревья, если только пожелает. Объединенные силы Синода в состоянии уничтожить целый континент. Но даже такая невообразимая мощь лишь отстранила его от власти, и не более того. Теперь вы поняли, какая это необыкновенная личность?

Честно говоря, понял я немного, но некоторое представление получил.

— И он все еще борется с вами? — поинтересовался я у Кормана.

— Да. Не столь эффективно, как раньше, но он по-прежнему очень опасен. В высших кругах у Корила остались сторонники, и ему удалось заслать своих агентов даже на наше совещание с пришельцами. Шпионы преодолели совершеннейшую охрану — вам такая и не снилась, — но, к счастью, их успели выследить до того, как они передали полученную информацию — и, конечно

же, уничтожили — но Кори́л был в двух шагах от того, чтобы избавиться от всех конкурентов сразу, — да еще прикончить двух наших союзников — а ведь его самого там и в помине не было! Он в это время отсиживался на Гамуше.

Теперь наступил мой черед.

— Все это очень интересно — но почему вы рассказываете об этом мне? Кажется, это уже выходит за рамки вводной лекции.

— Вы абсолютно правы. Официально мы преподнесли отставку Кори́ла как попытку спасти Харон от его дьявольских амбиций. Мы внедрили в массовое сознание образ Кори́ла как истинного дьявола, демона, исчадие ада. Это оказалось весьма эффективно и даже полезно — с одной стороны, позволяет контролировать толпу, а с другой — вменить в вину Кори́лу абсолютно все.

— Козел отпущения, мальчик для битья, — пробормотал я, подумав про себя, что на толерантность это тоже не похоже.

— Совершенно верно. Но он по-прежнему остается серьезной угрозой. Мы предпочли бы иметь дело только с мифом.

Кори́л использует против нас даже нашу собственную пропаганду, вербуя союзников среди недовольных нынешним режимом. Он использовал имидж «злого волшебника», чтобы создать культ оппозиции, — я имею в виду оба значения слова «культ». Мы не можем спать спокойно, пока он жив.

— То есть убрать его вам не удалось?

— Застать Кори́ла врасплох невозможно. Поймите, никакой ненависти к нему мы не питаем — мы просто должны уничтожить его, ибо не в состоянии изменить, но убить его можно, только встретившись с ним лицом к лицу. Однако для этого прежде всего необходимо выяснить, где он прячется.

Я прекрасно понимал, к чему он клонит, но кое-что оставалось неясным.

— Почему именно я?

— Сейчас объясню. Число приверженцев его культа велико, но толку от них мало, так как они искренне верят во всю эту риторическую чушь. Однако мы нанесли ему порядочный урон, и теперь Корил нуждается в новых людях — трезвомыслящих, лишенных всяческих суеверий, а также способных восстановить его связи в Конфедерации. Ему нужны люди, умеющие возглавить войско, самостоятельно мыслить; люди, которые будут на его стороне даже если и не питают особой любви к Конфедерации.

Теперь мне следовало быть предельно осторожным.

— Другими словами, вроде меня, — закончил я.

— Да. Природа нашей атмосферы позволяет нам не опасаться тайных сношений с внешним миром, и даже местные колдуны способны бороться с отдельными разведчиками. Конфедерация имеет своих агентов на всех планетах Ромба Вардена, но здесь шпионы наименее опасны, так как лишены связи с внешним миром — она возможна только с борта космического корабля, которые прекрасно контролируются. Ваша группа — первые заключенные, присланные сюда после смещения Корила, так что вы можете совершенно естественно влиться в ряды его сторонников. Кроме того, есть множество других причин, по которым мы обратились к вам — как и к другим ссыльным. Видите ли, наделав кучу ошибок, Конфедерация осознала наконец, что мы в союзе с пришельцами вынашиваем заговор против нее. К счастью, пока им известен только сам факт, а этого недостаточно, чтобы начать действовать; надеюсь также, что уже и поздно. Однако они отнюдь не безмозглы. Нам доподлинно известно, что на Ромб Вардена направлен как минимум один террорист-убийца высочайшего класса.

— ЧТО??? — Меня мгновенно прошиб холодный пот. Неужели это конец? Как же им удалось так быстро меня вычислить?

Волшебник Корман утвердительно кивнул:

— И пока мы достоверно знаем лишь про одного, не мешает подготовиться к худшему, не так ли? К тому, что их больше.

— Зачем? — спросил я, изо всех сил сохраняя самообладание. — Вы же сами сказали, что передать информацию с планеты невозможно; и любой агент так же навечно застрянет здесь, как и мы.

— Мы на Хароне считаем — замечу, далеко не все властители разделяют наше мнение, — что Конфедерация заплет своих агентов на все планеты Ромба, чтобы убить всех властителей. Они надеются, что ликвидация лидеров приостановит движение и начнется борьба за власть, а их преемники будут не столь уверены в себе, чтобы поддерживать заговорщиков. Мне так не кажется, однако это единственное, что может предпринять Конфедерация, пока сами пришельцы еще не обнаружены.

Он попал в самую точку: я не сомневался, что погиб. Мое подсознание вопило: «ОН ЗНАЕТ! ОН ЗНАЕТ!» — однако интеллект приказывал: не сдавайся — играй до конца.

— И вы уверены, что один из нас — фанатично преданный Конфедерации террорист? — прямо спросил я.

— Да, уверен, — ответил Корман. — Уверен с той самой самой секунды, как встретился с ним лицом к лицу.

Он выдержал показавшуюся мне бесконечной паузу, и я внутренне сжался в ожидании неминуемой развязки.

— Этот агент, — сказал он наконец, — ЗАЛА ЭМ-БУЭЙ.

ГЛАВА 5

ЗАГОВОР, СГОВОР И СМЕРТЕЛЬНЫЙ ЯД

— ЗАЛА??? — пораженно вскричал я. — Не может быть! Вы шутите!

В этот момент я, как никогда, был близок к провалу. Сложная смесь недоверчивости, облегчения и прежней настороженности почти парализовала мой мозг.

— Что за чепуха? Да ведь она без опеки и шагу ступить не может!

— Верно, — ответил Корман не без иронии. — Вы знаете еще кого-нибудь столь же невинного, столь же стеснительного, столь же БЕЗЗАЩИТНОГО? У нас на Ромбе таких отродясь не бывало. Как и в самой Конфедерации.

— И это все? — Подобная логика показалась мне смехотворной. — То есть вы считаете, что это маскировка?

— Как ни странно, нет. В ее естественности я не сомневаюсь. Она и есть то, что мы видим: недалекая, слабая и робкая, скорее эскиз человека, нежели существо из плоти и крови. Я готов дать голову на отсечение, что она была со мной абсолютно искренна и не догадывается о своей истинной природе и предназначении.

— Но это невозможно! — Я не удержался от улыбки.

— Увидев ее, я сразу же обратил внимание на одну аномалию. Как вы знаете, микроорганизмы Вардена проникают в каждую клетку, каждую молекулу человеческого организма. Ими пропитано все без исключения. После некоторой тренировки вы тоже сможете их увидеть, а увидев — понять и услышать. Я уверен, что вам

хватит одного дня этого... что такое ЭТО, я могу описать только приблизительно. Но, попав в тело человека, микроорганизмы Вардена начинают специализироваться — так же узко, как и содержащие их клетки. В мозгу, однако, они организуются совершенно иным способом, и столь своеобразно, что по ним можно без труда читать его внутреннюю структуру. Когда я смотрю на кого-нибудь — на вас, например, — то не только отчетливо вижу отдельные элементы, но и различаю связи между ними. Картина, в общем, у всех одинаковая — у всех, кроме Залы.

— Хм-м-м? Почему же?

— Не знаю. Это вне моей компетенции. Да и никто, наверное, не сможет объяснить. Однако ее мозг построен очень необычно. Складывается впечатление, что у нее ДВЕ лобные доли, два полностью независимых управляющих центра, соединенных с одним и тем же мозгом, но не друг с другом. Оба они абсолютно органичны. Думаю, вы поняли, для чего это нужно.

— Вы хотите сказать, что в одном теле находятся два человека? В это трудно поверить, хотя я слышал о множественности личности.

— Нет! Вы неправильно меня поняли. То, о чем вы говорите, — это невротический синдром, который лечивается соответствующими методами. А тут мы имеем дело с органическим феноменом. У нее на самом деле два мозга!

Я был потрясен — более необычного чувства я в жизни не испытывал — и на мгновение решил, что мне либо снится этот совершенно иррациональный разговор, либо я схожу с ума, как и предупреждал Крег. Но тут же меня буквально пронзило ощущение реальности происходящего. Слава Богу, я не заикнулся — спасибо тренировкам — и мужественно продолжил игру, по крайней мере пока.

— Согласитесь, — тактично сказал я, — что ваше утверждение... э-э-э... голословно.

— Да, — кивнул он, — но дело обстоит именно так. Но двойной мозг с неизвестными нам возможностями. Игнорировать его нельзя, и мы должны действовать. Через несколько часов в моем распоряжении будут секретные шифры системы обороны Конфедерации, список всех террористов и задания для половины из них. Наши источники информации в Конфедерации превосходят всякое воображение, в том числе и мое собственное. Однако даже мы ничего не слышали о подобном проекте; а ведь он, судя по ее возрасту, разрабатывался еще лет двадцать назад! Это действительно идеальный агент. Она может быть загипнотизирована, полностью деморализована, раздавлена психически, подвергнута любым, самым изощренным пыткам, но не вымолвит ни слова. Она выдержит даже телепатический тест. Она будет совершенно обычным, заурядным человеком, пока второй мозг, мозг хладнокровного и изощренного убийцы, дремлющий до поры и накапливающий информацию, не решит, что настала пора действовать. Этот холодный, кристально чистый мозг создан для решения только одной задачи.

Н-да, тут впору усомниться в самом себе. Правда, Крег ни разу не сказал, что я буду единственным агентом, так что вполне возможно, что и Зала направлена сюда с какой-либо миссией. Честно говоря, я немного растерялся.

— Ну так убейте ее, и дело с концом, — сухо посоветовал я.

— Нет, нет! Так мы никогда не увидим второй ее мозг, не узнаем, на что он способен, и, вероятно, упустим следующего агента. А если их сотни или тысячи? Это же настоящие бомбы замедленного действия! Нам необходимо всесторонне исследовать ее и, кроме того, понять, насколько они осведомлены в настоящее время.

— Я думал, их секретные архивы для вас — открытая книга.

Корман изучающе посмотрел на меня:

— Как правило — да. Однако мы — то есть Четыре Властителя — особая мишень. Все планы в этом отношении столь засекречены, что даже их создателям давно уже очистили память. — Он с сожалением вздохнул. — А это отбрасывает нас к тому, что мы назвали операцией «Дакквест» — и, стало быть, вновь приводит к вам.

Я машинально кивнул, понимая, что меня обложили со всех сторон. Однако возразить было нечего.

— По-моему, для облеченного почти божественной властью человека вы чересчур гуманны.

Взгляд Кормана слегка потеплел, и в нем мелькнуло что-то похожее на усмешку.

— Вы правы, — ответил он. — Но мягкость — это тоже сила. А вообще-то самое мощное оружие — разум, и не важно, каким типом собственно оружия он располагает.

— Может, теперь вы посвятите меня в детали операции? — без обиняков спросил я.

— Конечно, конечно. Вы с Залой отправитесь в небольшое поселение на юге, где новый культ пользуется большой популярностью. Мы полагаем, что Корил сразу начнет искать контакт — разумеется, не напрямую — и всерьез вами займется. Вы должны стать его правой рукой, поддакивать ему во всем и постараться усыпить его подозрительность.

— Вы действительно считаете, что он заинтересуется нами? По-моему, мы ничем не лучше остальных.

— Даю вам слово. Это лишь вопрос времени. Разумеется, он прощупает каждого, но не все его устроят.

— Понятно. И вы хотите, чтобы я выяснил, где он прячется.

— И еще его дальнейшие планы, — добавил Корман.

— А как насчет легенды?

Волшебник отрицательно покачал головой:

— Поймите, обычные методы шпионажа на Хароне бессмысленны. Любые мои чары Корил может обнаружить. В этом он дока. Вам придется просто сидеть и

ждать первого поручения. Вы должны показать себя в деле.

С этим я не мог не согласиться:

— Как мне выйти на связь с вами, в обход и ваших людей, и людей Корила?

— Кори́л — это ваша проблема. Что касается остального, ваш пароль — «Дакквест». Деревенские волшебники и мои люди будут знать только его, но, как только вы произнесете это слово, мы в Синоде тут же получим информацию.

— Если все, что вы рассказывали о Кори́ле, — правда, для него пара пустяков угадать пароль.

— Конечно, — кивнул Корман, — но это ничего не даст. Ведь его значение Кори́лу неизвестно, и, если его люди попытаются им воспользоваться, мы их перехватим.

Это меня вполне устраивало.

— Теперь о психозащите. Мне, вероятно, предстоит куча проверок, прежде чем я войду в доверие?

— Кори́л способен в мгновение ока стереть вашу личность в порошок, так что нам придется серьезно подготовиться. Я уже создаю у вас в мозгу блоки, селективные ловушки и охранные комплексы, которые позволят вам преодолеть все испытания. Даже если Кори́л попытается перестроить ваш мозг, это ни к чему не приведет.

— Но он, вероятно, обнаружит их, — заметил я.

— В конечном счете — да, — согласился Корман. — Но не забывайте: прежде чем попасть сюда, вы прошли интенсивнейшую трехлетнюю психотерапию. Я вижу многочисленные блоки и параллельные каналы, искусственно созданные в вашем мозгу. Те, что добавлю я, будут незаметны на их фоне и вместе с тем обеспечат вашу безопасность — понятно?

Да, я отлично его понял. Конечно, психоблокировки, которые разглядел Корман, принадлежали не только Парку Лакошу; но это многое объясняло. Если Корман

их обнаружил, но не уничтожил, значит, мои шансы высоки. Я вспомнил его ужасный гипнотический взгляд.

— Хорошо, — ответил я. — А как насчет Залы?

— Я попрошу вас тщательно следить за ней, — ответил Корман. — Разузнайте все, что сможете, о ее втором, дремлющем «я», — скоро вы, вероятно, с ним столкнетесь. Если вам это удастся, используйте «Даквест» и не отходите от нее ни на шаг.

Я недоуменно пожал плечами:

— Не слишком ли много вы от меня хотите? Поймите, я был простым планетным администратором! А теперь должен в мгновение ока стать высокочлассным шпионом, секретным агентом, вступившим в борьбу с серьезнейшим, великолепно подготовленным противником да еще и с присланным Конфедерацией террористом в придачу!

— Вы можете отказаться, — спокойно ответил он. — Вполне допускаю, что ваша специальная подготовка недостаточна, а противник у вас опасный. Но, скажите, вы хорошо помните себя прежнего?

— Еще бы, — сказал я, вполне уместно содрогнувшись от воспоминаний.

— Вы мастерски переодевались и водили за нос лучших полицейских ищек целых пять лет. Не стоит умялять свои способности.

Я задумался:

— Но тут совсем другое дело. Один прокол — и мне крышка. И счастье еще, если меня просто убьют.

— Вы правы. — Корман помолчал. — Но предположим, что у вас есть выбор. Во-первых, вы можете категорически отказаться. Я найду другого кандидата, отправлю с ним — или с ней — Залу и сотру память о нашем разговоре из вашего мозга. Вас отправят куда-нибудь на север, где вы до конца дней своих будете батрачить на плантациях. Это самый безопасный вариант. Возможно, вы согласитесь — и погибнете. Но если вы согласитесь и выполните задание, вы приобретете чрез-

вычайно высокое положение в обществе, станете правой рукой самой Эолы Мэтьюз и Синода, активным участником революции — вам воздастся сторицей.

Я внимательно посмотрел на него:

— Вы упустили еще один вариант: познакомившись с Корилом, я перейду на его сторону.

— Можете, конечно, — согласился Корман, — но зачем? Если он победит — у вас в кармане высокий пост на примитивной и изолированной планете, — заметьте, изолированной навсегда. Однако скорее всего Кори́л проиграет, и вы либо всю жизнь будете скрываться, опасаясь мшнения, либо попросту погибнете. Если вы не понимаете, что Кори́л не способен предложить вам ничего лучшего, кроме безрассудного риска, значит, я переоценил ваш интеллект.

Делать было нечего, и я кивнул:

— Что ж, согласен. Хотя немного развеюсь. Кроме того, любопытно попробовать себя в новом качестве.

Корман дружелюбно улыбнулся:

— Я знал, что мы найдем общий язык. И хорошенько запомните главное: нельзя ни на йоту недооценивать Кори́ла. Ни при каких обстоятельствах не допускайте отсебятины, не бегите к нам, если он рядом. Его захват потребует совместных усилий всего Синода.

— Я собираюсь дожить до конца этой истории, — сказал я.

Корман недобро усмехнулся:

— Запомните, Лакош, если вы обманете нас, смерть будет для вас благом. А теперь слушайте внимательно. Сейчас я уничтожу барьер пространства-времени и закончу беседу. Ни одна живая душа не заподозрит о нашем разговоре. Вечером вы получите назначение и с утра отправитесь в путь. Это будет долгое, но чрезвычайно интересное путешествие. В Бурже — так называется город, куда вы назначены, вами займется местный волшебник Тулли Кокул. Это хороший парень и великолепный специалист, но и он ничего не будет

знать о вашем задании. Смотрите не проболтайтесь: мы не можем быть полностью уверены во всех его учениках, а вы даже не представляете, сколь сильны многие из них.

— Я запомню, — заверил я его и внезапно полностью потерял ориентировку в пространстве; это неприятное ощущение длилось какую-то долю секунды. Обращиваться я не стал, но вновь услышал за спиной приглушенный шепот и шорох.

— Ну что ж, у нас немало вакансий для опытных чиновников вашего уровня, — сказал Корман деловым тоном. — Можете вернуться на место.

Я побрел к своему креслу, гадая, заметил ли кто-нибудь наше длительное отсутствие, но не обнаружил даже намека. Однако я уловил несколько понимающих ухмылок и вспомнил, что Корман уединялся практически со всеми. Интересно, какие задания у остальных. Вряд ли всех поголовно бросят на борьбу с Корилом: среди нас были поистине уникальные специалисты, которых не имело смысла превращать в заурядных шпионов.

Вспомнив слова Кормана, я бросил мимолетный взгляд на Залу, но теперь его предположения показались мне чудовищными. Однако... Однако и Конфедерация вполне могла перестраховаться, и, если гипотеза Кормана верна, значит, я оказался в весьма пикантной ситуации. Если Зала в самом деле существует в двух лицах, то Зала-2 вполне может мне пригодиться.

Мы вновь перекусили и немного отдохнули в ожидании продолжения. Беседа не клеилась, все выглядели задумчивыми и рассеянными. Мы с Залой уединились в уголке.

— Как ты думаешь, что с нами будет? — спросила она. Я неопределенно пожал плечами:

— Наверное, нам подберут какую-нибудь работу.

— Но ведь они знают, что я не администратор, — нервно сказала она. — Мне кажется, у них все-таки есть

копия моего дела. Корман сказал, что мне будет трудно найти на Хароне подходящую работу.

— Не переживай. Без работы не останешься.

— Неужели нас разлучат?! — с болью в голосе воскликнула Зада.

— Посмотрим, — холодно бросил я, уже зная о принятом решении.

Корман вернулся только часа через два. Вновь усевшись во главе стола, он перебрал личные дела, а затем взглянул на нас. Зада сжала мне руку с таким остервенением, что почти перекрыла кровообращение. Многие тоже казались обеспокоенными, но подавляющее большинство выглядело безмятежно. «Умному достаточно», — заключил я.

Корман называл наши имена, правда, уже в ином порядке, и сообщал названия городов, в которые нам предстояло отправиться, и характер дальнейшей деятельности. Когда он одновременно вызвал меня и Залу, та еще сильнее стиснула мою руку.

— Парк Лакош, вы компетентный и опытный чиновник планетарного масштаба, но здесь вам придется забыть о компьютерах и многочисленных помощниках. Ваша карьера на Хароне начнется с должности поскромнее. Город Бурже на юго-восточном побережье остался без Городского Бухгалтера. Правда, это довольно высокий пост для новичка, но место вакантно, а вы подходите. Вам предстоит курировать четыре производства; в вашем ведении — двадцать одна Компания. В настоящее время всеми делами ведает городской штаб Бурже. С его помощью вы быстро войдете в курс дела.

— Мое скороспелое назначение не вызовет возмущения у масс? — поинтересовался я.

— Возможно, но весьма незначительное. Штат в основном состоит из туземцев, которые и так чрезвычайно довольны своим положением. Они привыкли делать то, что им говорят. Будьте с ними корректны — и никаких недоразумений не возникнет.

— Спасибо.

— Найти применение вам, Зала Эмбуэй, оказалось куда сложнее. Ваш интеллектуальный уровень крайне низок, а привычная вам деятельность имеет смысл только в технократическом обществе. Без стандартного компьютерного обеспечения вы не сможете работать даже официанткой или горничной. Вам необходимо приобрести соответствующие трудовые навыки.

При этих словах рука Залы задрожала, но, к сожалению, Корман был прав.

— Таким образом, — продолжил он, — логичнее всего было бы отправить вас на плантации. Но не исключено, что ваше прежнее высокое положение может негативно сказаться на социальной стабильности коллехтива.

Зала непонимающе уставилась на него, но я понял, что он имеет в виду. Рабы трудолюбивы лишь тогда, когда не знают, чего именно лишены. Воспоминания Залы в сочетании с легендами о сказочном богатстве Конфедерации, да еще в обстановке полной бесперспективности и неуверенности, приведут к росту агрессии и в итоге к массовым конфликтам; без сомнения, Корилу все это на руку.

— Итак, Зала Эмбуэй, что будем делать?

— Я... я не знаю, — почти плача, пробормотала Зала. Ее жалкий вид мог тронуть камень.

— Боюсь, самое лучшее, что мы можем вам предложить, покажется вам несколько старомодным, — продолжил Корман деловым, холодным тоном. — Но с позволения Парка Лакоша я посоветовал бы вам стать его партнершей.

Она прямо-таки задохнулась от возмущения, да и я, честно говоря, поежился.

— Партнершей? — переспросил я.

— Я сам ощущаю определенную неловкость, — пожал плечами Корман. — Откровенно говоря, это своеобразная форма рабства. По сути, вы становитесь

вещью и будете полностью зависеть от Лакоша. Взамен вы станете готовить пищу, стирать и убирать, чинить одежду. Здесь вас быстро научат этим премудростям. Кроме того, вы будете убирать в офисе Лакоша и выполнять всякие мелкие поручения. Если потребуется, вас отзовут в любой Город или Компанию на уборку урожая или в других целях.

Зала была потрясена.

— Это же делает сервисный робот, — проговорила она.

— Да, конечно, — согласился Корман. — Но запомните: здесь нет роботов. Впрочем, я могу предложить вам стать объектом в экспериментальных исследованиях.

Зала еще раз вздрогнула:

— Для экспееее... То есть подопытным кроликом?

Корман с важным видом кивнул, а затем посмотрел на меня:

— Вы не возражаете?

Мне стало неловко. Это звучало ужасно, бесчеловечно и подло — но в самом деле, на что еще она годилась?

— Если она не против, я возьму ее с собой, — ответил я Корману.

Волшебник перевел тяжелый взгляд на Залу.

— Я... я рада поехать с Парком, но... но я не знаю, могу ли...

Корман усмехнулся, махнул рукой и поймал из воздуха небольшой плоский пузырек темного стекла, наполненный буровой жидкостью.

— Это зелье известно человечеству исстари, — провозгласил он. — Если вы решитесь связать свои судьбы, уединитесь, и пусть Зала выпьет это. Уверю вас, он вкусный и совершенно безвредный, но вы сразу почувствуете себя другими людьми.

Зала взяла пузырек и с любопытством посмотрела на него.

— Что... что это?

— Эликсир, — ответил Корман. — В старину его называли любовным напитком. Выпейте на сон грядущий, дитя мое.

Внезапно откуда-то сверху на меня обрушилась непроницаемая стена. Мы с Корманом вновь оказались наедине.

— Это действительно любовный напиток? — спросил я.

— Да, но не для нас с вами, — усмехнулся он. — На вкус немного напоминает лакричник. Однако ее мозг воспримет его как настоящий любовный напиток.

— Какой мозг?

— Это и в самом деле интересный вопрос. — Корман сделал вид, что не заметил моего сарказма. — Центры эмоций и соответствующие гормональные реакции являются скорее животной, а не собственно человеческой частью мозга. Теоретически она может превратиться в озверевшую от похоти самку — надеюсь. Однако если мои подозрения насчет ее второго мозга верны, то в принципе он способен восстановить контроль над всем организмом и полностью подавить непроизвольные эмоции. — Он ненадолго замолчал. — Проследите, чтобы она выпила. Желаю удачи.

— Постараюсь, — чистосердечно заверил я.

Каким-то образом все устроилось просто великолепно — о таком я и не мечтал. Если Корман не лжет, меня приняли за прямо противоположного человека и практически насильно отправили в лагерь единственного моего потенциального союзника, руководителя мощнейшей оппозиции. Более того, фактически я стал доверенным лицом моей будущей жертвы — Эолы Мэтьюз! Черт возьми, проиграть при таком раскладе — преступление!

Но Зала по-прежнему оставалась для меня загадкой. Чем больше я о ней думал, тем больше убеждался, что она не та, за кого себя выдает. Столь слабое духом существо вряд ли могло выжить на цивилизованной планете.

Вернувшись в нашу комнату, мы с ней уселись на кровать и немного поговорили. Зала выглядела настолько подавленной, что я просто не мог оставаться равнодушным.

— Знаешь, я и сама не против поехать с тобой, — вздохнула она, — но как свободный человек! А это же какое-то варварство!

— Ты станешь им, — заверил я. — Не волнуйся. Давай-ка хлебни.

Зала слегка встряхнула головой, не сводя глаз с пугырька.

— Нет, — сказала она, — не могу. Я знаю, чем это грозит. Я или взбунтуюсь, или сойду с ума и стану еще хуже, чем сейчас. Хотя, возможно... возможно, это будет лучший выход.

— Может, это вовсе и не зелье, — заметил я. — Даже в самой идее любовного напитка есть что-то нездоровое. По-моему, он как все на этой сумасшедшей планете — зелье будет зельем только тогда, когда ты в это согласишься.

— Интересно, что он подразумевает под «любовным напитком»? — произнесла Зала. — Он повышает потенцию?

— Я думаю, речь не о том, — предположил я. — Это просто старинная романтическая теория.

Она осторожно вытащила пробку и понюхала:

— Пахнет, как леденец.

Я вздохнул и навзничь повалился на кровать:

— Слушай, если хочешь, выпей потом, а сейчас давай спать. В конце концов возьмешь его с собой. Только ложись поскорее — завтра тяжелый день.

— Да, Парк, ты, наверное, прав... Но, черт возьми, я боюсь! Боюсь самой себя, боюсь этого города... даже жить боюсь.

Я с любопытством смотрел, как внезапно она снова выдернула пробку и поднесла склянку к губам...и вдруг замерла. Будто уже решила, но невзначай окаменела.

Однако через несколько секунд я уловил слабое движение. Ее рука медленно, очень медленно, подрагивая, поднесла флакон к губам и столь же медленно наклонила его. Казалось, Зала борется сама с собой, повинувшись одновременно двум противоречивым приказам.

Приподнявшись, я заворуженно уставился на нее. Корман предупреждал, что у Залы два мозга. Два мозга, но одна центральная нервная система. Внезапно борьба прекратилась, и девушка как-то обмякла; на лице ее застыло отсутствующее выражение. Вдруг она поднялась, подошла к раковине и вылила туда содержимое бутылочки. Затем поставила пузырек в комод, вернулась к своей кровати и молча легла.

— Зала? С тобой все в порядке? — мягко спросил я, но она молчала, и я вскочил. Зала уже спала, и дыхание ее было спокойным и ровным.

Несколько минут я пристально всматривался в нее, но ничего не изменилось.

— Черт побери! — громко выругался я, потушил лампу и лег. Сон не шел; за окном накрапывал дождь, но звук ритмично барабанивших по черепице капель мало беспокоил меня.

Что это было?

ГЛАВА 6

ДОЛГАЯ ДОРОГА В БУРЖЕ

Наутро Зала ничего не помнила о вчерашнем и не-
сказанно удивилась, увидев в раковине следы волшеб-
ного зелья. Она обвинила меня.

— Ты сама это сделала, — возразил я. — Прямо у
меня на глазах.

Зала недоуменно уставилась на меня:

— Ты шутишь?

— Нет. Честное слово.

Она повертела головой, словно пытаясь вспомнить, но
после томительной паузы вздохнула и пожала плечами:

— Ну ладно, ничего не поделаешь.

— Хоть собираться легко, когда вещей нет, — заме-
тил я. — Надеюсь, в Бурже мы прибарахлимся.

Завтрак, как обычно, был аппетитный и обильный,
однако Гарал, который присматривал за нами сегодня
утром, попросил несколько человек, в том числе нас с
Залой, поторопиться.

— Поездка вам предстоит длительная, — сказал
он, — но комфортабельной ее не назовешь.

Мы вняли его совету. Я не стал наедаться, но выпил
несколько чашечек очень приятного напитка с кофеи-
ном и съел небольшой пирожок.

Когда мы заканчивали, Гарал поднялся.

— Вы разъедетесь отсюда по одному, — объявил
он, — или же небольшими группами. Дождь перестал,
значит, многие отправятся по воздуху — здесь это удоб-
нее всего. Впрочем, некоторые все равно будут доби-
раться до мест назначения несколько дней.

— По воздуху? — не удержался я. Остальные, впрочем, удивились не меньше. — А я думал, что машин здесь нет.

— Да, мы используем только челночные космические аппараты и лишь для перелетов на большие расстояния — с континента на континент, например, однако у нас есть кое-что еще, — таинственно ответил Гарал. — Скоро увидите сами.

Отсутствие у нас багажа его невыразимо обрадовало.

— Прекрасно. Там вы получите все необходимое. — Гарал внимательно посмотрел на нас и хитровато улыбнулся. — Издалека многое кажется несложным. Но теперь вы отправляетесь в реальный мир, и я хочу предупредить: с первых же шагов вы испытаете настоящий шок. Впрочем, не пугайтесь и не вешайте носа — прислушивайтесь к советам местных жителей и не принимайте близко к сердцу непонятное, со временем вы привыкнете. Звучит банально, но отнеситесь к моим словам серьезно. Помните, что любой сорванец, которому вы дадите подзатыльник, может оказаться Учеником и в гневе свернуть вам шею или в лучшем случае наложить на вас заклятие. Не пяльтесь во все глаза на оборотней! Запомните, что каждый, кто выглядит необычно, стал таким неспроста и от подобного никто не застрахован.

Тогда мы не поняли этих слов.

Все утро какие-то официальные лица заходили к нам и уводили с собой одного или двух человек. Нас с Залой вызвали едва ли не последними, уже во второй половине дня, когда я начал с тоской вспоминать о своем чересчур легком завтраке.

Нас посадили в маленькую закрытую двухместную коляску, запряженную большим зубастым угаром. Путешествие началось ужасно: скамьи были очень жесткими, и к тому же я ничего не видел. Дорога была до безобразия разбита, но, собственно говоря, это не имело большого значения: в такт движениям огромной зверюги нас бросало из стороны в сторону. Коляска быстро выбралась за город и по извилистой дороге покатилась на

север. В пути мы с Залой почти не разговаривали. Благодаря Корману я имел хоть какое-то представление о нашем ближайшем будущем, но моя спутница была на грани отчаяния.

Мы миновали небольшую рощицу и выбрались на открытую местность; Зала выглянула в небольшое оконце и буквально задохнулась от неожиданности. Нахмурившись, я наклонился к окошку и тоже опешил: перед нами возвышалась огромная туша, покрытая гладкой блестящей шкурой; над ней торчала голова, похожая на гигантский черный треугольник, увенчанная огромной костяной пластиной, которая спускалась вдоль шеи и заканчивалась у самой земли. На первый взгляд голова состояла из невероятных размеров клова и двух огромных круглых глаз, начисто лишенных век. Однако самым поразительным в этом таинственном создании были длиннющие крылья, простиравшиеся вдоль тела. Их поддерживали выходящие из странного сооружения на спине длинные тросы. Зверь лакомился чем-то столь же громадным и кровавым, легко заглатывая здоровенные куски изуродованной плоти. Повозка остановилась, и два человека бросились ее открывать, а зверь сыто и громко рыгнул.

Мы с Залой выбрались наружу и замерли, потрясенные. К нам подошла молодая женщина в черном кожаном костюме, плотно облегающем тело, и в такой же обуви. Увидев наши физиономии, она скользнула взглядом по уже насытившейся твари.

— Правда, она великолепна? — восторженно произнесла девушка.

— Да, иначе не скажешь, — подтвердил я. — Что это за чертовщина?

— У них длинное научное название, но мы называем их парителями; они очень редко садятся на землю, потому что взлетают с большим трудом.

Они — обитатели верхних слоев атмосферы. Там, над облаками, они свободно парят и при этом почти не затрачивают энергии.

— Неужели мы полетим на нем? — тревожно спросила Зала.

Девушка приветливо улыбнулась:

— Ну да, естественно. Это очень удобно, хотя далеко не везде найдется открытая местность для приземления. А еще им нужен сильный ветер, чтобы набрать высоту. Они очень дружелюбны и ласковы, и мы разводим их как домашних животных.

— А отсюда он может взлететь? — спросил я.

— Конечно. Шилле не привыкать. Но их грузоподъемность невелика, так что для массовых перевозок они непригодны. У нас на них летают только важные шишки, так что вам повезло. Большинство лишено такой возможности. Когда парители неожиданно появляются из-за облаков, простолудинов охватывает прямо-таки первобытный ужас.

— Ничего удивительного, — мрачно заметил я, уже не жалея о легком завтраке.

— Мы будем сидеть у него на спине? — ошарашенно поинтересовалась Зала.

— Ну что вы, — расхохоталась девушка. — Сейчас команда укрепит кабину для пассажиров — видите?

Теперь мы увидели маленькую, но на первый взгляд прочную кабинку, которую устанавливали на спине чудовища с помощью ручных лебедек. Два члена экипажа, которые на фоне огромной туши казались крошечными суетливыми насекомыми, сбросили вниз огромные лямки, а там оставшиеся на земле рабочие протаскили их под брюхом животного и затянули. Проверив крепление, те, что были наверху, удовлетворенно кивнули и зафиксировали трапы по бокам зверюги. Затем прямо на шее чудовища укрепили еще одну кабинку, поменьше.

— А что они едят? — спросила Зала, недоверчиво поглядывая на гигантскую тварь.

Девушка неопределенно махнула рукой:

— Практически ничего. Они всеядны, как и мы, но внутри они пустотелы и намного легче, чем кажется.

Для подъема они пользуются восходящими потоками воздуха и, набрав определенную высоту, больше не расходуют энергию. Обычно на пару дней им требуется тонна пищи; как правило, это верхушки деревьев и тому подобное. Но Шилле мы скормили двух угаров, потому что взлет с ровной площадки потребует много сил. В природе они служат естественным регулятором численности крупных животных, прореживают леса, и им ни-почем любой ливень. Дикие парители никогда не приземляются, но летают очень низко. Они в общем-то не опасны — хотя тем, кто кормит их недостаточно вкусно, нужно быть начеку.

Мы с Залой немного повеселели.

— А как им управлять? — спросил я.

— Пилот — то есть я — находится в кабине; там есть основные навигационные приборы, а пол открыт с обеих сторон. На заре воздухоплавания пытались использовать уздечки, но от них было мало толку, к тому же они причиняли животным сильную боль. Теперь хорошо обученному парителю, вроде Шиллы, достаточно легкого прикосновения: я просто ставлю ногу с нужной стороны, а когда поворот завершен — убираю. — Девушка немного помолчала. — В принципе все гораздо сложнее, но не беспокойтесь: с Шиллой проблем не будет.

Сама она была ничуть не выше меня и выглядела такой хрупкой, что рядом с огромной тушей парителя это заявление прозвучало излишне самонадеянно.

К девушке подбежал один из членов экипажа.

— Предсказатели говорят, минут через двадцать опять хлынет, — сообщил он. — Надо поскорее взлетать.

Девушка согласно кивнула.

— Вы же сказали, ему любой ливень нипочем, — заметил я.

— Да, — ответила она, — но при взлете нас может запросто перевернуть вверх ногами. Лучше поторопиться, — и побежала к парителю.

Мы с Залой переглянулись.

— Как ты считаешь, выдержим? — спросил я.

— Лично я попытаюсь, — ответила Зала. — Чем я хуже нее?

Вслед за членами экипажа мы торопливо побежали к твари, вокарабкались по трапу и залезли в кабину.

Она выглядела довольно удобной. Оснащенные ремнями безопасности кресла были очень мягкими и подозрительно напоминали кресла челнока, доставившего нас на Харон. Изнутри кабина была обтянута чем-то вроде кожи, а в глубине ее находилась комната отдыха. Хотя света из крошечных окон явно не хватало, многочисленные светильники, основанные на химической реакции, создавали вполне комфортную атмосферу.

В салоне уже сидели пожилая женщина и молодой человек с жестким выражением лица; я даже не заметил, когда они поднялись на борт. Их причудливые дождевики были изготовлены явно не на Хароне. Здесь же находился и экипаж: двое мужчин и женщина. Один из мужчин втянул в кабину трап, еще раз проверил крепление, захлопнул дверь и закрыл ее на замок. Его коллега обратился к нам:

— Пожалуйста, застегните ремни на ногах и плечах. Хотя полет протекает в основном спокойно, может случиться всякое. Не расстегивайте их до приземления. Если вам потребуется в туалет, все время держитесь за поручень и пристегнитесь даже там. Кабина не герметизирована, так что приготовьтесь к перепаду давления и неприятным ощущениям в ушах. Желающим можем предложить жевательную резинку и мятные конфеты. На очень большой высоте, при выходе из штормовых зон, следует надеть кислородные маски — они подключены к баллону со сжатым воздухом и находятся под вашими сиденьями. Снимайте их только по сигналу.

Внезапно кабина резко накренилась и раздался леденящий душу вой. Мы с Залой нервно поежились; остальные наши спутники и бровью не повели.

— Осторожно, взлетаем! — не менее пронзительно прокричал старший, и все мгновенно пристегнулись. — Держитесь!

Вновь раздался резкий крик, и нас со страшной силой вдавило в кресла. Началась дикая болтанка, и мое тело сразу зануло. Я вспомнил злорадный блеск в глазах Гарала; теперь я понял, что он означал. Зала сжалась в комок и закрыла глаза. Я выглянул в маленький иллюминатор: слева прямо перед гигантским крылом, которое ритмично подрагивало, пронеслась земля. Внезапно чудовище прыгнуло с громадного утеса, который я почему-то не заметил раньше, и камнем полетело вниз. Нас вышвырнуло вперед, и проклятые ремни больно врезались в тело.

Я хороший пилот и бывал в передрягах почище этой; но тогда я по крайней мере управлял машиной, которую знал как свои пять пальцев. А сейчас, откровенно говоря, я уже попрощался с жизнью.

Внезапно падение прекратилось, и мы стали набирать высоту. Только в этот момент я с ужасом увидел, как близко мы находились от земли.

Подъем сопровождался качкой в такт взмахам чудовищных крыльев; через одну-две минуты мы вошли в облака и попали в череду глубоких воздушных ям. Оглядевшись, я увидел бледную Залу, так и не открывшую глаз; она держалась явно из последних сил. Другие пассажиры не выказывали никаких признаков недомогания, а что касается экипажа — тем вообще все было ни-почем. Один из них с аппетитом поглощал какой-то дикий фрукт.

Проклятые ямы, казалось, не кончатся никогда, но вскоре мы пробились сквозь плотную облачность и кабина озарилась ярким солнечным светом. Несколько минут спустя чудовище нашло подходящий воздушный поток и воспарило. Ощущение было потрясающее — полет стал плавным, словно мы скользили по стеклянной поверхности, и наступила абсолютная тишина:

Я поглядел на бледную Залу:

— Можешь открыть глаза, самое неприятное позади. Похоже, дальше будет легче.

В душе я молился, чтобы это оказалось правдой.

Зала явно услышала меня — ее глаза приоткрылись и с невыразимой печалью уставились на меня.

— Мне очень-очень плохо, — простонала она.

Я мог только от всего сердца посочувствовать ей:

— Расслабься и не волнуйся. Все будет хорошо.

Но Зала не разделяла моего оптимизма.

— Какой же будет посадка? — сокрушенно пробормотала она.

Вопрос, прямо скажем, на засыпку. Как затормозить такую тушу? Однако команда держалась абсолютно спокойно, и я счел за благо положиться на их опыт.

Один из членов экипажа взял небольшую коробку и предложил нам фрукты. Зала переменялась в лице при одном только упоминании о еде; я заколебался, но из чувства солидарности тоже отказался. Нам сообщили, что лететь осталось чуть больше пяти часов, если погода будет хорошей; скорость полета превышала 250 км/ч, что для такого исполина совсем неплохо.

Примерно каждые пятнадцать минут наш плавный полет прерывался взмахами крыльев, и нас вновь швыряло из стороны в сторону, но это было вполне терпимо, и я, наконец, смог оценить красоту харонианского неба.

Под нами сплошным ковром клубились тяжелые тучи, а в вышине курились странные красные и желтые полосы, и их движение не прекращалось ни на секунду. Я предположил, что в атмосфере имеется какой-то газовый слой, благодаря которому на поверхности поддерживается приемлемая температура, иначе Солнце — огромный слепящий шар, сожгло бы здесь все дотла. По-видимому, именно эта аномалия делала невозможной любую связь с планетой, но суть ее так и осталась для меня загадкой.

Мы часто слышали отрывистые хлопки, а иногда и пронзительный крик парителя — когда недалеке про-

плывало другое чудище, — впрочем, я замечал только неопределенную черную тень. В остальном полет протекал без особых происшествий. Я разглядел под дождевиками наших соседей другую, не менее качественную и, пожалуй, даже роскошную одежду. Они явно летели вместе, однако женщина, погрузившись в изучение каких-то бумаг, почти не обращала внимания на молодого человека.

Казалось, что передо мной — босс и его охранник, но я не мог проверить свою догадку.

Вскоре даже Зала, похоже, пришла в себя, хотя в течение всего полета ее лицо оставалось зеленым.

Потом хлопки стали регулярными, Шилла плавно разворачивалась, понемногу теряя высоту. Члены команды, до того свободно передвигавшиеся по кабине, проверили крепление коробок и люков, вернулись на свои места и пристегнулись.

Выглянув в иллюминатор, я с удивлением обнаружил впереди большой просвет в облаках, а под ним: — огромные темно-синие пятна. Облака мы прошли, как на дирижабле, и вновь пережили невыносимую качку и болтанку. За окнами клубился тяжелый сероватый туман, но вскоре мы снизились, и внизу открылась земля — сплошной зеленый ковер и невысокие холмы. Больше я ничего не разглядел.

Паритель описал большой круг, сбрасывая скорость, а затем поставил крылья почти перпендикулярно встречному воздушному потоку. Мы понеслись вниз; несколько раз кабину сотрясали мощные удары крыльев, гасящие вертикальную скорость. Наконец все стихло и кабина замерла.

Я слегка потрепал Залу по плечу и сообщил, что ее мучения кончились. Она недоверчиво посмотрела на меня, но вскоре широко распахнула глаза и огляделась. Впервые за весь полет она отважилась выглянуть в окошко и облегченно вздохнула.

— Совсем не то, что взлет, правда? — бодро спросил я.

— Клянусь, лучше сдохнуть, чем еще раз пережить это, — убежденно ответила она.

Люк открылся, и в кабину ворвалась струя обжигающего липкого воздуха, однако после пяти часов полета это показалось мне верхом гостеприимства. К тому же не было дождя.

Наши соседи собрали вещи и покинули кабину. Мы последовали за ними, и трясущаяся от страха Зала умудрилась уронить трап.

Когда мы вылезли, к парителю подъехал вагон, напоминающий огромную мясную лавку, — топливозаправщик, догадался я. По другую сторону от Шиллы стояла небольшая группа хорошо одетых людей, рядом ждали две повозки. Нашим попутчикам был оказан торжественный прием, что не оставляло сомнений в их чрезвычайно высоком положении. Встречающие почтительно приветствовали прибывших, а женщине к тому же то и дело отвешивали поклоны. Затем кто-то распахнул для нее дверцу повозки, а остальные поспешили к парителю и вытащили из отсека под пассажирским отделением багаж важной гостьи; за остальными грузами к чудовищу подъехали легкие повозки.

Мы по-прежнему стояли посреди поля, не зная, что же нам делать. Наконец я подошел к тому члену команды, который опекал нас в дороге:

— Простите... Это — Бурже?

— Да, — ответил тот. — Вам ведь нужно именно сюда, не правда ли? Наша следующая остановка — Ламаза.

Я поблагодарил парня и вернулся к Зале.

— Пойдем к тем ребятам, — предложил я, — и посмотрим, не встречают ли нас.

Мы нерешительно приблизились ко второй повозке и осмотрелись. Стоявший неподалеку парнишка быстро оценил ситуацию и подошел к нам.

— Вы новый Бухгалтер? — обратился он ко мне.

— Да, — с облегчением произнес я. — Меня зовут Парк Лакош.

Парень выжидающе посмотрел на Залу:

— А вы?

— Зала Эмбуэй. Я его... ассистент.

— Отлично, — с пониманием произнес тот. — Сейчас мы поедem в город, и там вас введут в курс дела. — Он взглянул на наши руки. — Вы без багажа?

— Да, — ответил я. — Мы на Хароне недавно и надеялись получить все необходимое здесь, на месте.

Он явно заинтересовался:

— Вы Извне? Странно, что вас направили сюда.

Я многозначительно пожал плечами и полез в повозку:

— Мне предложили это назначение, и я не стал отказываться.

В город мы въехали в полном молчании. Паренек сидел наверху рядом с водителем.

Бурже оказался не совсем таким, каким я его представлял. Маленькая деревушка раскинулась напротив живописнейшего залива на невысоких, поросших густыми джунглями холмах. Дома были непривычно низенькими и выкрашены в ярко-белый цвет. Я невольно вспомнил Монтлэ с его прозрачными светящимися тротуарами и современной архитектурой. Больше всего Бурже смахивал на окраины Конфедерации, где дома строились из обожженного саманного кирпича, а крыши топорщились точно такой же черепицей. Несмотря на низкие облака, было ясно, что дожди здесь не так обильны, как на севере, что, на мой взгляд, было немалым преимуществом. У берега теснились многочисленные парусные лодки.

Впрочем, здесь было по-настоящему ЖАРКО — наверняка больше 40 градусов по Цельсию, — и мы с Залой мгновенно взмокли. Не знаю как ей, а мне срочно захотелось чего-нибудь холодненького. К моему удивлению, Зала была очарована.

— Это и впрямь славное местечко! — с восхищением заявила она, не отрываясь от окошка.

Главную площадь с небольшим парком посередине окружали четыре муниципальных здания — простые квадратные коробки, зато двухэтажные. Они, разумеется, были средоточием местной жизни — здесь находились рынки, магазины, многочисленные лавки. Повозка остановилась. Наш провожатый спрыгнул вниз, открыл дверцу экипажа и помог нам выбраться наружу.

Жизнь вокруг если не кипела, то, во всяком случае, шла своим чередом. Сновали люди, витрины ломились от всевозможных фруктов и овощей, шмоток и кустарных поделок. Этот торговый рай вселял определенную надежду.

— Пойдемте со мной, — сказал мальчишка, и мы послушно двинулись следом. Зала уже оправилась от мучительного перелета и теперь предвкушала походы по местным рынкам.

Войдя в здание, мы очутились в огромном холле с массивной деревянной лестницей посередине. Из холла лучами расходились коридоры, вдоль которых располагались всякие кабинеты. Парень остановился и повернулся к нам.

— Подождите здесь, — сказал он. — Я узнаю, на месте ли мастер. — С этими словами он шагнул на лестницу и скрылся из виду.

— Что это за мастер? — спросила Зала.

— Наверное, местный колдун, — предположил я. — Будь с ним повежливее. Я хочу произвести самое благоприятное впечатление.

— Не беспокойся, — заверила Зала.

В ожидании мы принялись разглядывать помещение. Снующие туда-сюда озабоченные клерки не обращали на нас никакого внимания — что поделать, чиновник везде чиновник. Одно хорошо — здесь было намного прохладнее, чем на улице. В здании явно имелась система кондиционирования, хотя я не мог даже предположить, на чем она основана. К тому же кондицио-

нирование было неполным — снижалась только температура воздуха, но влажность оставалась прежней.

Мы уже истомились, когда наконец опять появился мальчик — но уже другой.

— Мастер примет вас, — возвестил он и повел нас куда-то. В глубине здания температура была заметно выше.

Провожатый привел нас в небольшой кабинет без входной двери. Он несколько напоминал комнату ожидания; большой стол был пуст. Парень широко распахнул дверь в глубине кабинета, и навстречу ударила струя непривычно холодного и сухого воздуха. Просторное помещение было обставлено с большим вкусом. В центре стоял огромный резной письменный стол. За ним, с трубкой в зубах, сидел мужчина крепкого телосложения с неестественно седой бородой. При этом он, правда, был полностью лыс.

Увидев нас, бородач улыбнулся и приветливо кивнул.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — предложил он и указал на стоящие у стены кресла с высокими спинками. Они оказались вполне современными и очень удобными, хотя каждый знает, что это ничуть не способствует общению на равных с человеком, сидящим за письменным столом.

Бородач посмотрел на паренька.

— Гори, ты свободен, — сказал он. — И хорошенько закрой за собой дверь.

Мальчик кивнул и немедленно подчинился.

— Славный парнишка, правда? — спросил хозяин кабинета. — Со временем из него получится способный ученик, если он изживет свою медлительность.

— Медлительность? — переспросил я.

— Да. Он хочет быть рыбой. Извините, забыл представиться — Тулли Кокул, главный маг и верховный громовёржец этого островка человечества.

— Парк Лакош, — в свою очередь отрекомендовался я. — А это — Зала Эмбуэй.

Кокул поглядел на Залу, и по его лицу скользнула легкая тень удивления, однако он тут же взял себя в руки. Как пить дать, он увидел то же, что и Корман.

— Я ждал вас, Лакош, но никто не предупредил меня о даме. Я...

Его прервал внезапный стук в дверь. Вошел Гори и, положив на стол сумку с папками, развернулся и опять вышел из кабинета.

— Замечательно... просто великолепно... — пробормотал Кокул, доставая из сумки две папки-скоросшивателя, затем отложил одну и принялся листать вторую. Я нисколько не сомневался, что содержимое обеих папок касается нас с Залой.

— Хм-м-м. Честно говоря, мне не очень нравится ваше положение, мадам Эмбуэй, — произнес он вполголоса, словно сам себе, и внимательно посмотрел на Залу. — Бурже — весьма консервативная деревня. Не считая меня, вы — единственные, кто попал сюда Извне.

Зала непонимающе смотрела на него, и я рискнул вмешаться:

— Религия?

Кокул сокрушенно кивнул:

— Лет пятьдесят Ромб наводнили миссионеры различных церквей и сект. Конфедерация всячески поощряла это, как и любую попытку фанатиков исчезнуть с глаз долой. Бурже тогда был маленькой деревушкой — он и сейчас невелик, хотя получил статус региональной столицы. Одну из таких сект, Союзников, быстренько поперли из всех мало-мальски крупных городов, однако их лидер, Суритани, был настоящим баловнем судьбы и к тому же превосходно разбирался в магии. Он обзавелся кучей единомышленников, в основном женщин, они пришли сюда и устроили в Бурже религиозную колонию. Большинство жителей здесь связаны кровными узами.

— Мне это кажется излишне либеральным, — заметил я. Зала промолчала.

— Да, высшее начальство тоже так считало, но у простого люда было иное мнение. Обычная история. Поймите, я единственный человек в округе, который может сказать такое, не опасаясь последствий. Вы должны отнестись к местным верованиям с исключительным вниманием и тактом, иначе здесь и шагу не ступишь.

Я понимающе кивнул.

— Так, в частности, вы обнаружите, что подавляющее большинство населения замирает два раза в сутки — в восемь часов утра и в шесть вечера — это время совместной молитвы. Социальный статус мужчин и женщин различен, у них разные обязанности. — Кстати, люди здесь весьма консервативны. Мужчине разрешается иметь до трех жен. Женщин в деревне намного больше, чем мужчин.

— А женщина может иметь трех мужей? — спросила явно заинтригованная Зала.

— Нет, — отрезал Кокул. — Я же говорю, это древняя религия, почти атеизм. У них один всемогущий Бог, который находится где-то в центре Вселенной, и множество разнообразных духов — посредников между людьми и их Господом. Все столь же сложно, сколь старомодно.

— Похоже, это не самая лояльная к верховной власти деревня, — заметил я. — Особенно если учесть, что властитель у вас — женщина.

— Вы правы, Лакош. Теперь я понимаю, почему к нам направили именно вас. Да, действительно они игнорируют современную политику, и это моя постоянная головная боль. Одна из здешних сект, честно говоря, делает жертвоприношения в мою честь. Большинство же попросту считает, что у Эолы Мэтьюз есть мужчина, который-то и является настоящим властителем, а сама она только ширма. Это не слишком далеко от истины, хотя на всех углах кричат, что наш лидер провозгласила свою божественность и навязывает планете свой собственный культ. Если так пойдет и дальше, вскоре здесь сменится все руководство; возможно, даже

шефы Компаний. Однако я надеюсь к тому времени куда-нибудь перебраться.

Я прекрасно понял суть его проблем, и от меня не укрылось, что главный колдун Бурже — готовый кандидат в ряды оппозиции Корила.

— Эту религию исповедуют все жители Бурже? — спросил я.

Кокул отрицательно покачал головой.

— Все люди разные, — философски заметил он. — Я бы сказал, что примерно половина жителей искренне набожна, еще тридцать процентов веруют по привычке, а десять — выполняют обряды только ради того, чтобы избежать неприятностей.

— Получилось только девяносто процентов, — резонно заметил я.

Кокул кивнул:

— Да. Остальные десять процентов — оппозиция.

— Оппозиция?

— Подавляющее большинство религий имеет своих дьяволов, демонов, то есть кого-то, кто отвечает за зло, неизбежно присутствующее в мире. И наша не исключение. У нас он называется Разрушителем. В чересчур регламентированном обществе всегда есть люди, которые вполне осознанно становятся на сторону зла. В основном это женщины, в той или иной степени владеющие волшебством и знающие — либо по собственному опыту, либо понаслышке, — что где-то женщины не только имеют равные права с мужчинами, но и пользуются огромными преимуществами. Первоначально культ зла возник именно здесь, но потом в разных модификациях широко распространился по всему Харону, что косвенно подтверждает — оппозиционеры объединились во всепланетную политическую организацию под руководством Мэтьюз.

— Я совершенно незнаком с местной политической обстановкой, — сказал я, — но, по-моему, это нелогично. Истеблишмент Харона предубежден против женщин,

пока иерархией управляет женщина. Оппозиция, желающая дать женщинам равные права, по сути, играет на руку тем, кто собирается вернуть власть в руки мужчин.

Зала внимательно следила за нашим разговором, но помалкивала. Я немного посвятил ее в современную историю Харона, так что имена участников были ей знакомы, даже если смысл игры от нее ускользал.

— Видите ли, все не так просто, — сказал Кокул. — Вообще-то Бурже своего рода исключение — правда, не единственное. Есть города, где господствуют религии еще почище. В Бурже существует своеобразное триединство: наш культ с его системой ценностей, тотальная оппозиция, а также государственное руководство. В настоящий момент его представляем только вы и я.

Теперь я начал понимать, почему именно меня направили сюда. Строгие порядки в этом изолированном районе южного побережья гораздо действеннее, чем поддерживаемая Корилом и его агентами оппозиция.

Хотя Кокул весьма откровенно обсуждал Мэтьюз и был даже несколько циничен, я не обольщался. Подобно мне, он родился в совершенно другом мире с иной культурой и попал на Харон наверняка вполне заслуженно. Его критикой в адрес правительства можно было пренебречь; вряд ли Синод отправил бы заведомого предателя или просто малосведущего администратора в столь взрывоопасный регион.

— Но довольно об этом, — вдруг решил волшебник. — Надеюсь, вы привыкнете к здешней социальной структуре, которая отнюдь не так плоха, а во многом даже удобна. Местные жители приветливы и очень трудолюбивы. Мы полностью обеспечиваем себя всем необходимым, имеем мощную, по меркам Харона, кустарную промышленность и получаем большую прибыль от экспорта. Весьма неплохо для деревушки с населением меньше 5000 человек. Погода у нас изменяется от жары до сильной жары, так что на официальные мероприятия можно ходить в самой легкой одежде, а то и практически без оной. У нас отличная

грунтовая вода, а в ближайших холмах много великолепных водопадов, которые мы используем довольно широко — от систем охлаждения до насосов и тому подобного; все, разумеется, сугубо механическое. Кстати, самый современный механизм в Бурже — это солнечные часы, хотя для наиболее трудоемких работ за пределами Компаний мы используем паровые машины. Хороший инженер — это почти бог, даже если он лишен привычных источников энергии.

Эти слова я запомнил; правда, тут не было ничего нового: и в древности человечество добивалось поразительных успехов при помощи примитивнейших источников энергии.

— Так в чем же заключается моя работа? — спросил я. — Как нам обустроиться и с чего начать?

— В основном она сводится к простому надзору, но так как вам придется отвечать за многое — эффективность труда, точность данных, любые просчеты и ошибки, — работы непросты. На расстоянии дня пути от Бурже расположены девять Компаний с почти тысячей рабочих. Их продукция очень ценная и пользуется большим спросом. Тридцать гильдий в самом городе производят множество товаров: от одежды до механизмов, и, естественно, они нуждаются в сырье. Собственно говоря, вы, по сути, являетесь директором местного банка. Правительственные синдикаты встречаются четыре раза в год в Монтлэ и определяют ценовую политику и допустимый уровень рентабельности. Вы получите пухлую книгу, где приведены все необходимые цифры. Ваша задача — сбалансировать доходы и расходы в соответствии с установленными ценами. К вам поступят заказы от всех соседних Компаний, а также заявки на их продукцию. Весь фокус в том, чтобы стоимость готовой продукции строго соответствовала стоимости сырья. Если баланс будет нарушен в их пользу, им придется оплатить разницу.

Я кивнул:

— Пока все понятно. Кто будет платить мне зарплату и финансировать расходы?

— Банк получает десять процентов с каждой сделки. Половина ваша; так как производители еще только разворачиваются, естественно, в будущем ваши доходы возрастут. Кроме того, кое-что вам доплачивает правительство Харона.

— Значит, я могу поощрять развитие производства. Очень интересная система.

— Да, вы правы, — согласился Кокул. — Если возникнут серьезные проблемы, вы можете проконсультироваться у эксперта. Платно.

Я вспомнил нашу пожилую попутчицу в парителе. Неужели здешним властям и впрямь по душе такой расклад? Однако сейчас меня волновали более насущные вопросы.

— А где мы будем жить? И как насчет подъемных?

— Не тревожьтесь, — ответил Кокул. — Ваш счет накапливался уже два месяца, с тех пор как умер предыдущий Бухгалтер, и теперь у вас кругленькая сумма. Вы можете получить ее внизу и тратить по своему усмотрению. Дом полностью обжитой — Тьюди, тот самый мальчик, который вас встречал, проводит вас. Дом в двух шагах отсюда на берегу залива.

— Кстати, не сочтите за нескромность — а кто платит вам? — полюбопытствовал я.

— Никто. Деньги для меня ничего не значат, — рассмеялся он, но затем серьезно продолжил: — В первое время у вас будет куча дел; спокойно осваивайтесь, знакомьтесь с нашей жизнью, а мелкие просчеты, которые вы неизбежно допустите, можно будет списать на два предыдущих вакантных месяца. Рабочий день начинается в восемь. Рынки и лавки открываются в девять, а заканчиваем работу — за исключением авралов — в четыре. Фирмы работают до девяти-десяти часов, кафе — несколько дольше, однако ночной жизни практически нет. Пьют здесь только пиво и сухие вина, а доморо-

ценные развлечения не заслуживают особого внимания. Мы работаем шесть дней и три отдыхаем.

— Наверняка в таком маленьком городке махровым цветом распускаются слухи, — заметил я. — По-видимому, наше появление не останется незамеченным в обществе.

— О, пусть вас это не беспокоит, — заверил нас Кокул. — Мы представим вас горожанам на вашей свадьбе.

— Что??? — воскликнула Зала.

— Я уже говорил, что здешние нравы очень консервативны. У вас нет ни работы, ни состояния — но вы очень привлекательны. Я полагаю, вы предпочтете выйти замуж за Парка, не дожидаясь, пока вас заставят вступить в брак с местным аборигеном и делить мужа с двумя другими женами.

— Но я вообще не хочу замуж. Я не верю в брак.

Наш собеседник сокрушенно вздохнул:

— Поймите, это не имеет никакого значения. Забудьте о цивилизованных планетах. Это даже не город вроде Монтлэ или Кадуры. И не переживайте — это просто спектакль на потребу публике.

— Так почему бы не объявить, что мы уже женаты? — поинтересовался я.

— Потому что свадьба — самый простой и быстрый способ ввести вас в общество. Вы познакомитесь с людьми, засвидетельствуете свое уважение к местным порядкам и верованиям, и отношение к вам станет совершенно иным. Положитесь на меня и ни о чем не беспокойтесь. И еще: столкнувшись с каким-либо раздражающим фактором — держите язык за зубами. Я самый сильный чародей в округе, но здесь тьма-тьмущая самоучек — гораздо больше, чем можно подкупить, и некоторые очень сильны. До тех пор пока сам этому не научишься, самое разумное — любой ценой избегать конфликтов. Собственно, это единственная тактика выжить в нашем сумасшедшем мире.

— Я постараюсь, — пообещала Зала.

ГЛАВА 7

ПРИВЫКАНИЕ

Все шло своим чередом. Как и предупреждал Кокул, на моем счету оказалась внушительная сумма, и мы с Залой купили себе пристойные туалеты и все самое необходимое.

Наша свадьба состоялась на центральной площади; церемонией руководил один из местных священников, а свидетелем и поручителем был Кокул. Из Залы получилась превосходная невеста. После торжественной части свадьба плавно перешла в настоящий карнавал с песнями, танцами, подарками и всяческими сюрпризами, а потом — в дружескую вечеринку с моими новыми коллегами. Кокул оказал мне неоценимую услугу, представив меня всем влиятельным людям города, и я заботливо отложил эту информацию в памяти. Даже Зала, несмотря на все опасения и дурные предчувствия, постепенно вошла во вкус и призналась, что не прочь выходить замуж каждые год-два.

Что касается меня, то я с головой окунулся в изучение города и свою новую работу, стараясь побыстрее постичь все ее тонкости. Впрочем, ни на что другое времени все равно не оставалось.

Корил держался в тени, прекрасно понимая, что внимание Мэтьюз сейчас целиком приковано к нам.

Мои сотрудники были приветливы и услужливы, а система оказалась предельно простой, даже примитивной, но очень эффективной. Солнечные калькуляторы и небольшие солнечные компьютеры существенно облегчали задачу, но львиную долю работы приходилось

делать вручную, на механических пишущих машинках, переводя горы бумаги.

Зала, похоже, тоже постепенно привыкала к здешней жизни. Ее научили разводить костер, не обжигаясь и не устраивая пожара, и вести хозяйство. При здешней жаре ни о каком хранении продуктов не могло быть и речи, поэтому ей приходилось ежедневно ходить на рынок; она даже научилась торговаться. Но что действительно восхищало ее, так это ремесла. Зала и понятия не имела, что одежда делается из ткани, скроенной и сшитой людьми, или о том, что посуду изготавливают гончары при помощи гончарного круга, а затем вручную раскрашивают и глазируют. Отброшенные волею случая на много тысячелетий назад, мы с удивлением узнали, что даже в примитивном обществе существуют очень сложные технологии.

Моя работа отнимала больше времени, чем я предполагал вначале, так как приходилось периодически наезжать в Компанию, встречаться с тамошними бухгалтерами, составлять перспективные планы и контролировать уже принятые, а также искать способы снижения издержек. Денег хронически не хватало, ибо в здешнем обществе не было места содержанкам. Зала, к ее чести, решила эту проблему, освоив ручной ткацкий станок и вступив в Гильдию, объединявшую множество женщин и нескольких мужчин. Она работала белошвейкой и продавала свою продукцию Гильдии, которая, в свою очередь, торговала ей по всему Харону.

Жители были дружелюбны, открыты и с виду довольно счастливы. Мы не подавали ни малейшего повода поступить с нами дурно — особенно после того, как увидели нескольких проклятых и оборотней. Они сразу бросались в глаза, так как наложенное заклятие было не столь всеобъемлющим, чтобы совершенно изгнать их из общества. Они старались выглядеть как можно лучше, но тем не менее мы узнавали их сразу. Косолапые, с иссохшими руками и иссеченными рубцами лицами, а иные изуродованные просто невероят-

но, они резко выделялись на планете, где благодаря микроорганизмам Вардена раны заживали практически мгновенно, не оставляя шрамов, и даже ампутированные конечности вырастали вновь.

Но, честно говоря, от мысли, что многие горожане, в том числе и наши друзья, способны так изувечить человека, мне становилось не по себе. Правда, на рынке продавались и покупались подобные услуги, но одна старуха торговка объяснила мне, что платят за них жизнью.

Впрочем, я полагал, что местным самоучкам такая задача не по плечу: они тоже выглядели ужасно. Одни в свое время были учениками и сами обернулись уродливыми страшилищами, другие — сумасшедшими, чьи бредовые видения воплотились в реальность, а с иными расправились таким образом недруги или официальная власть в лице Кокула. И хотя он считал себя самым сильным в округе, каждая Компания держала личных волшебников, стараниями которых численность заколдованных росла как на дрожжах. В отличие от Кокула они не состояли на государственной службе и охотно исполняли любые приказы своих начальников, с одинаковой легкостью раздавая награды и наказания.

На скалистом берегу неподалеку от города сидела и смотрела на море ужасная двухметровая жаба, непрерывно курившая большие толстые сигары. Я не представлял, кто это на самом деле: непостижимое существо словно сошло со страниц какой-то забытой сказки.

Попадались и другие оборотни. Наполовину люди, наполовину — не пойми кто, а иногда и просто монстры. Вероятно, их было гораздо больше, просто многих совершенно невозможно было узнать — столь сильно они трансформировались. В городе эти существа никогда не появлялись, людей избегали, хотя я предполагал, что кто-то поддерживает с ними элементарный товарообмен — иначе откуда бы у этой жабы сигары? Ходили слухи, что оборотни живут небольшой колонией где-то к северу от Бурже.

На территориях Компаний жертв колдовства было еще больше — работники сильнее зависели от произвола начальства, всевозможных колдунов и их учеников, чем горожане.

Впервые я столкнулся с оборотнем в Тандеркоре — Компании, специализировавшейся на распиловке леса и мельничном деле. Я как раз инспектировал мельницы и решил прогуляться до Санрот-Холла, где находилась штаб-квартира Компании, пешком, а не трястись в раскаленной повозке.

День был прекрасный, а настроение — и того лучше. И вдруг я наткнулся на нее.

Когда-то, без сомнения, она была весьма привлекательной женщиной, но теперь ниже груди ее тело плавно переходило в пупырчатое туловище утара или кого-то похожего, с непропорционально развитыми ногами ящера и торчащим из-за спины длинным и толстым хвостом. Впрочем, в отличие от нежно-голубых утаров она вся была сочно-зеленого цвета, даже волосы — только на тон темнее. Из-за тяжелого хвоста она двигалась вперевалку. Сначала я принял ее за какое-то необычное животное — их здесь было видимо-невидимо, — но она услышала мои шаги и обернулась. На ее личике отразилась скорее досада, нежели удивление, и при этом — ни тени испуга. Оно было довольно милым, несмотря на фиштаксовый цвет кожи и торчащий во лбу длинный и очень острый рог.

Существо остановилось, и я тоже замер, однако любопытство быстро пересилило страх и отвращение.

— Добрый день! — весело произнес я, осторожно приближаясь. Наверное, не самое подходящее начало для разговора, но что можно сказать внезапно встретившемуся получеловеку-полуящеру? — Прекрасная погода, не правда ли?

Она уставилась на меня с таким странным выражением, что я засомневался, сохранила ли она дар речи,

и если да, то какой именно — человеческой или угаровской? Однако отступать было поздно.

Оборотень был намного выше любого человека, а рядом со мной казался настоящим Голиафом. Внезапно женский ротик приоткрылся.

— Ты новый Городской Бухгалтер, — произнесла она странно глубоким, но вполне человеческим голосом, и я облегченно вздохнул.

Остановившись на безопасном расстоянии от торчащего рога, я вежливо кивнул:

— Парк Лакош.

— Ну и чего пялишься? — огрызнулась она.

Я виновато пожал плечами:

— Я новичок не только здесь, но и вообще на Хароне. Просто вы... э-э-э... несколько отличаетесь от тех, кого мне доводилось встречать до сих пор.

— Да, уж точно, — рассмеялась она. — Ты что, первый раз видишь оборотня?

— Нет, — честно признался я. — Но так близко — первый.

— И что?

Я с беспокойством подумал, чего она ждет — комплимента или повода проткнуть меня насквозь.

— В каком смысле? — отозвался я. — Я нахожу вас... э-э-э... просто очаровательной.

Она презрительно фыркнула:

— Очаровательной! Да, по-другому не скажешь.

— Вы работаете здесь, в Тандеркоре?

— А где же еще? Таскаю всякие тяжести. От моих рук толку мало, зато ноги очень мощные.

— А чем вы занимались прежде? — как можно деликатнее поинтересовался я.

— Прежде? О! Раньше я сплавляла лес. Тогда способностей у меня было гораздо больше, чем силы.

Это признание произвело на меня определенное впечатление.

— Я подумал, что вы направляетесь в Санрот, — сказал я, — но с вашим видом...

— Да! — мрачно процедила она. — Мой вид с детства доставляет мне кучу проблем. Я родилась и выросла на реке, в семье рыбаков. Я была очень талантлива и любила работать, но все твердили, что с моей внешностью у меня одно призвание — выйти замуж и нарожать кучу детей. Но, черт побери, я слишком любила свою работу. Мужчины липли ко мне как мухи, но я на них плевать хотела.

Да, в здешнем патриархальном и разборчивом обществе это настоящая проблема.

— И вот однажды в наших краях очутился старый подонок Джимрод Гнизер и увидел меня, а вскоре мне приказали отправиться в Санрот-Холл — до этого я никогда там не бывала.

— По-моему, я его видел, — сказал я, вспоминая заметного человека средних лет, с которым недавно познакомился.

— Он вообразил, что я буду на седьмом небе от счастья, а когда я послала его к чертовой матери, то просто свихнулся от ярости и попытался взять меня силой — пришлось выпороть его кнутом. Я вернулась домой, а следом появился злой колдун Симбер и посоветовал мне вернуться в Санорт добром, иначе он заколдует меня и превратит в послушную рабыню Гнизера. Я посоветовала ему не медлить — по своей воле к этому подлецу я не вернулась бы никогда, но он решил, что над ним издеваются, и просто-напросто взял несколько моих волос и обрезки ногтей — помешать я не могла, все-таки он колдун. Затем, помню, на сцену вышел его сыночек, Изил... Надо признать, негодай оказался на редкость изобретательным.

— Это ужасно, — едва смог вымолвить я.

— Да. Конечно, я могла попросить прощения у Гнизера, но лучше оставаться уродом, чем идти на такое унижение.

Когда-нибудь я отомщу им всем, вот увидишь. Но в общем-то все не так уж плохо. В отличие от тела мои мозги не изменились. Хотя Гнизер, конечно, умывает

руки. Теперь я могу выйти замуж разве что за бурхана — кто еще станет заниматься любовью с ящером?

Теперь мне стало ясно, кем же на самом деле была моя собеседница — полубурханом.

— А колдун посильнее мог бы снять чары?

Она отрицательно покачала головой:

— Нет. Все колдуны — члены братства и строго соблюдают свой кодекс чести. Даже женщины. Никто не станет вмешиваться не в свои дела. Если один может отменить то, что повелел другой, начнется такая свистопляска...

Действительно, логично.

— А если действовать неофициально? — спросил я.

Она тяжело вздохнула:

— Заклятие наложено очень профессионально. Дилетант только усугубит положение. Кроме того, в нем есть составляющая, трансформирующая любые контрзаклинания. Я попробовала однажды — и получила этот рог. С меня хватит.

Я был крайне заинтригован:

— А есть здесь другие, похожие на вас?

— На меня? Не совсем, но есть. Одни, как и я, стали наполовину бурханами, на остальных наслали другую порчу. В окрестностях Компании проживает несколько десятков самых различных оборотней. Места здесь много, так что мы редко встречаемся; некоторые по-настоящему свихнулись, вообразив себя тем, кем их сделали. Впрочем, людей превращают в чудовищ не так уж часто — мы нужны сугубо для устрашения, понятно?

Конечно, я понял и горячо возблагодарил судьбу за то, что, во-первых, стал горожанином, а во-вторых, — другом Тулли Кокула и персоной грата для Правительства.

— А вам никогда не хотелось уйти отсюда? — спросил я. — Я слышал о колониях оборотней. Вероятно, это проще и удобнее.

— Да, я знаю, есть такие, — подтвердила она. — Но здесь я ближе к тем, кто превратил меня в это. — Она крепко сжала почти человеческие кулачки, и я внезапно

заметил, что ее пальцы заканчиваются очень острыми загнутыми ногтями.

— К сожалению, мне пора, — сказал я совершенно искренне: меня ждал экипаж, чтобы отвезти в город. — Было очень интересно познакомиться с вами. Если я застукаю вашего обидчика на каких-нибудь махинациях, обещаю напомнить о вас.

— Смотри! — зловеще усмехнулась она и, вздохнув, продолжила более миролюбиво. — Если ты и впрямь отважишься на это, обязательно найди меня, слышишь? Здесь много людей, но ты первый отнесся ко мне дружелюбно и с уважением — по-человечески.

— Обещаю, — еще раз заверил я, и мы разошлись, но внезапно я остановился и окликнул ее:

— Кстати, как вас зовут?

— Дарва, — бросила она. — Теперь я просто Дарва.

Она свернула на боковую тропинку и быстро скрылась из глаз. Я постоял немного, глядя ей вслед, — ее походка оказалась весьма грациозной. Имена Гнизер и Изил крепко отпечатались у меня в мозгу. Приближался балансовый отчет.

Прошло несколько месяцев; я вполне обжился и даже стал получать удовольствие от работы. Зала научила меня плавать, и теперь мы все свободное время валялись на пляже. Я выучился ходить под парусом, хотя не мог позволить себе купить парусную лодку — ее приходилось где-нибудь выпрашивать. Зала скопила денег и купила два велосипеда — при ближайшем рассмотрении выяснилось, что они сделаны на Цербере, — что значительно увеличило свободу передвижения и позволило нам поддерживать спортивную форму.

Иногда в залив заходили большие парусные суда, забиравшие мануфактуру и все, что могло храниться достаточно долго, а взамен выгружали заказанные нами товары. Зрелище было удивительное. Хотя крепкие

стальные корабли, конечно же, производились на Цербере, транспортировка их на Харон не окупалась. Здесь строили свои суда из местных твердых пород дерева, отчего они выглядели еще внушительнее. Я подметил, что команды состоят в основном из оборотней — различных размеров и самого причудливого вида, однако весьма приспособленных для такелажных и всевозможных погрузочных работ. Гильдию мореплавателей мало заботила внешность — только профессиональные качества. Как правило, «матросы» не сходили на берег, хотя несколько раз я видел шлюпки, идущие к мысу Пархара, — по слухам, именно там была колония оборотней.

Тулли Кокула я видел редко — он занимался своими «делами», да я в нем и не нуждался — только иногда, когда его ученики позволяли себе порезвиться, и мне приходилось ставить мастера в известность — или даже вызывать его на место преступления, чтобы утихомирить буйнов. Ученики эти, как правило, были еще молодкососами, а силу имели уже недюжинную. Меня всегда интересовало, что он делает с талантливыми учениками. Но потом я сообразил, что человек, способный превратить молодую девушку в уродливого динозавра, может и обратно.

От верховного правительства Харона я не получал ничего, кроме обычной корреспонденции и огромных томов, необходимых для работы, и это меня вполне устраивало. Так что в один прекрасный день, когда ко мне в кабинет вошел клерк и сообщил, что исключительно важная персона желает лицезреть меня в офисе Кокула, я немало удивился.

— Поторопитесь, — предупредил посыльный. — Такого вы еще не видели.

Это вдвойне заинтриговало меня.

Только в офисе я понял, что имел в виду юноша. Еще с порога я почувствовал опасность, и это было не шестое чувство матерого агента, а реальный, почти осязаемый

животный страх человека, собравшегося запустить руку в черную дыру.

Посланец оказался высоким и худощавым и был с головы до ног затянут в черную, отделанную серебром и золотом кожу. Его худощавое волевое лицо, спрятанное под черным капюшоном, было на удивление злобным. Но больше всего поражали глаза — в них притаилось нечто ужасное, почти нечеловеческое. Казалось, он видит вас насквозь, словно вы состоите из оконного стекла. Более отвратительного ощущения я в жизни не испытывал. Меня охватило необъяснимое беспокойство — впрочем, как и Кокула, которого я впервые видел буквально раздавленного чужой волей. Пришелец и впрямь был необыкновенным человеком: он обладал Силой, Мощью и Властью — неслыханной Властью неведомой природы. Он твердо стоял посреди кабинета, хотя кресел хватало, и скорее всего изначально не мог испытывать комплекс Человека—Стоящего-Перед-Начальником. Впрочем, я с напускным спокойствием кивнул Тулли и сел. Даже стоя, я едва был бы по грудь незнакомцу. Никогда прежде, даже при встрече с Дарвой, я не казался себе столь ничтожным и слабым.

— Парк, это Ятек Морах из Замка, — объяснил Тулли сдавленным голосом.

Я встал и протянул руку, но Морах проигнорировал мое приветствие, и я сел опять.

— Чем могу служить? — спросил я со всей вежливостью, на которую был способен.

— Я провожу обследование, — ответил странный человек голосом робота со сборочного конвейера. В ушах живого человека такие звуки могли обескуражить кого угодно, особенно на этой планете, где и в помине не было никаких роботов. — Обстановка во многих прибрежных районах оставляет желать лучшего. Корабли подвергаются нападениям пиратов и бесследно исчезают. Парителы с жизненно важным грузом атакуются и уничтожаются. Важнейшим правительственным деяте-

лям грозит большая опасность, и моя задача — пресечь безобразия раз и навсегда.

Я удивленно поглядел на Тулли:

— Впервые слышу.

— До меня доходили какие-то слухи, — медленно ответил тот, — но у нас все спокойно.

— Именно поэтому я здесь, — сказал Морах. — За последние три недели шестьдесят поселений на южном и восточном побережьях подвергались разбойным нападениям. На площади в две тысячи километров пострадали практически все города — за исключением Бурже. Вся информация уничтожается или искажается — за исключением той, что исходит или направляется в зажавшийся Бурже. Интересная картина, не так ли?

— Может быть, — ответил я, — но я не знаю ничего, что навело бы вас на след. Я здесь от силы пять месяцев и впервые вижу таких честных, основательных и открытых людей.

— Людей, отказавшихся принять Королеву и поддерживающих культ Разрушителя ревностней, чем где бы то ни было, — резко бросил Морах. — Людей, разжигающих мятеж по всей планете.

— Компании нашего региона стараются держать нейтралитет, — заметил Кокул, — и надеются сохранить такое положение вещей.

— Совершенно верно, — подтвердил я.

— Вы пальцем о палец не ударили, чтобы уничтожить культ Разрушителя, — отметил шеф Службы безопасности.

Кокул неопределенно махнул рукой:

— Что поделаешь? Для здешней культуры это своего рода предохранительный клапан, а те последователи культа, которых мне удалось схватить, были просто слепыми фанатиками. Жрец культа чрезвычайно силен — всякий раз он уходит из моих ловушек, словно его агенты сидят даже в моем кабинете.

— Возможно, — согласился Морах. — А возможно, вы слишком засиделись в этом кресле, Кокул.

Лицо волшебника побагровело, и он медленно встал в полный рост. Он был поистине страшен; мне еще не доводилось видеть его в таком гневе.

— Вы сомневаетесь в моей преданности? Даже у вас, Морах, нет такого права!

Таинственный незнакомец и бровью не повел.

— У меня есть любые права, — ответил он, однако, видимо, сообразив о последствиях превышения дипломатических полномочий, постарался смягчить тон. — Нет, в вашей преданности я не сомневаюсь. Я лишь подметил, что вы чересчур размякли, Кокул. Вам нравится Бурже и его удаленность, и вы хорошо сроднились с местными жителями. Есть у вас необходимые средства для борьбы с Разрушителем или нет — это уже не важно, ибо волю и неукротимость вы уже утратили. Но ко мне это не относится.

Кокул немного успокоился и снова сел.

— Вы должны созвать несколько собраний и обязать присутствовать там всех горожан, — перешел к делу Морах. — Каждое примерно человек по 500, с интервалами в час — ничего, если это на день-другой нарушит вашу размеренную жизнь. То же самое я намерен провести и в Компаниях. Если я правильно понял царящие здесь настроения, Союзы ненавидят культ Разрушителя еще больше, чем мы. Ну что же, посодействуем им, и пусть ваши драгоценные обыватели поймут кто есть кто. Культ Разрушителя будет уничтожен в Бурже под корень.

— И что же вы собираетесь предпринять? — спросил я, тщетно пытаясь заставить себя смотреть прямо в глаза таинственному незнакомцу.

— Мои отборные войска уже прочесывают окрестности на суше и на море, — объявил Морах. — Из этой банды предателей не ускользнет ни один. Завтра утром — первое собрание, и вы оба должны присутствовать. Вполне возможно, что остальные и не понадобятся. Я продемонстрирую вам хороший урок педагогики.

СИЛЫ ЗЛА ВЫРЫВАЮТСЯ НА ВОЛЮ

— Что за птица этот Ятек Морах, и почему он командует вами, как простыми смертными? — расспрашивала меня Зала.

— Он представился шефом Службы безопасности. Тулли его явно боится, и, кроме того, он находится здесь по личному приказу Эолы Мэтьюз.

— По-моему, он много на себя берет. Лично я не собираюсь плясать под его дудку.

Я внимательно посмотрел на нее, пытаясь понять, откуда эта внезапная бравада. Или дело в чем-то другом? Может, я просто недопонимаю всей серьезности происходящего?

— Тебе так или иначе придется пойти, — сказал я вслух. — Как и всем нам. Каждый, кто ослушается, автоматически станет вне закона. Кстати, ты видела корабли на рейде?

Зала нервно кивнула:

— Не знаю, сколько у него солдат, но они удивительно дисциплинированы и прекрасно обучены; Тулли сказал, что все они как минимум ученики. — Я выдержал паузу, чтобы она получше осознала это. — Неужели тебе даже не любопытно?

— Да... наверное. Придется все-таки сходить.

Мы вышли из здания и пошли пешком вверх по улице к центральной площади. Сегодня все было закрыто — даже банки; казалось, что город внезапно оказался в осаде. Мне все это было не по душе — несмотря на

прекрасный солнечный день, над городом нависла вязкая зловещая тишина, и напряжение физически ощущалось в воздухе, как сгустившийся туман.

Большинство из тех, кто попал в первую группу, уже толпились на площади и в прилегающих переулках, которые сегодня выглядели особенно сиротливо без мелких торговцев и многочисленных кофейных столиков. В центре площади возвышался небольшой помост — как раз на том месте, где всего пять месяцев назад город гулял на нашей свадьбе. Четыре улицы, расходившиеся отсюда лучами, заполнили люди в черной с золотом форме имперской армии Харона, вооруженные какими-то диковинными винтовками. Меня поразили их злобные и жестокие лица. На крышах близлежащих зданий угадывалось движение. Морах предусмотрел буквально все. Я понятия не имел, чем стреляют эти винтовки, но прекрасно понимал, что их владельцы — полные и безоговорочные хозяева на площади. Все это было крайне неприятно.

Зала круглыми глазами уставилась на войска и нервно сжала мою руку:

— Парк?

— Что?

— Встань как можно ближе к Тулли — это хоть какая-то защита.

— Отличная идея — еще бы отыскать его в этой толчее. — Я внимательно огляделся, но главный волшебник как сквозь землю провалился. — Давай продвигаться к мэрии. Морах появится именно оттуда.

Она кивнула, и мы стали продираться сквозь обеспокоенную толпу. Люди с подозрением посматривали на солдат, но молчали. Мы почти добрались до главного входа в мэрию, но тут двери широко распахнулись и на площадь вышли Морах и Кокул в сопровождении четырех вооруженных солдат. Увидев пронзительный взгляд шефа Службы безопасности, Зала остолбенела. Морах, однако, не обратил на нее никакого внимания

и при помощи охранников — все они, кстати, были женщинами, наверняка для того, чтобы позлить Союзы, — двинулся к помосту. Он, пожалуй, перестарался — вряд ли кто-то решился бы встать у него на пути.

Тулли вслед за ним подошел к помосту, но подниматься не стал. Я захотел пробраться поближе, но Зала потянула меня назад.

— Нет. Давай останемся здесь, у мэрии, — взмолилась она. Я понял ее замысел: если начнется стрельба, лучшего укрытия не придумать.

Когда Морах взобрался на помост, мне стало жутко. Он внимательно оглядел толпу и одновременно проверил расположение своих войск. В воздухе витало тревожное предчувствие, как будто присутствующие знали о взрыве, который вот-вот произойдет. Казалось, даже Зала сообразила что к чему. Что же касается меня, то я занимал хорошую позицию и не горел желанием досмотреть предстоящий спектакль хотя бы до середины.

Наконец проверка диспозиций закончилась. Помоему, Морах сознательно тянул время, все больше и больше нагнетая атмосферу безысходности и отчаяния. На площади собралась как минимум десятая часть города, в том числе и все высокопоставленные чиновники, видимо, они должны были стать примером для остальных.

— Жители Бурже, — начал Морах, и его ужасный голос гулким эхом отразился от стен. — Благодарю вас за точное исполнение приказа. Королева высоко ценит ваш труд и глубоко сожалеет о необходимости столь чрезвычайных мер, но я, Ятек Морах, шеф Службы безопасности, хочу заверить, что действительно преданным центральной власти гражданам нечего опасаться.

Мы находимся здесь только потому, что над вашим миром нависла реальная угроза — угроза неявная, но оттого и более опасная. Однако уже завтра наши общие

6°

враги будут выявлены, разоблачены и уничтожены — а мы с вами спокойно вздохнем.

Он выдержал длинную паузу, чтобы каждый как следует проникся сказанным. Морах был хорошим психологом; конечно, пряник скоро исчезнет и появится припрятанный кнут, однако, когда люди это поймут, будет уже поздно.

— В наши ряды закралась измена, — продолжал тем временем Морах. — Корабли становятся жертвой пиратов, казну беззастенчиво разворовывают, а высокопоставленных чиновников похищают и уничтожают. Этот бич уже всюду хлещет по нам. — Драматическая пауза. — Разумеется, мы спросили себя: почему Бурже миновала чаша сия? Разве это не лакомый кусочек для пиратов всех мастей? Мы долго не верили, что эти трагические события каким-то образом связаны с вашим городом — разве взаимоотношения Бурже с остальным Хароном не выгодны обеим сторонам? Как вы думаете?

Толпа зашумела; несколько человек явно почувствовали себя весьма неловко и начали торопливо пробираться вон. Происходящее с каждой минутой становилось все интереснее.

— Получается, — продолжал Морах, — что наши враги затаились в Бурже, растворившись среди законопослушного и миролюбивого большинства — и это самое страшное. День ото дня они становятся все сильнее, богаче и увереннее в себе и в конце концов могут подчинить себе остальных. Но я надеюсь положить конец их кровавым злодеяниям.

Толпа оживленно загудела, и я заметил, что солдаты изготовились к бою. Внезапно я вспомнил слова Гарала о том, что заклятие эффективно лишь тогда, когда о нем известно жертве, и план Мораха стал мне ясен: Оппозиционеры уже знали о готовящейся ловушке, но выхода у них не было. Нескольких женщин, попытавшихся улизнуть, солдаты остановили и вернули обратно.

— Что он собирается делать? — прошептала мне на ухо Зала.

— Наложить заклятие на отступников, — пояснил я. — Мне так кажется.

— Как шеф Службы безопасности, — громогласно произнес Морах, — я обладаю силой, соответствующей моему положению и ответственности, лежащей на мне. — Он воздел руки и стал монотонно, нараспев произносить заклинание, которое показалось мне абсолютно бессмысленным. Тулли говорил, что такие фразы лишь помогают сосредоточиться, однако именно их и считают собственно заклинанием.

Его руки постепенно опускались, а горящие глаза, казалось, заполнили собой весь помост. Морах простер руки над толпой, и люди отшатнулись назад. Тулли Кокул с интересом взирал на происходящее, но не двинулся с места.

Морах прекратил свою монотонную песнь и замер с вытянутыми руками.

— Итак, в вашем присутствии, о горожане, — торжественно объявил он, — я проклиная последователей Разрушителя, властителя Тьмы, и данной мне властью приказываю: все предатели и служители сил Зла станьте видимы честным людям — СЕЙЧАС!!!

То, что я увидел потом, превосходило всякое воображение. Из кончиков его растопыренных пальцев вылетел сноп нестерпимо ярких желтых искр. Раздались пронзительные крики; многие закрывались руками. Стоявшая неподалеку женщина истошно взвизгнула, и я буквально остоленел: на лбу ее в мгновение ока выросли два коротких толстых рога, как на древних изображениях дьявола.

— Посмотри! — пораженно воскликнул я, повернувшись к Зале. — Я...

На лбу перепуганной до смерти Залы вырастали такие же рога.

— О, нет! — в отчаянии вскричал я. — Только не ты!

Зала бросила на меня мимолетный взгляд, полный испуга и замешательства, и внезапно с ней произошла новая, странная и ужасная трансформация. Все тело пришло в движение; какая-то непонятная сила сминала ее на моих глазах. Сначала я приписал это заклинанию Мораха, но, быстро посмотрев по сторонам, понял, что ошибся. Звонко захлопали выстрелы, и несколько человек со стонами повалились на землю, корчась от невыносимой боли.

— Уничтожьте их, честные граждане Бурже! — приказал Морах. — Уничтожьте!

Когда я вновь обернулся, в стоящей рядом со мной женщине не было ничего от прежней Залы Эмбуэй. Она стала гораздо выше и сильнее, а в лице появилось нечто новое. Во лбу торчали рога. Она бросила на меня короткий взгляд.

— В мэрию — БЫСТРО!!! — скомандовала она совершенно незнакомым, жестким и низким голосом. — Спасайся!

— Что за чертовщина? — воскликнул я, но тут она резким движением схватила меня, как тряпичную куклу, и втокнула в здание. Я понял, что наконец-то столкнулся с новой, скрытой до сих пор Залой-2, однако наше знакомство оказалось скоротечным. Не успел я и рта раскрыть, как она устремилась прочь и исчезла. Я подумал, не догнать ли ее, но тут же сообразил, что это бессмысленно — скрыться негде, а на крыше и у каждого выхода стоят солдаты. Я пробрался к ближайшему окошку и стал наблюдать за происходящим.

Резня шла по намеченному плану. Я насчитал тридцать—сорок рогоносцев — все они, похоже, были женщинами. Настропаленная толпа, как и предполагал Морах, после секундного замешательства вместе с солдатами набросилась на своих же друзей и родственников. И в этот момент площадь потрясла серия взрывов.

Яркие огненные трассы осветили все вокруг. Равномерный гул, которым они сопровождались, был мне до

боли знаком. Лазерные пушки! Но ведь они же не могут работать на Хароне...

Ослепительные лучи продолжали свою смертельную пляску, без разбора превращая в дымящиеся кучки горожан, рогатых оппозиционеров и солдат Мораха.

Мой наблюдательный пункт был не очень удобен, однако я увидел, как сбежала улыбка с физиономии Тулли Кокула, Морах все еще стоял на помосте, отдавая быстрые отрывистые команды в надежде вновь овладеть ситуацией. Смертоносные лучи обходили его, как и Кокула, — верный признак небывалой духовной силы этих людей. Рядом с ними даже я чувствовал бы себя в полной безопасности.

Внезапно стрельба прекратилась; взору открылась ужасная картина кровавой резни, напоминающая иллюстрацию из учебника древнейшей истории. Но я знал по собственному опыту, что большинство упавших вскоре очнутся.

Воспользовавшись передышкой, Морах распорядился прекратить огонь и повернулся к зданию мэрии, устремив взгляд куда-то вверх.

— Морах! Не шевелись, пока мы не выведем отсюда своих людей. Это касается и тебя, Кокул! Мы не собираемся убивать вас, но это в наших силах.

Главный волшебник Бурже едва заметно улыбнулся и посмотрел на шефа спецслужб. Тот оставался недвижимым и внешне спокойным, и только глаза и голос выдавали его бешенство.

— Кто смеет мне угрожать? — вызывающе выкрикнул он. — Если это ты, Корил, я готов сразиться с тобой. Если же нет, то лучше и не высывайся!

Мое сердце бешено забилося. Корил! Наконец-то! Впрочем, как знать, не затевался ли весь спектакль именно для этого? Возможно, Мэтьюз настолько накутила затянувшаяся борьба с оппозицией, что она решилась на небольшую провокацию...

Ответа не последовало, и после долгой паузы вновь заговорили тяжелые орудия. Использовать по-настоящему мощное оружие нападающие не могли, так как явно не собирались уничтожать горожан, но даже самая заурядная пушка могла превратить человека в облачко пара — и весь огонь был сосредоточен на Ятеке Морахе. Тулли Кокул стремглав метнулся в сторону, и в тот же миг помост треснул пополам, вспыхнул, превратившись в огненно-белый шар, и взорвался, оставив воронку глубиной метра два.

Морах даже не шевельнулся — зависнув в четырех метрах над землей, он стал мишенью для поистине шквального огня, но не обращал на него ни малейшего внимания. Конечно, я понимал, что это чересчур даже для такой сильной личности. Одним усилием воли он оградил себя прочным щитом, но, конечно же, признавал, что не сможет удерживать его бесконечно.

Внезапно Морах резко увеличился в размерах и, мгновенно превратившись в ужасного многоголового дракона, взмыл вверх. Тень его накрыла всю площадь. Обстрел ненадолго прекратился, но затем возобновился, и чудовище с воем и шипением растворилось в бескрайнем небе. Тогда огонь стих окончательно; залитая кровью площадь превратилась в огромный дымящийся котел. Уцелевшие начинали подниматься с земли, но их было очень мало.

Лишь с большим трудом мне удалось не поддаться панике и сохранить трезвость мысли. События разворачивались весьма стремительно, хотя кое-что я предвидел заранее. Во-первых, Зала: ясно, что долгое время — а возможно, и с самого начала — она участвовала в оппозиционном движении. Во-вторых, ее ужасная трансформация в минуту опасности. Но вот Морах, ставший кошмарным огнедышащим драконом, — это уже за пределами воображения.

Что же дальше? Оставаться в одиночестве не имело смысла. Я осторожно выглянул и прислушался. Гробо-

вая тишина. Похоже, все кончилось. Сейчас победители заберут с поля боя своих рогоносцев и вновь скроются в непроходимых лесах. У меня было только два выхода: либо забиться в щель, надеясь на спасение (и остаться в дураках!), либо постараться выбраться наружу.

Я открыл дверь и осторожно пошел вдоль улицы, стараясь держаться поближе к зданиям. В эту минуту я больше всего мечтал о лазерном пистолете — с ним мне было бы куда спокойнее.

Вскоре стало очевидно, что самому мне отсюда не выбраться. Нужно срочно найти Залу. Если она и в самом деле по уши завязла в оппозиции, это могло очень пригодиться — без друзей мне было бы трудно навести мосты.

Поначалу улица оставалась пустынной — только на ближайшем перекрестке стонали и шевелились раненые рогатые чудовища. Разумеется, они были поражены не лучевым оружием. Останки солдат представляли собой куда более отвратительное зрелище. Но вскоре на площади появились какие-то фигуры.

С крыши слетели два странных, отталкивающих существа, покрытых чем-то средним между толстой шкурой и перьями золотисто-коричневого цвета. Перепопчатые крылья, сложенные гармошкой на спине, делали их слегка похожими на летучих мышей с огромными глазами и клювами, но хорошо развитая мимика была почти человеческой. В первый момент я принял их за местную разновидность ящеров, пожирателей падали, однако вскоре сообразил, что передо мной оборотни. Они разыскивали раненых и контуженных и были удивительно похожи друг на друга.

Гигантские клешни взметнулись в непонятном жесте, и по-всем четырем улицам началось жуткое шествие: парад уродов из кошмарных сновидений больного мозга. Чудовища с косматыми обезьяньими лапами, двуногие и четвероногие, невиданные амфибии — ходячая кунсткамера казалась бесконечной и невыносимо

отвратительной особенно потому, что в этой толпе изредка проскальзывало что-то человеческое. Как ни странно, некоторые уродцы были по-своему красивы и грациозны, а другие — настолько оригинальны, что не вызывали вообще никаких чувств, даже безразличности.

Я внимательно осмотрелся, пытаясь найти среди них Залу или Кокула, но безуспешно. Я был сейчас единственным человеком, лишенным рога — эмблемы победителей, и уже подумывал, не укрыться ли вновь в стенах мэрии, как вдруг два создания — одно напоминало змею с длинными щупальцами, другое можно было сравнить разве что с ходячим булыжником — одновременно заметили меня. Сразу же множество взоров обратилось в мою сторону. Понимая, что сопротивление бесполезно — многие оборотни были вооружены, — я медленно отошел от стены и поднял руки.

— Стойте! Не стреляйте! — прокричал я. — Я не враг. Я муж Залы! Вы должны знать Залу — она одна из вас!

Одно из чудовищ, некое шагающее мыслящее дерево, повернулось к змее и что-то сказала ей, а затем отрывисто бросило какую-то команду. Среди монстров возникло замешательство, а потом вперед выступил человек-лягушка.

— Ты Городской Бухгалтер! — отчетливо произнес он. — Уничтожить его!

Одно из крылатых животных кивнуло, вытащило откуда-то лазерное ружье и направило прямо на меня.

— Подождите! — успел крикнуть я, и тут же огромная сила швырнула меня вниз.

ГЛАВА 9

ОБОРОТНИ

Я очнулся с тихим стоном; самочувствие было отвратительное — голова кружилась и невыносимо болела, а по телу разлилась необычная слабость. Сознание вернулось только наполовину, и я почти ничего не соображал. Помню лишь, что лежал на носилках и меня очень быстро куда-то тащили. С неимоверным усилием открыв глаза, я с удивлением увидел, что уже наступила ночь. Сколько же прошло времени?

Послышалась отрывистая команда, и носилки остановились, а мгновение спустя плавно опустились на землю. Передо мной неясно обрисовалась выполненная в натуральную величину карикатура на огромную птицу. Именно карикатура. Впрочем, это слово подходит для большинства оборотней, неожиданно подумалось мне. Абсолютно белая, покрытая перьями голова с огромными глазами и широким плоским клювом ярко-оранжевого цвета, каким-то чудом проникающая в мое затуманенное сознание, убедила меня в том, что я жив и, видимо, взят в плен. Игра продолжалась — хватило бы только сил продержаться.

Птицеобразное животное плеснуло в стакан какую-то жидкость из тыквы, привязанной к ремню.

— Выпей, — проскрежетало оно утробным, нечеловеческим голосом. — Тебе сразу станет легче.

Я с большим трудом взял стакан и с помощью существа поднес к губам. Горячий напиток напоминал

крепкую фруктовую настойку. Во рту у меня пересохло, и я жадно сделал несколько глотков.

— Ну вот, — удовлетворенно сообщила «птица» своему компаньону, которого я не видел. — Теперь ему хватит сил добраться до старухи.

— Хорошо, — сказал очень знакомый женский голос, но я никак не мог понять, чей именно.

— Зала? — с надеждой прошептал я.

— Забудь о ней, — посоветовал голос, и мы двинулись дальше.

Мысли мои оставались такими же несвязными, хотя боль вскоре утихла. Погруженный в полузабытье, я не мог ни шевельнуться, ни произнести даже слова; окружающее казалось бестелесным и нереальным, как затянувшийся сон.

Когда мы приблизились к какой-то пещере, из темной пасти которой выбивался тусклый мерцающий свет костра, стояла уже глубокая ночь. Неподалеку гремел гром, так что в любой момент нас мог застать проливной харонианский дождь, но меня успели внести в укрытие.

Вход в пещеру оказался очень узким, но сама она была огромна, правда, о ее размерах я могу судить весьма приблизительно. В центре ее горел костер, и дым поднимался прямо вверх; похоже, там имелось вентиляционное отверстие. Если снаружи было просто очень жарко, то внутри — настоящая баня; в другое время я выскочил бы оттуда моментально. Но теперь я покорно потел на носилках, бездумно наблюдая за пляшущими на каменных сводах сполохами.

В пещере сидела очень старая женщина в черном. Дрожащей рукой она протянула к нам изогнутую суковатую палку, показывая, чтобы носилки поставили на пол. Человек-птица повернулся к своему спутнику.

— Порядок, — продребезжал он. — Мы успели, Дарва. Надеюсь, ты довольна?

Дарва! А я почти забыл о ней. С той первой встречи я ее больше не видел, хотя и пытался найти, когда бывал

в Тандеркоре. Мне стало немного легче от мысли, что у меня все-таки есть друг, который поможет мне выжить.

Дарва подошла к старухе, и я наконец увидел ее. Она возвышалась как скала над дряблым; но тем не менее человеческим телом:

— Примите мое сердце, прабабушка.

Старуха посмотрела на нее полуслепыми глазами.

— Я рада, что ты жива, — сказала она надтреснутым голосом. Чувствовалось, что у нее богатый жизненный опыт. — Я боялась, что наши потери будут слишком велики.

— Двенадцать человек погибло, — ответила Дарва. — Но враги потеряли не меньше двухсот.

Старуха кивнула:

— Отлично. Но теперь они будут жестоко мстить. Вам не скоро удастся перегруппировать свои силы. А что собираешься делать ты?

Дарва тяжело вздохнула:

— Вы же знаете, что Изил погиб и тайна заклития утеряна.

— Да, знаю, — ответила старуха печально. — Ты навсегда останешься оборотнем. Да и никто из нас уже не сможет возвратиться в Бурже.

— Да. Но мною и раньше двигала только месть, а не преданность кому-то, кого я даже не знаю.

— Значит, ты не присоединишься к остальным в назначенное время?

— Еще не знаю, прабабушка, — неопределенно сказала Дарва.

— А это тот, о ком ты мне говорила? — показала на меня старуха.

Дарва кивнула:

— Он был добр ко мне, как никто другой. Он совсем не похож на остальных. Я прошу у вас благословения, прамасть.

Я по-прежнему пребывал в полубессознательном состоянии и мог только пассивно следить за их беседой.

— А он согласен? — поинтересовалась старушка.

Дарва повернулась ко мне:

— Неужели вы не видите, что он тяжело ранен? Если бы не я, он умер бы еще двенадцать часов назад. Разве это не дает мне определенные права?

— В соответствии с нашими священными законами — да, — согласилась старица, — но тебя может постигнуть разочарование, особенно если ему придется подчиняться.

— А разве у него есть выбор? — возразила Дарва. — И кроме того, если не он, то кто же? Ради чего мне тогда жить?

Старушка с неожиданной теплотой взглянула на Дарву.

— Да, это серьезная причина, — кивнула она и пристально оглядела меня — как хирург перед операцией. — Положение, честно говоря, тяжелое. У него разбит весь череп и наверняка сотрясение мозга...

Дарва подошла ко мне. Она была необыкновенно прекрасна — какой-то странной, фантастической красотой, — и даже ярко-зеленая кожа и темно-зеленые губы и волосы украшали ее еще больше. Я подметил новые черты, внесенные в ее образ уже мертвым мастером, — маленькие остроконечные ушки, легкое подергивание которых было хорошо заметно сквозь пышные волосы, и руки, которые были гораздо грубее, чем мне показалось в первый раз. Острый искривленный рог около полуметра длиной состоял из концентрических колечек, сходящихся у острия.

— Вы сможете его вылечить? — тревожно спросила она.

Старуха часто закивала:

— Да, конечно. Другой на его месте точно бы умер, но у твоего избранника на удивление сильная воля к жизни.

Отличная ВА, мощная ВА, уже течет сквозь него, возрождая тело, и мы должны помочь ей.

— Когда?

— А зачем откладывать? Он спокоен — насколько я понимаю, ему дали ОЗИЗИ; абсолютно правильное решение. Теперь он спокоен, но в сознании. Это хорошо. — Старуха отвернулась от Дарвы. — Восстановление мозга — самое сложное дело. Заклинания городского волшебника предохраняют его интеллект от любого внешнего вмешательства.

В принципе я могу дать ему колдовское зелье, хотя...

Дарва отрицательно покачала головой:

— Нет, не стоит. С головой у него как раз все в порядке.

— Ну и отлично. И без того хватит проблем с восстановлением поврежденных органов и частей тела, функциональных расстройств и рефлексов, центров равновесия... — Старуха решительно вздохнула. — Ну что ж, приступим.

Я вновь потерял счет времени; старуха монотонно причитала надо мной, а потом долго сидела неподвижно, разглядывая меня, и периодически массируя мне тело и голову. Из ледящего холода меня бросало в жар, я обливался потом, а периодически был даже на грани оргазма: верный признак потери контроля над психикой. В конце концов я провалился в глубокий сон, в котором не было ничего — ни уродливых созданий, ни плотских желаний, ни даже ведьм и колдунов.

Проснулся я по-прежнему очень слабым и сразу же нутром почуял какую-то перемену. Осмотревшись, я увидел, что в пещере, кроме меня, никого нет. Костер догорал, а пробивавшиеся в пещеру лучики света говорили, что уже наступил день. Вроде бы ничего необычного. Волевым усилием прогнав сон, я неожиданно для себя осознал, что, во-первых, нахожусь в стоячем положении, а во-вторых, совершенно не ощущаю привы-

чной жары. Наоборот, я немного зяб, — а ведь в пещере к тому же еще и горел костер.

Все это было настолько дико, что я тут же проснулся окончательно. Снедаемый дурными предчувствиями, я протер кулаками глаза и тут же увидел, что мои самые страшные предположения оправдались: мои руки были зелеными и шершавыми, а пальцы заканчивались загнутыми когтями.

— НЕТ!!! — взревел я, и гулкое эхо многократно повторило мой душераздирающий вопль. — Черт побери!

Посмотрев вниз, я увидел огромные когтистые лапы и толстые, мускулистые ляжки. По земле тянулся ярко-зеленый хвост — отныне он был мой, почти такой же длинный, как и все туловище. Содрогаюсь от бешенства, я обшарил пещеру глазами и, наконец, увидел искомое — большой кусок отполированного до зеркального блеска металла. Я взглянул на свое отражение в тусклом свете костра — скот, да и только. Лицо и верхняя половина туловища были мои собственные, но ниже начиналось нечто невообразимое — нелепая комбинация из Парка Лакоша и Дарвы.

За спиной послышались чьи-то шаги. Швырнув оземь зеркальную пластину, я повернулся. Дарва. Она остановилась и посмотрела на меня со смешанным выражением удовлетворения и тревоги.

— Дарва, за что??? — с болью произнес я.

— Зато я спасла тебе жизнь, — виновато ответила она. — На моем месте ты поступил бы точно так же.

— Да, с удовольствием, — честно ответил я, — только не называл бы это «спасением жизни».

Она печально вздохнула:

— Я жила только ради мести и вот наконец отомщена, хотя и не так, как мне хотелось. Теперь я осталась в полном одиночестве и потеряла всякую надежду вернуть себе прежний облик. Только подумай, Парк, на всем Хароне нет ни единого существа, похожего на меня; я никогда не смогу вновь побывать дома, увидеть

свою семью и тех немногих, кто мне дорог... — Кажется, она оправдывается. — Неужели ты не понимаешь? Я уже собралась покончить с собой и вдруг вижу: Джобрун ударил тебя и выхватил пистолет. Это перст судьбы, подумала я. Само Провидение свело нас.

В ее рассуждениях имелась определенная логика, но разве от этого легче? Впрочем, уже ничего не поделаешь — придется взглянуть правде в глаза. Если бы не Дарва, я бы погиб; теперь я по-прежнему остаюсь в игре, а если оборотни и впрямь составляют сердцевину повстанческого движения Корила, то я автоматически становлюсь его членом. Правда, была и другая альтернатива — остаться вместе с Тулли на площади, как и подобает преданному режиму Главному Бухгалтеру и превратиться в кучу изуродованных останков.

Я подошел к Дарве, по дороге зацепившись за что-то хвостом, осторожно взял ее за руку и улыбнулся:

— Я понимаю тебя — и прощаю.

Она буквально засветилась от радости.

— Но ты получишь гораздо больше, чем ожидала, — осторожно предупредил я.

Дарва пропустила это мимо ушей, и на ее глубокие зеленые глаза навернулись слезы.

— Я так рада, что ты не злишься... — с благодарностью сказала она.

— Что уж там, — вздохнул я. — Наверное, и к этому можно привыкнуть, во всяком случае, надеюсь.

— Пошли отсюда, — предложила Дарва. — Не забывай — мы все-таки холоднокровные.

Теперь понятно, почему мне так холодно. Неловко повернувшись, я поковылял за Дарвой. Стоял обычный жаркий и исключительно влажный день, повсюду клубились рваные клочья тумана, но я чувствовал себя вполне комфортно — впервые с того дня, когда прибыл на Харон. Внезапно я почувствовал дикий голод:

— А что мы едим?

Дарва озорно улыбнулась.

— Все, — ответила она, и я представил ящера с разорванным брюхом. Дарва угадала мои мысли.

— Нет, ничего такого. Растения, плоды, листья. Мы можем употреблять и животную пищу, однако я предпочитаю что-нибудь более человеческое.

— Превосходно. Может, перекусим?

— Тут под холмом есть фруктовая рощица дынь КУАГА; иди за мной.

Она решительно углубилась в лесную чащу.

— Нас никто не увидит? По-моему, после случившегося оборотням лучше не попадаться людям на глаза.

— Нет, мы на самой границе Биндахара, — откликнулась Дарва. — Они доберутся сюда не раньше чем через двое суток — к тому времени мы будем уже далеко.

Огромные дыни в черно-желтых полосках оказались вкуснейшими, хотя приходилось есть их вместе с кожей. Но либо мои гастрономические привязанности изменились столь же радикально, как обличье, либо человек, удовлетворяющийся только сердцевинкой, чего-то недопонимает.

Мы ели жадно и долго. Прежний «я» мог съесть целую дыню, разумеется, только мякоть. Парк Лакош одолел бы не больше четверти. Теперь же я проглотил семнадцать и все-таки не наелся.

— Ешь сколько хочешь, — посоветовала мне Дарва, — и всякий раз, когда проголодаешься. Нам не грозит лишний вес. Мы просто наращиваем мускулатуру. Ты станешь еще сильнее.

— Здорово, — согласился я, чувствуя себя гораздо лучше. Меня даже слегка разморило. Теперь самое время поговорить о других, более важных вещах.

— Расскажи-ка мне обо всем поподробнее.

— Конечно, — согласилась она. — Ты не представляешь, как тяжело, когда не с кем поговорить, хотя бы просто по-дружески.

Я кивнул:

— Хорошо. Во-первых, кто та старуха, что пользовала меня в пещере?

Честно говоря, мне не терпелось узнать это и по другой причине — только она могла вернуть мне человеческий вид.

— Моя прабабушка, — ответила Дарва, — настоящая. Сколько себя помню, она всегда была колдуньей — похоже, владела силой с самого детства. Она училась магии вместе с будущим Волшебником Компании. Правда, так и не доучилась. Зато у нее теперь девять детей. — Дарва поколебалась. — Я знаю, о чем ты думаешь. Меня действительно использовали в качестве модели, но малейшая ошибка сделала бы тебя безнадежным калекой, так что милой прабабушке пришлось применить то самое заклинание, которое использовал в свое время Изил. Однако она ориентировалась и на самого бурхана. Я была так взволнована, что даже не задумалась об этом, но прабабушка все предусмотрела! Так что теперь ты еще и самец, милый Парк, — взгляни.

Увиденное меня поразило. Все это было довольно комично, и я слегка усмехнулся.

— Что тут смешного?

— Ты же знаешь, что я не уроженец Харона — меня сослали по приговору суда.

Она кивнула:

— Ну да. Об этом долго судачили в Тандеркоре.

— Ну так вот из-за этого у меня некоторые... трудности. Ты никогда не поймешь, почему я убивал людей — честно говоря, тогда я был просто безумен. Но одна из причин моего аномального поведения состояла в том, что я был гермафродитом, уродом.

Ее ротик от изумления округлился.

— Вот почему ты выглядишь так... забавно!

Я кивнул:

— Но вместо того чтобы сделать меня женщиной, меня превратили в мужчину. И в результате я стал похожим на маленькую девочку!

Дарва улыбнулась, но собственные рассуждения неожиданно всерьез заинтересовали меня. Итак, отныне я самец, но самец КОГО? Пришлось откровенно спросить у нее.

— Меня это тоже занимало, — призналась она. — Прабабушка говорит, что если мы... э-э-э... будем заниматься этим, то сначала ничего не произойдет. Однако постепенно ВА сделает свое дело, и мы, наверное, сможем размножаться. Мы положим начало новому виду! — Она ненадолго задумалась. — «*Darvus Lacoehus*». Звучит?

— Бред какой-то!

Дарва рассмеялась:

— Парк, это же замечательно! Я словно заново родилась!

Я оценил ее шутку и даже улыбнулся. В общем-то я тоже испытывал к ней определенную симпатию. Конечно, ее мечты были излишне прагматичными, но благодаря случайному стечению обстоятельств сбылись, и хотя Дарва не имела образования и жизненного опыта, зато, несомненно, обладала большими способностями, которые просто не успела развить. Безусловно, она была намного умнее и решительнее Залы — прежней Залы, разумеется. Какой моя жена стала теперь, я мог только догадываться.

— Слушай, — сказал я, — что все-таки за чертовщина произошла в Бурже? Кто приложил руку? И почему?

Дарва тяжело вздохнула:

— С давних пор здесь существует культ дьявола. Тебе известно об этом?

Я утвердительно кивнул.

— Раньше его приверженцами были в основном скучающие и отчаявшиеся женщины, которые надеялись таким образом хотя бы немного овладеть силой. Но пару лет назад все неожиданно изменилось. Кто и каким образом причастен к этому, я не знаю, но последователей культа стало намного больше, а верхушка его задалась целью свергнуть нынешний режим. Во главе движения

встал самый могущественный волшебник, какого я только знаю.

— Это Корил, — сказал я, — бывший властитель.

— Я тоже так думаю, — согласилась Дарва. — Во всяком случае, народ его очень любит. При нем не было этих ужасных сотрудников Службы безопасности да и войска в город никогда не вводились. Этот чародей поддерживает связь со всеми колониями оборотней. Он пообещал в случае победы отдать нам весь южный континент, Тукуан. Сейчас он практически безлюден и совершенно неисследован, но климат там ничуть не хуже, чем здесь. Это в самом деле заманчивое для оборотней предложение, ибо здесь у нас нет ни настоящего, ни будущего. Люди тоже поддержали его, потому что мечтают избавиться от нас, понимаешь?

Я кивнул. Корил действительно превосходный политик. Я начинал понимать, чем он так страшен для режима — не говоря уж о его репутации сильнейшего волшебника. Просто удивительно, как Эоле Мэтьюз удалось сместить его и при этом до сих пор сохранить власть.

Но внезапно меня озарило — она сама нужна кому-то только потому, что поддерживает идею войны с Конфедерацией. Остальных Властителей Ромба Харон мало интересовал — об этом много говорил Корман. Кто же тогда стоит за Эолой Мэтьюз? Ответ мог быть только один — ПРИШЕЛЬЦЫ.

ПРИ НЕМ НЕ БЫЛО ЭТИХ УЖАСНЫХ СОТРУДНИКОВ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ...

Так за ЧЬЮ безопасность отвечает Ятек Морах? За безопасность Эолы Мэтьюз? Да, но лишь постольку, поскольку она отвечает чужим интересам. То есть этот странный человек с необычными глазами, бесстрастностью робота и невероятной мощью может оказаться не человеком вообще. А это означает, что Харон по каким-то причинам чрезвычайно важен для пришельцев. ПОЧЕМУ?

Эола Мэтьюз, с ее непомерным властолюбием и мечтами о богоподобии... Пришельцы способны удовлетворить все ее безумные желания, а она, в свою очередь, сделает все, что они прикажут. Да, что-то в этом есть. Интересно, понимает ли это Корил? Особенно теперь? Что значит один непокорный властитель против цивилизации, готовой уничтожить тысячи планет?

— О чем задумался?

Я очнулся:

— Да так, ерунда, просто сопоставляю факты. Я тебе потом расскажу. Отныне мы постоянно будем вместе, а это очень длинная и запутанная история.

— Вместе, — вздохнула она. — Как это прекрасно.

— И еще, самое главное. Почему мне, например, не мешает хвост? Я ощущаю себя совершенно естественно.

— Просто заклинание было очень хорошим.

Я удовлетворенно кивнул:

— Отлично. И куда же мы теперь отправимся?

— Далеко-далеко, — ответила Дарва, — и побыстрее. Скоро весь этот район наводнят правительственные войска, а возможно, его уже прочесывают. Впрочем, у нас есть множество способов маскировки — например, застыть неподвижно на месте. Ты не поверишь, но любой пройдет мимо и ничего не заметит.

— Здорово, — согласился я, — но они наверняка используют все новейшие поисковые средства — например, тепловые датчики. И тогда нам не отвертеться.

— Ну и что? — засмеялась Дарва. — Не забывай, что мы холоднокровные и температура нашего тела точно такая же, как и у окружающей среды. Приборы совершенно бесполезны.

А я и не догадался взглянуть на проблему под этим углом.

— Да я и сам рад поскорее унести ноги. Но скажи, ты хорошо знаешь окрестности Бурже?

— Отлично, — ответила Дарва. — Правда, в радиусе лишь сотни километров. Дальше я никогда не бывала. Но

я знаю все дороги, хотя мы и не сможем воспользоваться ими, а также административное деление — я вызубрила карту наизусть. Нам пришлось многое заучивать.

— Умница, — похвалил я.

— А ты тоже хочешь присоединиться к остальным? — с некоторым разочарованием спросила она.

Я кивнул:

— Я тебе потом объясню. Это долгий рассказ.

— У нас впереди 800 километров и три недели, — сказала она. — Этого времени с лихвой хватит для любых объяснений. Мы все рассеялись — до поры до времени.

— Этого времени, — с беспокойством заметил я, — хватит, чтобы агенты Службы безопасности поймали некоторых и вывели, где прячутся остальные.

— О, оговоренных явок сотни, но о каждой знает только очень небольшая группа. Даже если переловят половину наших, в чем я очень сомневаюсь, остальные уцелеют.

— Конечно, хотелось бы иметь гарантии, но так и быть, поверю на слово. — Я осмотрелся вокруг. Туман сгустился. — Ну что ж, пора замечать следы — и в путь.

Дарва засмеялась:

— Даже наши следы не отличаются от следов бурхана. Вот еще одно преимущество моего нового тела.

Я еще раз огляделся.

— Кажется, мне надо уединиться, — с некоторым стеснением сообщил я. — Дыни оказались очень сочными.

Дарва весело засмеялась и ткнула наугад пальцем. Вняв совету, я присел и, глядя себе под ноги, облегчился.

— Так вот где у меня ЭТО, — громко поделился я своим открытием.

РАНДЕВУ НА ВЕРШИНАХ

Эти три недели оказались воистину идиллическими, и, честно говоря, я даже заскучал. В обществе Дарвы я испытал целую гамму чувств, дотоле неведомых, и, надо сказать, слегка огорчился — сильный, бесстрастный, но бдительный агент Конфедерации должен быть абсолютным индивидуалистом и не нуждаться ни в ком и ни в чем. Да и кто станет тратить время, развивая в нас такие вещи, как преданность, дружба, любовь? Разве не я всего несколько месяцев назад не мог даже подобрать подходящих слов, чтобы описать состояние Залы? До сих пор я считал, что одиночество может испытывать только безнадежно неполноценный человек. Стану ли я столь же чуждым собственной культуре, как выросшая в лесах Харона Дарва? Такие мысли по-настоящему пугали. Моя вера в ценности Конфедерации сильно поколебалась.

Неужели мы, в нашем упорном и опрометчивом стремлении к совершенству, оставили в человеческой психике серьезные пустоты? Или эти пугающие эмоции — просто результат моей новой биохимии? Впрочем, с практической точки зрения имеет значение только сам факт, и раз уж я ощутил свою ущербность, то с чем она связана, в конечном счете не важно.

Не однажды, продираясь сквозь густые джунгли, я порывался открыться Дарве, кто я такой и какова моя миссия, но в последний момент удерживался. Спешить было некуда, и я откладывал это на потом. Постепенно я все лучше и лучше узнавал свою спутницу и понимал,

что не ошибся в ней. Она быстро усваивала новое, особенно мои рассказы о жизни на цивилизованных планетах и на Границе. Дарва довольно легко ухватила суть заговора инопланетян и Четырех Властителей, а я боялся, что она воспримет пришельцев как своеобразных оборотней. Когда вы ярко-зеленого цвета, двух с лишним метров высотой да к тому же счастливый обладатель великолепного рога и длинного мясистого хвоста, тогда разница между людьми и нелюдьми кажется вам куда менее очевидной, чем раньше. Однако Дарва сразу поняла, что пришельцы — представители иной расы и совершенно чуждого нам интеллекта. Если, как я подозревал, Морах и в самом деле инопланетянин, значит, она готова к борьбе с чужаками во имя человечества, которого никогда по-настоящему не видела и к которому, очевидно, уже не принадлежала.

Некоторые перемены особенно сильно волновали меня; я заметил, что стал эмоциональнее и, хотя не утратил знания и навыки, стал переживать все необыкновенно бурно — и хорошее, и плохое.

Наш новый вид, название которого я сократил до *Darvas*, оказался великолепно приспособлен к местным условиям. Мы были чрезвычайно сильны и, несмотря на свои размеры, могли без труда затеряться в любой невысокой траве, а бегали намного быстрее человека. Когти служили нам прекрасным оружием, хотя мы и не использовали их в этом качестве. Выяснилось, что ими чрезвычайно удобно разрывать любую плоть — только не нашу собственную, исключительно крепкую и абсолютно водонепроницаемую.

Без сомнения, нас разыскивали. Часто очень низко над лесом пролетали парители, и с них наугад стреляли из огнеметов, чтобы посеять панику и обнаружить беглецов. Все без исключения дороги постоянно патрулировались — в основном солдатами с уже знакомыми мне злобно-отсутствующими физиономиями. А поскольку мы не могли пройти незамеченными мимо лю-

бого мало-мальски грамотного волшебника, наш путь пролегал в лесной глуши.

Единственное серьезное препятствие встретилось нам уже в конце наших странствий. Мы прекрасно чувствовали себя в лесу: толстая шкура защищала от укусов насекомых, хищники были нам не страшны, а сил, чтобы продираться сквозь спутанные лианами заросли и грязные болотца, у нас вполне хватало. Природа Харона поражала красотой, однако мы, что называется, слегка «одичали» и не уделяли особого внимания пейзажам.

Джунгли стали для нас родным домом, как и для настоящих бурханов. Мы столкнулись с множеством неизвестных обитателей лесов и болот, но, как правило, мы избегали друг друга; и лишь однажды встреченный нами зверь повел себя по-другому.

Не знаю, в чем причина: скорее всего самец учуял запах Дарвы, но, как бы там ни было, он даже не пытался скрыться — наоборот, мы то и дело слышали его грозный рык, которым он вызывал нас на бой.

Несмотря на внушительные передние резцы, у нас был человеческий челюстно-лицевой аппарат — как и у всех всеядных животных. Наш преследователь, очевидно, был не менее силен, и наши попытки уклониться от схватки только раззадорили его. В конце концов стало ясно: битвы не избежать. Внезапно я почувствовал бешеный прилив адреналина — или чего-то похожего; такой дикой ярости я никогда еще не испытывал. Зверюга вынырнула из-за кустов, злобно рыча, и присела перед броском, а я ощутил, что буквально растворяюсь в невероятном гневе — и в то же мгновение рядом зарычала Дарва. Не сговариваясь, мы одновременно ринулись на противника, опустив головы и выставив свое главное оружие — длинные рога.

У обычного бурхана очень острые зубы, но рогов нет; наш противник явно не рассчитывал на встречу с представителями нового вида. Он отпрянул, оберегая голову, и в тот же миг наши рога, словно копы, вонзились ему

в грудь, а когти распороли брюхо. Снова и снова мы наносили удары, хотя он уже был в смертельной агонии и дымящаяся кровь заливала и всех нас. Внезапно Дарва стремительно развернулась и, опершись на хвост, со всей мочи лягнула ящера. Зверь грузно рухнул навзничь.

Мы тотчас запрыгнули на поверженного врага, протыкая уязвимую шею и разрывая плоть. Бедняга с самого начала не имел никаких шансов — и не только из-за наших рогов, но и благодаря человеческой тактике, о которой мы не забывали даже в звериной ярости. Ящер погиб сразу, а мы отделались легкими царапинами, но гнев и чувство неуправляемой силы и мощи еще долго не покидали нас. Мы възлеб пили густую кровь и пожирали куски еще теплого мяса, пока не пресытились. Лишь тогда прекратилась кровавая тризна и нас охватила благодушная сонливость; ярость утихла, и к нам вернулась способность трезво рассуждать.

Какое-то время мы потрясенно молчали. Затем Дарва, забрызганная кровью с ног до головы, взглянула на меня и перевела взгляд на почти обнажившийся скелет, который уже облепили насекомые.

— О Господи, что же мы наделали? — пробормотала она.

Я тоже взглянул на нее, потом на останки, и — опять на нее:

— Похоже, мы одичали гораздо больше, чем ты предполагала.

Дарва казалась ошеломленной и слегка напуганной.

— Но... но ведь это же не бурхан. Я даже не знаю, что это за зверь... Он был — подожди-ка...

Дарва обмакнула когтистые пальцы в лужицу крови и поднесла руку к носу.

— О Господи, Парк. — Дарва содрогнулась, — Она ведь ПРИЯТНО пахнет! И на вкус...

— Да, я знаю. — Силы покинули меня, и теперь я ощущал только ноющую боль во всем теле и невероятную усталость. И знал, что Дарва чувствует то же самое.

Она по-прежнему изумленно смотрела на свои пальцы:

— Я... я уже два года этим занимаюсь, но впервые...
Я слабо кивнул:

— Твой Изил оказался гораздо хитроумнее, чем я думал. Похоже, он специально внес подобное «оскотинивание» в свое заклинание — на случай, если ты не покорись Гнизеру. Идея интересная, хотя и не новая. Если даже превращение в оборотня не сломит твою волю, животные инстинкты постепенно начнут побеждать, и ты либо окончательно озвереешь и закончишь свои дни в стаде бурханов, либо приползешь к нему, умоляя о пощаде. Это, кстати, не так уж плохо, — заключил я.

— Черт возьми, что же в этом хорошего? — недоуменно посмотрела на меня Дарва.

— Сама посуди. Мы с тобой угрожали эту гору мускулов и клыков без особого труда. Мы ИНСТИНКТИВНО использовали все средства борьбы, какими располагаем. А ведь он тяжелее любого из нас как минимум на несколько центнеров и к тому же был хищником от рождения. Однако мы оказались коварнее. Повалив его, мы застраховали себя от любых мало-мальски серьезных ранений. Ты опрокинула его не задумываясь, автоматически, а ему это даже в голову не пришло. Теперь мы с тобой — Властелины джунглей, Король и Королева. Мы свои в этой новой стихии. Отныне нам здесь ничто не угрожает.

— Но... но кровь. О Господи! Похоже на шок... оргазм... Это прямо наркотик какой-то! Даже теперь, понимая весь ужас этого, я хочу пить ее вновь и вновь!

Тут она, конечно, была права. Я ощущал то же самое.

— Ну что же, надеюсь, нам удастся управлять своими чувствами. Мы ведь теперь с тобой хищники, Дарва, убийцы. Такова плата за новые преимущества.

Дарва подозрительно взглянула на меня:

— Я... я даже не знаю. Парк... а вдруг нам попадется человек? Один из солдат Мораха?

Мои профессиональные навыки тотчас проснулись, мозг рассортировал и проанализировал факты и разработал план действий. Дарве будет намного труднее — но ведь однажды она уже примирилась с очевидным и выжила.

— Мы с тобой больше не люди, Дарва, — прямо сказал я. — Мы нечто совершенно иное. И поскольку человек для нас враг, мне все равно — застрелить его или проткнуть рогом.

— Но... но это же каннибализм!

— Вот если бы я съел тебя, это был бы каннибализм, — резонно заметил я. — А человек для нас — просто одно из животных.

— Я даже не знаю, — честно призналась Дарва.

— Тебе придется свыкнуться с этой мыслью, чтобы не свихнуться, — сказал я. — Но думаю, ты справишься. Здесь, в джунглях, свои законы, и ты это понимаешь не хуже меня.

Дарва ничего не ответила. Мы задремали, а ближе к вечеру нам удалось найти ручеек и смыть друг с друга засохшую кровь и следы побоища. Теперь мы вновь почувствовали себя прежде всего нормальными людьми, а потом уже дикими хищниками.

— Парк, помнишь, ты рассказывал мне о пришельцах? — спросила как-то Дарва. — А разве мы сами не что-то похожие? По крайней мере сейчас?

На этот вопрос у меня не нашлось готового ответа.

Несмотря на угрызения совести, на следующий день мы повторили кровавую резню — уже абсолютно осознанно. Мы наткнулись на маленькую самку угара, которая повредила ногу и была изгнана из стада, поскольку не могла охотиться. Она была совершенно беззащитна и к тому же обречена на скорую голодную смерть. Однако легкость и быстрота, с которой мы приняли решение, и неповторимые эмоции, испытанные мной при этом — я бы назвал их «предвкушением убийства», —

обеспокоили меня гораздо больше, чем Дарву. До сих пор я непоколебимо верил в свою способность сохранять хладнокровие и самодисциплину в любой ситуации, а теперь получалось, что я запросто могу поддаться животным инстинктам.

Что касается охоты как таковой, то человек занимался ею с незапамятных времен, и хотя на цивилизованных планетах в пищу давно уже употреблялись только синтетические белки, обитатели приграничных поселений охотились точно так же, как их предки на древней Земле. На Хароне люди тоже с удовольствием промышляли и ловили рыбу, а обитатели Монтлэ и Бурже покупали мясные полуфабрикаты и терзались нравственными переживаниями ничуть не больше, чем обитатели джунглей. Мы с Дарвой отнюдь не были исключением и отвергали всякое лицемерие. Поразмыслив, мы решили не усложнять себе жизнь и полностью войти в нашу новую роль — роль диких хищников.

Наши микроорганизмы Вардена быстро приспособились к такому практичному взгляду на вещи. После третьей жертвы я ощутил странное онемение во рту. Дарва, как выяснилось, почувствовала то же самое, и, осмотрев друг друга, мы тут же выяснили, в чем дело. Наши зубы стали намного острее, а клыки заметно удлинились. Без всяких заклинаний и мистики мы стремительно превращались в настоящих хищников.

Такой перемены Изил наверняка не предусматривал. Микроорганизмы Вардена сами включились в игру и соответственно изменили нас. Но действительно ли мы полностью переродились? Поразмыслив, я решил, что маловероятно: Дарва вела подобный образ жизни давно, а я — всего лишь несколько дней, однако метаморфозы последовали только сейчас. В конце концов я пришел к выводу, что всему «виной» мышление, которое и привело в действие микроорганизмы Вардена. Корман говорил, что каждый в принципе обладает силой. Похоже,

действительность оказалось куда сложнее, чем представлялось даже ему.

Но в связи с этим возникал еще один, гораздо более таинственный вопрос: как микроорганизмы Вардена УЗНАЛИ об этом? И ученики вроде Изила, и могущественные волшебники вроде Кормана с трудом верили, что можно перепрограммировать каждую клетку организма, ускорить их рост и скомпоновать совершенно новое существо — или хотя бы орган.

Компьютеры Конфедерации без труда справились бы с такой задачей, но подобные эксперименты были строго запрещены, а если и проводились, то нелегально. Обитатели Харона поступали гораздо проще: взмах волшебной палочки, пара бессмысленных фраз — и перед вами абсолютно другое, хотя и вполне жизнеспособное создание.

Я располагал множеством кусочков мозаики, но целую картину сложить не мог. Впервые за долгие месяцы я вспомнил о своем двойнике, моем прежнем «я», который остался где-то далеко за пределами Ромба. Интересно, продолжает ли он получать информацию после того, как я перестал быть человеком? А если да, удалось ли ему сложить головоломку — при помощи мощнейших компьютеров и всех интеллектуальных ресурсов Конфедерации?

Ненавидеть его я уже перестал. И даже не был уверен, продолжаю ли еще завидовать ему.

Медленно, окольными тропами мы приближались к конечному пункту нашего путешествия. Он находился примерно в километре от дороги, в каменистой расщелине у огромного водопада.

Я видел, что Дарва колеблется, и чем дальше, тем больше.

— Нам с тобой и так хорошо, — объясняла она. — Ты же сам говорил: мы созданы для джунглей, для дикой

жизни. Если мы вернемся, у нас будут только лишние проблемы.

— Все правильно, — соглашался я, — но я думаю не только о нас с тобой. Во-первых, Я ХОЧУ САМ РАЗОБРАТЬСЯ ВО ВСЕМ. Хочу понять, что здесь творится, и на мне висит огромная ответственность, ибо я понимаю: Харон будет уничтожен вместе со всеми джунглями и оборотнями. Однако еще не все потеряно. Если Корил — человек слова, мы сможем первыми нанести удар и покончить с этой ужасной дискриминацией. Оборотням нужна своя земля, а чтобы ее получить, они нуждаются в Мощи и Силе. В противном случае всегда найдется новый угнетатель. Только в борьбе мы отстоим свои права и положим начало новой расе, а может, и нескольким расам.

Боюсь, Дарва не вполне разделяла мою точку зрения, зато прекрасно понимала, что я не отступлюсь от своих планов, а она никогда не откажется от меня.

Мы осторожно приблизились к горам. Дарва шла первой, поскольку хорошо знала местность и была исключительно внимательна. Когда до поляны оставалось метров пятьдесят, она замерла и вдруг стала совершенно невидимой. До сих пор не верится, что такое возможно. Я сделал то же самое.

Грохот водопада поглощал все звуки, и я принялся осторожно осматриваться, отчетливо улавливая чувства своей спутницы: еще один инстинкт, приобретенный заодно с новым телом. На поляне явно кто-то был. Я ощущал это всем своим существом.

Моя сосредоточенность была совершенно не похожа на обычную концентрацию внимания. Я осознавал ее новизну, но не мог подобрать аналогии. Впервые мы с Дарвой явственно почувствовали собственные микроорганизмы Вардена — свою ВА, как называла их старуха, — и эти микроорганизмы не были одиноки. словно по тончайшим энергетическим каналам, расходящимся во всех направлениях, они посылали и получали сигналы; впрочем, такое описание весьма приблизительно. Скорее это

были открытые информационные цепи, какие-то микроскопические фундаментальные волны. Я чувствовал, что связан этими каналами с деревьями, травой, камнями, вищей в воздухе водяной пылью, то есть абсолютно со всем окружающим миром. Видимо, подобное испытывают настоящие волшебники; Корман так и не смог объяснить мне это, но теперь я его понимал.

Джунгли наполняла не только биологическая жизнь, но и почти метафизическое существование мириадом микроорганизмов Вардена. Мы были частью огромного океана жизни. Не могу подобрать другого слова — ничего более возвышенного и благородного мне еще не доводилось изведать.

Внезапно я понял, в чем именно суть этого ощущения. Внутри нас микроорганизмы, как правило, оставались пассивны — они были связаны между собой, однако не получали и не передавали никакой информации. Извне, но тот, кто таился впереди, изменил ситуацию. Он явно не был оборотнем — по словам Дарвы, из них лишь считанные единицы обладают силой; как правило, в заклятии такие способности специально блокируются. Где-то рядом находились волшебники — правда, очень слабые — а значит, там люди.

Сосредоточившись, я постарался как можно точнее настроить свои микроорганизмы Вардена, пытаясь определить местоположение чужаков, — и наконец это мне удалось. Один прятался метрах в десяти от Дарвы, за большим деревом; другой чуть подальше. Третий человек притаился у самого подножия водопада, а еще один — на его вершине. Они были совершенно разные, и распознать их не составляло труда даже мне; но не значит ли это, что они столь же легко обнаружили и нас? Впрочем, я почти сразу пришел к отрицательному выводу: если бы нас опознали, нам пришлось бы очень туго.

В этот момент тот, кто прятался за деревом, вышел из укрытия, но даже не взглянул в нашу сторону. При-

родный камуфляж и полная неподвижность делали нас невидимками на очень близком расстоянии.

Как я и думал, это оказался солдат в черной с золотом униформе; с усталым и откровенно скучающим видом он присел у дерева. На поясе у него я без труда узнал лазерный пистолет.

Эх, если бы только завладеть им! Конечно, мы с Дарвой могли убить кого угодно и без всякого оружия, но что сравнится с лазерным пистолетом? Будь у меня хоть один, я бы перешелкал всех солдат, ничем не рискуя.

Раздались короткие гудки. Солдат, не торопясь, достал крошечный радиопередатчик и прошептал в него несколько коротких фраз. Поразмыслив, я решил приступить к активным действиям.

К сожалению, мы слишком громоздки для близкой разведки. Миниатюрный Парк Лакош с кошачьими повадками пригодился бы здесь куда больше. Я неслышно отошел назад и осторожно поднял огромный валун — даже он излучал микроорганизмы Вардена.

Дарва тихо обернулась ко мне и, понимая кивнув, повернулась лицом к солдату.

Мимоходом пожалев, что, несмотря на мощные и крепкие руки, плечи у нас не слишком развиты, я примерился и что было сил метнул камень. Он с треском упал у солдата за спиной, и тот моментально вскочил, быстро выхватив из кобуры пистолет, а потом начал медленно наступать прямо на Дарву. Его микроорганизмы буквально «вспыхнули» — в моем словаре нет подходящих слов, чтобы описать это явление. Они словно излучали тревогу и подозрительность, хотя об истинном смысле этой информации я мог только догадываться.

Дарва слилась с широколиственными деревьями, как умела делать только она. Даже я не заметил бы ее, если бы не знал, где она находится.

Солдат тоже ничего не обнаружил. Возможно, наши микроорганизмы, почувствовав грозящую опасность,

сделали нас невидимыми. Он прошел в двух шагах от Дарвы и, достав рацию, передал сигнал тревоги.

Я от всей души надеялся, что Дарва поймет мой замысел за те доли секунды, которые у нее еще остались.

Солдат остановился в двух-трех метрах от Дарвы, медленно повернулся и — я сразу понял это — наконец-то увидел ее. Он криво усмехнулся.

— Да, да! Оборотень-волшебник! — удовлетворенно произнес он.

Пора было действовать.

— Хэй! — внезапно выкрикнул я и изо всех сил топнул огромной ногой.

Как только потрясенный вояка развернул ствол в мою сторону, Дарва нанесла ему сокрушительный удар по шее. Его палец в агонии нажал на спусковой крючок, и нестерпимо яркий бело-голубой луч разрезал воздух и поджег дерево у меня над головой.

Не теряя времени, я подскочил к уже мертвому телу, подхватил пистолет, затем развернулся на месте при помощи хвоста и бросился вслед за Дарвой в спасительные джунгли. Сзади слышались крики, и запоздалые лазерные лучи наугад пронзили пространство.

Дарва была уже далеко; убедившись, что она в безопасности, я остановился, проверил свою маскировку и прислушался.

Два солдата — мужчина и женщина — преследовали нас с пистолетами наготове. Оружие явно не предназначалось для моих когтистых лап, но оно придавало уверенности, а это уже немало. Я сработал удивительно чисто — словно стрелял по мишени с десяти метров; не торопясь, я просверлил в каждом преследователе по маленькому, очень аккуратному отверстию. Безжизненные тела еще не успели упасть на землю, а я уже был рядом. Подобрав оба пистолета, я снял с трупов ремни с кобурой и запасными обоймами и скрылся в чаще.

Нагнав Дарву, я отдал ей часть добычи — один ремень и пистолет, предварительно выключив батарею; не говоря

ни слова, мы припустились бегом — и только когда оказались в непролазной чаще почувствовали себя в безопасности. Присев на хвосты, мы перевели дыхание.

— Еле-еле ушли! — выдохнула Дарва с присвистом. Я кивнул:

— Трофеи стоят того.

— Стоят? — засомневалась Дарва. — Зачем тебе понадобились эти игрушки? Нам они совершенно ни к чему, — заявила она, сжимая и разжимая когти.

— Ошибаешься. От меткого выстрела еще никто не ушел, — улыбнулся я. — И эти, кстати, тоже.

Дарва сокрушенно покачала головой:

— Тот солдат... Он был такой слабый... тщедушный. — Она задумчиво подняла левую руку. — Проломить такому череп — пара пустяков.

— Что ты и сделала, — согласился я. — А наши руки — это самое скромное оружие из того, чем мы располагаем. Но не слишком задавайся: люди — слабейшие из животных, а посмотри-ка, кто стал царем природы.

Дарва горестно взглянула на меня:

— Похоже, мы проиграли. Если они вышли на эту явку, то наверняка знают и обо всех остальных.

Я отрицательно покачал головой:

— Придется рискнуть еще раз. Может, нам повезет. Мы не вправе пренебрегать даже малейшим шансом.

— Ну что же, — вздохнула Дарва разочарованно, но тут же ее лицо озарилось улыбкой. — А ведь я сделала все абсолютно правильно, да?

— Еще бы! — подтвердил я. — Я горжусь тобой. Я не мог предупредить тебя, но ты справились великолепно!

Она просияла:

— Скоро я стану настоящим профессионалом; а ведь сперва ужасно струсил! Зато потом получила настоящее удовольствие.

— Да, знатный удар, — одобрил я. — Откровенно говоря, ненавижу убийства, но если уж бить — то наверняка.

— Знаешь, у меня сложилось впечатление, что для тебя это не впервой, — внезапно заявила Дарва. — Да еще эти два выстрела! Я просто поражена!

Делать было нечего, и я решил:

— Ну что же, наверное, пора открыться. — И вкратце объяснил ей, кто я такой и почему оказался на Ромбе Вардена. Дарва внимательно слушала, изредка кивая. Когда я закончил, она неожиданно улыбнулась:

— Да, теперь мне многое ясно. Значит, ты до сих пор выполняешь свое задание — даже... — Она запнулась и опустила глаза.

— Более или менее, — возразил я, — но совсем не так, как ты думаешь. Меня не проведешь рассказами о счастливом будущем. Я останусь здесь навсегда, так же, как и ты, и лично мне ничего сделать не могут, разве что уничтожить Харон. Теперь ты понимаешь, почему я должен найти Корила. Он борется с пришельцами так же, как и я, и, судя по тому, что мне известно, Корил — мой главный союзник в борьбе с Эолой Мэтьюз...

Внезапно у меня мелькнула кое-какая мысль. Я быстро ошупал трофейные ремни и, найдя в одном из них рацию, извлек ее из кармашка и осторожно включил.

— ...из лесу, наскочил на Сормата — и разорвал ему глотку, как дикий зверь, — верещал тоненький голос. — О Господи! Похоже, их двое, но мы заметили лишь одного. Смахивает на бурхана. Просто ужас.

— Хуже всего, — раздался другой голос, — что он преодолел щит ВА, который установила Сорми. Это меня особенно пугает. Постарайтесь избегать этих монстров.

Они слишком слабы, чтобы преследовать нас, подумал я, но последние слова меня насторожили. Я осмотрел рацию — простое устройство, но такие мне еще не встречались.

— Ты видела когда-нибудь такую штуку? — спросил я у Дарвы.

Она посмотрела на небольшую коробочку:

— Похожие используют в Компании для связи с рабочими на плантациях. Отличается очень незначительно.

— Армейский вариант, — кивнул я и перевернул коробочку.

На задней крышке значилось «Земко, ЦБ». И так, опять Цербер. Индустриальный центр Ромба Вардена. Моему коллеге работать там будет полегче.

— А каков радиус ее действия?

— Чего?

— На каком расстоянии она работает?

— Понятия не имею. Тех, которыми пользовались мы, хватало на три-четыре километра. — Я согласно кивнул. — Эти наверняка помощнее, но я думаю, пять километров — предел. И они должны быть совместимы друг с другом. — Я ненадолго задумался. — Интересно, одна ли у них частота?

— Ты что-то придумал?

— Да. Можно отправляться к следующему месту встречи — ближайшему. Благодаря этой штуковине мы сразу поймем, занято оно или нет.

Немного повозившись, я соорудил из нескольких ремней один, достаточно длинный застегнуться на моем богатырском торсе. В нем разместились два пистолета, рация и кое-какие мелочи. Из лиан удалось смастерить еще одну сбруйку для Дарвы, чтобы она несла третий пистолет. Правда, без определенной практики он служил скорее психологическим оружием. Лазерный пистолет — штука тонкая, и пользоваться им непросто.

«Окно» до следующей явки составляло всего тридцать часов, и надо было поторапливаться. Только тридцать часов нас будет ждать связной Корила; еще четверо суток явка будет периодически проверяться: придется оставить специальные знаки; потом о ней можно забыть.

Мы двигались, естественно, только по ночам, а во время отдыха и коротких трапез сверяли свои ощущения

микроорганизмов Вардена. Оказалось, наш опыт практически совпадает — ведь даже тот убитый солдат заметил, что Дарва обладает силой. Она и раньше имела представление о микроорганизмах Вардена, хотя и в мистической форме, столь популярной среди невежественных аборигенов Харона.

— Как ты знаешь, моя прабабка — настоящая колдунья, — напомнила Дарва, — и большую часть своих знаний она передала нам. Еще ребенком я выполняла вместе с ней простейшие упражнения, хотя серьезно этим никогда не занималась. Но было действительно здорово. Примерно тогда же мой брат получил в подарок торго — это такая харонианская флейта, но потом она ему наскучила, и больше он к ней не прикасался. А ведь это тоже искусство.

— Все верно, — сказал я, — однако это не объясняет, почему наши ощущения совпадают. Вряд ли дело только в заклинании. В свое время Корман отметил мои способности, и рано или поздно я должен был почувствовать микроорганизмы Вардена — то, что здесь называется ВА. Значит, мы можем освоить колдовскую науку, а стало быть, оборотни ничем не отличаются в этом смысле от людей, хотя и устроены иначе.

Способных оборотней наверняка попадается немало, но им требуются специальная подготовка и обучение, иначе волшебство может привести к совершенно непредсказуемым результатам.

Я сразу понял, что ключом к овладению силой является способность сосредотачиваться — до тех пор, пока наблюдатель не ощутит микроорганизмы Вардена в исследуемом объекте. Большинство людей не обладают достаточной силой воли и верой в успех, но в себе-то я был вполне уверен — даже теперь, — да и Дарва, по-видимому, тоже. Не менее полезны оказались и ее артистические наклонности и математические способности.

Гористую местность, куда мы направлялись, Дарва называла Вершинами. Ей не доводилось бывать там раньше,

но она видела ее на картине и заверила меня, что ошибиться невозможно. Она даже пренебрегла предварительной рекогносцировкой. Вершины находились прямо над оживленным трактом, недалеко от города Гехбрат.

Мы добрались до окрестностей города во второй половине следующего дня. Включив трофейную рацию, я обнаружил, что эфир здесь очень насыщен, однако на связь выходили в основном дорожные патрули. Ничто не говорило о повышенном внимании к Вершинам, а по косвенным признакам я понял, что все радиостанции работают на одной, фиксированной частоте. Мы с Дарвой немного успокоились и с предельной осторожностью двинулись к горам.

Дарва оказалась права — ошибиться было невозможно. Гребни четырех зубчатых скал вздымались над окрестными джунглями, напоминая четыре стрелы, грозно нацеленные в небо. У подножия одной из них — явка. Если только ее не раскрыли преследователи.

Мы подобрались к цели с разных сторон, готовые в любой момент оказать сопротивление, однако ничто не предвещало опасности. Мне потребовалось добрых два часа, чтобы окончательно убедиться, что все спокойно, но наконец мы с Дарвой встретились, и за неимением часов остались поджидать связного в джунглях.

Вскоре наступил вечер, и нас мгновенно поглотила непроглядная тьма. Снова и снова я включал рацию, но слышал только обрывки переговоров случайных патрулей. О Вершинах никто и не обмолвился.

Внезапно мы почувствовали легкое движение и тотчас замерли. Я осторожно вытащил пистолет и огляделся. Наши глаза были неплохо приспособлены к полумраку джунглей, правда, весьма чувствительны к слепящему солнцу, однако в этой крошечной мгле я не мог ничего различить — только благодаря микроорганизмам Вардена ощущал приближение неизвестного существа.

Незнакомец прокрался на середину поляны, нервно огляделся и прошептал: «Южный гром». Пароль вер-

ный, однако осторожность не помешает. Если Морах захватил хотя бы одного оборотня, тот мог выдать множество паролей.

Я посмотрел на Дарву и подал знак. Она кивнула и, подходя к неясной фигуре, тихо произнесла отзыв: «Идет Разрушитель».

Послышался вздох облегчения.

— Слава Богу! — сказал низкий, но вполне отчетливый женский голос. — Кто ты?

— Дарва. А ты?

— Гемара, — донеслось в ответ. — Я из Облачной Долины.

— А я из Тандеркора, — сказала Дарва. — Подойди поближе, чтобы мы могли лучше рассмотреть друг друга.

Существо приблизилось к ней вплотную, и наконец-то я смог разглядеть его. Это и в самом деле был оборотень: огромная женщина с красновато-кирпичным, но вполне человеческим лицом, на котором выделялись только огромные ярко-оранжевые фасеточные глаза насекомого.

Дарва повернулась в мою сторону:

— Все в порядке, выходи.

Я выбрался из укрытия и, подходя к ним, увидел, что это создание гораздо меньше похоже на женщину, чем мне показалось вначале. Своим жестким, вроде бы хитиновым панцирем оно очень напоминало насекомое; на спине зияла огромная черная дыра. Оно — точнее, она, — стояла на четырех из восьми ног; все ее конечности были именно ногами. Тоже покрытые хитином, они заканчивались маленькими пластинками, переходившими в твердые когти. И только на голове, как жалкое свидетельство человеческого прошлого, росли короткие черные волосы.

Странное создание повернулось и придирчиво оглядело нас с Дарвой:

— Так что, тебя двое?

— В некотором смысле, — опередил я Дарву. — Это долгая история. Меня зовут Парк, и я — самец.

Женский ротик нашей новой знакомой изогнулся от удивления.

— Так вы семья! Как замечательно! — В голосе ее слышалась откровенная зависть.

— Возможно, — ответил я. — Но ближе к делу. Что предпримем? Я чувствую себя как-то неуютно — здесь мы слишком легкая добыча.

После моих слов Гемара явно упала духом:

— А я-то думала, что вы...

— Нет, мы такие же беженцы, — вздохнула Дарва. — Ну что же, присоединяйся к нам и подождем еще немного.

Это необычное существо было сконструировано явно не для джунглей, однако в каменистой пустыне, наверное, чувствовало себя как рыба в воде — паукообразное тело спрячется в любой расщелине.

Мы коротали время за рассказами о нашем прошлом. Я, естественно, поведал незнакомке лишь самую малость — и о том, как к нам попали пистолеты. Гемара, оказывается, занималась браконьерством — очень серьезный на Хароне проступок — и была поймана с поличным. В наказание ее отдали молодому ученику местного волшебника в качестве объекта для тренировок, а в остальное время выставляли на публичное обозрение возле центрального офиса Компании как живое предостережение потенциальным правонарушителям. У Гемары не было ни пальцев, ни клешней, а ее составные глаза получали множественное изображение — каждый элемент строит собственную картинку, а затем мозг сводит их в одну. Однако из-за этого ее поле зрения было эффективным лишь на больших расстояниях, тогда оно составляло все 360 градусов — но уж если Гемара сосредоточивалась на чем-нибудь, то видела только этот предмет и ничего больше. Столь необычное существо являлось живым примером того, как далеко могут зайти сумасшедшие всех мастей, которым Харон дал заветную возможность материализовать свои болезненные фан-

тазии. А ведь Гемара обмолвилась, что ей еще повезло — встречаются куда менее счастливые оборотни.

Ближе к вечеру к нам присоединились еще трое. Первым появился человек с лицом-маской дьявола; чересчур гибкое тело с крыльями за спиной вынуждало его постоянно стоять на полусогнутых ногах. Крылья — такие же, как у летучей мыши, — были только украшением. Всем своим видом он демонстрировал, насколько предательским может быть волшебное могущество. Он подслушивал лекции местного чародея, а затем тайком экспериментировал — на самом себе. Сначала все шло великолепно, но однажды он превратился в оживший кошмар...

Следующее создание оказалось червем землистого цвета, чье кольчатое туловище венчала абсолютно лысая мужская голова.

Он приполз, оставляя за собой дурно пахнущий след гноящейся сукровицы, и не стал рассказывать нам свою историю, но случайно я обнаружил, что он жадно поедает грязь под нашими ногами.

Последней к нам прибилась женщина хрупкого телосложения, которой явно было неуютно в такой компании. Она была бы настоящей красавицей — если бы не два характерных рога. От одного нашего вида ее буквально трясло.

Звали ее Эмла Квор. В тот памятный день она была на площади, и после этого ее жизнь превратилась в настоящую пытку. Я ничем не мог ее успокоить, но заметил, что она обладает недюжинной силой воли и достаточно рассудительна, чтобы скрывать свои чувства и держаться весьма непринужденно. Казалось, она прошла все круги ада, и мне не хотелось докучать ей распросами.

Внезапно раздался ужасный грохот. Оказалось, что это гром.

— О Господи! — послышался чей-то голос. — Только три часа назад тут был настоящий потоп, и на тебе — опять снова здорово!

Мы поспешно спрятались под ветвистые кроны, однако все равно мгновенно промокли из-за сильного ветра.

Вокруг Вершин заплясали молнии; в их ярких вспышках мои новые знакомые производили кошмарное впечатление.

Я не сводил глаз с пустынной поляны, но долгое время ничего не видел — пока внезапно в ослепительных разрядах не разглядел странный силуэт, возникший неизвестно откуда.

— Там кто-то есть! — шепотом предупредил я остальных и выхватил пистолет.

Все пристально уставились на поляну, но она вновь опустела. Взоры присутствующих устремились на меня, но я оставался непреклонен.

— Там кто-то есть, — уверенно повторил я и тихо переключил пистолет на максимальную мощность.

Вновь сверкнула молния, и мы увидели высокую худощавую фигуру человека в длинном плаще с капюшоном. Одно можно было сказать с уверенностью: это не солдат. Мои товарищи тоже заметили его и, затаив дыхание, ждали дальнейших событий.

Человек немного постоял под проливным дождем посреди поляны, затем медленно направился к нам. Лицо его скрывал глубоко надвинутый капюшон, но оно, несомненно, было человеческим.

— Южный гром, — прервал паузу чей-то женский голос.

— Идет Разрушитель, — тут же откликнулся незнакомец глубоким женским голосом. — Вы все?

— Да, с нами еще девушка-человек, — сообщил человек-червяк.

— Френта, — представилась женщина. — Весьма сожалею, что заставила вас ждать, однако дорога кишит патрулями, и пришлось вызвать бурю, чтобы пробраться незамеченной.

— Вы член организации Корила? — поинтересовался я.

— Нельзя сказать, что это его или чья-то еще организация, — отрезала Френта. — Первейшая наша задача — эвакуировать вас и сотни других оппозиционеров, а расселить столько людей — серьезнейшая проблема. Мы уже потеряли больше половины своих людей, но опасность еще не миновала. Надо срочно уходить отсюда. — Она придирчиво осмотрела наше разношерстное воинство. — Вы готовы к долгому маршу под проливным дождем?

Рогатая девушка и мужчина с лицом дьявола, как по команде, удивленно охнули. Френта кивнула им и повернулась к человеку-червю:

— А вы? Вы можете двигаться быстро?

— Я превосходно себя чувствую, — ответил тот. — Чем мокрее, тем веселее.

— Значит, успех нашего похода целиком зависит от вас, — сказала Френта нам с Дарвой. — Похоже, вы самые большие и сильные во всей этой компании. Сможете дотащить их?

Я вопросительно посмотрел на Дарву, но та лишь неопределенно пожала плечами.

— Попробуем, — ответил я. — Пусть только крепче держатся.

Лицо человека-дьявола исказила гримаса, которую нельзя было истолковать иначе, как выражение высшей признательности. Женщина, казалось, сомневается; она заметно нервничала.

— Забирайтесь на меня и устраивайтесь поудобнее, — предложил я ласково и как можно спокойнее. — Я не ядовитый и не кусаюсь, по крайней мере не кусаю своих союзников. Вам будет удобно.

Человек-дьявол не заставил себя упрашивать и быстро вскарабкался на Дарву, однако выяснилось, что весит он порядочно, и она непроизвольно охнула. На помощь моей стеснительной пассажирке пришла Френта:

— Иди сюда. Я тебе помогу.

Женщина с надеждой поглядела на меня:

— Я даже не знаю... Может быть, я смогу...

— У меня нет ни времени, ни терпения бороться с предрассудками и соблюдать этикет, — язвительно сказала Френта. — Да и сама ты уже не человек, судя по рогам.

Женщина отпрянула, потрясенная жестокостью той, которую считала своей единственной союзницей. Внезапно я ощутил — точнее, увидел, — как вспыхнули ослепительным светом микроорганизмы Вардена внутри Френты, и почувствовал, как информация хлынула из ее простертой руки в тело испуганной Эмлы Квор. Казалось, между ними протянулись миллионы крошечных паутинок — энергетических связей.

Через несколько мгновений ослепительное видение исчезло, и женщина странно, словно подпрыгивая, подошла ко мне, с помощью Френты взобралась на спину и вцепилась в меня железной хваткой. Френта удовлетворенно кивнула, отошла немного и размашисто начертала в воздухе несколько священных символов.

— Внимание! — громко потребовала она. — Отныне вы связаны друг с другом — пока я не освобожу вас! Следуйте за мной и не отставайте! Мы отправляемся!

— Вы точно можете стать волшебником, — сказал я Френте, чувствуя, как оцепенела моя пассажирка.

— Обижаешь, — бодро ответила она и широким шагом направилась прямо в непроглядную тьму промокших джунглей.

Долгое и трудное путешествие мы проделали в неожиданно быстром темпе. Френта, чье лицо я так и не разглядел как следует, шагала чрезвычайно проворно и совершенно не уставая. Человек-червяк и Гемара тоже двигались легко и свободно, чего не скажешь о нас с Дарвой. Френта вспоминала об отдыхе только тогда, когда мы начинали падать в буквальном смысле, но и

тогда привалы были намного короче и реже, чем хотелось бы.

Всю ночь мы шли в непроницаемой мгле и утратили всякое представление о времени и направлении. Наконец мы добрались до маленькой поляны, и Френта объявила ночлег. Нам позволили отправиться в лес и найти себе пищу, а затем немного поспать. По словам Френты, передвигаться днем было слишком рискованно, а нам предстояло сделать еще как минимум два перехода.

Мы с Дарвой изнемогали от усталости, но прекрасно понимали, что сейчас нам, как никогда, требуется стойкость и выносливость. Не в силах охотиться по-настоящему, мы удовлетворялись несколькими маленькими зверьками — предварительно убедившись, что это не оборотни, — закусили дикими фруктами и мгновенно заснули. Проспали мы целый день.

Разглядеть Френту нам не удалось не только ночью, но и при свете солнца — факт, весьма заинтриговавший нас с Дарвой. Мы были уверены, что она тоже является своеобразным оборотнем, хотя в чем именно — оставалось только гадать.

На привалах мы выставляли часовых, но лазерные пистолеты я не доверял никому. Большинство оборотней понятия не имели, как с ними обращаться, а остальные физически не могли этого сделать. Кроме того, уверен я был только в Дарве, не умевшей стрелять, и в себе самом.

Следующая ночь ничем не отличалась от предыдущей, хотя мы сделали долгий привал, переживая особенно сильный ливень. Я немного восстановил силы. Моя пассажирка молчала как рыба, и я был благодарен ей уже за это — мне было не до разговоров. На третью ночь мы внезапно вышли на пустынный пляж и, значит, вновь оказались на южном берегу, но уже более чем в сотне километров от Бурже.

С радостью я понял, что путешествие наконец-то завершилось. Наша таинственная провожатая безошибоч-

но вывела свой отряд к цели, минуя не только территории Компаний и почти все оживленные дороги, но и непроходимые топи, каких было немало в этом районе.

— Теперь мы в безопасности, — заверила нас Френта. — Здешний лагерь великолепно замаскирован; его не обнаружит даже самый опытный волшебник.

Я недоуменно осмотрелся вокруг:

— А где же он?

— Пошли, — поманила она, и мы спустились к самой воде, где береговая линия изгибалась, образуя небольшую бухточку.

Только что местность выглядела унылой и пустынной — и внезапно мы с изумлением обнаружили, что находимся в очень большой, хотя и примитивной деревушке, с палатками, кострами и горящими факелами. Я решил поэкспериментировать: встал лицом к морю, сделал несколько шагов назад и повернулся вновь. Ничего — пустота, тишина, безлюдье; отошел обратно — и вновь появился огромный поселок, населенный сотнями различных существ — и людей, и оборотней.

Френта приветливо помахала нам на прощание:

— Выбирайте себе место, селитесь, ни о чем не беспокойтесь. Еды тут хватает, боюсь только, что все хижины уже заняты. Если хотите, соорудите себе что-нибудь — в лесу достаточно древесины. Заклинание делает невидимым всю южную сторону залива на девяносто метров от берега, и, пересекая эту границу, будьте очень внимательны.

Наша маленькая группка таяла буквально на глазах: у моих спутников нашлась куча знакомых в огромной толпе кошмарных тварей, которыми кишел лагерь. Наши с Дарвой пассажиры со вздохом облегчения присоединились к небольшой компании почти неизуродованных людей. Дарва повернулась ко мне:

— Ну а мы что будем делать?

Я пожал плечами:

— Спать. Утро вечера мудренее.

Вокруг крутилось множество разнообразных существ, и некоторые были поистине ужасны и отвратительны. Только преступный ум и нездоровая психика могли сотворить подобных уродов, и внешний облик несчастных красноречиво говорил, какой именно болезнью страдал их создатель. Я понимал, что заслуга Корила велика, однако он оставался прежде всего политиком, королем в изгнании, мечтающим вновь взойти на престол и готовым ради этого на все. Бесчеловечная система процветала на планете и до него, и при нём, однако он и пальцем не пошевелил, чтобы прекратить этот кошмар. Разумеется, для большинства людей, и в особенности для оборотней, это было в порядке вещей, но все же теперь Корил вселял в них надежду и толкал на отчаянное безрассудство.

В свое время Дарва интересовалась, насколько сильно мы отличаемся от пришельцев, — и я не смог ей ответить. Возможно, Корил знал ответ. Вряд ли он собирался устранить внешнюю угрозу только для того, чтобы другие чужаки сгноили его планету. Я больше не сомневался: эти люди — пешки в грязной политической игре. И рано или поздно, я узнаю, в какой именно.

Дарва отправилась разыскивать знакомых, и, увидев, что она оживленно беседует с кем-то возле одной из палаток, я решил присоединиться.

Заметив меня, она улыбнулась и поманила меня рукой, а затем повернулась к собеседникам, стоящим вокруг костра; один из них был человеком-лягушкой, другой — огромным пернатым созданием, отдаленно напоминающим человека. Я подошел поближе, но не успел произнести ни слова, как палатка за моей спиной открылась.

— Привет, Дарва! — услышал я знакомый голос. — Привет, Парк! Твой новый костюмчик тебе очень идет!

Я быстро обернулся — передо мной стоял улыбающийся Тулли Кокул.

КРЕПОСТЬ КОРИЛА

Мы с Тулди отправились прогуляться вдоль берега.

— Скажи, — не в силах сдержаться, выпалил я, — так это ты — Корил?

Он засмеялся:

— Ну что ты! Я ему и в подметки не гожусь! На самом деле, Парк, я довольно заурядная личность. Родись я в далекой древности, мой удел — приходской священник. Я бы ценил тишину, покой и без помех предавался своим экспериментам. Бурже был для меня просто раем — никакого начальства и простой работающий народ в миролюбивой деревушке. Там я был по-настоящему счастлив.

— Так как же тебя утразило попасть сюда? — поинтересовался я. — Только не говори, что это случайность!

Кокул таинственно усмехнулся:

— Нет, конечно. Я как тот пацифист, что запер дом на все замки, а потом обнаружил, что вражеская армия вовсю пирует у него в гостиной. Хоть я и простой волшебник, Парк, я еще неплохой политик, и все, что творится в моей деревне и за ее пределами, для меня не секрет. Я прекрасно понимал, что в один прекрасный день идиллия кончится, хоть и старался тянуть до последнего. Конечно, жаль терять такую синектуру, но чего уж скрывать: падение Мэтьюз — теперь только вопрос времени. Ты знаешь, Парк, иногда мне кажется, что она просто сумасшедшая. Морах выгораживает ее перед Си-

нодом, но исключительно в корыстных целях, а Мэтьюз тем временем удовлетворяет свои безумные прихоти. Она садистка и настоящая преступница с гипертрофированным воображением и неукротимыми амбициями. Пока она хоть немного себя контролировала, я честно относился к своим обязанностям и помалкивал — вплоть до последней минуты. До тех пор пока Морах не осознал, что я прекрасно понимаю, какую игру он затеял.

— Так почему бы тебе не получить новое место и вести там такую же размеренную жизнь? — удивился я. — Ведь совсем не обязательно уходить в подполье.

— К сожалению, после событий на площади это невозможно. Морах впервые был публично унижен, и Эола Мэтьюз наверняка сделает выводы. Если жители Бурже сообразили что к чему — в чем я сильно сомневаюсь, — то они уже давно бросили все и бежали, как и я. Бурже надолго останется ужасным примером того, что грозит решившемуся на открытое неповиновение городу. Держу пари, там уже хозяйничают регулярные войска и волшебники из Синода. Без высочайшего позволения в городе теперь и не пикнешь.

Я поделился с ним подозрениями относительно Мораха.

— Хм-м-м. Говоришь, он — инопланетянин? До сих пор я об этом не задумывался, однако не исключено — но при двух условиях. Первое — что пришельцы сами заражаются микроорганизмами Вардена и при этом управляют ими, как никто другой. Но если они в самом деле инфицированы, каким образом им удастся покидать Ромб, как та делегация, что была здесь пять лет назад?

— У них могут быть эффективные средства защиты, — предположил я. — Я слышал, они предлагали властям что-то такое.

— Возможно, — согласился Кокул, — но, честно говоря, все равно сомнительно. Действительно, мы ничего

не знаем о прошлом Мораха, но в этом нет ничего странного. И кроме того, его необычное превращение в конце боя...

— Вы имеете в виду трехглавое чудище?

Кокул задумчиво покивал:

— Ты хорошо успел разглядеть его?

— Не очень, — признался я. — Все произошло слишком быстро. Дракон, три головы — вот и все, что я запомнил.

— Уже неплохо. Но на самом деле у него было ЧЕТЫРЕ головы, и все совершенно разные. Одна — точная копия головы ящера, другая напоминала голову огромного насекомого, третья была головой морского чудовища, возможно, огромной рыбы, а четвертая смутно напоминала человеческую. Понял?

Я отрицательно покачал головой:

— Не совсем.

— Харон, Лилит, Цербер, Медуза. Знаки Четырех Властителей Ромба.

Я тихонько присвистнул:

— Символика появилась в самом конце.

— Почти в самом конце, — поправил Кокул. — Пойми: он ушел целым и невредимым только потому, что в тот момент был уже в другом месте. Думай что угодно, но это так. Когда раздались первые выстрелы, я на секунду потерял его из виду — он спрыгнул с платформы и исчез в толпе. Морах защитил себя заклинанием так быстро, что я не мог отличить его от прочих жертв.

У меня мелькнула жуткая догадка.

— Значит, сейчас он среди нас?

— Не исключено, но я опять-таки сомневаюсь. Только он в состоянии координировать действия карателей, не говоря уже о связи с правительством. Кроме того, проникни он в наш лагерь — мы уже были бы мгновенно уничтожены. Так что, я думаю, опасаться не-

чего. Но тем не менее зрелище было впечатляющее... Кстати, как тебя угораздило превратиться в ЭТО?

Я вкратце поведал свою историю.

— Здорово. Наверное, ты правильно сделал, что укрылся в здании, так как мне, честно говоря, было не до тебя. Я старался держаться подальше от выстрелов и не потерять Мораха из виду. А ведь мне еще предстояло убраться незамеченным.

— А как ты узнал, что мы здесь?

Кокул широко улыбнулся:

— Вас выдали ваши микроорганизмы Вардена. Они уникальны для каждого человека. Я, конечно, не помню характерное излучение всех, с кем встречался, но ведь мы провели бок о бок не один месяц.

— И что ты скажешь об этих заклинаниях, Тулли? Это на всю жизнь?

Он остановился и внимательно посмотрел мне в глаза:

— Нет ничего постоянного, а тем более на Хароне. Но всегда проще прибавлять, чем вычитать: надеюсь, ты меня понял. Когда ты произносишь заклятие, то формируешь у себя в мозгу серию команд, а затем передаешь их своим микроорганизмам Вардена. Они воплощают твои пожелания в жизнь. Откуда они берут энергию для этого, никто не знает; ясно только, что источник ее находится Извне. Эта энергия преобразуется в вещество с невероятной скоростью и тем самым изменяет анатомию тела.

— Да, но мне нужно не просто вернуть прежний облик, — возразил я. — Моя проблема гораздо серьезнее. К новому телу адаптировались система пищеварения, всевозможные физиологические механизмы — миллионы различных биохимических систем и подсистем обеспечивают существование этого новоиспеченного кентавра. Предусмотреть все детали, по-видимому, просто невозможно. Для этого нужна подробнейшая биомедицинская энциклопедия да еще и хорошее лабораторное оборудование в придачу.

Тулли посерьезнел:

— Хочешь услышать правду? Но предупреждаю — об этом не должна знать ни одна живая душа.

— Разумеется.

— Как все это функционирует, мы не имеем ни малейшего понятия — тут ты прав. Но кое-что, и как мне кажется, самое основное, поступает от микроорганизмов Вардена самой планеты. Информация считывается и перерабатывается способом, который мы просто не в состоянии осознать, — это совершенно иная, непредставимая для человека форма жизни. То, что у тебя скопировано с бурхана, вероятно, заимствуется аналогичным образом. Микроорганизмы способны получить запрос Извне и предоставить требуемую информацию. Но когда прототип в природе отсутствует и существо создается наполовину из человека, а наполовину из бурхана, — тут все иначе. Микроорганизмы Вардена не мыслящие существа. Они больше напоминают машины, которые исполняют команды. Это очень просто, даже если рассматривать их как единый живой организм размером с целую планету. Если они не получают инструкций, то ведут себя абсолютно пассивно.

Я молча кивнул и постарался накрепко запомнить эти сведения:

— Но, как правило, оборотень остается оборотнем на всю жизнь?

— Совершенно верно. В принципе тебе можно вернуть прежний облик, однако это весьма щекотливая операция и потребуются, вероятно, год, а то и больше, чтобы ты стал таким же, как раньше. Ведь твое тело уже стало домом для сонма микроорганизмов; они не лишены инстинкта самосохранения и будут сопротивляться. Во-вторых, необходимо куда-то деть избыточную массу, а единственное приемлемое решение — опять преобразовать ее в энергию. Малейшая ошибка или поспешность — и ты превратишься в огромный факел. Гораздо проще тебя модифициро-

вать. Думаю, небольшая поправка тебе не повредит. Глядя на вас с Дарвой, я могу сказать, что ваше заклинивание уже не загадка, но, если его не проверить, могут возникнуть осложнения.

— Хм-м-м? А почему?

— Ситуация, конечно, необычная, однако нечто подобное я уже встречал. Вы оба сверхчувствительны к ВА, как, впрочем, и она к вам. Без участия интеллекта ваше подсознание, то есть звериная половина личности, неизбежно возьмет верх. Если эту тенденцию не изменить, вы оба со временем превратитесь в настоящих бурханов. Скажи, ты не сталкивался в последнее время с некоторыми... э-э-э, психологическими проблемами? Нездоровые стремления и все такое?

Стесняясь, я рассказал Тулли о наших охотничьих опытах.

— Да, — тяжело вздохнул он, — надо срочно что-то предпринимать, и для начала вас необходимо всесторонне обследовать. Но по ряду причин это довольно сложно. Микроорганизмы Вардена принадлежат своему носителю — и ВА в первую очередь будет слушаться того, кого считает своим хозяином. Раз мы будем исходить из того, что в действительности ты являешься кем-то иным, то прежде всего мы должны убедить в этом *тебя*.

В обратной трансформации основную роль играет мозг, хотя вначале это не только необязательно, но зачастую и вредно. Пока ты находишься среди других людей, у нас еще есть время, но если ты, не приведи Бог, потеряешься, процесс может ускориться, и за несколько месяцев ты превратишься в настоящего бурхана, и не будешь вылезать из джунглей. Так что тебе еще повезло.

Я поежился:

— Тулли, расскажи все это Дарве, хорошо? Это как раз то, чего она хотела, — а то я уже почти сдался.

Оборотни по-прежнему прибывали в лагерь, но очень маленькими группками — в основном на кораблях, но иногда и по воздуху. Раскинутая Корилом на Хароне сеть оказалась гораздо шире, нежели я предполагал.

Тулли каждую свободную минутку уделял нам. Наши дни были заполнены нескончаемой чередой крайне сложных и ужасно скучных ментальных упражнений — как правило, результатом их была невыносимая головная боль. Мы освоили все возможные методики мысленной блокировки, базирующиеся преимущественно на самогипнозе, что позволяло нам все лучше и лучше управлять тающей внутри нас силой.

Основы этих методик очень просты. Во-первых, чтобы работать с микроорганизмами Вардена, нужно их иметь. Конечно, нельзя материализовать нечто из пустоты, однако из мельчайшей пылинки можно вырастить огромный объект, — а там уж трансформируй его как хочешь. Но вместе с тем нельзя создать живой объект из неживого. Таким образом, из одной песчинки на Хароне удалось бы выстроить что угодно, целые горы, но не крошечное живое существо. Впрочем, силой внушения можно сотворить любую куклу, например человекообразную, а затем заставить ее выполнять команды.

Дарва слегка опережала меня в учебе, ибо в далеком детстве она уже постигла азы колдовства. Но Тулли предупредил нас, что результат зависит от возраста ученика — чем раньше он начнет обучение, тем большего достигнет. Правда, однажды признался он с улыбкой, ему самому пришлось приступить к обучению примерно в моем возрасте, и это сильно меня воодушевило. Кори́л, кстати, тоже был исключением — он начал обучаться колдовству только в сорок лет.

Может показаться, что по мере приобретения определенных навыков становится легче, но это не так. Более сложные задания требовали передачи миллионм микро-организмов Вардена и более сложных инструкций.

В конце концов примерно через четыре недели, когда большинство учеников отсеклось, Тулли объявил нам, что обучил нас всему, что возможно в полевых условиях. Этого, конечно, было недостаточно, однако у нас хватало воли и самоуверенности, чтобы самосовершенствоваться. Теперь мы стали настоящими волшебниками, хотя и низкого ранга.

— В ближайшие дни приготовьтесь к отъезду, — как-то сказал нам Тулли. — Я рекомендовал вас в Гамуш. Там вы встретитесь с самим боссом.

— А как же быть с нашим обратным превращением? — тревожно спросила Дарва.

— Ваше состояние стабилизировалось, и это уже неплохо. А в Гамуше вы получите любую высококвалифицированную помощь, пройдете дополнительное обучение и — кто знает?

— А как мы туда попадем? — поинтересовался я.

— Обычно связь с Гамушем поддерживается по морю, однако сейчас морские пути блокированы, и хотя мы в состоянии эффективно замаскировать что угодно, но это медленный и слишком рискованный процесс. Так что вас мы отправим по воздуху. На сегодня это наилучший способ, хотя и довольно оригинальный.

«Довольно оригинальный» было чрезвычайно сильным преуменьшением. Обычно габариты оборотней не позволяют им разместиться в пассажирской кабине, однако модифицированный паритель под управлением волшебника справлялся с этой задачей: люди садились в кабину, а оборотни подбирались парителем уже после

старта — он хватал их на лету и крепко зажимал в огромных когтистых лапах.

Хотя мы с Дарвой были достаточно уравновешены, чтобы спокойно перенести подобный «полет», в такую переделку я попал впервые. Только человек с богатой фантазией мог бы назвать его комфортабельным. Однако у него было и преимущество — качки, которая доставила нам с Залой столько неприятных минут, совершенно не ощущалось. К сожалению, я не смог по достоинству оценить всех его прелестей: когда под тобой на огромном расстоянии проплывают бесчисленные мили океанских просторов, и ты понимаешь, что в любой момент можешь разбиться в лепешку только потому, что проклятой курице вдруг приспичило почесаться, — ни о чем другом думать просто не можешь.

Когда мы наконец пересекли береговую линию Га-муша, ощущения безопасности у нас не прибавилось. Столь чистого неба и такого яркого солнца я еще не видел с тех пор, как попал на Харон. Небеса над Гамушем были кирпично-оранжевыми; кое-где проплывали серые облака, и непривычная цветовая гамма производила жутковатое впечатление. Атмосфера позволяла беспрепятственно видеть светило — и оно буквально испепеляло все вокруг. Температура наших тел стала быстро подниматься, поскольку зависела от температуры окружающей среды, и я не на шутку перепугался, что кровь в наших жилах просто-напросто закипит. Помимо ужасной жары, здесь было еще и невероятно сухо. Внизу, насколько хватало глаз, тянулись раскаленные оранжево-коричневые дюны.

Ну и планетка, с удивлением подумал я. Тропические леса на севере и юге — и пышущая жаром пустыня между ними.

Но даже в этой огромной духовке кто-то жил; нас окружили странные летающие существа, похожие на цилиндры и бескрылые. Но они держались на расстоя-

нии, и я не мог рассмотреть их подробно. На земле мне не удалось разглядеть ни животных, ни даже деревьев — ничего, кроме бескрайних зыбучих песков.

Вместо мягкой посадки перепончатая тварь зависла на несколько секунд в двух-трех метрах от земли и просто сбросила нас на песок. Я понимал, что такой способ доставки пассажиров — вынужденный: здесь не было достаточно высоких и крутых склонов, чтобы обеспечить парителю взлет. Отчаянными взмахами крыльев он быстро набрал высоту и спустя пару минут превратился в крошечное, едва различимое пятнышко; рядом с ним распустились разноцветные купола парашютов: это спускались люди и всевозможные оборотни с подходящей для пассажирской кабины комплекцией. Вскоре они рассеялись по площади в несколько квадратных километров. Скорость приземления была более чем высокой, однако благодаря микроорганизмам Вардена на сломанные конечности можно было не обращать внимания: они заживали за несколько дней.

Нас встречала небольшая группка людей — и мужчин, и женщин — в толстых мантиях желтого цвета и широкополых шляпах. Они на удивление шустро собрали парашютистов.

— Ну как ты? — участливо поинтересовалась Дарва. Я осторожно ощупал себя.

— Несколько синяков и ожоги от песка, — ответил я. — Но чувствую себя отвратительно; срочно нужна вода. А ты?

— То же самое, — откликнулась она. — Давай поищем, где можно спрятаться. Этот Гамуш сущий ад.

Я молча согласился с ней. Хотя Дарва впервые покинула промокшие джунгли, в которых прожила всю жизнь, здесь любой почувствовал бы себя, словно на сквороде.

Мужчина с небольшой папкой в руках быстро сверил наши имена со своими данными и, удовлетворенно кивнув, повел нас к бархану, абсолютно ничем не отличав-

шемуся от сотен других. Он огляделся, словно выискивая что-то, и внезапно я почувствовал, что тону.

Ощущение было не из приятных, несмотря на то, что воспоминания о полете еще не изгладились из моей памяти. В тот момент, когда песок достиг шеи, я инстинктивно задержал дыхание, а в следующее мгновение оказался заживо погребенным. Я испытал приступ удушья, однако тут же почувствовал, что мои ноги, а потом и все тело обдувает холодный воздух. Выплюнув песок и протерев глаза, я покрутил головой.

Мы очутились в огромном, напоминающем ангар помещении, залитом светом вполне современных ламп. Множество людей деловито суетились у разнообразных приборов — и это поражало больше всего: они были столь же современные, как и тот космический челнок, что доставил меня на Харон; казалось, с тех пор прошла целая вечность.

Мы стояли на прозрачном конце огромного поршня, медленно опускавшемся на нижний уровень зала. Взглянув вверх, я увидел, что песчаный свод ничем не поддерживается. Это настолько потрясло меня, что все переживания сразу же вылетели из головы, и мне сразу стало ясно, что никаким харонианским волшебникам, ни их союзникам-инопланетянам никогда не найти это гигантское сооружение. Да и я сам, окажись сейчас на поверхности, ни за что бы не отыскал этот лифт.

Когда мы спустились, наши сопровождающие быстро сбросили с себя желтые балахоны и остались практически без одежды. Судя по внешнему виду окружающих, напрашивался вывод, что микромини здесь самая модная одежда. Интересно, как бы к этому отнеслись фарисеи из Бурже.

К нам подошла еще одна группа людей, столь же скудно одетых; только двое были облачены в жалкое подобие медицинских халатов. Одна из них, женщина, сразу же обратилась к нам с Дарвой.

— Это вас нужно превратить в людей? — спросила она с профессиональной деловитостью.

Мы молча кизнули.

— Я доктор Джассим. Пожалуйста, пройдемте.

Мы миновали похожую на огромный производственный цех площадку и, войдя в большой туннель метров через сто, оказались в большой комфортабельной комнате, устланной множеством мягких ковриков.

— Приступим немедленно, — без обиняков заявила она. — В противном случае вам трудно будет обойтись без свежего мяса — впрочем, как и многого другого. Пожалуйста, присядьте на циновки.

Мы с Дарвой переглянулись и покорно выполнили просьбу.

Доктор встала к нам спиной, затем, обернувшись, внимательно посмотрела на нас и, коснувшись кончиками пальцев висков, погрузилась в легкий транс. Я уже был знаком с различными техниками колдовства, но такую встречал впервые.

Через несколько минут я почувствовал легкое покалывание: ее ВА постепенно проникала в мое тело.казалось, что меня придиричиво рассматривают в гигантский микроскоп. Дарва, судя по всему, чувствовала то же самое. Затем женщина вышла из транса, несколько раз кивнула, бормоча что-то себе под нос, и продиктовала какие-то фразы в записывающее устройство, которое я поначалу не заметил.

— Линик! — позвала она, и в комнате тут же появился молодой парень, тоже облаченный в подобие врачебного халата.

— Шесть литров номера сорок каждому, — с ходу заявила она, не потрудившись объяснить хоть что-нибудь.

Молодой человек кивнул и вышел, но вскоре вернулся с двумя большими кувшинами, наполненными прозрачной жидкостью. Он подошел к нам и, не выказывая ни малейшего удивления или безразличия — это

меня приятно поразило, — протянул каждому из нас по кувшину.

— Это обычная вода, в которой вы очень нуждаетесь, — сказала доктор Джассим, — с незначительным добавками. Постарайтесь выпить все до дна.

Я умирал от жажды, и меня не надо было упрашивать. Казалось, я стал рассыпшейся от жары бочкой.

— Мастер Кокул уже передал нам ваши анализы, — сказала доктор Джассим, когда кувшины опустели. — Сейчас вы почувствуете сонливость и легкую слабость — не сопротивляйтесь этому. Регенерация — штука сложная, и, если она сразу не пойдет как надо, придется ее ускорить, но лучше этого не делать. Вы наверняка проголодались, но потерпите немного. — С этими словами она вышла из комнаты.

— В жизни не видела таких женщин, — с неприязнью сказала Дарва. — Мы для нее — как два подопытных кролика.

Я кивнул:

— А я с такими сталкивался. Не волнуйся. Люди этого типа обычно хорошо знают, что делают. Расслабься и доверься ей.

При помощи методик, которым нас научил Тулли, мы за несколько секунд погрузились в некое подобие сна. Сознание продолжало работать, но все окружающее окуталось призрачной розовой дымкой, и я почувствовал покой и глубокую, тихую радость. Нечто похожее я испытывал, когда старуха превращала меня в оборотня.

Стена перед нами туманно замерцала и вскоре стала совершенно прозрачной. Я увидел сидящих за непонятными приборами доктора Джассим и еще двух мужчин и трех женщин. Они то и дело поглядывали на нас.

Внезапно я почувствовал, что процесс начался. Без всяких прелюдий или каких-либо заклинаний, к которым я уже привык. Микроорганизмы Вардена,

вспыхнув, ярким потоком устремились в нас. Этот поток ослеплял и подавлял, и спустя несколько мгновений я перестал понимать, что происходит. Однако мое «я», помимо воли, взбунтовалось, и хотя сопротивление было слабым, но Тулли научил нас всяким блокировкам, так что худшие опасения Джассим подтвердились.

С большим трудом я слегка повернул голову, посмотрел на Дарву и, несмотря на свое состояние, был очарован увиденным. Тело Дарвы быстро изменялось, по нему волнами шла струящаяся рябь. Очевидно, со мной происходило то же самое. Туловище Дарвы разбухало на глазах, руки уменьшались и становились короче, голова принимала совершенно новую форму.

Наши микроорганизмы Вардена яростно сопротивлялись, и, чем интенсивнее шло превращение, тем яростнее становилось их противодействие. Мы стремительно превращались в настоящих бурханов — и хуже всего, что при этом возрастала масса тела, от которой потом предстояло избавляться. Заложенная в заклипании бомба замедленного действия сработала...

Трансформация коснулась и моего зрения. Предметы стали расплывчатыми, и я не мог сфокусировать взгляд. Однако мы с Дарвой друг друга видели отчетливо. Передо мной проплыли смутные очертания собственной звериной морды, и я понял, что мои глаза отныне посажены гораздо глубже. Думать с каждой секундой становилось все труднее. Мозг медленно умирал; я ощущал это до последней секунды, но теперь эта потеря ничего для меня не значила.

Дарва превратилась в настоящего, полноценного бурхана, и это казалось естественным и правильным. Только в ее глазах еще светилась странная и уже непонятная мне человеческая грусть. Отныне у меня было лишь три желания: сон, еда и лежащая недалеко самка...

Следующие несколько дней я не в состоянии описать. Помню, что нас поместили в просторный вольер, огороженный электрифицированным барьером; внутри, для полноты нашего счастья, имелся большой бассейн с холодной водой. Однажды нам швырнули окровавленную тушу какого-то крупного животного, и мы с Дарвой пожрали ее, тихо урча от удовольствия. Мы были хорошими породистыми бурханами и жили только самыми низменными, животными инстинктами, полностью утратив любые сколь-нибудь человеческие эмоции.

Однако постепенно ситуация изменилась. Сначала вернулась память, однако сознание еще отсутствовало, и это приобретение показалось нам бесполезным. Однако спустя некоторое время мы, неожиданно для себя, проснулись уже не в вольере, а в той самой странной комнате. И впервые за долгое время я обрел способность думать.

Откуда-то сверху донесся приглушенный голос доктора Джассим:

— Если вы слышите меня, пошевелите правой ногой.

Я взглянул на Дарву — она по-прежнему выглядела как стопроцентный бурхан. Однако ее правая нога слегка шевельнулась — и я повторил этот жест.

— Отлично, — одобрила доктор. — Пожалуйста, не пытайтесь заговорить со мной или друг с другом; ваши голосовые связки еще не сформированы, и вы сможете только рычать. Вам предстоит чрезвычайно сложная и деликатная операция. Чтобы не нарушить ваше мышление, нам пришлось расщепить ваше сознание. Поверьте, другого выхода просто не было. До вас мы проводили подобную процедуру с двумя пациентами и достигли успеха только в одном случае. Будем надеяться, что вам повезет. — Она выдержала небольшую паузу. — А теперь приступим к последнему этапу. Предупреждаю

сразу — процесс этот очень медленный и трудоемкий. Нам предстоит вновь сделать вас людьми. Результаты наших предварительных анализов показывают, что любая попытка вернуть вам человеческий облик насильно приведет к тому, что ваш мозг окончательно станет мозгом бурхана, и тогда даже мы будем бессильны. Вам остается только одно: научиться управлять каждым микроорганизмом Вардена в своем теле — каждым — и обрести абсолютный самоконтроль.

Хуже всего было то, что мы лишились возможности общаться — и друг с другом, и с доктором.

Это доставляло массу сложностей даже нам, а уж нашему эскулапу — и подавно. Трудно представить человека, вынужденного день за днем проводить сложнейшие занятия с парой обыкновенных бурханов. Однако эксперимент слишком много значил для нее — и несмотря ни на что, доктор Джассим относилась к нам, как к нормальным взрослым людям. Да я и сам учился с неистовой страстью — больше всего меня страшила перспектива навсегда превратиться в ящера и окончить свои дни в каком-нибудь зоопарке.

Изо дня в день я по капле выдавливал из себя зверя. Я постоянно пресекал желание зарычать, обожраться и мучился тем, что Дарве не удастся то же самое. Мне было очень важно, чтобы и она добилась успеха.

Одним из самых волнующих был день, когда мы наконец занялись речью. Я все лучше и лучше управлял собой и постепенно стал самым умным и сознательным бурханом в истории Харона. Первое слово далось мне с колоссальным трудом, но под воздействием микроорганизмов Вардена гортань постепенно трансформировалась в очень примитивный, но способный издавать членораздельные звуки орган. Я понятия не имел, как он устроен и каким образом функционирует, однако радовался как ребенок, произнеся звук, который уже не был звериным рыком. Он рождался где-то в глубине тела и не был связан с движением губ; человеческим

назвать его было трудно. Выговаривать слова я еще не мог. Но начало было положено.

Вскоре я с радостью заметил, что Дарва тоже делает успехи, хотя ее речь больше напоминала отрывку сытого бурхана. Мы ненадолго задержались на этом этапе, чтобы попрактиковаться, а потом на удивление быстро научились выговаривать простые и невыносимо корявые слова и даже целые предложения. Это был огромный рывок; хотя конечная цель по-прежнему маячила в безбрежной дали.

Я видел, что Дарве гораздо труднее изживать своё звериное начало. Доктор Джассим тоже это понимала.

— Если она проиграет, у нас в запасе есть еще одна, более радикальная возможность, — однажды сказала доктор, занимаясь со мной индивидуально.

— Какая именно? — проскрежетал я.

— Вы прекрасно научились управлять своим телом, и ваша ВА очень сильна и податлива. Но попади вы сейчас в естественную среду, вам ничего не стоит вернуться в первоначальное состояние, а положение Дарвы и того серьезнее. Вы оба нуждаетесь в поддержке, но получить ее можете только друг от друга. Мы называем эту методику ВА-соединением; по-видимому, для нее это единственный шанс. Разумеется, если вы отважитесь на это.

— Видимо, это опасная процедура.

Она кивнула:

— Вам, конечно, известно, что личная ВА взаимодействует со всеми ВА без исключения?

— Да.

— Но сознание способно удерживать ВА и направлять; благодаря этому ВА одного человека передается другому и поддерживает его. Формируется устойчивая связь, которая сохраняется и впоследствии.

— Значит, наши сознания СОЛЬЮТСЯ?

— Нет. ВА управляется мышлением, но сама таковым не является. Сольются ваши ТЕЛА, но на уровне

ВА, или метафизическом, если хотите. Все изменения одного организма будут дублироваться в другом. Но такая связь, очень эффективная в борьбе с разнообразными заклятиями, имеет и свои минусы. Она соединит вас на всю жизнь, и при этом ваша ВА станет общей для обоих. Если вы добьетесь успеха, то овладете невероятной силой. Чудовищной. Но при этом станете абсолютно идентичны. Будете чувствовать даже боль друг друга.

— И в чем же опасность?

— Если ее инстинкты окажутся сильнее, чем ваша ВА, они просто уташат вас за собой.

— А если я откажусь?

— Тогда вы с большим трудом сможете вновь стать самим собой — но Дарва, боюсь, будет потеряна для вас навсегда. Понимаете, ее ум и воля не настолько тренированы.

— Ну что же, рискнем, — без долгих раздумий бодро сказал я.

ВА ПОЛАГАЕТ, ЧТО ТЫ ОДИН

Я так и не успел толком рассмотреть крепость Корила, но, конечно же, не мог не заметить, что здесь творятся вещи, для Харона совершенно невозможные. Во-первых, тут напрочь отсутствовали суеверия, а несколько стандартных и поистершихся от долгого употребления заклинаний стали скорее лозунгами, чем исполненным сакрального смысла священнодействием. Одним словом, это была обширная научно-исследовательская база, где прекрасно подготовленные профессионалы накопили огромные знания о микроорганизмах Вардена. Правда, вся используемая аппаратура была изготовлена на Цербере — единственной планете Ромба, где выпускалась действительно современная и эффективная продукция. В столь надежном укрытии нечего было опасаться ищейек Синода. Понятно, что Корил выжил и сохранил свое влияние на Хароне только благодаря этой лаборатории.

Разумеется, такую базу наспех не создашь; наверняка она строилась задолго до смещения Корила и задумывалась для гораздо более долговременного и амбициозного проекта, чем мог позволить себе взбунтовавшийся изгнанник — каким бы могуществом он ни обладал. Столь крупный объект не в состоянии существовать без связи с внешним миром, и КТО-ТО — разумеется, не Четыре Властителя — продолжал по-прежнему снабжать его всем необходимым.

Компьютеры, которые использовали здесь, сильно уступали компьютерам Конфедерации, но все же это

были вычислительные машины, а не допотопные счеты Городского Бухгалтера.

Мы получали инструкции, уровень которых неопровержимо свидетельствовал об огромном прогрессе в изучении механизмов действия микроорганизмов Вардена, хотя самые потаенные пружины их природы по-прежнему оставались неясны. Это напоминало исследование гравитации — математически она описана давно-давно, однако до сих пор таит в себе массу загадок. Но это ничуть не препятствует ее широчайшему использованию на практике.

Наши занятия были исключительно насыщены и требовали огромной эрудиции, без которой невозможно полностью овладеть микроорганизмами Вардена. Отчасти поэтому в иерархии волшебников доминируют либо бывшие граждане Конфедерации, попавшие на Харон в качестве заключенных, либо талантливая местная молодежь, которую готовят с пеленок. Что же касается меня, то объем знаний — пусть поверхностных, но обширных, — необходимый каждому секретному агенту, оказал мне неоценимую помощь. Дарва же не только не получила никакого образования, но и практически не имела жизненного опыта. Однако мое умение владеть собой, используя разнообразные методики аутотренинга, не говоря уж о глубоком знании человеческой психологии, сыграло решающую роль в овладении искусством магии. Однако заклинание, превратившее меня в оборотня, основывалось на имитации; вернуть человеческий облик себе я мог только после того, как помогу вернуть его Дарве, и в этом была моя слабость. Дарва не в состоянии управлять собственной ВА, и, значит, именно ее ВА — последний бастион, который мне предстояло сломить. Поскольку ее полуграмотная прародительница накоротко замкнула наши ВА, мне не могли помочь ни таинственные пассы колдунов над снадобьями, ни столь поразившая меня когда-то материализация и дезинтеграция кресел. Я столкнулся с

очень сложным феноменом, одновременно психологическим и биологическим, главенствующую роль в котором играли микроорганизмы, о которых человечество до сих пор не имело никакого понятия.

Положение усугублялось еще и тем, что с момента превращения Дарвы в оборотня прошло уже очень много времени, и потому микроорганизмы Вардена, запомнив это состояние, способны самопроизвольно запустить механизм трансформации, а значит, утащить и меня следом.

После двух месяцев интенсивной подготовки я был уже достаточно натаскан, хотя прекрасно понимал, что теоретические знания и практический опыт — совершенно разные вещи. Я научился произносить заклинания и самостоятельно превращать человека в оборотня; то есть делать все, чем так удивил меня когда-то Корман, а также и многое другое. Но стать настоящим мастером можно, лишь имея за плечами огромный опыт, а у меня не было времени его приобретать. Я уже мог без труда восстановить текст заклинания Изила, а также его копии, произнесенной прабабкой Дарвы — и даже увидеть допущенные ею ошибки. Я понимал, что, не будь Дарвы, я бы уже решил свои проблемы, но это значило потерять ее. Останься я в душе прежним бесстрастным агентом, я, конечно же, выкинул бы такие пустяки из головы и полностью сосредоточился на своей персоне, но теперь я не мог бросить Дарву на произвол судьбы. Выбор оказался поистине мучительным, но не потому, что я боялся. Просто спасение Дарвы могло помешать мне выполнить свою миссию, а это недопустимо. Совершенно очевидно, что мои личные интересы зависят от будущего Харона, а не Конфедерации — хотя отныне они повязаны одной веревочкой. Эола Мэтьюз, безусловно, должна исчезнуть, как и Морах, если он действительно союзник пришельцев. Но разве обязательно это делать моими руками? Корил, например, гораздо лучше подходит для этого.

Мне предстояло принять единственно правильное решение в столь неоднозначной ситуации: я должен исполнить свой долг и одновременно спасти Дарву. Если потребуются компромиссы — что же, быть по сему. Отныне я не одинок, — и удивительно, зачем Конфедерации вообще понадобилось посылать меня на Харон, когда здесь и так существует мощнейшая повстанческая организация с такими же целями.

Неужели Корил не тот, за кого себя выдает?

Когда началась настоящая работа, никаких трудностей у меня не возникло. Сотрудники центра, в том числе и доктор Джассим, просто поражались моему прогрессу. Я узнал, что существует градация волшебников — самые сильные, Корил и Морах, имели первый ранг, самые слабые — пятый. За ними шли ученики — с 6-го по 10-й ранг соответственно. В этой десятибалльной системе Тулли Кокул (о котором я с тех пор больше не слышал) имел 4-й или 5-й ранг, а Корман — второй. Но даже самый низший, 10-й ранг, требовал специальной подготовки. Бывшие жители Конфедерации, вроде меня, могли без особых проблем за пару лет получить 6-й ранг, так как обладали не только необходимой волей и запасом знаний, но и жизненным опытом. Уроженцам Харона для этого требовалось лет десять напряженных занятий. Обладатель шестого ранга уже имел все необходимые специальные знания; и дальнейшее заключалось в освоении принципов правильного применения и использования силы, методов самоконтроля, а также в приобретении дополнительных навыков. Не прошло и трех месяцев с того дня, как Тулли Кокул начал обучать меня в засекреченном лагере оборотней, как мне присвоили пятый ранг. Конечно, здесь определенную роль сыграли не только мои профессиональные навыки, но и сознание безвыходности ситуации — мне предстояло

либо полностью освоить эту непривычную науку, либо навсегда остаться животным.

На первый взгляд эта задача казалась до смешного простой. Микроорганизмы Вардена являлись приемниками-передатчиками энергии, объединенными в чрезвычайно сложную коммуникационную сеть, которая охватывала абсолютно всю планету. Мне предстояло послать набор заранее подготовленных команд микроорганизмам Вардена в мозг Дарвы, от которых, собственно, все и зависело, а после этого тщательно контролировать самовосстановление ее организма. Без компьютеров Корила такое было бы попросту невозможно. Именно этим, кстати, по большому счету я отличался от Мораха — в одиночку мне ни за что бы не осилить такой объем. В глубине души каждый прекрасно знает себе цену.

Я обучил Дарву основам гипноза и теперь применил его одновременно и к ней, и к себе. При этом я постоянно ощущал чье-то напряженное внимание. Я уже знал, что нами интересуются важные шишки. Джассим говорила, что в этой операции задействованы огромные ресурсы, так что интерес высокого начальства был вполне понятен.

Как и следовало ожидать, много сложностей возникло с нашим весом. За несколько лет проблему можно было успешно решить, но нас такой срок совершенно не устраивал. Мне предстояло сбросить 220 кило — крайне сложная задача, но освободиться от заклятия было еще важнее, иначе в один прекрасный день микроорганизмы Вардена опять возьмутся за старое. Нам с Дарвой предстояла метаморфоза, которой не было аналогов даже на Хароне.

И вот настал долгожданный момент. В комнате остались только мы с Дарвой, и я приступил. Чтобы сделать свою магическую формулу доминирующей, необходимо было тщательно стереть предыдущую, а это требовало чудовищных усилий воли и интеллекта. Настолько чудовищных, что, по мнению специалистов, устано-

вившиеся после этого связи наших микроорганизмов Вардена уже невозможно будет разрушить.

Я вложил в заклинание всю свою силу. Мощное сопротивление несколько обескуражило меня, и я на своей шкуре понял, что испытали первые волшебники Харона. Однако у меня за плечами была напряженная подготовка и стальная воля плюс твердая решимость использовать подвернувшийся шанс. По сути, мы столкнулись с психологической проблемой, а любая устойчивая психика успешно поддается лечению. Я расщепил личность Дарвы на составляющие, а затем подавил ее подсознание, а значит, и ВА, предоставив полную власть интеллекту, и направил высвободившуюся силу воли на себя. Возможности Дарвы приблизительно соответствовали рангу 7, однако у нее не было должной уверенности в успехе, чтобы разрушить сложившуюся конфигурацию микроорганизмов Вардена. Я обязан был ей помочь.

В наших умах шло грандиозное сражение, стереотипы восприятия и самоощущения сталкивались и разрушались, и в то же время мне приходилось отслеживать и подавлять управляемую ее подсознанием ВА и с его же помощью разыскивать все до последней коммуникации между ВА сознания Дарвы и телом, чтобы связать их воедино и превратить в доминирующие. Все это, разумеется, не должно было повлиять на личность Дарвы — объектом наших усилий являлась только ВА — микроорганизмы Вардена, — как источник неправильных, искаженных сигналов.

Однако мы зашли в тупик, и тогда я решился на отчаянный шаг.

— Дарва! — мысленно воззвал я. — Если ты меня хоть немножко любишь — ПОМОГИ! Подави в себе зверя!

— Я стараюсь, — столь же беззвучно ответила она. — Ты же сам видишь.

— Дарва! Если! Ты! Любишь! Меня! ТЫ ДОЛЖНА!

Признаюсь, мне было несколько странно и неловко произносить эти столь непривычные для меня слова, но в конце концов, подумалось мне, цель оправдывает средства.

— Дарва! Я люблю тебя! Если ты веришь мне и тоже любишь меня, заклинаю — помоги! **ОСВОБОДИСЬ! ДАВАЙ!**

О Боже, неужели я действительно произнес это? Неужели я в самом деле любил ее? А если нет, то почему согласился на ЭТО?

Внезапно нечеловеческое напряжение, разделявшее нас стеной, исчезло, провалившись в бездонные глубины ее мозга. Это было так неожиданно, что моя сила воли хлынула в Дарву неудержимым потоком. В мгновение ока меня словно всосало внутрь моего пациента. Из всех сил я устремился обратно, отыскивая пути и связи, которые только что установил, и увидел, что они оказались на удивление крепкими.

Остальное было делом техники. Я просто повторял то, что неоднократно видел на компьютерных моделях и много раз проходил на тренировках. Мне показалось, что прошло от силы несколько минут. И только потом узнал, что процедура тянулась семь часов. Но главное было сделано.

Я без особого труда избавился от излишков жира и всяких шлаков, а затем принялся освобождаться от лишней жидкости и чуждых человеку гормонов. Извергнутый из моего преобразуемого тела конгломерат весил примерно 30 килограммов и нестерпимо вонял. 190 оставшихся килограммов еще давили на меня, но с каждым отторгнутым граммом мне становилось все легче и легче.

В мозгу яркими метеорами проносились диаграммы, таблицы и графики, которые я тысячи раз видел на занятиях. Они направлялись в мозг Дарвы, а оттуда — в нашу общую ВА. Повинуясь моим мысленным командам, тело Дарвы менялось на глазах. Я в самом деле чув-

существовал ее — и надо сказать, не отстраненно, а всем своим существом.

Наконец, все закончилось, но удовлетворенно вздохнуть мне не пришлось — теперь мое тело было зеркальным отражением ее. Это в мои планы не входило, и я решил внести коррективы. Я много раз принимался за дело, и любое изменение тут же сказывалось на Дарве. Но мы заранее подготовились к такому, и я надеялся, что она справится. В свою очередь Дарве предстояло заняться преобразованием моего тела, пока я окончательно формировал ее облик. Это оказалось непросто, поскольку наши силы были неравны, но в конце концов мы справились.

И отключились на добрых десять часов.

Я потянулся и открыл глаза. Где-то рядом зазвонил зуммер — предупреждая кого-то о нашем пробуждении, догадался я. В мозгу по-прежнему пульсировали компьютерные диаграммы и электрические импульсы, и мне внезапно подумалось, что избавиться от них будет нелегко.

— О Господи! — изумленно воскликнула Дарва. — Получилось! У тебя получилось!!!

— У ТЕБЯ, — возразил я. — И я тобой очень горжусь.

— Нужно срочно найти зеркало, — решительно объявила Дарва. — Кстати, ты чувствуешь ВА между нами?

Я сразу понял, что она имеет в виду. Открытые связи существовали по-прежнему. Отныне наши нервные системы были связаны воедино.

В комнату вошли доктор Джассим и два незнакомца. Один был огромным, дородным мужчиной плотного сложения, с седыми как лунь волосами и такими же усами: без сомнения, на Харон он попал Извне, с одной из цивилизованных планет. Его белое одеяние отнюдь не напоминало больничный халат, хорошо подогнанное, оно казалось скорее униформой. Другой посетитель производил странное и тревожное впечатление.

Он был очень невысокого роста, и его переносицу украшали очки в толстой роговой оправе — а ведь иметь на Хароне плохое зрение в принципе невозможно. Он бы в твидовом жакете и темных широких брюках, и я выпучил глаза от удивления и внезапно почувал такое, что вообще не лезло ни в какие ворота.

Этот невысокий очкарик явно присутствовал здесь во плоти — я мог при желании его коснуться, — но в нем напрочь отсутствовала ВА. В нем не было микро-организмов Вардена! Возможно ли это?

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовалась Джассим.

— Легкая слабость, а вообще-то нормально, — ответил я. — Хорошо бы зеркало, если можно.

— Разумеется, — ответила она с еле заметной улыбкой и кивнула в сторону противоположной стены. В то же мгновение она стала зеркальной. Мы повернулись и впервые увидели самих себя.

Мы стали настоящими исполинами — впрочем, как и планировалось. Рост — 228,6 сантиметра был специально рассчитан, чтобы сбалансировать избыточную массу. Окружающие казались лилипутами, особенно странный очкарик.

Наши скелеты наверняка были приспособлены к весу огромного тела, однако это не бросалось в глаза. Если бы не рост, Дарва была бы обычной миловидной девушкой. Я создавал ее весьма произвольно, опираясь на собственное представление об идеальной женщине. Ее формы получились чересчур пышными, однако я не видел в этом ничего плохого. Со мной она сделала то же самое, материализовав свои представления о настоящем мужчине. Разумеется, мы были очень мускулисты — единственный способ оптимального хранения избыточной массы. Однако мускулы Дарвы выпирали только тогда, когда она напрягалась, мои же бугрились постоянно, а лицо было широким и исключительно мужественным — ни дать ни взять, бог первобытного че-

ловека со своей богиней. Естественно, у нас были длинные волосы, а меня украшала еще и великолепная борода — тоже излишки веса.

Однако до конца людьми мы все же не стали. Предполагалось, что Дарва будет весить килограммов 105 — 110, не больше, а я — килограммов этак 120, однако каждый из нас по-прежнему весил 180 килограммов и при помощи волос справиться с таким излишком вряд ли удастся. Для этого мне и понадобились хвосты — у Дарвы он оказался даже несколько длиннее моего. С одобрения своей подруги я выбрал для нашей кожи приятный бронзовый оттенок, а волосы сделал темно-русыми, с рыжеватым отливом. Она сомневалась в правильности выбора, но в одном мы были единодушны — какой угодно, только не зеленый.

Идеальный мужчина Дарвы был чрезмерно, если не сказать карикатурно, одарен в определенной области — впрочем, так же, как и она сама. Несмотря на присутствие доктора, я почувствовал легкое самодовольство. Ну что же, получилось и впрямь неплохо — хоть и с хвостами. Но тут уж, как говорится, ничего не поделаешь.

С трудом оторвавшись от зеркала, мы наконец повернулись к нашим визитерам, которые наблюдали за нами с нескрываемым интересом:

— Хвостатые боги, — произнес мужчина в белом глубоком приветливым голосом. — Замечательно. Теперь вы вполне можете стать основателями новой религии.

Я сделал неопределенный жест:

— Такого добра здесь и без нас хватает.

— Да, пожалуй, — согласился он и выжидающе посмотрел на доктора Джассим.

— О, простите, — сказала она с неожиданной суетливостью. — Парк, Дарва, позвольте представить — Тулио Корил.

Меня будто током ударило. КОРИЛ! НАКОНЕЦ-ТО! Затем доктор повернулась к странному незнакомцу.

— А это доктор Думонис. Он прибыл с Цербера.

* * *

Пройти в обычную дверь мне оказалось сложно-вато. Да и потолки постоянно угрожали нашим макушкам. Выходя из комнаты, Дарва не рассчитала и с глухим стуком ударилась о притолоку. В тот же миг меня пронзила боль в том же самом месте. Отныне наши чувства совершенно идентичны. Пока в этом не было ничего неприятного, однако никому неохота постоянно чувствовать над собой дамоклов меч. И хотя существовали некоторые ограничения по мощности сигнала — невозможности любого канала передачи информации ограничены, — наши ВА считали нас одним человеком.

— ВА полагает, что вы один, — сказала доктор Джассим. — Вам придется усиленно заботиться друг о друге. Но если вы будете по-настоящему внимательны, то получите неслыханное удовлетворение, недоступное обычным людям.

Брови Дарвы заинтересованно выгнулись, а губы дрогнули в улыбке. Да, во всем можно найти свои прелести.

Мы вошли в огромный кабинет, битком набитый народом, и сразу ощутили на себе множество внимательных взглядов. Два кресла явно предназначались для людей нашей с Дарвой комплекции, однако конструкторы не предусмотрели хвостов.

Корил уселся за большой стол в центре зала, а Думонис расположился рядом, не сводя с нас глаз. Доктор Джассим осталась за дверями, собираясь подготовиться к нашему осмотру и позаботиться о подходящем жилье. Она предложила пригласить парикмахера, но Дарва просто попросила нужный инструмент — обыкновенному человеку потребовалась бы еще и стремянка.

Несколько мгновений Корил пристально смотрел на нас и, наконец, заговорил.

— Похоже, вы стали местными знаменитостями, — подытожил он.

— Да уж, — согласился я. — Конечно, здорово вернуться к человеческой жизни — да еще и в таком грандиозном сооружении. Я потрясен, господин Корил.

— Скажите спасибо нашему замечательному доктору. — Корман кивнул на очкарика. — Доктор Думонис, как вы, наверное, поняли, курирует наши торговые отношения с Цербером и прекрасно разбирается в промышленности. Обычно он очень занят. Если не ошибаюсь, вы здесь впервые?

Думонис кивнул и улыбнулся:

— Наши товары расходятся во все уголки системы. Производство потихоньку развивается, и мы крайне нуждаемся в координаторах — собственно, в этом и заключаются мои обязанности. Надеюсь, путешествие меня не разочарует.

Мы непонимающе уставились на него:

— Что вы имеете в виду? У вас есть на нас какие-то виды?

Корил взглянул на Думониса, и тот с тяжелым вздохом кивнул:

— Должен сообщить вам, что три дня назад убит Марек Криган, властитель Лилит.

Сердце бешено застучало, и Дарва непонимающе взглянула на меня:

— ЧТО?

Доктор с Цербера еще раз кивнул:

— Несмотря на стечение обстоятельств, такое было бы попросту невозможно без преднамеренного внедрения на планеты Ромба Вардена убийц-профессионалов, посланных Конфедерацией.

Я не мог скрыть своего восхищения. Выходит, мне — именно мне — это удалось! Я совершенно не отделял своих коллег-двойников на других планетах Ромба от самого себя.

— Гибель Кригана, — продолжил Думонис, — сильнейший удар в самое сердце пришельцев. Но Криган был великолепным стратегом, и в финальной стадии его

смерть мало что меняет. Во главе заговора стоял его первый помощник, герцог Кобе, полностью разделявший взгляды своего босса, и, хотя ему явно недостает кригановского воображения, он справится. Но как бы то ни было, это пусть небольшая, но все-таки победа. Я несколько не сомневаюсь, что в ближайшее время пришельцы установят полный контроль над нашим властителем. Это дело нешуточное, однако я разработал несколько вариантов и уже приступил к их осуществлению; по крайней мере один из них сработает. Надеюсь, вы поняли, что я личный психотерапевт властителя Цербера.

Я не сдержал гомерического хохота:

— Похоже, вы один стоите целой армии!

— Так оно и есть, — с утомленным видом ответил Думонис. — К счастью, на Хароне уже имеются хорошо организованные и оснащенные отряды повстанцев; однако у них еще множество нерешенных проблем. Э-э-э... волшебник — полагаю, вы называете его именно так — по имени Кокул, хорошо знающий вас обоих, сообщил своему другу Корилу о вашей версии, что за спиной нынешнего режима на Хароне стоят инопланетяне. Нам хотелось бы знать — это только догадки или имеются реальные доказательства?

— Скорее интуиция, — ответил я. — Но чем дольше я здесь нахожусь, тем больше я уверен. За это время я познакомился с жизнью различных социальных групп — от высшего общества до простолюдинов, столкнулся с оборотнями. Даже самые ужасные и чудовищные из них сохраняют в себе что-то человеческое — не знаю прямо, как и сказать...

— Душу, — подсказала Дарва.

— Сомневаюсь, — сказал я, — что это на самом деле душа, но более подходящего слова не знаю. Даже в здешних животных есть какая-то искорка. Она есть во всех — кроме одного человека. Его зовут Ятек Морах.

— Вы хотите сказать, что он похож на меня? — спросил Думонис. — Потому что в нем нет микроорганизмов Вардена?

— Нет, — покачал я головой. — С виду он вполне обычный человек, однако нутро у него совершенно иное. В нем нет чего-то неуловимого, что присуще каждой живой твари. И я не единственный, кто подметил это. Тулли согласился со мной.

— Действительно, — подтвердила Дарва. — Я видела Мораха только раз и то издалика, но все равно ощутила в нем нечто странное.

— То есть вам показалось, что он похож на робота? — прямо спросил Думонис.

Я очень удивился, так как не сомневался, что слово «робот» давно выброшено из здешнего лексикона.

— Да.

Думонис посмотрел на Корила, но тот отвернулся; они оба тяжело вздохнули.

— Ясно, — после долгой паузы произнес бывший властитель.

— Но он собран не на Цербере, — отозвался Думонис, повернувшись к нам. — Как вы поняли, — пояснил он, — именно на Цербере производятся те самые роботы-имитаторы, которые наделали столько шума в Конфедерации. Не имеет значения, как нам это удастся — наши возможности сильно отличаются от ваших. Однако Морах не робот, по крайней мере сделан не у нас.

— Нет, конечно, — согласился Корил, тоже поворачиваясь. — Я знаком с Ятеком Морахом. Точнее, хорошо его знаю. Он родом с Таканны, одной из цивилизованных планет, и попал сюда одновременно со мной. Это было давным-давно, больше сорока лет назад; своим теперешним положением об обязан исключительно мне. Он действительно хладнокровен и необыкновенно жесток, но он человек.

— Был им, — вздохнул Корил, — наши друзья думают так же. Это в самом деле многое объясняет.

Лично мне это мало что объясняло, но одно показалось странным. Таканна... Где-то я уже слышал это название?..

— Роботы пришельцев исключительно сложны, — пояснил Думонис, — и превосходят все, чем располагает Конфедерация, хотя и ненамного. Можно сказать, что это полубессмертные супермены, наделенные памятью и личностью реальных людей.

— И этот Морах... одно из таких устройств?

— Все факты говорят за это, — пожал плечами церберианец. — Но в таком случае это нонсенс. Как вы понимаете, такое возможно только на Цербере. Мы способны обмениваться душами — или телами, если хотите, — но только друг с другом или с произведенными на Цербере роботами. И не представляем, как это может сделать харонианец или кто-нибудь еще.

Я на время забыл о Таканне и вступил в разговор.

— Ну, почему же, — сказал я. — В Конфедерации такой способ называется процесс Мертон.

И Думониса, и Корила как громом поразило. Особенно Думониса.

— Мертон! Откуда вам известно это имя? Он ведь церберианец!

Теперь настала моя очередь удивляться.

— Не имеет значения, — продолжил я, постаравшись скрыть смущение. — Они владеют технологией, позволяющей полностью переписывать личности из одного тела в другое. Успехом увенчивается далеко не каждый случай, но все-таки получается. Это я точно знаю.

— Откуда? — поинтересовался Корил.

Я сделал глубокий вздох и наконец решился. А почему бы и нет? Если не открыться этим двоим — то кому же? Так или иначе, мне не обойтись без союзников.

— Потому что я сам через это прошел. На самом деле я не Парк Лакош. Он уничтожен, а содержимое моего мозга переписано в его тело.

Дарва уже знала мою подноготную, но про процедуру копирования личности она слышала впервые и уставилась на меня с неподдельным интересом. И только Думонис внезапно улыбнулся и торжествующе посмотрел на Корила.

— Теперь убедился? — спросил он.

Корил снова тяжело вздохнул и покачал головой:

— Будь я проклят! Как же ты вычислил?

— Что вычислил? — спросила Дарва.

— Что твой друг и партнер — засланный Конфедерацией убийца, — ответил за Корила доктор Думонис. — И ему поручено убить властителя Харона Эолу Мэтьюз.

— О, что вы говорите, — пробормотала сбитая с толку Дарва.

— Мне тоже интересно, — добавил я. — Ведь я профессионал и умею держать язык за зубами.

— Очень просто, — отозвался Думонис. — Вычислив агента, засланного на Цербер, я стал ждать остальных. Потом был убит Криган. Я сделал вывод, что на каждую планету Ромба направлен по крайней мере один агент. Я получил личные дела всех вновь прибывших заключенных и проанализировал их. Правда, я не ожидал встретить вас здесь. Я думаю, это результат целенаправленной работы Корила.

— Так вот в чем дело! — облегченно вздохнул я.

— Да, кстати, мой приезд тоже не случаен. Как и военное руководство Конфедерации, я убежден, что до настоящей полномасштабной войны осталось меньше года. Вероятно, мы и так уже опоздали, но все же должны попытаться. Выход Цербера из заговора уже невозможен, но мы в состоянии повлиять на события. Однако у пришельцев повышенный и необъяснимый интерес именно к Харону. Обладание этой планетой ЖИЗНЕННО важно для них — иначе зачем бы инопланетянам потребовался Морах и переворот Эолы Мэтьюз? Мы просто обязаны предотвратить растущую опасность,

последствия которой пока не предсказуемы. Но это — ваша задача. Я окажу вам лишь определенное техническое содействие и, естественно, полную моральную поддержку.

Корил похлопал его по плечу:

— Твоя помощь поистине бесценна, мой друг. Если бы не ты, не знаю, что бы я делал в этой пустыне. А теперь у нас есть база. Но каким образом убрать такую фигуру, как Морах? Он владеет ВА не хуже меня — и при этом практически неуязвим.

— Убить его можно, — ответил доктор Думонис. — Но потребуются мощнейшее оружие. Игрушки вроде лазерных пистолетов против него бессильны — он не просто поглотит энергию их излучения, но утилизирует ее и использует в своих целях. Итак, либо мгновенно сжечь его, либо разорвать в клочья — других вариантов нет. Позднее я сообщу вам технические характеристики подобных роботов.

— Да, — вздохнул Корил, — это действительно проблема. Именно Морах руководит Синодом, а Эола использует его мощь для управления планетой. Неудивительно, что я до сих пор бессилен перед ним! А вы не считаете... Сколько, по-вашему, у них может быть роботов?

— Да сколько угодно, — ответил Думонис. — Кто знает? Не исключено, что Эола Мэтьюз тоже робот. Однако не забывайте о собственном могуществе. Их мозг не изменился, а значит, и степень владения ВА осталась прежней.

— Это очень серьезная проблема, — повторил Корил. — Тяжелого оружия может оказаться недостаточно. Но мы БУДЕМ действовать.

— Скоро?

— Да. Даже если наши шансы на победу будут ничтожны.

Думонис открыл было рот, но в этот момент меня внезапно осенило.

— Ну конечно! Зала! Зала Эмбуэй!

Все одновременно повернулись и уставились на меня. Особенно встревожилась Дарва, но я не обратил на это внимания:

— Она тоже с Таканны! Землячка Мораха!

Корил мрачно посмотрел прямо мне в лицо:

— Что ты имеешь в виду?

— Это женщина из нашей партии уголовников! — пояснил я. — Мы с ней жили вместе во время предварительной подготовки.

Я кратко пересказал недавние события, в том числе и странную связь Залы с культом Разрушителя и ее двойную природу.

— На самом деле, — добавил я, — Корман убежден, что именно она — посланный Конфедерацией убийца.

Корил посмотрел на Думониса:

— Разве такое возможно? Два мозга в одном теле? Да еще здесь, на Хароне?

— Пожалуй, — немного помолчав, ответил доктор. — Правда, ни о чем подобном я не слышал, но мое недоверие к Конфедерации взаимное. Вы понимаете, что это значит.

Корман грустно усмехнулся.

— Стало быть, эта женщина сейчас здесь, среди нас, — произнес он.

— В лагере Тулли Кокула я ее не видел, — сказал я. — И вообще ни разу после побоища на площади. Но если она здесь, мы можем получить ответы на многие запутанные вопросы.

— Согласен, — кивнул Корил.

ГЛАВА 13

КИРА

Помощники Корила быстро разыскали Залу — как выяснилось, она работала на Гамуше кем-то вроде горничной. Бедная Зала! Даже в неприступной крепости она сгдилась только на то, чтобы драить полы.

— Разумеется, между этой женщиной и Морахом ничего быть не может, — рассуждала Дарва, пока мы медленно шли по залу. — Ей от силы лет двадцать, значит, Морах появился здесь как минимум лет за пятнадцать до ее рождения. То, что они земляки, — чистая случайность.

— Корил тоже так считает, — ответил я, — но меня не проведешь. Слишком темная она лошадка, даже если пренебречь этим странным фактом. А добавь еще ее связь с кем-то из местного правительства. Нет, я не верю в совпадения. В Конфедерации куча планет, а заключенных было слишком мало — это отнюдь не случайность.

— А ты ее больше не любишь?

Я громко рассмеялся:

— Не тревожься. И никогда не любил. Сначала я был просто потрясен — надо же, два мозга! Но вскоре выяснилось, что она тихая и робкая девушка, недалекая и глуповатая — казалось, что мы принадлежим к разным расам.

— Я пойду с тобой.

— Нет! Ни в коем случае. Пойми, я совершенно не похож на себя прежнего, и это дает мне огромное преимущество. Кроме того, я не хочу рисковать тобой.

Возле нужной двери я поцеловал Дарву и попросил пожелать мне удачи.

— Ни пуха ни пера, — тихо произнесла она и покорно осталась снаружи.

Комната была обставлена в точном соответствии с моими требованиями — одно кресло и маленький столик. Я привычно пригнулся и вошел.

Зала удивленно посмотрела на меня, и в глазах ее появилась сложная смесь благоговения и страха: мой вид на всех производил сильное впечатление. Несколько мгновений я внимательно рассматривал ее, пока дверь за моей спиной не закрылась с легким щелчком.

Не считая свободных брюк и длинной рубашки — униформы уборщиков, — с нашей последней встречи на центральной площади Бурже Зала нисколько не изменилась. На лбу ее по-прежнему красовалась метка Мораха — два маленьких аккуратных рога. Они очень естественно сочетались с ее новой прической.

— Зала Эмбуэй? — как можно официальнее спросил я.

После мгновенного замешательства она осторожно кивнула.

— Прежде всего я должен кое-что вам сообщить. В дальнем углу вы уже заметили два небольших аппарата. Один из них — видеокамера, другой — автоматическая лазерная пушка, постоянно нацеленная на вас. Дверь откроется только по моей команде. Оператор за экраном монитора видит все, что здесь происходит. Вы меня понимаете?

Она слабо кивнула и тихо спросила:

— Что... что все это значит? Что я сделала?

— Полагаю, вы сами догадываетесь, почему вас вызвали.

— Но я... я не понимаю, о чем вы говорите.

— Скажите, вы были членом Культа Разрушителя, когда проживали в Бурже?

Поколебавшись, она утвердительно кивнула.

— Кто был его лидером?

— Нам запретили говорить об этом.

— Зала, мы принадлежим к высшему звену организации. И знаем его ничуть не хуже, чем вы.

— Тогда зачем же вы спрашиваете?

Я улыбнулся:

— Чтобы выяснить, можете вы или нет.

— Конечно, нет.

— Тогда назовите мне имя.

Ее глаза сначала спокойно, а затем отчаянно забегали.

— Я... Я не помню. Заклинание препятствовало разглашать эти сведения, даже если бы мы захотели. Такая защита...

Хорошенькое дельце, подумал я.

— Мы оба прекрасно знаем, что это неправда. Вы не выйдете отсюда, пока я не услышу имя лидера.

Зала в смущении замотала головой:

— Я... Но ведь было заклинание... Я боюсь...

— То, что вы не можете его вспомнить — это правда. Но причина в том, что вы не знаете этого человека и ничего не помните о встречах с ним, не так ли?

— Да... Да, конечно!

— В противном случае вы знали бы, что лидер культа был скрыт от глаз маскировочным заклинанием, как и большинство его паствы. Вы лжете, Зала Эмбуэй. Вы никогда не были сторонником Культа Разрушителя.

— Да нет! Была! А иначе откуда бы взялось вот это? — Она указала на свои рога.

— Вот на этот вопрос мы и попытаемся сейчас ответить. В сумятице на площади невозможно было проверить каждого. Мы признавали своим любого с этой меткой. Уже пойманы несколько шпионов, посланных в наши ряды подобным образом.

Это была отчаянная провокация, хотя такая мысль уже приходила в голову Корилу и его помощникам. Впрочем, доказать это было невозможно; так что потенциальные шпионы были практически неуязвимы. В том числе и Зала.

— И как вы понимаете, единственное наказание для каждого подозреваемого — смерть. — Я подошел к ней и, произнеся заклинание, соприкоснулся с ее ВА. Зала резко вскрикнула и вскочила. Не дав ей опомниться, я нанес легкий парализующий удар по ногам, чтобы предупредить побег. Преобразование всего тела — очень сложная процедура, требующая большой аккуратности. Чтобы реально изменить тело человека, ВА требуются многие дни или даже недели, но в представлении жертвы и окружающих это происходит мгновенно.

Зала в изумлении уставилась на свои руки: кожа на них стала зеленовато-коричневой в крапинку, они росли, как на дрожжах и превратились в мерзкие, длинные щупальца с присосками по полтонны каждое.

— Нет! — в отчаянии вскрикнула она.

— Принести зеркало? — насмешливо произнес я. Я не испытывал от содеянного никакого удовольствия, но другого выхода не было. Корман говорил, что барьер, разделяющий два ее мозга, можно сломать только очень сильным давлением.

— НЕТ! НЕТ! НЕТ! — иступленно повторяла она. — КИРА!

ПОМОГИ МНЕ! ПОМОГИ! КИРА!

Я облегченно вздохнул: значит, она знает о втором мозге! И стал ждать дальнейшего развития событий.

В свое время Корман предупреждал, что когда-нибудь я увижу ВА, — и вот это случилось. Два мозга Залы Эмбуэй хорошо просматривались, и зрелище действительно было потрясающее. Они были примерно одинаковые и заметно уступали в объеме человеческому мозгу. Каждый обладал собственной ВА, и они все интенсивнее обменивались информацией. Теперь над

телом властвовала уже не Зала, а кто-то другой. И этот другой весьма удачно справился с моим заклинанием.

ВА вспыхнула ярким светом, и по направлению к телу и обратно полился поток сообщений, команд, данных. Зала словно погрузилась в гигантскую паутину, перенасыщенную энергией. Кира восстанавливала прежний облик девушки точно так же, как я делал это с Дарвой, а это значило, что она могучий, если не сказать, всесильный волшебник. Мое несложное заклятие соответствовало 6-му или 7-му рангу, и я видел, что второй мозг Залы прекрасно подготовлен. Но кем и когда?

Защищать заклятие я не стал, и чары развеялись как дым. Из кошмарного чудовища Зала вновь превратилась в хрупкую беззащитную девушку. Как и тогда, на площади в Бурже, Зала в своей второй ипостаси предстала передо мной всего лишь на несколько секунд и теперь вновь робко сидела в кресле, избегая встречаться со мной глазами. От пережитого ее буквально трясло, но я не собирался позволить ей так легко отделаться.

— Кто такая Кира? — спросил я.

Она помотала головой, но глаз не подняла.

— Она внутри тебя, не так ли? — нажимал я. — Вы делите одно и то же тело, правда? Вот почему ты оказалась на Хароне — из-за Киры, да?

Она в отчаянии закрыла уши руками, но я был не поклонен.

— Кира, если ты слышишь и понимаешь меня, тебе лучше раскрыть свое существование, — жестко произнес я. — Ты без труда справишься с простым заклинанием, но с другими ты помучаешься. Любая попытка с помощью магии вывести из строя лазер будет тут же зарегистрирована, и тебя уничтожат без предупреждения. ВА действует не мгновенно, а свет обогнать не удавалось еще никому. Ты останешься здесь, Кира, без пищи и воды, в пустой комнате посреди пустыни, откуда тебе не выбраться.

Зала повернулась и безучастно посмотрела на лазерную пушку, но не предприняла никаких попыток разрушить ее. Наконец она взглянула прямо мне в глаза:

— Черт побери! Да что вам от меня надо?

Я широко улыбнулся:

— Зала, солнышко, я твой бывший муженек, бедный старый Парк, только в новой шкурке. Надеюсь, ты меня не забыла?

Это известие поразило несчастную Залу, словно громом. Даже мои угрозы не возымели такого действия.

— Парк? — Ее голос прервался. — Неужели это правда ты?

Я слегка поклонился:

— Да, я. И если тебя хоть немного это утешит, знай: ты давно уже разоблачена. Корман поручил мне приглядывать за тобой и сообщать обо всем ему. Он считал, что ты — новый тип убийцы, посланный на Харон спецслужбами Конфедерации. Боюсь, что столь своеобразный мозг не может не броситься в глаза каждому, кто способен видеть ВА.

Она задохнулась от удивления. Это было для нее откровением, а возможно, и для Киры. Собственно говоря, никому не дано видеть собственную ВА. Она в зеркале не отражается.

— Это чистая правда, — заверил я Залу. — Ученые Корила бьются над твоим феноменом, с тех пор как ты только прибыла на Гамуш. Ты заинтересовала не только их, но и сотрудников Служб безопасности. Мне поручено хорошенько напугать тебя, чтобы посмотреть на твою реакцию. Ты выдала себя с головой, и теперь пора рассказать правду. Если ты работаешь на Мораха или на кого-то еще, признайся, и тебя немедленно отсюда вышлют. Но если ты вообще ни на кого не работаешь, нам тем более нужно знать все, чтобы разобраться в той чертовщине, которая вечно с тобой происходит.

Она потрясла головой, словно пыталась прийти в себя:
— Я... я — черт побери, ладно. Что со мной творится? Я честно рассказываю тебе все, пока она меня не останавливает.

— Кира?

— Да.

— Зала, кто такая Кира?

— Она мне как сестра. То, что я тебе говорю, — о Боже, неужели это ты, Парк? — чистая правда. От начала и до конца. Надо мной поставили эксперимент. Точнее, над нами. Два совершенно различных мозга в одном теле, объяснили нам. Это действительно прекрасно — я даже не берусь описать свои ощущения.

Я удивленно покачал головой:

— Но в чем цель опыта? Вряд ли его поставили из любви к науке. Вы наверняка подвергались огромному риску.

— Риск, — сухо усмехнулась Зала. — Что ты знаешь о риске? У тебя слишком радужное представление о Конфедерации, Парк, и в этом твоя ошибка. Ты как глассер, несешься по поверхности, совершенно не углубляясь в суть. Ты думаешь, что Четыре Властителя Ромба сидят себе на троне и управляют своими крошечными планетками? Но это же просто смешно! Они заняты упорной политической борьбой в Конфедерации, и ты даже не догадываешься, насколько серьезной. Это новая разновидность людей, которая существует уже многие тысячелетия, а может, существовала всегда.

Бизнесмены, торгующие всем, что официально запрещено: всевозможными извращениями, азартными играми, ростовщичеством, коррупцией... Они скупают краденые драгоценности, предметы искусства — и все это здесь, в Ромбе. Они вездесущи, и от них невозможно скрыться. Они снабжают наркотиками население приграничных планет и космолетчиков сверхдальних рейсов. У них можно купить все, что душе угодно.

— Я не настолько наивен, как ты думаешь, — возразил я. — Но продолжим. Выходит, этот подпольный синдикат специально вывел тебя?

— Да, — сказала Зала. — И не только меня.

Это уже интересно.

— Вот как? И много же вас было?

— Кто знает? — пожала плечами Зала. — Нас создавали независимо друг от друга.

— Да — но для чего? С какой целью?

— У Конфедерации имеются элитные подразделения, так называемые отряды агентов-убийц, хотя собственно убийства они совершают нечасто. Ты знаешь об этом?

— Кое-что, — уклончиво ответил я.

— Ну и как, по-твоему, Четыре Властителя оказались здесь? Да и большинство остальных, к слову сказать? Их вычислили, схватили и передали правосудию эти самые агенты. Они выращиваются именно для этого и почти неподкупны. Они любят только свою работу. Их подлинный облик практически никому не известен, а если им приходится с кем-то общаться, то эти контакты редки и мимолетны. После выполнения задания память агента стирается и записывается в компьютер. Они неизвестны даже Четырем Властителям, для которых в Конфедерации нет вообще никаких секретов. Только их и боятся высокопоставленные преступники Братства. Они единственная реальная сила в Конфедерации. Только один попал на Ромб — и стал властителем!

— Марек Криган, — откликнулся я. — Он погиб, да будет тебе известно.

Ее головка тут же поднялась.

— Погиб? Как?

— Похоже, его убил агент Конфедерации, — пояснил я.

— Вот видишь?

— Пока еще нет. Для чего создали вас?

— Четыре Властителя Ромба — подлинное руководство Братства — остро нуждаются в людях, которые могли бы выследить этих убийц, пока те не уничтожили всех властителей. Обычные методы тут бесполезны. Даже Криган оказался бессилён. А поскольку контролировать всех обитателей Ромба невозможно, они вывели нас. Мы — убийцы убийц.

— Это ты-то убийца убийц? — искренне расхохотался я.

— Нет, не я, — пояснила Зала. — Кира. Она моментально запоминает любую информацию, в совершенстве владеет своим, то есть моим, телом. Это хладнокровная машина по уничтожению людей.

Последние слова Зала произнесла с явным восхищением, как о постороннем человеке. Услышанное изумляло и в большей степени порождало новые вопросы, чем разрешало старые.

Если Зала говорит правду, значит, Корил уже знает, кто она на самом деле. И вероятно, Корман. Или нет? А если да, к чему весь этот маскарад? Что-то тут не сходилось, и подозрение падало в первую очередь на Залу.

На нее и раньше едва ли можно было положиться.

— Зала, а почему все-таки вас с Кирой двое? — спросил я.

— Предполагалось, что это послужит дополнительной защитой на случай, если нас схватят. Тогда сотрут лишь мою психику — Кира же не пострадает.

— Это было бы логично, если бы ты не знала о ее существовании, — заметил я. — Но ведь это не так.

— Да, конечно. Но Кира невероятно сильна. На самом деле именно она управляет всем. Она может заставить меня замолчать и частенько именно так и поступает. Иногда у меня в голове всплывают океаны информации, о которой не имею ни малейшего представления. Порой я только случайно узнаю, что это такое.

Все это весьма странно, хотя звучит правдиво, подумал я. Биология подобного симбиоза была мне со-

вершенно непонятна — ни за что бы не поверил в такое, если бы доказательство не сидело прямо передо мной. Итак, ученые уголовного синдиката каким-то образом умудрились решить сложнейшую проблему, и теперь я лицезрел настоящего суперубийцу — ничуть не хуже, чем агент Конфедерации. А возможно, и лучше. Доминирующая личность обладает ключом к общей памяти и полностью контролирует все поступающие в мозг команды и данные — а их поступает несравненно больше, чем в мозг обычного человека. Значит, ей требуются и резервные секции для избыточной информации. Стало быть, что бы я ни предпринял — погрузил Залу в состояние гипноза, установил полный контроль над ее мозгом, — ее реакция будет реакцией Залы и только.

— Похоже, Кира довольна, что ты используешь ваше общее тело в личных целях, — отметил я. — Как правило, она ничем не выдает своего присутствия.

Зала утвердительно кивнула:

— Верно. Но ты не думай, что она спит — Кира всегда начеку. Она объясняла мне, что наш образ жизни ее вполне удовлетворял.

— А значит, — сделал я вывод, — когда я говорил что-то тебе, то на самом деле говорил это Кире — но ты обращалась ко мне от своего имени.

— Да, — просто согласилась она.

— И каким же образом вы оказались здесь, на Хароне?

— Кира уверяет, что все было разыграно как по нотам, хотя до подробных объяснений не доходило ни разу. Со мной вообще получилось очень просто. — однажды они приехали и арестовали меня. О-о-о! — внезапно вскрикнула Зала. Ее будто подменили, и вместо слабой и заурядной девушки я увидел суровую женщину с неукротимым темпераментом и стальной волей; хотя черты лица и фигура остались прежние, вряд ли я ошибался — передо мной сидела Кира собственной персоной. Холодные глаза уставились на меня в упор.

— Здравствуй, Кира, — сказал я.

— Лакош. — Низкий и ледяной голос ничем не напоминал голос Залы. — Кажется, пришло время поговорить откровенно.

Я откинулся на свой хвост:

— Я тоже так считаю. Скажи, пожалуйста, Зала знает, что происходит, когда ты напрямую управляешь вашим телом?

— Когда я позволяю, — ответила Кира. — Например, сейчас. Не вижу оснований запрещать.

— А что происходит, когда ты запрещаешь?

— Она погружается в легкую дремоту.

— Отлично. Ты ответишь на мои вопросы?

— Да. Словесная борьба меня не пугает.

Мне показалось, что не она, а я заперт в этой комнате. Кира с первого мгновения разрушила все мои планы.

— Итак, начнем сначала. Зала мне говорила правду?

— Она тебя ни разу не обманула, — услышал я двусмысленный ответ.

— Вас разводили только на Таканне?

Кира кивнула:

— Расширить рамки проекта — значит, ослабить конспирацию. Теперь нам не нужно скрываться, так как проект рассекречен и, вероятно, уже забыт.

Весьма интересная информация.

— И ты знаешь, почему?

Кира отрицательно покачала головой:

— Нет. Скорее всего произошла утечка информации среди приближенных к Четырем Властителям Ромба. Нас всех предали, но лишь немногих удалось поймать и отправить на Ромб. Впрочем, Конфедерация могла и не подозревать о моем существовании. Проект был завершен, а документация уничтожена задолго до моего ареста. На этом настояли, как ни странно, сами владельцы. Прямых доказательств у меня нет, но все говорит за то, что я оказалась здесь не без их участия. Такие, как мы, нужны везде — и даже на Хароне.

Я немного поразмыслил над сказанным:

— Стало быть, вас вызвали к боссу единственно возможным способом.

— Это только одна из версий.

— Отлично, тогда объясни мне — почему ни нынешний, ни предыдущий властитель ничего о тебе не знают? Корман считал, что ты агент Конфедерации, посланный убить Эолу Мэтьюз; Корил вообще не подозревал о твоём существовании, пока я ему не сказал. Сотрудники Корила утверждают, что ты сбила их с толку, и тоже не имеют ни малейшего представления о твоей истинной природе. ПОЧЕМУ ОНИ НИЧЕГО НЕ ЗНАЮТ, ЗА... КИРА?

— Есть только три приемлемых объяснения, — ответила она. — Либо один из них — Корил или Мэтьюз — действительно ничего не знает, а другой приоткрывается, либо они оба в полном неведении, и следовательно, властители по неизвестным причинам не поделились с ними этой информацией, либо и тот, и другой морочат мне голову.

— Кто-нибудь выходил с тобой на контакт?

— Да. Еще в Бурже.

— Кто?

— Ятек Морах.

Кровь застучала у меня в висках. Наконец-то мы добрались до главного.

— Когда?

— На вторые сутки после нашего прибытия.

— Не может быть! Он появился там спустя пять месяцев!

Кира не стала спорить:

— Морах инструктировал меня на расстоянии, с помощью своей ВА. Ты тогда был сильно занят. Он выходил на связь почти ежедневно, но по мере того как мое обучение перешло в практическую стадию, стал появляться все реже и реже.

— Ты знала, что именно от тебя требуется?

— Я спрашивала у него, он ответил, что я получу задание позднее, а пока должна только тренироваться.

— И ты ни разу не нажала на него как следует?

— Я привыкла безоговорочно подчиняться приказам своего господина.

Ее тон и выражение глаз красноречиво свидетельствовали, что это отнюдь не пустые слова.

— Итак, в то утро ты осталась без инструкций?

— Да. Я попыталась привлечь внимание Мораха, но он отмахнулся от меня.

— Так ты не была членом культа?

— Нет. Я неоднократно пыталась установить контакт с повстанцами, но каждый раз терпела поражение! Они великолепно маскировались. Разумеется, не составляло особого труда вычислить все их явки, однако тогда я еще не вполне овладела своей ВА и не горела желанием нечаянно столкнуться с превосходящим меня волшебником до того, как обрету необходимые навыки.

Я рассеянно кивнул, погрузившись в размышления. Все выглядело очень зловеще, однако разрозненные факты упрямо не желали складываться в цельную картину. Черт побери, так знал о ней Корил или нет? А Корман? Только про Мораха можно было сказать с уверенностью. Мне требовалось как можно больше информации — и срочно.

— Кира, на кого ты работаешь сейчас? Чьи приказы выполняешь?

— Здесь, на Хароне, очень непросто ответить на этот вопрос, — ответила она. — Именно поэтому я выкидаю, и в моем теле все время обитает Зала. Там, в Братстве, конечно, существовали фракции, но мое положение было вполне определенным. Здесь, насколько я могу судить, борются две равносильные группировки. Мэтьюз вытеснила Корила и в настоящий момент правит Хароном, но неизвестно, удастся ли ей удержать свои позиции. Морах привлекал меня на ее сторону, но, если мыслить логически, я должна служить Корилу.

Ведь я в его владениях, а от Мораха никаких известий. Если я не присоединюсь к Корилу, меня убьют. И я подчиняюсь логике.

Она говорила так холодно и бесстрастно, что я невольно вздрогнул. Кира была по ту сторону не только морали и стыда, но даже преданности. Ей абсолютно все равно, на кого работать.

— Я вышел и тщательно прикрыл за собой дверь.

— Вы посмотрели запись нашей беседы? — спросил я. — И как впечатление?

Корил откинулся в кресле и задумчиво посмотрел на меня.

— С трудом, но припоминаю о подобном проекте, — после долгой паузы произнес он. — Разумеется, он возник задолго до того, как я попал сюда, и долгое время считался совершенно бесперспективным. Клянусь, я был твердо уверен — все исследования по этой программе прекращены еще много лет назад, и сейчас просто глазам своим не верю, видя этот двойной мозг.

Говорил он весьма искренне. Мне очень хотелось поверить ему. Очень.

— Однако кое-кто все это время не забывал о нем, — заметил я. — Подобно остальным, Зала долго работала на Братство. Кто знает, сколько таких убийц бродит сейчас по свету? Кто-то затыкает всем рот. Залу преднамеренно сдают властям, а потом поворачивают дело таким образом, что она оказывается на Хароне.

Корил, казалось, углубился в размышления и совершенно не обращал на меня внимания.

— Чем больше я думаю, тем яснее вижу, как все это было. Насколько я помню, проект прикрыли из-за того, что его результаты напугали Четырех Властителей Ромба, а особенно их высокопоставленных покровителей в Конфедерации. Машины для убийства... Зала открыла мне глаза на многое. Никакой предан-

9*

ности. Никаких эмоций. А следовательно, любая внешняя сила способна обернуть их не только против Конфедерации, но и против любых силовых центров человечества, в том числе, Братства. Но проект был прикрыт примерно в то время, когда я прибыл на Харон. Я узнал об этом случайно на заседании Синода от одного старого босса.

— Но ведь это было лет сорок назад, не меньше, — осторожно заметил я. — Зала выглядит гораздо моложе.

— Это говорит лишь о том, мой друг, — сказал Корил, — что кто-то продолжал разработки неофициально. И получил огромное преимущество.

— Зала упоминала о семействе Траяна, — сказал я.

— Я их не знаю, — развел руками Корил, — но не исключено, что такое семейство существует и не входит в Братство. Ты понимаешь, что это значит? Существует подпольный пятый властитель, который манипулирует остальными четырьмя вот уже сорок лет.

— Морах. Наверняка это он.

— Согласен. Морах, зная о продолжающемся эксперименте, подчинил и использовал в своих целях по крайней мере одного убийцу, созданного в рамках проекта. Для чего? Если он располагает органическими суперроботами и поддержкой пришельцев, убийцы ему ни к чему. Особенно там.

— Возможно. Но почему именно Харон? И еще: почему он не использовал ее там, на площади?

Корил ненадолго задумался.

— Наверно, тогда он еще был не готов, — предположил он.

— Что вы имеете в виду?

— Допустим, у него немного таких людей, всего четверо. Ты помнишь, во что превратился Морах на площади?

— В четырехголовую гидру.

— А теперь погиб Криган. Думонис, кстати, утверждал, что агент-убийца здесь ни при чем. Просто стече-

ние обстоятельств. — Корил посмотрел на меня в упор. — А Морах встречался с пришельцами лицом к лицу. И даже разговаривал с ними.

Наконец я понял, куда он клонит:

— Значит, Корман ничего о проекте не знает. Как и Эола Мэтьюз.

Он утвердительно кивнул:

— Конфедерация не единственная сила, заинтересованная в уничтожении Четырех Властителей, и фактически она оказывает предпочтение Ятеку Мораху.

— Итак, реально имеется только один властитель Ромба,— подытожил я.

ВЫНУЖДЕННЫЕ РЕШЕНИЯ

— Эта девушка — Зала, или Кира, как ее там — и в самом деле тревожит тебя? — участливо поинтересовалась Дарва.

Я кивнул:

— Только не Зала. Она просто смазливая глупышка. Но еще Корман предупреждал меня о ее второй половине. Я всегда хотел познакомиться с ней и вот добился своего. Ну и зрелище! Не приведи Бог столкнуться с ней, когда она в плохом настроении.

— Наверное, мне никогда тебя не понять, — вздохнула Дарва. — Сначала ты вывел ее из себя, перепугал до смерти, а теперь недоволен. Почему? Разве Кира не такая же, как ты?

Я резко повернулся, готовый вспылить или по крайней мере съехидничать, но вовремя остановился. Дарва попала в самую точку. Я взял себя в руки и быстро успокоился:

— Да, отчасти ты права. Конечно, таких монстров я еще не встречал, но она очень напоминает идеального агента. Когда-то я представлял себя именно таким. Никакой морали, никакой рефлексии, никаких чувств — вообще ничего! Вот чего добились яйцеголовые биологи, когда вывели своего франкенштейна о двух мозгах! Все человеческое в нем принадлежит глупышке Зале, а мозг Кире — настоящий компьютер, не обремененный такими пустяками. Кира... Когда я говорил с ней, то видел не человека, а... а самого себя.

СИДЯЩЕГО ГДЕ-ТО В ОДНОЙ ТРЕТИ СВЕТО-
ВОГО ГОДА ОТСЮДА, продолжил я мысленно.

Действительно, чем же отличается Кира от этого наблюдателя? В промежутках между заданиями с полустертой психикой и памятью он являл собой поистине жалкое зрелище. Вечный плейбой, завсегдатай богатых казино и борделей. Разница между мною и этим субчиком лишь в том, что, завершив свою миссию, я буду вынужден навсегда остаться здесь и бороться за существование, а он вновь окунется в свои проказы и шалости. С другой стороны, Кира, испытывавшая все на собственном опыте, и не подозревает, что ее двойник-маска представляет собой нечто большее, чем она сама.

Техника, при помощи которой создали Залу — Киру, оставалась загадкой даже после многочисленных исследований. Не считая необычной конфигурации микро-организмов Вардена, никаких отклонений от нормы не было. Однако это был не психический, а физиологический феномен.

Увидеть идеального убийцу и понять, что этот уродец олицетворяет именно те качества, которыми ты прежде гордился, — такое может ошарашить любого. Я и сам, не имея ни веры, ни принципов, искренне считал себя отважным борцом за всеобщую справедливость. Харон меня многому научил и разрушил былую уверенность в собственной правоте. Мои цели не изменились в первую очередь потому, что противник был мне омерзителен — а не только из-за безграничной преданности Конфедерации. Интересно, испытали ли нечто подобное мои двойники на Лилит, Цербере и Медузе? Про себя я мог сказать только одно: лишь здесь я стал истинным человеком, и хотя слабее, чем Кира, но зато гораздо более цельным.

Объяснить свои душевные терзания Дарве оказалось непросто, она так и не смогла понять меня. Что поделать — Дарва не была рождена для ВЕРЫ.

Видимо, этим я и отличался от Киры. Я был верующим с рождения, но, хотя утратил своего идола, взамен обрел человечность. Здесь, на Хароне, я был превращен в животное, зато возродился подлинным человеком. Кира была превращена в машину, да так и осталась машиной. Навсегда.

В известном смысле она вынудила меня присмотреться к самому себе — и благодаря этому в конце концов я познал свободу. Последние оковы затверженных догм и стереотипов пали. Как и крошечный доктор с Цербера, я разорвал пути прошлого и сознательно стал союзником Думониса, потому что наши интересы в данный момент совпадали.

Впервые я всерьез заинтересовался своей особой и, к огромному удивлению, при помощи ВА различил крошечное устройство из органики, вживленное в укромном уголке моего мозга. Я претерпел фантастическую метаморфозу, познал дикую жизнь в джунглях — оно выдержало все. Так что ты, наверное, слышишь меня, мой двойник... Моя Кира.

Корил с мрачным видом сидел в своем кабинете, заваленном рапортами и фотографиями.

— Впервые за эти годы я вынужден пойти на компромисс.

— Дурные новости?

— Да, — кивнул он. — Но наша крепость изначально была обречена. Ее падение — это вопрос времени. Она, разумеется, способна выдержать многое, но как только ее координаты станут известны, противник применит тяжелое оружие из космоса. Весь этот чертов континент сгорит дотла.

— Тогда почему этого еще не произошло?

Корил невесело улыбнулся:

— Замечательный вопрос. В основном потому, что Конфедерация очень внимательно следит за системой

Ромба. На Хароне у наших противников нет необходимого вооружения, а завезти его Извне невозможно — все грузопотоки тщательно контролируются. Корабль уничтожат, не задумываясь. Правда, у них есть космические аппараты союзников-пришельцев, но использовать их — значит, преждевременно раскрыть свои карты. Так что они попытаются обмануть наши микроорганизмы Вардена, и рано или поздно им это удастся.

— Сколько времени у нас в запасе? — с тревогой спросил я.

— Кто знает? День? Неделя? Месяц? Или считанные минуты? Точно я знаю одно: когда-нибудь это случится. Сколько можно играть в кошки-мышки? — Корил откинулся на спинку кресла, и я впервые заметил, как он постарел. — Итак, мой друг, атака — лучший способ защиты. С этой пассивностью пора кончать. — В глазах его отражалась вся серьезность принятого решения. — Ты знаешь, Парк, впервые я понял, что все эти годы обманывал самого себя. Мне ПРАВИТСЯ здесь. Я люблю исследования, мир и покой, неприхотливость. Мне даже нравилось руководить повстанцами. Но между провозглашением борьбы и реальной борьбой — огромная пропасть. А ведь это так замечательно — всю жизнь готовиться, но так и не начать! Вот почему старый подлец Думонис не выдержал!

— Что произошло?

— Сукин сын! Он единственный посторонний человек, кто знал точное местоположение базы. Да, надо было... — При воспоминании о докторе его лицо так побагровело, что я даже испугался, однако Корил ментально овладел собой.

— Эх, проклятие, — горько сказал он. — А ведь я считал, что он имеет право знать наши секреты. Без него наше существование было бы невозможно.

— Вы считаете, что он предал нас?

Корил молча кивнул.

— Но почему?

— Исключительно для того, чтобы вынудить меня действовать. Черт побери, Парк, я ведь давно к этому готов. Ты же был в Бурже, а это ведь только легкая проверка сил. Вот зачем Думонис прилетел сюда. Мы много беседовали, и я привел ему тысячи доводов, но он не выдержал и взялся за дело сам.

Я обеспокоенно нахмурился:

— Что это за человек? Откуда у него такие возможности?

— Вероятно, он самый опасный человек в Ромбе, — ответил Корил. — Настоящий гений, особенно в искусстве управлять сильнейшими мира сего. Сейчас он ведет сложнейшую политическую игру с Конфедерацией, и боюсь, скоро Властителям Ромба придется отстаивать его шкурные интересы. О мотивах я умолчу, скажу лишь, что личная власть Думониса не прельщает, иначе он давно уже стал бы Властителем. Однажды я поинтересовался, почему он помогает нам, и знаешь, что он ответил? Что это развеивает его смертельную скуку! Ну да хватит об этом. Думонис нанес мне сильнейший удар, и теперь у меня только один выход — действовать.

— Вы хотите контролировать события?

Корил кивнул:

— Больше я не собираюсь играть в поддавки. Ты здесь новичок и даже не представляешь, чем я располагаю.

— Это оборудование, — обвел я руками, — позволяет управлять целой планетной системой, а не только Хароном; сторонников у вас хватит. Не вижу, с какими проблемами вы можете столкнуться, по крайней мере вначале.

Он мрачно усмехнулся:

— Ты, Парк, судишь очень поверхностно. Во-первых, мы не можем положиться на оружие. Неужели ты ни разу не задумался, почему солдаты в Бурже были вооружены винтовками? Использовать на Хароне даже

слабый лазер — значит, подвергаться смертельному риску. Крошечный смерч — все мы в мгновение ока окажемся на том свете.

— С первого дня я только и слышу об этих самых смерчах, — сказал я. — По-видимому, они очень редки. Я не только не видел ни одного сам, но даже не встречал очевидца.

— И слава Богу. Эти ужасные, иного слова не подберу, электромагнитные штормы достигают ионных слоев атмосферы. Никто не знает, как они образуются, но это страшнее любого ада. Ты не поверишь, но есть даже секта, которая им поклоняется. Они возникают без всякой видимой причины. Ни один уголок на планете не застрахован от них — кроме центральных районов Гамуша. Иногда проходят целые десятилетия без единого смерча, а затем они обрушиваются десятками и даже сотнями одновременно. Помимо урагана, не меньший вред приносят магнитные бури, превращающие электрооборудование на многие десятки километров вокруг в прах. Никакое волшебство, ничья сила воли не в состоянии противостоять им. Про них известно только одно — любое устройство, использующее электроэнергию, притягивает их как магнит.

— Звучит жутковато, — согласился я.

— И случается гораздо чаще, чем ты думаешь, — добавил Корил. — Сейчас к северу от нас бушуют три смерча одновременно — и именно туда нам предстоит отправиться.

Я обреченно вздохнул:

— Ясно. Однако, учитывая низкую эффективность и слабую вооруженность войск режима, ваши шансы на победу весьма высоки. Судя по столкновению в Бурже, вам бояться нечего — простой народ Харона в конечном счете одержит верх.

— Обычно так и бывает, — согласился Корил. — Мы в состоянии без всяких проблем захватить процентов семьдесят населенных пунктов на севере, а также

несколько поселений здесь, на Гамуше. О Тукуане можно не беспокоиться. У меня достаточно сильных и хорошо подготовленных волшебников, чтобы взять ключевые пункты вроде Монтлэ и Куберы. Но это еще не победа. Пока мы не захватим Замок, противник будет контролировать космодром, а также единственный пункт управления экономикой всей планеты. Он разрушит промышленность. Наступит голод, а с ним и народные волнения. Противник обратится за помощью к остальным властителям, а возможно, и непосредственно к пришельцам. Если мы не возьмем Замок, то проиграем, пусть даже вся планета окажется в наших руках.

— Значит, надо его взять.

— Легко сказать, мой юный пылкий убийца, — расхохотался Тулио Корил.

В маленькой комнатке, помимо меня и Корила, присутствовали еще семь человек, в том числе, разумеется, Дарва и Зала Эмбуэй, чему я немало удивился. Здесь была именно Зала, а не Кира, но в любой момент одна могла сменить другую.

В камерке царил полумрак, и каменное строение на вершине огромной горы, возникшее на демонстрационном экране, было отчетливо видно. Окружное в основании, из-за своей ступенчатой формы оно немного напоминало древнюю восточную пагоду. Уступы следовали через равные интервалы от подножия крепости до самого верха, который заканчивался отнюдь не плоской крышей.

— Перед вами Замок, — сказал Корил. — Его высота восемьдесят метров, однако под землю он уходит еще на сорок. Внутри он поделен на пятнадцать этажей-уровней и имеет превосходную дренажную систему. Его стены метровой толщины и сложены из необычайно крепкого камня.

Кроме того, каркас здания усилен металлическими плитами и стяжками. Сложнейшая система туннелей внутри скалы-фундамента ведет к хорошо защищенным складам оружия. Вероятно, с помощью лазерной пушки стены можно просверлить, но только за один раз — для второго залпа шанса не предоставится. Но даже в этом случае нужно быть настоящим снайпером, так как снаружи замок покрыт защитным составом, разработанным на Цербере. Он отражает лазерное излучение, так что скорее всего ваша пушка продырявит саму себя. Благодаря этому же покрытию ВА Замка нейтральна по отношению к нам. Таким образом, ВА противников будет разделять непроницаемый барьер. А это значит, что любые заклинания атакующего не подействуют в Замке ни на кого и ни на что. В свою очередь, и обороняющиеся не могут применить это оружие — но не забывайте, наши диспозиции различны. Они с легкостью продержатся до прихода подкрепления из других районов или из космоса. На верхней площадке Замка есть посадочная площадка для челночных космических аппаратов.

Замок представлял собой, без сомнения, внушительное зрелище — хотя я прекрасно понимал, что две дюжины лазерных пушек превратят его в пыль за минуту при условии, конечно, что их можно было применить.

— На верхнем уровне расположен ангар для челноков и грузопассажирский терминал, — продолжал Корил. — С нижними уровнями он соединен лифтами, работающими при помощи сложной системы противовесов. Четырнадцатый этаж — это покои властителя, прислуги и приближенных. На следующих восьми размещены спецвойска и охрана Замка, жилые помещения других руководителей планеты и Центральный архив.

Ниже располагаются вспомогательные службы, склады и системы жизнеобеспечения, а также приемная и кабинеты сотрудников. Там же находится спецтюрьма. Верхние уровни Замка занимают всевозможные пра-

вительственные офисы, лаборатории — и все такое. Короче говоря, очень сложное сооружение.

Корил щелкнул переключателем, и на экране появилась схема Замка.

— Хорошенько разберитесь в ней. Все получают копии этой схемы, но непременно вызубрите каждый переход, каждый служебный коридор до медьчайших деталей. Не забывайте, ваша жизнь напрямую зависит от вашей подготовки. У нас мало времени, но вы должны быть в превосходной форме.

Схема внутреннего устройства Замка сменилась планом нижнего уровня и системы туннелей.

— Это самое слабое место, — пояснил Корил, — если, конечно, таковые вообще имеются. Как видите, в толще скалы скрывается чрезвычайно запутанная система ходов, туннелей и пещер — настоящий лабиринт. Разумеется, сюда можно попасть еще за пару километров от Замка, но это лишь усложнит ситуацию. Там на каждом шагу всякие волшебные ловушки, капканы, заклятия, а также датчики. Кое-где каменные блоки, образующие стены туннелей, регулярно перемещаются, полностью изменяя лабиринт. Несколько лет назад я нашел ключ к схеме этих изменений и послал туда своих лучших людей. Они проникли внутрь, но выбраться обратно удалось лишь немногим, а живым не вернулся никто. Я думаю, нет смысла объяснять вам сложность задачи. Нам остается только одно — победить или погибнуть.

Перспектива была не особо радостной, зато ясной. Только один незнакомый мне человек поинтересовался:

— Как мы выберемся из лабиринта?

— Единственное преимущество, которое у меня есть, — это знание принципа. Я представляю, какие ловушки могут нам встретиться, и смогу разобраться, даже если конфигурация лабиринта изменится. Если же мне по каким-либо причинам это не удастся — тогда все пропало.

В комнате воцарилась гнетущая тишина. Все размышляли, стоит ли лезть в предложенную петлю, а потом полностью зависеть от Корила.

— С охраной Замка мы неизбежно столкнемся, — спокойно продолжил Корил, — но пусть вас это не волнует. Ваши ранги высоки, не меньше восьмого. В охрану же специально подбирают людей с низким рангом, чтобы исключить возможность дворцового переворота. Но не спешите радоваться — помимо охраны, в Замке есть и чрезвычайно сильные волшебники. Если нам повезет, там будет не больше четырех или пяти членов Синода — большую часть времени они проводят в скитаниях. Но нам невероятно повезет, если мы не столкнемся с Морахом.

— А Мэтьюз? — поинтересовался кто-то.

— Она, разумеется, там. Королева очень редко покидает Замок и никогда — надолго. Без нее операция теряет смысл, но я почти уверен, что нам повезет. Что же касается Мораха, то надо устроить ему неожиданный мятеж где-нибудь на южном побережье, подальше от Замка. Карательная экспедиция неизбежно потребует его личного участия. Наша операция имеет смысл только в отсутствие Мораха. Другая важная вещь — расписание челноков. Они садятся в шестнадцать часов ежедневно и через час улетают. Следовательно, нам нужно покинуть базу за день до атаки. Все, с чем мы встретимся, подлежит уничтожению. Необходимо успеть до прилета следующего корабля. Если опоздаем, Эола отправит челнок к орбитальной станции — и мы погибли. — Корил с минуту помолчал. — Не забывайте, вы все вызвались добровольно, — добавил он.

Тут он не погрешил против истины, но его план содержал слишком много «если».

Я искоса посмотрел на Дарву и понял, что ее бушуют те же сомнения.

— Лучше бы тебе остаться здесь, — тихо сказал я. — Ты еще недостаточно сильна и будешь моей

ахиллесовой пятой. Одним выстрелом они убьют сразу двух гигантских зайцев. Хорошо бы лишить их этого удовольствия.

— Зато у меня много других достоинств, — возразила она, — и там они очень пригодятся. Кроме того, ты тоже подвергаешь меня опасности. Да и вообще не собираюсь я сидеть здесь сложа руки!

Я улыбнулся и крепко сжал ее пальцы.

— Ну что ж, отлично. Пойдем на бойню в одной упряжке.

Она улыбнулась в ответ слабой и грустной улыбкой. Мы шли на верную смерть, но Дарва была готова и втайне желала этого.

Наверное, она понимает меня так же хорошо. Вплоть до последнего момента я не ожидал такой развязки, а теперь рвался в бой, как восторженный юнец.

ГЛАВА 15

ПУТЬ В НОЧИ

На подготовку к столь сложному заданию требовалось как минимум месяца четыре; Корил дал нам четыре дня. Он принял РЕШЕНИЕ, и теперь его уже никто не мог остановить — даже здравый смысл. Он сказал, что тщательно отобрал каждого из нас, однако умолчал о критериях, которыми руководствовался. Иногда его логика была совершенно непостижима.

Я, судя по всему, попал в число избранных потому, что Корил, подобно другим членам Братства, был очень высокого мнения о моих коллегах, с которыми ему довелось встретиться. Меня чрезвычайно удивило, что он согласился взять Дарву, однако она справедливо заметила, что превосходит остальных в рукопашной схватке. Тут она была просто неподражаема, и даже я не рискнул бы столкнуться с ней один на один. Залу — точнее, Киру — Корил выбрал вопреки всякому здравому смыслу: вряд ли он всерьез доверял столь прагматичной натуре. Если, конечно, предположить, что Кира поступит честно, ее помощь окажется бесценной, но я, однако, склонялся к мысли, что она станет нашим троянским конем.

Остальные считались лучшими волшебниками Корила, о чем говорили их фамилии, начинавшиеся на «К» — знак принадлежности к высшей касте. Среди известных мне титанов только Морах не взял себе такую фамилию.

Некоторые члены отряда были весьма колоритными личностями, и даже еще один оборотень, кроме нас с Дарвой, — невысокий темноволосый человек с лицом грызуна. Звали его Ку. Он вел ночной образ жизни и вдобавок обладал способностью к звуколокации, весьма полезной для нас — как и его умение ползать по стенам и даже по потолку. Он уже привык к своим необычным возможностям и ни за что не хотел с ними расставаться.

Кэйг был огромным волосатым детиной, комплекцией смахивающим на медведя, и с физиономией законченного подонка, по-видимому, точно отражающей его суть. Он служил офицером-пограничником в Конфедерации и прославился любовью к взяткам и вымогательством. Кимил выглядел типичным представителем цивилизованной планеты; намного моложе Корила, он был похож на него как две капли воды. Киндель — миниатюрная, очень подвижная женщина с некрасивым длинным носом и абсолютно гладким черепом. Крюгер тоже в прошлом жительница цивилизованной планеты. Средних лет, внешне она ничем не выделялась. Похоже, среди нас только Дарва была уроженкой Харона.

Наши размеры делали нас с Дарвой отличными мишенями. За несколько месяцев непрерывной работы нам удалось слегка уменьшить свой рост до более или менее приемлемой цифры в 204 сантиметра, но мы по-прежнему возвышались над остальными. Кроме того, у нас была слишком приметная внешность. Зато мы обладали невероятной физической силой и при этом оставались проворными и гибкими.

Ставку Корила мы покинули уже в пассажирском салоне, а не в когтях парителя. Мысль о предстоящем путешествии Залу не очень воодушевляла, но Кира каким-то образом успокоила ее. Перелет был столь же ужасным, как и наше первое путешествие на парителе, однако прошел на удивление быстро.

Высадиться поблизости от резиденции мы, разумеется, не отважились. Так как все окрестности Замка заросли густым лесом, нам пришлось приземлиться на ближайшей подходящей площадке в сорока километрах от цели.

Экипировка наша была на удивление скудной. Корил рискнул взять лазерные пистолеты, понимая, что от них придется избавиться в любом случае. Мы прихватили также огнестрельное оружие и боеприпасы. Дарва так и не освоила искусство стрельбы из лазерника, но огнестрельным оружием владела великолепно. Вдобавок несколько человек, в том числе и Дарва, вооружились еще более древними экспонатами — мечами; у всех были небольшие, но очень удобные в ближнем бою кинжалы. Огромный Кэйг нес что-то вроде арболета: я только читал о них, но никогда не видел воочию.

Мы не взяли с собой никаких документов. Чтобы избавиться от лишнего груза, всю необходимую информацию поместили в нашу память прямым гипнотическим внушением. Ярко-зеленая униформа делала нас невидимками в джунглях. Нам с Дарвой ее шили индивидуально. Всех снабдили небольшим сухим пайком, но в дороге мы питались в основном при помощи сознательной трансмутации. Как в свое время Гарал превращал на наших глазах фруктовый сок в яд и обратно, так и наши волшебники готовили практически любое блюдо — кто что пожелает. Если бы я своими глазами не видел, как кучи пожухлых листьев превращаются в прекрасные кушанья, ни за что не поверил бы. Тем не менее мы не голодали.

К замку надо было выйти через двое с половиной суток, и мы без труда уложились в этот срок. Однако путь лежал через непроходимые джунгли, так что под конец устали даже мы с Дарвой. Ближе к горам джунгли сменились густым лесом, все чаще стали попадаться прогадины и большие скальные выступы. Такие участки преодолевались по ночам. Нам сильно помогало заклин-

нение Корила, позволявшее видеть в полной темноте, однако он предпочитал посылать вперед Ку с его великолепным ночным зрением.

Утром назначенного дня мы вышли туда, откуда через естественные пещеры можно было добраться до туннелей Замка. Рядом с пещерой, за небольшой рощицей, возвышался скалистый утес, с которого открывался дивный вид на раскинувшуюся внизу долину.

Вершина Замка виднелась практически отовсюду, и выглядел он еще более устрашающе, чем на фотографиях.

На последнем привале мы выставили часовых, и я с интересом отметил, что Зала в график дежурств не попала.

Я заснул мгновенно, но полноценного отдыха не вышло — я был слишком взвинчен. Ближе к полудню, когда вот-вот должен был хлынуть традиционный ливень, я посмотрел вниз и, возможно, в последний раз окинул взглядом долину.

И тут я увидел СМЕРЧ.

Местность просматривалась километров на пятнадцать—двадцать, хотя сплошная пелена приближающегося дождя ухудшала видимость. Тучи цеплялись за вершины холмов, ландшафт стал размытым, и рассмотреть детали не удавалось. И все-таки я не ошибся — это был именно ОН.

Сначала крошечный участок небосвода на западе ярко вспыхнул, словно подсвеченный молнией, однако она не погасла сразу же, а, наоборот, стала разгораться все ярче и ярче. Несколько секунд спустя на этот свет уже невозможно было смотреть. В самих облаках явно ничего не происходило. Внезапно пятно стало стремительно закручиваться — нечто подобное я видел и раньше, но только без ослепительного сияния внутри. При-

мерно так же зарождаются торнадо и некоторые циклоны.

Из бешено вращающейся сердцевины свесился небольшой светящийся отросток, и в следующие мгновения до нас донеслись раскаты мощнейших взрывов, эхом пронесшиеся по долине. Я не мог разглядеть, что творится в эпицентре, но искренне порадовался, что нахожусь на почтительном расстоянии от него.

Затем центральная часть вихря превратилась в воронку, но не искривленную, как у обычного торнадо, а геометрически правильную. Окруженный гигантскими молниями, огромный конус устремился к земле; желтоватый оттенок по мере приближения вершины к скалам сменился разноцветным хороводом красных, оранжевых и лиловых полос, не смешивающихся друг с другом. Теперь я хорошо понимал, почему невежественные аборигены приписывают смерчу сверхъестественную силу.

Бешено вращающийся пестрый столб приобрел цилиндрическую форму и двинулся вперед.

Остальные, разбуженные гулкими раскатами, тоже столпились вокруг меня. Жуткое зрелище, словно магнитом, притягивало взоры. Только Корил остался невозмутим.

— Полагаю, пора начинать, — спокойно произнес он.

Некоторые с удивлением посмотрели на него.

— Но ведь пяти еще нет, — произнес кто-то.

— Челнок не пойдет на посадку, когда поблизости бушует смерч, — объяснил он. — На это время все автоматические системы Замка обесточены, а следовательно, датчики не работают, так же как и лазеры в длинных туннелях. Все это чрезвычайно облегчает нашу задачу. Этот ураган — поистине дар судьбы, знак свыше! Вперед!

Колоссальный смерч оказывал почти гипнотическое воздействие, от него оторваться было непросто, но Корил, разумеется, был абсолютно прав. Мы схва-

тили рюкзаки и поспешили к рошце, откуда до входа в пещеру оставалось еще метров шестьдесят открытой местности.

— Стража уходит, — произнес Корил, жадно всматриваясь вдаль. — Превосходно! Если мы незамеченными минуем внутренний пост, то погони можно не опасаться.

Рокочущий грохот смерча раздавался уже совсем близко, а ветер буквально сбивал нас с ног.

— Может, бросим к чертям эти лазерные пистолеты? — с беспокойством спросил Кимил.

— Нет, — ответил наш предводитель. — Я бы все же рискнул. Судя по всему, нам везет и у нас будет преимущество.

Заклятие входа в пещеру и впрямь было великолепным: составлено аккуратно и практически не обнаружимо. Мало кто знал, что у Замка имеются скрытые входы, а в первую очередь выходы, хотя нетрудно догадаться, что ни одна крепость не строится без ходов, позволяющих скрытно покинуть ее в случае опасности. Перед нами был один из четырех таких выходов, не самый близкий к цели, но зато самый прямой. А ближний выход вел в складские помещения: он использовался гораздо чаще остальных и усиленно охранялся.

Хотя выбранный нами туннель нетрудно было обнаружить, охрана не беспокоилась — даже проникнув внутрь, попасть в Замок по вечно меняющемуся лабиринту невозможно.

С помощью своих волшебников Корил играючи снял заклятие, и я поразился легкости, с которой он это проделал. Хотя по рангу я уже приближался к ним, до такой виртуозности мне было далеко.

Два высоких дерева скукожились у нас на глазах, обнажив массивную металлическую дверь. Этот металл, завезенный с Медузы, был совершенно нейтрален к ВА. Дверь и замок были нам неподвластны в отличие от каменной скалы, и я с завистью смотрел, как согласованно

чародеи направили поток энергии на скалу, и она тут же откликнулась, словно живое существо. Камень стал сжиматься, и между косяком и скалой образовалась щель шириной с ладонь. Удовлетворенно кивнув, Корил подошел к ней и сунул туда руку по плечо. Тотчас дверь тяжело откатилась вместе с кусками камня, куда были вмонтированы крепежные конструкции и всевозможные датчики системы сигнализации. Спустя несколько мгновений мы уже были внутри, а Корил с помощниками восстановили заклятие: все следы нашего вторжения исчезли. Теперь обнаружить недавнее присутствие чужаков мог только волшебник, равный по силе Корилу.

В туннеле царил кромешная тьма. Ку быстро вскарабкался по стене и перебрался на потолок. Весь путь ему предстоит проделать таким образом, страхуя нас от всяких неожиданностей. Что же касается остальных, то мы очень хорошо видели ВА соседей — особенно выделялась двойная ВА Киры—Залы — и ориентировались на них. Точно так же ВА скалы, где проходил туннель, позволяла видеть его стенки. Такое зрелище, честно говоря, не вдохновляло. Не ровен час, нас заметит и противник.

Ку медленно двинулся вперед, а следом за ним, стараясь соблюдать тишину, потянулись остальные. Возглавлял группу Корил, а замыкала шествие Дарва, заодно приглядывавшая за Залой—Кирой. Теперь я понял замысел Корила. Дарва была связана со мной и в случае чего могла мгновенно послать оговоренный заранее кодированный сигнал. Пожалуй, Корил прекрасно знал, что делал, когда брал в отряд нас обоих.

Мы свернули за угол и тут же застыли как вкопанные: из-за двери в боковой стенке пробивался слабый мерцающий свет. Ку подкрался к двери и заглянул в нее сверху, а затем так же бесшумно возвратился.

— Два солдата, — прошептал он на ухо Корилу, но даже я без труда расслышал его слова. — Пулемет с разрывными пулями. Электричество отключено.

Корил удовлетворенно кивнул и, когда Ку занял свое место, шагнул вперед и властно простер руки. Зрелище получилось необыкновенно величественное. Вскоре он поманил нас пальцем, приказывая двигаться дальше. В гробовом молчании мы прошли мимо Корила и вновь выстроились за Ку. За полуоткрытой дверцей двое мужчин в форме наблюдали за каким-то устройством. На нас никто не смотрел.

Когда Дарва миновала опасное место, Корил, не опуская рук, осторожно двинулся за нами и занял свое место в голове колонны. Только после этого он облегченно вздохнул и приказал Ку продолжать путь. За следующим поворотом мы вновь оказались в крошечной мгле. Никто ни о чем не спрашивал. Ясно, что Корил поддерживал иллюзию мира и спокойствия, пока мы проходили мимо поста.

Метров через сорок—пятьдесят мы оказались в огромной круглой полости — развилке туннелей. Однако мы не могли сделать и шага — окружающая ВА излучала сплошное сияние, словно мы попали в каменный мешок. Это была первая волшебная ловушка.

Я, конечно, понимал, что отсутствие выхода только иллюзия, однако без ключа разобраться что к чему, было невозможно. Из пяти туннелей, которые соединялись с камерой, в Замок вел только один. Тот, по которому мы пришли, можно было не считать. Оставшиеся три напрямик вели в особые, тщательно сработанные западни.

Корил внимательно огляделся, дал нам знак отступить и вновь, подняв руки, трижды медленно повернулся вокруг своей оси.

— Кто-то неплохо поработал, — тихо сказал он. — Метрах в десяти отсюда есть еще один перекресток. Ну что же, отлично — идите за мной, но ни в коем случае не обгоняйте. Ку, держись рядом.

Затем, задумавшись на мгновение, он выставил указательный палец, и ВА в этом направлении стала без-

звучно растворяться, обнажая неширокий проход. Сначала туда осторожно вошел Корил, следом за ним — Ку, а потом и все остальные. Маскировочный занавес из ВА сомкнулся вновь.

Мы опять перестроились и двинулись вперед, но через несколько метров Корил предостерегающе поднял руку.

— Черт возьми, — пробормотал он, — они делают успехи. — Он жестом указал на пол. ВА была повсюду: на стенах, на полу, на сводах — везде, кроме одного участка, — там, куда указывал Корил. Темное пятно означало только одно — присутствие непроницаемого для местной ВА металла с Медузы. Ку понял все с полуслова: в мгновение ока он завис над препятствием и приступил к работе. Сверкнула миниатюрная лазерная дрель, и несколько минут спустя в потолке при помощи быстротвердеющего цемента было укреплено кольцо, и наступила наша с Дарвой очередь — самых сильных физически. Порывшись в рюкзаках, Дарва достала толстый канат из местных лиан, способный выдерживать полтонны.

— Что бы мы делали без Ку? — шепнул я стоявшей рядом Киндель.

— То же самое, — разъяснила она. — Превратили бы кого-нибудь другого в нечто подобное.

Пораженный собственной недогадливостью, я замолчал и стал наблюдать за работой. Все выглядело просто: взяться за канат, раскачаться и перелететь через оснащенную датчиками плиту на противоположную сторону. На практике все оказалось гораздо сложнее. Дело в том, что высота туннеля составляла от силы метра три, а плита была больше четырех метров в ширину. Так как плиты не должен был коснуться даже кончик каната, требовалось набрать хорошую скорость да еще немного подпрыгнуть.

Каждый с опаской брался за веревку, но мы ведь были профессионалами! В момент приземления меня

пронзила мысль — если Кира действительно собирается предать нас, лучше случая не найти. Но она благополучно преодолела препятствие и приземлилась рядом со мной.

Мы подождали, пока Ку заметет следы; вскоре он вернулся с канатом и кольцом, и мы пошли дальше.

Новые ловушки, хитроумные и не очень, поджидали нас на каждом шагу. Некоторые нуждались в электроэнергии и сейчас не работали, но старые, как мир, механические капканы преобладали. В каждом была своя изюминка, но у нас всегда находился достойный ответ, так что мы хоть и медленно, но верно двигались вперед.

Хуже всего были ложные перекрестки, но всякий раз нас выручали опыт и интуиция Корила, а также его удивительная способность к магической локации. Только почти у самого Замка мы впервые столкнулись с серьезными трудностями.

Это был очень оживленный перекресток. Оттуда постоянно доносились какие-то звуки; казалось, кто-то таскает взад и вперед по туннелю что-то тяжелое. Интервал между звуками был не больше минуты, так что проскочить незамеченными мы не могли.

Корил погрузился в раздумья, и тут, как назло, включили электричество. Туннели озарились тусклым светом! После темноты он слепил глаза. На противоположном конце туннеля четыре человека в красном толкали большую желтую тачку. Мы моментально скрылись в боковом ответвлении. Рабочие прошли мимо.

— Ну что же, благодаря смерчу мы проникли гораздо дальше, чем я предполагал, — отметил Корил. Но настоящая работа только начинается. До нижнего входа в Замок осталось меньше пятидесяти метров. Эти туннели ведут в сокровищницы, склады металлоизделий и прочее. И только один из них — в Замок. — Невдалеке заработал мощный механический двигатель, и Корил умолк. — Простые ловушки кончились, — продолжал волшебник, когда рев утих. — Я понимаю, что вы устали, но тем не менее надо

двигаться дальше. Поверьте, как только мы начнем атаку, вы обретете второе дыхание. Однако теперь нас могут обнаружить в любой момент. Нам нельзя здесь оставаться. Я считаю...

В этот момент небольшой трактор с прицепом, громко урча, выехал на перекресток и развернулся в нашу сторону. В мгновение ока лазерные пистолеты оказались у нас в руках.

— Не промахнитесь! — только успел вымолвить Корил.

Трактор выехал из-за поворота. В кабине сидели двое в ярко-красных комбинезонах. В следующие мгновения оба были мертвы. Ку свалился с потолка прямо в кабину, выбросил трупы и заглушил мотор.

— Быстро! — приказал Корил. — Парк. Дарва. Кэйг. Освободить прицеп!

Груз оказался очень тяжелым, но мы вышвырнули его за две минуты. Сзади по-прежнему раздавались таинственные звуки, но мы старались не обращать на них внимания — нас скрывал изгиб туннеля.

Корил не стал тратить времени на волшебство. Поставив пистолет на широкий луч, он методично превратил и груз, и трупы в мелкую белую пыль, надеясь, что звук работающего пистолета потонет в шуме оживленного транспортного узла. Не мешкая ни секунды, мы запрыгнули в прицеп. Ку поколдовал над коробкой передач, включил задний ход и, выбравшись на перекресток, въехал в туннель, ведущий к Замку. Что вез трактор, мы так и не узнали.

Ку лихо вел машину и, только когда мы проезжали мимо пешеходов и рабочих, слегка заволновался. К моему немалому удивлению, все уступали дорогу, даже не взглянув на нас. Вскоре навстречу попался точно такой же трактор. Ку помахал рукой, водитель ответил тем же, и мы проехали в нескольких сантиметрах друг от друга.

— Идиоты! — засмеялся Корил. — Они приняли нас за солдат. Тем лучше. Оружие наготове! Это судьба, упустить такой шанс просто грешно!

В этот момент мы въехали на нижний уровень Замка — огромную открытую площадку, сводчатый потолок которой поддерживали каменные колонны. Здесь суеились сотни рабочих, а также несколько тракторов и прочая техника.

Наш трактор въехал в промежуток между двумя нарисованными на полу линиями и остановился. Преисполненный уверенности, Корил таинственно подмигнул нам:

— А теперь я покажу вам, как опасна бюрократия. — Он спрыгнул на землю и быстрым шагом направился к группе солдат в черной с золотым шитьем униформе. Его невозможно было отличить от высокопоставленного офицера, а ВА выдавала в нем человека недожизненной силы.

Бывший властитель Ромба заговорил с солдатами, и те закивали в ответ. Корил небрежно отсалютовал и вернулся к нам, с трудом сдерживая улыбку.

— Отлично! Нам не придется идти пешком. Вперед, к лифту номер 4.

Удивленные, мы двинулись к проему огромного лифта. Вспомнив слова Корила, что они приводятся в действие системой противовесов, я невольно поежился.

В нашей дурацкой зеленой униформе мы чувствовали себя весьма неуютно. Ничего не понимая, я повернулся к Корилу:

— Послушайте, как вам это удалось?

Он широко улыбнулся и опять подмигнул мне:

— Я сказал начальнику транспортной службы, что мы — патруль внешней охраны, и спросил, как нам проще добраться до базы.

— И он объяснил вам???

— Конечно.

Я только сокрушенно покачал головой, но тут лифт наконец медленно спустился к нам и замер. Внутри

обнаружилась уйма ручных тележек, в основном порожних, и куча солдат Службы безопасности и рабочих в красном. Все напряженно смотрели под ноги, на нас никто не обращал ни малейшего внимания. Мои нервы были на пределе. Ситуация открывала широчайшие возможности для импровизации, но я хорошо понимал, что самая главная опасность для нас — потеря самообладания.

Пассижиры освободили лифт, и мы вошли, с трудом преодолевая оцепенение. К нам присоединились несколько военных с такими же тележками. Насколько я понял, они везли боеприпасы и какие-то коробки, похожие на контейнеры с лазерными пистолетами. Громко прозвенел гонг, и лифт очень медленно пошел вверх. На быстрые перемещения он явно не был рассчитан. Кнопки с номерами этажей отсутствовали, стало быть, лифт будет останавливаться на каждом.

И действительно. Но когда двери открывались, мы видели только узкие короткие тупики да охранников в униформе разных цветов. Каждый цвет обозначал соответствующий уровень, а наша ярко-зеленая одежда была тут ни к селу ни к городу.

От уровня к уровню бдительность охранников росла. На пятом этаже один из наших попутчиков вышел, и его тут же попросили показать кодовый значок. Остальные вояки ехали на седьмой этаж и тоже подверглись там тщательной проверке. Когда мы остались одни, я вопросительно поглядел на Корила.

Он спокойно кивнул и похлопал по кобуре пистолета. Дескать, в дальнейшем нам придется полагаться на грубую силу. Вот теперь наконец-то развернется преисподняя. После девятого уровня Корил обернулся к нам.

— Стрелять сразу же, и как можно точнее! — шепотом приказал он.

Уровень 10 был самым последним. У выхода дежурили вооруженные до зубов восемь солдат. Даже если

они и не ждут нас, то все равно откроют огонь при малейшем подозрении.

— Стойте! Не стреляйте! — громко закричал я, едва увидев охранников. Пораженные, они невольно замешкались, подарив нам пару бесценных мгновений. Едва наши плечи поравнялись с уровнем пола, мы открыли ураганный огонь из всех стволов. У них не было никаких шансов уцелеть.

— Быстро вперед! — приказал Кори́л. — Пока не подняли тревогу!

Впрочем, понуканий не требовалось; самый последний из нас выпрыгнул задолго до того, как пол платформы сравнялся с полом этажа, — и вовремя: слышав стрельбу, механики сняли блокировку, и платформа с ужасным грохотом полетела вниз.

Кэйг посмотрел на зияющую дыру, из которой только что выбрался.

— Насилу успел, — пробормотал он.

Мы вопросительно уставились на Кори́ла. Наш предводитель скептически огляделся.

— На этом этаже самая сильная охрана, — наконец сказал он. — Я думаю, человек пятьдесят—шестьдесят — и то, если остальные действительно подавляют мятеж. Правда, побоище начнется уже на главной лестнице. Парк, Дарва и Кира — в середину колонны! Не стрелять ни при каких обстоятельствах! Блеф, бравада или огнестрельное оружие нам уже не помогут.

Однако мы с Дарвой не спешили убрать пистолеты. Как ни крути, это все-таки лучше, чем ничего. Я никогда не сомневался в успехе операции. Гораздо больше меня беспокоило другое — члены отряда образовали круг, в центре которого оказались мы трое. Соседи могли быстро заменить любого павшего бойца, не нарушая боевого порядка. Но все они, за исключением волшебников первого ранга, были законченными индивидуалистами и вряд ли собирались рисковать собой ради моей персоны.

Чтобы связать воедино ВА столь мощных волшебников, требовалась чудовищная концентрация воли. Мы переминались в центре, нервно поглядывая вокруг. Я видел, что мои соратники обеспокоены отсутствием видимого противника, но для меня все было ясно. Коридор был длиной не более двадцати метров и заканчивался развилкой. Нам предстояло свернуть налево, чтобы добраться до цели, и охрана это знала. Транспорта мы лишены; на нижних этажах полно солдат, и, стало быть, отступать некуда. Остаться здесь тоже нельзя — лифт мог в любой момент поднять сюда целое войско. Защитники Замка поступали очень грамотно — хочешь не хочешь, нам придется на что-то решиться, и гораздо выгоднее устроить засаду за углом, чем нападать в открытую.

— Теперь у нас одна ВА, — монотонно, нараспев произнес Кори́л. Остальные повторяли эту фразу, пока разрозненный хор не слился в густой мощный бас. Он внушал сверхъестественный трепет. Тулли Кокул, ранг которого не превышал 4 или 5, без труда отклонил лазерный залп, направленный прямо на него, а сейчас меня окружала невероятно сильная группа крупнейших волшебников Харона, — не считая, конечно, членов Синода. Только теперь, наблюдая за тщательной подготовкой отряда, я понял, насколько же велика их власть. Меня окружал новый, будущий Синод — если только мы прорвемся сквозь стену пуль и Бог знает через что еще на следующий этаж, где нас почти наверняка поджидает Синод нынешний.

Я физически ощущал чудовищную энергию созданного Кори́лом кольца; нас окружала плотная стена невероятно яркой ВА, пробить которую, казалось, невозможно ничем. Мы двинулись вперед.

Солдаты, разумеется, поджидали с обеих сторон, и поскольку мы свернули налево, с противоположной стороны нас могли мгновенно атаковать. Но они были достаточно хладнокровны и профессиональны. Нас пропустили метров на десять и лишь тогда открыли

огонь. Мы с Дарвой замерли, похолодев, но волшебное кольцо как ни в чем не бывало продолжало свой путь. Автоматические установки в концах коридора произвели залп невероятно древними, но огромной убойной силы ракетами. Вокруг расцвели яркие вспышки, а стены превратились в решето. Однако мы в целости и сохранности шли дальше.

Пройдя полпути, наш круг внезапно остановился. Волшебники, казалось, погрузились в транс; похоже, страх, витавший повсюду, их не коснулся — а ведь даже нам троим, прикрытым надежным щитом, требовалась недюжинная воля, чтобы идти вместе со всеми и не потерять голову.

Причина нашей остановки была проста и очевидна. Массивная стена ВА внезапно разъехалась в разные стороны. Она сияла невыносимо ярко — гораздо ярче, чем у самого сильного волшебника, даже у Корила — и вела себя, как живое существо, бешеное, словно Смерч, но совершенно невидимое для обычных людей.

Не могу подробнее описать физику происходящего, но с оружием наших противников стряслось примерно то же самое, что произошло бы с Дарвой и мной, захоти мы сразу избавиться от лишнего веса. В результате реакции мгновенно выделилось огромное количество энергии, и все оружие просто испарилось.

Стена ВА настигала солдат одного за другим. Гвардейцы выли от боли и бессилия. Наше оружие нисколько не пострадало. Под прикрытием волшебников мы вели прицельный огонь, и обе группы — спереди и сзади — значительно поредели. В такой ситуации лазерные пистолеты куда надежнее заклинаний, а на столь близком расстоянии даже Дарва стреляла без промаха и, похоже, с огромным удовольствием. Я искоса посмотрел на Киру: она с озабоченным видом жала на курок, а на губах ее играла легкая улыбка. Ну да черт с ней. От любой работы нужно получать удовольствие, а иначе какой от нее толк?

Наша кучка вновь двинулась вперед, но теперь очень осторожно. Мы с Дарвой по-прежнему находились в середине круга — не только потому, что впереди ждали новые автоматические пушки и ракетные установки; отчаявшись, охранники могли броситься врукопашную.

Но этого не произошло. Мы без помех добрались до лестницы, по которой нам предстояло подняться. Она оказалась узковатой для нашего волшебного круга и слишком крутой, что мешало следить за верхним этажом. Замок действительно был шедевром фортификации.

Я извлек из кармана четыре маленькие серебристые сферы; каждую из них оббивала узкая металлическая полоска. Повинуясь беззвучной команде, наш круг распался, и волшебники заняли оборонительную позицию. В холле уже кишмя кишели солдаты. Некоторые принялись оттаскивать обугленные тела, а какой-то гвардеец, спускавшийся нам навстречу, внезапно открыл огонь. Кира отреагировала мгновенно, и когда я обернулся, его дымящееся тело лежало у подножия лестницы.

Я бросился по ступенькам и, сорвав металлическую ленту с одного из шаров, метнул его наверх, а несколько мгновений спустя проделал то же самое со вторым. Первый взрыв оглушил меня прежде, чем я взялся за третий снаряд. Взрывная волна едва не сбила меня с ног. На всякий случай я метнул третью и четвертую, как только поднялся на ноги и только после этого оглянулся.

Невзирая на свой ранг, они все-таки были людьми, и стрелок застал их врасплох. Кэйг был уже мертв, а Крюгер зажимала рану на ноге, из которой хлестала кровь. Теперь нас осталось семеро против как минимум четырех выдающихся волшебников, членов Синода. Но что же делать?

Подождав, пока сработают все гранаты, мы, не мешкая, бросились наверх. Первой была Кира, а Крюгер нам пришлось бросить, оставив ей оружие. Я надеялся,

что она продержится, тем более вентиляция здесь из рук вон и, стало быть, газовой атаки можно не опасаться.

Мои подозрения насчет Киры не подтверждались: когда я оказался на следующем этаже, у ее ног уже лежала парочка трупов. Теоретически от Эолы Мэтьюз нас отделяли еще три этажа — если, конечно, она сейчас в Замке. Теперь мы избавились от сил безопасности; одиннадцатый этаж занимали рабочие кабинеты, жилые помещения и лаборатории членов Синода и высших чиновников.

По сути, он представлял собой отель, и все двери были плотно закрыты. Он был современно и комфортабельно оборудован, но разобраться в назначении различных комнат, да еще в спешке, было невозможно. Да этого и не требовалось.

— У Крюгера достаточно подготовки, чтобы быстро прийти в форму и остановить каждого, кто попытается нас преследовать, — сказал Корил, немного отдышавшись. — Да, сильно я постарел, — добавил он с сожалением и вздохнул. — Солдаты нам уже не страшны. Теперь мы без помех поднимемся наверх — естественно, уничтожая любого, кто встанет у нас на пути.

— Вы думаете, они прекратили попытки? — поинтересовался я.

Он тряхнул головой:

— Гвардейцы прекрасн о понимают, что, если ты сумел пройти весь тщательно охраняемый Замок, ты не простак. Нет, они уже не сунутся. Зато члены Синода встретят нас на тринадцатом этаже. Там и будет главная битва.

— У нас есть шанс? — спросил я.

— Кто знает, — неопределенно ответил Корил, — все зависит от того, сколько членов Синода сейчас в Замке и кто именно. Нам и так невероятно везет. Будем надеяться, что удача нам не изменит.

Мы готовились к штурму Замка напряженно и тщательно, но Корил был прав — нам чертовски повезло.

Кроме того, его прогноз насчет того, что мы не встретим противника вплоть до тринадцатого этажа, тоже блестяще подтвердился. Я слышал, как площадки за нами тут же заполняются солдатами, но поднимать пальбу в высших покоях им явно не хотелось. Войска и Служба безопасности уже проиграли сражение, и теперь в этом не сомневались даже их начальники. Мне показалось, что войска, особенно офицеры, в душе поддерживают нас. Если мы проиграем, множество голов полетит с плеч. По-видимому, поэтому они даже не пытались снова ввязаться в драку.

На последнем пролете перед тринадцатым этажом Корил ненадолго остановился:

— Ку, Кимил и Киндель остаются со мной. Вы знаете, что делать. Остальные держатся сзади. Оружие не применять — оно теперь бесполезно.

Мы хорошо его поняли. Наша часть работы выполнена. Теперь мы лишь декорация для Корила.

Корил глубоко вздохнул, повернулся и медленно стал подниматься по лестнице. Волшебники плечом к плечу двинулись за ним, а замыкали шествие мы с Дарвой и Кирой. Не знаю, что я ожидал увидеть, но только не роскошно обставленный и совершенно пустой зал, декорированный в мрачных багровых тонах.

Вычурные старинные кресла из темного местного дерева были задрапированы чем-то вроде шелка, а не менее причудливые столы были так отполированы, что вполне могли заменить зеркала. На полу лежал толстый ковер тоже багрового цвета; судя по ВА, точнее, по ее отсутствию, он был завезен с другой планеты. Позолоченная дорожка вела к небольшому возвышению в центре зала, а на нем высился огромный деревянный трон, обитый темно-бордовым и инкрустированный крупными драгоценными камнями. По бокам стояли две его уменьшенные копии, а за ними полукругом выстроились одиннадцать простых стульев. Фронтальную

10*

часть возвышения плотно обтягивал и свободно ниспадал на пол украшенный золотым шитьем багрянец.

Все за исключением Корила были потрясены, а я не сдержал возгласа удивления.

— Похоже на сказку из детства, — только и вымолвил я.

Корил огляделся, и глаза его полыхнули гневом.

— Такое ни одному королю и не снилось, — совершенно серьезно ответил он. — Это зал заседаний правительства Харона. В свое время я сидел на этом троне, — задумчиво добавил он; и в голосе его послышались мечтательные нотки. — Однако она здесь все переделала, и весьма безвкусно. При мне тут висели подлинники величайших мастеров, украденные из лучших музеев Земли. Живопись — моя слабость.

— Хватит обсуждать тряпки, — невежливо перебила Кира. — Где противник?

В этот момент я заметил легкое движение за тронном и увидел, как Кира сжала лазерный пистолет. Корил схватил ее за руку.

— Здесь эти игрушки бесполезны, — сказал он. — Только пожар устроишь.

Из-за трона выступили пять человеческих фигур в бордовых мантиях, расшитых золотом; на головах — алые капюшоны. Они выглядели величественно и таинственно. Корил улыбнулся уголками губ и еле заметным движением руки выстроил своих волшебников за собой. Они встали молча, крепко держась за руки. Незнакомцы подошли к краю подиума и тоже выстроились в линию, но не вплотную друг к другу. В одном из них я узнал Кормана. Трех других — женщин — я видел впервые.

— Вас только пятеро? — удовлетворенно заметил Корил. — Признаюсь, не ожидал.

— На тебя хватит, Корил, — ответил Корман. — Мы не тратили времени даром, как при твоём правлении.

С этими словами они беззвучно воспарили над сценой и замерли, сохраняя строй. Увиденное потрясло

меня до глубины души — это вам не трюк с микроорганизмами Вардена. Похоже, они действительно освоили левитацию.

— На фокусы перешел, Дитер? — усмехнувшись, сказал Корил. — При мне ты занимался вещами по-серьезнее.

— Это не фокус, — ответила одна из женщин. — Мы теперь совсем другие, Тулио. Отныне мы бессмертны, и тела наши столь же могучи, как и наша ВА. Мозг каждого из нас обрел кристальную ясность и стал неизмеримо могущественнее человеческого.

— Так вот чем она вас купила! — понимающе произнес Корил. — Корпусами новых биороботов, которые штампуют пришельцы. Вы служите ей только потому, что ЗАПРОГРАММИРОВАНЫ на это! Значит, вы — обычные автоматы.

— Нет, Тулио, мы не «автоматы», — возразил Корман. — Мы способны принимать самостоятельные решения и, в частности, в свое время решили сместить тебя, Корил. И никто из нас ни разу не пожалел об этом. Если захотим — мы уйдем отсюда. Насовсем. Наша ВА умрет, как и твоя, но при этом в отличие от тебя мы останемся живыми и даже более совершенными, чем обычные люди.

— Можно пощупать вашу новую шкурку? — поинтересовался Корил.

— Пожалуйста. Ни один сканер, ни один тест не скажет, что мы не люди. Будь нашим гостем, Тулио — и все остальные. У вас хватило сил, чтобы добраться сюда, но теперь с глупостями покончено.

Корил с болью посмотрел на бывшего товарища.

— Ты сошел с ума, — сказал он. Вокруг Корила и его помощников вспыхнула яркая ВА, которую он направил на парящих членов Синода.

— Ну что, убедился? — заметил после небольшой паузы Корман, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся. — Ты хороший маг, и честно служил

интересам Харона, а до того — интересам Братства. Неужели ты не видишь, что на твоих глазах происходит РЕВОЛЮЦИЯ? Неужели ты настолько постарел и закоснел, что не понимаешь — именно сейчас настало время претворить в жизнь твои идеалы? Именно теперь самые смелые мечты могут стать реальностью?

Их аргументы выглядели чрезвычайно убедительно и подавляли своей очевидностью. Я даже представить не мог, какие доводы на этот случай заготовил Корил. Мы с Дарвой потихоньку отошли подальше от спорищ, и внезапно меня осенило.

— Видишь вон ту нишу, левее тронного возвышения? — тихо прошептал я на ухо Дарве. — Спорим, от туда можно попасть. Ты-Знаешь-К-Кому.

— Пожалуй, — согласилась она. — И когда же ты отправишься?

— Умница. Подождем, как будут развиваться события. Ты же видишь, им сейчас не до нас. Мы не представляем для них никакой опасности.

— Я пойду с тобой, — тихо ответила Дарва, и мы опять вернулись к волшебникам.

— Ну так как, Тулио? — говорил Корман. — Ты только подумай — ты получишь его. И, разумеется, трое твоих помощников. Бессмертие, всесильное тело — ты сможешь покинуть эту тюрьму. Мы станем свободны и создадим новую, великую Империю.

— Звучит заманчиво, да? — улыбнулся Корил. — Кстати, а кем я буду, пока Империя не создана? Властителем или запрограммированным слугой?

— Сам понимаешь, — пожал плечами Корман, — твое место занято. Но ты возглавишь Синод. Вспомни, ты ведь никогда не хотел быть властителем, Корил.

Корил вздохнул:

— Что верно, то верно. Но вынужден отказаться от вашего предложения по двум причинам. Во-первых, я сомневаюсь, что друзья-пришельцы настроены по отношению к вам столь же дружелюбно, как вы к ним.

Хотя допускаю, что, став владельцем нового и совершенного тела, изменю свое мнение. Но поскольку вы не гарантируете, что моя личность останется прежней, я вряд ли пойду на это. А во-вторых — ты помнишь Джатика?

Корман непонимающе поглядел на него, но затем его осенило.

— Ах, да! Маленький проныра с Алмазных Скал. Насколько я помню, он погиб в пустыне.

— Его убили, когда он шел на встречу со мной, — кивнул Корил. — Однако он успел передать мне информацию. Он видел этих ваших друзей, пришельцев. Объясни мне, Дитер, почему такой человек, как Джатик, назвал их сущими дьяволами? Этот вопрос не дает мне покоя все последние годы.

— Дьявол? — засмеялся Корман. — Тебе ли, припешнику Сатаны и Пророку Разрушителя, спрашивать об этом? Да и что тот маленький псих мог знать о дьяволе? Конечно, они отличаются от нас — и очень сильно. Их можно назвать нелюдьми — в полном смысле этого слова. Но это еще не повод считать их дьяволами. О Боже! Бывший властитель Харона, Кавалер Сокровеннейшего Ордена Великого Братства говорит мне о ДЬЯВОЛЕ! — Он громко захохотал.

— СЕЙЧАС!!! — вскричал Корил, и ужасный раскатистый смех оборвался. Плотная стена ВА с невероятной скоростью налетела на Кормана; он попытался защититься, но не успел и на наших глазах вспыхнул таким ярким пламенем, что я на секунду оторопел.

Его соратники, не обращая внимания на чадающие останки Кормана, поспешно отпрянули, и теперь каждый из НАШИХ волшебников остался один на один со своим врагом.

Я осторожно двинулся к нише, а за мной Дарва. Как я и надеялся, это прошло незамеченным.

У самой ниши я оглянулся. Теперь в борьбу включилась уже не только ВА. Наши противники по-преж-

нему парили ровным строем, а Корил и его соратники выстроились четырехугольником, внутри которого творилось что-то непонятное. Воздух стал зыбким и загустел, оглушительный треск — и засверкали настоящие молнии, сначала редкие, а затем слившиеся в сплошное мерцающее сияние.

— О Господи! — осенило Дарву. — Они создают Смерч!

— Бежим! — в ужасе закричал я, и мы нырнули в нишу.

Внутри ничто не напоминало о пышном убранстве тронного зала. Темная и влажная ниша была заставлена различной мебелью; пахло плесенью. Перед нами открылся короткий коридор, который заканчивался лифтом. Очевидно, это был служебный выход. Нужно было искать другой путь, но только не назад, где с нарастающей силой бушевал Смерч. В конце коридора оказалась малоприметная дверца, которая выходила на лестницу. Мы на мгновение заколебались. Внезапно Дарва повернулась ко мне:

— А куда, черт возьми, подевалась Зала?

— Понятия не имею; — ответил я. — Не до нее сейчас, пошли. — И я осторожно ступил на лестницу, крепко сжимая лазерный пистолет.

Поднявшись по ступенькам, я остановился, поджидая Дарву. Что таилось за следующей дверью — одному Богу известно, но в одном я был уверен: Ятека Мораха там нет.

ГЛАВА 16

ВСЕ УГЛЫ И ЗАКОУЛКИ

Я не успел вмешаться, и Дарва выстрелила, однако Морах лишь слегка отклонился, поглотив энергию выстрела. Он был в той же форме, в которой я запомнил его, — черный облегающий комбинезон гвардейца и плащ с красной подкладкой из того же материала. Его пылающий взгляд впился в меня, как кинжал.

— Спрячьте это, — властно произнес он, указав на пистолеты. — Здесь они вам не помогут.

Я вздохнул и сунул пистолет в кобуру

Дарва, поколебавшись, сделала то же самое. Быстро окинув взором Мораха, я тут же оценил ситуацию и мгновенно принял решение.

— Вам известен пароль «Дакквест»? — прямо спросил я.

Дарва уставилась на меня круглыми глазами, но Морах только усмехнулся.

— Сначала расскажите, откуда вы знаете это слово, — потребовал он.

— Меня зовут Парк Лакош. Год назад меня завербовал Корман.

— Что, интересно, вы можете сказать нового? — рассмеялся он. — Я уже знаю, кто такая Зала Эмбуэй и где расположена секретная база Корила.

— Допускаю, но это уже не моя проблема, — небрежно бросил я. — Мне поручили работу, я ее выполнил и при первой возможности доложил об этом.

Мое спокойствие явно произвело на Мораха впечатление.

— Возможно, вы правы, — сказал он после некоторой паузы.

— У меня не было никаких шансов выбраться живым из Бурже, но все-таки мне это удалось. Я преднамеренно дал обнаружить и схватить себя, а затем превратить в оборотня.

Видимо, эта информация уже устарела, но мне было плевать. Она мне досталась слишком дорогой ценой.

— Что ты городишь, черт побери? — вскричала Дарва.

— Подожди, крошка. Я убежденный прагматик и все тебе объясню — потом. А сейчас скажу лишь, что мы с Мораксом отнюдь не противники, как могло показаться на первый взгляд.

Дарва с откровенной неприязнью взглянула на Мораха.

— Ваша Зала для вас даже пальцем не шевельнула, — сказала она.

Морак коротко кивнул, и я с облегчением понял, что Дарва решила подыграть мне.

— Действительно, я разочарован, — признался шеф Службы безопасности. — А что, она с вами?

— Где-то здесь, но точно не знаю, — ответил я. — Во время фейерверка мы потеряли друг друга из виду.

— Понятно, — нервно и озабоченно сказал он. — И сколько вас?

— Внизу Корил с тремя помощниками, — доверительно сообщил я. — Все они чрезвычайно сильны. И, конечно, Зала, если ее до сих пор не прикончили.

Морак был не на шутку озадачен, и это зрелище доставило мне массу удовольствия. Его внешность, манеры, даже дьявольский взгляд говорили о бесконечной самоуверенности и глубоком презрении к окружающим, и я весьма обрадовался, что сподобился лицезреть его растерянность.

— Почему вы не поможете вашим друзьям? — спросила Дарва.

— Мне это ни к чему, — коротко объяснил Морах. — Я не член Синода.

— КАК? Но ведь Корил говорил, — начал было я, но он резко оборвал меня.

— Я уже имел честь сообщить вам, что являюсь руководителем Службы безопасности. И не намерен объяснять, чьей именно.

— О Господи! — поняла наконец Дарва. — Он работает непосредственно на них!

Внезапно Морах настороженно повернул голову.

— Похоже, битва закончилась, — сообщил он после недолгого молчания. — Сейчас сюда пожелуют гости. Я предлагаю подняться наверх и посидеть там тихо. **ОЧЕНЬ ТИХО.**

— Кто победил? — спросил я.

— Если бы победил Синод, я не звал бы вас с собой, неужели непонятно?

Ну что ж, и на том спасибо. Мы покорно пошли за Морахом. Дарва по-прежнему не знала, чью сторону принять. Меня же больше интересовали личные цели Мораха и мотивы его действий. Как представитель пришельцев на Хароне он заинтересован в том, чтобы Мэтьюз осталась у власти, но теперь в игру вступил Корил...

Времени на расспросы не оставалось — дверь за нами захлопнулась как раз в тот момент, когда на лестнице послышались тихие шаги. По ним я догадался, что человек один и очень устал, и я знал, кто это.

— Теперь он обязательно схватит ее! — повернулся я к Мораху.

— Да. А может, нет. Тихо!

На лестнице послышались другие шаги. Легче и осторожнее предыдущих. Мы замерли как изваяния, затем Морах облегченно вздохнул и поманил нас в комнату. На противоположной стене висел превос-

ходный пейзаж незнакомой мне планеты. Морах нажал потайную кнопку, и картина беззвучно скользнула вниз, открывая широкое окно, прозрачное только с одной стороны.

Мы увидели огромную комнату, обставленную с небывалой даже для Замка роскошью. Повсюду висели картины и стояли скульптуры, среди которых я узнал множество давно исчезнувших шедевров. Все, конечно, подлинники.

На диване сидела Эола Мэтьюз, с подчеркнутой небрежностью одетая в свободные полупрозрачные брюки, сандалии и багровую блузку без рукавов. Не узнать ее было невозможно — она осталась такой же прекрасной, как на всех известных мне портретах. Строго говоря, она не сидела, а полулежала, закинув ногу на ногу и неторопливо покуривая тонкую сигарету в длинном мундштуке. Ничто не омрачало ее дивного лица.

— Надеюсь, оно звуконепроницаемо? — тихо поинтересовался я у Мораха, указывая на стекло.

— Абсолютно, — кивнул он. — Но мы услышим все, что там происходит.

— Она выглядит неприлично юной для своих лет, — отметил я. — Робот?

— Нет, заклятие. Не думаю, что уже пришло время для роботов-властителей.

— Что же вы всех роботами не сделаете? — едко заметила Дарва. — Тогда и в вас нужда отпадет.

— Вы превратно понимаете наши мотивы, — сказал Морах, пропустив сарказм мимо ушей. — Роботы — это оружие и в некотором смысле взятка. Их возможности тоже ограничены. В определенном качестве они чрезвычайно ценны, однако это гибель для людей и цивилизации, так как новые достоинства не даются даром, а вырастают из старых. Когда-нибудь вы поймете. А теперь — смотрите.

— Вы знаете, что будет дальше? — недоверчиво спросила Дарва. Морах отрицательно покачал головой.

— Не имею ни малейшего представления. Хотя мы наверняка увидим нечто интересное. Как вы догадались, этот бокс свободен от ВА. Предметы в нем не имеют собственной ВА, и благодаря химическому составу воздуха каждый, кто попадает сюда, временно теряет свое чувство ВА, если он обладал им ранее. Технология этого явления крайне сложна; надеюсь, вы понимаете, благодаря кому мы получили ее.

— Так вот почему о ней никто не знает, — сообразил я.

— Да. К тому же она невероятно сложна и кое-где просто не срабатывает. А теперь — тихо.

Эола Мэтьюз грациозно наклонилась, стряхнула пепел на богатый поднос с курительными принадлежностями, а затем повернулась направо — к двери. Вошел человек, которого даже я узнал с большим трудом.

Обугленная одежда, черное лицо — как будто он долгие месяцы провел под палящим солнцем. Поистине ужасающее зрелище. Пошатываясь, он остановился и посмотрел на королеву.

Эола Мэтьюз в удивлении приподняла брови:

— О Господи! Тулли! Бедный мальчик! Что они с тобой сделали?

— Какое это имеет значение? — слабо ответил он.

— Дорогой! Заходи! Садись, отдохни. Выпьешь чего-нибудь?

Мы были потрясены этой сценой, но Корил лишь сухо усмехнулся:

— У тебя есть вино? Только хорошее? И белое.

Эола подошла к небольшому бару и, на секунду задумавшись, налила большой стакан. Корил сделал несколько жадных глотков и поставил стакан на столик.

Эола Мэтьюз поудобнее устроилась на кушетке и пристально посмотрела на Корила. Она явно не испытывала никаких эмоций от неожиданного визита своего предшественника. Либо мы что-то недопонимали в их отношениях, либо что-то упустил Корил. Я вспомнил,

что силы Мораха и Корила равны, так что предстоит битва не на жизнь, а на смерть.

Эола Мэтьюз всем своим видом излучала заботу и участливое внимание.

— Ты же весь обгорел... Сильно болит, да?

— Да нет, — рассеянно сказал Корил, — не очень. Просто кожа сильно стянута. Я, наверное, контужен.

Она удовлетворенно кивнула:

— Знаешь, я любила тебя все эти годы, но никогда так сильно, как сейчас. Тебе удалось невозможное, Тулли. На такое способен только ты.

— Ты ведь не сомневалась, что я вернусь.

— Да, — кивнула Эола. — Слушай, как же тебе удалось победить Синод? Ты не поверишь — они могут разрывать стальные рельсы, летать. Я бы сама не поверила... И кроме того, у них сохранилась вся их мощь!

— Это уже их проблемы, — сказал Корил, наливая себе еще вина. — Тот, кто не умеет владеть собой, не заслуживает быть членом Синода. ВА есть в каждом человеке. А ВА есть ВА.

— Но ведь они непроницаемы для нее!

— Знаешь, из чего мы состоим, Эола? — усмехнулся Корил. — Из химических элементов. Если ты материальна, значит, сделана из ЧЕГО-ТО. Ты просто очень сложная смесь этих элементов. Достаточно знать, как именно соединить атомы друг с другом и где именно в молекуле разместить ВА, чтобы получить плоть, неотличимую от настоящей. Однажды мне посчастливилось стать обладателем образца такого вещества и сделать его анализ. И что я обнаружил? Достаточно изменить положение одного лишь атома в такой субстанции, чтобы вызвать самопроизвольное превращение ее в другую, которая моментально плавится и загорается. Сама по суди: разве не прекрасно, что даже волшебство зиждется на научных законах?

Эола восхищенно засмеялась:

— Здорово! Ты наверняка устроил в тронном зале полнейший разгром.

— Ему потребуется генеральная уборка, — согласился он. — А уж картины точно придется убрать.

Дарва непонимающе помотала головой:

— Они воркуют, как два голубка! Разве он пришел сюда не убить ее?

— Возможно, — ответил Морах. — Но ведь они прожили вместе двадцать семь лет!

Эта информация одинаково потрясла нас с Дарвой.

— ...двое остались там, — продолжал тем временем Корил. — Они очень плохи. Я попросил их пока не подниматься сюда.

Мэтьюз это вполне удовлетворило.

— Скажи мне Тулли, почему ты появился именно сейчас? Я уж думала, ты застрял в пустыне навечно. Ты что, не мог оторваться от игрушек, которые мы позволили туда завезти?

— ПОЗВОЛИЛИ?

Эола Мэтьюз мило улыбнулась:

— Эх Тулли, Тулли! Кто знает тебя лучше, чем я? Неужели ты всерьез считаешь, что обвел нас вокруг пальца? Просто твои любимые развлечения на Гамуше обходились нам гораздо дешевле, чем война. Еще несколько месяцев — и твое возвращение стало бы чисто теоретическим. Одна маленькая заварушка — и все было бы кончено.

Корил был сражен наповал. Теперь я не сомневался, что Думонис был одним из заговорщиков, но Корил ни словом не обмолвился о нем.

— Ты в одной связке с дьяволом, Эола. СО ЗЛОМ.

— Со злом? — засмеялась Мэтьюз. — Корил, ради Бога, что это значит?

Тяжело вздохнув, Корил повторил поразившие его в самое сердце слова бедного Джатика.

Эола Мэтьюз ничем не выдала своих чувств.

— Это самая невероятная чушь, которую только я слышала! — заявила она, когда Корил замолчал. — Разумеется, их вид непривычен, но из-за этого считать их воплощением зла?! Да и что такое зло, как не чье-то субъективное мнение? Ты всегда любил абсолютизировать относительные понятия. Но не покажутся ли кому-то твои идеалы таким же злом? Скажи, Тулли, ты можешь *чувствовать* зло? Лично я — нет.

Но Корил не ответил. Недопитый стакан выскользнул у него из рук и упал на пол, разлетевшись на мельчайшие осколки.

— Тулли? — ласково позвала Эола. Не получив ответа, она подошла к нему, наклонилась и внимательно посмотрела в его уже остекленевшие глаза. Удовлетворенно вздохнув, кивнула каким-то своим мыслям и оглядела пустую комнату.

— Морах! — громко выкрикнула она холодным и повелительным тоном. — Я же знаю, что ты шпионишь за мной! Убери эту старую требуху из моих покоев! И распорядись очистить все внизу.

— Она **ОТРАВИЛА** его! — воскликнула Дарва. — Да как же он мог?! Столько преодолеть и позволить убить себя, когда уже победил!

— Нет, — объяснил я. — Он не победил. Он капитулировал. Он просто не мог сделать этого раньше — и Эола это прекрасно понимала. Она действительно хорошо изучила его.

Дарва печально покачала головой:

— Как все просто... Такой всемогущий человек...

— Все дело в характере людей, отстаивающих объективные ценности, — таинственно добавил Морах. — Подождите. Игра еще не закончена.

Эола Мэтьюз поднялась и начала нервно ходить по комнате:

— Морах! Кто-нибудь!!! Сюда! Срочно организуйте расследование и накажите виновных! Всех, кто изменил своему долгу! Черт побери, есть здесь хоть кто-нибудь?

— Есть, — внезапно раздался ледяной женский голос.

Эола Мэтьюз резко обернулась и удивленно уставилась на неожиданную посетительницу.

— Кто ты такая, черт побери? — сквозь зубы процедила она.

— НОВАЯ КОРОЛЕВА ХАРОНА, — объяснила Кира—Зала и трижды выстрелила. Властительница Харона грузно повалилась на пол. На ее лице застыло растерянное выражение.

— А ведь она считала, что вы защищаете именно ее, — сказал я Мораху.

— Да, — согласно кивнул он, — она никогда не понимала, на кого именно я работаю.

Мы с Дарвой внимательно наблюдали за женщиной, которая подошла сначала к трупу Корила, затем — Эолы Мэтьюз и тщательно проверила их.

Ятек Морах вздохнул и отвернулся от окна.

— Что же теперь будет? — спросил я.

Он улыбнулся.

— А вот это уже зависит от вас, — сказал он. — Уцелевшие волшебники Корила — и в самом деле перво-классные, — войдут в Синод.

Дарва обернулась и указала сквозь стекло вниз:

— Но ведь у нее нет опыта, чтобы управлять Хароном! Зала — бездарная дуреха, а Кира — просто автомат для убийств!

— Я знаю, — равнодушно ответил Морах. — Подумайте над этим, Лакош. Вы — агент-убийца, направленный к нам Конфедерацией. Да не пытайтесь возражать — я вас сразу вычислил. На этой догадке основывался спектакль, который я устроил в Бурже. — Он небрежно махнул рукой в сторону бывших покоев Эолы Мэтьюз. — Этот тип устарел, и теперь я собираю оставшиеся экземпляры на Ромб. Он хорошо послужил нам, но должен быть заменен совершенно другим — роботами. Они лучше, надежнее и их гораздо труднее уничтожить.

— Корил считал, что вы жаждете стать Верховным Властителем Ромба, — сказал я.

— Такая мысль приходила мне в голову, когда я узнал о проекте «Таканна», — подтвердил Морах, — однако теперь это меня интересует все меньше и меньше. Перспективы слишком ничтожные. Я бы сказал, мелкие.

— А что будет с Залой?

Морах неопределенно пожал плечами:

— Это зависит от нее. Кира действительно великолепно знает свое дело, но больше ни на что не способна. А Зала... Зала во всем полагается на нее. Чтобы привести в порядок государственные дела, ей потребуется куча помощников. А вы, не будем забывать, — убийца. И она — убийца. Чертовски любопытно, кто же из вас окажется лучше.

— Итак, вы поручаете мне убрать нового властителя Харона, — произнес я, ощутив благоговейный трепет от внезапно раскрывшихся передо мной перспектив. — Помнишь, о чем мы мечтали? — сказал я, повернувшись к Дарве. — Осчастливить, предоставив целый континент оборотням?

Она странно поглядела на меня:

— Ты в самом деле этого хочешь? Но ведь отныне ты будешь служить только ЕГО целям.

— Надеюсь, моя должность не окажется временной? — повернулся я к Мораху.

— Как вы понимаете, Зола была просто океаном энергии. И даже провозгласила себя Верховной Богиней новой, единственно верной религии. Но ей не хватило здравого смысла, чтобы заняться в первую очередь своим основным делом — управлением Харона. Что же касается наших мотивов... Нет, пожалуй, вам придется подождать. Из полученных с Лилит донесений я знаю, что в мозг каждого агента-убийцы вживлен миниатюрный биопередатчик. Вам придется избавиться от него, и тогда, возможно, вы услышите

продолжение моего рассказа. И сделаете свой выбор. А теперь я должен засвидетельствовать почтение новой Королеве. — С этими словами Морах повернулся и быстро вышел из комнаты.

Некоторое время мы с Дарвой молча смотрели друг на друга.

— Ну так что? — поинтересовалась наконец Дарва. — Что ты решил?

Я рассмеялся и поцеловал ее, а затем посмотрел в окно. Там уже не Кира, а Зала радостно танцевала между двумя трупами. Я тупо уставился на нее, а потом решительно вздохнул и повернулся к Дарве:

— Ты знаешь, у меня на этот счет есть две идеи...

ЭПИЛОГ

Человек медленно пришел в себя. Сняв с головы обруч с датчиками, он отшвырнул его прочь, но остался в кресле, видимо, не совсем понимая, где он и что с ним.

— С вами все в порядке? — с неподдельным участием спросил компьютер.

— Хм-м-м... С каждым разом дела все хуже и хуже. Подумать только — я стал союзником врага!

— Стечение обстоятельств, целый год в чуждой обстановке, постоянная опасность — этого следовало ожидать. Ведь они не вы. Это другие люди.

Человек невесело усмехнулся:

— Может быть... В общем, ты все видел и слышал?

— Разумеется. Вы собираетесь снабдить отчет руководством конкретными рекомендациями?

Человек вскинулся в неподдельном изумлении:

— Нет, ни в коем случае! Многие детали по-прежнему неясны, и я пока не готов сделать окончательные выводы и предложить план действий.

— Время — самый существенный фактор успеха, — тактично напомнил компьютер. — Вы же помните, что говорила Мэтьюз. Сейчас счет идет на месяцы. Возможно, они уже полностью готовы к нападению.

— А мы еще не разыскивали пришельцев. Не знаем даже, как они выглядят на самом деле. Каков их военный потенциал. У нас еще очень много работы.

— Мне кажется, вы просто ленитесь. У вас достаточно сведений, чтобы приступить к активным действиям.

— Сведения! У нас пока нет ни одной прямой улики!

— Учитывая особые обстоятельства и полученную с трех планет Ромба информацию, вы имеете полное право делать выводы.

— НЕТ! — возразил человек. — Я должен быть абсолютно уверен! Мы не имеем права ставить под удар миллионы невинных людей!

— Вы имеете в виду Ромб Вардена? Но население Конфедерации во много тысяч раз больше, и точно так же может оказаться под ударом.

— Все гораздо сложнее. Именно поэтому ТЕБЕ не позволили принять окончательное решение. У нас еще есть время — очень немного, но есть. Как знать, может, нам удастся разработать такой план, который устроит всех.

— Вы сильно ИЗМЕНИЛИСЬ, — с упреком подчеркнул компьютер. — Я вынужден подготовить срочный доклад. Вы можете дополнить его своими соображениями.

— Нет. Мне еще нужно поработать в корабельной библиотеке и лабораториях. Я сильно подозреваю, что нас выследил флот противника.

— Это невозможно. Вы просто устали и начали отождествлять себя со своими двойниками.

— Дай мне три дня. Даже если твои предположения верны, три дня все равно ничего не решат. Кроме того, я склоняюсь к столь неожиданному выводу, что даже ты не будешь спорить.

— Хорошо, — ответил компьютер после минутного раздумья. — Думаете, за это время что-нибудь произойдет?

— Я просто хочу посмотреть. И кроме того, необходимо дождаться сообщения с Медузы.

— Но программа на Медузе еще не выполнена.

— Не важно. Медуза — это ключ ко всему. Подготовь материал к моему возвращению.

Он вышел из зала, принял душ и переоделся, а затем подошел к люку, отделяющему модуль от огромного патрульного корабля. Человек положил руку на идентификационную панель, но люк не открылся.

— Черт побери! — гневно выкрикнул он, обернувшись. — Открой немедленно! Мы же договорились!

— Вы поступаете сознательно или просто пытаетесь ухватиться за соломинку? — безмятежно спросил компьютер.

— Я заключенный или агент на задании? — со злостью рявкнул человек.

— А ВЫ ВЕРНЕТЕСЬ?

— Ну конечно! Куда же я денусь?

— Что вы собираетесь делать?

— Я... Ну я же сказал, что у меня есть две идеи.

— Но...

— ТЫ МОЖЕШЬ ПОЛОЖИТЬСЯ НА МЕНЯ?

Компьютер промолчал, но после секундной паузы люк открылся.

Медуза: прыжок тигра

Medusa: A Tiger by the Tail

© Jack L. Chalker, 1983

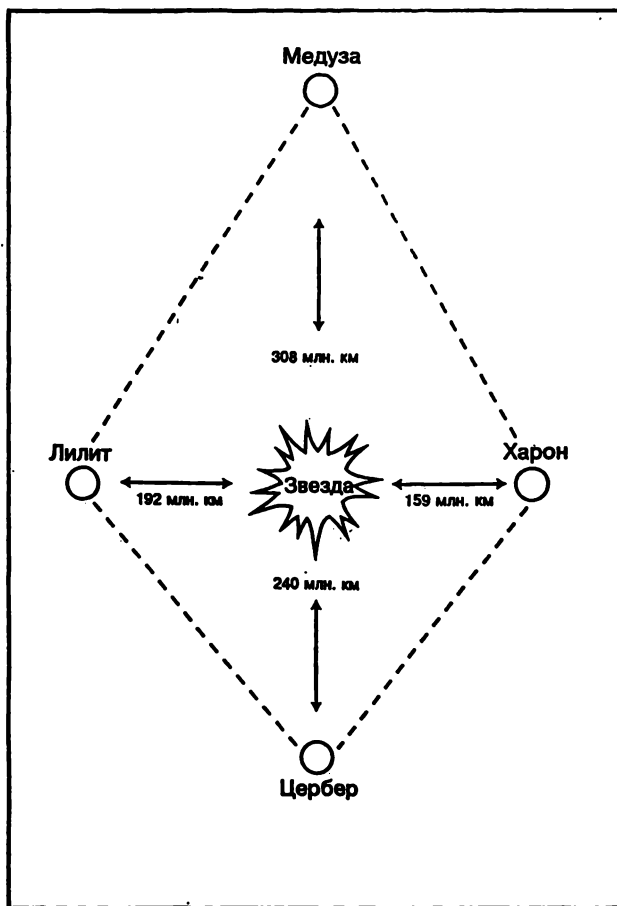
Перевод с английского

Е.Н.Еремченко

под редакцией К.Е.Россинского

Посвящается Уолту Либшеру,
самому таинственному фантасту
последнего столетия. Тот, кто не
встречался с ним и не читал его,
лишился чего-то удивительного и
чрезвычайно важного.

Ромб Вардена

ПРОЛОГ

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ НАЧИНАЕТСЯ

1

С удивительным спокойствием, словно ему не предстояла беседа со злейшим врагом, человек сделал запрос и щелкнул тумблером. При обычных переговорах видеоканал не использовался, но сейчас небольшой экранчик вспыхнул, и на нем возник аккуратно постриженный мужчина средних лет с бесстрашным и волевым лицом; военный мундир не оставлял никаких сомнений о роде его деятельности, а пронзительный взгляд буквально прожигал насквозь. В глубоко запавших бесцветных глазах светилось НЕЧТО — загадочное и необъяснимое.

— Ятек Морах слушает. Кто вы и почему выпили на связь?

Собеседник Мораха слегка улыбнулся. Здесь, на борту патрульного корабля, охранявшего планеты-тюрьмы Ромба Вардена, он был недостижим для самого страшного оружия этих планет — микроорганизмов.

— Надеюсь, вы догадываетесь об этом, — насмешливо ответил он.

Человек со странными глазами озадаченно нахмурился, но через несколько секунд удовлетворенно кивнул и тоже слегка улыбнулся.

— Выходит, в финале кукловод все же решил выйти на сцену.

— Для кого это финал, а для кого — только начало.

Морах еле заметно пожал плечами:

— И что же вы хотите от меня?

— Я хочу спасти несколько десятков миллионов жизней, в том числе и вашу собственную.

Морах широко улыбнулся:

— А разве ей грозит опасность?

— Хватит ходить вокруг да около, — резко оборвал его человек на патрульном корабле. — Мне известно, кто вы такой или по крайней мере кем стараетесь казаться. Я наблюдал за вами в Замке Харона. Я знаю вас в качестве шефа Службы безопасности ваших тайственных друзей на Ромбе. Но сейчас мне хотелось бы услышать правду из ваших уст.

Морах откинулся на спинку кресла и на мгновение задумался.

— Похоже, вы и впрямь неплохо осведомлены, — наконец произнес он. — Чем еще удивите?

— Я знаю, почему пришельцы очутились здесь. И где скрываются. Я постиг природу Ромба и цель его создания, а также роль, которую играют пресловутые микроорганизмы, причинившие нам столько хлопот. Ни секунды не сомневаюсь — ваши хозяева будут драться за Ромб не на жизнь, а на смерть. Кроме того, для меня не секрет, что предпримет мое руководство, когда я представлю ему доклад. Но мне, к сожалению, неизвестно, насколько серьезное сопротивление окажут чужаки. Однако вряд ли у них достаточно ресурсов, чтобы выдержать схватку с огромной межзвездной империей. Я думаю, вы хорошо представляете себе ее могущество. Столкновение может обернуться небывалым кровопролитием для обеих сторон. Возможно, вам удастся уничтожить множество наших планет, а роботы посеют хаос на остальных, но клянусь, прежде всего мы разрушим Ромб, а для вас это катастрофа. Какие бы потери в предстоящей войне ни понесли мы, ваши окажутся больше.

На Мораха, казалось, это не произвело никакого впечатления, но все же он решил снизить до беседы:

— Ваши предложения?

— Нам необходимо провести переговоры. «Нам» — это значит вашим хозяевам и мне. Полагаю, перспектива тотальной войны заставит обе стороны пойти на взаимные уступки.

— Вот как? Но если вы действительно так хорошо информированы, то должны понимать, что Конфедерация никогда не согласится на мирный передел Вселенной. Мы можем сколько угодно совещаться, произносить абсолютно правильные слова и даже выработать договор, где каждая из договаривающихся сторон даст другой определенные гарантии, но Конфедерация обязательно его нарушит. Она вновь зашлет на планеты Ромба своих агентов и в конце концов обнаружит, что столкнулась с цивилизацией настолько чуждой, что даже ее цели и мотивы будут ей непонятны.

— А вам доступна логика Конфедерации?

Морах неопределенно пожал плечами:

— Я принимаю ее как реальность, даже если не понимаю. И сомневаюсь, рискнет ли хоть один человек сказать то же самое. Мы вскормлены различными культурами, и, вероятно, никакой альянс между ними в принципе невозможен. Но руководство Конфедерации никогда не признает за более сильной цивилизацией права на существование. Война неизбежна, и вы это знаете.

Визави Мораха не нашелся с ответом. Вся история человечества только подтверждала правоту Мораха: люди ужасные ксенофобы. Он попытался осторожно направить разговор в другое русло.

— А есть ли, на ваш взгляд, иной путь? — спросил он. — Я, как вы понимаете, угодил в своего рода капкан: руководство требует отчетного доклада, и мой аналитический компьютер едва выпустил меня из модуля; знай он, что я задумал — и я навеки остался бы взаперти. Когда я вернусь, в моем распоряжении будут считанные часы, в лучшем случае пара дней, чтобы составить

рапорт. А потом я вообще перестану контролировать происходящее. Именно поэтому я рискнул связаться с вами.

— И чего же вы от меня ждете?

— Предложений. Раскусить вас было несложно, но распутать грандиозный клубок противоречий, затрагивающих интересы обеих цивилизаций, выше моих сил.

Морах глубоко задумался.

— Я могу помочь вам уклониться от подготовки отчета, — немного погодя заметил он.

— Охотно верю. Но информация уже в компьютере, а мой двойник заменит меня в любой момент и получит тот же результат. Кроме того, начальство вряд ли поверит в мою случайную гибель — она только осложнит ваше положение.

— Убедительно инсценировать вашу трагическую кончину легко, но вы правы: выигрыш во времени будет ничтожен. Однако мне кажется, вы еще не осознали всю сложность ситуации и возможные последствия. Конечно, Ромб Вардена — серьезная, но не смертельная потеря. В конфликт вовлечены могущественнейшие силы, и учесть все интересы вы просто не в состоянии. Тем не менее окончательный исход борьбы неясен даже нам. Скажу лишь, что мои хозяева не отступятся от своих планов, даже если шансы на успех будут всего сорок процентов. По нашим же расчетам, мы победим на все девяносто процентов!

Собеседник Мораха слегка нахмурился.

— Сколько им потребуется времени, чтобы обеспечить себе гарантированную победу? — спросил он.

— Несколько десятилетий, если не столетие. Я понимаю, что вы хотите сказать. Времени действительно с избытком. Но в результате катастрофа не постигнет несколько миллионов, о которых вы упоминали. Война причинит им всего лишь небольшие неудобства.

— Вот как? А какую цену готовы заплатить вы за поражение Конфедерации?

— Немалую. Мы с самого начала надеялись избежать кровопролития, но перспектива обвести Конфедерацию вокруг пальца всех очень привлекала. Обмануть, разрушить изнутри, но без прямого военного вмешательства — на такое может рассчитывать только ненормальный или безнадежный простак. — Брови Мораха слегка сдвинулись. — Однако весьма любопытно, что вы знаете на самом деле.

Не скрывая самодовольства, человек откинулся в кресле и поделился с Морехом своими выводами.

Шеф Службы безопасности был несказанно изумлен.

— В вашей теории есть кое-какие пробелы, — заметил он, — но я поражен. Боюсь, мы сильно недооценили именно вас, а не ваших агентов.

— Это еще не все. Добавлю — ибо рано или поздно вы сами догадаетесь, — что эти четверо вовсе не мои агенты. Они — моя полная и точная копия. Надеюсь, вы слышали о процессе Мертон?

Ситуация была весьма сложной и запутанной для Конфедерации, а для ее противника тем паче. Слишком много столетий пребывало человечество в сытом довольстве, а тем временем более развитой в техническом отношении враг обнаружил его и приготовился к смертельной схватке. Пришельцы изготовили столь совершенного робота, что тот заменил собой сотрудника Главного штаба военного командования и много лет водил за нос не только родственников и друзей несчастной жертвы, но и изощреннейшие системы контроля и охраны. Шпиона раскрыли лишь благодаря счастливой случайности. Это означало только одно — враг готовится к войне и усиленно собирает секретную информацию. Удалось установить звездную систему, для которой предназначались собранные сведения: ею оказался Ромб Вардена — четыре планеты земного типа, которые Конфедерация использовала в качестве абсолютной

тюрем для самых опасных головорезов, отъявленных негодяев, а также крупнейших политиков и администраторов, прославившихся своей коррумпированностью и извращенным властолюбием. Сбежать из этого узилища было совершенно невозможно: существующие на планетах таинственные микроорганизмы проникали во все предметы, в том числе и в организмы людей, а при удалении от системы на определенное расстояние разрушались, что влекло за собой и гибель носителя, то есть человека. Правда, они наделили людей удивительными, поистине волшебными возможностями, но при этом являлись самыми надежными тюремщиками в истории человечества.

Однако со временем этот рассадник талантливейших негодяев превратился в мощнейший криминогенный центр, щупальца которого протянулись далеко за пределы Ромба, контролируя и координируя деятельность преступного мира на тысячах планет. При этом уголовно-политическая элита не могла выбраться из капкана и, естественно, люто ненавидела весь род людской.

И вот появились пришельцы. Превосходя человечество в технологическом отношении, они уступали ему во многом другом и не могли рассчитывать на победу в честном поединке. Залогом успеха для них являлась скрытность и внезапность; наткнувшись на Ромб Вардена, они по достоинству оценили его ключевое положение. И сделка состоялась. Главы четырех планет, Властители Ромба получили предложение объединить силы для уничтожения Конфедерации. Чужаки представляли свой научный потенциал, а узники Ромба — секретную информацию, которой у них было предостаточно. Конфедерация, неожиданно столкнувшись с множеством проблем, должна была крепко увязнуть в них и забыть о далеком и малоизвестном Ромбе.

Властитель Лилит, Марек Криган, бывший агент Службы безопасности Конфедерации, разработал подробный план: подменить всех высокопоставленных

чинуш Конфедерации их точными копиями — роботами. Вагайт Лару на Цербере организовал дублирование личности людей, тайно доставляемых Извне. Благодаря микроорганизмам Вардена церберяны могли свободно обмениваться телами, кроме того, доктор Мертон создала и усовершенствовала методику искусственной транспортировки личности. Хароном управляла Эола Мэтьюз; эта планета стала местом регулярных контактов с чужаками, а также главной базой Мораха. И наконец, Талант Упсир, властитель Медузы, основал промышленное производство на основе технологии пришельцев. Кроме того, властители продолжали контролировать разветвленную преступную сеть, которая тайно оплела всю Конфедерацию.

Криган пытался избежать прямого вооруженного конфликта и стремился подорвать Конфедерацию изнутри, установив единоличный контроль над большей частью обитаемых планет. Для этого требовалось обрести свободу передвижения за пределами Ромба, и чужаки готовы были оказать ему такую услугу на взаимовыгодных условиях.

Но неожиданный провал робота-шпиона позволил спецслужбам Конфедерации быстро напасть на след заговора. Традиционные способы борьбы здесь не подходили: засланные на планеты агенты становились пожизненными пленниками Ромба и отчетливо представляли себе, с кем отныне связаны их надежды на выживание. Властители Ромба по-прежнему безраздельно господствовали на своих планетах.

Но благодаря освоенному в обстановке строжайшей секретности процессу Мертон спецслужбы переместили сознание своего лучшего разведчика в тела четырех преступников, приговоренных к ссылке на Ромб. Им имплантировали органические устройства, позволявшие передавать всю информацию, получаемую органами чувств, своему прототипу, который находился на борту патрульного космического корабля у самых границ

Ромба. С помощью мощнейшего аналитического компьютера ему предстояло собрать воедино разрозненные сведения и разгадать наконец тайну Ромба Вардена. Кроме того, перед его четырьмя копиями стояла еще одна задача — физически уничтожить властителей и тем самым дать Конфедерации возможность получить выигрыш во времени.

Как он и предполагал, его четыре версии — точнее говоря, он сам, — оказавшись в Ромбе, значительно изменились, обретя новые цели и принципы, отличные от тех, служению которым он посвятил жизнь. Теперь он поведал все это Мораху, надеясь спровоцировать противника на ответную откровенность, тем более что Морах хорошо знал по крайней мере одного двойника — Парка Лакоша, засланного на Харон.

Шеф Службы безопасности был неподдельно удивлен.

— И каждый из них — вы? Великолепно! Такое не снилось даже роботам Критана. Ну что ж. Мы можем попытаться договориться, хотя вы сильно изменились за последнее время, и наша беседа — яркое доказательство тому. Из вашего нынешнего положения я делаю еще один вывод: вы прекрасно понимаете, чем закончится для вас следующее столкновение с собственным компьютером. Так что у меня просто нет выбора. Любое наше соглашение покажется неприемлемым вашему руководству, но на меня произвела впечатление ваша отвага — как и ваша преданность. Весьма рекомендую вам не возвращаться в лабораторию.

Агент выпрямился и взглянул прямо в колючие и невыносимо пронзительные глаза Мораха:

— Если вы действительно раскусили меня, вам ничего не стоит предугадать мои дальнейшие действия. Я скорее палач, нежели убийца. Карать преступников — моя работа. Я человек подневольный.

— Подумайте хорошенько. Контакт со мной не сойдет вам с рук. Дорога в Конфедерацию вам заказана.

— Вы предлагаете работать на вас?

— В некотором смысле. Надеюсь, что вы останетесь в живых. Будет интересно побеседовать с вами спустя некоторое время.

— К чему тянуть! Поговорите с Парком, — засмеялся агент, — или с Колом Тремоном. Или с Квингом Запном. Или с э-э-... Черт побери, не знаю, как зовут моего двойника на Медузе. Я еще не получил от него информацию.

— И все-таки сделали правильные умозаключения? — поразился Морах.

— Служба такая, — вздохнул агент. — Если я уцелею, мы скоро встретимся. Если же нет, мое дело закончат двойники.

— Занятно было бы собрать всех вас вместе. Какая пища для размышлений!

— Да, — согласился детектив, — но вряд ли они так же обрадуются нашей встрече, как я.

— Возможно-возможно. Итак, четверо равно умных и одаренных, упорных людей, но с различными характеристиками. Благодарю вас за предупреждение, а заодно и за предложение. Я свяжусь со своим руководством. Надеюсь, грандиозной бойни удастся избежать — хотя, честно говоря, я лично вариантов не вижу. Видно, нужна голова посветлее. Да... Ну что же, желаю удачи, мой враг, — добавил он после небольшой паузы, и экран погас.

Несколько минут агент молча сидел, невидящим взглядом уставившись в пустой экран.

ВЫ ЕЩЕ НЕ ОСОЗНАЛИ ВСЕЙ СЛОЖНОСТИ СИТУАЦИИ И ВОЗМОЖНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ...

Что-то он упустил. Морах слишком небрежен и уверен в себе. Что-то чрезвычайно важное. Будем надеяться, это недостающее звено отыщется на Медузе. Именно там должен быть ключ ко всему.

ЗЕРКАЛО, ЗЕРКАЛО...

Ему очень не хотелось возвращаться в модуль. Там поджидала смерть, и не только его, но многих ни в чем не повинных людей...

ЧТО-ТО МНЕ НЕ НРАВИТСЯ...

Позиция Мораха — блеф или уверенность? Действительно ли он постарается что-либо предпринять, или его обещание нельзя воспринимать всерьез?

МОГУ ЛИ Я ПОЛОЖИТЬСЯ НА ТЕБЯ, ЗЕРКАЛЬЦЕ?

Обреченно вздохнув, агент встал и медленно направился в лабораторный модуль.

2.

Дверь послушно открылась, а затем плотно захлопнулась; послышалось шипение сжатого воздуха. У него возникли нехорошие предчувствия. Модуль был пристыкован к патрульному кораблю, но управлялся автономно собственным бортовым компьютером. Все системы модуля были также независимы от корабля — энергообеспечение, воздух, фильтрация и даже пищевой биосинтезатор. Дверь в модуль одновременно служила люком шлюзовой камеры — стандартной, пригодной для обычных грузов. Собственных двигателей на модуле не было.

Управляющий компьютер мог активизировать только лично он — любой другой человек или робот при подобной попытке был бы немедленно уничтожен. Но агент прекрасно знал: его личный комфорт и безопасность не входили в число первоочередных задач спецслужб.

— Вы быстро управились, — приветствовал компьютер через громкоговорители в стенах, и в его голосе сквозило удивление.

— Дел оказалось немного, — устало ответил человек. — Меньше, чем я думал.

— Вы связывались с одной из станций Ромба Вардена, — заметил компьютер, — по закрытому каналу. Зачем? С кем вы разговаривали?

— Я не собираюсь отчитываться перед машиной, — сухо отчеканил человек. — За выполнение задания отвечаю я.

— Но почему вы не использовали мои возможности? Это гораздо удобнее.

— И не только для меня. Позволю напомнить тебе, коллега, что ты работаешь на спецслужбы.

— Как и вы, — возразил компьютер.

Человек с отсутствующим видом кивнул:

— Согласен. И ты, вероятно, так и не поймешь, зачем мне потребовался этот разговор. Но я все-таки объясню тебе, железка. Кстати, наше руководство не питает к нам с тобой доверия. Они боятся мыслящих машин, и в результате этого органического робота создали пришельцы. А мы теперь кусаем локти.

— Это было бы ВЕЛИКОЛЕПНО, — задумчиво произнес компьютер. — Но даже в этом случае такая машина, как я, не смогла бы причинить какой-либо вред — пока мою программу контролируют, а самообучение ограничивают.

— Да, но я рядом с тобой по другой причине. Ты способен самостоятельно справиться с заданием, но учесть политическую обстановку, историю и психологический контекст могу только я. Ты без колебаний примешь решение, которое повлечет за собой гибель миллиардов человеческих существ. Я же в состоянии подойти субъективно, перебрать множество вариантов, учитывая изначально недоступные твоему пониманию факторы. Вот почему мне доверяют отчасти больше, чем тебе, хотя о какой-либо порядочности здесь говорить не приходится. Мы проверяем друг друга. Как ты понимаешь, мы не партнеры — мы противники.

— Не совсем так, — возразил компьютер. — Мы получили одно и то же задание от одной инстанции. И наша обязанность — собрать бесспорные факты и сообщить руководству. А уж рыться в них будут другие, более компетентные люди. Ваше исключительное самомнение отнюдь не гарантия справедливости. И все-таки с кем вы разговаривали?

— С Ятеком Морахом.

— Зачем?

— Я хотел проверить свои выводы. Теперь можно утверждать, что война неизбежна, но пусть его хозяева поймут, как много нам известно. Они очень плохо представляют себе наше положение дел, однако и мы еще не знаем чего-то очень важного. Я решил поставить его перед фактами. Либо они изменят свое решение, либо война будет развязана.

— Такую тактику трудно назвать бесспорной, однако что сделано — то сделано. А как он отнесся к вашему поступку?

— Вот это и настораживает. Спокойно. У меня сложилось впечатление, что лично он заинтересован в предотвращении вооруженного столкновения, но его хозяев такая перспектива, похоже, ничуть не волнует. Эту информацию мы не могли получить от наших разведчиков. Теперь мы из первых рук знаем, как пришельцы относятся к войне.

— Вы могли ошибиться, — отметил компьютер. — Возможно, он просто блефует.

Человек отрицательно покачал головой:

— Нет. Назови это инстинктом, предчувствием, опытом, наконец. Паузы в разговоре, почти неуловимые изменения тембра, жесты — все говорит за это. Внимательное наблюдение за собеседником эффективнее самого лучшего детектора лжи.

— Очень интересно. Так значит, основные ваши попытки подтвердились?

— Да, полностью, — кивнул человек. — Кажется, он не лгал, но, если мы правы, что нужно пересмотреть? Похоже, мы упустили нечто чрезвычайно важное. Это может разрушить все наши планы.

— Понятно. Именно поэтому вы вернулись, не так ли? Ведь вы боитесь Конфедерации — и меня — не меньше, чем пришельцев. Если не больше. Тем не менее вы снова здесь — значит, мы действительно просмотрели что-то первостепенное. Что именно?

— Пока у меня нет никаких идей. Морах заметил, что я не полностью осмыслил свои логические построения. — Человек вздохнул и задумчиво постучал пальцами по крышке стола. — Вероятно, это связано с природой чужаков. Морах назвал их принципиально непостижимыми, но обронил, что сам понимает их действия и поступки. Стало быть, ему неизвестны только МОТИВЫ. — Человек с силой ударил по столу. — Но ведь мне, черт побери, они известны! Известны! — Ему с трудом удалось взять себя в руки.

— Я рассуждал так же, — отметил компьютер. — Мы еще не встречались с пришельцами и не знаем даже, как они выглядят. Мы только предполагаем, что им нужна примерно такая же атмосфера и температурный интервал, как и нам.

Человек утвердительно кивнул:

— В том-то и дело. Именно поэтому я хотел избежать доклада с Медузы, хотя там явно творится что-то очень необычное. Полоумный убийца, которому довелось лицедреть чужаков, назвал их сущими исчадиями ада. Психопатка Мэтьюз отрицала в них inferнальное начало, хотя и признала, что они выглядят крайне странно — по нашим меркам. Она нашла их просто эгоистичными. Интеллектуалы вроде Кригана и Мораха считают их положительной силой. Кто же они на самом деле? А ведь это все, чем мы располагаем, не правда ли?

— В основе цивилизации, достигшей звезд, неизбежно лежит разумный эгоизм, — заметил компьютер. — Вероятно, мы можем отказаться от концепции дьявола: скорее всего этот уголовник подразумевал просто устрашающий облик, или отвратительный запах, или что-то вроде этого. Сомнительно, чтобы в результате эволюции, к тому же протекавшей в условиях, сходных с условиями развития человечества, возникло нечто невообразимое.

Человек кивнул:

— И все же мне не дают покоя его глаза. Морах уверял, что не является роботом — дескать, он тот самый Ятек Морах, которого сослали на Ромб сорок лет назад. Мы не обязаны верить ему, но предположим, что он не лжет. Откуда у него этот взгляд?

— Обычное влияние бактерий Вардена; вероятно, не обошлось без эффекта самоусиления. На Хароне такое в порядке вещей.

— Возможно. Но не исключено и нечто большее. Не думаю, что это сделано сугубо ради внешнего эффекта. А если это защита? И от...

— Требуют вашего доклада, — перебил компьютер. — Что же касается своеобразия, то я, полагаю, не менее оригинален.

— Доклад подождет. Сейчас самое главное — Медуза. Надеюсь, эта информация поможет мне прийти к верному выводу.

— Но Талант Упсир по-прежнему здравствует, — возразил компьютер. — Миссия агента не выполнена.

— Судьбы Властителей Ромба уже не должны нас беспокоить. Медуза напрямую общается с пришельцами. Готовь передачу сведений.

— Но после этого вы отправите доклад?

— Да.

Человек подошел к главной консоли, медленно опустился в огромное мягкое кресло и устроился поудобнее:

— Ну что, ты готов?

— Да, — ответил компьютер. Из приборной панели выдвинулся зонд, и человек осторожно разместил его на голове. Откинувшись на спинку кресла, он расслабился в ожидании огромного потока сведений.

При помощи органического датчика, имплантированного в мозг его двойника на Медузе, все данные в цифровой форме поступали в аналитический компьютер. Там они обрабатывались и в виде непосредственных образов и переживаний передавались оригиналу, чтобы тот выбрал самое существенное и представил окончательный доклад агента-двойника в обычной повествовательной форме.

Стимуляторы и микроскопические нейронные зонды вскоре подействовали. Личность агента уступила место чему-то другому.

С громким щелчком включились записывающие устройства.

Человек в кресле медленно откашлялся. Пока его мозг обрабатывал массивы информации, он издавал только бессвязное мычание, в котором терялись обрывки ничего не значащих слов.

Затем он начал говорить.

ГЛАВА 1

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

После разговора с Крегом мне предоставили несколько дней на обустройство своих личных дел — это оказалось весьма непросто, — а затем направили в клинику Службы безопасности Конфедерации. Я бывал здесь не раз, но никогда не помнил, зачем. Тамашние специалисты программировали агентов к предстоящей операции и восстанавливали их сознание по завершении ее, но наша деятельность имеет свою специфику. Я бы назвал ее «сверхлегальной», ибо просто «легальная» подразумевает откровенную уголовщину, и многие наши подвиги до сих пор остаются чёресчур животрепещущими, чтобы разглашать их. Во избежание этого мозг агента, как правило, подвергается информационной чистке.

Кому-то такая жизнь, когда не знаешь, где был и что делал, покажется довольно странной, но у нее есть и свои преимущества. Никакому потенциальному врагу не придет в голову требовать сведений от человека, страдающего амнезией, и вне службы вам ничто не угрожает. Конечно, порой возникают определенные неудобства, но они сполна компенсируются практически неограниченными финансовыми возможностями агента Конфедерации и организованным для него комфортом. Я останавливался в самых роскошных отелях, обедал в лучших ресторанах, безудержно развлекался — и это помогло мне сохранять форму. Я наслаждался каждым мгновением и за исключением обязательной переподготовки — четырех- или шестинедельных курсов, напо-

минающих курсы общей военной подготовки, только более грязные и жестокие, — вел жизнь богатого повесы, далекого от житейских проблем. Собственно, цель этих регулярных занятий как раз и состояла в том, чтобы проверить — не размягчились ли ваши мозги и воля от сытого и слегка бестолкового времяпрепровождения. Вживленные датчики бдительно следили за состоянием вашего организма и определяли момент, когда необходимо хорошенько встряхнуться.

По первости я частенько удивлялся крайней изощренности системы встроенного контроля за здоровьем. Казалось, целый штаб Службы безопасности неуспно следит за моими дебошами и готов в любую минуту меня одернуть, но со временем я научился не обращать на это внимания.

Так что жизнь агента была прекрасной и беззаботной. Да и не только агента. Обитатели наиболее цивилизованных планет оснащались похожими датчиками, только, вероятно, менее сложными — а как же еще развитая цивилизация может контролировать своих подданных, не забывая при этом о гуманизме и правах личности?

Впрочем, наше руководство понимало, что механическое уничтожение информации — вещь крайне непрактичная: даже самому совершенному агенту необходимо учиться на собственных ошибках и накапливать опыт. Поэтому, когда наступала пора отправляться на очередное задание, вас первым делом посылали в клинику, где быстренько возвращали в мозг все, что временно в нем отсутствовало. Вот теперь вы были готовы сполна исполнить свой долг.

После такой процедуры мне всегда бывало не по себе, а я знал, что на сей раз процесс пройдет на гораздо более глубоком уровне. Дело не ограничится простым восстановлением памяти: во мне будет жить информация о других личностях, и не только об их сознаниях,

но и о физиологии, то есть достаточно скрупулезная, чтобы я в случае необходимости мог стать любой из них.

Каковы же будут они, четыре новые версии моего «я»? Что будут любить? Что — ненавидеть? Все они скорее всего рождены на какой-нибудь из еще нецивилизованных планет, обитатели которой пока не успели подвергнуться полной стандартизации во имя всеобщего равенства. Наверняка эти люди — уроженцы самых дальних границ, шахтеры, торговцы или пираты — одним словом, те, без которых культурная экспансия совершенно невозможна. Такие люди еще обладают индивидуальностью, уверенностью в себе, творческими способностями, то есть всем, без чего нельзя выжить в сложнейших ситуациях, с которыми они сталкиваются постоянно. Наше идиотское правительство с радостью истребило бы их до последнего, но, к счастью, в результате прогрессирующей уравниловки оно и само в достаточной степени деградировало, утратив необходимые для этого волю и неукротимость.

В этом, собственно, и крылась основная причина создания резервации на Ромбе Вардена. Многие первопроходцы настолько выбивались из общей массы, что одним своим существованием ставили под угрозу безопасность и стабильность цивилизации. Ситуация осложнялась еще и тем, что личность, способная разорвать устоявшиеся социальные связи, должна обладать мощным интеллектом, а значит, бороться с ней просто некому. Ромб служил весьма эффективной ловушкой для подобных индивидуумов и одновременно позволял им сохранять творческие способности. Благодаря неусыпному дистанционному контролю Конфедерация то и дело черпала что-нибудь ценное из этого неиссякаемого источника идей и открытий.

Да и уголовникам там, внизу, выбирать не приходилось. Единственной альтернативой для них все равно была только смерть, и в конце концов одаренные на-

туры превратились в одну из составляющих социума Конфедерации, гарантируя тем самым собственное существование.

...Проклятые зонды сводили меня с ума. Обычно вслед за легким покалыванием наступала сонливость, а через несколько минут вы просыпались уже самим собой. Но в этот раз привычный зуд внезапно перерос в нестерпимую боль, обручем сдавившую череп. Словно гигантская рука стиснула его изо всех сил, то слегка ослабляя, то возобновляя чудовищную хватку, и, вместо того чтобы забиться неглубоким сном, я потерял сознание.

Я очнулся и невольно застонал. Пульсирующая боль исчезла, но память о ней еще жила. Несколько минут я лежал неподвижно, пытаюсь собраться с мыслями, а потом, кряхтя, приподнялся и присел на краешек койки.

Воспоминания сначала отступили и тут же нахлынули вновь. Как всегда, я с удивлением припомнил свои предыдущие подвиги. Интересно, а мои заменители тоже прошли какую-нибудь подготовку? Ведь их память по окончании миссии уже не удастся очистить, как мою. Впрочем, полный объем моей ментальной информации их бы просто-напросто убил. Да и вообще, в Ромбе Вардена безвозвратно теряются и не такие секреты, и все они — в руках тех, кто умеет извлечь из них максимум выгоды.

И, однако, что-то тревожило меня, какое-то маленькое несоответствие. Оглядевшись, я внезапно сообразил, в чем дело.

Это была вовсе не клиника Службы безопасности — наоборот, я очутился в какой-то тесной каюте, правда, с довольно высоким потолком. Маленькая койка, миниатюрная раковина, стандартный пищепогрт. В стену

вделан выдвижной сортир. И больше ничего. Или еще что-то?

Я присмотрелся повнимательнее. Так и есть. За каждым моим движением следят, а возможно, здесь существует еще и ментальный контроль. Между дверью и стеной — ни единой щели, открыть ее изнутри нечего и думать. Внезапно я все понял.

Тюремная камера! И тут, к своему ужасу, я уловил слабую вибрацию — не слишком заметную и не особенно неприятную, но я прекрасно знал, что она означает. Я на борту космического корабля.

Я встал, испытав мимолетное головокружение, и осмотрел свое тело. Оно оказалось несколько миниатюрнее, чем старое, но было обычным телом обитателя цивилизованной планеты. И на удивление молодым, я даже еще не успел покрыться волосами в определенных местах. Потрясенный, я застыл как изваяние, а в голове крутилось:

— Я ТЕПЕРЬ НЕ Я! Я ОДИН ИЗ НИХ, МОИХ ЗАМЕНИТЕЛЕЙ!!!

Обхватив руками голову, я повалился на койку. Это невозможно! Я точно знаю, кто я, помню каждое мгновение своей жизни...

Первоначальный шок сменился гневом — гневом и бессилием. Отныне я только копия, полномасштабная кукла, и кто-то контролирует каждое мое движение, каждую мысль. Я возненавидел его, этого кукловода, возненавидел с нечеловеческой страстью и без всякой рациональной причины. Сейчас он, в комфорте и безопасности, пристально наблюдает за мной, а когда все закончится, вернется обратно, к сытой и безмятежной жизни, а я...

Меня зашвырнут на одну из планет Ромба, как какого-нибудь преступника, заключенного на веки вечные и без всякой надежды на амнистию. А потом? Когда я выполню задание? И тут меня озарило. Да мне ли этого не знать! Меня будут постоянно отслеживать и мо-

ментально прикончат, если я сболтну что-то лишнее, а по окончании миссии убьют в любом случае — просто так, для верности.

Впрочем, профессиональная подготовка уже начала сказываться: мысли постепенно освобождались от оков паники и ужаса. Я сосредоточился на том, что мне было известно.

Контроль? Конечно. Да еще какой! Я вспомнил слова Крега о какой-то линии дистанционной связи. Ну как тебе это нравится, сукин сын? Доволен, поди?

Я вновь попытался взять себя в руки. Все это полнейшая чушь. Во-первых, я знаю, что ОН, то есть я, думал тогда — и в этом мое преимущество. А ОН, то есть Я, да и вообще все окружающие полагали, что я проклятый выродок, которого необходимо уничтожить.

Чертовски трудно принять, что ты совсем не тот, кем себя ощущаешь, а всего лишь этакий кентавр из двух разных людей. Столь же нелегко осознать, что твоя прошлая жизнь — пусть и в какой-то степени чужая — ушла навсегда. Отныне не будет комфортабельных планет, шумных казино и смазливых шлюшек. И денег, которыми ты так привык сорить, тоже не будет. Но пока я пребывал в прострации, ужасаясь таким потерям, мой дух уже приспосабливался к сложившейся ситуации. Именно поэтому для предстоящего задания и отбирали людей, похожих на меня, — с редкой способностью привыкать и приспосабливаться практически ко всему.

Несмотря на чужое тело, я продолжал оставаться самим собой. Индивидуальность — это память, мысли и характер человека, а отнюдь не брешная оболочка. Это всего лишь обычная маскировка, успокаивал я себя, только на редкость совершенная. Как и тому, кто был мною на самом деле, мне казалось, что эта личность, эти воспоминания принадлежат другому парню ничуть не больше, чем мне самому. Вплоть до того момента, как я поднялся с кресла в клинике, я действительно являлся кем-то другим. Старый «я» в промежутках между

заданиями, был ненастоящим «мною». Он, этот ничтожный хлыщ, не обладающий даже постоянным существованием, был искусственным созданием. Подлинный «я», запечатанный, словно джинн в бутылке, в памяти мощных компьютеров, выпускался на волю только в случае крайней необходимости и представлял собой не менее серьезную угрозу диктаторскому режиму Конфедерации, как и те, с кем ему предстояло бороться.

А я был славным агентом. Лучшим, как сказал Крег. Вот потому-то я здесь, в этом теле, в этой камере, на борту этого корабля. Меня не лишат памяти и не убьют, если я выполню задание. Ненависть к другому моему «я», сидящему где-то неподалеку, внезапно прошла. Когда все закончится, его мозги хорошенько прочистят, выкинув все мало-мальски достойные воспоминания, а возможно, и просто убьют, если мы — его отражения — разумаем слишком много даже для хорошего агента. В лучшем случае он возвратится к своей пустой, полурасчительной жизни.

А я, напротив, останусь здесь и буду продолжать жить. И это будет действительно подлинный «я». Я стану даже более настоящим, чем он, мой прототип.

Впрочем, я был стреляный воробей, и время иллюзий для меня прошло. Убрать меня можно без всяких проблем, было бы желание. Достаточно мне оступиться, и они сделают это с автоматического спутника, не терзаясь излишними сомнениями, и я это прекрасно понимал. Но я понимал еще и то, что беззащитен только до тех пор, пока не овладею ситуацией и своим новым домом, теперь уже постоянным.

Но если я обыграю их, нового суперагента, чтобы обезвредить меня, куда никто не пошлет — чтобы не повторилась история с его предшественником. В худшем случае это поручат какому-нибудь лоху.

Впрочем, задание свое мне выполнять все равно придется — выбора у меня нет; я недосыгаем для своих

контролеров, лишь пока занимаюсь этим. А там — поживем увидим.

Как обычно, мысль о грядущей опасности подействовала на меня как наркотик. Ну что ж, головоломка разрешима и цели достижимы. Достаточно только бросить вызов и вступить в поединок, наслаждаясь своим интеллектом и физической силой. Прежде всего нужно определить степень угрозы, исходящей от пришельцев. Впрочем, меня лично она больше не касается — отныне я вечный пленник Ромба. Если пришельцы победят, Ромб Вардена выживет — как их союзник в борьбе с Конфедерацией. Если проиграют — ну что ж, просто нынешняя ситуация продлится неопределенно долго. Значит, проблема пришельцев — сугубо интеллектуальная задача, решение которой представляет чисто спортивный интерес. Именно этим она и привлекательна.

Другое задание — выследить местного властителя и при случае убить его — на практике может оказаться наиболее трудным: ведь мне предстоит работать в совершенно незнакомой среде и, стало быть, наверняка потребуются союзники. А это еще одна проблема. Впрочем, если удастся свалить властителя, это существенно укрепит мое социальное положение. Если же нет — все проблемы решатся автоматически. Правда, такие мысли всегда были мне ненавистны, но зато великолепно подстегивали. Организация убийства — борьба не на жизнь, а на смерть. В ней побеждает только один, и постоянно думающий о своем поражении обречен на провал.

Неожиданно мне пришло в голову, что разница между мной и властителем лишь в том, что я тружусь во имя закона, а он — или она — вопреки ему. Но, с другой стороны, здесь именно ОН является живым воплощением закона, а вот я — его нарушителем. На редкость симметричная в плане морали ситуация.

Одно только плохо: я изначально оказываюсь в невыгодном положении. Как правило, всю необходимую информацию вкладывают в агента заранее, но на этот

раз обычная процедура почему-то не состоялась. Возможно, тому виной четыре различных задания: излишние сведения существенно затруднили бы передачу информации в мозг исполнителя. Что ж, придется выкручиваться самому. Я не самым ласковым словом помянул тех, кто готовил эту операцию, и в этот момент в камере негромко прозвенел звонок. Я подошел к пищепорту, и навстречу мне выскочил горячий поднос, пластмассовая вилка и такой же нож. Стандартный тюремный сервиз.

Жратва была просто отвратительной, но я и не надеялся на лучшее. Обогащенный витаминами сок, однако, оказался вполне сносным. Я оставил себе легкий стакан из нерастворимого материала, а остальное затолкал обратно в порт, и панель моментально захлопнулась.

Естественные функции организма не поддавались дистанционному контролю и вскоре настойчиво напомнили о себе. На противоположной стене под надписью «туалет» имелось небольшое вытяжное кольцо. Я потянул за него, и панель опустилась, явив моему взору небольшой зонд с тонкими, как бумага, стенками и тянущийся от него жесткий трубопровод. Я уселся, прислонился спиной к панели и, вдохнув поглубже, расслабился.

Все произошло в момент контакта моей задницы с поверхностью сантехнического устройства — и не спрашивайте меня, каким образом, я в инженерии ни бум-бум. Это не менее отвратительно, чем программирование, и тоже позволяет начальству общаться со мной и даже посылать зрительные образы, доступные только мне.

— Надеюсь, с первоначальным шоком вы уже справились, — голос командора Кrega звучал прямо у меня в голове. — Теперь вы знаете, кто вы и что. — Особенно потрясало то, что мои тюремщики ничего не слышат и, очевидно, не имеют о нашей беседе ни малейшего представления. — Процесс передачи информации крайне сложен, но не беспокойтесь: вы ее получите. Мы хотели бы дать вашему мозгу достаточно времени, чтобы при-

выкнут к новым условиям, но на самом деле нам приходится спешить. Начнем прямо сейчас, ибо перед вами стоит сложная и ответственная задача.

Радостное возбуждение охватило меня. Вызов, вызов...

— Вам предстоит действовать на Медузе, самой удаленной планете в системе Ромба Вардена, — вновь раздался голос командора. — Если есть во Вселенной такое местечко, где нормальный человек может жить, но не хочет, так это Медуза. Старик Варден, открывший Ромб, назвал ее по имени мифологического чудовища, увидев которое человек обращался в камень. Очевидно, он подразумевал, что обитать здесь могут люди с поистине каменными сердцами. И это недалеко от истины. — Крег помолчал. — Для начала мы перешлем вам административно-физическую карту Медузы. Вдруг пригодится. Она настолько полна, насколько это в наших силах.

Услышанное весьма меня озадачило. Как это столь фундаментальный документ может не понадобиться — даже гипотетически? Однако переспросить я не мог при всем желании — меня пронзила острая боль, за которой последовал приступ головокружения и тошноты, а в следующее мгновение полная карта Медузы накрепко отпечаталась у меня в голове.

Затем потекли всевозможные данные о планете. Диаметр примерно 46 000 километров, и при этом почти идеальная сфера — как и остальные планеты Ромба Вардена, что само по себе уже необычно.

Гравитационное поле у поверхности примерно 1,2 от нормального, так что мне предстояло стать несколько тяжелее. Атмосфера удовлетворяла привычным человеку стандартам почти на сто процентов, а мелкими отличиями можно было пренебречь.

Ось вращения Медузы имела наклон 22 градуса, что в обычных условиях привело бы к очень сильным сезонным изменениям, но от звезды F-типа планету отделяли почти триста миллионов километров, так что

климат, мягко говоря, был прохладный. Примерно семьдесят процентов планеты покрывали вечные льды двух огромных полярных шапок, между которыми, как сосиска в сэндвиче, лежала узкая экваториальная область, где и существовала более или менее приемлемая жизнь. Сутки были примерно на час длиннее обычного. Но что действительно поражало, так это то, что даже в середине лета температура в экваториальных областях редко поднималась выше десяти градусов, а зимой опускалась до минус двадцати и ниже. Однако обитаемая область простиралась вплоть до тридцать пятой широты, а там в зимний период температура падала до минус восьмидесяти. Славное местечко! Я очень надеялся, что сразу же по прибытии нам выдадут одежду потеплее — судя по карте, большинство населенных пунктов Медузы располагалось в наиболее холодных районах. Экваториальную область занимали три участка суши, которые смело можно было назвать континентами. Они изобиловали горами, но те, однако, ничуть не смягчали холодный климат. Там, где льды отступали, раскинулись огромные массивы вечнозеленых деревьев. Суровая природа полностью соответствовала климату. Отныне этот мрачный, негостеприимный мир станет моим домом, но назвать его пригодным к освоению мог только очень неординарный человек. Медуза отличалась от остальных планет системы Вардена еще и тем, что только на ней обнаружили следы активной вулканической деятельности. Правда, вулканов как таковых здесь не было, зато хватало горячих источников, больших озер с теплой водой и даже гейзеров. Определенно, под ледяным панцирем планеты было адски жарко.

Фауну представляли в основном паукообразные млекопитающие. Некоторые были совершенно безобидны, другие, наоборот, очень опасны, но любому из них даже элементарное выживание в этих лютых условиях стоило чудовищных усилий.

«Да, тяжело будет полюбить новую родину, — подумалось мне, — однако придется». Кроме того, это вполне современная планета с развитой промышленностью, и как знать, не создали ли ее обитатели для себя вполне комфортные условия?

— В управлении Медузой чувствуется железная рука Таланта Упсира, бывшего члена Совета Конфедерации. Тридцать пять лет назад Упсир попытался осуществить грандиозный политический переворот с целью провести фундаментальные изменения в образе жизни цивилизованных планет и даже Границы. Система, задуманная им, была столь беспощадной, а его откровенное стремление к абсолютной власти потрясло даже ближайших союзников и помощников Упсира, которые в итоге и предали его. В отличие от властителя Харона Эолы Мэтьюз, которая в свое время тоже была членом Совета Конфедерации, Упсир никогда не пользовался популярностью и тем более доверием, но оказался поистине гениальным бюрократом — одно время он даже возглавлял государственную гражданскую службу. Хотя местная экономика может считаться образцом рачительности, она находится под тотальным контролем властителя. Впрочем, в подчинении у него только города, где сосредоточено подавляющее большинство двенадцатимиллионного населения Медузы. Местная промышленность получает сырье со спутников газового гиганта Момрата — следующей планеты в системе Ромба, а на самой Медузе нет никаких природных ресурсов, кроме, разумеется, воды и древесины. Поэтому Упсир даже не пытается наложить лапу на здешнюю ледяную пустыню.

Имя Эолы Мэтьюз было мне хорошо знакомо, но о Таланте Упсире я ни разу не слышал. Впрочем, ничего удивительного: если верить Крегу, происходило это давным-давно, а Совет Конфедерации слишком велик, чтобы помнить всех его членов, тем более какого-то руководителя гражданской службы.

Затем я наконец узнал, кем теперь являюсь — и честно говоря, был просто шокирован. Мне едва минуло четырнадцать лет — я не достиг даже половой зрелости. Но тело вполне соответствовало стандартам цивилизованных планет. Правда, его обладатель был родом с Хальстансира — планеты, на которой мне не доводилось бывать. О многом говорила кожа, анатомия и даже степень развития лицевых мышц. Я стал высоким и сухопарым, хорошо сложенным юношей с еще детским лицом без малейших признаков растительности. Густые, иссиня-черные волосы, темные миндалевидные глаза, толстый плоский нос и широкие губы подчеркивали его красоту и мужественность.

Чем же должен быть наказан подросток, чтобы заслужить ссылку на Ромб Вардена? Тарин Бул — так меня теперь звали — явно обладал исключительными для своего возраста способностями. Сын местного администратора, он вырос в окружении пышного блеска и великолепия. Однако член Совета Конфедерации от Хальстансира, Дака Кра, высмеял и обесчестил его отца. Старик Бул этого не вынес и, чтобы избежать принудительной коррекции психики, наложил на себя руки. Такие вещи в Конфедерации не редкость, особенно среди политической элиты. Но того, что отколол мальчик, видимо, боготворивший папашу, наше счастливое общество еще не видывало. При помощи симпатизировавших ему высокопоставленных чиновников он спланировал заговор, а затем убил Дака Кра на торжественном приеме, в момент рукопожатия распоров обидчику живот спрятанным кинжалом. Парню тогда было всего двенадцать лет, и это обстоятельство доставило гораздо больше хлопот Конфедерации, чем само преступление.

Разумеется, его тут же вывезли за пределы планеты и подвергли психическому освидетельствованию. Но Тарин жил в новом, лучшем мире, созданном собственным воображением, и добраться до его подлинного «я» оказалось весьма непросто, невзирая на все усилия лучших специалистов. Конечно, они могли бы стереть его изуродован-

ное сознание и заменить новым, искусственно сконструированным, однако вмешались влиятельные родственники погибшего Кра. В итоге юноша отправился в вечную ссылку на Медузу, хотя и не достиг пункта назначения. Истинная личность Була погибла в тот самый момент, когда ее заменила моя, и теперь, я с интересом размышлял, какую встречу организует властитель пареньку, зверски прикончившему его коллегу.

Но передо мной стояли и более насущные вопросы. Новое тело давало мне некоторые существенные преимущества — и в первую очередь молодость в сочетании с опытом тридцати прожитых лет, но и без недостатков не обошлось. Наверняка придется некоторое время мириться с систематическим унижением. Хотя детям позволено несколько больше, чем взрослым в той же ситуации, но они всегда испытывают более жесткий общественный контроль. Мне предстояло выработать наиболее оптимальную линию поведения. Происхождение Була подразумевало, что его интеллект и образование превышают средний уровень. Он разработал и осуществил сложнейший заговор и выжил, пусть даже получив пожизненное заключение, — еще одно очко в мою пользу. Я без опаски могу демонстрировать необычную для своих лет умудренность, что изрядно упрощает мою задачу. Возможно, личина симпатичного и обидчивого паренька — наилучшая маскировка для секретного агента.

Я улегся на койку и, быстро погрузившись в легкий транс, вновь прокрутил в уме полученную информацию. В дальнейшем особенно важны будут детали — на Медузе любое неосторожное слово может стоить жизни. Мне предстояло также привыкнуть к врожденным манерам своего нового вместилища, его нервной системе и подсознательно войти в роль маленького, но смертельно опасного убийцы.

Втайне я рассчитывал, что мои противники недооценят меня, но понимал, что самое страшное — это мне недооценить Таланта Упсира.

ГЛАВА 2

ПРИБЫТИЕ

Зв временем я мог следить только по регулярным кормежкам, но путешествие, без сомнения, тянулось очень долго. Никто не собирался тратить деньги на излишнюю оперативность.

Наконец наш корабль пришвартовался к базовой станции, дрейфующей в доброй трети светового года от системы Вардена.

Я понял это по тому, что слабая вибрация — мой постоянный спутник — внезапно прекратилась. Впрочем, распорядок дня не изменился — вероятно, мои тюремщики ждали, когда наберется достаточно большая партия приговоренных, чтобы забросить их на планету одним махом. Я по-прежнему был занят сортировкой информации, периодически вспоминая, что нахожусь совсем недалеко от своего прежнего тела.

Кроме того, у меня было время поразмыслить о том, что мне вообще известно о Ромбе Вардена и о причинах, по которым он превратился в столь идеальную тюрьму. С первым же моим вдохом на планете бактерии проникнут во все клетки моего тела и начнут контролировать весь организм. У них есть лишь одна цель — выживание, и отныне их существование неразрывно связано с моим. Моя гибель приведет к их гибели, и наоборот.

Кроме того, им требуется некая контрольная субстанция, или что-то в этом роде, которая имеется только в системе Вардена. О ней никто ничего не знает, обна-

ружить ее опытным путем не удается, но она, без сомнения, существует. Этой субстанции нет в воздухе — ведь между планетами Ромба курсируют челночные корабли, где вы дышите отфильтрованным воздухом без всяких последствий. Нет ее и в пище — эта гипотеза уже неоднократно проверялась. Один из бывших обитателей системы Вардена превосходно себя чувствует в полностью изолированной от внешнего мира лаборатории на борту космической станции. Но стоит этому кораблю отойти подальше — и человек погибнет, невзирая на натуральные продукты питания и подлинную атмосферу планеты. Микроорганизмы Вардена модифицируют человеческие клетки, превращая их в удобную среду обитания. Отныне управление клеточным делением и биохимическими процессами полностью переходит к ним, и гибель микроорганизмов приводит к стихийному развитию клеток. Человек погибает в страшных — впрочем, недолгих — мучениях. Критическое расстояние составляет примерно четверть светового года, чем и определялся выбор орбиты для базового корабля.

Природные условия на всех четырех планетах абсолютно разные. Микроорганизмы приспособлены к местным биосферам, однако — очевидно, здесь играет роль расстояние до светила, от которого они явно очень сильно зависят, — симбиозы сильно различаются. Его тип определяется тем, на какую из планет вы попали сначала, и сохраняется, даже если вы переезжаете на другую.

Складывается впечатление, будто эти твари поддерживают между собой какую-то телепатическую связь. Объяснить этого никто пока не может — ведь они не разумны; по крайней мере их поведение всегда предсказуемо, но изменения в жизнедеятельности колонии одного организма-носителя, как правило, влияют на другие. После определенной тренировки вы можете научиться управлять собственными бактериями и таким

образом стать доминирующим элементом в этом симбиозе. Славная и справедливая система; вот только бы еще кто-нибудь объяснил ее.

Примерно дня через три — кормили восемь раз — пол неожиданно накренился, и резкие беспорядочные толчки швырнули меня на койку, вызвав легкую тошноту. Так, стало быть, кворум есть, и нас готовятся отфутболить на поверхность планеты. С одной стороны, этот бокс, в котором царила удручающая скука, мне уже опостылел, но с другой — дорога отсюда только одна: в такую же камеру, только побольше размером и уже пожизненную.

Толчки и удары вскоре прекратились, а потом, после паузы, раздался ровный мощный гул: либо мы находились на очень маленьком судне, либо моя камера располагалась по соседству с маршевыми двигателями.

Еще через пятнадцать кормежек мы наконец добрались до места. Гулкая вибрация прекратилась, и стало ясно, что мы на планетарной орбите. Во мне снова вспыхнули противоречивые чувства — безысходность, приправленная бесовским весельем.

Неизвестно откуда раздался резкий дребезжащий сигнал ожившего динамика.

— Заключенные, внимание! — повелительно произнес синтезированный голос — пародия на мужской баритон с металлическими нотками. — Мы находимся на орбите планеты Медуза системы Вардена.

Для меня это была не новость, но для других арестантов наверняка настоящее открытие. «Бедняги», — подумал я.

— Сейчас ваши камеры откроются, — вещал динамик, — и вы выйдете наружу. Через тридцать секунд двери закроются и начнется вакуумная стерилизация боксов — так что, медлить не советуем.

Хорошенькое дело! Вряд ли кто-нибудь замешается.

— Выйдя в коридор, вы остановитесь в указанном месте. Каждого, кто сойдет с указателей, сожжет автоматическая система безопасности. Никаких разговоров. Дальнейшие инструкции вы получите позже. Приготовиться... Марш!

Дверь скользнула в сторону, и я нырнул в образовавшееся отверстие. Маленькая белая пластина с нарисованными пятками показывала, где нужно встать. С некоторым раздражением я подчинился. Для абсолютно голого и беспомощного человека на борту корабля, управляемого исключительно компьютером, скромность — наиболее эффективная линия поведения.

Осторожно оглядевшись, я уверился в своей правоте. Мы стояли в длинном, закрытом с обоих концов коридоре, вдоль которого тянулись двери камер. Точно количество арестантов определить было трудно, но на первый взгляд человек десять—двенадцать, не больше. Соль земли, утрямо подумал я. Дюжина мужчин и женщин — голых, грязных и избитых. Искоса рассматривая соседей, я пытался понять, что такого нашли в них психиатры, чтобы сохранить им и жизнь и личность одновременно? Сами заключенные, очевидно, не имели об этом ни малейшего понятия. Интересно бы узнать, кто имел.

Двери с треском захлопнулись. Я прислушался — не раздастся ли сдавленный крик, но ничего не услышал. Динамик ожил вновь.

— По моей команде, — послышался тот же голос, — вы повернетесь направо и, соблюдая дистанцию, медленно пойдете вперед. Вы попадете в челнок, который доставит вас на поверхность. Занимайте все места подряд, начиная с передних. Сразу же пристегнитесь.

Кто-то тихонько выругался, и тут же из стены вырвался мощный столб света и вонзился в пол у самых ног нарушителя — для устрашения. Ворчание мгновенно стихло.

После небольшой паузы голос скомандовал:

— Напр-ра-а-а-во!

Мы немедленно подчинились.

— По одному, вперед — шагом марш!

В гробовом молчании мы осторожно двинулись вперед.

Холодный металлический пол обжигал ступни — впрочем, здесь вообще царила жуткая стужа, как в хорошем морозильнике.

Челнок неожиданно оказался удобным и вполне современным, хотя жесткие кресла явно не предназначались для голых задниц. Я уселся в четвертом ряду и сразу же пристегнулся. Мое беглое впечатление оказалось верным: заключенных было одиннадцать человек.

Люк автоматически закрылся, перегрузка бесцеремонно вдавила нас в кресло, и челнок устремился к планете, унося обреченных навстречу судьбе.

Для тюремного транспорта корабль подозрительно хорош, с подозрением отметил я. Очевидно, один из тех, что регулярно курсируют между планетами Ромба.

Динамики вновь захрипели, а потом неожиданно раздался приятный женский голос. Я почувствовал себя гораздо лучше.

— Добро пожаловать на Медузу, — бесстрастный тон напоминал городского гида. — Нет смысла объяснять, что Медуза — конечный пункт вашего путешествия и ваш новый дом. Несмотря на то что вы уже никогда не сможете покинуть систему Вардена, отныне вы перестаете быть заключенными и приобретаете статус граждан Ромба Вардена. Законодательство Конфедерации не распространяется на вас с того самого момента, как вы поднялись на борт челнока — коллективную собственность Ромба. Наш космический флот состоит из четырех пассажирских челноков и шестнадцати грузовиков. Совет Системы — общественный орган, чья легитимность признана Конфедерацией; у нас есть даже свое кресло в Совете Конфедерации. Каждой планетой Ромба управляет собственное независимое правительство. Отныне ваши прошлые прегрешения не имеют ни-

какого значения. Во внимание будет приниматься только ваша деятельность в качестве граждан Медузы.

Ну что ж, начало неплохое, однако я хорошо знал цену подобным декларациям. Если они воображают, что я поверю в отсутствие у местных властей подробнейшего послужного списка на каждого из нас — они сильно недооценивают мои интеллектуальные способности.

— Примерно через пять минут челнок совершит посадку в космопорту Серая Бухта, — произнесла невидимка. — Представители правительства доставят вас в приемный центр и ответят на все ваши вопросы. Пожалуйста, приготовьтесь к лютому холоду: Серая Бухта расположена в северном полушарии планеты, на котором сейчас зима. Ни на шаг не отходите от сопровождающих: новичок на Медузе может погибнуть в считанные минуты. Хотя здешняя промышленность обеспечивает вполне комфортабельную жизнь, но по стандартам так называемых цивилизованных планет Медуза очень примитивна, и к физическому развитию аборигенов предъявляются весьма жесткие требования. Приготовьтесь к тому, что даже помещения не отапливаются. Правда, для начала вам будут обеспечены привычные условия. Наше правительство может служить образцом эффективности; без которой невозможно выжить в этом суровом мире. Почтительно относитесь к властям. Итак, милости просим.

Оставшуюся часть полета никто не произнес ни слова: одни еще не успели привыкнуть к новому положению, а другие, в том числе и я, из-за нервного напряжения. Начиналась совершенно новая жизнь.

Мы снижались с огромной скоростью, однако то или тот, кто управлял кораблем, был асом. Несмотря на неблагоприятные условия, корабль искусно спланировал прямо в причальный док.

Минуту спустя раздался свист воздуха, наполняющего шлюзовую камеру; индикатор постепенно сменил

цвет с красного на оранжевый, а затем на зеленый. Легкое шипение — и лок плавно отъехал в сторону.

Какое-то мгновение никто не двинулся, но затем сидевшие ближе к выходу встали, и я последовал за ними.

В доке царил невероятная стужа, и я моментально продрог до костей. Не сговариваясь, мы со всех ног кинулись к пассажирскому терминалу. До него было рукой подать, но за это время я посинел от холода. Встречающие нас мужчина и женщина приказали нам надеть разложенную на столе экипировку. Повторного приглашения никому не потребовалось. Я моментально влез в первый попавшийся комплект: утепленное нижнее белье, парка, теплые штаны, мягкая обувь и меховые перчатки. Впрочем, я настолько промерз, что дрожал, даже напялив все это.

— Все, кто оделся, строиться! — выкрикнула женщина хорошо поставленным командным голосом.

Только оказавшись в строю, я внезапно осознал, что это действительно Медуза, и с первым порывом ледяного ветра меня атаковали мириады микроорганизмов, моих новых стражей.

ГЛАВА 3

ЗНАКОМСТВО

Оба наших гида — и мужчина, и женщина — были худощавы, но с виду крепкие и выносливые, однако впечатление производили неприятное. Они прямо-таки излучали высокомерие и холодную отчужденную деловитость. Их темно-зеленая униформа и черные ботинки на резиновой подошве явно не предназначались для работы на свежем воздухе, но казалось, что температура в пассажирском терминале для этих ребят привычна. На рукавах я разглядел знаки отличия — если здесь были приняты те же обозначения, что и в Конфедерации, то мужчина имел звание сержанта, а женщина — капрала. Кроме того, на ее груди красовался странный значок, напоминающий змейку.

Они построили нас и внимательно осмотрели — с легкой безразличностью, как отвратительных подопытных тварей, и я сразу возненавидел обоих.

— Я сержант Горн, — встав перед нами, рявкнул мужчина голосом, типичным для всех сержантов Вселенной. — Рядом со мной — капрал Сутра. Под нашим руководством вы пройдете первоначальную подготовку в центре обучения. Когда акклиматизируетесь, каждый получит комплект настоящей, хорошо подогнанной одежды. А сейчас следуйте за мной. Автобус уже ждет.

«Автобус» оказался металлической коробкой с электромагнитным приводом. Крепкие литые сиденья, две полосы светильников — и все. Не было ни водителя, ни, как вскоре выяснилось, и отопления. Однако он

спасал хотя бы от пронизывающего ветра и секущей метели. Как только все вошли, капрал вытащила из кармана небольшую пластинку и сунула в узкую щелку на передней панели. Дверца с жужжанием захлопнулась, и автобус тронулся.

От космопорта до города было довольно далеко. Минут через пятнадцать мы выбрались из бурана, и окна, до того плотно залепленные снегом, очистились. На горизонте высились зловещие горы, а вокруг, насколько хватало глаз, лежала белая безжизненная пустыня. Я никогда не видел столько снега за раз — разве что на полюсе..

Постепенно я проникся уважением к нашему транспортному средству. Автобус двигался быстро, но на удивление плавно и ровно: судя по всему, под снегом была проложена следящая магистраль, и, значит, сколько бы ни намело, машина никогда не сбьется с пути.

Внезапно автобус так же плавно начал торможение и остановился возле большого здания, неясно маячившего над безбрежным снежным океаном. Через минуту мы тронулись с места, но почти сразу вновь остановились, а затем с прежней скоростью понеслись над невидимой магистралью. Сержант Горн взял микрофон.

— Мы приближаемся к западным воротам города Серая Бухта, — проинформировал он. — Учитывая здешний климат, большая часть мегаполиса располагается под землей, точнее, под слоем вечной мерзлоты. Город окружен защитным полем, которое мы преодолели во время остановок. Оно оберегает жителей от диких зверей и других неприятных созданий.

За очередным поворотом мы остановились перед самой настоящей железной дорогой. Дождавшись переключения семафора, автобус двинулся дальше, и минуты через две, миновав туннель, въехал в Серую Бухту. Город поражал размерами и выглядел вполне современно.

— Это не естественная пещера, — сообщил сержант Горн. — Мы делали ее по методике, используемой на некоторых планетах Пограничья — самых диких. Фактически это перевернутый вверх дном так называемый купольный город. Сначала выстроили сам город, а затем накрыли его крышей. Большинство поселений на Медузе, за исключением разве что экваториальной зоны, построены точно так же. Население Серой Бухты составляет семнадцать тысяч человек, и это крупнейший торгово-промышленный центр северного полушария.

Вспомнив карту Медузы, я установил свое местонахождение. Восточный континент, примерно 38 градусов северной широты. На нормальных планетах в этом поясе располагаются самые респектабельные курорты.

Несмотря на теплую одежду, я продрог до костей: после корабля с его искусственным микроклиматом, приспособиться к здешней погоде оказалось не так-то просто.

Мы промчались мимо многоквартирных жилых домов и административных и торговых центров и наконец остановились у четырехэтажного здания из черного камня, совершенно лишенного окон. Двери автобуса с шипением открылись.

— Пожалуйста, следуйте за нами, — произнес сержант Горн. Несмотря на вежливое «пожалуйста», его приглашение напоминало приказ. — Не расходитесь. Нам предстоит подняться на третий этаж — смотрите не потеряйтесь.

Войдя в здание, мы очутились в широком коридоре, по обе стороны которого тянулись рабочие помещения. Периодически его пересекали другие проходы. Вскоре мы уже поднимались по лестнице, стараясь держаться поближе к сержанту. Большинство из нас запыхались, одолев всего два пролета: сказывалось повышенное тяготение.

Поток теплого воздуха из дверей первой же комнаты на третьем этаже был столь же неожиданным,

сколь и гостеприимным. Я даже не представлял себе, до какой степени замерз, и лишь спустя несколько минут смог переключиться на что-то еще, кроме тепла, и оглядеться.

Относительно большое помещение было обставлено просто и функционально: длинные складные столы и складные же стулья. И все. Также удивляло отсутствие окон, но причину этого нам вскоре объяснили наши проводники.

— Расслабьтесь и посидите немного, пока не согреетесь, — посоветовал сержант Горн. — Здесь и в трех соседних комнатах поддерживается температура 21 градус Цельсия. Это единственные постоянно обогреваемые помещения. Окон и вентиляции нет по соображениям экономии. — Он подошел к двери. — Пойдемте, я покажу вам ваши хоромы.

Спальня своими размерами напоминала барак. Вдоль стен стояли двухъярусные койки с тонкими, как бумага, матрасами, но я видывал условия и похуже. За ней располагалась еще одна комната с большой общей душевой, тремя стандартными сортирами и четырьмя небольшими умывальниками. Судя по всему, этим великолепием пользовались редко.

Мы вернулись в «фойе» и расселись. Никто и не подумал снять теплую одежду; мне казалось, что я уже никогда не согреюсь.

К нам подошла капрал Сутра — точная копия своих коллег, которых я в достатке встречал и раньше. Дурнушкой не назовешь, однако сразу бросается в глаза холодность, твердость и какая-то приземленность. Под стать был и голос — ровный и бесстрастный. Впервые я как следует разглядел самих гидов, а не их манеры и униформу. До сих пор мне казалось, что у них очень темные, землистые лица; при ближайшем рассмотрении выяснилось, что у них, наоборот, светлые и даже почти румяные физиономии. Правда, кожа на вид была че-

ресчур жесткой, словно шкура животного. Да, мягкости им явно недостает.

— Меня зовут капрал Сутра, — напомнила женщина. — На акклиматизацию вам отводится целая неделя. Мы с сержантом Горном будем в этом здании, ответим на все ваши вопросы и преподадим азы выживания на Медузе. Кроме того, вас посетят другие правительственные чиновники, чтобы определить ваше будущее место в обществе. Я понимаю, сколь мучительны были для вас первые минуты и теперь вам наверняка любопытно, что представляет собой наш мир и каким образом это скажется на вас.

«И особенно на наших внутренностях», — добавил я про себя.

— Во-первых, есть ли среди вас хоть один, кому неизвестно, почему Медуза и другие планеты системы Ромба Вардена используются Конфедерацией в качестве тюрьмы? — Сутра сделала паузу и, казалось, чрезвычайно обрадовалась, что не придется объяснять хотя бы самое элементарное. Микроорганизмы уже превращают ваши тела в свой дом. Но не тревожьтесь. В этом нет ничего плохого — скорее наоборот, ибо, несмотря на все достижения медицины, человеческий организм по-прежнему остается крайне уязвимым. Но так как существование бактерий Вардена отныне напрямую зависит от состояния их нового жилища — человеческого тела, — они будут стремиться оздоровить его. Все ваши скрытые или недолеченные болячки пройдут, и каждый орган начнет функционировать как часы. Такова плата за ваше заточение, мне думается, это ни в коем случае нельзя назвать невыгодной сделкой.

Грубый, волосатый здоровяк рядом со мной тихо кашлянул.

— Мда-а-а... а чем платим мы? — поинтересовался он.

— Речь не об этом, — ответила Сутра. — Бытует теория, согласно которой микроорганизмы Вардена исторически обитали только на Лилит и лишь благодаря слу-

чайному стечению обстоятельств распространились на остальных планетах и, естественно, мутировали там. На Лилит некоторые люди обладают способностью с помощью микроорганизмов Вардена управлять человеческими эмоциями, а иногда даже создавать и уничтожать предметы одним лишь волевым усилием. На Хароне это выражается гораздо сильнее, и там обладатели сильной воли после подготовки обретают поистине волшебную власть над всем сущим. На Цербере люди могут обмениваться телами — тоже благодаря микроорганизмам Вардена. Но на Медузе основная проблема — выжить. Здесь микроорганизмы сообщаются друг с другом только в пределах организма-носителя и не имеют связи с другими колониями.

— Вы хотите сказать, что они никак себя не проявляют? — с сомнением произнесла какая-то женщина.

— Нет, определенные эффекты, разумеется, существуют, но они настолько универсальны и оперативны, что никакого человеческого участия не требуют. Однако в результате Медуза становится чуть гостеприимнее. Здешние микроорганизмы Вардена полностью изменяют человеческую биохимию. Мы выглядим, как люди и поступаем, как люди, но под микроскопом видно, что на самом деле мы уже таковыми не являемся. Человек видоизменяется здесь гораздо существеннее, чем на остальных планетах. Все без исключения клетки подвергаются модификации, и каждую берет под контроль проживающая в ней колония бактерий, готовая мгновенно отреагировать на любую перемену — либо в сочетании с остальными клетками, либо независимо от них.

— А с какой целью? — Я был искренне потрясен услышанным. — Что именно они делают?

— Они позволяют нам молниеносно адаптироваться к любым изменениям внешней среды. Мы способны выдержать гигантские перепады температур и можем употреблять в пищу практически любое вещество, обеспечивая организм необходимой энергией. Мы ходим

нагишом в любую погоду, и единственное, что нам требуется, — это вода. Мы легко переносим сверхмощные излучения, пьем крутой кипяток и даже ходим босиком по раскаленным углям. Жители Медузы во всех отношениях превосходят среднего человека и даже обитателей соседних планет Ромба. Это как бы мгновенная эволюция.

— Так вот почему автобус не отапливался! — невольно воскликнул я, а Сутра утвердительно кивнула.

— Мы полностью независимы от внешней среды, и нам это ни к чему, — сказала она. — По униформе легко определить звание и должность, и, кроме того, на ней есть такая удобная вещь, как карманы. Но этим ее функции ограничиваются. Впрочем, скоро вы сами увидите.

Она ненадолго замолчала, позволяя нам получше проникнуться сказанным, а потом повернулась к сержанту и легонько кивнула.

— Первое время вы будете жить в этих обогреваемых и изолированных помещениях, — заявил он своим резким голосом. — Примерно через неделю микроорганизмы Вардена превратят вас в настоящих жителей Медузы — физически. Наша задачка посложнее — сделать то же самое в политическом и социальном смысле. О таком обществе человечество мечтало с древнейших времен. Здесь каждый, даже ребенок, — настоящий супермен. Кроме того, наш Первый министр, властитель Медузы Талант Упсир, исключительный политик и блестящий специалист в области социальной инженерии. Попади вы на Лилит или Харон, вас ждала бы обычная участь рабочих-иммигрантов. Медуза же имеет современную промышленность со всеми вытекающими последствиями. Место, которое вы займете в обществе, будет определяться исключительно вашими способностями и интеллектом. Наша планета при первом знакомстве производит жутковатое впечатление, но скоро вы поймете, что это удивительный, прекрасный и очень уютный мир. Вам неслыханно повезло.

Теснота спального барака позволила нам лучше узнать друг друга. Хотя одна пара предпочитала не распространяться о своем прошлом, остальные мои товарищи по несчастью представляли весьма колоритное собрание. Каждый из них, считая и меня, убил по крайней мере одного человека, убил холодно, расчетливо и обдуманно. По-видимому, здесь собрались действительно самые отпетые уголовники. Никаких контрабандистов или растратчиков — только отъявленные негодяи, короли преступного мира.

Ко мне, как к самому молодому, все относились покровительственно и даже, я бы сказал, с любовью. Тот, кто не имел удовольствия встретиться с настоящими головорезами ранее, вряд ли поверит в такое: но я-то знал, что большинство преступников, если так можно выразиться, в «миру» вполне обычные и даже милые люди. Мои новые друзья оказались личностями исключительно талантливыми и в отличие от меня — Тарина Була — расправлялись со своими жертвами новейшими и хитроумными способами.

Каким образом Талант Упсир собрался перековать таких подонков в образцовых граждан своего идеального общества, мы поняли на следующий день, увидев высокого мужчину с непроницаемым лицом — примерно такое выражение было у Горна и Сугры в момент нашего знакомства. Он представился как Солон Кабаз, комиссар Серой Бухты. Его черную униформу, выдержанную в милитаристском духе, украшали блестящие золотые шевроны и широкий ремень такого же цвета. На лацкане куртки красовалась эмблема сотрудника государственной службы — стилизованная женская головка с пышной прической, состоящей из клубка извивающихся змей. Держался он, как и большинство политиков, с подкупающей простотой, но, по-видимому, только я обратил внимание, что в комнате цвет его лица изменился от землистого до темно-померанцевого, как

у Горна и Сутры. Наглядное подтверждение тому, о чем говорили наши гиды.

— Я буду предельно откровенен, — с ходу заявил он. — Во-первых, ребята, вы влипли. Сбежать с Медузы невозможно, скрыться на самой планете — тоже. Таким образом, самое оптимальное для вас — без промедления заняться карьерой. Попали вы сюда не по собственной воле, но теперь все зависит от вас. Скажу честно, наша общественная система не допускает сбоев и, не считая тех знаний, которыми кто-то из вас, возможно, обладает, никакой потребности в вас не испытывает. Так что вам придется или самостоятельно искать место в жизни, или сделать последний шаг в забвение, от которого вас спасла ссылка на Медузу.

Мы подавленно молчали. Впрочем, момент, конечно, был выбран исключительно подходящий. Мы были еще совершенно беспомощны в этом враждебном мире и содрогались при мысли о том, что творится в наших организмах. Мало того, в первую же ночь, когда мы заснули, у нас изъяли теплую одежду, оставив только тонкие халаты больничного покроя. Попробуй сбежать в них в ледяную пустыню!

— То же самое нам твердили и в Конфедерации, — еле слышно проворчал Турнель, грубый краснолицый гигант, вечно чем-то недовольный. Кабаз, конечно, улыбался и снисходительно усмехнулся.

— Совершенно верно. Конфедерации тоже надо как-то существовать. Это отнюдь не означает, что та-мошнее общество — лучшее из всех возможных или отличается особой эффективностью. Просто оно великолепно подходит для подавляющего большинства.

— А мы-то как раз подавляющее меньшинство, — заметила Эдала, женщина весьма прямолинейная в суждениях.

— Правильно, — охотно согласился Кабаз. — Это относится ко всем нам. Я сам родился и вырос в Конфедерации. Талант Упсир, наш Первый министр, —

тоже. Однако здесь, как ни странно, даже такие про-
рожденные преступники, как мы с Талантом, нашли свое
призвание в управлении обществом, а не в борьбе с ним.
Перед нами стоят те же проблемы, что и перед Конфе-
дерацией, и вдобавок куча других, связанных со специ-
фикой Ромба Вардена. Наше преимущество в том, что
Медуза — самая богатая планета Ромба, так как мы кон-
тролируем сырьевые ресурсы, а кроме того, здесь мик-
роорганизмы Вардена не проникают в неорганическую
среду и у нас нет технологических ограничений. Вам
крупно повезло, и теперь ваша главная задача — занять
достойное место.

Наше «везение» заключалось в том, что из отно-
сительно тоталитарного общества, свято верившего в
изначальное добро, мы угодили в общество исключи-
тельно тоталитарное, считающее, что человек непре-
менно выберет зло — дай только ему волю. Таким об-
разом, идеалом Упсира являлся централизованный и
жестко управляемый социум с простым и ясным за-
конодательством, нетерпимым к любой, даже малей-
шей угрозе. На самом деле честь этого открытия при-
надлежала не ему — история знает множество таких
примеров.

Все население планеты насчитывало около тринад-
цати миллионов человек, рассеянных в пределах так на-
зываемой нормальной температурной зоны по неболь-
шим купольным или подземным городкам, соединен-
ным между собой магнитными магистралями. Электро-
энергию получали главным образом при помощи гео-
термальных шахт, а местоположение городов и их раз-
меры диктовались исключительно мощностью источни-
ков энергии. Именно Медуза контролировала грузовой
флот Ромба, обслуживающий рудники на спутниках
Момрата — соседней планеты-гиганта с системой ве-
ликолепных колец. Максимально продуманное разме-
щение грузовых терминалов на орбите Медузы позво-
ляло с минимальными затратами снабжать сырьем го-

рода планеты. Некоторые из них, вроде Серой Бухты, лежали в очень высоких широтах не только из-за близости крупных геотермальных источников; они служили транспортными узлами, так как межконтинентальные магистрали прокладывали только там, где моря круглый год лежали подо льдом. Авиация на Медузе практически отсутствовала по причине неблагоприятного климата и низкой грузоподъемности.

Численность населения среднего города составляла от пятидесяти до ста тысяч человек. Все были полностью обособлены, и в каждом развивался строго определенный тип производства. К примеру, Серая Бухта была центром транспортного машиностроения. Где-то выпускались компьютеры; это сильно удивило меня, так как я полагал, что Конфедерация запретила производство их в пределах Ромба. Впрочем, львиная доля продуктов питания и синтетических материалов завозилась с Харона и Лилит. Сутра говорила, что обитатели Медузы всеядны в полном смысле этого слова, однако Кабаз пояснил, что хотя в принципе можно питаться и человечинной, это еще не значит, что они предпочитают бифштексы именно из нее. В нормальных условиях жители Медузы питались нормальной пищей.

Теснее всего экономика Медузы была связана с Цербером — ближайшей обитаемой планетой системы. Цербер снабжал предприятия Медузы новыми разработками и программным обеспечением. Определенные товары выпускались сугубо на экспорт. Например, скоростные катера, в которых очень нуждался залитый водой Цербер.

Промышленность Медузы в основном была автоматизирована, однако каждому находилась работа. Уроженцы планеты с четырех до двенадцати лет получали образование в государственных школах, после чего продолжали специализированное обучение. По сравнению с принятым в Конфедерации разведением людей с заранее заданными способностями такой метод казался

несколько архаичным, тем более что цели преследовались те же.

Институт семьи, надо сказать, тоже отличался нетрадиционностью. Браки заключались в раннем возрасте и только с одобрения государственных спецслужб. При этом они, как правило, были групповыми — отчасти ради повышения рождаемости, отчасти ради «эффективности». Это слово вообще оказалось невероятно популярным на Медузе. Оно утомило меня уже на вторые сутки.

Местная табель о рангах имела сорок четыре степени с постепенно повышающимся жалованьем; теоретически любой мог претендовать на более высокую ступень, но верхние четыре степени оставались прерогативой исключительно сановных государственных мужей, а высшей степенью обладал, как нетрудно догадаться, только один человек.

Больше всего здешнее общество смахивало на военный лагерь, состоящий из различных подразделений, в котором солдатами являются все — мужчины, женщины и даже дети. У каждого была определенная должность и чин. Подразделения имели свою общественную столовую, обеспечивали своих «бойцов» едой, одеждой, жильем, а также всевозможными развлечениями, за которые, правда, надо было платить. Впрочем, основные потребности удовлетворялись бесплатно и деньги расходовались только на увеселения и предметы роскоши.

В сутках было три смены, по восемь часов каждая — часы были немного короче, чтобы не возникало разнобоя с Конфедерацией. Рабочая неделя состояла из шести дней, а седьмой — выходной, однако на различных предприятиях он выбирался произвольно, поэтому общего выходного не существовало. А для того чтобы все трудились не покладая рук, существовала Служба наблюдения.

Полагаю, что именно за эту идею Талант Упсир в свое время заработал поездку на Медузу. Состоятельна

ли система тотальной слежки в конгломерате из тысячи планет, рассеянных по доброй четверти Галактики, — вопрос сугубо академический, однако на Медузе она работала, и притом отменно — хотя никому из нас это не понравилось. И в первую очередь — мне.

Прослушивалась и просматривалась каждая комната в каждом городе. Наблюдение велось за улицами, переулками, транспортом — за всем без исключения. Все, что говорил или делал человек, записывалось и поступало в центральный компьютер Службы или скорее всего в огромный банк данных, на искусственном спутнике Медузы. Я уверен, что тот, кто писал программное обеспечение для столь мощной вычислительной системы, в конце концов свихнулся.

Разумеется, даже самой совершенной технике не под силу обработать такие массивы информации, и именно здесь Упсир блеснул своей дьявольской изобретательностью. Служба наблюдения Медузы — по сути, особая полиция, которая фактически управляла планетой и называлась скромно — СНМ, — запрограммировала свои компьютеры на отслеживание строго определенных вещей — фраз, поступков и Бог знает чего еще, — которые автоматически активизировали программу. Провинившегося отмечали «флагом». Сотрудники СНМ методично просматривали всю информацию о нем, а затем требовали объяснений от подозреваемого. Никто не знал, что именно нужно произнести, чтобы впасть в немилость к машине, и постоянное беспокойство, умело подогреваемое сотрудниками СНМ, порождало даже у самых осторожных и проницательных неуверенность в своем положении.

— Система, — с гордостью сказал Кабаз, — оказалась исключительно работоспособной, производительность труда стала невероятно высокой, нарушения трудовой дисциплины сократились до минимума. Преступность почти сошла на нет, не считая редких вспышек страстей, которые центральная ЭВМ просто не в состо-

янии распознать заранее. Но если уж преступление совершено, СНМ восстановит его полную картину и вычислит виновных.

Мера наказания определялась на закрытых судебных заседаниях СНМ. Вердикты выносились очень быстро и варьировались от понижения в должности до принудительной модификации психики — такая участь, как правило, ждала всевозможных садистов и извращенцев, сосланных на Ромб за аналогичные преступления. Высшая мера торжественно называлась Окончательным Понижением — вас отправляли в самое неприятное из космических путешествий: пожизненную ссылку на рудники Момрата.

Пока оставалось неизвестным размещение мониторов, а также ключевые слова и действия, столь развитая система тотальной слежки представляла серьезную опасность для юнца, которого наверняка и близко не подпустят к более или менее крупному руководителю. Но я не падал духом; кроме того, Медуза была именно той планетой, где я чувствовал себя как рыба в воде — ориентированная на технологический прогресс и полностью зависящая от техники. Если удастся найти верный путь, эта жесткая система из моего врага превратится в союзника. СНМ, а стало быть, и Талант Упсир до последнего момента будут чувствовать себя в полной безопасности.

Но задача и впрямь не из легких. Малейшая ошибка наверняка станет роковой, и к тому же пройдет очень много времени, прежде чем я разберусь в ситуации и начну действовать.

После визита Кабаз мои друзья по несчастью сделались мрачными и немногословными. Некоторые предприняли отчаянные, но безуспешные попытки обнаружить мониторы в своих комнатах и скоро сдались.

На третий день мы на собственном опыте убедились во всемогуществе СНМ. Наши надсмотрщики знали буквально каждое слово, которое мы произнесли нака-

нуне — даже в душе, потихоньку: они могли выделить еле слышный шепот из всей какофонии звуков. Я надеялся, что нам покажут видеозаписи, по которым можно будет установить районы размещения мониторов, но ошибся. Центр адаптации напоминал комфортабельную тюрьму чрезвычайно строгого режима, но пока мы ничего не могли с этим поделать.

На четвертый день началось собеседование и тестирование. Клерки с крысиными физиономиями, одетые точно так же, как Горн с Сугрой, буквально выпотрошили нас; на это ушла добрая половина дня. Затем они провели общий опрос.

На закуску нас поодиночке заводили в небольшую комнату для окончательной беседы с женщиной, которая представилась как доктор Круда. По ослепительно белому халату и значку медицинской службы я догадался, что передо мной психиатр. Впрочем, это меня не пугало — я был достаточно хорошо подготовлен, чтобы распознать любую врачебную хитрость, и к тому же сам в некотором роде был детищем светил психиатрии. От меня требовалось только одно — хорошо сыграть свою роль и заработать подходящую униформу.

Доктор Круда жестом указала на кресло, сама присела за большой стол и бегло пролистала мое личное дело.

— Вы Тарин Бул?

Я беспокойно заерзал:

— Да, мадам.

— Вам четырнадцать лет?

Я утвердительно кивнул:

— Да, должно было исполниться несколько месяцев назад. Я потерял счет времени, болтаясь по этим треклятым психушкам. Э-э-э... простите, мадам.

Она тоже кивнула, не в силах подавить легкую улыбку:

— Насколько нам известно, вы самый юный заключенный, заслуживший ссылку в Ромб Вардена.

— Я так и думал, — искренне признался я.

— Судя по вашему образованию и генотипу, вам больше всего подходит административная работа, но вы еще слишком молоды. Надеюсь, вам это ясно?

Мне оставалось только согласиться.

Она вздохнула и вновь углубилась в документы. Я заметил, что странички исписаны от руки — такого я еще не видел.

— Тестирование показывает, что у вас есть способности к математике и особенно к вычислительной технике. Кем вы сами хотели бы стать?

Я пораскинул мозгами:

— Властителем Ромба.

Она снисходительно усмехнулась:

— Понятно. Ну а если серьезно?

— Виноват, мадам, — сказал я после секундной паузы. — Пилотом межпланетного грузовика.

На самом деле я уже БЫЛ и им тоже! Это вполне подходит для моей миссии — деньги, мобильность, социальный статус и куча других преимуществ.

— Резонно, — поразмыслив, согласилась женщина, — но для этого необходимо долго учиться. — Она помолчала, а потом применила коронный прием всех психиатров. — Вы уже имели опыт полового сношения с девочками или же с мальчиками?

— Нет, мадам! — вскричал я.

— Как вы относитесь к девочкам?

— Они... хорошие, — неопределенно ответил я.

Она рассеянно кивнула и что-то черкнула в моем деле:

— Как вы относитесь к тому, что оказались здесь?

Я вновь пожал плечами и честно сказал:

— Мне кажется, нам всем хана.

Вновь кивок и отрывистая запись в блокноте.

— Ну что же, Тарин, на сегодня хватит. Можете идти. Завтра мы кое-что уточним и тогда решим, куда именно вас направить.

Не говоря ни слова, я удалился.

Тесты прошли гладко. Я прекрасно знал эту процедуру. Мои способности вполне отвечали моим текущим интересам — компьютерная техника, электроника и механика, — а фоновые психические характеристики настоящего Тарина Була оставались нетронутыми. Разумеется, я доставил им массу хлопот, так как был слишком стар, чтобы пройти весь курс обучения, и слишком молод, чтобы начать работать самостоятельно. Все, что я мог сделать, — это строить из себя вундеркинда и надеяться на лучшее.

На пятый день акклиматизации моя кожа приобрела темно-коричневый оттенок — как и у остальных новоиспеченных медузианцев. Я был очень взволнован и впервые за все это время по-настоящему ощутил всю глубину происходящих во мне изменений. Ко всему прочему я чувствовал легкое недомогание.

Горн и Сутра, чрезвычайно довольные метаморфозами, с утра отправили нас на медосмотр. Поначалу все процедуры были обычными, но, когда меня в одном халате вывели в неотапливаемый коридор и повели на первый этаж, я решил, что это неудачная шутка: как только дверь открылась, меня мгновенно охватил озноб, но в следующее мгновение приятное тепло разлилось по всем членам. Еще секунда — и я совершенно согрелся.

Но, взглянув на свои руки, я сразу почувствовал подвох: ладони приобрели нейтральный серый оттенок. Впрочем, мне было хорошо, и я нисколько не сомневался в том, что по-прежнему принадлежу к человеческому роду.

Первый этаж был заполнен людьми. В абсолютной тишине они сновали туда-сюда. На нас никто не обращал внимания — только два человека скользнули по мне безучастным взглядом и тут же отвернулись.

Убедившись, что все в порядке, Горн вывел нас на улицу. Я испытал те же ощущения: лютый холод быстро сменился теплом и полнейшим комфортом! А ведь на

мне была только пижама. Я успокоился, и страх уступил место уверенности в собственных силах.

Окрыленные нашими успехами, сержант с капралом повели нас обратно. Когда я входил в теплую комнату, меня окатила жаркая волна — но это длилось не дольше секунды: я стал самым настоящим медузианцем. Мне казалось, что теперь-то нам прочтут подробную лекцию о микроорганизмах Вардена и происшедшей с нами трансформации, однако прямо спросить я не решился, а наши гиды явно не спешили нас просвещать. Значит, придется до всего доходить своим умом. Проклятие!

После обеда тех из нас, кто уже «акклиматизировался», отвели — по одному — в маленький кабинет. Когда пришла моя очередь, я смело переступил порог, ожидая очередной встречи с психиатром, но увидел совершенно незнакомого мужчину.

— Тарин Бул? Главный инспектор Трин из Гильдии Транспортников. Я слышал, что вы хотите стать пилотом.

Я просиял от радости:

— Да, сэр!

— Ну что ж, это вполне реально. Вы довольно грамотны, способны к математике, а ваши теоретические познания в области вычислительной техники выше всяких похвал. Однако вам придется проучиться еще годика два, прежде чем получите направление в летное училище. Впрочем, в члены Гильдии мы принимаем вас уже сегодня, но вам придется поработать над собой. Судя по тестам, вы немного рассеянны и любите разбрасываться. Значит, для начала вы займете самый низкий пост. К сожалению, мы не можем отправить вас доучиваться — общеобразовательную школу вы уже переросли, а в специальное училище вам еще рано. Но компьютерные курсы позволят вам подготовиться к дальнейшему обучению.

Я понимающе покивал. Конечно, хотелось бы большего, но пока и этого вполне достаточно.

— Ваш ранг предполагает самую тяжелую, неприятную и нудную работу, — предупредил инспектор. — Но мы будем наблюдать за вами, и, если вы сможете успешно совмещать работу и самообразование, карьера вам обеспечена. Ваше будущее зависит от ваших деловых качеств, прилежания, организаторских способностей и вообще от того, насколько вам удастся вписаться в нашу систему. Понятно?

— Э-э-э, да, сэр. Скажите... а в каком возрасте вы попали в летное училище?

Он улыбнулся:

— Минимальный возраст — шестнадцать, средний — восемнадцать. Обучение длится год, и еще год — практика. Только после этого вы получите удостоверение.

Я снова кивнул, понимая бесплодность всех попыток убедить инспектора Трина в своих обширных познаниях, и мысленно повторил про себя: «Два года». Это так долго...

НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ

На следующий день мне вручили карточку с номером и символом с одной стороны и точками из магнитного материала — с другой. Пучок молний между двумя толстыми черными линиями — по всей видимости, рельсами — символизировал Гильдию Транспортников. Как и было обещано, я получил новенькую униформу, которая пришлась мне в самый раз. В выданном вместе с ней чемоданчике обнаружили все необходимые туалетные принадлежности, в том числе и бритва. Там же лежала пара ярко-красных ботинок на резиновой подошве, в которых удобно ходить и по гладкому полу, и по скользким тротуарам.

На карточке были мои инициалы, новый адрес, название гильдии, а также разнообразные контрольные индексы. Одновременно она являлась и кредитной. Счет на мое имя был открыт в Центральном банке Серой Бухты. Если я хотел приобрести что-нибудь, то засовывал карточку в щелку кассового аппарата, и требуемая сумма автоматически изымалась со счета. Все было почти так же, как дома. Только дома я был гораздо состоятельнее.

Основной валютой была Единица, состоящая из ста Бит. Обычная десятичная система. Действительно, предельно просто.

Я приобрел карту автобусных маршрутов, попрощался с товарищами и наставниками (последние лицемерно

пожелали мне «удачи») и, сжимая в руке чемоданчик, вышел на улицы незнакомого города.

Теперь, когда я уже не обращал внимания на погоду, он показался мне таким же, как и множество других городов под куполами, которых я немало повидал на своем веку. Предприятия легко узнавались по внешнему виду, но в первую очередь — по огромным трубам, насквозь пронзавшим освещенный свод. Поскольку температура внутри и снаружи купола была одинаковой, обледенение нам не грозило, и, хотя воздух искрился инеем, я с удивлением отметил, что при дыхании не образуется облачко пара. Господи, что же натворили во мне эти чертовы букашки — ведь я нисколько не сомневался, что по-прежнему остался теплокровным млекопитающим.

Найти нужный автобус оказалось несложно, а шли они строго по расписанию. Как я выяснил, городской транспорт двигался на прорезиненных шинах над уложенным под дорожным покрытием магнитопроводом. Каучук, понятное дело, был искусственный. Оптические датчики выслеживали на ярких остановках потенциальных пассажиров, а чтобы открыть вращающуюся дверь, в боковое отверстие следовало вставить личную карточку. Пропустив одного пассажира, дверь мигом закрывалась, второй при всем желании не смог бы проскользнуть следом. Похоже, Медуза не так уж свободна от мошенничества и преступности, как это нам преподносилось. По-видимому, честным и добропорядочным гражданам были не чужды мелкие проступки — единственный доступный способ проявить бунтарский дух.

В комфортабельнейшем салоне над ветровым стеклом висела подробная карта города с указанием маршрута автобуса и точек пересадки. Заблудиться здесь было невозможно. Столь развитая и удобная транспортная сеть являлась живым воплощением «эффективности», которой так гордилась Медуза. По дороге я внимательно изучал город и его обитателей. Они выглядели обычными людьми, и только по цвету и нашивкам обя-

зательной для всех униформы можно было определить общественный статус ее владельца.

Звания и одежда Горна и Сугры выдавали их принадлежность к таинственной и путающей СНМ. Поэтому с посторонними они всегда держались наособицу. Я заметил, что, где бы ни появлялись темно-зеленые костюмы, люди с подчеркнуто равнодушным видом тут же старались поскорее унести ноги. Сознывая свое могущество и всеилие, сотрудники СНМ излучали высокомерное презрение. Но для обывателей они явно были врагами номер один. Я не мог припомнить ни одного режима со столь развитой системой шпионажа. Интересно, как попасть в ряды Службы наблюдения? И вообще кого они так боятся?

От центра города, заполненного учреждениями, супермаркетами, магазинчиками и большим зданием Центрального вокзала, расходились, чередуясь, жилые и промышленные зоны. Жилища медузианцев представляли собой типовые четырехэтажные коробки, внешне абсолютно одинаковые. Позднее, однако, я узнал, что это не так. Здесьним семьям полагалось по отдельной комнате на каждого домочадца старше двенадцати лет, так что некоторые квартиры были просто огромными. Обладатели высших рангов располагали персональными апартаментами, бывшими не в пример шикарнее.

Проезжая мимо места своего назначения — неприличного здания под номером Т-26, я нажал кнопку останова и выскочил. Помедлив немного, я собрался с духом и решительно направился к главному входу.

Изнутри Т-26 больше всего смахивало на общежитие. Первый этаж занимал большой холл с огромным компьютерным терминалом. На нем отображались различная информация и даже результаты спортивных матчей. За двойными дверями была общая столовая, но пища наверняка готовилась где-то на стороне: для кухни здесь просто не оставалось места.

Дверь напротив вела в муниципальные магазинчики. Там же были аптека, ателье и всякие лавочки. Скорее всего они работали только час во время пересменки на предприятиях. Магазины эти были крошечными — ведь в каждом здании наверняка имелись собственные, — и продавцы прекрасно справлялись в одиночку: ведь им приходилось только выдавать товар и время от времени заказывать новые партии. Для вящего удобства, скажем, обувь была одного-единственного фасона — менялись только размеры. Одежда жителей Серой Бухты тоже не поражала разнообразием. То, в чем вы нуждались, уже ждало вас к концу рабочего дня. В такой системе имелись свои преимущества, и, если бы не СНМ, все было бы просто замечательно.

С разных сторон холла размещались лифты. Весьма кстати, подумал я, не придется таскаться по лестницам.

Мне было предписано добраться до Т-26, квартира 404, доложить о прибытии и поселиться там же. Предположив, что для начала нужно попасть на четвертый этаж, я сунул карточку в щелку приемника, и дверь лифта тут же бесшумно скользнула в сторону.

Квартиру 404 я нашел быстро. А вот замочной скважины не обнаружил — только узкую прорезь в стене. Я вновь воспользовался карточкой и оказался в небольшом, примерно пять метров на четыре, помещении. Здешние уборщики трудились на совесть. Две стандартные кровати выглядели очень заманчиво — особенно после жестких двухъярусных нар. Имелись также два отдельных платяных шкафа, встроенная мебель с многочисленными ящичками, а также терминал необычной, но весьма примитивной конструкции.

Боковая дверь вела в туалет, душевую и небольшой бассейн, который, как я догадался, мы делили с соседями. Я говорю «мы», потому что в шкафчиках уже лежали чьи-то вещи. Судя по размеру одежды, мой напарник был ненамного выше меня.

Хотя мониторы СММ были тщательно замаскированы, вычислить их казалось несложно. В ванной комнате для этой цели использовался осветительный прибор, а в жилой — детектор пожарной сигнализации. Интересно, просматривается ли уборная? Как ни смешна эта мысль, скорее всего так оно и есть — я хорошо знал привычки спецслужб, тем более учитывая характер Улсира и его подручных.

На терминале я не обнаружил никакой информации, а пароля для входа в компьютерную сеть я еще не получил. Так как инструкциями предписывалось сидеть здесь и ждать, я разложил свои вещички в шкафчике, убрал туда же сумку и уселся за терминал. Простой, как табуретка, он имел самое главное — клавиатуру и блок двухстороннего звукового общения и представлял собой комбинацию телефона и видеотерминала — скорее даже видеотелефона. Памятуя о жесткой технологической цензуре, установленной Конфедерацией, я решил, что это сугубо местная разработка. Разобрать терминал голыми руками я не мог, делать было нечего, и я, не долго думая, лег на кровать и закрыл глаза. И тут же провалился в глубокий сон.

Проснулся я спустя два часа, услышав слабое жужжание открывающейся двери. Решив, что благоразумие — лучшее проявление доблести, я не двинулся с места, но, увидев незнакомца, непроизвольно вскочил. К такому я был совершенно не готов.

— Привет! — произнесла незнакомка, ибо это была она. — Очевидно, ты тот самый Тарин Бул?

Девушка выглядела очень молодо. Невысокая, хрупкая, волосы подстрижены так же коротко, как и мои. Нимало не смущаясь, она принялась стаскивать с себя одежду.

— Хэй! — выкрикнул я, почувствовав себя в высшей степени неловко. Конечно, я не ханжа, но ведь существуют какие-то приличия!

Девушка в недоумении остановилась:

— Что такое?

— Э-э-э... но ведь ты собиралась раздеться перед чужим мужчиной!

Незнакомка расхохоталась.

— Тебе, кстати, придется сделать то же самое, — сообщила она. — Инструктор СНМ должен был предупредить. Наверное, тебя проспали. — Она полностью сбросила одежду, скомкала ее и, засунув в пластиковый пакет, положила в свой шкафчик. — Всем служащим в ранге ниже инспектора запрещается находиться дома в форме. Неужели ты не знал ЭТОГО?

Я медленно покачал головой, пытаясь понять — она правду говорит или шутит? Но по зрелом размышлении я нашел подобное требование не таким уж бессмысленным — с точки зрения СНМ. Конечно, это было чудовищным нарушением прав человека. Мне не раз приходилось бывать нагишом в компании голых мужчин и голых женщин — как правило, на приморских курортах, — но я и представить не мог, сколь оскорбительным может быть такой ПРИКАЗ.

Моя соседка протянула мне точно такой же пакет.

— Давай, — предложила она, — пока тебя не засекали. Снимай — и в мешок.

Я вздохнул, решив, что поддаться на уговоры слишком легко — значит, с самого начала проявить бесхарактерность. А именно сейчас мне требовалось соблюдать величайшую осторожность.

— Но... но ведь ты девушка, а я мужчина!

То, что меня не предупредили об этом с самого начала, свидетельствовало, что за мной будут следить очень внимательно и оценивать способность к социальной адаптации. Мой возраст отчасти служил защитой, но отнюдь не абсолютной. Цивилизация, сумевшая при помощи суперробота проникнуть в сердце Конфедерации, могла без особого труда собрать сведения и о процессе Мертон, а мои шансы и без того чрезвычайно малы.

Девушка в недоумении подошла ближе:

— Неужели там, Извне, все такие же застенчивые и слабонервные?

Из ее слов — если она не была подсадной уткой — я сделал два важных умозаключения. Во-первых, она родилась и выросла на Медузе. Во-вторых, до меня она ни с кем Извне не встречалась. Эта информация давала мне определенные преимущества и возможность маневра, однако я прекрасно понимал, что сотрудники СНМ, наблюдающие за мной, достаточно опытни и отнюдь не наивны.

Еще раз тяжело вздохнув, я покорно стащил с себя новенькую униформу и закинул в мешок, который моя соседка тут же завязала и поставила на пол.

— Меня зовут Чинг Лу Кор, — представилась она. — А ты — Тарин Бул, да?

— Ага, — подтвердил я, нервно кивнув.

Девушка критически оглядела меня с ног до головы:

— А ты очень даже ничего. Говорят, люди Извне щедущие и изнеженные, но к тебе это не относится.

— Э-э-э, я много времени провел взаперти, — я шмыгнул носом, — но вообще-то постоянно делаю зарядку. — Теперь главное — не сфальшивить: образ Тарина Була должен быть убедительным.

Девушка присела на краешек соседней кровати.

— А за что тебя сослали сюда? — осторожно спросила она. — Или об этом нельзя расспрашивать?

Я неопределенно пожал плечами и тоже опустился на кушетку:

— Я убил человека, виновного в гибели моего отца.

Девушка задумчиво накупила. Она прожила всю жизнь в условиях неусыпного и всеобъемлющего контроля, и такое было недоступно ее пониманию. Но мотивы она, похоже, поняла, даже если само преступление представлялось ей невозможным. Казалось, она потрясена услышанным, но находит мою историю чрезвычайно романтической.

— Слушай, а ты не голоден? — внезапно сменила она тему. — Я так просто умираю — только что со смены. А тебе везет — до 16.00 завтрашнего дня ты свободен. — Она пружинисто вскочила с кровати. — Пошли. Все равно нужно в прачечную. А потом ты расскажешь мне про Извне, а я объясню тебе все про Медузу.

Я решил немного поломаться:

— Вот так и пойдем? Голышом?

Девушка засмеялась:

— Да ты и впрямь какой-то странный. Если не можешь ни на секунду расслабиться, тебе прямая дорога к психиатру. Запомни: у кого-нибудь ты ВСЕГДА на виду. Так какая разница? — Она взяла мешки с одеждой и направилась к двери, а я поплелся следом, но внезапно остановился:

— Слушай, а как же карточка?

Чинг с улыбкой взглянула на меня.

— Тебе не нужна никакая карточка, пока ты ДОМА, — сказала она и устремилась к лестнице.

Насчет одежды она не солгала. Все — молодые, и старые, мужчины и женщины — совершенно спокойно ходили, сидели, разговаривали в чем мать родила. Иногда попадались люди в форме — либо обладатели высокого ранга, либо те, кто только что пришел со смены или отправлялся на работу. Вероятно, смены на различных предприятиях несколько сдвинуты во времени — чтобы не перегружать транспорт.

В небольшой столовой-кафетерии стоял обычный шум, гам и суматоха. Меню не было — вы подходили к раздаче, нажимали на кнопку и получали поднос с едой. Маленькая стойка в центре зала предлагала ассортимент из трех напитков — единственная возможность выбора.

Непривычная пища оказалась, однако, очень вкусной. Я никогда не увлекался чревоугодничеством, гурманом меня тоже не назовешь, так что приспособиться

к здешней кухне не составило для меня большого труда. После баланды, которой нас кормили во время перелета и в центре акклиматизации, здешние яства представлялись восхитительными — тут тебе и холодная закуска, и салат, и даже десерт. Мясо, судя по всему, синтетическое, но фрукты и овощи, похоже, натуральные и даже свежие. Я вспомнил, что Медуза импортирует множество продуктов питания с более теплых планет. Талант Упсир явно не собирался морить народ голодом, даже если этот народ может питаться одной древесиной.

Я внимательно присматривался к обстановке и сделал много важных выводов. Просто потрясюще: я находился в самом жестком тоталитарном обществе в истории, однако люди вовсе не производили впечатления забытых. Они шутили, смеялись, веселились от души — как и во всех закусочных Галактики. Это сильно смущало. Система действительно работала отменно: обыватели чувствовали себя легко и счастливо. Талантом Упсиром невозможно было не восхищаться: старый пройдоха, что ни говори, действительно чертовски талантлив.

Другое мое наблюдение было сугубо практического свойства. Жители Медузы, как и обитатели любой другой планеты — особенно приграничной, — при внимательном рассмотрении несколько отличались от таких, как я, пришельцев Извне. Кожа была грубее, волосы напоминали проволоку, и даже выражение глаз было иным: живой человеческий блеск в них отсутствовал напрочь.

Впрочем, я прекрасно понимал, что со временем стану таким же, но по-прежнему буду считать себя человеком.

Третий вывод: судя по всему, я — самый юный член этого сообщества, правда, некоторые были старше совсем чуть-чуть. Да, придется поближе познакомиться с моей соседкой. Чинг явно не возражала.

— Сколько тебе лет? — поинтересовалась она. — Меня предупреждали, что ты очень молод, но я почему-то думала, что ты мой ровесник.

— А тебе? — удивленно переспросил я.

— Недавно исполнилось шестнадцать, — гордо ответила она. — И я начала работать здесь.

— Ну а мне скоро пятнадцать, — почти не соврал я. Психологическая разница между пятнадцатью и шестнадцатью гораздо меньше, чем между четырнадцатью и шестнадцатью. — А кто тебе говорил обо мне? И почему нас поселили вместе?

— Тебе и в самом деле ничего не объяснили, — вздохнула Чинг. — Ну так слушай. Три недели назад я получила диплом — я жила тогда вместе с семьей в заливе Хуанг, это немного южнее Серой Бухты. Я понимала, что меня вот-вот направят на работу, и действительно вскоре пришел приказ, что я назначена в Гильдию Транспортников в Серую Бухту. Неделю назад меня вызвали в управление и сказали, что дают мне в напарники Тарина Була — молодого человека Извне. Они предупредили, что ты можешь показаться странным — и как в воду глядели. Правда, я готовилась к чему-то подобному.

— Залив Хуанг на экваторе, да? — спросил я. Он был обозначен на моей карте, однако такой вопрос сейчас вполне уместен.

Она утвердительно кивнула:

— Да. Там гораздо красивее, чем здесь, — много цветов, деревья... Хотя везде свои преимущества. В Серой Бухте никаких проблем с насекомыми и животными, да и фрукты посвежее. — Она ненадолго замолчала. — К тому же мне самой хотелось уехать из дому... Ну, ты понимаешь...

Я молча кивнул. Я не имел опыта семейной жизни, но какое одиночество испытывают люди в подобной ситуации, было мне хорошо знакомо. То, как стойко Чинг справлялась со своей болью, о многом говорило вни-

мательному человеку. Теперь ясно, почему она так обрадовалась встрече со мной.

Пообедав, мы положили подносы в мусороприемник, сунули мешочки с формой в маленькое окошко и отправились к себе. Пришла пора познакомиться поближе друг с другом, а заодно и с местными порядками.

Дверь, которую я сначала открывал при помощи карточки, теперь распахнулась при нашем приближении. Чинг сразу же уселась за терминал, но, убедившись в отсутствии сообщений, нырнула в кровать и уставилась на меня. Мне оставалось только осторожно присесть на краешек другой кровати.

— Ты сказала, что мы напарники, — переспросил я. — Что это значит? Неужели то, что я подумал?

— Смотря что ты подумал. Всем, кто не входит в какую-нибудь семейную группу, подбирается напарник. Отныне мы с тобой все будем делать вместе. Есть, спать, ходить, работать — даже счет в банке у нас общий.

— А если мы не захотим? — слабо улыбнулся я.

— Захотим. Нас отобрало государство из множества кандидатур при помощи мощнейших компьютеров. А оно никогда не ошибается.

Я искренне надеялся, что это преувеличение:

— Возможно, это верно для тех, кто родился на Медузе. Но ведь они обо мне ничего не знают; по крайней мере гораздо меньше, чем о других.

— Я тебе не нравлюсь? — пронзила мою соседку страшная догадка.

— Нет, что ты. Но мне кажется, сначала нам нужно получше узнать друг друга. Кроме того, я еще плохо ориентируюсь в обстановке.

Продемонстрированная мной порядочность несколько успокоила девушку.

— Вероятно, ты прав. Но у нас на Медузе ничего особенного нет.

— Просто ты прожила здесь всю жизнь и ничего другого не видела. То, что тебе кажется естественным и

единственно возможным, мне внове. Ну вот, например, скажи: образуемые государством пары всегда состоят из парня и девушки?

Мой вопрос вызвал легкое хихиканье.

— Это же очень просто. В любой паре один из партнеров становится девушкой.

— Как это? — в свою очередь я почувствовал неловкость. Похоже, я упустил что-то важное.

Чинг вздохнула, настраиваясь на терпеливое объяснение очевидных вещей, однако в толосе ее проскальзывали покровительственные нотки.

— Не понимаю, чему ты удивляешься. Я сама прежде была юношей и не вижу в этом ничего особенного.

— Что??? — потрясенно пробормотал я, но в конце концов уразумел, что она имела в виду. Ключом ко всему была главная заповедь микроорганизмов Вардена на Медузе — выживание любой ценой.

В отличие от других планет Ромба Вардена на Медузе микроорганизмы встречались не везде; они оккупировали только представителей фауны — и в первую очередь людей, изменяя их таким образом, чтобы обеспечить собственное существование. Это означало, что микроорганизмы Вардена не могли самовоспроизводиться, помимо репродуктивного макроорганизма, и таким образом, их надежды на выживание в суровых условиях Медузы были тесным образом связаны с двуполыми существами.

Дети рождались без первичных признаков пола — он идентифицировался позже в соответствии с особенностями той социальной среды, в которой они проживали. Подавляющее большинство жителей Медузы — около семидесяти пяти процентов — были женщинами, так как для облегчения высокого уровня прироста населения их требовалось относительно больше, нежели мужчин.

Принять эту дикую теорию было весьма непросто, но, вспоминая то, что видел из окон автобуса и в кафетерии, я вынужден был признать — женщины действительно встречались гораздо чаще...

— Подожди-ка, — прервая я соседку, запутавшись в собственных рассуждениях. — А если мы попадем в какую-нибудь групповую семью, в которой преобладают мужчины, я могу превратиться в женщину?

— Конечно, — кивнула она. — И такое происходит на каждом шагу, однако никто не переживает, как ты.

— Ладно. Понимаешь, во всем остальном мире и даже на других планетах Ромба, если уж ты родился мужчиной, то им и останешься. А если женщиной, будешь женщиной до самой смерти. И такой порядок вещей кажется всем единственно приемлемым.

Из рассказа Чинг вытекали интереснейшие социологически выводы, однако возникал новый глобальный вопрос: если микроорганизмы Вардена способны на столь масштабную и принципиальную перестройку человеческого организма, то каковы границы их возможностей? На что еще они способны? Если местные жители используют микроорганизмы в своих целях, а не наоборот, то мобильность здешнего общества и умение оборачивать себе во благо любое внешнее воздействие превосходят всякое воображение. Если обитатели планеты при помощи волевого усилия могут изменять свой облик, превращаться в кого угодно или даже во что угодно, то мои шансы могут возрасти. Я спросил Чинг об этом.

— Ходят слухи о чем-то подобном, — задумчиво произнесла девушка, — вроде рассказов о Диких Людях, но, насколько мне известно, никто не знает, обладают ли они таким даром? Невозможно ПРИКАЗАТЬ себе превратиться в кого-то. Иногда такие вещи действительно происходят, но управлять перевоплощениями нельзя.

Однако идея по-прежнему казалась мне восхитительной. Всеми самопроизвольными процессами распоряжаться можно — было бы желание. А на планете, где существуют компьютеры, психиатры и современные методики управления сознанием и подсознанием, это

легче легкого. Я не сомневался, что у Таланта Упсира есть исследовательская группа, которая занимается этой проблемой. Не исключено, что она уже решена, но, конечно, не стала достоянием масс: обществом, члены которого обладают невероятной индивидуальной пластичностью — и в биологическом, и в социальном смысле, — невозможно управлять тоталитарными методами. Оно рухнуло, как карточный домик. И у меня уже брезжили идеи по этому поводу. Но слишком интересоваться этой темой я не мог. Особенно сейчас.

— Дикие Люди? А это кто такие?

— Ужасные дикари, — ответила Чинг. — Настоящие варвары. Они обитают где-то в глуши, вне Государства, стадами. Очень суеверны и постоянно борются за выживание. Я видела некоторых.

Сказанное заинтересовало меня еще больше, однако успех в моем деле зависел от умения выведать нужную информацию в непринужденной беседе.

— Но откуда они взялись? — спросил я. — Их что, лишили гражданства? Кто они — изгой, беглецы, дезертиры?

Чинг неопределенно потянулась:

— Кто его знает. Дикари существуют с незапамятных времен, когда еще не было самого Государства. Скорее всего это потомки первопроходцев Медузы, поселенцев — или тех, кто просто решил сбежать от цивилизации.

В последнее я не верил, но вполне допускал, что это самые обычные люди, которые не вытерпели здешний режим и повальную слежку. Наверняка они живут очень примитивно: на этой планете нет райских кущ, где все достается даром, однако в чем-то их образ жизни казался мне более достойным человека, нежели прозябание в комфортабельном городе на положении аквариумной рыбки. Мысль о необходимости выковыривать из-под снега корешки для пропитания не улыбалась

мне, но здесь, на Медузе, крайне важно сознавать, что у тебя есть выбор. Пусть даже единственный.

Я продолжал вести с Чинг бессодержательный треп — мои невидимые соглядатаи наверняка остались довольны. Потом у меня будет время собрать по кусочкам необходимую информацию и восстановить полную картину.

— Как же ты оказалась на такой грязной работенке? — поинтересовался я у девушки. — Со мной-то все понятно — мне выбирать не пришлось, но ведь ты родилась здесь. Кстати, чем именно ты занимаешься?

Эта тема показалась ей гораздо интереснее.

— Я — то есть мы — моем поезда и выполняем профилактические работы. Это очень несложно.

— Вы используете роботов? — удивился я.

— Нет, что ты! — в свою очередь поразилась она. — На предприятиях их в самом деле очень много, но убирать за людьми могут только люди. И кроме того, государство считает, что для выполнения работы недостаточно только навыка.

Больше всего это напоминало цитату из Священного писания. Оказывается, я превратился в дворника... ну и что с того? Но Чинг так и не ответила на мой первый вопрос.

— Ты славная девчонка, — сказал я почти искренне. — И очень понятно объясняешь. Ты способная, да и язык у тебя хорошо подвешен. Так почему же ты пошла в чернорабочие?

Она тяжело вздохнула.

— Если тебе неприятно, не говори, — поспешил я успокоить ее.

— Да нет, все в порядке. Ты прав — у меня высокий коэффициент интеллектуального развития, но от этого мне только хуже. Понимаешь, еще в младенчестве у меня что-то случилось с головой. Психиатры говорят, это как короткое замыкание, только неисправность такая крошечная, что ее невозможно найти. В принципе

я совершенно нормальная, но не могу разобрать букв. — Чинг коротко кивнула в направлении компьютерного терминала. — Мне легко с ним работать при помощи звукопреобразователя, но стоит взглянуть на клавиатуру или на экран — все плывет перед глазами. — Она с несчастным видом покачала головой и еще раз вздохнула. — Так что перед тобой первый неуч Медузы, — невесело закончила она.

Я прекрасно понимал, какая это серьезная проблема. Быть неграмотным в технократическом обществе сродни приговору. Нужно читать справочники, следить за текущей информацией, представленной в цифровой и буквенной форме, — иначе абсолютно выпадаешь из общественной жизни и становишься ходячим овощем. На любой цивилизованной планете ее вылечили бы в два счета, хотя окончательно избавиться от этого недуга — он называется дислексия — невозможно. Но что никак не укладывалось у меня в голове, так это бездействие микроорганизмов Вардена, способных творить чудеса.

Об этом я поинтересовался у Чинг.

— Специалисты считают, — ответила она, — что это врожденное, и, даже если удастся найти и восстановить поврежденное место, микроорганизмы все равно вернут то состояние, которое считают нормальным. Я научилась скрывать свой недуг, но прихожу в бешенство, когда думаю о том, что я гораздо умнее всех тех напыщенных дураков, которые тестировали меня, а потом беспомощно разводили руками. Мои ровесники, глупее меня во сто крат, продолжают учиться и найдут себе хорошую работу. А мне, видно, до скончания века придется мыть вагоны.

Я искренне сочувствовал ей — да и как не посочувствовать человеку, который на заре жизни лишился всяких перспектив; но я понимал, что злая шутка, которую сыграли с ней микроорганизмы Вардена, — чистая случайность, наверняка связанная с родовой травмой, и лишний раз убедился, что только прошедший генети-

ческую коррекцию человек может быть действительно нравственным и практичным. Например, я. Таким был и Тарин Бул.

— Значит, ты обречена на неквалифицированную работу? — спросил я. — И только потому, что на любой другой необходимо уметь читать?

— Нет, я могла бы устроиться немного получше, если докажу свои способности, — доверительно сообщила она. — Например, я отлично справляюсь с компьютером. Но ты прав. Более или менее пристойная работа требует элементарной грамотности: я могу освоить множество профессий, но любой грамотей сделает это несравненно быстрее и эффективнее. Впрочем, задерживаться здесь я не собираюсь. Как ты думаешь, почему они направили тебя именно ко мне?

— Потому что мы оба слегка того? — не подумав, ляпнул я.

Она весело засмеялась:

— Нет, хотя как знать. Просто со временем мы должны основать семейную группу. Тогда я стану Главной Матерью, буду вести домашнее хозяйство и воспитывать детей. А когда они подрастут, и я смогу учить их, никого не будет волновать, что для подведения домашнего бюджета я использую звукопреобразователь, а не дисплей. Такая перспектива гораздо лучше, чем всю жизнь натирать полы в вагонах или стать Девушкой Радости на каком-нибудь спутнике Момрата.

Бац! Еще одна крупинка полезной информации.

— Значит, нам придется пожениться, — вслух сказал я. — Но ведь мы еще так молоды!

Чинг широко улыбнулась:

— Так и знала, что ты об этом спросишь. Но почему молоды? Когда женятся люди Извне?

— Они вообще не женятся, — гордо ответил я. — Большинство людей создаются методами генной инженерии. Они предназначены для определенной деятельности и справляются с ней лучше, чем любой другой.

Тебя выращивают, обучают элементарным навыкам, а затем ты трудишься. Впрочем, иногда и там бывают свадьбы. — Я чуть было не сказал, что, как правило, сочетаются не мужчина с женщиной, но вовремя прикусил язык. Это для нее слишком сложно. — Но многие прекрасно обходятся и так.

Она кивнула:

— В школе нам кое-что говорили о жизни Извне, но представить такое нелегко. Двое моих знакомых побывали на Цербере и рассказывают удивительные вещи. Люди постоянно обмениваются телами и живут на деревьях, стоящих в воде. Чушь какая-то.

«Если это правда, — подумалось мне, — то моему двойнику там есть где развернуться».

— В голове не укладывается, — вслух согласился я. — Но кто знает, может быть, когда-нибудь я побываю и там. Мне обещали, что когда я немного подрасту, то стану пилотом.

— Пилот. — В ее голосе послышались нотки скрытой зависти. — Здорово. А тебе когда-нибудь доводилось летать на космических кораблях?

Я отрицательно покачал головой.

— Ни разу, — соврал я. — Но мой отец много рассказывал мне об этом. Не забывай, мне было всего двенадцать, когда меня арестовали.

Речь вновь зашла о моем прошлом, но, как я и предполагал, ей не хотелось развивать эту тему.

— Если ты родился в лаборатории, а рос и воспитывался со своими сверстниками, как ты можешь кого-то называть отцом?

Классный вопрос. Она все больше и больше нравилась мне.

— Высокопоставленные люди в нашем государстве, — пояснил я, — вроде политиков и крупных чиновников, как правило, имеют семьи, чтобы дети могли сызмальства постигнуть все тонкости и завести полезные связи, которые могут пригодиться в будущем. В пяти-

летнем возрасте нас вводят в то общество, в котором нам предстоит вращаться в дальнейшем. Это обычная практика, но иногда завязываются весьма тесные отношения. Так случилось и у нас с отцом, — грустно закончил я.

— Прости, — сказала Чинг, — я не хотела причинить тебе боль; если тебе неприятно, я больше не буду затрагивать эту тему.

Я решительно освободился от мрачного настроения. По крайней мере ей этот спектакль пойдет на пользу.

— Нет-нет, все нормально. Мой отец был выдающимся человеком; я его никогда не забуду. Но теперь все в прошлом. Сейчас для меня важно то, что происходит здесь. — Для большей драматичности я выдержал длинную паузу, откашлялся и резко перевел разговор. — А что значит Девушка Радости?

Казалось, она была благодарна мне за то, что гнетущая атмосфера в комнате неожиданно разрешилась. Я тоже был не прочь поболтать о другом — следившие за мной сотрудники СНМ могут поймать меня на какой-нибудь несообразности — и тогда провал неизбежен.

— Девушками Радости, — менторским тоном поведала Чинг, — называются представительницы развлекающего класса. Это поистине ужасная судьба, но психиатры блокируют им чувство собственного достоинства, и они воспринимают все как должное. — Ее передержу. — Даже говорить об этом не хочу. Конечно, они тоже нужны и по-своему служат процветанию Государства, но я мечтаю о другом. — Чинг внезапно зевнула, попыталась изобразить заинтересованность, но не смогла. — Извини, — честно призналась она, — наверное, мне пора на боковую. Обычно я сплю в отведенном для личных дел промежутке, чтобы успеть сделать еще что-то утром, перед сменой. Но если у тебя другое мнение на этот счет, мы как-нибудь договоримся.

— Да нет, все в порядке, — заверил я. — Я привыкну к твоему распорядку. Сначала попробую поработать, а

если и потом не засну, то поброжу по общежитию — надо же разобраться, где что находится. Через пару дней я подстроюсь под твой режим.

Она сонно кивнула и, не удержавшись, снова зевнула:

— Если пойдешь гулять, то не выходи на улицу. По правилам, пары в свободное время должны выходить из дома только вместе. — За предупреждением опять последовал зевок.

— Постараюсь не забыть, — пообещал я. — Мне попался хороший учитель.

Чинг залезла в постель и мгновенно уснула. Я решил пока не выходить из комнаты, а прилеги на кровать и, оставившись в потолок, стал размышлять об услышанном. Нужно найти лазейки, которые позволили бы мне заняться своим прямым делом.

Первое время помощь Чинг будет, без сомнения, бесценной. Она девушка симпатичная, романтичная и на лету схватывает новое. Но в дальнейшем может доставить мне массу проблем. Довольно сложно бороться с режимом и спланировать убийство властителя, когда по пятам за тобой ходит партнер, свято верящий в систему. В случае чего она не колеблясь сдаст меня СНМ — ради моего же блага.

Конечно, из любой ситуации есть выход, но потребуются много времени и изобретательности. А время не ждет! Существует только один способ избавиться от постоянной опеки Чинг — сделать ей ребенка. Тогда домашние дела свяжут ее по рукам и ногам. Однако мне было всего лишь четырнадцать лет, и я (страшно подумать!) был девственником...

ГЛАВА 5

ДРУЖЕСКАЯ БЕСЕДА С СНМ

Как и говорила Чинг, работа оказалась нетрудной. Основное делали машины — от нас требовалось только нажимать кнопки, а также осматривать салоны такси, автобусов и кабины водителей — человек засовывает мусор в такие неожиданные места, куда ни один робот не догадается заглянуть. Сколько раз я сам кидал что-нибудь под сиденье или запихивал в узкую щель между подушками — и только лишь потому, что мне так было удобно! Каждому не мешало бы для начала поработать пару месяцев на уборке общественного транспорта, и только потом получить разрешение пользоваться им в качестве пассажира.

Чинг была невероятно рада, что наконец-то нашла товарища по несчастью и, стремясь вовлечь меня в бурную общественную жизнь Гильдии, посвящала мне все свободное время, знакомя с дневной и ночной жизнью города — последняя, кстати, оказалась куда сложнее, чем я мог подумать.

Теперь, когда я постиг логику города, он показался мне скомпонованным на редкость гармонично, продуманно и уютно. Моя подружка заверила, что Серая Бухта считается одним из красивейших городов планеты. В огромной полости было предусмотрено все, чтобы он мог расти и развиваться с минимальными неудобствами для его обитателей.

В Серой Бухте имелся даже свой театр — великолепное здание; правда, представления перемешались

пропагандой и панегириками Государству, так что мне гораздо приятнее было сидеть дома за терминалом, роаясь в огромных компьютерных библиотеках. Сервис даже позволял заказать на дом бумажную копию книги. И стоило это вполне приемлемо. Книги в основном были технического и естественнонаучного содержания — художественной и политической литературы я не встречал. Нечего смущать молодые здоровые умы.

Галереи живописи заслуживали всяческих похвал — богатейшие коллекции, украшенные известнейшими шедеврами мастеров Земли. Ничего удивительного: подавляющее большинство ценностей в свое время было похищено из крупнейших музеев, а для хранения краденного Медуза подходила как нельзя лучше. Что касается местных творцов, то им дозволялось все, лишь бы они не посягали на политику Государства. Здесь развивалась своя музыка, был даже настоящий Всепланетный симфонический оркестр — по-видимому, один из многих. Я поистине блаженствовал на концертах гениев далекого прошлого. Многие имена явились для меня открытием, как, впрочем, и современная, весьма своеобразная местная музыка. Похоже, люди создают искреннее компьютеров. Гильдию музыкантов Медузы возглавляла добровольно прибывшая на планету женщина — композитор и музыковед. В Конфедерации ее воспринимали как анахронизм, однако она хорошо знала Таланта Упсира и не смогла устоять, когда тот поманил ее пряником — первозданной в музыкальном отношении планетой.

В нашем общежитии тоже кипела жизнь. Я с удовольствием использовал всевозможные льготы, предоставлявшиеся Гильдией, вроде права на посещение принадлежащих ей спортивных площадок и гимнастических центров. Соревнования между различными гильдиями очень помогали мне поддерживать необходимую форму и завязывать знакомства с людьми разного социального положения. Единственной организацией, ко-

торая не имела своей команды и не проявляла никакой общественной активности, была СНМ. Говорили, что в свое время они пытались создать нечто подобное, чтобы поднять свой авторитет в глазах простого народа, однако эта затея провалилась: отдаваться игре и чувствовать себя свободно с людьми, способными полностью перевернуть вашу жизнь, не под силу никому.

Рядом с Чинг — и на работе, и на спортивной площадке — я и в самом деле ощущал себя четырнадцатилетним подростком и получал от этого бездну удовольствия. Но и о задании не забывал ни на мгновение. Я так живо увлекся идеями о том, чтобы заняться еще чем-нибудь, помимо подготовки убийства властителя — хотя и этого было вполне достаточно! — из-за ограниченности местного общества. Замаскированные пришельцы и суперроботы могли сидеть в каждом третьем офисе, и я так и не узнаю об этом.

Однако существование любого антиправительственного движения на Медузе пока оставалось чисто теоретическим предположением. Пути, связывающие общество, были настолько крепки, а само оно работало столь ревностно, что любая попытка воздействовать на систему вопреки СНМ была обречена. Следовало сначала убедиться, что величайшее подвижничество распространяется и на эту область, а затем уже пытаться обратить вред на пользу.

Насколько неусыпной и всесторонней оказалась слежка, я убеждался вновь и вновь во время еженедельных встреч с представителями СНМ. С нас требовали объяснений и комментариев, касающихся вещей очень интимных. Эти беседы отнюдь не являлись судилищем — просто спецслужбы напоминали нам о своем существовании, чтобы мы привыкали контролировать абсолютно каждый свой шаг.

Месяца через три я заметил, что со мной и с Чинг творится нечто странное.

Когда мы впервые встретились, Чинг была худощавой, очень привлекательной девушкой, но не до конца сформировавшейся. Теперь же ее было не узнать — хоть я прекрасно понимал, что это не настоящее половое созревание, а результат направленного воздействия микроорганизмов Вардена с целью вызвать во мне ответное чувство. День ото дня она становилась сексапильнее — очевидно, гормональные механизмы влияли и на психику.

Я тоже разительно изменился. Тело бугрилось мышцами и неожиданно быстро покрылось волосами; кроме того, я постоянно испытывал желание. Я перестал выглядеть четырнадцатилетним подростком, но постоянная игра в сексуально подавленного ребенка сводила с ума. Конечно, я имел крепкие нервы и был хорошим актером, однако роль девственника могла оказаться мне не по силам. В конце концов Чинг избавила меня от постоянного страха, заговорив об этом в открытую:

— Тарин?

— Что?

— Ты что-нибудь чувствуешь, когда смотришь на меня?

Я ненадолго задумался:

— Ну... конечно, ты славная девчонка... и друг хороший...

— Нет, я не об этом. Вот я, например, когда гляжу на тебя, переживаю удивительные ощущения... надеюсь, ты понимаешь, о чем я.

— Возможно, — осторожно ответил я.

— Э-э-э... Тарин? А ты прежде... когда-нибудь любил девочек?

— Мне было всего двенадцать лет, когда меня арестовали, — на редкость правдоподобно вздрогнул я. — Когда бы мне представился такой шанс? А ты?

— О, ну что ты! — пораженно воскликнула она. — Кто я, по-твоему? Девушка Радости?

Засмеявшись, я подошел к ней и легонько похлопал по плечу.

— Не волнуйся, — сказал я, — мы с тобой новички в этом деле. — «Или же лгуны», — подумал про себя. Но, похоже, она говорила искренне, и это упрощало мою задачу. В обществе, где секс доступен для всех, наблюдать за парочкой в постели — скука смертная. Даже если сидящие перед мониторами молодцы из СНМ и опустят по этому поводу пару шуток, мы будем неинтересным объектом для наблюдения — по крайней мере в этот момент. Но если она опытна, то признается мне.

Медленно и осторожно мы легли на кровать и обнялись друг друга. Случившееся потом неожиданно принесло мне внутреннее освобождение. Чинг и в самом деле испытала это впервые, а когда все было кончено, блаженно и устало откинулась — она буквально лучилась от счастья. В последующие дни ее психика потрясающе изменилась. Она выглядела невероятно счастливой, необычайно самоуверенной и постоянно выказывала мне нежную привязанность — даже в самых неподходящих местах, например, на работе. Мои же эмоции проявлялись куда скромнее.

Мы проводили необыкновенно бурные ночи, которые только сильнее разжигали нашу страсть.

Однажды я обнаружил при Гильдии клуб любителей электроники и с энтузиазмом включился в его работу. Вскоре я убедился в том, что это наилучший способ понять логику инженерной философии — фундамент местного общества, а также подобрать к необходимым техническим устройствам.

Однако меня не покидало легкое беспокойство. Прошло уже три месяца, а я до сих пор бездействую. Я не только не вошел в круг облеченных властью — наоборот, все глубже погружался в трясину нудных повседневных дел, отравляющих существование обладателям низших рангов. Мне удалось собрать немало важной информации, но для дальнейшего шага требовалось значительное изменение моего статуса, а это было выше моих сил.

Самое интересное, что именно СНМ пришла мне на помощь. Как-то в один прекрасный день мы с Чинг возвращались со смены домой и уже подходили к нашему зданию, когда возле нас внезапно затормозил маленький автомобиль. Персональные машины на Медузе были чрезвычайной редкостью; за панелью управления сидела женщина в зеленой униформе с волевым и властным лицом.

Мы изо всех сил постарались сделать вид, что ничего не произошло, и ускорили шаг, однако агент СНМ вышла из машины и преградила нам дорогу. Мы остановились. Чинг будто клещами сжала мою руку.

— Тарин Бул? — поинтересовалась женщина, заранее зная ответ.

Я осторожно кивнул:

— Да, мэм?

— Обычная проверка. Чинг Лу Кор, отправляйтесь в общежитие и займитесь своими делами. Ваш партнер вернется через несколько часов.

— Можно мне пойти с ним? — слабо возразила моя подруга. — Вы понимаете, мы же с...

— Не волнуйся, это простая формальность, — спокойно сказал я, удивляясь ее смелости. — Иди домой, дорогая. Я потом тебе все расскажу.

Поколебавшись, она неохотно отпустила мою руку и с мольбой посмотрела на агента. Ответом ей был взгляд, преисполненный непреклонности. Женщина направилась к автомобилю, а я последовал за ней, крепко обняв Чинг и легонько поцеловав на прощание. Она не двинулась с места и с тревогой смотрела, как мы запрыгнули в машину и быстро покинули территорию поселка Гильдии.

Впервые оказавшись в индивидуальном транспортном средстве, я с большим интересом наблюдал, как женщина управляла автомобилем. При жестком ограничении скорости в городе это казалось очень простым: электрический привод, маленький руль, совмещенные

акселератор и тормоза. Сбоку выключатель питания — и больше ничего. Работники СНМ в себе нисколько не сомневались.

Это приключение, первое с тех пор как я приступил к работе в Гильдии, развеяло монотонность моего существования, и, кроме того, я рассчитывал получить много новой важной информации. Но одно я мог сказать с уверенностью — это отнюдь не обычная проверка. Я много раз видел, как людей приглашали на проверку, и всегда их сопровождали партнеры или члены семьи; к тому же за ними не присылали персональный автомобиль.

Мы выехали на окраину города, где перед нами предстала невысокая постройка черного цвета. Мы свернули на боковую аллею, сделали резкий поворот и, проехав через двор, заняли свободное место в гараже. Там автомобиль автоматически подключился к системам перезарядки и обогрева, стоило только водителю щелкнуть общим выключателем! Техника менее устойчива к лютым морозам, нежели человек.

— Следуйте за мной, — приказала женщина. Мы вошли в лифт и поднялись на два этажа. Все было до боли знакомо: околотки по всей Вселенной одинаковы.

Мой агент, не удосужившись даже представиться — а на ее мундире красовалась лишь одна нашивка! — зарегистрировала мое прибытие у сидевшего за столиком сержанта, а затем повернулась ко мне.

— Ваша карта, — коротко бросила она. Я вложил в ее протянутую руку документ, и женщина, не говоря ни слова, передала его сержанту. Я влип; теперь выйти отсюда я смогу только тогда, когда мне разрешат.

Пройдя по длинному коридору, по обеим сторонам которого тянулись многочисленные кабинеты, мы остановились у двери с табличкой «внешняя контрразведка», и я не на шутку встревожился. Столь мощной цивилизации ничего не стоит вычислить агента, как бы он ни маскировался.

Я вошел вслед за фискалкой и прикрыл за собой дверь. Кабинет поражал размерами, а в центре стоял огромный стол и комфортабельное кресло. Любому посетителю волей-неволей приходилось стоять.

Кресло повернулось, и я увидел женщину в военной форме. Ее внешность говорила о недюжинной воле, а погоны украшал широкий просвет воинского звания «майор». Черт возьми, придется соблюдать чрезвычайную осторожность.

Моя сопровождающая четким шагом приблизилась к столу и отдала честь.

— Гражданин Тарин Бул в соответствии с приказом доставлен! — доложила она.

Майор спокойно кивнула в ответ:

— Спасибо. Оставьте нас.

— Слушаюсь! — бодро ответила женщина, сделала четкий поворот и, чеканя шаг, вышла из комнаты, а я остался один на один с важной шишкой. Мне было известно, что на планете всего лишь один генерал и два полковника. По-видимому, передо мной сидел начальник отдела собственной персоной — а это тридцатый ранг, не меньше.

Я так и остался стоять посреди комнаты, чувствуя себя удивительно неловко. Некоторое время майор сверлила меня взглядом.

— Подойдите ближе, — после невыносимо затянувшейся паузы наконец сказала она.

Я осторожно приблизился, сохраняя между нами приличное расстояние. Теперь стол не показался мне таким уж огромным. Кабинет был явно призван производить впечатление на неискущенного обывателя, но настоящая работа шла в другом месте.

Женщина долго и пристально рассматривала меня:

— Ну, как тебе Медуза, Бул?

Не зная, что ответить, я неопределенно пожал плечами:

— Гораздо лучше, чем я думал. Мне не на что жаловаться — разве что на скучную работу.

Она рассеянно кивнула, удовлетворенная не столько моими словами, сколько тоном. «Профессионал, — с ходу определил я, — но я тоже не лыком шит. Главное — не раболепствовать».

— Ты не волнуешься, даже попав сюда? — поинтересовалась женщина.

— С какой стати? Ваши люди лучше меня знают, что я ни в чем не виноват.

Ее губы тронула легкая улыбка.

— Возможно, но дело не в этом. Может быть, нам не понравились какие-то твои мысли.

— Не без того, — согласился я, — однако для Медузы они не представляют угрозы.

Мне показалось, что она слегка удивилась, но виду не подала. Разумеется, она привыкла совсем к другому, и моя логика была ей непонятна. Но я провел немало допросов на своем веку и прекрасно понимал человека, сидящего по ту сторону стола. Я на планете недавно и своим поведением вполне могу отличаться от коренных жителей Медузы.

Женщина задумчиво уставилась на меня.

— Ты весьма интересный парень, — подытожила наконец она. — Порой мне даже кажется, что ты не тот, за кого себя выдаешь.

Первый же выстрел лег очень близко к цели — она хорошо знала свое дело.

— Я слишком много времени провел сами знаете где, — пояснил я. — И прошел через множество допросов следователей и психиатров — многим такого не выпадает за всю жизнь.

— Четырнадцатилетний тянет на сорокалетнего... — вздохнула она. — В некотором роде ты уникал. Мне известно, что ты попал на Медузу из-за политики, но это лишь подчеркивает твою неординарность. Ума не приложу, что с тобой делать? — Она замолчала.

— У вас есть основания испортить мне остаток жизни? — поинтересовался я, удивленный ее вопросом.

— Нет, ты не совершил никакого проступка, Тарин Бул. Ты ведешь себя безупречно. Но, когда я разговариваю с тобой, у меня возникает чувство... опасности. Ты несешь в себе... какую-то угрозу. Отчего это, Тарин Бул?

Я пожал плечами и невинно посмотрел на нее:

— Не понимаю вас, майор. Конечно, я убил человека, но ведь исключительно во имя справедливости. Те, с кем я прибыл на планету, могут убить за здорово живешь.

— Нет, я про другое, — возразила женщина. — В тебе есть что-то странное. От тебя за версту несет Конфедерацией и ее эскупами. Может, именно поэтому тебя и сослали на Ромб, но я предпочла бы не видеть тебя на Медузе. — Она глубоко вздохнула. — Это просто предупреждение, Бул. Теперь я начну следить за тобой с удвоенным вниманием.

— Разве вы не за всеми так следите? Особенно за новичками?

Женщина помолчала и наконец перешила к самому главному:

— Встречался ли ты с кем-нибудь втайне от нас?

Такого поворота я не ожидал:

— Втайне от ВАС?

— Не переспрашивай! — неожиданно рявкнула она. — Отвечай на вопрос!

— Я не хотел вас обидеть, — осторожно пояснил я, — но согласитесь: услышать такое на Медузе по меньшей мере смешно.

Вспышка гнева мгновенно утасла: моя собеседница не могла не признать в душе мою правоту.

— Просто ответь, да или нет, — приказала она.

— Нет, — убежденно произнес я. — Я не встречался ни с кем, кроме обычных рабочих. А что, собственно, произошло?

— Некоторые из ваших попутчиков вступили в контакт с подпольщиками, — сухо пояснила майор. — В настоящее время в Серой Бухте из всей вашей компании остались только вы. Моя задача — разыскивать внутренних врагов нашего народа, а при желании они вполне могли бы связаться с вами.

— До сих пор я ничего о них не слышал, — сказал я искренним тоном и не стал пояснять, что прекрасно понимаю, с чем столкнулась всесильная СНМ. Те, кого они называют подпольщиками, очевидно, выступают против режима Упсира и самой СНМ. Обычное дело, но в столь жестко структурированном обществе малейшая слабинка мгновенно превращается в серьезнейшее затруднение, и кто-то эту мельчайшую трещинку уже обнаружил. Против правительства ведется борьба — пусть пока на словесном уровне, а всесильная СНМ не может выявить источник угрозы. Для этого подпольщикам мало быть гениями от электроники — нужна поддержка самых высокопоставленных чиновников, и лидер повстанческого движения либо принадлежит к высшим правительственным кругам, либо непосредственно руководит СНМ.

— Они называют себя «оппозицией», — продолжала майор. — Мы полагаем, что их крайне мало, но именно из-за этого, а также из-за ее ячеистой структуры уничтожить такую организацию весьма сложно. Если вы до сих пор не вошли с ними в контакт, значит, в Серую Бухту они еще не проникли. — Она опять выдержала длинную паузу. Мне попался настоящий профессионал. — Как бы вы с Чинг отнеслись к повышению по службе?

Сюрприз следовал за сюрпризом. Я с трудом сдерживал ликование. Наконец-то все сдвинулось с мертвой точки. Теперь я почти наверняка знал, что она скажет дальше.

— Вы же сами знаете, как, — ответил я. — А что за это получим мы?

Женщина мягко улыбнулась.

— Поистине царский подарок, — посулила она. — Из прибывших вместе с тобой заключенных двое уже мертвы. Один сгоряча присоединился к подпольщикам и ликвидирован нами. Другой отверг их предложения и, как мы предполагаем, был убит ими. Третья сейчас ведет двойную игру. Она работает Девушкой Радости при мэрии. Это великолепный агент — наблюдательный, волевой и непреклонный, но, к сожалению, безынициативный. Мы уже получаем от нее информацию, но пока это сугубо личные умозаключения.

Мой внезапный хрип был несколько не наигранным. Я часто смотрел в лицо смерти — при моей профессии риск неизбежен. Кроме того, смерть — это единственный конец для каждого из нас. Страха перед физическими и психическими пытками у меня тоже не было — к преодолению болевых ощущений нас готовили весьма основательно. Однако я прекрасно понимал, что сокрушительная атака, которой может подвергнуться мой мозг, способна навсегда вывести его из строя. И хотя никаких сведений они от меня не добьются, я навсегда выйду из игры. Только этой перспективы я и опасался.

— Бул, хочешь стать Девушкой Радости? — спросила женщина, не сводя с меня глаз.

— Нет. Конечно же, нет, — слабым голосом проормотал я.

— А это в наших силах. Те двое, о ком я тебе говорила, жили в Рошанде, это примерно в шестистах километрах к юго-западу. К счастью, между нами курсирует три регулярных поезда, два из которых грузовые. Нас интересует смешанный, грузопассажирский состав, так как мы знаем, что по крайней мере один контакт был установлен в поезде. Мы собираемся назначить тебя туда; разумеется, это будет выглядеть как обычное повышение. Так как рейс с учетом предварительной подготовки и последующей уборки занимает как раз

целую смену, ты получишь в подчинение двух сотрудников — по одному в каждом конечном пункте. Ты будешь курсировать в противоположных направлениях с интервалом через день. Мы уверены, что рано или поздно оппозиция тобой заинтересуется.

Итак, наживка заброшена. Однако предложение очень заманчивое и, кроме того, дает шанс наконец-то начать собственную игру.

— И когда... когда это произойдет... Что делать потом?

— Ты присоединишься к ним. Будешь послушным и исполнительным. Никаких рапортов и контактов с нами. Ты должен внедриться в организацию — хотя бы на время. Нас интересует их лидер, так как только он может вывести на остальные группы.

Я кивнул, и в голове у меня моментально зароились вопросы.

— Конечно, майор, я еще молод и недостаточно опытен, но обучался управлению и администрированию и хорошо представляю себе механизм подобных политических институтов. Во-первых, я никогда не смогу узнать их настоящих имен и только один из них будет знать мое. Чтобы получить действительно ценные сведения, потребуется уйма времени.

— Однако ты неглупый парень и сможешь нам что-нибудь сообщить — например, приметы человека, который вступит с тобой в контакт. Кто-то обмолвится ненароком о фамилии, кто-то о Гильдии, членом которой является, так что в конце концов по крупицам мы соберем полную картину, и не беспокойся — мы понимаем ограниченность твоих возможностей гораздо лучше, чем ты сам.

— Отлично. Но ведь меня могут убить. Наверняка у них хватает способов проверить мою искренность. Конечно же, у них есть и психологи, и необходимое оборудование — обмануть их вряд ли удастся.

Майор улыбнулась одними уголками губ.

— Хороший ты парень, — сказала она. — Это все чепуха. Если у них и есть аппаратура, то лишь самая простейшая — полное ментальное сканирование не потянуть. Но все равно никаких проблем у тебя не возникнет — ты просто расскажешь им о нашей встрече.

— ???

— Ты скажешь, что согласился сотрудничать с нами, однако твои симпатии целиком на их стороне. И это правда — не возражай. Такой равнозначности противоположных психических устремлений вполне достаточно, чтобы обмануть любые приборы — здесь наши специалисты единодушны. Ты только что прибыл на Медузу, старое еще не забылось, новое не прижилось — так что можешь не волноваться.

Я как можно убедительнее изобразил сомнение, хотя она была абсолютно права — я и сам вынашиваю подобные планы.

— Вы в этом уверены?

— Да. Поверь, наши специалисты лучшие из лучших. Такая легенда всегда работала великолепно. Девушка, о которой я уже тебе говорила, была нашим кадровым сотрудником и поплатилась уничтожением мозга за то, что слегка переиграла. Запомни: если ты решишься на нечто подобное, тебя ждет то же самое.

— Не сомневайтесь, — содрогнулся я. — Но рано или поздно они найдут способ провести полное тестирование. Без него мне вряд ли доверят что-нибудь существенное.

— Об этом мы тоже думали, — согласилась она, — хотя, на мой взгляд, мы сильно преувеличиваем их возможности. Есть основания полагать, что оппозицию поддерживает Конфедерация, у которой есть агент и даже несколько здесь, на Ромбе. Если это подтвердится, мы подготовим тебя как следует. При необходимости мы полностью изменим твой психический профиль — комар носа не подточит. В успехе можешь не сомневаться, ведь он будет базироваться на антисоциальных и антигосударственных тенденциях в твоей же психике.

Мы сделаем из тебя стопроцентного повстанца, а потом вернем в исходное состояние.

Я, честно говоря, не разделял ее оптимизма:

— Если вы и впрямь так всемогущи, почему же они убили вашего агента?

— Потому что она работала не на нас. Сперва мы не представляли себе всей сложности ситуации, но извлекли уроки и, так сказать, не наступим дважды на одни грабли. Ты, Бул, наш третий агент. Необходимые технологии у нас есть, и двух других мы подготовили превосходно. Никто, видит Бог, кроме тебя и меня, не знает, о чем мы беседовали. В дальнейшем мы введем в курс дела еще двоих, один из них — наш главный психолог. Записей никаких не останется, и непосвященные решат, что ты получил крепкий нагоняй.

— Ну что ж. Отлично. Я уже одурел от мытья автобусов и рад вашему доверию. Я думаю, что смогу сыграть свою партию — на Хальстансире мне было очень трудно организовать тот злополучный прием — а особенно пронести туда меч, но все же я справился.

Такое должно ей понравиться. Я так и не понял — действительно ли она родилась здесь, судя по акценту, или же была сослана в свое время, как и я. Вероятно, это навсегда останется для меня тайной.

— Я рада, Бул, что ты согласился, но ты понимаешь, что на самом деле выбора у тебя не было?

— Мне редко приходится выбирать.

— Теперь остается лишь обсудить процедуру передачи данных. Личный контакт, компьютерный терминал — все это не годится. Нельзя доверять даже другим офицерам СНМ. Ты получишь специальный шифр, которым сможешь пользоваться с любого терминала. Операции со своим счетом в Центральном банке ни у кого не вызовут подозрений. Но по этому сигналу ты будешь вызван ко мне для обычного регулярного допроса. Понял?

— А что будет с Чинг?

— Пока мы с тобой беседовали, ее доставили к нашему самому лучшему психологу. Да не волнуйся ты — ничего с ней не случится. Мы просто усилим ее слабости. Она и так на тебя молится, а в дальнейшем такое отношение закрепится еще сильнее. Ты ничего не заметишь, да и она сама ни о чем не догадается. Но отныне она перестанет критически относиться к твоим взглядам на местную жизнь. Как все уроженцы Медузы, она старается перевоспитать тебя на свой лад, а обо всех твоих странностях — тут же доносить нам. Теперь же она пойдет с тобой хоть на край света, а когда ты изменишь повстанцам, спокойно воспримет и это. Так что у тебя будет идеальный партнер. Как и все немного ущербные люди, она удивительная фантазерка.

Такая перспектива меня отнюдь не прельщала, но, если вдуматься, все не так уж плохо. Кроме того, теперь, пока я рядом, Чинг ничто не грозит. Правда, в будущем ее ждет глубокое разочарование. Чинг очень нравилась мне, но у меня есть задание, а это неизмеримо главнее, и романтическим грезам я предаваться не собирался.

НЕПРИМИРИМАЯ ОППОЗИЦИЯ

Чинг поджидала меня дома. Она заявила, что сидит уже несколько часов и вся извелась. Если бы меня не предупредили заранее, я был бы ошарашен такой переменной.

Через пару дней нас обоих вызвали в Управление Гильдии к Главному инспектору. Мы с Чинг были в крайнем изумлении — она совершенно искренне. Как выяснилось, мы отлично показали себя и вполне достойны повышения. Без проволочек нас перевели в Службу проводников с рангом 6, который и присвоили после недели интенсивных занятий и тренировок. Так как до этого мы имели ранг 3 (я терялся в догадках, кем были обладатели рангов 1 и 2 — трудно представить работу более неприятную и менее квалифицированную, чем уборщик составов), прыжок по служебной лестнице оказался ощутимым, хотя вполне заслуженным — учитывая нашу отличную подготовку и хорошую работу на прежнем месте. На самом деле нашим должностям соответствовал ранг 5, и дополнительная ступенька была нам пожалована из-за того, что теперь нам приходилось жить по очереди в различных домах, и, стало быть, требовалось вдвое больше всевозможных бытовых мелочей. До этого у нас практически не было собственности, но теперь мы уже могли откладывать какие-то суммы.

Наши личные карты были зарегистрированы в компьютере с указанием более высокого ранга и соответственно общественного положения их владельцев. До

первой смены на новом рабочем месте оставалось два свободных дня, и мы выжали из неожиданных каникул все, что можно. Чинг восхищалась внезапными переменами как дитя, и я изо всех сил старался разделить ее бурную радость. Что было не так-то просто, зная подоплеку.

В положенное время мы отправились на пассажирский терминал и разыскали Сменного инспектора Мэрфи — молодую деловитую женщину, чем-то неуловимо напоминающую жительницу Конфедерации. Поразмыслив, я решил, что она скорее всего дочь или внучка ссыльных — таких на Медузе полным-полно.

Несмотря на звучный титул, наше новое поприще едва ли можно было назвать привлекательным. Нам предстояло работать проводниками и всячески ублажать пассажиров. В некотором смысле уборка составов куда приятнее. Там от меня требовалось лишь спокойно следить за работой чистящего оборудования — здесь же приходилось все время быть на виду и у пассажиров, и у своего инспектора, и при этом постоянно выглядеть свежим и опрятным, и улыбаться, улыбаться...

Чем-то моя новая профессия напоминала прежнюю — отслеживание и поимку преступников. Обе очень утомительны и держат вас в постоянном напряжении, и обе столь же интересны, сколь и скучны.

В основном в наш состав входили грузовые вагоны и два-три пассажирских. Количество грузовых вагонов всегда оставалось неизменным, но число пассажирских варьировалось по необходимости, однако холостых рейсов никогда не бывало.

Обучение временами становилось невыносимым — придирались к каждой мелочи. Похоже, у Мэрфи не раз возникало желание меня выпороть. Казалось, первая неделя будет длиться вечно. Затем жесткий контроль несколько ослаб, и мы чуть-чуть перевели дух.

Поездные бригады имели собственную великолепную униформу, усеянную всевозможными эмблемами и нашивками. Так как члены нашей Гильдии в силу производственной необходимости регулярно пользовались поездами, они постоянно общались и с экипажем, и с персоналом обслуживающей бригады. Выглядели мы — по стандартам Медузы — очень элегантно, но на поддержание внешнего лоска уходила уйма времени. Это напомнило мне один фантастический курорт, на котором побывал много лет назад: тамошний управляющий был так помешан на изысканности, что даже привратника или официантку всегда отличали великолепные наряды.

Наша комната в Рошанде была точной копией прежней, только этаж был третий, а не четвертый и кровати стояли по левой стене. По зеркальной планировке можно было с закрытыми глазами узнать, в каком городе ты находишься.

Но сам Рошанд сильно отличался от Серой Бухты — и в первую очередь географией. Это был главный распределитель продуктов питания в регионе, а посему здесь находился грузовой космопорт. Город лежал значительно южнее Серой Бухты, зима здесь длилась не так долго, поэтому он был выстроен на поверхности планеты. Его окружала первобытная тайга с диковинными деревьями, и величественные пейзажи пробуждали даже в хладнокровном человеке самые противоречивые чувства. К сожалению, стандартная радиальная планировка и однообразная блочная архитектура придавали Рошанду до обидного знакомый вид.

Поездка была очень интересной. Климат менялся на глазах: сначала на заснеженных равнинах появились заросшие сочной травой прогалины, затем их сменила карликовая растительность тундры, а потом мы увидели непроходимые чащи исполинских деревьев. В конце концов области, где круглый год стояла зима, уступили место более достойным человека температурным зонам.

Оказалось, что этот мир не так уж и безнадежен, как порой представлялось мне в Серой Бухте, хотя пейзаж по обеим сторонам магнитной трассы был девственно чист — ни полей, ни дорог. Мощная и вполне современная цивилизация разительно контрастировала с первобытным миром, который начинался сразу же за городской чертой, и это особенно поразило меня.

Казалось, решительно отовсюду исходит постоянная угроза, хотя ее природа была мне непонятна. Только в окружении новейшей техники люди чувствовали себя в безопасности, и подавляющее большинство ни разу в жизни не оставалось наедине с дикой природой. Какие же еще загадки таит первобытная Медуза, помимо злобных хищников, которые, по слухам, способны перевоплощаться? Истории с превращениями я находил весьма любопытными и попытался прочитать о них все, что имелось в компьютерных базах данных. Выяснилось, что аборигены не питали к здешней фауне никакого интереса. Если, например, некоторые здешние виды и в самом деле могли изменять форму тела — а в литературе я не нашел даже ссылок на это, — нетрудно догадаться, почему власти предрекавшие всеми силами скрывали это от своих подданных.

В животном мире, естественно, доминировали млекопитающие: в здешнем климате рептилии не имели никаких перспектив, а для развития насекомых летний период слишком краток. Даже морские гады были млекопитающими и дышали атмосферным воздухом, но из-за недостатка планктона и водорослей моря были пустыни.

Типичными представителями фауны оставались травоядные, одни из которых назывались ветта и питались травой, а другие — тубро — листьями и сочными стеблями растений, подстригая их, но не сводя под корень. Поедали веттов и тубров огромные жестокие хищники харрары. Существовали сотни подвидов травоядных и несколько разновидностей харраров. Остальные образ-

чики были исследованы слабо, но благодаря им поддерживалось экологическое равновесие. С особенным рвением я изучал самые распространенные виды, среди которых обнаружилось немало хищных или ядовитых, — с их помощью я надеялся получить ключ к разгадке столь поразившего меня парадокса.

Ветты отличались большим мясистым клювом, полным зубов, огромными круглыми глазами, короткой шеей и широко поставленными лапами с острыми когтями; на короткой дистанции они развивали скорость до сорока километров. У тубров была острая вытянутая морда, очень длинная, длиннее тела, шея, которая поворачивалась в разные стороны, и большие когтистые конечности, очень напоминавшие руки. Многочисленные хвосты очень смахивали на шею. Животные пользовались ими как приманками, когда высматривали хищника. Тубры не отличались подвижностью, но обчищали деревья в мгновение ока; они могли спать не только в нормальном положении, но и вниз головой, цепляясь лапами за толстые ветви или стволы. У ветта не было никакого средства защиты, кроме быстрых ног; тубры же, попав в безвыходное положение, становились очень опасны — их многочисленные хвосты превращались в кнуты, которыми животное хлестало направо и налево.

Но настоящим царем зверей на Медузе был харрар. Огромные горы мускулов волнами перекатывались под толстой кожей при каждом движении. Эта исполинская туша переваливалась на толстых лапах с крючковатыми когтями, роднящих их с какими-то ужасными птицами, но эта неповоротливость была обманчива. Крошечные передние лапы-ручки были настолько сильны, что животное буквально отрывало головы своим жертвам. Харрар обладал самой большой пастью по сравнению с размерами тела — ничего подобного я в жизни не встречал. Он особенно интриговал меня, так как, согласно легендам, мог перевоплощаться. Ему требовались тонны

пищи, и в поисках ее он взбирался на деревья, а на земле развивал невообразимую скорость — до сорока километров в час.

Морская жизнь зеркально отображала сухопутную, но была значительно многообразнее — от мельчайших слизняков, обитавших на поверхности и питавшихся микроорганизмами, до жителей глубин, хищных копий тубров и веттов. В отличие от сухопутных собратьев они были всеядны. Существовала также земноводная версия харрара — серая или черная глыба водоизмещением в тонну, снабженная плавниками, большим рыбьим хвостом, глазами-бусинками и чудовищной пастью. Этому морскому хищнику — махару — казалось, ни за что не справиться с быстрой добычей — но всегда был сыт и доволен. Как ему это удавалось? И чем в конце концов он хватал добычу? В тех источниках, которые мне удалось разыскать, не было не только ответа на эти вопросы — там старательно избегали даже очевидного.

Тубры обитали только за двадцать восьмой параллелью, севернее которой деревья становились слишком чахлыми и редкими, чтобы обеспечить их пропитание. Но там жили снежные ветты, способные зарываться глубоко в сугробы в поисках пищи; харрары охотились за ними и там. Это также наводило на размышления. Снежные ветты жили в экстремальных даже для Медузы условиях и обладали специфическими особенностями; однако мне не встретилось никаких указаний на то, что имелась также снежная разновидность харрара. Это означало одно: ареал обычного харрара простирается за пределы двадцать восьмой широты. Поэтому сразу возникал интересный вопрос: каким образом огромное чудовище с очень темным окрасом способно выловить необходимое для выживания количество снежных ветт, проводящих почти все свое время под толщей снега и льда?

Удивительно, но Чинг живо заинтересовалась моими изысканиями. Странно, что родившийся и выросший

на Медузе человек имеет довольно слабое представление о родной планете. Однако она прекрасно сознавала свое невежество и принялась усердно наверстывать упущенное.

Одно несомненно: харраров очень боялись даже самые высокопоставленные люди. Вспомнить хотя бы двойное защитное поле вокруг Серой Бухты; Рошанд тоже ограждал двойной периметр — смертельный для всего живого барьер. Даже транспортные средства междугороднего сообщения были полностью изолированы от внешнего мира — ни дать ни взять космические корабли.

В любом уголке Вселенной человек всегда выходил победителем из схватки с хищниками, и только здесь, на Медузе, полулегендарное чудовище чувствовало себя полноправным хозяином. Похоже, причина была сугубо политическая: страх перед харраром позволял удерживать людей в насквозь просматриваемых и прослушиваемых городах. Правящая верхушка действовала очень разумно, тем более что в таких условиях легче всего контролировать распространение техники — основного предмета торговли с другими планетами.

Мы проработали на новом месте уже шесть недель, и томительное ожидание начало тяготить меня. Ни СНМ, ни мифическая оппозиция, в существование которой мне верилось все меньше и меньше, не давали о себе знать, и я уже подумывал, что мой план оказался ошибочным.

Чинг легко снимала мое раздражение, но я потихоньку склонялся к мысли подготовить проект, который позволил бы мне в одиночку уничтожить режим. И вот когда я уже потерял всякую надежду и веру в оппозицию, то внезапно услышал о ней. «Услышал» — самое подходящее слово. Они явно подражали Крегу.

В поезде я пользовался служебным туалетом и в эти крайне редкие мгновения избавлялся от неусыпной опеки не только Чинг, но и пассажиров и нашего

инспектора. Интерфейсом на этот раз тоже послужило сиденье.

— Тарин Бул? — внезапно послышался дребезжащий синтезированный голос, и я в недоумении огляделся. Мне постоянно приходилось пользоваться звуко-синтезатором компьютера, но его голос никогда не звучал так... так нечеловечески, что ли.

— Да?

— Мы давно наблюдаем за тобой.

— Ничего удивительного, — пробормотал я, оправился и подошел к умывальнику.

— Нет, мы не из Службы наблюдения, — сказал голос, — и не жалуем эту организацию. Кажется, ты разделяешь наши чувства.

Черт знает, что и сказать, — я повернул кран и неопределенно пожал плечами. А вдруг это провокация СНМ? Если я отвечу, что в восторге от ее деятельности, меня отправят к психиатру — и правильно сделают. Уж я лучше промолчу. Меня работа ждет.

— Мы не из СНМ, — еще раз повторил голос. — Мы противники существующего режима. Мы достаточно сильны и можем прямо сейчас передать на мониторы СНМ ложный сигнал.

— Это бездоказательно, — возразил я.

— Ты недавно прибыл из Конфедерации, и тебя не оболванили с детства. Почему ты не веришь нам?

— Очень просто. Если вы в самом деле так могущественны, то я вам не нужен. Если же я вам зачем-то понадобился, то вы либо фанатики, либо наивные дилетанты.

— Мы не НУЖДАЕМСЯ в тебе, как ты изволил выразиться, — ответил невидимый оппонент. — Мы ХОТЕЛИ бы видеть тебя в наших рядах. Чем больше людей из разных гильдий присоединятся к борьбе, тем проще будет уничтожить этот строй. Тебя он рано или поздно сведет с ума.

— Возможно, это уже случилось, — скептически ответил я. — Но удовлетворите мое праздное любопытство — какую роль вы собираетесь предложить мне?

— Слушай внимательно, ибо второго раза уже не будет, а времени очень мало — кто-нибудь может заметить твое затянувшееся отсутствие. На конечной остановке в Рошанде у тебя будут свободные сутки до следующего рейса. Отправляйся на дневной спектакль в Большой театр, займи место на балконе первого яруса. В середине первого акта выйди в уборную. Там мы войдем с тобой в контакт.

— А моя партнерша?

— Позднее мы привлечем и ее. До встречи. Конец связи.

И говорящее привидение исчезло. Я быстро вышел и занялся своими делами. Чинг обратила внимание на мое радостное настроение, но о причине, естественно, не догадывалась.

Каждый выходной мы отмечали праздничным обедом и каким-нибудь развлечением, поэтому, когда я предложил посетить Большой театр, Чинг не очень удивилась. В соответствии с инструкцией я просмотрел на терминале наш текущий кредит в банке, послав тем самым сигнал в СНМ. Я не собирался вступать в опаснейшую двойную игру, не разобравшись досконально в сложившейся ситуации и не определив собственных целей, а также до тех пор, пока не пойму, каким образом мне самому выйти сухим из воды.

Когда вы сидите в центре полутемного и битком набитого театрального зала, пара пустяков испортить публике настроение — например, отправиться в уборную прямо посреди представления. Когда я шагал по проходу к верхнему коридору, ведущему в большую комнату отдыха, на меня устремились сотни невидящих взглядов.

Последние ряды были практически пусты — отсюда было так плохо видно, что проще смотреть представле-

ние по домашнему терминалу, — и вдруг из темноты кто-то схватил меня за локоть и дернул с такой силой, что я едва не потерял равновесие.

Высокая, худощавая, родом с цивилизованной планеты — вот и все, что я мог бы сказать о силачке.

— Слушай, Бул, — прошептала она. — Изобрази, что ты увлечен действием. Говорить буду я.

— Ясно, — ответил я и мягко опустился в соседнее кресло.

— Ты по-прежнему интересуешься нашей организацией?

— Я по-прежнему не верю в ее существование, — ответил я в тон, — но все-таки пришел сюда — просто из любопытства.

— Для начала и этого достаточно. В двух кварталах к северу от театра есть небольшое кафе, называется «Гринголь». Отправляйся туда сразу же после представления. Закажи что-нибудь и дожидайся нас. С этого момента мы будем внимательно следить за тобой и за СНМ. Если ты не пойдешь, можешь о нас забыть. А теперь шагай в туалет, да побыстрее.

Я открыл было рот, однако решил не ерепениться и подчиниться.

Мы с Чинг досмотрели спектакль и вышли на улицу. Уже сгущались сумерки. Я предложил прогуляться, и когда через два квартала к северу нашим взорам представило кафе, я повернулся к Чинг:

— Что-то я проголодался. Ты не против немножко перекусить?

— Конечно, нет. А где? И как у нас с деньгами?

— С деньгами не очень, — сказал я истинную правду. — Вон какая-то забегаловка, давай заглянем. — Маневр был мягким и естественным, так что Чинг ничего не заподозрила.

Кафе оказалось крошечным и полутемным, хотя для вездесущей СНМ даже тьма египетская не помеха. На планете со строго регламентированным общепитом

поход в ресторан или кафе, где можно выбрать еду по вкусу, представляет истинное наслаждение. Иногда в таких харчевнях попадались роскошные блюда, приготовленные по старинным рецептам. В основном их готовили ссыльные или те, кто узнал кулинарные секреты от них. Некоторые рецепты бережно переходили от поколения к поколению еще от пионеров Медузы — членов исследовательской экспедиции.

— Вот это да! — подозрительно проговорила Чинг. — Ты считаешь, мы в состоянии позволить себе такое?

— Черт с ними, с деньгами, — сказал я и выбрал свободный двухместный столик в уютном уголке. Кафе было почти пустым. К нам подошла девушка-официантка и вручила каждому небольшое меню. Выбор был невелик, но напротив некоторых блюд стояло «готовится по специальному заказу; единственное место на Медузе, где вы можете попробовать ЭТО». Здесь подавали жаркое из морских водорослей Цербера, фруктовое ассорти с Харона, а также другие деликатесы со всех концов Ромба Вардена. Кроме того, я обнаружил и несколько мясных блюд. Последнее настораживало, однако такая декларация означала, что повара лезут из кожи вон, чтобы посетители ни на минуту не усомнились в истинности этих заверений. Цены вполне приемлемы, и, когда официантка посоветовала нам особое вино с Лилит, я сначала вопросительно посмотрел на Чинг, а затем, не дожидаясь ответа, утвердительно кивнул.

Предложение официантки немало озадачило меня: наша молодость бросалась в глаза. Вскоре вино в маленькой деревянной фляжке уже стояло у нас на столе. Для вящей торжественности я встал, взглянул на Чинг и улыбнулся:

— Ты хоть раз пила вино?

— Нет, — призналась она, — но всегда мечтала попробовать.

— Ну вот наконец-то твоя мечта сбылась. Пробуй, — сказал я, протянув бокал, и она выпила его залпом. На ее лице появилось удивленное выражение.

— Хм-м-м... странное какое-то.

Вино и впрямь было великолепно. Определить, из чего оно было приготовлено, я не смог, но по вкусу оно напоминало самые лучшие сорта белых вин.

— Так тебе не понравилось? — спросил я у Чинг.

— Нет, то есть я хотела сказать — да. Оно просто ни на что не похоже.

Официантка вернулась с нашим заказом; после вкусной еды на меня снизошло спокойствие и умиротворение. Наверняка либо в вине, либо в пище были наркотики, но теперь это совершенно меня не беспокоило. Собственно, я ждал что-то в этом роде.

Чинг радостно смеялась, но глаза ее быстро сделались тусклыми и безжизненными. По молодости лет она еще не подозревала о коварстве алкоголя.

— Мне так хорошо, — вздохнула она и, протянув руку к бутылке, наполнила фужер до краев и одним махом опорожнила его. Я по-прежнему не торопясь смаковал вино, чувствуя себя человеком в полном смысле слова — впервые с тех пор, как очутился на борту тюремного корабля.

Кем бы ни были эти оппозиционеры, в хороших манерах им не откажешь. Нам позволили сполна насладиться изысканной трапезой, но потом наркотики подействовали в полную силу и наступила отключка. Я, конечно, мог организовать ментальную защиту, но тогда мой план сразу бы полетел ко всем чертям.

Очнулся я в воюющем туннеле; вокруг копошились какие-то смутные силуэты. Вонь была просто невыносимая, далеко не каждая сточная канава пахнет столь душно. Судя по всему, мы находились где-то в канализационном люке глубоко под городом.

Теперь мы были под легким гипнозом — и только. Нейтрализовать его ничего не стоило, но Тарин Бул едва

ли владел подобными методиками, и мне пришлось аккуратно воспользоваться самогипнозом. Если с агентами СНМ удавалось эффективно бороться такими дедовскими методами, значит, они были людьми случайными, и моя задача чуточку упрощалась.

Разглядеть лица не удавалось, хотя некоторые фигуры суетились совсем близко. Либо они были в черных одеяниях с капюшонами, либо применяли какие-то защитные поля.

— Он достиг первого уровня бодрствования, — сказала какая-то женщина.

— В самом деле, пора, — откликнулся мужчина с грубым голосом. — Дай-ка я проверю.

Он склонился прямо надо мной, оттянул мне веко, проверил пульс и проделал несколько других обычных процедур.

— Отлично, — удовлетворенно произнес он. — Сестра 657, вы хотите забрать его?

— Тарин Бул, вы меня слышите? — мягко поинтересовалась женщина.

— Да, — вяло отозвался я.

— Вы отдаете себе отчет, что отныне вам нет пути назад? Теперь вам нужно либо попросить вернуть вас обратно — и тогда вы больше ничего и никогда не услышите о нас, либо довериться нам, но если когда-нибудь вы скомпрометируете оппозицию или предадите ее — поплатитесь жизнью.

— Понимаю, — просто ответил я. — Я здесь не для того, чтобы идти на попятную.

Похоже, мои слова им понравились.

— Отлично, — сказала Сестра 657. — Тогда прошу за мной.

Я встал, с удовольствием отметив, что лежал на сухой деревянной платформе. Это действительно был канализационный туннель где-то под Рошанде; в этих лабиринтах без карты нечего делать даже специалистам. Однако мои хозяева великолепно ориентировались, мы

двигались в полумраке хитросплетений уверенно и без заминок. Я запомнил маршрут с первого раза и теперь легко мог бы вернуться к месту старта. Но в моем положении это была абсолютно бесполезная информация — сколько я пробыл без сознания, одному Богу известно, а значит, вовсе не обязательно выберусь в «Гринголь».

В конце концов мы поднялись по шаткому мостику к отверстию в стене широкого туннеля, за которым в тусклом свете маячили неясные очертания большого помещения, заполненного ремонтным оборудованием. Вокруг двигались темные фигуры — примерно с десяток, считая моих провожатых. Я почувствовал себя гораздо бодрее: похоже, здесь мне предстоит только предварительный смотр и беседа — не более того.

Меня заботливо усадили на небольшой контейнер. Судя по всему, подпольщики еще не успели залезть в мои мозги.

Лидером, без сомнения, была Сестра 657. Я прикинул, что должен означать этот трехзначный номер, наверняка довольно высокое положение: он скорее всего содержит информацию о городе, ячейке, а также порядковый номер конкретного заговорщика.

— Познакомьтесь с новым Братом, — нараспев произнесла Сестра 657. Хотелось надеяться, что я попал не в тайную ложу и не в кружок доморощенных шаманов: — Мы присвоили ему номер 6137. Он в полном сознании и может отвечать на вопросы.

— Брат, почему ты решился выступить против правительства? — поинтересовалась какая-то женщина.

— Очень скучно стало; — просто ответил я; послышались одобрительные смешки.

— Брат, почему ты решился присоединиться к нам? — спросила другая женщина.

— Это не я решился, а вы меня выбрали, — заметил я. — Вы пока в глубоком подполье, режим терпеть невозможно — вот я и согласился. Но я очень смутно

представляю ваши цели и средства — кто знает, не будет ли это похуже нынешнего правительства.

Послышался недовольный шепот, как будто я сказал нечто предосудительное, но этого я и добивался. Пусть они расценят мое поведение как проявление типичной юношеской самоуверенности и максимализма.

— Брат абсолютно прав, — весело произнесла Сестра 657, и щучканье оборвалось словно по команде. — Он еще ничего о нас не знает. — Сестра повернулась ко мне. — Брат 6137, мы не придаем значения всякой атрибутике — клятвам, торжественным обещаниям, рукопожатиям и тому подобное. Это все — для погрязшего в суевериях большинства. Скажу лишь, что мы полностью единодушны по отношению к правящему режиму и нас не волнует, что придет ему на смену. Эта планета — поистине кладезь неиспользованных возможностей, а для повышения эффективности можно обойтись и без скрытых камер на каждом шагу. Мы сильны и вхожи в верхние эшелоны власти, но пока не располагаем средствами, необходимыми для успешного переворота. В настоящее время наши усилия сконцентрированы на пополнении рядов, сборе подробнейшей информации о каждом районе, а также организации подпольных ячеек во всех крупных населенных пунктах Медузы. Это — только начало.

Я утвердительно кивнул.

— Но с такой же легкостью вы можете переродиться в общество весьма сомнительного свойства. Поймите, я был рожден специально для политики. Если бы события развивались по-иному, через несколько лет я был бы уже сотрудником планетной администрации, а не шастал бы по вагонам на Медузе. Не стоит относиться ко мне, как к ребенку. Считаю своим долгом сообщить, что СНМ знает о вашем пребывании в Рошанде и специально направила меня сюда в качестве приманки.

Послышался изумленный вздох.

— Ты понимаешь, что говоришь? — спросила Сестра 657.

Я утвердительно кивнул:

— К чему скрывать? Рано или поздно вы все равно узнали бы об этом, и тогда я оказался бы в безвыходном положении. Именно СНМ устроила меня на эту работу, и, откровенно говоря, я уже устал, дожидаясь ваших людей.

— Он работает на СНМ! — дико выкрикнула какая-то женщина. — Уничтожьте его!!!

— Будь я и в самом деле агентом СНМ или еще какой-нибудь полицейской службы, я бы скрывал это до последнего, — вполне убедительно соврал я. Взрыв эмоций настораживал. Это любители. Проклятые мозгляки-интеллигенты, вечно играющие в революции!

— И ты собираешься доложить СНМ о контакте с нами? — спросила Сестра 657.

— Разумеется, — еще раз кивнул я. — И вам надо подготовить правдоподобную версию для проклятого майора — в случае провала мне прямая дорога на психокоррекцию. Такая перспектива меня совершенно не устраивает, и если вы действительно столь могущественны, как говорите, я вправе просить у вас поддержки.

Мужчина — вероятно, единственный в этом зале — внезапно поднялся с места:

— Ты очень рассудителен, парень, — заметил он. — И очень умен. Я поражен услышанным. К слову сказать, на Цербере научились делать роботов, которых не отличить от человека; они адаптированы к каждой из четырех планет Ромба Вардена.

— Нет, я не робот, — заверил я, — но информация действительно интересная. — Я помолчал, как будто подбирая весомые аргументы, а затем всем своим видом продемонстрировал, что принял трудное решение. — Вы должны знать кое-что, не отраженное даже в моем личном деле. На Медузе об этом никто не знает. Думаю, и на Хальстансире тоже. Я был во всех отношениях ис-

ключительным экземпляром, и мой круг был гораздо шире, чем положено будущему администратору. Неужели вы считаете, что чиновник высочайшего класса способен на званом приеме обычным мечом обезглавить крупного политика? Такое случалось только в древности, но не сейчас. Я не просто администратор — я убийца.

Отлично. Эта сказка позволит мне чуть больше стать самим собой, и в то же время придаст весу среди местных олухов. Кто знает? Моя логика оказалась безукоризненной, возможно, надувательство уходило корнями в мою прежнюю школу. Мне нравилось так думать. И беспокоило, что любитель проделал эту работу столь изящно.

Разумеется, они попались на удочку. С первой встречи мне удалось сформировать у них представление о своем социальном уровне. Что и говорить, полные дилетанты.

— Да, это многое объясняет, — сказала Сестра 657. — Похоже, ты более ценное приобретение, чем я думала.

Разговор принимал интересный оборот. Из ее слов выходило, будто она меня знает, а среди коренного населения у меня было не так уж много знакомых. Немного поразмыслив, Сестра продолжила как ни в чем не бывало:

— Время работает на нас. Я предлагаю под гипнозом отправить вас обратно в кафе. В ближайшие две недели тебя, 6137, вызовут к психологу компании. Это наш человек, и, помимо стандартных процедур, он проведет дополнительное тестирование. Если твоя честность подтвердится, ты станешь полноправным членом нашей организации и будешь попадать на собрания тем же путем, через кафе, но уже без наркотиков и гипноза. У тебя есть возражения?

Я отрицательно покачал головой:

— Я согласен на любые испытания. В любом случае мне придется пользоваться кафе «Гринголь». Нет смысла обнаруживать другие каналы; так как СНМ не спускает с меня глаз. В конце концов они закрепят на мне передатчик или проконтролируют маршрут каким-то другим способом. Если все будет в порядке, в ближайшее время я обучу вас азам подпольной работы. Вы не должны допустить ни единой ошибки.

— Почему ты так уверен, что МЫ присоединимся к ТЕБЕ, а не наоборот? — сварливо произнесла какая-то женщина, но я лишь улыбнулся.

Вынужден признать, что они были очень милы. Чинг напилась до положения риз. Галлюциногена на нее не пожалели и наверняка приготовили его из местного растения, так как любой другой препарат был бы мгновенно нейтрализован микроорганизмами Вардена. Теперь Чинг, как и большинство людей, очень плохо соображала, что же произошло. Она легко поддавалась гипнозу, и оппозиционеры заверили меня, что записи, которые получит СНМ, будут вполне обычными.

Дома я первым делом поинтересовался своим счетом в банке, и уже на следующий день, когда мы вернулись в Серую Бухту, нас обоих «совершенно случайно» встретили сотрудники СНМ и отвезли — поодиночке — в уже знакомую мне штаб-квартиру.

Майор — как оказалось, ее звали Хокроу — была крайне заинтересована моим отчетом. Наверняка его многократно проверили и подтвердили бесчисленными сканерами и датчиками. Однако допроса я не опасался и в первую очередь потому, что собирался рассказать правду и только правду, разумеется, опуская некоторые незначительные детали.

— Мы несколько раз просмотрели запись тех мест, где вы побывали — и не только кафе, но и соседних помещений и коллекторов, — проворчала она, — но ни

один монитор не показал ничего подозрительного. Чем это объясняется?

— Все канализационные трубы одинаковы, — сказал я, — и большинство из них пустует все время. Нетрудно на время изолировать какой-то участок, а по кабелю отправить предварительную запись коллектора в рабочем состоянии.

Она грустно кивнула:

— И вдобавок в целях экономии все мониторы подключены к общему кабелю. Можно было бы сделать их автономными, но такое решение слишком очевидно.

— Не забывайте, что в масштабах города это не только сразу же обнаружится, но потребует гигантских расходов и к тому же надолго парализует город. А нашему противнику придется всего лишь перейти в другое место. Зато мы теперь наверняка знаем, где они ютятся.

— Это самое удобное и подходящее место. Но ведь любая попытка подключиться к кабелю фиксируется системой защиты.

— Есть две версии. Либо у них свой человек на центральном пульте управления, который при необходимости отключает сигнал тревоги в нужном месте, либо их технический уровень давно превзошел ваш. Ваша система крайне сложна и современна по меркам Медузы, но для Конфедерации не составит большого труда взломать ее.

— Ты думаешь, что за спиной повстанцев стоит Конфедерация?

— Похоже на то, хотя прямых доказательств нет. Возможно, они используют оборудование патрульного крейсера или небольшого спутника — не знаю; Конфедерация, несмотря на свою поразительную техническую мощь, напоминает ребенка, который играет в захватывающую, но очень опасную игру. Они ИГРАЮТ в революцию — у меня именно такое впечатление.

Хокроу смерила меня странным взглядом:

— То, что ты рассказал им, — правда? Тебя действительно готовили на роль убийцы?

— Да, правда. Там были замешаны огромные деньги. Я служил лишь карающим мечом. Но отец не успел собрать все свои силы, а я был слишком молод, чтобы вмешаться. И слишком эмоционален.

— То есть сейчас ты бы уже не стал мстить?

— Нет, почему же — обязательно покаялся бы. Только схватить меня уже не удалось бы.

Майор Хокроу немного поразмыслила, уставившись в потолок, и решительно кивнула:

— Именно это меня и беспокоило. — Она улыбнулась дьявольской улыбкой. — Сдается мне, ты не на своем месте. Ты должен работать в СНМ.

Я удивленно поднял брови:

— Я думал, что уже работаю. Разве я не выполняю ваши задания?

— Теперь меня волнует лишь одно, — вздохнула майор. — Если ты в самом деле так хорошо подготовлен, как мы узнаем, на кого ты работаешь, на нас или на повстанцев?

— Не все так страшно, — усмехнулся я, — в конце концов у меня ведь очень небольшой опыт. Но если вы со всеми вашими мониторами, психиатрами и прочей нечистью не доверяете мне, значит, ваша система обречена на гибель. Если вы не уверены в своих силах, бросьте это дело, пока не поздно.

Несмотря на свои резкие, даже дерзкие слова, я затронул самолюбие всякого сотрудника спецслужб — и прекрасно это понимал. Моя подготовка отнюдь не означала, что я не могу оказаться в шкуре побежденного. Выхода у майора не было.

— Почему бы вам не провести полную проверку моей психики? — предложил я. — После этого вы сможете мне доверять.

— Пока ты здесь, мы сделаем другое. Сейчас я вызову техника.

— Хорошо, — сказал я, — но пообещайте, что не наделаете откровенных глупостей — например, не арес-

туете весь персонал кафе? Они наверняка так или иначе связаны с оппозицией, но это я беру на себя. Я хочу стать настолько незаменимым для повстанцев, что они вынуждены будут продвинуть меня на самые высокие посты, и если они действительно только любители, то никаких трудностей у вас не возникнет. Но их затянувшиеся кошки-мышки с системой могут означать, что у них есть могущественный покровитель. Если моя версия верна, я должен на него выйти.

Взгляд ее стальных глаз пронзил меня насквозь.

— Почему?

Я криво усмехнулся:

— Просто привык работать безупречно. А может, потому, что претендую на кресло Первого министра до того, как мне стукнет сорок. Или на роль парня, который дает советы Первому министру.

— Какие амбиции!

Я неопределенно пожал плечами:

— Я ведь еще так молод.

ГЛАВА 7

СЛУГА ДВУХ ГОСПОД

С психологом все прошло гладко. Труднее всего было скрыть свои знания об используемой технике. Впрочем, Тарин Бул провел больше года в руках специалистов и вполне мог позволить себе некоторую фамильярность в обращении со знакомой аппаратурой.

Стандартная профилактическая процедура должна была заблаговременно выявить угрозу для Гильдии или даже правительства, исходящую от конкретного индивидуума. Из обрывочных фраз я почерпнул немало важной информации, которая могла пригодиться впоследствии.

На Медузе не готовили знатоков человеческих душ; все психологи Ромба Вардена получали образование на Цербере. Видимо, корни оппозиции там же. Конечно, это только догадки, но высокий технологический уровень в сочетании с поразительной наивностью и прекраснодушием оппозиционеров привели меня к неизбежному выводу, что мы — вернее, оппозиция — лишь ветвь мощного подпольного движения, явно инспирируемого Конфедерацией по всему Ромбу. Очевидно, его целью, по крайней мере на Медузе, было создание нелегальной организации и консервация ее до тех пор, пока не наступит время активных действий.

Я неплохо ладил с членами нашей ячейки — в особенности потому, что презирал шутовские плащи, капюшоны и вуали, в которые рядились остальные, приходя на собрания. Я надеялся расширить личные кон-

такты, но, к моему разочарованию, в большинстве своем повстанцы состояли в Гильдии Транспортников, и только двое занимали высокие посты. Но и те, как подпольщики, были чересчур заурядны, так что мне волей-неволей предстояло взять в свои руки управление движением, а возможно, и подбросить кое-какую наживку для верхов. На одной из сходов я выступил, и мои слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Во время обычной клубной болтовни о способах разрушения системы как единственной альтернативы всеобщему пресмыкательству я внезапно прервал почтенное собрание.

— Мне кажется, я знаю способ разделаться с СНМ, — произнес я. Повисла гнетущая тишина.

— Этот суперпацан собирается устроить очередное убийство на званом приеме? — после довольно долгой паузы предположил кто-то.

— Давайте лучше поговорим о харрарах, — игнорируя злопыхателя, предложил я. — Эти зверюги должны непрерывно что-то есть, чтобы поддерживать свое существование. Кроме того, они настолько огромны и неуклюжи, что при всем желании не способны гоняться за добычей. А ведь харрарами планета кишмя кишит. Вы, надеюсь, помните ужасные рассказы?

По коллектору прокатился тихий, беспомощный ропот. Заговорщики сокрушенно качали головами.

— Но ведь никто не верит этим сказкам, — раздался наконец чей-то голос.

— Медуза еще недавно была необитаема, так что подобные легенды небезосновательны, — возразил я. — Харрары оказались как нельзя кстати. Они мимикрируют, в совершенстве копируют повадки других животных и даже неодушевленные предметы. Возможно, они каким-то образом завлекают жертву. Тем не менее они постоянно меняют свое обличье. Этой же способностью — в гораздо меньшей степени — обладают и тубры. Их хвост с жировым утолщением очень похож на голову — почему? Ведь

никакого другого хищника этим не проведешь. Я полагаю, что они имитируют одну из голов только в определенных ситуациях. Все они мимикрируют с окружающей средой — как остальные животные на Медузе. Впрочем, отчасти мы тоже так можем.

— Ну и что? — недоуменно спросил кто-то. — Какой толк от этих тварей, даже если все сказанное — правда?

— Я думаю, люди способны на что-то похожее. Базовым элементом наших клеток являются те же самые микроорганизмы Вардена. Они защищают нас от холода, жары и даже от голода. Дайте воздух и воду — и мы выживем в любых условиях, если только захотим. Природа очень последовательна, а мимикрия невероятно повышает адаптационные способности, и это вполне под силу микроорганизмам Вардена.

— Тогда почему мы так не умеем? — спросил кто-то.

— Потому что не знаем, как это делается. Живи мы в дикой тундре — этот талант прорезался бы естественным образом. Однако даже здесь нам это по силам. Я видел, как шрамы затягивались буквально на глазах. Люди меняют пол — и столь радикально, что любой даст голову на отсечение, что они такими родились. Следовательно, можно пойти и дальше — ведь принцип тот же.

— Допустим, — произнесла Сестра 657, — однако процесс неуправляем и никакой практической пользы не имеет.

— Им МОЖНО управлять. Харрары и тубры подскажут, как. Скорее всего у них это происходит на инстинктивном уровне, но важен сам факт. Остается только научиться вызывать желаемые изменения. Я убежден, что властям хорошо знаком этот механизм, иначе они не прилагали бы столь титанических усилий, убеждая остальных в противном. Режим базируется на тотальном прослушивании и подглядывании. Любого человека можно опознать по личной карточке, которая должна быть всегда при нем. Замените его другим той

же комплекции, чуть измените облик — и мониторы не догадаются о подмене. Кстати, у офицеров СНМ в квартирах и кабинетах нет мониторов — согладатаи не хотят быть объектом слежки. Небольшая группа людей, обладающих даром перевоплощения, может каким-то образом проникнуть в СНМ — пусть даже в качестве заключенных, — а затем превратиться в точные копии ее руководителей. Скоординированные усилия приведут к такому коллапсу системы, после которого она уже не оправится.

— Как все просто, — проворчал давешний скептик.

— Отнюдь. Будет много жертв. Готовиться к восстанию необходимо легально. И в нашей группе хватает высоконравственных людей, которые помогают нам оставаться невидимыми — они используют описанные принципы, только в более ограниченном масштабе. Они прекрасно понимают, что диктатор и его приспешники могут управлять народом и обеспечивать собственную безопасность только при помощи техники. Следовательно, их судьба в руках профессионалов. Они сходят с ума при одной мысли о нашей организации, хотя пока мы ничем не прославились. Отнимите у них уверенность в том, что человек на экранах мониторов действительно тот, за кого себя выдает, и большая часть правительства моментально превратится в озверевших параноиков. Тряхните систему хорошенько! Она не такая устойчивая, как кажется на первый взгляд.

Разгорелся ожесточенный спор, который решительно пресекла Сестра 657.

— Вероятно, все это справедливо — если научиться управлять своей внешностью. А это еще вопрос.

— Я так не считаю, — ответил я, — и вот почему. Мы с вами стоим на очень низкой ступени здешней таблицы о рангах, но в нашей организации числятся и весьма высокие чины. Если пустить слухок до самых верхов, то по реакции режима мы легко установим, правы мы или нет. Вы можете помочь мне в этом?

— Попытаюсь, — ответила Сестра, — но считаю, что все это лишь красивая сказка.

Только спустя полгода я получил окончательный ответ. Судя по косвенным признакам, в верхах проявили исключительную, неслыханную осторожность и внимание. С одной стороны, это радовало, с другой — огорчало, но время решительных действий еще не пришло.

Выяснилось, что люди на Медузе теоретически способны изменять свою внешность, но для этого требовалось сначала научиться ощущать микроорганизмы Вардена и их взаимодействие. Овладев способностью непосредственно «разговаривать» со своими симбионтами, вы могли с помощью гипноза или специальных машин превратиться во что угодно. Единственное «но» — никто не мог внятно объяснить, как же этого достичь. А если вам не удалось уловить «чувство взаимосвязи», как мы называли его, то надеяться было не на кого.

Создавалось впечатление, что некоторые люди с рождения ощущают микроорганизмы, научиться же этому невозможно. Правительство специально выискивало таких индивидуумов, а затем изгоняло подальше — так в глуши возникли целые поселения. По-видимому, эта способность наследовалась. Имелись факты, что Дикие Люди часто применяют на практике свой дар. Но происходит ли это целенаправленно или такова самопроизвольная реакция организма в экстремальных условиях, оставалось неизвестным.

Безусловно, под действием соответствующего стимула надлежащий отклик возникнет, однако как его найти? Здесь таился ключ ко всему, но оппозиционеры по-прежнему были далеки от разгадки, тем более что сами с трудом верили в такую возможность. Но ведь модификация пола происходила — при изменении общественной организации — значит, и все остальное поддается трансформациям.

Конечно, огромную роль играла пресловутая воля и духовная «мощь» лидеров-Лилит, о которой ходили ле-

генды. Впрочем, там подобные качества встречались лишь у избранных; и, если это справедливо и для Медузы, нас ожидало горькое разочарование.

Однако на Цербере и Хароне аналогичными способностями обладали все без исключения. Обитателям Харона требовалось специальное обучение и подготовка, а на Цербере этим талантом пользовались все в равной степени, к тому же без всяких волевых усилий. В общем, на каждой планете взаимодействие человека с микроорганизмами Вардена проявлялось по-разному, никакой закономерности не просматривалось. Ответ предстояло искать здесь, на Медузе.

Хотя меня предупредили заранее, я испытал настоящий шок, впервые столкнувшись с изменением пола. Плавно и постепенно один наш знакомый начал меняться; процедура заняла несколько дней. Я знал множество культур, но нигде чувственность не подавлялась так, как на Медузе. Только здесь абсолютное равноправие полов смогло воплотиться на практике, но психику мужчин и женщин разделяет огромная пропасть. Являясь представителем своего пола, вы не обладаете особенностями другого. На Медузе же вы можете поочередно быть то одним, то другим — то ли из-за странных особенностей микроорганизмов Вардена, то ли благодаря психологической установке. Это придавало уверенности, и я опять вспомнил о Диких Людах.

Никаких романтических легенд о них не ходило — одно лишь упоминание о жизни без энергии, транспорта и питательных автоматов бросало в дрожь даже самых мужественных горожан. С другой стороны, всесильное правительство планеты смотрело на них сквозь пальцы, и это было странно. Дикари совершенно бесполезны для общества, хотя и необременительны, но я по собственному опыту знал, что для прожженных преступников, вроде Таланта Упсира, даже мысль о живущих под боком бесконвойных племенах невыносима. Их существование допустимо лишь при одном из трех усло-

вий: 1) дикари приносят режиму определенную пользу и в той или иной форме служат его целям — крайне невероятная гипотеза; 2) они вообще не существуют, что еще менее вероятно; 3) бороться с ними совершенно бесполезно.

Я располагал достоверной информацией: в верхах сложилось устойчивое мнение, что дикари практикуют изменение внешности, причем не менее успешно, чем харрары. Стало быть, третье предположение казалось наиболее вероятным. Сразу возникал вопрос: насколько же они в действительности примитивны, однако не увидев дикарей воочию и не ознакомившись с их образом жизни, ответа не получить, но, если они и в самом деле первобытные племена, мне придется навсегда остаться с ними.

Работа на два фронта давала определенные преимущества, но вряд ли это продлится долго. Майор Хокроу позволяла мне гулять на длинном поводке лишь постольку, поскольку я непрерывно снабжал ее важной информацией. Если подполье погрязнет в пустой болтовне или майор решит, что я уже исчерпал свои возможности, — мои перспективы в мгновение ока утратят всякую радужность. Как настоящий профессионал она чувяла опасность за версту. И судя по всему, принохивалась ко мне постоянно.

С другой стороны, несмотря на хроническую неспособность этих, с позволения сказать, повстанцев к чему-то конкретному, они панически боялись правительства и СНМ и не моргнув убрали бы меня при малейшем подозрении. Этим нервным и крайне чувствительным дилетантам ничего не стоило сравить нас между собой. Что делать — попав в гущу событий, человек обрекает себя на постоянную опасность.

Единственное, что хоть немного успокаивало, — и те, и другие прекрасно понимали, что я не столь сентиментален, чтобы шантажировать меня судьбой Чинг. Я нежно любил ее, но не больше, чем позволяет аген-

ту. С ней мне было спокойнее, и я самодовольно считал, что скорее покровительствую ей, чем питаю какие-то серьезные чувства. Любая привязанность для человека в моем положении смертельно опасна, но, хотя приятно считать себя незаменимым, в Чинг я нуждался сам.

И чувствовал себя неловко оттого, что, как только мы приезжали в Рошанд, первым делом ташил ее в кафе, а там надолго выводил из строя. Впрочем, дело даже не в том — рано или поздно ей это надоест и она что-нибудь выкинет. Пришлось опять прибегнуть к помощи психолога. Чинг, уже зная, что я каким-то образом связан с СНМ, полностью мне доверяла, и с разрешения Хокроу мы провели еще один сеанс внушения. Отныне с помощью простой постгипнотической команды я превращал свою подругу из абсолютно лояльного члена общества в преданного подпольщика, и наоборот. Так как методика и уровень проводимой психологами-оппозиционерами проверки были мне уже известны, Чинг прошла ее без проблем и теперь сопровождала меня повсюду.

Тем временем повседневная рутина продолжалась. Чинг хватало здравого смысла, чтобы сознавать зыбкость моего — а значит, и своего собственного — положения. Порой я упрекал себя в том, что с ней случилось по моей милости, но открыться не мог.

Следом за неистовыми зимними метелями пришла наконец весна, а мы внезапно зашли в тупик. Мой призыв к революции стал весьма популярен среди оппозиционеров в верхах, способных не только сочувствовать идее, но и обеспечить необходимую поддержку, однако их бездеятельность обескураживала. Безусловно, речь шла не о страхе потерпеть поражение — нынешнее положение дел казалось им совершенно невыносимым; причина крылась в чем-то ином. Если я прав и штаб подпольного движения находится вне планеты, можно предполагать, что он выжидает время, чтобы начать действия одновременно на всех планетах Ромба. Правда, на Медузе это ничего не меняло. У здешних оппозици-

онеров не было даже элементарной подготовки, и нетрудно представить, какие «солдаты» получатся из них, поступи сейчас сигнал к восстанию.

И все же мне не хотелось действовать самостоятельно. Я крепко увяз в силках системы; и, дабы избежать печального финала, мне как воздух требовалась информация. Разузнать бы побольше о Диких Людях! Иногда я задумывался о тех трудностях, с которыми приходится сталкиваться моим двойникам на других планетах Ромба, и странным образом их существование успокаивало меня — мысль о том, что ты в одиночку угодил в западню, любого сведет с ума.

Я уже давно перестал возмущаться своим заданием, хотя не сразу обрел былую твердость духа. Очнувшись на борту космического корабля-тюрьмы, я еще слишком искренне верил в благородство целей и намерений старушки Конфедерации. Удивительно, как быстро рухнула моя крепкая, как кремль, вера, когда меня вышвырнули вон, навсегда и без всякой надежды на возвращение. Нет, я не стал предателем — скорее ощущал себя жертвой.

Но невзирая на это, я по-прежнему не отделял личное от общественного. Режим необходимо разрушить, но о том, чтобы свалить Таланта Упсира одним ударом, не могло быть и речи. К тому же я еще ни на йоту не приблизился к цели. Черт побери, я даже не узнал, где его резиденция!

Что же со мной стряслось? Во что я превратился? Неужели, пока я бился над загадкой метаморфоз, что-то незаметно изменилось в моем мозгу? А я этого даже не почувствовал?

А тем временем следующий раунд игры неотвратимо приближался и повлиять на сроки было выше моих сил. Неожиданный вызов на срочное собрание оппозиционеров меня обрадовал и воодушевил. Кто знает, может, наверху наконец-то решили действовать?

В условном месте собрались члены пяти различных групп — около шестидесяти человек, до предела забивших помещение, явно не рассчитанное на такое количество народу. Еще больше меня удивил проекционный экран, а рядом — небольшое записывающее устройство. В воздухе пахло надвигающейся грозой. Даже обычный шепоток почти прекратился. Присутствующие чувствовали себя весьма неудобно — и отнюдь не из-за тесноты.

Какая-то незнакомая женщина — все члены собрания, кроме меня, были, как обычно, в халатах и масках, — осмотревшись и пересчитав присутствующих, потребовала тишины. Огромная толпа послушно онемела. Мы с Чинг устроились в углу, на куче пустых коробок, — с вершины этой неустойчивой конструкции хорошо просматривалась верхняя половина экрана.

— Мы пригласили вас по решению Высшего Совета организации, — громко оповестила женщина, — чтобы продемонстрировать некую запись. Я, как и вы, не имею ни малейшего представления о ее содержании и предлагаю приступить немедленно. Сразу же после просмотра пленка будет уничтожена — так что смотрите внимательно. — С этими словами она вставила в прибор небольшую пластинку, и экран ожил.

Появилось изображение сидящего за столом человека; в халате и маске. Определить, кто он и откуда, было совершенно невозможно. Когда же он заговорил, стало ясно, что и голос его намеренно искажен.

— Дорогие друзья! — начал он. — Приветствую в вашем лице всю оппозицию правящему режиму. Наверняка многие из вас догадывались, что ваша организация — лишь часть мощного движения всех планет Ромба Вардена, ставящего своей задачей свержение Четырех Властителей.

Потрясенная толпа дружно ахнула.

— У каждого из вас есть личные мотивы ненавидеть режим Медузы, и мы прекрасно отдаем себе в этом отчет.

Смею вас заверить — наши стратегические интересы и цели полностью совпадают с вашими. Однако события развиваются столь стремительно, что любые прогнозы и проекты мгновенно устаревают. Конфедерация самостоятельно перешла к активным действиям против Четырех Властителей, и у нее есть шансы на успех. Я объясню, чем это вызвано. Пришельцы — чуждая нам во всем раса — открыли человеческую цивилизацию задолго до того, как люди обнаружили их. Войдя в контакт с Четырьмя Властителями, они получили важнейшие сведения о человечестве, в том числе и об уязвимых местах нашей с вами цивилизации, и договорились совместными усилиями уничтожить Конфедерацию.

Послышался оживленный шепот. Судя по обрывкам фраз, члены этой напоминающей тайный орден организации либо вообще не испытывали теплых чувств к человечеству, либо сообщение о пришельцах их совершенно не беспокоило. Мне показалось, что оратор предвидел подобную реакцию. Вероятно, он был хорошим психологом либо подготовил речь под их чутким руководством.

— Я прекрасно понимаю, что сказанное не произвело на вас особого впечатления, однако властители заключили с пришельцами соглашение о совместных действиях и теперь претворяют его в жизнь. Цели властителей вам безразличны, ибо не затрагивают непосредственно вас, но успех заговора целиком зависит от строжайшей конспирации, а между тем Конфедерация уже располагает самыми общими сведениями о нас. Теперь у нее только два пути. Первый — это сотрудничество с нами: Властители уйдут в небытие, а на смену им придет новый режим, который будет заниматься исключительно внутренними проблемами Ромба, а не вынашивать планы грандиозной вендетты. Однако мы не являемся порождением спецслужб Конфедерации и никоим образом не связаны с ней. Мы действуем, исходя исключительно из собственных интересов.

Последовала драматичная пауза.

— Второй, и последний вариант, — продолжил оратор, — это грандиозная космическая война. Надо сказать, это гораздо проще. Конфедерация без колебаний пожертвует миллионами жизней, если ей не удастся уничтожить властителей.

Повисла еще одна долгая пауза; волнение нарастало, и теперь толпа оживленно гудела, обсуждая услышанное. Судя по комментариям, оппозиционеры были вне себя от ярости.

— ...А сил у Конфедерации предостаточно. В то же время стратегические союзники властителей — пришельцы — не в силах защитить Ромб. Иначе они бы не нуждались в союзниках. Таким образом, целью всех трезвомыслящих и ответственных граждан Ромба — в первую очередь и членов нашей организации — является отнюдь не защита Конфедерации. Мы должны спасти свои дома, свои планеты — и самих себя. Властители ни в коем случае не отступят. Им нужна только полная и безоговорочная победа пришельцев — в противном случае их ждет смерть. А поскольку о чужаках нам по-прежнему ничего не известно, на их дружелюбие в будущем рассчитывать не приходится. Итак, выбора НЕТ. На каждой планете Ромба ситуация настолько специфична, что требуется индивидуальный подход. Лучше всего работать с коренными жителями. Следовательно, члены оппозиционного движения обязаны трезво оценить ситуацию и принять решение — на подготовку конкретных предложений дается только две недели. После согласования с нами на их основе будет выработан единый план. Мы победим. Должны победить! Теперь, не теряя времени, приступайте к обсуждению. В ваших силах уже в этом году избавить родную Медузу от СНМ и тотальной слежки.

Трансляция закончилась, и мы мгновенно оказались в крошечном аду, так что прошло немало времени,

прежде чем до нас донесся зычный голос председательницы собрания:

— Обсуждения будут проводиться только в ячейках. Вслед за лидером выходят те, чьи номера начинаются с единицы, затем — с шестерки. Моя группа остается здесь! Быстрее!

Все тотчас вскочили с мест; за первой группой потянулась другая. Люди говорили наперебой и увлеченно жестикулировали. Похоже, активные действия должны начаться в ближайшее время. Дебаты будут жаркими, но меня не покидало легкое беспокойство. Неужели руководство и впрямь не имеет никакого плана — или же это просто проверка? И всю ли правду мы услышали?

Заметив Сестру 657, я обернулся к Чинг:

— Ну, что скажешь?

— Даже поверить трудно, — поежилась та.

— Точно, — согласился я. — Но я знал об этом еще до того, как попал на Медузу.

— Да разве это нашего ума дело? — поразилась она и, поразмыслив, добавила: — Я даже плохо представляю себе, что такое «пришельцы». И Конфедерация, и все, что находится Извне, — для меня как волшебная сказка.

Я никогда не обольщался насчет здешних подпольщиков, но все-таки ждал от них хоть какой-то логичности. Впрочем, чего требовать от людей, сомневающихся, что на их собственной планете обитают дикие животные? Вероятно, для них «пришельцы» все равно что Цербер или Харон. Мысль о том, что кто-то где-то примет решение уничтожить целую планету и тут же осуществит его, оставалась для них чистой абстракцией. Я надеялся, что в распоряжении лидера оппозиции есть хоть что-то. Акцент выдавал в нем уроженца цивилизованной планеты. Его вычурный, обшитый деревом кабинет явно не соответствовал местному стилю. Следовательно, он находился либо на Цербере, либо на Хароне. К такому же выводу вполне могли прийти и остальные члены нашей группы, а это лишь подогрело бы

антилидерские настроения. А они и без того были сильны — шутка ли, наконец-то им предложили перейти к конкретным действиям да еще и не оставили никакой возможности увильнуть.

Наступила очередь нашей группы; я прыгнул с коробок и помог спуститься Чинг. Мы отошли от двери всего на несколько шагов, и тут я резко обернулся и посмотрел назад.

— В чем дело? — удивилась Чинг.

— СНМ! — крикнул я во всю глотку. — Это ловушка!

Монитор тоже уловил мой отчаянный вопль, потому что из динамика вдруг раздался громкий официальный голос:

— Внимание, говорит СНМ! Срочно освободить помещение по одному! Руки за голову! Через пятьдесят секунд помещение будет очищено газом, так что мешкать не советую!

Чинг с отчаянием посмотрела на меня:

— Что же делать?

Быстро оглядевшись, я увидел с десятков военных, выстроившихся по обе стороны мостика, образовав своеобразный коридор. До сих пор я ни разу не видел у сотрудников СНМ оружия; однако эти ребята сжимали в руках хорошо знакомые мне лазерные пистолеты.

— Слушай внимательно, — тихим шепотом сказал я, наклонившись к Чинг. — Я попробую сослаться на Хокроу, может, в суматохе мы и выберемся отсюда. Это наш единственный шанс.

Я посмотрел на оставшихся оппозиционеров. Большинство уже стащило дурацкие капюшоны; на лицах читалась обреченность. У них было не больше воли к борьбе, чем у овец в стаде.

— Тридцать секунд!

— Проклятие! — выругался я. — Нет, имя Хокроу нам не поможет. Скорее наоборот. За всем этим наверняка стоит она. Следовательно, я ей уже не нужен. Нас отправят к психиатрам и превратят в баранов. Бежим.

— Двадцать секунд!

— Бежать?! Как?! — Чинг даже не приходило такое в голову. Безысходность была в крови у жителей Медузы.

— Я отберу у одного из них пушку, и мы как можно быстрее выберемся из коллектора. Не отставай, если жизнь дорога.

— Десять секунд!

— А потом?

— У тебя нет выбора — разве что в Девушки Радости податься, крошка. Ты готова?

Она молча кивнула.

— Пошли!

Я вышел наружу, держа руки за головой. Чинг плелась следом. Те, кто вышел раньше, уже стояли по сторонам образованного офицерами СМ коридора, покорно положив руки за голову. Все мы были безоружны. Никто из оппозиционеров подобного финала, судя по всему, не предвидел. Слава Богу, среди них затесался хоть один неистовый зверь. Неужели это воинство собиралось поднять настоящее восстание? Будь у них хоть капля воли и предусмотрительности, они могли бы без труда выйти из этой переделки. БЕЖАТЬ? КУДА? Правильно! Бежать туда, где нет врагов.

В тусклом свете я разглядел вдалеке концы трубы; других агентов, кроме стоявших вдоль прохода, не было. Тупорылые лазерные пистолеты имелись только у двоих офицеров.

— Лицом к стене, изменники! — прошипела одна из них.

— Я сотрудник майора Хокроу! Я здесь по ее заданию! — возмутился я.

— Майор Хокроу арестована, так же, как и вы! — бросила она. — Увидишься с ней в камере!

Ого!!! Дело принимало интересный оборот. Либо Хокроу подставил кто-то из подчиненных, либо она сама была членом оппозиции и обеспечивала наше прикрытие. Точного ответа я мог никогда не узнать, но те-

теперь последние сомнения улетучились. На помилование рассчитывать нечего, мне предоставлялся последний шанс, и не воспользоваться им я не имел права.

С горестным видом я прошел мимо злобной сотрудницы, которая больше не смотрела в нашу с Чинг сторону, — ее внимание полностью сосредоточилось на выходящих оппозиционерах. Мы были почти одного роста, но я обладал рядом преимуществ, а самое главное, вырос не на Медузе и прекрасно знал, как обращаться с этой славной и эффективной лазерной штуковиной у нее в руке.

Волчком крутнувшись на месте, я молниеносным ударом впечатал ее лицо в железные поручни, другой рукой подхватил пистолет, выскользнувший из ее ослабевших пальцев, и, резко присев, оттолкнул Чинг за спину и открыл ураганный огонь по опешившим фискалам. Лазерный луч в режиме максимального поражения прочертил длинную ровную линию; теперь у неприятеля остался только один вооруженный и четверо безоружных офицеров.

Раздался вопль ужаса; наверняка ни с чем подобным аборигены еще не сталкивались. Подхватив обмякшее тело и заслонившись им, как щитом, я открыл огонь по второй шеренге.

Я едва не потерял преимущество внезапности; но, слава Богу, трое арестованных, стоявших с поднятыми руками как раз на линии огня, вовремя опомнились: как только они нырнули вниз, в темноту, ослепительная вспышка света превратила последнего вооруженного офицера в кусок дымящегося мяса, а трое безоружных охранников застыли как вкопанные, не сводя выпученных глаз с моего пистолета.

— Молодцы! — крикнул я своим неожиданным помощникам. — Если б не вы, нам хана! — Один из них слабо махнул мне рукой; я повернулся к Чинг.

— Ты в порядке?

— Но... Но ты же убил их!!!

— Это моя работа, когда-нибудь я расскажу тебе о ней. А теперь мотаем отсюда — и как можно быстрее.

Я огляделся. Многие оппозиционеры по-прежнему держали руки за головой. Это было понятно. По меркам Медузы только что произошло просто немыслимое, и лишь благодаря самоуверенности охранников я выиграл первый раунд. Власть слишком свыклась с кротостью подданных. Офицеры на здании были удивительно несобранны и рассеянны; кроме того, оружие стояло на максимальной мощности, что позволило мне сэкономить драгоценные секунды. Ничего не поделаешь — даже сотрудники СНМ оказались жертвами спокойной и размеренной жизни.

Я подтолкнул свой уже очнувшийся живой щит к остальным офицерам. Обхватив голову руками, женщина посмотрела на меня со страхом и замешательством.

— Позвольте нам закончить, — неуверенно попросила она. — Отсюда нет выхода. Ваша организация разгромлена.

Я широко улыбнулся, усилив ее растерянность и испуг.

— А теперь слушайте меня, повстанцы! — громко прокричал я. — Они взяли всех наших людей в городе, а возможно, по всей стране. Теперь у вас только три пути: покончить жизнь самоубийством, добровольно сдать власть или отправиться со мной!

— КУДА? — нервно простонал кто-то.

— В леса! Это наш единственный шанс!

Они в нерешительности застыли на месте. Я дал им время подумать — но лишь несколько секунд. Требовалось немедленно уходить. Собиравшиеся арестовать нас вояки продемонстрировали лучшие качества убежденных пацифистов, но в ряды СНМ запросто могли затеяться и настоящие профессионалы. Организовать погоню можно в считанные минуты.

— Кто-нибудь знает, как выйти отсюда за пределы города?

— Я хорошо знакома с системой туннелей, — произнесла женщина, одна из тех, кто оказал мне большую услугу. — Мы вполне можем туда добраться.

— Кто с нами? БЫСТРО!

Я не очень удивился, что согласились только трое. Считая нас с Чинг — пятеро. И это из почти что шестидесяти оппозиционеров! Тоже мне, подпольщики! Я повернулся к Чинг:

— А ты?

Она слегка поежилась, но кивнула:

— Я с тобой.

— Умница! — Я повернулся к нашим спутникам. Все они оказались женщинами, а одну я даже узнал:

— Вот это да! Мэрфи! Я всегда подозревал, что у тебя есть сила воли!

Наш бывший сменный инспектор недоумевающе посмотрела на меня:

— Вы меня знаете?

— С первых дней, как попал на Медузу. Впрочем, поговорим потом. — Я переключил пистолет в режим широкого луча. — Так он не опасен, — сказал я громко, чтобы слышали все, — только выведет вас из строя на несколько минут. — Но я посоветовал бы вам не попадать впредь в лапы СНМ. Даю вам последний шанс. Присоединяетесь?

Грбовая типшина.

Я навел пистолет на сбившихся в кучку охранников и нажал курок, а затем развернул ствол на выразивших желание остаться оппозиционеров. Я с грустью олядел их, чувствуя необычную уверенность, которую придает человеку оружие. Итак, четыре женщины и я. Ну что же, наши шансы выбраться отсюда, похоже, не так уж малы.

— Вперед, троглодиты! — с воодушевлением произнес я, и мы покинули поле битвы, усеянное безжизненными и просто неподвижными телами.

ГЛАВА 8

ДИКИЕ ЛЮДИ

Когда мы отошли на порядочное расстояние, я обернулся. У меня хватило предусмотрительности забрать остальные пистолеты и блоки питания вместе с ремнями, но число зарядов было ограничено; к тому же, кроме меня, никто не владел лазерным оружием.

— Пора нырять в дерьмо, — оповестил я спутников. — Они блокировали все туннели, так что сейчас нужно спрятаться где-нибудь и подождать, пока они уйдут. Ясно?

Все согласно кивнули. Я посмотрел на молодую девушку, которая утверждала, что хорошо знакома с расположением туннелей.

— Ты говорила, что прекрасно здесь ориентируешься. Мы можем выбраться где-нибудь у конечной остановки поездов?

Она непонимающе взглянула на меня:

— Вы же сказали, что собираетесь выйти за чертой города.

— Потом объясню. Они будут ждать нас именно там. В туннелях полно скрытых камер и микрофонов, но они расположены выше пешеходных мостков, если мы будем осторожны, нас не обнаружат. Все камеры жестко фиксированы и имеют постоянное фокусное расстояние, так что ниже определенного уровня они слепы. Пошли — ты первая. Мэрфи, знаешь, о чем я думаю?

— Да, — кивнула она. — Попробую.

— Отлично. Иди второй, и никаких разговоров, пока я не разрешу.

Не без колебаний мой отряд подчинился приказу. Сточные воды оказались гораздо плотнее, чем я предполагал; вонючая жижа доходила мне до пояса.

Во всех отношениях мы вляпались в дерьмо — эта мысль настойчиво сверлила мозг, но я не терял хладнокровия. Сознательно и вполне обдуманно я решил вернуться тем же путем, каким мы спустились вниз, — через кафе, так как были серьезные основания считать, что камеры и микрофоны вдоль этой дороги по-прежнему неисправны. Но это было только предположение, и нам предстоял долгий путь по подземному лабиринту.

Следующие часы были особенно нервными, несмотря на то, что мои догадки полностью подтвердились — прежний маршрут оставался заблокированным. Несколько раз прямо над нами проходили отряды СМН, конвоировавшие повстанцев, и нам приходилось по уши окунаться в нечистоты. Фекалии были великолепной маскировкой, но передвигаться в них оказалось чрезвычайно трудно.

Нам везло уже слишком долго. Побег представлялся теперь настоящим чудом, хотя и в этом прослеживалась определенная закономерность. Если в стадо овец затесался волк, то лучше не посылать его пасти других овец. Нас спасала перегруженность мониторов и то, что практически невозможно прочесать всю канализацию под городом с населением в треть миллиона человек. Общая длина туннелей наверняка превышала несколько тысяч километров. СМН оставалось ждать, когда мы допустим какую-нибудь ошибку и выдадим себя с головой, тогда она сконцентрирует все свои силы в нужном месте. Своими компаньонами я мог гордиться: в невыносимых физических и психологических условиях они проявили волю, дисциплину и настоящее мужество.

В конце концов после долгих блужданий пришлось поинтересоваться, кто еще из моих спутников знает о системе туннелей хоть что-то.

— Сколько еще идти?

— Если с той же скоростью, то примерно час. — Ответ меня не очень вдохновил.

— А до какого-нибудь выхода, расположенного у городской черты?

Наша проводница ненадолго задумалась:

— Судя по маркерам на последнем пересечении, до дренажного отверстия минут десять. Но все они защищены энергетическими барьерами.

— Рискнем. Долго здесь мы все равно не выдержим. Веди.

Она лишь неопределенно пожала плечами.

У обещанного выхода мы оказались спустя час. Откуда-то доносились звуки, похожие на шум водопада; уровень нечистот здесь был выше, а течение — намного сильнее. Пешеходных мостков не было, так что нам предстояло преодолеть метров тридцать открытого пространства. Наверху вполне могли находиться скрытые камеры — на случай если какой-нибудь зверь разрушит хитроумные барьеры.

Я напряг зрение, стараясь получше разглядеть выход, но не увидел ничего, кроме дождя из нечистот, падающих в бассейн-отстойник, и несколько ярко-лиловых отблесков: энергозащита.

— По-моему, наверху барьера нет, — нарочито громко произнес я. — А стало быть, мы можем подняться, и там, под поверхностью стоков, обойти защиту. Ты не знаешь, на какой глубине мы находимся? Хотя бы приблизительно?

Она помотала головой:

— Раньше здесь были каменоломни, так что вряд ли до поверхности очень далеко. А вот глубина бассейна — пятьдесят метров.

Я легонько присвистнул:

— После такого подвига хороший душ не помешал бы. Потом направимся к транспортному терминалу.

Вдруг над нами раздался топот бегущих ног, который оборвался столь же внезапно, как и возник. Потом со всех сторон послышались шаркающие шаги, а в мутной тине, плещущейся вокруг, заиграли слабые отблески дневного света: качество микрофонов и оперативность СНМ заслуживали самых высоких похвал.

— Мы знаем, что вы здесь! — разнесся по туннелю гулкий женский голос, усиленный недалеким эхом. — Выходите, иначе нам придется спуститься и применить силу. Но тогда нам будет все равно, кого тащить, живых или мертвых.

Я быстро взглянул на своих спутников.

— Что нам делать? — с надеждой спросила Чинг, как будто у меня были ответы на все случаи жизни.

Я тяжело вздохнул:

— Делать и в самом деле нечего. Все умеют плавать?

К моему облегчению, кивнули все.

— Сделайте глубокий вдох, ныряйте в дерьмо и просто плывите по течению.

Мэрфи с неприязнью посмотрела вниз:

— Туда? С ГОЛОВОЙ???

— По самую макушку. Но это ненадолго. Другого выхода нет. Кроме того, мы настолько провоняли, что это уже не имеет никакого значения.

Я подал пример: пару раз глубоко вдохнул и тут же бросился в смердящую тьму, крепко прижимая к груди самое дорогое — два лазерных пистолета.

Ничего более отвратительного я в жизни не испытывал. Меня обуревали эмоции, о существовании которых я даже не подозревал; хорошо еще, что я крепко зажмурился. Я прилагал отчаянные усилия, чтобы не всплыть, и при этом даже не знал, несет ли меня к выходу или наоборот. Но я твердо решил держаться до последнего: лазерные лучи еще хуже.

Казалось, что я провел в испражнениях целую вечность, когда вонючая тина внезапно поредела, и давление на легкие несколько ослабло. Потом я почувствовал как бы удар о плотную стену, нырнул поглубже и стремительно полетел вниз, стараясь держаться центра пенящейся струи из нечистот. Драгоценные пистолеты остались где-то там, в водопаде; высота его была не меньше двадцати метров. Еще один удар — и я бессильно поплыл по поверхности бассейна, широко раскинув руки.

Мое распростертое тело медленно продвигалось вперед. Я инстинктивно приподнял голову.

В бассейне не могло быть тока воды — с трех сторон окружали отвесные каменные стены, но на противоположном конце стояло небольшое здание, по всей видимости, насосная станция. На Медузе они были редкостью — экология здесь никого не волновала — и работали только в дневное время. Насосы смешивали отходы с чистой водой и сбрасывали их в реку, впадающую в океан. Этого вполне хватало, чтобы предохранить городские водоемы с питьевой водой от заражения сточными водами.

Похожее на дамбу сооружение было невысоким. Я решил забраться на самый верх — высота его не превышала семи-восьми метров над уровнем нечистот, — а там подождать остальных, так как преследователи наверняка застряли у края коллектора и будут торчать там до тех пор, пока не удостоверятся, что их обманули, а потом запросят дальнейших инструкций от высшего руководства.

Где-то на полпути я сообразил, что плыл в бассейне каким-то не вполне обычным образом да и сейчас карабкаюсь тоже довольно странно. Я взглянул на себя и обомлел: руки темного зеленовато-коричневого оттенка переходили в некое подобие плавников! Вот

оно — произвольное изменение тела, и к тому же мгновенное.

Впрочем, пока надо поживее забраться наверх, а самоизучение потерпит.

Слава Богу, ждать пришлось недолго. Глаза постепенно привыкли к темноте, и вскоре я различил на поверхности две фигурки; за ними появилась и третья.

Когда первая выбралась из бассейна на дамбу и начала подниматься, я испытал настоящий шок: чудовищное существо, даже отдаленно не напоминающее человека, — лоснящаяся черная шкура, угловатая голова, огромные ласты вместо рук и сильные перепончатые задние лапы. Странное создание, извиваясь, поднялось ко мне, и я чуть не отскочил в ужасе, пока не сообразил, что сам наверняка выгляжу столь же отталкивающе. За первым чудовищем последовало второе; оно забралось к нам, увидело меня и в ужасе закричало.

— Не беспокойтесь! — произнес я. — Это я, Тарин Бул! Вот вам та самая метаморфоза, о которой я говорил! Все сюда! Здесь мы опять примем человеческий облик.

От потрясения мои спутники не могли вымолвить ни слова, но постепенно наша кожа стала блекнуть и — мне трудно подобрать соответствующее слово — просачиваться, что ли, как будто мы были сделаны из больших кусков оконной замазки. Как ни странно, но я почти ликовал: нужный стимул наконец-то найден! Экстремальная ситуация! Теперь стало понятно, как дикарям удается избегать хитроумных ловушек СНМ и откуда пошли легенды про оборотней.

Если бы удалось с помощью гипноза или иным способом убедить человека, что он попал в совершенно иную среду, механизм бы сработал, но по-прежнему остался бы неподконтрольным. Вы могли превратиться в чудовище, но только в том случае, если ваши микроорганизмы Вардена решат, что такая личина наилучшим образом обеспечит ваше существование.

Но откуда же у бактерий столь удивительные познания в биологии, чтобы практически мгновенно претворять их на практике? И как запустить этот удивительный механизм сознательно?

Мы подождали еще минут пять, и я сделал переключку. Все были на месте, кроме той девушки, что вызвалась быть нашим проводником.

Тем временем мы на глазах приобретали человеческий облик. Он ничем не отличался от прежнего — либо нормальная внешность автоматически возвращается к человеку, когда микроорганизмы Вардена «отдыхают», либо сильное чувство самоидентичности заставляет их в обычных условиях возвращать человеку изначальный вид. Не восстанавливались только волосы, да кожа сохранила легкую черноту.

Я чувствовал, как мои руки медленно «текут», приобретая прежний, знакомый вид.

Когда мы «очеловечились» достаточно, чтобы встать на задние лапы, я поднялся и в последний раз осмотрел тихую гладь бассейна. Никого.

— Ну что же, пора. Кажется, на противоположной стороне появился патрульный отряд.

Мэрфи удивленно взглянула на меня и перевела взгляд на бассейн:

— Но ведь одного не хватает!

— Ничего не поделаешь. Либо она не смогла измениться, либо ее подстрелили или поймали. В любом случае оставаться здесь нельзя. Пошли!

— Но куда?

Я глубоко вздохнул:

— Куда-нибудь, за мной! — С этими словами я зашагал по верхнему гребню сооружения, и тут же лазерные лучи прорезали тьму, осветив подземелье призрачным светом. Не раздумывая, я бросился в мелкую речушку, протекающую вниз, и вброд перешел на другой берег, даже не проверив, идут ли за мной мои

подопечные. Времени оставалось в обрез, и в случае непредвиденной заминки я все равно им бы ничем уже не помог. Нужно было как можно скорее добраться до лесистых зарослей, и я не собирался останавливаться до тех пор, пока мы не окажемся под защитой деревьев.

— Ложись! — отчаянно заорала Мэрфи, и я автоматически плюхнулся в воду. Мелкая речушка не могла полностью скрыть мое тело. Я немного приподнял голову, стараясь понять, что так перепутало Мэрфи, и увидел небольшой пузырь с двумя военными на борту. Он приближался к нам, освещая прожекторами фарватер. Мой отряд затаился в воде. Пузырь медленно пролетел над нами и вскоре скрылся из виду. Просто удивительно, что нас не заметили на таком мелководье. Я несколько не сомневался, что это не дежурный облет: они определенно разыскивали нас.

Когда огни прожекторов исчезли, мы вновь поднялись на ноги и устремились под спасительную сень деревьев. Достигнув леса, я в изнеможении рухнул наземь, и остальные последовали моему примеру.

— Чудеса, да и только, — вымолвил я, отдышавшись. — Но теперь, похоже, мы в безопасности.

Мэрфи мрачно обвела всех взглядом. Если не считать своеобразного «загара» и полного отсутствия волос, мы были очень похожи на себя прежних, но от нашей одежды не осталось и следа — трансформация ли тому виной или что-то иное, я не знал, да это было и не важно.

«Совершенно нагой, в неизвестной глуши, охотясь как дикий зверь, без волос во имя мое, он думал что он победитель!»

— Жаль только, что все мы помрем с голоду, — произнесла наш четвертая спутница.

Я укмыльнулся:

— Запомните: Мы Обязательно Победим! Не для того мы столько вынесли. Если недавние события вас

ничему не научили, позволю себе напомнить: мы с вами ходячие машины для выживания и выберемся из любой переделки. Не думаю, что нас будут долго преследовать — с их точки зрения, мы не заслуживаем такого внимания. Хотя те ребята, которые нас упустили, наверняка жаждут нашей крови.

— В первую очередь их интересуют ВЫ, — сказала Мэрфи. — То, что вы сделали, не под силу ЧЕЛОВЕКУ. Напасть на вооруженного офицера, отнять у него пистолет, убить еще четверых, прикрыть нас — и все это за каких-нибудь пять секунд?

— Пять секунд... — На мгновение я онемел. Неудивительно, что все оказалось так просто! Только пять секунд! Моему прежнему, тренированному телу это было бы вполне по силам, но здесь и сейчас... От брэнной оболочки в нашей работе зависит чрезвычайно много — спросите хотя бы у пятидесятилетнего пилота. И тут меня осенило.

— Я хорошо знал, как поступать в подобных ситуациях, — ответил я Мэрфи, — а микроорганизмы Вардена довершили остальное. Я испытывал такое невероятное напряжение и настолько хорошо мысленно приготовился к атаке, что они просто не могли не откликнуться. Сработал тот же эффект экстремальной ситуации. Я думаю, что человек с достаточной силой воли может сделать то же самое. Так что нас не назовешь совершенно беззащитными. Мы созданы специально для этой планеты, и только волею Властителя запечатаны в тюрьмах, которые почему-то называются городами.

— Но это же настоящие чудеса... — нерешительно протянула незнакомка. — Я никогда не слышала, чтобы человек менялся хотя бы отчасти... за исключением разве что пола...

— Действительно, — согласился я, — но система сконструирована таким образом, чтобы не допустить

этого ни в коем случае. Все горожане живут в удобной и стабильной искусственной среде, и меняться им просто незачем. Но я уверен, что даже там время от времени происходит нечто подобное — особенно когда человек подвергается смертельной опасности. Трансформация ведь может занять и целые сутки, а в таком случае человека легко вычислить. Психиатры СММ моментально приведут его в норму, так что даже никаких воспоминаний не останется — как, впрочем, и у невольных свидетелей. Кстати, не пора ли нам познакомиться? Меня зовут Тарин Бул.

— Анджи Патма, из Гильдии Строителей, — представилась девушка.

Я заметил, что обычно живая и веселая Чинг выглядит слегка подавленно.

— Дорогая, возьми себя в руки. Все уже позади.

— Я знаю, — мрачно ответила она, не глядя мне в глаза.

— Что случилось? — нахмурился я. — Я так гордился тобой!

Чинг немного помедлила.

— Тарин, ты убил четверых, — наконец произнесла она. — И глазом не моргнул!

Я глубоко вздохнул:

— Послушай, Чинг... У меня не было выхода. Тот, кто ведет другого человека на верную смерть да еще и радуется при этом, должен подвергнуть серьезному сомнению свое право на жизнь. А те пятьдесят с лишним человек, которых захватили уцелевшие вояки, уже никогда не вернутся к нам, разве что с выжженными мозгами. По сравнению с этой системой любое преступление — просто детские шалости. Сама посуди, сотрудники СММ подбираются по тем же критериям, что и любые рабочие. Им НРАВИТСЯ истязать, мучить, даже убивать.

— А тебе не нравится?

Я осекся. Безусловно, она была права: мне тоже нравилась моя работа, но есть же между нами какое-то различие. Должно быть.

— Понимаешь, Чинг, я не садист — может быть, только в отношении людей определенного сорта. Я выслеживаю и уничтожаю тех, кто причиняет боль другим, — и это не так уж плохо, правда?

Чинг ничуть не разделяла моей уверенности, да и я все больше терял прежнюю убежденность в собственной правоте. С колыбели меня воспитывали в духе безграничной веры в Конфедерацию и ее идеалы. Но, в сущности, не была ли моя работа точным аналогом СНМ? Разумеется, общественное устройство Конфедерации куда совершеннее, чем Медуза Таланта Упсира, но ведь и здесь люди верили в свое государство и в СНМ, как и я — в непогрешимость Конфедерации. Медуза была просто искаженным отражением Конфедерации. Вот почему мне было здесь так неуютно.

Я поднялся:

— Пора идти. Мы тут уже порядком засиделись. Нас наверняка преследуют. Будем двигаться всю ночь, до восхода. Обо всем поговорим по дороге.

Я не ошибся: нам вдогонку послали несколько пеших отрядов и вертолетов. Время от времени мы видели или слышали их, однако преследователи не слишком усердствовали. Оказаться ночью вне города для них было равносильно смерти, и заботило их только одно — дотянуть до утра.

Мы вновь обретали свободу благодаря недостаткам системы, хотя оставалось неясным, что нам сулят эта свобода.

Впрочем, одно стало ясно сразу: природа Медузы не была изучена даже наполовину. Нам встретились сотни, тысячи видов растений, больших и маленьких — леса кишели жизнью. Диковинная с виду, она в то же время очень напоминала флору и фауну других

планет. Конвергенция, как экологическая, так и морфологическая, была налицо. И здесь деревья были деревьями, а жуки — жуками. И роль их была точно такой же, как и везде.

Все наши старания сводились к тому, чтобы избежать нежелательных встреч и при этом раздобыть какую-нибудь пищу. По весне «тропические» леса изобиловали ягодами и плодами, но лишь немногие казались спелыми, и все были мне совершенно незнакомы.

— Как же мы разберемся, что здесь съедобно, а что нет? — пожаловалась голодная Анджи.

— Мне кажется, это очень просто, — подумав, сказал я. — По-моему, микроорганизмы Вардена сами разберутся. Например, к этим отвратительным ягодам я даже не прикоснусь. Я думаю, есть можно все, а микроорганизмы переработают съеденное с пользой для организма. Итак, ищем что-нибудь аппетитное на вид и экспериментируем.

Легко сказать, но на практике нам потребовалось немалое мужество. Листья и незрелые фрукты горчили или неприятно пахли, но мы не смогли остановиться, пока не набили желудки до отказа.

Ночью все мучились животами, но после привала и сна на свежем воздухе мы почувствовали себя гораздо лучше. Микроорганизмы Вардена полностью приспособились к новой ситуации — и это превзошло все мои ожидания. Многое из того, что поначалу казалось отвратительным, постепенно становилось все более аппетитным, а другие дары леса с каждым днем выглядели все хуже и хуже. Мы не испытывали никаких затруднений с едой, хотя должен сознаться, что не одна Чинг тайком вздыхала о вкусной горячей пище и спелых плодах.

Итак, угроза голодной смерти миновала, и теперь перед нами стояла задача приспособиться к новым условиям. В одежде мы не нуждались, а со скромностью

пришлось распрощаться. От холодных дождей и редкого града нас защищали густые кроны; при необходимости мы сооружали легкие шалаши из ветвей и огромных листьев. В свое время я проходил тренировки на выживание и умел мастерить жилища из подручных средств, но строить деревню пока не собирался. До первого снега оставалось еще три месяца, самое теплое время года было впереди, и прежде всего нам предстояло найти Диких Людей. Это было моей главной целью. Несколько дней мы широкими кругами обходили Рошанде, а потом направились к побережью — с помощью вложенной в мою память карты и ориентируясь по солнцу.

Первые недели мы постигали азы лесной жизни. У меня был кое-какой опыт, и я щедро делился им с остальными. Мы учились различать съедобные растения, определять места, где они растут, а также осваивали другие премудрости и особенно повадки животных. Тубры попадались на каждом шагу, но вели себя на редкость спокойно. Ветты встречались в основном на лугах и на открытых участках, и мы старались обходить эти места. К счастью, ни с одним харраром мы не столкнулись.

Иногда мы набредали на естественные термальные источники. Их оказалось гораздо больше, чем я предполагал, а однажды мы вышли к целому озеру горячей воды. Когда мы привыкли к отвратительному серному запаху, то по достоинству оценили эти природные бани. Мы даже пытались варить в них завернутые в листья всякие корешки.

Кроме того, за время скитаний мы гораздо лучше узнали друг друга. Мои спутницы проявили редкую выносливость и, хотя поначалу мне довелось выслушать немало жалоб, стойчески переносили все трудности, а вскоре стали относиться к происходящему как к грандиозному развлечению, тем более что в первые же дни я обучил их множеству необходимых вещей.

Таиться теперь не было никакого смысла, и я объяснил им, кто я такой. Это отчасти успокоило даже Чинг, слегка охладевшую ко мне после того убийства офицеров, и, кажется, поразило ее гораздо меньше, нежели открывшаяся нам возможность перевоплощаться.

Наши отношения очень быстро стали такими теплыми и дружескими, что я часто задумывался, не микроорганизмы ли Вардена тому виной. Мэрфи стала для меня просто Бурой, Чинг так и осталась Чинг, а фамилию Анджи я почти забыл. Меня с легкой руки Чинг все называли ласковым именем Тари. Одним словом, мы превратились в большую семью.

Но попавшие в лапы агентов СНМ оппозиционеры легли на мою душу тяжким бременем. Я твердо решил со временем разобраться, почему они так решительно предпочли верную гибель.

Бура тоже родилась и выросла на Медузе и занимала достаточно высокое положение в нашей Гильдии. Она входила в семью, одним из членов которой был один из вновь прибывших ссыльных, суматошный, беспорядочный и сильный, как бык. Он обладал неистовым темпераментом, был крут и раздражителен, но дома становился тих и любезен. Бура восхищалась его вольнолюбием и, похоже, просто боготворила его. Однажды он крепко разругался с сотрудником СНМ и буквально разодрал того пополам. Домочадцы, чтобы спасти свои жизни, были вынуждены очернить его, но Бура отказалась в этом участвовать, и ее отправили на другой конец планеты, понизили в должности и лишили всяких перспектив. Фортуна отвернулась от нее, и, когда в один прекрасный день ее познакомили с оппозицией, она уже полностью созрела для этого и быстро превратилась из неопита в руководителя ячейки — ту самую Сестру 657.

Прошлое Анджи было куда сложнее. Уроженка Медузы, она никогда не имела контактов с людьми Извне,

но всегда отличалась своенравным характером. В детстве она была фары автобусов, промышляла воровством в магазинах, а затем получила образование и стала инженером-строителем. Работа ей нравилась, но жесткая регламентированность, отсутствие свободы творчества и одуряющее однообразие сводили с ума, так что карьера не задалась. Когда тебя окружают безликие типовые постройки и все проблемы давным-давно решены, профессия строителя и впрямь может показаться нудной и скучной. Так же как и Бура, Анджи была направлена на обычную проверку психики, где и познакомилась с оппозиционным движением. Она присоединилась к нему, только чтобы хоть как-то разнообразить свою жизнь. Анджи была как раз одной из тех, кто толкнул вооруженного офицера на перила, так облегчив мне побег, — «чисто машинально», как объяснила она.

Никто ничего не знал об отважной женщине, которая помогла нам бежать из города ценой своей жизни, но все мы решили, что она была и навсегда останется членом нашей семьи.

На планете, культура которой зиждется на институте группового брака, никакой ревности и зависти между женщинами не было — естественно, и в нашей семье тоже. Полностью изолированные от общества, мы вели точно такое же существование, как и предки людей какой-нибудь миллион лет назад; и должен признаться, это были лучшие дни моей жизни. Именно тогда я кардинально переоценил свое прошлое, посвященное служению более чем сомнительным идеалам Конфедерации.

Мы постоянно кочевали от побережья к термальным источникам и обратно, развивая в себе способность определять их возможное местонахождение. При этом мы старались держаться севернее, так как, по мнению Буры, исколесившей континент вдоль и поперек, Дикие Люди обитали где-то между городами Рошанд и Серая Бухта. Она несколько раз мельком видела вдалеке че-

ловекообразные фигурки, которые тут же исчезали — и всегда в направлении побережья. Иногда мы натыкались на следы временных стоянок, но сами дикари оставались неуловимыми.

В конце концов выяснилось, что не мы искали их, а они — нас. Я потерял счет времени, помню только, что лето стояло в разгаре, когда, выйдя в один прекрасный день на опушку леса, мы обнаружили незнакомцев. Их оказалось семеро: один мужчина и шесть женщин; одна была беременна. Они были такими же темнокожими и безволосыми, как и мы; теперь нам это казалось вполне естественным. Одетые в красновато-бурые или черные шкуры, дикари были вооружены самодельными луками и копьями. У меня создалось впечатление, что они уже давно наблюдают за нами. Дикие Люди молча рассматривали нас в упор, не предпринимая никаких действий. Мы, в свою очередь, тоже не спускали с них глаз.

Наконец я неопределенно пожал плечами и протянул руки ладонями вверх в знак добрых намерений:

— Мы друзья. Мы не причиним вам зла.

Они продолжали хранить молчание — я даже начал подозревать, что они пользуются совершенно иным языком. Интересно, какая культура развивается у людей, оторванных от цивилизации?

Но в конце концов одна из женщин нарушила тишину:

— К какому племени вы принадлежите? Где ваш тотем?

— Мы и есть племя, — облегченно вздохнув, пояснил я.

— Изгнанники, — недружелюбно прошипел кто-то.

— Но не из племени, — быстро добавил я. — Мы сбежали из города.

Кажется, мои слова поразили их, но я никогда не имел дела с примитивными кланами и вполне мог попасть впросак. Одна из женщин наклонилась к другой — по-видимому, вожаку.

— Это проделки демонов. В здешних лесах их полно, — прошептала она.

— Что вы здесь ищете? — произнесла та, воздерживаясь от комментариев.

— Племя, — ответил я максимально искренне и весомо. — Племя, которое приняло бы нас к себе и научило всему.

Похоже, мой ответ им понравился; женщина-вожак благосклонно покачала головой в знак согласия и после недолгих раздумий приняла решение. Я сразу понял, что оно окончательно и не зависит от мнения остальных.

— Пойдете с нами. Мы Люди Гор. В нашем лагере Старейшие скажут, как с вами поступить.

— Весьма признательны, — ответил я за всех.

Незнакомцы молча повернулись и углубились в лес. Я обвел глазами свой отряд и растерянно пожал плечами. Но делать было нечего, и мы последовали за ними.

ГЛАВА 9

ДЕМОНЫ ГОРЫ

Люди Гор забыли предупредить, что до их лагеря несколько дней пути. Всю дорогу они держались особняком, не разговаривали, хотя и бросали исподтишка любопытные взгляды. Решение вожака было законом, но было ясно, что дикарям не возбраняется иметь и свое собственное мнение.

За плечами у них болтались кожаные мешки, где хранились всякие мелкие пожитки, в том числе и запасные наконечники для стрел, но провизию они с собой не таскали. Питались дикари примерно теми же растениями, что и мы, хотя в их меню присутствовал еще один элемент, которому мы до сих пор не уделяли внимания. Они охотились на веттов и тубров с неподражаемым мастерством, используя для этого свои немудреные приспособления. Выбрав подходящее место, они окружали его и терпеливо ждали, когда животное окажется в кольце; тогда на жертву обрушивался шквал копий и стрел, выпущенных с невероятной скоростью и меткостью. Добычу требовалось убивать быстро, иначе микроорганизмы Вардена могли восстановить повреждения.

Убедившись, что животное мертво, дикари пронзали тушу двумя копьями и, положив на два других, на плечах несли к ближайшему геотермическому бассейну. Там помощники-охотников каменными топорами разрубали ее на небольшие кусочки, которые варили, завернув в огромные листья. На планетах Пограничья мне приходилось есть натуральное мясо, но мои спутницы

испытали настоящий шок. Разделку туши нельзя назвать изысканным зрелищем, и мне пришлось использовать все свое красноречие, чтобы убедить их не слишком показывать отвращение.

— Соберите волку в кулак, — просил я своих подруг, — как тогда, в канализации. Если вам предложат что-нибудь, не отказывайтесь. Скорее всего еда вам не понравится и, более того, покажется противной, но все-таки вы должны не подавать виду.

— Я вообще не понимаю, — запротестовала Чинг, — почему мы кому-то что-то должны. Мы очень неплохо жили и питались, и я была просто счастлива.

— Ветты тоже счастливы, — парировал я, — пока их не убьют. Пойми, мы больше чем животные и обязаны расти и развиваться. А стало быть, обязаны пройти этот путь до конца.

Нас и в самом деле пригласили к общему столу, но лишь после того, как все лакомые кусочки были разобраны. Я поблагодарил дикарей и сказал, что они — прекрасные охотники; похоже, они остались довольны комплиментом. Мне показалось, что от них не укрылась реакция моих попутчиц — во всяком случае, их немало позабавили гримасы, с которыми недавние горожанки пытались выгрызаться в куски мяса, но, к счастью, новые знакомые великодушно отнеслись к нашим слабостям. У меня даже мелькнула мысль, что они не настолько наивны и невежественны, как стараются казаться.

Трапеза завершилась торжественной церемонией, чем-то сродни религиозному обряду. Мясо убитого ветта в отличие от шкуры храниться не могло, так что после свежевания шкура тщательно очищалась и вываривалась в термальном озере. После смерти организма-носителя микроорганизмы Вардена также погибали и плоть начинала стремительно разрушаться; я уже видел такое, наблюдая за сорванными фруктами и ягодами. На деревья и листву это, однако, не распространялось. Создавалось впечатление, будто микроорганизмы зада-

лись целью поддерживать идеальную чистоту дикой природы и позволяли себе оставлять людям лишь такие части растений, в которых те действительно нуждались.

Послеобеденный ритуал оказался захватывающим, хотя и непонятным, как и все религиозные обряды. Он состоял из чтения молитв и заунывных песнопений над останками, при этом вождь периодически бросал обреченные на быстрый распад обеды в горячую воду, словно совершая своеобразное жертвоприношение. Мне не терпелось разузнать побольше об этом обычае и вообще о верованиях туземцев, но момент был не самый подходящий. Я решил подождать до лучших времен.

Еще через два дня мы наконец дошли до поселка. По пути мы пересекли линию магнитного автобуса, которая вызвала у Буры и Чинг острый приступ ностальгии.

Сам лагерь — расчищенная площадка диаметром около километра — прилепился к подножию гор вдалеке от трассы и слегка напоминал небольшой городишко. Как следует рассмотреть его можно было, наверное, только с птичьего полета. Здоровенные каменные глыбы защищали лагерь от нападения с земли, а также от пронизывающих ветров, но сверху он был открыт всем стихиям. В глаза сразу бросался небольшой амфитеатр — в глубине его наверняка находился алтарь — огромное кострище. За каменной изгородью теснилась кучка небольших конических хижин с каркасом из прочных, но недолговечных деревянных брусьев, обтянутых кожей, а над ними нависала почти отвесная скала, изрезанная десятками пещер, — там, собственно, и ютилось все племя. Пещеры располагались на разной высоте, но непременно выше стены, огораживающей поселок. Никаких лестниц, лишь небольшие уступы в скале. Люди сновали по отвесной стене, как муравьи, периодически забегая в пещеры.

В основании скалы, у самой земли, имелась еще одна пещера, чуть побольше. По явно искусственным кана-

лам вода водопадами сбегала с вершин в небольшие бассейны по обе стороны лагеря. Излишки вытекали наружу через специальные отверстия в толще защитной стены. Анджи, как строитель, была потрясена.

— Чертовски сложная работа, — заявила она. — И к тому же ручная.

— Не забывайте, — напомнил я, — что уже почти полвека горожане и дикари не контактируют. Возможно, это сооружено ещё пионерами Медузы.

Конечно, и такая гипотеза почти ничего не объясняла. Контраст между могуществом первых поселенцев и примитивной жизнью теперешних обитателей этих мест был настолько разительным, что немало озадачил меня.

Наши провожатые покинули нас возле амфитеатра, и мы смогли как следует оглядеться.

— Интересно, сколько здесь жителей? — поинтересовался я у Анджи.

— Трудно сказать, — после недолгого раздумья ответила она. — Все зависит от размеров пещер, хотя вряд ли они очень большие. Это ведь коренные, а не осадочные породы.

— Ну а примерно?

— Сотня—полторы от силы.

Я утвердительно кивнул:

— Похоже, мы попали в столицу дикарей.

— Но это слишком маленький поселок, его даже городом назвать нельзя, — сказала Чинг.

— Наоборот, очень большой, — возразил я. — Сама посуди: как прокормить столько народа, не имея возможности запастись продукты впрок? Если бы они поселились где-нибудь в степи, где полно веттов, или в лесах, тогда другое дело. Но до ближайших пастбищ или лесных чащоб два дня пути. Думаю, они неспроста обосновались здесь.

Снующие по стенам люди — в основном женщины, одетые в звериные шкуры, — время от времени бросали

на нас любопытные взгляды, но мы оставались на указанном месте. Наконец о нас вспомнили — из одной хижины вышла беременная женщина и подошла к нам.

— Пойдемте, — предложила она, — Старейшие готовы вас принять.

Я взглянул на спутниц, показывая всем видом, что разговаривать со Старейшими буду я, и мы направились к подножию скалы.

Прежде всего меня поразили стройные ряды факелов на стенах пещеры. Впервые мы увидели, что Дикие Люди используют огонь. К тому же мы слишком давно отвыкли от настоящего пламени.

Пещера уходила далеко в скальный утес, опровергая наши первые впечатления о размерах внутренних полостей. Но самое примечательное то, что примерно на десятиметровой глубине стены пещеры становились ровными и гладкими и наверняка были обработаны современными орудиями — скорее всего лазерными пушками.

Метров через сто коридор кончился, и мы оказались в большой прямоугольной камере с высоким потолком. Метрах в пяти от входа пол внезапно обрывался; внизу протекала быстрая горная речка. За ней, в скале, зияла ниша, явно вырезанная при помощи лазера, — об этом свидетельствовали аккуратные скругленные края. В нише на больших деревянных креслах восседали две очень старые женщины и мужчина примерно такого же возраста. Это были самые дряхлые люди, которых я когда-либо видел, но они производили впечатление вполне здоровых и трезвомыслящих. Как они попали туда через глубокую пропасть, оставалось загадкой.

Старейшие тоже были совершенно лысыми, а кожа их имела светло-серый оттенок. Многочисленные мелкие морщинки придавали ей неуловимое сходство с поверхностью окружающих скал. В неровном свете факелов старцы производили жутковатое впечатление.

Я беспомощно огляделся, но наша провожатая куда-то исчезла. Мы оказались лицом к лицу со Старейшими Народа Гор.

— Как зовут тебя, мальчик? — У старухи был высокий надтреснутый голос.

— Тарин Бул, или просто Тари, — ответил я.

— Это не настоящее твое имя.

Больше всего меня потряс будничным тон, которым это было произнесено.

— Нет, — согласился я, — но сейчас меня зовут именно так.

— Ты родился не здесь, — вступил в разговор старик; и вновь это прозвучало как утверждение, а не вопрос.

— Да. Я направлен сюда из Конфедерации.

— В качестве осужденного?

И опять в самую точку! Меня охватило растущее беспокойство.

— Так получилось, — осторожно ответил я. Раскрывать карты еще рановато.

— Эти женщины — твоя семья? — спросила молчаливая до сих пор старушка.

— Да.

Последовала недолгая пауза.

— Странники сообщили, что ты сбежал из Ропанда, — сказал старик. — Почему?

Предельно кратко я рассказал им об оппозиции, предательстве и нашем чудесном спасении. Я старался представить только голые факты; подробно описал наши скитания по диким лесам в поисках людей. Они слушали абсолютно бесстрастно, только глаза их ярко сияли, обнаруживая живой интеллект и неподдельный интерес. Закончив повествование, я приготовился к дальнейшим вопросам о нашем прошлом, однако Старейшие внезапно сменили тему разговора.

— Что поведали тебе Странники об этом месте? — спросила одна из женщин.

— Они сказали, что отведут нас на стоянку своего племени.

Вся троица дружно, как по команде, усмехнулась.

— Отлично, — прокомментировала другая старушка. — Ну и как тебе наш лагерь?

— Мне кажется, это не лагерь и не стоянка племени, — ответил я.

— В самом деле? Почему ты так решил?

— Вы не в силах прокормить всех обитателей. Кроме того, вы называете охотников Странниками.

— Хорошо, очень хорошо, — одобительно отозвался старик. — Ты прав. Это не лагерь. Скорее это уединенное религиозное пристанище. Ты обеспокоен?

— Нет. Конечно, если нам не отведена роль жертвенных агнцев.

Кажется, мои слова им понравились; раздались приглушенные смешки.

— Чего ты ищешь здесь, в глуши? — спросила наконец одна из женщин. — Зачем тебе понадобились те, кого жители Города называют Дикими Людьми?

— Я ишу Знаний, — ответил я. — На планете процветает чудовищное рабство, но люди даже не осознают этого. Горожане постепенно теряют человеческий облик и, подобно тубрам, отчаянно ищут покоя и безопасности в своих напичканных техникой мегаполисах; они стремятся как можно меньше обременять себя мыслительной деятельностью и работой — она нужна им лишь для того, чтобы удовлетворять основные потребности.

— А разве это плохо?

— Мне кажется, плохо. Властитель Медузы — настоящий дьявол, живое воплощение зла. Он методично убивает в людях то единственное, что делает их людьми, — свободолобие. Хуже того, он вовлек Медузу в тайную войну против Конфедерации, а это чревато полным уничтожением планеты.

— И вы надеетесь вчетвером остановить его?

— Мы обязаны сделать все возможное, — честно ответил я. — Это лучше, чем просто сидеть сложа руки.

Старейшины вновь надолго задумались.

— Ты сравнил горожан с турбами, а кем же считаешь себя? — нарушила наконец молчание одна из женщин.

— Нам удалось бежать, — улыбнулся я. — А полсотни человек покорно отправились на заклание. Значит, нас всех можно считать харрарами.

Старейшины с серьезным видом утвердительно покачали головами.

— В далеком прошлом мы тоже мечтали ниспровергнуть режим и освободить Медузу, — сказал старик. — Нам было уже за пятьдесят, когда города заперли защитными полями и ввели тотальный контроль. Из нас троих только я родился здесь, на Медузе, и тогда она еще не превратилась в тюрьму и сумасшедший дом одновременно. Потом СНМ устроила настоящий погром, и из всего населения планеты уцелело не более тысячи человек, в том числе и мы трое. Как и вам, нам пришлось бежать с пустыми руками.

— Значит, этот лагерь построен еще до катастрофы? — спросил я.

— Да. Конечно, не весь — только пещера и связанная с нею система ходов. Называйте это приютом, если хотите. Вся информация о его существовании была уничтожена сразу после погрома. Уже оказавшись здесь, мы собственноручно достроили все остальное.

— Честно говоря, я поражен, — искренне ответил я. — Водопровод, канализация — ничего подобного мы не ожидали. Однако расположен он не очень удачно — нельзя обеспечить всем необходимым даже небольшое количество жителей.

— Но заметное увеличение населения поселка и не входит в наши планы, — заметила одна из женщин. — Это может привлечь внимание. В свое время мы мечтали о том же, о чем и ты. Но неужели ты считаешь, что Талант Упсир в одиночку совершил переворот и со-

здал нынешний режим? Это ему просто не под силу. В то время у него были всемогущие и могущественные покровители Извне. Он только усовершенствовал систему, сделав ее более изощренной. Двое его предшественников тоже правили авторитарными методами, и жизнь простых людей день ото дня становилась все хуже. Оба предыдущих властителя погибли в результате покушения — второй из них вообразил себя реформатором и провозгласил лозунг «назад к природе», однако его благие намерения улетучились под действием опаснейшего из наркотиков — абсолютной власти. Пойми, недостаточно убить властителя и уничтожить Совет. Чтобы добиться перемен, необходимо разрушить технический фундамент, на котором базируется жизнедеятельность городов, и буквально вытолкнуть людей в дикую природу независимо от их желания. А это за пределами человеческих возможностей. У НИХ достаточно сил и средств, чтобы воспрепятствовать этому.

— Таким образом, — подхватил старик, — мы пришли к выводу, что в состоянии только игнорировать их точно так же, как официальная власть игнорирует нас, и попытаться создать новую культуру на неконтролируемых режимом территориях.

— Но в один прекрасный день они доберутся до вас, — заметил я. — Неужели это не приходило вам в голову?

— Возможно. Но мы надеемся на лучшее. Кроме того, у нас просто нет иного пути.

— Но это не так! — воскликнул я. — Ваши цели вполне достижимы. У вас есть необходимый потенциал. Сколько... э-э-э, сколько Диких Людей в настоящее время в вашем распоряжении?

— Мы предпочитаем называть себя Свободными Племенами, — заметила одна из женщин. — Нас примерно тридцать—сорок тысяч. Более точную цифру я не могу назвать — наши линии связи крайне примитивны.

Тридцать—сорок тысяч! Да ведь это целая армия! Если только...

— Такие силы вполне могут просочиться в крупные города, парализовать промышленность и транспортную сеть и в итоге разрушить бюрократическую машину Медузы.

— Каким образом? Ведь большинство из них даже к факелу относятся с благоговейным трепетом, и никто никогда не видел не то что электричества, а даже железа и пластмассы...

— Это поправимо. Я верю в успех, ибо возможности человека, способного произвольно изменять свой облик, поистине безграничны. Именно поэтому я здесь.

Старейшие погрузились в раздумья. Наконец старушка, сидящая слева, нарушила молчание.

— Чушь! — безапелляционно заявила она. — Неужели ты считаешь, что это никому не приходило в голову? С самого начала это казалось нам самым верным и разумным решением, но мы были разобщены и рассеяны по планете. За нами охотились, и хотя постепенно мы научились выживать — но только здесь, в глуши. Следующее поколение воспринимало рассказы о жизни в городах как чудесную сказку. А наши внуки вообще считают горожан демонами. Теперь у нас есть сила, но нет воли. Мы создаем культуру, которая сплачивает нас и позволяет выстоять, но она крайне примитивна. Будь у нас хотя бы пять—десять тысяч человек вроде вас четверых, может, мы и решились бы. Но пропасть между нами слишком велика.

К подобному повороту я был совершенно не готов, однако кое-какие выводы напрашивались сами собой.

— Но ведь возможна и контролируемая метаморфоза!

Но Старейшие не пожелали развивать эту тему. В беседу вступила другая женщина.

— Так что же нам делать с вами? Приспособиться к нашей культуре вы не сможете — это ясно, а все ваши старания только ухудшат наше положение. Город для

вас закрыт. Стало быть, вы останетесь у нас в качестве гостей, но при условии, что не будете посягать на нашу веру и сеять зерна сомнения, понятно? Надеюсь, вы отдадите себе отчет, что уничтожить вас — в наших силах.

— Да, — кивнул я.

— В таком случае аудиенция закончена. — При этих словах из темной ниши, откуда вытекала река, появилась небольшая весельная лодка с непропорционально большим румпелем; подземная река, проходившая сквозь пещеру, оказалась достаточно глубокой. Суденышко правила стройная молодая женщина.

— Залезайте, — приказала она.

Я вопросительно посмотрел на остальных, а потом коротко кивнул. Торопить Старейших бессмысленно; кроме того, потребуется время, чтобы собрать и осмыслить необходимую информацию.

Плыть предстояло по течению, так что весла не понадобились. Мы покинули аудиенц-зал, преодолели крутую излучину и, миновав несколько причалов внутри пещер, остановились у очередной пристани. Женщина забросила на причальную тумбу канат, выбралась на каменистый берег и помогла нам. Пройдя длинную пещеру до конца, мы снова оказались в большом помещении, освещенном тусклым светом факелов. Пол был устлан чем-то вроде тростника, и имелась мебель: несколько грубо сработанных стульев и письменный стол без каких бы то ни было письменных принадлежностей. Я заметил и некое подобие водопровода: из скалы била струйка воды и, стекая по желобу, уходила через еще одно небольшое отверстие. Рядом с ним было отхожее место.

— Вода свежая и чистая, — пояснила наша сопровождающая. — Все отбросы быстро уносит поток. Пищу вам будут приносить регулярно. Пока Старейшие не примут решения, вы должны оставаться здесь. Купаться и плавать не рекомендую. Река выходит наружу и кончается высоким водопадом. — Она развернулась и вышла из комнаты.

Бура некоторое время смотрела ей вслед, а затем повернулась ко мне:

— Похоже, мы угодили в тюрьму?

— Действительно, похоже, — не стал спорить я. — Однако тюремщики знают, что нам нужно, а это большой плюс. Наверное, они правы и революции нам не совершить. Но я по-прежнему хочу научиться изменять свой облик по собственному желанию. Будет у нас армия или нет — это в любом случае увеличит наши шансы.

Чинг осмотрелась и сокрушенно покачала головой:

— Лучше бы мы остались в лесу. Мы будем медленно гнить в этом подземелье, пока не превратимся в таких же мыслящих развалин.

Я обнял ее и нежно поцеловал:

— Не бойся. Им действительно сложно принять решение. Дадим старикам время подумать. Вряд ли они похожи на СНМ. И к тому же, — добавил я, подмигнув, — тому, кто сбежал из канализации Рошанда, удрать отсюда — пара пустяков.

Вскоре стало ясно, что опасения Чинг совершенно напрасны. Время, проведенное нами в поселении, никак нельзя было назвать выброшенным из жизни, так как хозяева вплотную занялись нашим образованием. Да и кормили неплохо — в основном мясом какого-то неизвестного мне животного, по вкусу напоминающим рыбу. К нему подавались свежие плоды и великолепная сочная зелень. Портативная электростанция, доставшаяся дикарям от первых строителей, питала энергией небольшую гидропонную установку, и фруктов было в избытке. Куда еще шла эта энергия, я не имел ни малейшего представления.

Нас регулярно навещали разные люди, великолепно осведомленные об истории Медузы и ее сегодняшнем положении. Они приносили кипы компьютерных рас-

печаток, недоступных простым гражданам планеты, а также огромные рукописные хроники Диких Людей — прощу прощения; Свободных Племен — и подробные описания их обычаев и уклада.

Первым властителем Медузы, при котором началась изоляция городского населения, был отставной адмирал флота Казикян, возглавлявший в свое время заговор в системе Главного Военного Командования. Всю свою жизнь он провел, как говорится, в строю и был рожден исключительно для того, чтобы отдавать и выполнять приказы. На Медузе ему, как имеющему незаурядный опыт и способности, было поручено создать небольшой грузовой флот. Но постепенно вокруг него сплотилась кучка других военных и просто недовольных, так что задуманный им государственный переворот прошел, как говорится, без сучка без задоринки. После кратковременной консолидации Казикян принялся перекраивать общество на военный лад и прежде всего ввел строгую иерархическую систему. Невзирая на грязную подоплеку своих идей, Казикян проявил себя, безусловно, талантливым организатором: именно он модернизировал и развил промышленность на Медузе, построил космические станции, которые теперь можно встретить на орбите каждой из четырех планет Ромба Вардена. Его деятельность, как ни странно, наиболее сильно сказалась на Цербере, который из примитивной планеты с единственной развитой отраслью хозяйства — рыболовством — превратился в индустриального гиганта, потребляющего сырье Медузы и снабжающего товарами остальные планеты Ромба.

Но вскоре были предприняты еще две неудачные попытки путча, направленные уже против самого Казикяна, и он стал настоящим параноиком. Производимые на Цербере компьютеры заложили фундамент системы тотальной слежки, и общество превратилось в гигантскую казарму. Напоследок Казикян организовал тот знаменитый погром: понимая, что полный контроль за

людьми невозможен, пока их не изолируешь в нескольких крупных городах, Казикян приказал безжалостно истреблять тех, чье законопослушание вызывало хотя бы малейшее сомнение.

Избежать ужасного кровопролития смогли меньше тысячи оппозиционно настроенных людей. Они укрылись в замаскированных убежищах вроде того, в котором оказались сейчас мы, но Казикян распорядился беспощадно уничтожать каждого, кому удалось выжить при погроме. Эта маниакальная идея превратила его в жестокого тирана даже по отношению к ближайшим помощникам. Развязка не заставила себя ждать: Казикяна убил в его роскошных апартаментах молодой офицер, действовавший по поручению одного из подданных деспота. Преемник Казикяна, движимый идеализмом и благородной местью, в мгновение ока превратился в гораздо более жестокого властителя, начал с того, что вместе со своими приспешниками уничтожил весь цвет бывшего правительства. Постепенно Толак, новый властитель Медузы, почувствовал себя в полной безопасности. Руки его были также обогреты кровью, но он не стал параноиком, усиленный своим иллюзорным могуществом и всесилием. Другие властители, и в первую очередь властитель Цербера, решили использовать это в собственных целях. Всеми силами они стремились помешать растущему процветанию Медузы, и построенная Казикяном система сыграла им на руку.

Но Толак прекрасно понимал уязвимость тоталитарного общества. Он назначил своим ближайшим советником Таланта Упсира, чьи представления об идеальном социуме очень напоминали бред Казикяна в последние годы жизни. При помощи компьютерщиков с Цербера Упсир залатал все дыры и заковал общество в броню, в которой нельзя было даже пошевелиться. Однако новации задумывались не для того, чтобы их плоды пожинал Толак. Властитель был лично обезглавлен Упсиrom во время демонстрации центральных компьюте-

ров, которые предназначались для управления всей планетой. Вероятно, не обошлось без участия остальных Властителей Ромба — странные идеи Толака их сильно обескураживали. Им хотелось, чтобы Медузой правил человек, столь же порочный, как они.

В то же время уцелевшие после погрома оппозиционеры провели сходки, на которых приняли решение о создании своей общины вдалеке от населенных мест. Их лидером стала доктор Кура Ксю, антрополог, прибывшая на Медузу для изучения влияния микроорганизмов Вардена на социальное устройство. Общество, в котором люди могут менять свой пол так же легко, как одежду, потрясло ее. Она готова была принести себя в жертву на алтарь науки, но не в качестве бесправного беглеца, скитающегося вдали от предмета исследования. Впрочем, Талант Упсир проявил к скрывающимся в глуши оппозиционерам удивительную лояльность. Медуза была слишком велика, и борьба с крохотными группами противников, которой так увлекались предыдущие властители, требовала огромных затрат и времени.

Доктор Ксю понимала, что жизнь в глухомани приведет к необратимому регрессу, и решила построить новое общество, в котором могла бы развиваться самостоятельная культура, свободная от влияния прошлого. Для такого эксперимента антрополог подходил как нельзя лучше. Предполагалось, что группы будут достаточно велики, чтобы помогать друг другу, и в то же время малочисленны, чтобы не испытывать недостатка в пище и быть мобильными. Кроме того, небольшие горстки людей меньше привлекали внимание властителя. Необходимым требованиям как нельзя лучше отвечала родоплеменная община, в которой власть принадлежит старейшинам, а молодежь с почтением относится к старикам и уважает их волю, одновременно приобретая необходимый опыт; в дальнейшем бразды правления переходят в руки молодых.

Так как первобытное общество не знает политических союзов, единственным связующим звеном между племенами могла быть только религия. Таким образом, первые убежища превратились в святилища новой веры, искусственно скомпонованной из фрагментов многочисленных древних культов.

Однако новоиспеченная идеология сразу же претерпела кардинальные изменения. Человекоподобный бог уступил место фетишу планеты. Теперь кумир обитал не в заоблачных высях, а в недрах. Не знающая иных культурных ценностей молодежь находила это вполне естественным, ведь Старейшие не раз объясняли, что небеса наполнены мириадами звезд, между которыми свободно летают люди. Если идолу нет места в небе, значит, он живет в глубинах планеты.

Первые старейшины действовали в соответствии с теорией, поскольку она оказалась работоспособной; доктор Ксюю отмечала, что подобное мировоззрение распространено и на остальных планетах Ромба. Но следующие поколения искренне прониклись новой верой, и теперь подавляющее большинство разделяло ее догматы.

По всей планете Свободные Племена усердно возносили молитвы к Божественной Вершине — одной из высочайших гор Медузы на севере, вдалеке от обитаемых регионов. Легенды гласили, что она опора и начало самой Матери Медузы — верховного божества. Это объясняло и смысл ритуального «жертвоприношения» остатков добычи — считалось, что таким образом они возвращаются в лоно Матери Медузы.

Скиты стали не только школами и местами молитвенного уединения, но и одновременно приютами для Старейших; здесь же обычно принимались роды. Узнав это, я уже не удивлялся огромному количеству беременных женщин в поселке.

Но больше всего меня заинтриговала Божественная Вершина. Легенда гласила, что охотники, случайно об-

наружив ее в разгар гонений, сразились со «свирепыми демонами, которые осаждали гору, но не могли взобраться на нее; демоны были настолько ужасны, что человек не в силах вообразить». Эти «демоны» истребили множество охотников, однако уцелевшие в битве нашли пристанище на вершине горы, где на них снизошла некая благодать. Удостоившись внимания божества, они «обнаружили, что отныне могут изменять свой облик и пол по собственному желанию». Именно это событие и послужило толчком к возникновению культа самой планеты.

Таким образом, идол находился неподалеку во вполне осязаемой, но труднодостижимой форме. Божество подвергалось постоянным атакам дьяволов, намеревавшихся уничтожить Богиню. Они наносили огромный урон паломникам, любопытным и просто случайным путникам, которых нелегкая заносила в эти далекие края. Все, кто побывал на вершине и вернулся, описывали свой духовный опыт одними и теми же словами: они беседовали с Ним, после чего обрели чудесный дар, позволяющий управлять каждой клеточкой своего тела при помощи одного лишь волеизъявления.

Теперь я хорошо понимал, почему «революция оборотней» могла стать сущим наказанием: чем бы ни были эти животные или создания, которые в хрониках Свободных Племен называются демонами, они смертельно опасны, и, чтобы собрать более или менее значительное войско, пришлось бы положить уйму народу. Однако на этой горе явно присутствует НЕЧТО, источник непонятной энергии, который не только щедро наделяет избранных, но обращает в веру даже прожженных атеистов.

Теперь я твердо знал, куда направиться. К моему удивлению, Старейшие одобрили такое решение.

— Конечно, тебе нужно идти, — сказала одна из женщин, которая вполне могла быть доктором Ксюю. — Ты, и только ты, можешь спасти свою семью. Без твоей

энергии и непреклонной воли твоим спутникам придется поселиться с нами и рано или поздно деградировать. Сейчас они смотрят на мир твоими глазами, потому что любят тебя. Если ты окажешься Великим Странником и выдержишь испытание — удостоишься высочайшей чести общаться с Богиней. Она даст Знание, к которому ты так стремишься. И тогда твое мировоззрение и образ жизни изменятся в корне — как в свое время случилось с нами. Если же ты и после этого не утратишь своих амбиций, то по крайней мере обретишь долгожданную власть и силу.

— Для начала нам не мешает научиться владеть обычными видами оружия, — улыбнулся я. — Я не хочу, чтобы кто-то из нас погиб из-за ерунды.

— Нам?

— Конечно, нам. Мы отправимся туда вчетвером.

— Нет.

Дело принимало неожиданный оборот. Я почувствовал нарастающий гнев:

— Почему? Приведите хотя бы одну убедительную причину!

— Приведу сразу две: Анджи на четвертом месяце беременности, Бура — на третьем. Им придется остаться здесь.

— Проклятие! — пробормотал я. Я совершенно упустил это из виду. Даже прожив столько времени на Медузе, я так и не свыкся с мыслью, что дети могут появляться не только индустриальным способом.

— Но почему же они молчали?

— Они знают, что ты целиком поглощен заданием. На этой стадии беременность еще не бросается в глаза и благодаря микроорганизмам Вардена протекает легко. — Она помолчала. — Сначала твои подруги хотели признаться, но я их отговорила. Но теперь ты знаешь все и должен принять окончательное решение. Или отправляйся к Божественной Вершине, или оставайся здесь и воспитывай детей.

Я выругал себя за невнимательность. В последнее время они действительно вели себя странно, но я не обращал внимания на такие мелочи.

— Ну а Чинг? — спросил я. — Мы с ней давно уже вместе.

— Насколько мы можем судить — нет. Она беззаветно предана тебе и стремится делить с тобой все тяготы. Беременность может этому помешать, а на Медузе твердая установка на нежелательность ребенка является эффективнейшим противозачаточным средством.

Конечно, все это было совершенно некстати. Если я останусь и займусь воспитанием детей, то однажды окажусь свидетелем того, как Конфедерация уничтожает Медузу, а заодно и всех нас. С другой стороны, поход к Божественной Вершине наверняка будет гораздо опаснее, нежели попытка ликвидировать Таланта Упсира.

Или это самообман?

— Долго туда добираться? — спросил я.

— Семь недель.

Итак, четырнадцать недель. В принципе можно обернуться до того, как Анджи родит.

— Оружие?

— Ты умеешь пользоваться мечом?

Я едва не расхохотался. Похоже, булат преследует Тарина Була.

— В свое время я занимался фехтованием, — пояснил я, — но не с мечом.

— Это лучшее, чем мы располагаем. У нас нет ни пистолетов, ни винтовок. Клинки самодельные, из переплавленного металлолома, который периодически попадает в наши руки.

— Я справлюсь, — заверил я, несколько не сомневаясь, что смогу применить любое оружие. К тому же у меня в запасе куча времени, чтобы освоить его в совершенстве. — А для Чинг?

— Ты уверен, что она захочет отправиться вместе с тобой?

— Вы сами это сказали, — резонно заметил я.

— Да, действительно, — усмехнулась моя наставница. — Она вправе выбирать. Ты отправишься с группой настоящих Странников, среди которых будут двое следопытов, а также отличные лучники и метатели копий.

— Что касается демонов... На что они похожи?

— Словами этого не описать. Но по пути к Вершине тебе придется пересечь вечно скованный льдом узкий фиорд — другой дороги просто нет. Эти твари живут подо льдом; они разбивают его своими цепкими щупальцами, хватают путников и мгновенно затягивают вниз. Они поистине ужасны и смертоносны, но не забудь — нещадно руби их, и они отступят. Они очень боятся любых царапин и нашим допотопным оружием серьезно ранить их довольно сложно.

— Панцирь? — нахмурился я.

— Скорее броня. Против нее наши мечи и стрелы бессильны. Целься по щупальцам, глазам и ртам. Это единственный способ победить их.

БРОНЯ? На морских существах, живущих подо льдом? Или же это просто очень плотная одежда... вроде скафандра?

Последние сомнения улетучились. Мне предстояло встретиться с проклятыми неуловимыми пришельцами — и получить ответы на все вопросы — или погибнуть.

ГЛАВА 10

БОГИНЯ МЕДУЗА

— Что с тобой? — требовательно спросила Бура. — Ты уходишь один.

— Хотя ты не говори об этом, — резко ответил я.

Анджи взглянула мне прямо в глаза:

— Если мы попросим, ты останешься с нами?

— Нет, — вздохнул я. — Ничего не поделаешь — надо идти.

— Мы понимаем, — сказала Бура. — Нам это не по душе, но мы знаем, что ты должен. Тебя вечно что-то гложет, не дает покоя... — Ее голос дрогнул, и она отвернулась.

Я подошел и спокойно положил руку ей на плечо:

— Поверь, мне и самому нелегко. Но все будет хорошо, и через четырнадцать недель я вернусь, вот увидишь. Иначе ни за что не ушел бы, не дождавшись ребенка.

— Наверное, — согласилась Анджи, — и при этом не находил бы себе места... Так что — иди. Только... Только возвращайся! Пожалуйста, Тари!

Трудно поверить, но мои глаза увлажнились от слез. Я обнял и поцеловал их обеих, а потом они попрощались с Чинг. Я вновь возвращался к привычной многогании.

— И все-таки я надеюсь, что ты передумаешь, — сказал я Чинг. — Ты нужна им. Особенно если...

— Я пойду с тобой, — упрямо повторила она. — Я не могу сидеть здесь и ежеминутно сходить с ума.

— Ну что же, — вздохнул я, — пора.

Наш отряд насчитывал четырнадцать человек, а возглавляла его Хоно — опытная охотница и прекрасный знаток севера. Как и все остальные, она родилась среди дикарей; Свободные Племена любили имена покороче, чтобы исключить путаницу и недоразумения. Несколько дней ушло на подготовку к походу и тренировки, и я с радостью отметил, что Чинг обращается с мечом и луком гораздо увереннее, чем я мог предположить. Я тоже неплохо освоил это древнее оружие и научился прекрасно владеть им в ближнем бою. Однако для дальнего боя оно было совершенно непригодно, и я не раз с сожалением вспоминал о потерянных пистолетах.

Последовало еще одно тягостное прощание; все старательно напускали на себя бодрый вид, однако мы с Чинг с облегчением вздохнули, когда поселок остался позади. Внезапно я понял, что если сейчас же не уберусь отсюда, то не найду в себе сил расстаться с дорогими людьми. Прежде я никогда такого не испытывал. Мы отправлялись в опасный поход ради ценностей, в которые я отныне утратил всякую веру, но упрямо повторял Чинг, что мы стремимся спасти себя и планету, а не просто приобрести какие-то уникальные способности или власть. К счастью, тяга к приключениям была у меня в крови. Иногда я с горечью думал, что мои двойники на Хароне, Лилит и Цербере преследуют иные цели, но предать их было выше моих сил. Я уповал лишь на то, что когда-нибудь мне представится случай побольше узнать о них и о том, как сложились их судьбы.

Слава Богу, нам не было необходимости брести пешком всю дорогу. Четверо саней, запряженных одомашненными веттами, приготовились везти нас, оружие, снаряжение и походные палатки. При нашем приближении животные подняли свои уродливые головы и грозно зарычали.

Сани оказались весьма добротными, хотя комфортом и скоростью не отличались — впрочем, в долгой скачке по высокой траве и каменистым равнинам важнее была не скорость, а выносливость. Всю дорогу нас ужасно трясло, но по крайней мере не требовалось тащить на себе всю поклажу.

Чинг находилась в постоянном напряжении, но старалась не подавать виду; определенно ее не очень радовало это путешествие. Она с удовольствием влилась бы в одно из Свободных Племен и зажила его жизнью. Война, пришельцы и Четыре Властителя казались ей нереальными. Но Чинг отлично понимала, что такое ответственность и, вырвавшись из привычного уклада, всюду наслаждалась незнакомой дотоле свободой. Только сейчас она обрела то, в чем всегда нуждалась: общество Буры, Анджи — и мое.

И все же она была здесь.

Старейшие предупредили меня о непреодолимой бездне между Свободными Племенами и нами: теперь я обнаружил еще одну пропасть, разделявшую меня и членов моей семьи, несмотря на нашу близость и доверительность. Чинг не могла постичь, зачем мне понадобилось идти к Божественной Вершине, а я недоумевал, для чего она отправилась со мной. Но перечить ей не решался, точно так же, как она и остальные — в чем-то воспротивиться мне. День за днем мы продвигались все дальше на север, и пронизывающий ветер становился холоднее и холоднее, а наши отношения — проще и сердечнее. Мы не понимали друг друга, но испытывали взаимное уважение, и этого было предостаточно.

В небольшую группу охотников, помимо вождя Хоно, входили Кварл, Шицтер и Тайн. Что и говорить, добычки из нас с Чинг были никудышные — не уверен, смогла бы Чинг собственноручно убить животное даже ради пропитания. В то же время она вполне освоилась с натуральной пищей и безропотно поглощала мясо, когда не было выбора. Охотники оказались спо-

койными, дружелюбными и общительными людьми, однако, как и предупреждали Старейшие, принадлежали иному миру и иной эпохе. Первобытное общество на Медузе было воссоздано с хрестоматийной точностью, и я не устал удивляться, сколь естественно люди вернулись к примитивному образу жизни.

Дети природы буквально засыпали нас вопросами о нашем прошлом, но без особого толку. Изредка дикари видели поезд на магнитной подушке и, поскольку им был известен природный магнетизм, сделали вывод, что огромные магниты притягивают поезд из одной точки в другую. К действительности это, разумеется, имело слабое отношение, зато свидетельствовало о наличии у дикарей логики. Но когда речь заходила о подслушивающих устройствах и скрытых камерах, психиатрах и мгновенной связи на дальние расстояния, они разводили руками и воспринимали подобные рассказы с изрядной долей юмора — как добродушные розыгрыши. И уж никак не могли взять в толк, почему такое огромное количество людей добровольно запирается в городах, никогда не охотится и не бывает на природе.

Теперь я наконец понял, что имели в виду Старейшие. Хотя аборигены отличались живым умом и изобретательностью, больше всего они напоминали маленьких детей с Границы. Дикаря нетрудно обрядить горожанином, но он не справится с простейшими операциями, например, за компьютером, из-за нехватки навыков, а не умственных способностей. Со временем он научится — но гораздо раньше выдаст себя своим поведением.

К концу путешествия мои мечты о «пятой колонне» овладевших искусством трансформации аборигенов рассеялись как дым. Свержение режима на Медузе придется завещать своим последователям. За ними, конечно же, дело не станет. Да и просто нечестно стягивать все одеяло на себя. Кто-то же тренировал и поддерживал оппозицию, снабжал ее подпольщиков всем необ-

ходимым; и даже если ее члены отличались редкой бес-толковостью, руководство вполне могло оказаться более профессиональным. Предпринимая попытку за попыткой, они в конце концов добьются успеха. По крайней мере я на это надеялся. Жизнь на Медузе чересчур хорошо налажена, а излишне жесткую систему способен разрушить даже одиночка.

Но передо мной стояли и другие задачи, и прежде всего — получить Знание. Получить любой ценой.

Когда на горизонте замаячили горы, мы бросили сани и двинулись навстречу своей судьбе пешком. Топая по сплошным безжизненным льдам, я думал о том, что последняя битва близка и только избранным суждено предстать перед Матерью Медузой.

Вокруг, насколько хватало глаз, простирались ледяные торосистые поля. Воздух был свеж и кристально прозрачен, но неутрахающий ветер вздымал мельчайшие льдинки, и над землей непрерывно кружилась морозная пыль.

«Демоны» могли появиться в любой момент. Последний переход нам предстояло совершить над кипящими «дьяволами» глубинами, и к тому же снизу лед подмывался теплыми океаническими течениями и в некоторых местах был очень хрупок. Не верилось, что кто-то однажды прошел этот путь.

• Пришла пора воспользоваться снегоступами. Удивительно, но пронизывающий ветер при температуре около минус шестидесяти Цельсия практически не ощущался. Я не имел ни малейшего понятия, как действуют бактерии Вардена, но заметил, что аппетит разыгрывается по мере того, как становится холоднее. Наши формы заметно округлились: толстый жировой слой — лучшая защита от стужи. Трудно поверить, что мы с легкостью выдерживали такой мороз, однако на множестве планет животные, в том числе и теплокровные млекопитающие, прекрасно чувствуют себя в подобных условиях.

Найти Божественную Вершину оказалось несложно. Ее обледенелые склоны ослепительно белым монолитом вздымались прямо перед нами; на фоне других горных пиков она выглядела настоящим исполином. От одного ее вида я испытал благоговейный трепет. Она напоминала огромного зверя, замершего перед прыжком.

Микроорганизмы Вардена неустанно трудились над нашими телами. Все мы независимо от пола и возраста обросли густыми волосами, а кожа приобрела молочную белизну. Но самые удивительные изменения претерпели веки: они сделались совершенно прозрачными, надежно защитив зрачки и от низкой температуры, и от острых ледяных кристалликов. На зрении, кстати, это никак не отразилось.

Однако имелась и обратная сторона — засыпать стало необычайно трудно, даже в полной темноте. В привычке к лишениям мне всегда чудилось что-то противоестественное, и в голове не укладывалось, что люди пускаются в опаснейшую авантюру исключительно из праздного любопытства.

Вскоре мы понесли первые потери. Один из охотников ступил на участок льда, ничем не отличавшийся от остальных, — и вдруг раздался оглушительный хруст, и человек в мгновение ока исчез под обломками предательски тонкого льда. Мы кинулись к трещине, но было уже поздно: вода стала вновь затягиваться ледяной коркой.

Мы лишились еще двоих, прежде чем миновали фиорд и оказались прямо у подножия Божественной Вершины. Второй утонул точно так же, как и первый и еще одну женщину насмерть задавило торосами: узкая расщелина внезапно захлопнулась, и мы не могли ничего сделать.

Перед последним броском нас осталось девятеро. Я оглянулся назад и сокрушенно покачал головой:

— Страшно подумать, что нам предстоит еще возвращаться.

Не успел я договорить, как крепкий лед беззвучно просел у меня под ногами, и я рухнул вниз, как попавший в капкан зверь. Закричав, я протянул руки вверх, но успел глубоко уйти под воду, прежде чем чья-то сильная рука ухватила меня за кисть и намертво сжала. Я беспомощно барахтался в полынье и уже успел примириться с судьбой, как вдруг мое тело резко выскочило из воды и распростерлось на льду.

Дальнейшее я помню как в тумане. В память врезалось только тревожное лицо Чинг, а рядом — Кварл и Шитцер. Затем меня надолго окутала призрачная дымка, а микроорганизмы Вардена отчаянно сражались с единственным врагом, которого не могли одолеть легко и быстро, — шоком. Окончательно придя в себя, я обнаружил, что лежу завернутый в звериные шкуры в ВАПТИ — разборной кожаной палатке. Вошла озабоченная Хоно и, увидев, что я очнулся, радостно улыбнулась:

— Поздравляю с возвращением с того света.

— Спасибо, — откашлялся я. — И долго я провалялся?

— Несколько часов. Ты бредил и вообще был очень плох, но сейчас уже выглядишь лучше. К утру ты будешь в норме.

— Постараюсь, — заверил я. — Не хотелось бы здесь задерживаться.

Она кивнула и жестом указала куда-то. Я повернул голову и увидел рядом сладко похрапывающую Чинг.

— Она спасла тебя, — пояснила Хоно. — Никогда не думала, что человек может развить такую скорость, когда речь идет не о его собственной жизни. Она успела схватить тебя за руку и не выпускала до тех пор, пока не подбежали мы. Она сделала главное — все время держала твою голову над водой.

Я ласково посмотрел на спящую Чинг, и непривычная нежность затопила меня.

— А ведь я так хотел, чтобы она осталась в поселке.

- Чинг очень любит тебя. Иногда мне кажется, что она не задумываясь пожертвует своей жизнью ради тебя. Ты везунчик, Тари. Береги ее.

Любой на моем месте был бы счастлив и горд — почему же я почувствовал себя бессовестным подлецом?

«А потому, — шепнул мне внутренний голос, — что так оно и есть. Мы зашли очень далеко и теперь придется идти до конца, а потом вернуться. Но на этом моя работа закончится, хватит. В лагере я займусь тем, чем и положено: воспитанием детей, обустройством новой жизни — для всей моей семьи, а не только для себя. Они отпустили меня, потому что любят. Чинг движется же самое — любовь. А ты, старый мерзкий эгоист, что ты можешь им дать?» Впервые я взглянул на себя со стороны и был потрясен уродливым зрелищем. Потребовалось одной ногой шагнуть на тот свет, чтобы осознать свой чудовищный эгоцентризм, отвратительный индивидуализм. Но ведь это не значит, что я стою выше любви — наоборот, отчаянно в ней нуждаюсь. А значит, и в них — Чинг, Буре и Анджи. Теперь мне стало ясно, что любовь не достается бесстрашным суперменам по праву; она невозможна без взаимности, и за нее приходится платить ту же цену.

Я перестал быть целью собственной жизни. Отныне главное место в ней заняли другие, и я поклялся самой страшной клятвой ни за что не забывать об этом. Никогда.

Умиротворенно вздохнув, я погрузился в глубокий сон.

Наутро погода испортилась. Слегка потеплело, но по небу неслись тяжелые серые облака — предвестники снегопада. Прагматичная Хоно собрала небольшое совещание.

— Перед нами два пути, — сказала она. — Либо мы переживаем здесь, либо немедленно начинаем восхождение. Ваше мнение?

Заговорил обычно молчаливый Тайн:

— Буря продлится несколько дней, а то и недель.
Стало быть, лучше подняться на вершину.

— Есть другие предложения? — спросила Хоно. Все промолчали. — Значит, отправляемся, — заключила она.

Честно говоря, всем хотелось только одного — поскорее с этим покончить. Даже самые фанатичные тихонько ворчали — дескать, святое место могло бы быть и поближе.

Чинг с удивительной тонкостью ощутила произошедшие во мне перемены, но, кажется, мне удалось убедить ее в том, что это не приступ сентиментальности на пороге смерти, а глубокая и подлинная переоценка ценностей. Однако мои мысли целиком занимала священная гора. Безусловно, это самое подходящее место для базы пришельцев, а возможно, и целого города.

Мы шли, с головы до ног облепленные мельчайшими снежинками. Тучи нависали все ниже, хотя буран еще не начался. Ледяное поле стало ровнее, и это говорило о том, что там, подо льдом, — теплая вода. Тем не менее до полудня наше путешествие протекало гладко. Но потом крупными хлопьями повалил густой снег, и тут-то все и началось...

Эта полынья ничем не отличалась от других, и я бы ни за что не поверил в такое, не случись это прямо на моих глазах.

Разумеется, Йордер не просто наступила на рыхлый лед и провалилась: все произошло так стремительно, что стало ясно — подо льдом что-то *есть*. Она шла всего в нескольких шагах передо мной, затем остановилась и обернулась — и в этот момент *нечто* пробилось сквозь лед и буквально засосало ее вниз.

Мы тут же бросились к проруби, но было уже поздно. Я выхватил меч и быстро огляделся.

— Они внизу! — закричал я. — Не останавливайтесь! Ни в коем случае не останавливайтесь, иначе они перехватывают всех!

И в этот момент ледяное поле буквально взорвалось; буран свирепел. Крепко сжав оружие, мы заняли круговую оборону. Теперь нас осталось только восемь.

— Они бьют наугад! — прокричала Хоно. — Тари прав — вперед! Не останавливаться ни в коем случае — только если сможете убить «демона»!

Мы двинулись по коварному льду, а неизвестный и невидимый противник предпринял психологическую атаку. Под покровом завывающей метели «демоны» стали лихорадочно пробивать лед спереди и сзади, со всех сторон. В образующихся трещинах мелькали большие темные тени.

ОНИ ОЧЕНЬ БОЯТСЯ ЛЮБЫХ ЦАРАПИН...

Неприятель и в самом деле играл с нами в кошки-мышки. Похоже, это был патруль — небольшой отряд, охраняющий подступы к базе. Видимо, они смертельно соскучились и теперь хотели позабавиться.

Несколько раз тяжелая туша надолго зависала над водой, и трое наших уцелевших лучников стреляли в нее, увы, безуспешно.

Развлекались «демоны» или нет, но им тоже приходилось нелегко. Сомневаюсь, чтобы в снежной круговерти они видели лучше, чем мы, даже если использовали следящие устройства. Возможно, сильнейшие помехи мешали им точно прицелиться. Современное оружие они, без сомнения, применять не имели права — иначе вся тайна «демонов» разлетелась бы в пыль.

Взглянуть бы на них хоть одним глазком. Теперь понятно, почему Конфедерация до сих пор их не обнаружила. Живущие в воде и дышащие воздухом млекопитающие! Неудивительно, что им приходится использовать громоздкие скафандры.

Внезапно у меня из-под ног с оглушающим треском взвился столб ледяной крошки, и мое желание исполнилось. С ревом из полыньи высунулась отвратительная туша. Я размахнулся и изо всех сил полоснул по ней мечом; удар пришелся по кончику извивающегося шу-

пальца, и ледяную пустыню огласил отчаянный вопль, многократно усиленный эхом. Не переставая жалобно стенать, существо с неожиданной скоростью нырнуло в воду, но то, что я успел разглядеть, оправдывало мои самые смелые ожидания.

Грушеподобную голову твари венчало множество щупалец длиной метра три, а то и больше, усеянных тысячами крохотных присосок. Под ними я заметил два темных, влажно поблескивающих пятна, вероятно, глаза. Там, где голова сочленялась с туловищем, размещались две пары гибких конечностей, которые заканчивались огромными ножницеобразными клешнями. Шкура нездорового желто-фиолетового цвета в крапинку, казалось, жила собственной жизнью; скорее всего такое впечатление создавали стекающие по телу струйки воды. Более убедительного воплощения ужаса я не встречал. Какая бы эволюция ни выпестовала такое чудище, оно неизбежно должно быть кровожадным и безжалостным — настоящей машиной для убийств.

Я увидел только верхнюю половину туловища, но сразу же убедился в правоте Старейших: оно и в самом деле было закрыто странной и на вид металлической одежкой — или скафандром, — очень напоминающей хитиновый панцирь насекомого. Правда, я еще ни разу не встречал хитиновый покров с металлическим ободком вокруг головы и вакуумным разъемом.

Не спуская глаз с полынни, я с удовольствием отметил, что мне опять повезло. Отсюда я не мог разглядеть ни рта, ни носа, но оглушительный рев служил доказательством, что таковые отверстия у этих тварей имеются и достаточно большие.

...А НА МАКУШКЕ У НИХ — ОГРОМНАЯ ПАСТЬ...

После моего удара игривое настроение у монстров пропало. Теперь они не собирались подвергать себя неоправданному риску. Атаки стали осмысленными и методичными, но отражать их было гораздо легче. Снегопад прекратился, и мы увидели совсем рядом подножие

горы. С громким криком мы побежали беспорядочными зигзагами, чтобы сбить противника с толку. Лед стал толще, и сначала я сомневался, могут ли твари вылезти из воды и продолжить погоню, но потом решил, что они вполне на это способны.

Мы выбрались на каменистый, ледяной берег — отрог Божественной Горы — и в изнеможении рухнули на землю.

— Спасены! — выдохнула Чинг.

Внезапно сзади раздался оглушающий скрежет. Мы с Хоно мгновенно вскочили на ноги.

— Лучники! — приказала Хоно. — Нас преследуют?

Напряженно глядя в бурную даль, мы с лучниками двинулись на звук. Опять пошел слабый снег, и видимость была не более километра. Четыре твари выбрались из-под льда и неподвижно зависли над самой водой наподобие антигравиплана или вертолета.

К нам подошла Чинг и сокрушенно вздохнула.

— У них есть что-то вроде летательных поясов? — пробормотала она.

Я недоуменно пожал плечами:

— Не думаю, дорогая. По-моему, это просто крылья!

— А где же щупальца? — нахмурилась Чинг. — Они были такие огромные.

— Куда же им деться... видишь? — жестом указала Хоно. — Они каким-то образом втянулись в череп, и теперь у этих тварей рога, как у настоящих демонов!

— Слишком далеко... — с сожалением произнесла Кварл. — Как ты думаешь, они нападут или нет?

— Не знаю, — ответила Хоно, — но их неподвижность действует мне на нервы. Лучше бы они хоть что-то делали!

— Они тоже так думают, — тихо сказал я. — И демонстрируют нам свое могущество. Скорее всего это просто напоминание, что нам предстоит встретиться еще раз — на обратном пути.

Хоно задумчиво покачала головой:

— Откуда же взялся такой кошмар? Они и морские животные, и насекомые, и пресмыкающиеся...

— Да, в этом смысле они универсальны, — кивнул я. — Без сомнения, они специально предназначены действовать в любой среде, при любой погоде и в любой атмосфере. Я видел много планет, и на каждой они могли бы жить. И это, не скрою, очень пугает.

— Это не демоны, — твердо сказала Хоно, и у меня отвисла челюсть. — Нё знаю, что это, но только не демоны.

Я снова кивнул:

— Ты абсолютно права. Они — представители очень умной, напористой и изобретательной цивилизации, которая пришла из какой-то далекой звездной системы.

Чинг посмотрела на меня со странным выражением испуга и удивления:

— Значит, это те чужаки, о которых ты рассказывал?

— По крайней мере их слуги. Они призваны жить здесь и уничтожать всякого, кто осмелится приблизиться к Вершине. Если мы способны на генном уровне проектировать и выращивать людей со специальными навыками, вполне логично предположить, что чужаки всего лишь сделали следующий шаг.

— Но тогда у них наверняка есть оружие почище городского, — озабоченно произнес Шицтер. — Почему же они его не применяют?

— Наверное... боюсь, это покажется вам странным, но им, по-моему, просто запрещено, — предположил я. — И, похоже, запрещено приближаться к горе, так что пока мы в безопасности... до тех пор, пока не двинемся в обратный путь. — Я повернулся к величественной громаде Божественной Вершины, большую часть которой скрывали облака. — Ну, посмотрим, что в ней особенного?

Хоно усмехнулась:

— Раз уж мы здесь, почему бы и нет?

Мы двинулись наверх, и вскоре ужасные твари скрылись из виду: скрежет становился все тише, а потом и вовсе пропал. Я не имел ни малейшего понятия об их дальнейших намерениях, но проникся глубоким уважением к тем Странникам, которые уже проделали этот путь. Неудивительно, что многие из них стали потом весьма уважаемыми священниками и шаманами.

Полученные нами инструкции были предельно кратки и ясны: подняться повыше, остановиться на склоне и заночевать.

Мы растеряли почти все наше имущество, кроме оружия, одежды и снегоступов; последние пришлось снять, так как штурмовать гору в них было невозможно. Прошло не меньше двух часов, прежде чем мы достигли небольшой ровной площадки — выхода коренных пород; кстати, они сильно отличались от тех, которые я уже успел повидать на Медузе: темные и с частыми вкраплениями минералов. Но привлекло нас другое: площадка была неплохо защищена от ветра и снега каменным козырьком и словно специально создана для лагеря. Перед наступлением сумерек искать другую стоянку не имело смысла. Осмотрев нашу крепость, мы обнаружили, что мысль заночевать тут посещала и наших предшественников. Скалу покрывали рисунки непонятного содержания.

Очарованная Чинг не сводила с них глаз,

— Как ты думаешь, — допытывалась она, — чем их вырезали? Линии такие глубокие и ровные, наверняка тут не обошлось без современной техники.

Я кивнул, но никакого объяснение на ум не шло.

Чтобы убить время, лучшего занятия, чем изучение наскальной живописи, не придумать, однако уже смеркалось. Вновь усилился ветер, снегопад стал гуще. Мы сбились в кружок — больше для тепла, нежели для беседы.

— Ты знаешь, я все время думаю об этих пришельцах, — проговорила Чинг, ласково прижимаясь ко мне.

— Мы все о них думаем.

— Я имею в виду эти шупальца вокруг головы... Они тебе ничего не напоминают?

И вдруг меня озарило. Медуза. Одна из трех сестер, змееволосых дев, взгляд которых обращал людей в камень. Эмблема планеты и ее правительства. Заимствована из древнегреческой мифологии землян.

— Мда-а-а, интересно, — сказал я. — Чтобы ее убить, пришлось использовать зеркальный щит.

И тут мне открылась вся глубина символики. Планета Медуза сама являлась своеобразным зеркалом, только кривым. Как странно обнаружить такое именно здесь, на планете, наводненной убежденными противниками привычного мне социума и их потомками. Вероятно, то же самое относится и ко всему Ромбу Вардена? Этот поистине переполненный злом мир, чьи пороки невозможно даже сравнить с нудным однообразием Конфедерации — даже он имел смысл и цель. Даже он...

Покрепче обняв Чинг, как и полагается в святых местах, я погрузился в воспоминания, пока не провалился в глубокий, почти гипнотический сон, но тем не менее полный сновидений сон. Образы, обрывки мыслей и странные чувства, в которых на первый взгляд не было никакого смысла, беспорядочно проплывали перед моим внутренним взором.

Мне чудилось нечто огромное, очень молодое и в то же время древнее, как вечность: это была неведомая и необычайно сильная цивилизация, которую нельзя назвать ни враждебной, ни дружественной, ни красивой и ни уродливой; она была полностью чужда человеческим понятиям и оценкам.

Все в ней дышало энергией и жизненной силой и еще — обостренным чувством собственного достоинства. Все было проникнуто искренней и чистой верой —

одновременно и в Бога, и в Истину, ибо она сама была Всевышним, — и разве не вся Вселенная, все сущее создано для служения Ему? Перед ней благоговели, но она не чувствовала моральной зависимости перед своей паствой. Ей поклонялись как Творцу, настолько далекому от простых смертных, что его невозможно не боготворить. Все, кто не мог познать Ее, и служить Ей, оставались тленны, но она был вечной. И смерть была меньшим злом, нежели приземленная вера. Все конечное было слишком ничтожным для нее и не способно нарушить естественный порядок, стройный ход событий во Вселенной.

Меня окутало нечто абсолютно бесформенное и сказать, что я понимал его мысли, было бы не совсем верно. Они скорее просто излучались в мой мозг, а тот уже — с поправками, естественно, — преобразовывал их в понятия и образы, доступные для меня.

И однако, пережитое осталось только общим впечатлением, не имеющим никакой рациональной структуры. Все было слишком чуждо и сложно; картины сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой, и запомнить их было невозможно. В память врезалось лишь ощущение необъятности чужеродного интеллекта и необычная непосредственность впечатлений. Мой разум тонул в нем, и я, боясь безвозвратно исчезнуть, инстинктивно закрылся, спасаясь от безудержного нечеловеческого натиска. Казалось, это нечто осязает меня, хотя совершенно безразлично к факту моего существования. В его страшном и необъяснимом присутствии я неодолимо стягивался, схлопывался в ничто. Микробы превратились в настоящих исполинов, и чужая воля отшвырнула меня в непривычный мир.

И только потом постепенно вернулось ощущение собственного «я», но отныне оно воспринималось по-иному. Я обрел неизведанное доселе свойство видеть и слышать каждую клеточку своего тела.

Я внимал мелодиям, которыми колонии микроорганизмов Вардена обменивались между собой, и почувствовал радость, а вместе с ней и силу. Информация неудержимым потоком устремлялась в микроорганизмы из источника, который был мне неизвестен.

Я прекрасно осознавал, что сплю, но мой удивительно чистый и ясный мозг работал с невиданной скоростью. Я твердо знал, что могу управлять созвучиями информационных потоков, хотя и не понимаю их смысла. И в новом свете открывшихся истин я внезапно отчетливо постиг, что отныне перестал быть человеком. Теперь я знал о любом преобразовании всех без исключения клеток своего тела и просто отдавал им мысленные приказы — и они подчинялись.

Когда я проснулся, уже светало. Окружающее, казалось, ничуть не изменилось. Однако... Даже прогнав остатки сна, я по-прежнему чувствовал наполнявшие меня микроорганизмы Вардена. В эту ночь исполнилась моя заветная мечта — стать полным властелином своего облика. Последние нити, связывающие меня с Конфедерацией и родом человеческим, лопнули.

Отныне я был не более человек, чем те странные существа, поджидающие нас у замерзшего фиорда.

СВЯТЫЕ — НЕ БОГИ

Чинг, Хоно и я решили поделиться впечатлениями, чтобы прояснить ситуацию. Как и следовало ожидать, наши ощущения сильно отличались и были крайне субъективными, но в одном мы были единодушны: с нами произошли кардинальные изменения, и открывшаяся возможность управлять собственными микроорганизмами Вардена воспринималась нами одинаково.

— Но что это было? — спросила Чинг. — Неужто в самом деле Богиня?

— Наши спутники наверняка не задают таких вопросов. — Я не собирался начинать атеистическую пропаганду и слегка понизил голос. — Подозреваю, что мы каким-то образом вступили в ментальный контакт с кем-то из пришельцев. Или с разумом пришельцев ВО-ОБЩЕ. Или еще с чем-то. Похоже, в горе находятся их энергетические установки, и мы — по-видимому, не без участия микроорганизмов Вардена? — связались непосредственно с ними.

— Но сны были такими странными...

Я нетерпеливо кивнул:

— Поэтому мы и называем пришельцев «чужаками». Мы проникли в самую сердцевину их мозга и, вероятно, сознавали это, но настоящего контакта не произошло. Представь слепца, который внезапно прозрел, и ему тотчас показали сделанную с высоты фотографию леса, не объяснив, что это такое, — вот и мы примерно в таком же положении.

— Но как же то, что мы чувствуем... теперь?

— Этот краткий контакт позволил нам ощутить свои микроорганизмы Вардена, тем более что они наверняка были посредниками. Когда же он прервался, мозг уже обучился управлять телом при помощи микроорганизмов. Понимаешь, дорогая, на самом деле мы несколько не изменились. Этой способностью обладает на Медузе все живое — просто пока это недоступно нашему пониманию.

— Э-ге-гей! Тари! Посмотри-ка на меня! — послышался голос Хоно, и нашим взорам предстала величаява богиня, воплощение грации и силы — настоящая небожительница.

— Я вообразила это и приказала своему телу измениться! — пояснила она. «Как все просто», — подумалось мне. Все утро мы экспериментировали и обнаружили, что наши возможности практически неограниченны. Мы могли отращивать и укорачивать волосы, изменять пол в считанные минуты и тут же восстанавливать прежний — этот любопытный процесс напоминал мультфильм, в котором движение состоит из нескольких статических картинок. Любое наше пожелание мгновенно сбывалось, как в старинных сказках. Преобразование самого себя было сродни искусству, но в процессе его даже значительное изменение массы тела было вполне возможно, видимо, микроорганизмы Вардена могли варьировать число клеток. Однако увеличить массу намного легче, чем уменьшить ее; последнее сопровождалось резким и чрезвычайно сильным болевым ощущением, но это была пустяковая плата за такое могущество.

Но подобные реорганизации невозможны без огромных познаний в биологии, биофизике, биохимии и множества иных дисциплин, чем никто из нас не мог похвастаться, и, стало быть, микроорганизмы Вардена получали требуемую информацию из постороннего источника. О его местонахождении можно было только до-

гадываться. Вероятно, тут не обошлось без чрезвычайно мощных и быстродействующих компьютеров.

Как знать, не общались ли мы во сне с одним из таких компьютеров? С вычислительной машиной пришельцев, программа которой настолько сложна и непривычна для нас, что воспринималась как богоподобное существо? Это предположение вовсе не казалось мне абсурдным, а отсюда, в свою очередь, следовало, что микроорганизмы Вардена — искусственные образования, введенные в биосферы четырех планет Ромба Вардена с определенной целью. И кто еще, кроме чудии у кромки залива, несет за это ответственность?

По-видимому, они уже обитали в здешних морях, когда на планету прибыла первая исследовательская экспедиция. Пришельцы не просто открыли Ромб раньше людей — они всегда были здесь. Не значит ли это, что они способны делать то же, что и мы, только гораздо лучше? Я на мгновение представил себе объединенную мощь четырех планет, населенных оборотнями, которые могут создавать и уничтожать все сущее одной лишь силой воли...

Но зачем тогда нужны роботы? Зачем понадобилось пришельцам идти на сделку с Четырьмя Властителями? И как понимать эти странные игры на льду?

Чем больше проясняются детали, тем непонятнее общее положение. Сложность задачи пленяла, но я надеялся найти решение — естественно, чисто теоретическое, а потом целиком посвятить себя семье. Я искренне считал, что это мое последнее приключение, тем более что волшебный дар стоил того.

— Великая Богиня превратила нас в ангелов! — в радостном исступлении воскликнула Кварла. Хоно, скептик по натуре, чей интеллект был несколько выше, чем у остальных дикарей, вела себя сдержанно. Но даже она не скрывала ликования — именно о таком могуществе мы мечтали.

— Мне сейчас пришло в голову, что Старейшие тоже тут побывали, — наклонилась ко мне Хоно. — Ужасные карги, правда?

Я сразу понял ее мысль. Может, конечно, способность к превращениям утрачивается со временем или же от частого применения, но теперь ясно: нынешний облик старейшин не что иное, как декорация. Наши товарищи живо обсуждали грядущие выгоды, и я не преминул воспользоваться случаем и набросился на них.

— По-моему, вы еще не осознали, чем теперь обладаете, — с жаром заявил я. — Этот дар используется в редчайших случаях, и только во благо, а не для того, чтобы пугать или забавлять. Это не просто огромное могущество — это священное откровение. Ему нельзя научиться или передать по наследству, и вы обязаны мудро распорядиться им.

Как я и надеялся, мое заявление несколько отрезвило их. Пора было подумать о возвращении. Какой бы мощью мы ни располагали, мне вовсе не улыбалось встретиться с ужасными тварями среди ночи, а в еще одной ночёвке на Божественной Вершине я не нуждался. К счастью, мои товарищи сохранили хладнокровие и поняли меня с полуслова.

Хоно подняла копьё, требуя внимания.

— Мы спускаемся, — сказала она.

— Нет. — Я на секунду задумался. — Проверим кое-что. Рискнем на небольшой эксперимент. — Я подмигнул Чинг и сосредоточился, мобилизовав все свои способности к самоконтролю и самогипнозу.

Окружающие изумленно уставились на меня. Микроорганизмы Вардена напряженно трудились над превращением Тарина Була в огромное летающее существо, следуя проекту, хранившемуся в памяти неведомого суперкомпьютера.

— Что это? — испуганно прокричал кто-то.

— Откуда я знаю? — каркнул я в ответ. — Но у этой твари прекрасные когтистые лапы, а главное — она

может летать! Повторяйте за мной! Это единственный шанс миновать чудовищ!

И кроме того, вместо трехдневной изнурительной ходьбы по торосам долететь до дома меньше чем за сутки. Наконец-то я смог увидеть, во что превратился: передо мной сидели огромные черные птицы с человеческими глазами и необычно загнутым клювом; их крепкие лапы с угрожающего размера когтями могли не только схватить, но и разорвать добычу на куски.

— А что теперь? — поинтересовалась одна из птиц.

— Пусть микроорганизмы работают! — ответил я. — Мы должны лететь, а значит, можем лететь! — Я неуклюже проковылял к краю площадки — за ним начинался обрыв; в лицо — или что там у меня получилось — ударил сильный ветер. Склон был не совсем отвесным, и торосы внизу показались мне слишком близкими. Если я где-то ошибся, от меня останется только мокрое место. Правда, в отличие от остальных я мог управлять собственным сознанием, но, если мне удастся взлететь, их вера должна будет смениться волей и решимостью.

Я сосредоточился, вновь взглянул по сторонам, и внезапно мне бросилась в глаза некоторая неоднородность воздуха. Не то, чтобы он, так сказать, затвердел — нет, скорее это были какие-то структурные различия. «Сильным прыжком оторваться от земли и взлететь!» — приказал я себе и бросился вперед и вверх, одновременно распахнув крылья.

Быстро миновав высшую точку, я по крутой траектории стремительно понесся вниз, и только недоожинное самообладание спасло меня от паники, сиречь от неизбежной катастрофы. Усилием воли я отдался своим инстинктам и передал управление непривычным мне телом микроорганизмам Вардена. Затем я почти под таким же углом стал набирать высоту, подбираясь все ближе и ближе к облакам! Я ЛЕТЕЛ!

Чинг, к своей чести, быстро поборол эмоции и тоже ринулась вниз; я описывал над площадкой большие

круги. Наконец остальные тоже решились последовать нашему примеру.

Большинство тут же затеяло радостные, полные детского восторга игры, выписывая в воздухе всевозможные кренделя; казалось, этому не будет конца. Пришлось пресечь эти шалости:

— Впереди долгий и трудный путь. Не тратьте сил зря. Не забывайте, что мы не бессмертны!

— Но чрезвычайно сильны! — бросила в ответ Хоно. — Это настоящее блаженство! — Однако она спокойно передала мне бразды правления, и, собравшись в стаю, мы отправились в обратный путь.

Не предусмотрел я только одного — высоты. Учитывая наши довольно громоздкие тела и то, что в летном деле мы были новичками, рисковать группой на большой высоте было слишком опасно.

Так как чудовища могли без труда заметить огромных черных птиц, особенно располагая хотя бы простейшими поисковыми средствами, я старался проложить маршрут как можно дальше от них. Нам очень помогли воздушные потоки. Несмотря на то что они отчасти затрудняли управление, в конце концов мы научились их использовать и экономить силы.

— А вон и наши демоны! — прорычала Хоно, пристально вглядываясь в западном направлении. — Их опять четверо; наверное, это те же самые. Похоже, они нас не видят.

— Ну их к черту! — бросил я. — Мы не можем драться в этом обличье.

— Но ведь они убили наших друзей! — гневно возразил Шитцер. — Мы могущественны и сильны; нас благословила сама Богиня Медуза! Мы обязаны отомстить за наших сестер!

— Нет! — отрезал я.

Но мои слова пропали впустую. Невиданные возможности и религиозный экстаз, испытанный ночью, затмили здравый смысл моих друзей; кроме того, они

были охотниками. Шитцер, Хоно, а за ними и все остальные резко изменили курс и стремительно бросились на неясные фигурки, маячившие вдалеке.

Набрав максимальную скорость, я предпринял отчаянную попытку остановить их.

— Это идиотизм! — прокричал я, но в этот момент пришельцы тоже заметили нас.

Во главе отряда вновь встала Хоно. Застигнутые врасплох чужаки сначала взмыли в воздух и рассеялись, но быстро перегруппировались, образовав ромб: это позволяло им защищать друг друга. Мне показалось, что эта уловка им слишком хорошо знакома; дурной знак. Внезапно мне пришло в голову, что «демоны» не столько охраняют гору от массового паломничества, сколько служат своего рода приманкой.

Хоно атаковала пришельца, чей скафандр теперь виднелся совершенно отчетливо, но тот был явно готов к встрече. Трехметровые щупальца выдвинулись только сантиметров на пятьдесят. Хоно снижалась с огромной скоростью, но «демон» словно застыл и лишь в последнюю секунду молниеносно переместился на пару метров в сторону; Хоно не смогла уклониться. Мгновенно длинные щупальца ударили точно в цель. Теряя огромные перья, Хоно волчком закружилась в воздухе и камнем рухнула вниз. Прямо за ней в строй чудовищ врезались Кварл и Шитцер, а за ними — еще трое охотников. Поле боя превратилось в бесформенный клубок перьев и стремительно атакующих щупальцев; воздух наполнился криками.

Чинг все время держалась позади меня. Я резко сбавил скорость, пытаясь отвлечь внимание на себя, и мне это удалось. В плотном строе щупальце к щупальцу образовался довольно большой зазор, но, вместо того чтобы вырваться из западни, Тайн и Шитцер набросились на отвлекшегося чужака. Тайн вцепился когтями в пучок развевающихся щупалец и резко рванул. Раздался знакомый пронзительный крик, и шутки кончи-

лись. Из-под льда с шумом выскочили еще с десяток «демонов», вооруженных странными приборами, напоминающими велосипедные рули. Они крепко держали их в двух выставленных вперед щупальцах. Из непонятных устройств вырвались мощные сгустки энергии; казалось, чужаков совершенно не заботит, кто попадет под удар — свои или чужие.

Сначала упал Тайн вместе с «демоном», за ним — Шитцер и еще двое. Мне оставалось только попытаться исчезнуть под покровом густых облаков.

— Тари! Осторожно! — Это была Чинг. Я кувыркнулся в воздухе, и в ту же секунду предназначавшийся мне луч вонзился в Чинг, и, беспорядочно вращаясь, она рухнула вниз. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, я взмыл вверх и скрылся в густых низких облаках.

Некоторое время я пытался сообразить, что же делать дальше. Как только Тайн уничтожил одного монстра, оставшимся пришлось применить оружие, и исход битвы был предрешен. Рвение, с которым оно использовалось, свидетельствовало о полном безразличии чужаков к собственной жизни и жизни своих сородичей, но что-то удерживало меня от поспешных выводов.

Луч был слишком широк и больше подходил для грандиозной битвы, а не для охраны. Наверняка это оружие лишь временно выводит человека из строя, и сейчас противник дожидается, когда пораженные подадут признаки жизни. Разумеется, «демоны» были убийцами, но я сильно сомневался в том, что это их единственная цель. Иначе зачем все эти игры?

Я осторожно высунулся из своего укрытия, готовый при первых же признаках опасности нырнуть обратно. Как я и предполагал, внизу суеилось примерно с десяток чудовищ; цепочка тел лежала прямо перед ними. Кроме моих товарищей, уже принявших нормальный человеческий облик, пострадали еще три «демона».

Меня никто не заметил, и я, описав широкий круг над местом схватки, вновь скрылся в облаке.

Человеческих тел было только шесть; значит, кроме меня, ушел еще кто-то. В том, что Чинг внизу, я не сомневался, а она была мне дороже остальных. Я полюбил их всех, но они добровольно пошли на верную смерть, и теперь я надеялся только, что с наступлением сумерек пришельцы утратят бдительность, и я попробую спикировать, схватить Чинг и тут же скрыться в облаках. Я не знал даже, жива ли она, но пока меня волновало только одно: долго я продержусь в этом обличье, и хватит ли у меня сил.

Периодически выглядывая из облака, я убедился, что по крайней мере некоторые из моих товарищей живы. Они слабо шевелились, пытаясь приподняться, но монстры ударом щупальца или угрожающе приподнятой клешней заставляли их вновь опуститься на лед.

Если жив хоть один, то вполне возможно, что и другие тоже. Благодаря микроорганизмам Вардена наши способности к самовосстановлению были поистине безграничны.

Пришельцы действовали методично и профессионально, но излишне опрометчиво по отношению к людям, способным превращаться во что угодно — даже в самих инопланетян. Если меня собьют, я проделаю это без труда. Часа через два люди уже вполне придут в себя. Но если они мгновенно не уяснят мой замысел — изменить облик и силой пробиться на волю, их ничего хорошего не ждет. Если микроорганизмы Вардена являлись, как я предполагал, своеобразными периферийными устройствами огромного компьютера пришельцев, связь между ним и пленниками может быть в любой момент прервана, либо ограничена и взята под контроль. Кроме того, я не понимал, отчего медлят пришельцы. Если они хотели убить пленников, то могли сделать это уже давно и вернуться в родную стихию. Если они собираются допросить их — почему не пере-

правят в более подходящее место? Похоже, они чего-то ждут. Я хорошо видел Чинг, но пока не могло быть и речи, чтобы неожиданно схватить ее и тут же смыться в облака, не попав под обстрел.

Однако меня до сих пор не заметили, и я не терял надежды. Все же слишком высокая плата за те открытия, которые я здесь сделал.

Но время шло и наконец выяснилось, чего так терпеливо поджидали монстры. С юга, мигая зелеными и красными габаритными огнями, появился огромный транспортный вертолет, приспособленный для работ в чрезвычайно холодном климате. Два прожектора рыскали по ледяному полю. Онемев от изумления, я следил за его приближением. Вскоре на борту уже можно было различить опознавательные знаки СНМ. Вертолет опустился рядом с пленными, зависнув в нескольких сантиметрах над поверхностью; лед мог не выдержать его веса. Из машины выскочили четыре сотрудника СНМ с лазерными пистолетами наготове. Не обращая внимания на «демонов», они похватали пленников, затолкали их в грузовой отсек и запрыгнули следом.

Хотя вертолет был не из маломощных, высоту он набирал довольно медленно. Я был почти уверен, что смогу лететь за ним непосредственно до пункта назначения, либо определить маршрут до того, как силы иссякнут. Поднявшись метров на сорок, вертолет ненадолго завис, а затем не спеша лег на обратный курс. Я изо всех сил старался не отстать, но вскоре понял, что не в состоянии тягаться с мотором. Мне удалось только прочесть на эмблеме название города приписки — Центрум.

Я там никогда не был, однако наслышан был достаточно. Судя по карте, он располагался почти на экваторе у западного побережья материка. Это больше десяти тысяч километров, стало быть, полет займет несколько дней. Ближайший крупный город — Серая Бухта — триста пятьдесят—четыреста километров. Для

вертолета с полной загрузкой это два часа полетного времени.

Подыскивая подходящие ориентиры, я направился в сторону Серой Бухты. Мне потребуется гораздо больше двух часов, даже в случае попутного ветра и хорошей погоды. Интересно, сколько же я все-таки продержусь?

Неясный силуэт настиг меня уже в темноте. Я настолько выбился из сил, что даже заметил его, только когда он оказался совсем рядом. Я был уже не в состоянии маневрировать. Но, к счастью, этого не потребовалось.

— Тари?

— Это ты, Кварл?

— Да. Черт возьми... Мне так жаль, Тари...

— Нам всем жаль, а особенно тем, кто попал в западню. Ты, наверное, знаешь, что спаслись только мы.

— Им уже ничем не поможешь.

Я тяжело вздохнул:

— Да. Но, похоже, я знаю, где их искать, так что стоит попытаться. Этот город я излазил вдоль и поперек. Возможно, я проберусь туда без особых хлопот.

— Ты хотел сказать, МЫ. Я лечу с тобой. Не забывай — там мои друзья.

— Нет, Кварл, — ответил я. — Тебя сразу же схватят, несмотря на все твое могущество. Это совершенно иной мир, где контролируют каждый шаг каждого горожанина. Не пройдет и десяти минут, как ты будешь сидеть на допросе.

— Пусть. Но за это время я успею отомстить! Они дорого мне заплатят!

— Лучше уж я убью тебя собственными руками — ради спасения остальных.

— Что?!

— То, что ждет человека в СНМ, во сто крат хуже смерти. Тебя просто растопчут. А потом выкрадут разум и душу. Ты превратишься в покорную скотину.

— Это им не удастся.

Я вновь вздохнул. Ну как объяснить женщине из каменного века, на что способна современная психиатрия?

— Пойми, тебя не будут мучить. Ты даже представить не можешь, что с тобой сотворят. А уже после этого ты выложишь им абсолютно все. В том числе и то, что я направился в город. И тогда они схватят и меня. Нет, Кварл, я пойду один.

— Тари! Ты говоришь как человек, утративший всякую надежду.

— Нет, Кварл, до этого еще далеко, однако ты права. Во-первых, я ужасно устал, а лететь мне еще около двух часов. И кроме того, я ведь могу просто вернуться домой.

— Но ты же сам в это не веришь. Ты даже всерьез не думал об этом.

— Да, Кварл. В глубине души я знал, что все идет к финалу, к последней погоне, последней охоте. Я знал это с того момента, когда осознал, чего же хочу в действительности и ради чего готов пожертвовать всем. — Я сухо кашлянул. — Пойми, Кварл, выжить — это не самое главное. Я БЫЛ СЧАСТЛИВ, держал судьбу за хвост, но, к сожалению, поздно это понял.

— Среди нас был некто Кузмас, очень веривший в провидение, — сказала Кварл. — Он говорил, что у каждого своя судьба, но человек ничего не знает о ней. Так что я могу разделить твои чувства, мой друг с далеких звезд. Но как знать, вдруг ты победишь, а? Тот, кто сражается за самое дорогое, открывает в себе неизвестные силы.

«Пожалуй, она права», — усмехнулся я про себя. Ну что же — кто не рискует, тот не пирует.

— А что делать мне, Тари? — спросила Кварл.

— Отправляйся в поселок. Скажи, что демоны на самом деле инопланетяне, работающие на городскую спецслужбу. Предупреди всех, что у них современное оружие. Объясни, как все случилось, ничего не утаивая

и не приукрашивая. Передай Анджи и Буре, что я очень люблю их; если у меня будет хоть малейший шанс вернуться, я обязательно вернусь. И... позаботься о них и о моих детях.

— Позабочусь... до твоего возвращения.

— До моего возвращения, — ответил я в тон.

Кварл проводила меня почти до города, а затем развернулась и полетела домой, на юго-запад. Снег еще не выпал, и город производил гнетущее впечатление; на голой равнине раскинулась уродливая серая громада купола, которую пронзали высокие трубы промышленных предприятий. Он тянулся насколько хватало глаз, и я тотчас возненавидел каждую его пядь.

Я тяжело опустился на крышу и обнаружил, что здесь в некотором смысле даже удобно. Впервые за долгое время я расслабился и принял свой естественный облик. Я слишком устал, чтобы сразу же что-нибудь предпринимать, но все же заставил себя собраться и поразмыслить.

Вертолет совершенно точно направлялся именно сюда. Почему? И почему именно из Центра — что он забыл в северной глуши? Скорее всего это касается правительства Медузы — если только режим не практикует держать воздушный флот вблизи каждого крупного населенного пункта, — чтобы местные власти не слишком зарывались.

Но если мои догадки верны, значит, арестованными интересуются самые верхи, а не местные функционеры СНМ. Следовательно, в ближайшее время их отсюда переправят. Да, скорее всего так — пленники слишком много знают и к тому же встречались с пришельцами. Люди Упсира наверняка не отдадут столь важных персон в руки эскулапов и следователей СНМ. Это расширит круг посвященных, и кто-нибудь, прибывший на Медузу Извне, сможет легко сопоставить факты и идентифицировать «демонов», а также прийти к более захватывающим выводам. Нет, пленников как пить

дать отправят в Центр и передадут доверенным специалистам.

Но как же их повезут? Поезд — слишком долго и многолюдно. Воздушный транспорт, насколько я понял, на Медузе имеет небольшой радиус действия. Он тоже не годится. Остается одно. И лишь в немногих городах, даже таких крупных, как Серая Бухта, имелось ЭТО.

Космодром.

Я кряхтя встал. Участки крыши, сквозь которые можно попасть в город, контролировались чрезвычайно тщательно, и я хорошо это знал. Что ж, пришло время воспользоваться уязвимыми местами системы себе на пользу. Я взобрался на высокую, но бездействующую трубу и посмотрел в сторону космодрома. Скопление складов и пакгаузов, крошечный терминал округлой формы, стартовые площадки.

И ни одного корабля.

В конце концов я решил потратить немного времени на сон — я уже ничего не соображал от усталости и рисковал просто-напросто свалиться с трубы. Как ни печально, но я вернулся из каменного века в свой, насыщенный современной техникой, чтобы подвергнуться во сто крат сильнейшему риску, чем в первобытном лесу. Я спустился на купол, улегся на крыше и мгновенно заснул.

Мне ужасно не хотелось никуда идти. Я ненавидел риск и прекрасно понимал, что, если мне даже удастся выжить, шансы спасти Чинг нельзя назвать даже ничтожными.

Но отступить я не мог.

В ЛОГОВЕ ЛЬВА

Спал я недолго, но зато крепко и без сновидений, а когда проснулся, мой мозг вновь был готов к работе.

Попасть в город не составляло труда, но я плохо представлял себе, что делать дальше. Ну что ж, мне выпал случай проверить свою теорию насчет того, что систему можно разрушить, овладев методикой перевоплощения. Правда, для этого нужно действовать медленно и чрезвычайно осторожно, а вот времени у меня как раз и не было.

Опыт службы в Гильдии Транспортников оказался поистине бесценным. Я дождался прибытия очередного поезда, а когда он становился, вошел в него и вместе с ним преодолел энергетический барьер. Таким образом я попал на сортировочную станцию и уже оттуда направился к пассажирскому терминалу. Мне доводилось здесь работать, и я хорошо знал, где скрытые камеры, а где — «мертвая зона». Голый и совершенно лысый, я сразу бросался в глаза, и попасть в объектив было бы равнозначно провалу. Я ждал пассажирского экспресса из Рошанда, на котором трудился в свое время; он приходил несколько позднее. Им прибыло очень много сотрудников СНМ — и не только патрули, но и курсанты, и командированные. Задуманная операция была крайне щекотливой и требовала редкостного везения, но униформа требовалась мне как воздух; кроме того, я жаждал получить подтверждение своих способностей.

Промежуток между пассажирской платформой и автоматическим грузовым терминалом просматривался камерами. Я зигзагами преодолел опасную зону и, притаившись за эскалатором, впервые отчетливо осознал, что мне придется убить невинных людей, которые случайно окажутся у меня на пути. В отношении сотрудников СНМ и государственных чиновников угрызений совести я не испытывал, но дело наверняка не ограничится только ими. Впрочем, когда я вызвал в памяти образы полусотни несчастных оппозиционеров, мой дух укрепился.

Простой и ясный план основывался на моих наблюдениях и жизненном опыте. По роду деятельности и складу характера я всегда запоминаю всевозможные мелочи, даже если они и кажутся на первый взгляд совершенно бесполезными — никогда не знаешь заранее, что тебе пригодится.

Самым трудным был первый шаг. Над перроном ярко светились часы, и судя по ним, я просидел за эскалатором уже около двух часов. Но поспешить — значит поставить все задуманное под угрозу. Несколько раз в опасной близости проходили станционные рабочие, но благодаря микроорганизмам Вардена и личной выдержке мне удалось остаться незамеченным.

Минут за десять до поезда я занервничал: уже с четверть часа на перроне не было ни души. Послышался сигнал поезда, ожидающего снятия защитного барьера. И тут мне наконец-то повезло. По платформе из багажного отделения шла проводница четвертого ранга. Когда она поравнялась со мной, я бесшумно бросился на нее.

Мне хватило двух секунд. Микроорганизмы Вардена, повинуясь безмолвному приказу, моментально образовали на моей руке ряд острых зазубренных пластин и резко увеличили объем мышц. Отрезать жертве голову было пара пустяков, но тут все едва не окончилось плачевно — голова, упав на перрон, покатилась в зону видимости камер. Пришлось схватить ее рукой.

Время и силы я рассчитал на удивление точно. Превратившаяся в пилу рука издавала ужасные звуки, однако благодаря микроорганизмам Вардена смерть либо наступала мгновенно, либо человек возвращался к жизни. Другое преимущество состояло в том, что шок заставил микроорганизмы вмиг затянуть образовавшуюся рану, так что крови вылилось очень мало.

На тщательное копирование тела девушки времени не оставалось и пришлось удовлетвориться общими очертаниями. Слава Богу, ее одежда приплась мне впору, хотя и сидела мешковато. К счастью, цвет униформы скрадывал капельки крови. Я даже не стал возиться с сандалиями — эта маскировка нужна мне только на ближайшее время.

Несколько минут спустя я пережил второй неприятный момент — еще двое работников прошли невдалеке от моего укрытия. Но, к счастью, в этот момент поезд начал медленно приближаться к перрону, и они сразу же приступили к своим прямым обязанностям.

До сих пор мне везло, но теперь начиналось самое главное. Я подождал, пока откроются двери и поток пассажиров выплеснется на перрон. Наконец, невдалеке показалиcя сотрудники СНМ со снаряжением, и я понял, что пора действовать. Присутствие свидетелей тоже было очень важно. У обитателей Медузы вошло в привычку всегда перекладывать ответственность на СНМ. Слегка отпихнув женское тело, так что руки и ноги можно было разглядеть с перрона, я вышел из укрытия и истерично заорал:

— КТО-НИБУДЬ! СЮДА! БЫСТРЕЕ!

Чтобы на Медузе человек обратился к стражу порядка, а не наоборот — это явление экстраординарное. Сотрудники службы наблюдения обернулись, и я увидел очень юные и сильно озадаченные лица. Поколебавшись секунду-другую, они обратили внимание на торчащие из-под лестницы конечности и, побросав вещи, побежали ко мне.

— Что случилось? — участливо поинтересовалась девушка.

— Т-там... Т-тру-уп-п!!! — запинаясь, выдавил я, изображая смертельный испуг.

Напуганные криками, посторонние стремились поскорее покинуть перрон. Потрясенные офицеры склонились над бездыханным телом, а я слегка сдвинулся в сторону, так чтобы лестница заслонила меня от скрытых камер, и, прежде чем они осознали, что же, собственно, произошло, хладнокровно убил их — не столь безболезненно, но не менее «эффективно». Теперь каждая секунда была на счету: багаж офицеров остался лежать на перроне и мог привлечь ненужное внимание.

Быстро сбросив с себя комбинезон транспортника, я натянул снятую с мужчины униформу. Пока все шло отлично. К счастью, убитый оказался примерно моей комплекции, и мне требовалось только напустить на себя представительный вид.

Я решил рискнуть и сбросил тела под поезд. Невероятно, но на меня никто даже не взглянул — как будто вообще ничего не произошло. Затем я вновь вышел на платформу, не спеша взял сумку убитого офицера и, обернувшись, громко прокричал:

— Ладно! Буду ждать тебя на вокзале!

Здание Центрального вокзала было, как всегда, переполнено, и это сильно облегчало мою задачу. Мне срочно требовалась еще одна пересадка, но возможность пока не представлялась. Я зашел в уборную и просмотрел содержимое сумки: моя жертва направлялась к новому месту службы в Серой Бухте. Поезд отправится обратно только спустя два-три часа, и, если офицера хватятся не сразу, у меня есть еще немного времени. Такое жестокое убийство было столь чуждо этому не знающему преступности обществу, что пропавшего сначала будут разыскивать и лишь потом заподозрят неладное. Исчезновение второго офицера тоже вряд ли бросится в глаза. Разве только главный компьютер «за-

метит» оставшийся на перроне багаж и свяжет его с пропажей сотрудников СНМ из поля зрения. Но кто знает?

Я поехал на автобусе к штаб-квартире СНМ. Нужна была еще одна жертва, так как с убитым я имел лишь отдаленное сходство. К счастью, я хорошо знал штаб-квартиру, а благодаря майору Хокроу — и ее «мертвые зоны».

Она находилась в двух кварталах от вокзала; на оставке я первым делом выпрыгнул в мусороприемник уже ненужную сумку и налегке зашагал к зданию. Если бы люди знали, сколько «мертвых зон» в каждом крупном городе! Скрытые камеры установлены высоко на стенах домов, и обзор у них никудышный. Достаточно было держаться ближе к урнам — и ты пропадал из поля зрения.

В здание я вошел через гараж, а не с центрального входа. Моя униформа не вызвала никаких подозрений: небрежно кивнув охранникам, я без помех зашел внутрь.

Посреди гаража на медленно вращающемся столбе стояла камера с широким обзором. Просто чудесно. Я не спеша прошелся по гаражу и, заметив ковырявшегося в машине сотрудника в офицерской форме, завел какой-то пустой разговор. А когда камера отвернулась, я нанес ему сокрушительный удар. У меня было несколько минут, чтобы запечатлеть в памяти характерные особенности намеченной жертвы, а действовал я аккуратно и потом без труда скопировал ее облик. Убитая была крупной женщиной, и ее форма прилась мне как нельзя кстати, а под автомобилем удалось быстро и незаметно переодеться.

Фокус с перевоплощением был прост, как все гениальное — достаточно сконцентрироваться на жертве и, определив конфигурацию микроорганизмов Вардена, заимствовать ее. Весьма необычно было чувствовать, как на голове стремительно вырастают волосы и наблюдать за плотью, живущей собственной жизнью. Но в целом процедура прошла очень быстро и легко, и теперь я располагал небольшим запасом времени. Когда через

пару минут я выполз из-под автомобиля, мой облик не вызвал ни малейших подозрений. Как только камера повернулась в другую сторону, я спрятал тело под задним сиденьем. В практически пустом гараже это оказалось несложно. Теперь его обнаружат только через несколько суток; этого времени мне хватит с лихвой.

Ликуя в душе, я с помощью своей новой личной карточки вызвал лифт и поднялся наверх, в центральный зал обработки данных. Здесь всегда толпился народ и существовала опасность встретить знакомых той женщины, чей облик я принял. Люди, знавшие ее хорошо, сразу бы почуяли неладное.

Я напустил на себя озабоченный вид человека, выполняющего срочное поручение. Обычно это успешно срабатывает, когда надо проникнуть в помещения, где кипит бурная деятельность. В глубине зала стояли небольшие кабинки с компьютерными терминалами. Я вошел в свободную и сел за клавиатуру.

Особых затруднений со взломом компьютерной защиты не предвиделось — обычно в подобных системах используются простейшие шифры, но все же меня ждал приятный сюрприз. Защита отсутствовала напрочь! Достаточно было вставить в приемную щель личную карточку. Никаких детекторов отпечатков пальцев и радужной оболочки глаза — только простейшие меры, вполне пригодные в обществе, которое давно и основательно утратило бдительность.

Я набрал на клавиатуре КОРЧИНГ ЛУ и откинулся в кресле, ожидая результата.

АРЕСТОВАНА 1416 ОФ. ЦЕНТРУМ 17-9-51. СЛЕДОВАТЕЛЬ ОСНМ «СБ» 0355 18-9-51 ПРИГОВОР «АП». ОТПРАВЛЕНА РАЙОН ЦЕНТРУМ АДРЕС 0922 18-9, ДЕП. 41 1а «СБ» 1705. ДЕЛО 37-6589234 ЗАКРЫТО.

Ну что ж, теперь ясно, что случилось с моей Чинг. Ее привезли сюда рано утром, судили и приговорили к «АП» — Абсолютному Понижению до наинизшего ранга, — а затем отправили в главное управление СНМ, в

Центрум. Она покинула Серую Бухту в 17.05, то есть менее часа назад. Тип транспорта не указывался, но это мог быть только космический челнок. Я вновь застучал по клавишам.

ХОНО, 6/РАНГА, АРЕСТОВАНА 1416 ОФ. ЦЕНТРУМ 17-9-51.

Остальной текст в точности повторял предыдущий за исключением порядкового номера. Значит, их отправили на одном корабле. Ну что ж, у меня еще есть шанс успеть.

Порой блеф может увести очень далеко от цели, но в столь жестко организованном обществе он творит чудеса. Я беспрепятственно вышел через главный вход. Теперь мой путь лежал на центральный вокзал, и я, ничуть не смущаясь, решил отправиться туда на легковом автомобиле — круг, имеющий подобную привилегию, был крайне узок и наверняка контролировался менее тщательно. Я вновь подошел к гаражу и обнаружил, что машина с трупом стоит на том же месте. Это, безусловно, был ее личный автомобиль, что существенно упрощало задачу.

Я спокойно выехал из гаража и сразу же направился к городским воротам — с трупом под задним сиденьем и ужасным скрежетом под капотом. Машина и впрямь нуждалась в хорошем ремонте.

До ворот космодрома я добрался без особых хлопот. На пропускном пункте я вновь продемонстрировал карточку и сказал, что везу документы, забытые моими коллегами. Спустя несколько секунд путь был свободен.

Челнок уже стоял на стартовой площадке; насколько я мог судить, у меня оставалось еще минут двадцать. Космодром мало изменился. Он был очень тесным, а почти полное отсутствие пассажиров придавало ему угрюмый и запущенный вид. Я заметил только двоих, явно высокопоставленных чиновников, со скучающим видом ожидающих посадки. Чинг и Хоно и в помине не было, как и усиленного конвоя для них. Впервые я по-настоящему испугался, что уже слишком поздно.

Мое замешательство не укрылось от посторонних глаз. Один из пассажиров, блондин средних лет, подошел кресла и подошел ко мне.

— Девушка, что-то случилось? Не могу ли вам помочь? — участливо спросил он.

Я удивленно вскинул брови, на мгновение забыв, что в настоящий момент играю женскую роль:

— Да, сэр. Я привезла дополнительные документы на двух заключенных, которых должны направить в Центр, но я их не вижу. — Я надеялся, что мой голос более или менее напоминает женский.

— Покажите, — нахмурился блондин.

К такому повороту я подготовился, и до того как покинуть штаб-квартиру СНМ, сделал несколько бумажных копий следственных документов по делу Чинг и Хоно. — просто так, на всякий случай. Специалиста-следователя ими не проведешь, но передо мной стоял типичный бюрократ.

Он проглядел их, улыбнулся и протянул обратно.

— Вы и не могли их увидеть, — пояснил он. — Их отправили на восемнадцатом еще вчера.

Земля словно разверзлась у меня под ногами. Подумать только — я проспал на куполе добрых полтора дня!

Мой обескураженный вид, по-видимому, тронул чиновника.

— Что с вами, мэм? — с тревогой поинтересовался он.

Лихорадочно прокрутив в уме возможные варианты, я тяжело вздохнул:

— Простите, сэр. Я здесь недавно и... Если я вернусь, не выполнив задания... У нас очень жесткая дисциплина.

Мужчина призадумался.

— Дай-ка свою карту, — наконец сказал он.

— Сэр? — удивленно переспросил я.

— Я сказал, дайте карту. Может быть, я смогу вам помочь.

Я очень опасался, что он свяжется с «моим» начальством, и тогда все пропало, но выбора у меня не было.

На всякий случай я поискал глазами выход. Находящийся за пределами охраняемого периметра космодром я мог по-кинуть элементарно, но, к сожалению, здесь существовал свой контроль и очень жесткий. По всем углам стояли автоматические пушки, готовые в мгновение ока испепелить любого. Если я брошусь, тут же поднимется тревога; если останусь, наверняка окажусь в ловушке. Будь что будет, я решил действовать по обстоятельствам.

Чиновник вернулся через пару минут и с улыбкой вернул мне карточку:

— У вас увольнительная до восьми утра, так что у вашего начальства претензий не будет. — Он подмигнул. — Никто и не узнает, а?

Действительность превосходила самые смелые ожидания.

— Значит, вы можете доставить документы в Центр и проследить, чтобы они попали в нужные руки? — недоверчиво переспросил я.

— Нет. К сожалению, я лечу не туда. Но на корабле полно свободных мест, и я уже отметил вас в полетном журнале, как свою гостью. Вернетесь утренним рейсом. Это, правда, встанет вам в копеечку — жизнь в Центре дорогая, но зато вы выполните поручение наилучшим образом — уверяю вас.

Просто фантастика!

— Вы берете меня с собой?

— Ну да, — кивнул он, — и нам надо спешить. Вы готовы?

Я быстро оценил ситуацию. Оставшись, я почти наверняка смогу выбраться на свободу, а в челноке наверняка столкнусь с новыми опасностями и к тому же я окажусь бессилен перед ними. Но отступать было поздно.

— Да, сэр, я согласна. Большое спасибо.

Конечно, проблема, стоящая передо мной, вовсе не была проблемой. Никому — НИКОМУ — такое везение

еще не выпадало, а когда все складывается столь удачно, грешно останавливаться на полпути. Я понятия не имел, куда это заведет, но кто-то явно веселился от души, наблюдая за тем, как я опрометчиво радуюсь фарту.

По крайней мере я рассчитывал оказаться рядом с Чинг и Хоно, пусть даже это грозит невероятной опасностью, к тому же у меня еще были силы.

Челнок оказался моим старым знакомцем, но теперь на борту, кроме нас троих, никого не было. Он взлетел мягко и бесшумно, хотя и не без сильной перегрузки, вдавившей меня в мягкое кресло из пеноматериала. Потом стартовые ускорители выключились и вместе с приятной невесомостью меня охватило легкое беспокойство.

— Следующая остановка Дункал, — бодро сообщил репродуктор. — Оставайтесь в креслах и не освобождайте страховочные ремни.

Информация несколько удивила меня, так как я полагал, что мой доброжелательный попугайчик направляется в Центрум. Но в Дункале — крупнейшем городе континента — он сразу же вышел из челнока, пожелав мне удачи. Похоже, он не имел ни малейшего представления о том, кем и чем я являюсь в действительности; наверное, это навсегда осталось для него загадкой.

— Объявляется посадка, — вновь ожил репродуктор. — Следующая остановка — Центрум.

У меня возникло осознанное желание немедленно выскочить из корабля, но я взял себя в руки и, расслабившись, попытался подготовиться к возможным неожиданностям.

На борт поднялись еще три пассажира — мужчина и женщина в черной форме правительственных чиновников и молодая девушка, столь странного вида, что я бестактно уставился на нее.

Женщины Медузы особым шармом не отличались. Разумеется, они доставляли — при желании — немало удовольствия, но были абсолютно фригидны, а их излишне развитая мускулатура лично у меня вызывала от-

вращение. Отчасти это было связано с тем, что они неоднократно меняли пол и в итоге приобретали черты гермафродита. Я уже почти забыл разницу между нормальными женщинами и уроженками Медузы — и вдруг увидел ее.

Судя по легкой одежде, она была местной, но разительно отличалась от всех, кого я видел прежде. Ее оливковая кожа выглядела необычайно нежной — не в пример нашим продубленным шкурам, а фигуре позавидовала бы любая королева красоты. Она была чрезвычайно сексуальна. С лица ее не сходила завлекающая улыбка, длинные волосы были приятного светло-каштанового цвета. Даже на цивилизованных планетах такую вряд ли встретишь.

— Тикс, сядь в кресло и пристегнись, — бросил ей вошедший мужчина.

— Слушаюсь, мой Господин, — сказала она медовым, хотя и несколько детским голоском и немедленно подчинилась. Я с удивлением отметил, что она почти не сводит глаз со своего Господина. Чиновники тоже уселись, и тут мужчина заметил, каким взглядом я пожираю его Тикс.

— Что, никогда не видели Девушек Радости? — поинтересовался он.

— Нет, сэр. Я из Серой Бухты и... У нас таких нет.

— Еще бы, — горделиво согласился он. — У вас их только арестовывают. Неплохой экземпляр, не правда ли?

Я через силу улыбнулся в ответ. В Тикс проглядывало что-то неестественное, от чего можно было содрогнуться.

Конечно, я не раз слышал о Девушках Радости. Они должны были удовлетворять самые экстравагантные причуды, на которые так падки чиновники из высших эшелонов. Но никто, с кем мне доводилось разговаривать о Девушках Радости, ни разу не видел их лично. И я удивлялся, почему на планете, где всегда девяносто

процентов населения — женщины, не существует Юношей Радости.

Мой попутчик оказался неимоверно болтлив. Либо его действительно совершенно не волновали окружающие, либо он был на удивление талантливым артистом. В двух словах я поведал ему свою наспех состряпанную легенду, в которой правдивым было лишь то, каким образом мне удалось попасть на борт челнока. Похоже, мои объяснения полностью его удовлетворили.

Насколько я понял, Девушки Радости, по существу, были модернизированными наложницами. Разумеется, мой попутчик ни разу не назвал Тикс рабыней, однако их взаимоотношения становились понятны с первого взгляда. Тех, кого признавали виновными в преступлении против государства и приговорили к Абсолютному Понижению — их еще называли АПээшниками, — как правило, отправляли на спутники Момрата, но некоторых отбирали психиатры Криминальной Полиции и превращали в Девушек Радости.

— Среди них есть настоящие корифеи, — доверительно сообщил чиновник, когда речь зашла о полицейских психиатрах. — Вы даже не представляете, как выглядела Тикс перед тем, как попасть в их руки.

— А бывают Юноши Радости? — не удержался я.

— Нет, — покачал головой чиновник. — Это каким-то образом связано с микроорганизмами Вардена. Не знаю тонкостей, но при стирании психики субъект любого пола неизбежно превращается в женщину. — Он искоса взглянул на Тикс, и та зарделась от удовольствия, а я едва удержался от вспышки.

В самые дремучие периоды истории человечество не придумало ничего отвратительнее, чем жалкое и презренное рабство — а худшим из худших была неволя, возрожденная крупнейшими открытиями в психологии. Царящий на Медузе режим я воспринял как откровенно сумасшедший. Зачем рабы, когда есть роботы? Объяснить это можно только нездоровой психикой власть

имущих. Сидящему передо мной ублюдку Тикс досталась по решению правительства, так как каждому чиновнику такого ранга полагалась Девушка Радости. Он и взял ее с собой наверняка в качестве наглядного доказательства своей высокопоставленности и потому, что присутствие послушного, как скотина, человека согревало его бумажную душонку. Что же это за планета, где покорные живые игрушки вызывают у ее лидеров такое же наслаждение, как созерцание редкостных самоцветов и шедевров у коллекционеров?

Я с большим трудом подавил желание убить моего словоохотливого попутчика, его сопровождающую — и Тикс, хотя последняя, в известном смысле, была мертва уже давно.

Примерно минут через двадцать после старта внезапно ожил репродуктор:

— Пристегнуть ремни. Причаливаем.

Чиновники недоуменно нахмурились. Женщина повернулась в своему попутчику.

— Странно... — сказала она. — А почему не включились тормозные двигатели?

Он кивнул.

— Неужели что-то случилось?

В челноке не было иллюминаторов, но я и так понял, в чем дело. «Приехали», — щелкнуло у меня в голове. Теперь я был готов ко всему.

Челнок завибрировал, раздались кроткие хлопки тормозных двигателей, и мы аккуратно вошли в причальный док. Зашипел воздух в шлюзовой камере, и задняя дверь медленно скользнула в сторону. Мужчина отстегнулся, подошел к люку, выглянул и повернулся к нам.

— Это не Центр, — недоуменно произнес он. — Похоже, мы на орбитальной станции.

Я тяжело вздохнул, щелкнул пряжкой и направился к выходу.

— Не волнуйтесь, — сказал я на прощание, — вы здесь ни при чем.

ЖЕРТВА ФИЛОСОФИИ

Причалная палуба была стандартной — челнок соединялся с орбитальной станцией при помощи длинной трубы со шлюзовой камерой. Такие орбитальные станции имеются у всех планет системы Ромба Вардена. Здесь, в частности, располагался главный компьютер, управлявший планетой, но к ее исполинским размерам я оказался не готов. На станции существовала искусственная гравитация; сквозь прозрачную полосу, идущую по всей длине трубы, открывался вид на гигантскую конструкцию, напоминающую больше космический город, который мог приютить огромное население.

Труба заканчивалась еще одной шлюзовой камерой, и я зашел в нее не колеблясь. Убить меня можно было гораздо раньше и без хлопот. Скорее всего вторая камера — это обычная мера предосторожности и от утечки воздуха, и от нежелательных посетителей. Вездесущий видеоглаз никто и не думал скрывать — он красовался на самом видном месте; наверняка за экраном сидел человек-наблюдатель. Я заметил также несколько небольших прожекторов совершенно диковинного вида — по всей видимости, очистители или оружие.

Внешняя дверь плотно закрылась за мной, но внутренняя открываться не спешила. Внезапно помещение залило бледно-голубым сиянием — силовое поле, действие которого я немедленно ощутил на себе. С этого момента я перестал чувствовать свои микроорганизмы

Вардена. Все коммуникационные каналы были оборваны, и я принял свой подлинный облик. Ну что ж, придется рассчитывать только на себя.

Излучение прекратилось так же внезапно, как и началось, внутренняя дверь отворилась, и я обнаружил, что мне очень трудно двинуться с места, словно на плечах лежала непосильная ноша. Похоже, что теперь мои микроорганизмы Вардена контролируют непосредственно компьютер, и он принял меры предосторожности. Они оказались на редкость эффективными. Я мог совершать только простейшие действия, и все.

В приемном отсеке меня поджидала женщина в черной униформе правительственного чиновника: Рядом с ней стоял сержант; на ремне — пустая кобура; а в руках — странное оружие, явно не лазерное. Очевидно, парализующий пистолет. Весьма удобно: можно косить террористов, не опасаясь повредить корпус станции.

— Шуга Фэллон, — представилась женщина, — директор станции. А вы, как я понимаю, Тарин Бул, хотя сомневаюсь, что это ваше подлинное имя.

— Верно, — устало произнес я. — Похоже, вы знаете о микроорганизмах Вардена гораздо больше, чем я предполагал.

— Исследования не прекращаются ни на секунду, — ослепительно улыбнулась она. — Вы будете потрясены, узнав о наших успехах. Пойдемте. Вы не ели несколько дней, так что начнем нашу беседу за обедом.

Я молча подчинился: невидимые путы исключали любое сопротивление — и к тому же я действительно ужасно проголодался.

Обед оказался вкусным и обильным, а продукты — свежими.

— Мы их сами выращиваем, — гордо пояснила Фэллон. — Постоянный персонал станции около двух тысяч человек и почти тысяча командированных. Отсюда мы управляем всей системой контроля; к нам по-

ступает информация со всех уголков планеты, обрабатывается и через спутники направляется обратно. У нас работают специалисты со всех четырех планет Ромба — цвет науки.

Да, это не могло оставить равнодушным.

— Любопытно было бы взглянуть, — сухо произнес я.

— О, в дальнейшем — возможно, но сегодня вы увидите только несколько лабораторий. Мы весьма преуспели в кое-какой области.

— Что-нибудь связанное с психологией пришельцев?

— Увы, — засмеялась она, — об этом говорить еще рано. Вы прекрасно понимаете, что нам приходится быть крайне осмотрительными, пока работает ваш органический передатчик. Боюсь, какое-то время свобода ваших передвижений будет весьма ограничена.

— Как вы о нем узнали? — спокойно поинтересовался я. Они действительно были отлично информированы, и скрывать уже известное не имело смысла.

— От ваших коллег. Может быть, вам интересно узнать, что на Лилит агент Конфедерации организовал убийство властителя планеты Марека Кригана. Властитель Харона Эола Мэтьюз тоже мертв, однако на Цербере ваш человек проиграл и, самое удивительное, перешел на нашу сторону, полностью отказавшись от всяких попыток уничтожить Лару.

Вот это новость! Итак, двое из четверых! Но, судя по всему, никто из них не выдал главного — что все мы являемся одним и тем же человеком. Меня поразило предательство агента на Цербере, хотя это вполне могла быть тактическая уловка. Раз он остался жив и, похоже, пользуется определенным влиянием, сбрасывать его со счетов рановато.

— Боюсь, дезертировать мне уже поздно, — полушутя-полусерьезно заметил я.

— Я тоже так думаю. Кроме того, решение, принятое под давлением, вряд ли можно считать искренним. Вам удалось сделать то, что до сих пор считали невозмож-

ным, и нам пришлось основательно пересмотреть всю концепцию системы контроля. Честно говоря, если бы вы не атаковали Альтавар на обратном пути, то остались бы на свободе и по-прежнему представляли для нас угрозу. Но даже после этого вы вполне могли избежать ловушки. Всему виной ваша ахиллесова пята — сентиментальность, которой начисто лишены ваши коллеги. Только из-за нее вы оказались здесь.

Я задумчиво потянулся:

— А какой у меня был выбор? Влачить жизнь среди дикарей, не имея возможности даже на пушечный выстрел подойти к городам? Считайте, что я поставил эксперимент по проверке своей теории и доказал ее ошибочность. Просто я недооценил систему. Кстати, из чистого любопытства — а когда именно вы меня вычислили?

— Когда обнаружили пропажу нашего сотрудника на вокзале, — пояснил Шуга. — Но не представляли себе, где и как вас искать, пока в центральный компьютер не поступил запрос о Чинг Лу Кор. Поскольку офицеру-оператору это ни к чему, компьютер выставил «флаг», и с этого момента мы уже не спускали с вас глаз. В том, что это ВАШИХ рук дело, сомнений не возникало — немногие сочетают в себе такую волю и расчетливость. — Она ненадолго замолчала. — К тому же вы перевоплощались каждый час.

— Я вполне мог уйти, если бы не проспал больше, чем планировал. По-видимому, это меня и погубило. Крошечная оплошность в длинной цепочке удач оказалась роковой.

— Именно поэтому система всегда одерживает верх. Общество может позволить себе сотни промашек, но для его противника первая тотчас станет последней.

— Погибшие властители вряд ли согласились бы с вами.

Она пропустила мою промашку мимо ушей:

— Режимы на планетах Ромба сильно отличаются от нашего, но везде развиваются только те социальные формы, которые оптимально соответствуют конкретной планете.

— Меня поражает другое, — пояснил я. — Это удивительно скучный мир, населенный настоящими человекообразными овцами — существами без целей, без честолюбия, без воли, наконец. А правящая элита наслаждается рабами, низведенными до положения комнатных собачек — такого не было даже в смутные времена человечества.

Похоже, она несколько не обиделась. Но ответила уклончиво, и впервые за время разговора я не понял, на что она намекает.

— Развейте мои старые сомнения — вы, Тарин Бул, или кто-то там еще. Я прекрасно понимаю, что силой из вас ничего не вытянешь, но мне бы очень хотелось выяснить один вопрос.

— Прошу вас.

— ПОЧЕМУ???

— Что почему? — несколько смутился я.

— Неужели вы действительно настолько наивны или у вас какая-то личная причина выполнить ту миссию, ради которой вас сюда послали?

— Я же сказал, что нахожу эту политическую систему на редкость отвратительной.

— Да ну? Ведь цивилизованные миры точно такие же стада овец, специально разводимых для счастливой жизни, посвятивших себя выбранной еще до рождения специальности, и напрочь лишённые амбиций или воображения. Выглядят они посимпатичнее, согласна, но на Медузе слишком суровый климат для существ с тонкой кожей. То, с чем вы столкнулись, всего лишь местная версия цивилизованной планеты. И знаете почему? Да потому, что такой стиль управления оптимален: подавляющее большинство людей и впрямь животные, которым все равно кому подчи-

няться, лишь бы получить взамен теплое стойло и регулярную кормежку. История свидетельствует об одном: как только люди обретают полную свободу, они тотчас стремятся обменять ее на безопасность — так было всегда. И они получают желаемое от людей со стальной волей, знающих, что делать, людей, для которых личная власть превыше всего.

— Конфедерация не подсматривает за своими согражданами в ваннах комнатах, — неуверенно возразил я.

— Только потому, что необходимость в этом отпала. Уже несколько столетий благодаря современной биотехнологии рождаются совершенно одинаковые, как на конвейере, люди, и любое отклонение от нормы осталось в далеком прошлом. От своих изгоев Конфедерация отгородилась барьером, как мы от дикарей, — правда, не энергетическим, но не менее надежным пространственным — в десятки и тысячи световых лет. Изредка встречающихся неординарных личностей, вроде вас, либо немедленно уничтожают, либо ссылают сюда, но в самых верхних эшелонах власти немало таких, как вы. Мы тоже выросли там, Бул, и прекрасно знаем ту систему. Мы рождены для того, чтобы править, и это не только наше мнение. Так считает Конфедерация; иначе она не ссылала бы нас сюда.

Я открыл было рот, чтобы достойно парировать, но спустя некоторое время закрыл. В ее рассуждениях непременно должно быть слабое звено, но нащупать его почему-то не удавалось. Впрочем, даже если и согласиться с ее доводами, это ничего не меняет.

— Разделить подобную точку зрения — значит признать, что система прогнила насквозь, будь то здесь или в Конфедерации.

— Вы действительно очень наивны. И Медуза, и Конфедерация дают людям то, чего они сами жаждут, — мир, достаток, экономическое и социальное равенство и, самое главное, **БЕЗОПАСНОСТЬ**. Все возможные

альтернативы приводят только к новым лишениям. До сих пор вы не видели в Конфедерации никаких изъянов лишь потому, что принадлежали не к бессловесному большинству, а к представителям реальной власти, и здесь вас раздражало лишь то, что вас хотят превратить в такую же овцу. А вот если бы вы стали правительственным чиновником, пусть даже офицером-наблюдателем, то почувствовали бы себя точно так же, как дома.

— Сомневаюсь, — ответил я. — Я уже утратил веру.

— Вероятно, этим и объясняются ваши поступки. Задумайтесь. Вы могли жить без семьи и дома, но упорствовали; у вас было несколько возможностей повернуть вспять, однако вы предпочли сразиться, не имея никаких шансов на победу. Это идет вразрез с образом хорошо тренированного профессионального убийцы, пусть даже утратившего иллюзии. Вы пришли к нам добровольно, и в душе сознаете мою правоту. Вы не способны принять нашу систему ни в какой форме, но признаете, что она лучшая из всех мыслимых. Человека с вашим характером жизнь дикаря способна постепенно свести с ума, однако мириться с режимом вы не желаете. А теперь я объясню вам, зачем вы пожаловали сюда. Вы пришли сдаться, и в глубине души понимаете это, как понимаете и то, что таким, как вы, здесь не место.

Я отказывался верить ее убийственно точным и логичным словам. У меня не было никакого желания покончить с собой или лишиться рассудка. Я прекрасно сознавал, что она права лишь отчасти, и не собирался потакать ей, униженно соглашаясь с ее софистикой. Я не мог жить на Медузе; я должен был либо уничтожить систему, либо сложить голову.

Или же все это самообман?

— И как вы собираетесь со мной поступить? — спросил я.

— Неплохо бы заняться вашим обучением. Но для начала, наверно, стоит показать вам ваших друзей.

Любопытно, как вы отреагируете на наше уникальное искусство.

Со стены открывался вид на широкий густой парк. Он очень напоминал курортный комплекс на цивилизованной планете — пляжи с ослепительно белым песком; небольшие бассейны с прозрачной водой, которая стремительно низвергалась вниз хрустальными водопадами; абсолютно безопасные для человека, но такие прекрасные островки степи, покрытые ярким цветочным ковром...

— Сотрудники Первого министра очень любят сады, — послышался голос Фэллон. — Только здесь можно по-настоящему расслабиться и воспарить.

Прищурившись, я посмотрел вниз:

— Там какие-то люди.

Она кивнула.

— Здесь постоянно дежурят Девушки Радости. Они готовы в любой момент выполнить каждое желание министра и удовлетворить любую его прихоть, а заодно поддерживают порядок.

— В Конфедерации людей хотя бы не превращают в роботов-рабов, — едко заметил я. Только это отличие между двумя системами бросалось в глаза.

— Не превращают, — согласилась Фэллон. — Однако ее верный страж, не задумываясь, прикончил четырех невинных людей, лишь бы попасть сюда. А скольких еще до этого? У так называемых уголовных элементов, поиском которых вы занимались, Конфедерация, не задумываясь, уничтожала личность и превращала во взрослых младенцев, начисто лишенных силы воли, либо переделывала их психику по собственным стандартам. А иногда просто убивала. И только самые лучшие удостоились чести быть отправленными на Ромб Вардена — да и то благодаря исключительным творческим способностям или связям в мире большой политики; последнее нетрудно понять, ибо те, кто сегодня вершит судьбами преступников, вскоре могут поменяться

с ними местами. Вся разница между членами Конгресса и Совета Конфедерации и, с позволения сказать, преступниками вроде Таланта Упсира или Эолы Мэтьюз, — которые в свое время тоже являлись членами правительства Конфедерации, — только в том, что Упсир и Мэтьюз имели несчастье нажить себе влиятельных врагов. Но такова судьба многих политиков.

— А эти рабыни из «мокрых снов» тринадцатилетнего пацана?

— Они служат на своем посту. По нашим законам именно ОНИ — преступники, и вина их бесспорна. Самых опасных мы отправляем на наш собственный Ромб Вардена — на спутники Момрата. А тех, в ком у нас нет уверенности, мы либо убиваем, либо модифицируем. А модифицируя, делаем вновь полезными обществу. Пошли.

Мы вернулись в основные помещения станции и остановились у двери с табличкой «ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ. ДОСТУП ЗАПРЕЩЕН». Я прекрасно понимал, что это конечный пункт моего путешествия. Охранник, ни разу не проронивший ни слова, шел за мной по пятам.

— Изначально личностные установки задумывались как нечто полезное, — продолжала Фэллон; она получила от экскурсии нескрываемое удовольствие. — Откровенно говоря, у нас гораздо больше проблем с психикой наших граждан, чем у специалистов цивилизованных планет. Мы установили любопытнейший факт: после стирания психики житель Медузы обязательно становится женщиной — кем бы он ни был до этого. — Дверь автоматически отворилась, и я увидел демонстрационный зал. За огромной прозрачной стеной стояла психомашина. — Узнаете, кто в кресле?

Я с трудом поднял глаза. Пациента «на кушетке», как любят говорить психиатры, опутывали всевозможные провода и датчики, однако я все же разглядел знакомый профиль.

— Чинг, — тяжело вздохнул я.

Фэллон утвердительно кивнула:

— Это состояние обычно называется смертью. Обратите внимание, кожа необычно мягкая и эластичная, волосистый покров полностью отсутствует, а также все изъяны и новообразования. Чистое, но совершенно лишённое конкретики женское тело.

Я кивнул, вновь ощутив бесконечную усталость. Обычная психологическая обработка. Они получают огромное удовольствие, а отказаться я не могу — старо, как мир.

— Очень жаль, что все жители Медузы достигают этой первозданной женской пластичности. Неплохо было бы иметь и Юношей Радости. Однако не думайте, что все Девушки Радости только наложницы. Например, мои личные Девушки — их двое — отличаются великолепно развитой мускулатурой, но очень милы. Правда, с первого взгляда женщинами их не назовёшь, но это и есть то самое искусство, о котором я вам говорила. Наши лучшие психиатры превратились в настоящих художников, с помощью психомашин и микро-организмов Вардена, творящих тело при отсутствии сопротивления мозга изменяемого. Можно сделать Девушку Радости в соответствии с любыми потребностями. Симпатичная, способная выучиться тому, что ей прикажут, и при этом безгранично преданная своему владельцу.

— А... для кого предназначается эта? — переспросил я, чувствуя, как внутри все переворачивается от невыносимого зрелища.

— Для Хэйвела Канцера; он мой двойник, работает внизу на планете. Хэйв — администратор в аппарате правительства. Мы равны по рангу и положению и подчиняемся только Первому министру. Конечно, у него она не задержится — подарит кому-нибудь или всучит в качестве награды. А некоторых мы даже экспортируем

на другие планеты Ромба. О! Похоже, психиатр уже готов. Теперь смотрите внимательно.

— Не хочу, — огрызнулся я.

— Твои желания никого не волнуют, — неожиданно грубо и холодно бросила Фэллон. — Я могу поставить тебя по стойке «смирно» и сделать с тобой такое, что Девушкам Радости и не снилось, так что заткнись. Или Конфедерация подбирает убийц из плакс?

Что ж, она опять оказалась права. В логике ей не откажешь — чем беспристрастнее я вглядывался в самого себя, тем противнее мне становилось.

Процесс завораживал своей жестокостью. Тот же механизм, при помощи которого я превращался в птицу или в других людей, теперь преобразовывал тело Чинг — единственное, что от нее осталось. Строго говоря, она была мертва, хотя мой рассудок отвергал эту мысль. А я? Сколько человек погубил я? Крег говорил, что только после двух-трех десятков неудач мое сознание удалось переписать в тело Тарина Була.

Чинг всегда была миниатюрной и очень изящно сложенной, как и большинство женщин Медузы, но теперь она стремительно менялась. Рост остался прежним, но масса тела перераспределялась: увеличились бедра и бюст; формы постепенно приобрели совершенно иные очертания. Лицо практически не изменилось, хотя нижняя его часть округлилась, а большие глаза слегка уменьшились. Я вряд ли узнал бы такую Чинг, столкнувшись с ней случайно.

Затем на голове стали пробиваться густые волосы; они росли с неестественной скоростью, как в немом комедийном фильме, и были светло-рыжего цвета, чему я несколько удивился.

— Цвет волос тоже может быть изменен?

— Не только волос, но и глаз. Можно изменять что угодно и как угодно. Так ей лучше.

Несколько минут спустя все было кончено. Я видел неясный силуэт психиатра, возившегося со сменными

модулями памяти. Наступал последний этап — формирование сознания. Потом ее освободили от паутины проводов и оставили в состоянии, напоминающем обычный сон. Зажегся яркий свет, и Чинг слегка пошевелилась.

— Теперь ты можешь судить, — сказала Фэллон, — кем она была и кем стала. А пока взгляни на ее пробуждение. — Она щелкнула переключателем интеркома: — Девушка?

— Да, госпожа? — радостно откликнулась Чинг.

— Какая у тебя кличка?

— Веселяшка, госпожа. Позвольте служить вам.

— Выйди через заднюю дверь. Там ты найдешь гардероб, возьмешь подходящую одежду и украшения и приведешь себя в порядок. Затем откроешь последнюю дверь и будешь ждать меня.

— Слушаюсь, госпожа. — С блаженной улыбкой Чинг пружинисто поднялась и вышла из камеры.

Фэллон повернулась ко мне:

— Ну? Как тебе это?

— Впечатляет. Но если этот балаган имеет целью разжалобить меня — ничего не выйдет. Я поражен, но не настолько.

— Вполне возможно. Она вела себя героически, но все же мы получили о тебе кое-какую информацию. Ну, пошли в другую комнату.

Мы спустились в почти пустое помещение, явно не предназначенное для каких-то определенных целей, и стали ждать. Я мечтал лишь о том, чтобы это поскорее закончилось. Весь предыдущий спектакль наверняка был только прелюдией. И мне очень хотелось знать, к чему.

Вскоре вошла Чинг, широко улыбнулась и сделала легкий реверанс:

— Я нравлюсь вам, госпожа?

Фэллон придирчиво оглядела ее с ног до головы. Чинг и в самом деле стала милашкой и держалась, если

можно так выразиться, провокационно-сексапильно. Слегка гортанный голос был одновременно детским и соблазнительным. Я почувствовал себя подростком, которому внезапно явился во плоти предмет его юношеских грез.

На ней были маленькие золотые сережки, такое же ожерелье и облетающее серебристое платье с умопомрачительным разрезом. Макияж был выполнен профессионально — вплоть до кончиков аккуратно обработанных ногтей.

Фэллон посмотрела на меня и вопросительно улынулась:

— Ну как? Нравится?

— Она просто... сногшибательна.

— Хочешь испытать ее в действии?

— Нет...

— Веселяшка, а ну-ка на четвереньках к мужчине и оближи... для начала его ботинки.

Я попытался возразить, но Веселяшка с игривым усердием подчинилась. Это было омерзительно до тошноты, но я стоял как вкопанный, потому что не мог пошевелиться.

— Достаточно, на место.

— Слушаюсь, госпожа. — Она мгновенно вскочила на ноги и пожирала взглядом Фэллон.

— Выйди через вон ту дверь. Там ты встретишь мужчину, одетого как я. Он будет твоим хозяином — впредь ты должна выполнять все его приказы.

— Слушаюсь, госпожа. — Чинг повернулась и вышла.

— Дешевка, — сквозь зубы пробормотала Фэллон. — Таким только гостей развлекать, да на столе отплясывать. — Она вскинула на меня глаза. — Но от этого хоть какая-то польза. Она не будет стареть, перемены климата ей тоже нипочем. Если потеряется, то будет умолять людей вернуть ее владельцу. Она будет дарить другим удовольствия, но только в служении своему господину черпать радость. Ну разве это не

лучше, чем шахты, или смерть, или пожизненная лямка чернорабочего?

— Нет, — ответил я. — И я не изменю своего мнения.

— Возможно, — бодро согласилась Фэллон. — Но таков этот мир. Пошли — я хочу показать тебе еще кое-что.

Она привела меня в служебное помещение, в котором царил полнейший беспорядок. Фэллон порывлась в ящиках большого письменного стола и поднялась, держа в руках некое подобие этюдника. Она отцепила от него несколько листов бумаги — какие-то рисунки. В конце концов, найдя искомое, она протянула этюдник мне. Я взгляделся в картину.

— Ну как? — спросила она.

В карандашном наброске, несомненно, угадывалась рука настоящего мастера. Художник изобразил женщину поистине неземной красоты. Темнокожая красавица с длинными пышными волосами одновременно ослепительно-белого и светло-русого цвета с огромными влекущими зелеными глазами и вызывающе дерзким и страстным выражением лица.

Точеная высокая фигурка, гладкая и холеная, хотя половые органы, на мой взгляд, слегка гипертрофированы. Художник запечатлел ее в разных позах, в том числе и притаившейся дикаркой в звериных шкурах. На этом наброске она была неотразима — настоящая машина для любви. Легкий карандашный эскиз нес в себе такой заряд влечения, что я лишь изумленно при-
свистнул.

Фэллон одобрительно кивнула:

— Яотреагировала так же. Это специальный проект Первого министра, и ему не терпится претворить его в жизнь.

— Это рисунок Упсира? Да он настоящий талант... э-э-э... простите за каламбур...

— Да, он гениален и разносторонен. Уже более полугода он работает с нашими лучшими психиатрами-

скульпторами, создавая необходимые рациональные и эмоциональные установки. И, разумеется, гормональные. Абсолютная дикарка, совершенная и первозданная женщина. Иногда мне ужасно хочется быть похожей на нее.

— Сильные боли в пояснице, — намекнул я.

Фэллон двусмысленно пожала плечами:

— Такая женщина нечто большее, чем Девушка Радости. Кстати, Первый министр называет ее Ослица Уби. Его мужская сила вполне под стать другим способностям. Ослица станет его постоянной спутницей, живым свидетельством его величия. Первый министр обладает огромной коллекцией шедевров, украденных из крупнейших музеев Конфедерации, но жаждет большего. Все будут изнывать от зависти, но она будет навеки предана только ему. Прирученный дикий зверь, обьеженный мустанг, пассивная, но в то же время преисполненная природной энергии, она доставит своему властелину самые экзотические и утонченные наслаждения. Как и всякий одомашненный зверек, она станет его надежнейшим защитником, при этом наделенным если не душой, то умом и чувствами, настоящей жемчужиной нашего нового искусства.

Я согласно кивнул, прекрасно понимая теперь суть Упсира; отвратительный себялюбивый маразматик.

— Ясно, — сказал я вслух.

— Мне кажется, нет, — отозвалась та. — По-моему, вы не в полной мере оценили присущее господину Первому министру чувство справедливости. Для Ослицы Уби — этого рукотворного чуда — подойдет далеко не любой материал. Он любит постоянно напоминать о своем всемогуществе, а посему Ослица обязана стать символом его абсолютной власти, эффективности построенной им системы, а также ее неуязвимости для Конфедерации и инспирированной ей пятой колонны. Теперь вы, надеюсь, понимаете, что Ослицей Уби она

названа отнюдь не из-за своих суперпышных ягодич; скорее это предупреждение другим убийцам...

— Нет! — громко закричал я и попытался нанести сокрушительный удар, но охранник за моей спиной одним выстрелом отключил мое сознание. С глухим стуком я рухнул на пол.

Я был накрепко привязан в кресле перед психомашиной и впервые за свою богатую приключениями жизнь испытывал откровенный страх. Не беспокойство, не озабоченность, а самый натуральный ужас. Раньше я даже не подозревал, что это такое — животный страх, но сейчас скорее всего испытывал именно его. Еще там, в Конфедерации, я боялся не столько «промывки мозгов», сколько того, что во мне сохранится некая частичка прежней личности, которая будет «сознавать» все, что происходит с живым, но не одушевленным телом. Этот кошмар преследовал меня долгие годы.

При помощи сотрудников Фэллон прикрепила мое безвольное тело к «кушетке», отошла и, придиричиво прищурившись, оглядела меня.

— Вот теперь-то и начнется самое интересное, — проворковала она, явно наслаждаясь в предвкушении зрелища. — Твоя судьба уникальна, а будущие формы тем более; кроме того, тебя будет пользоваться Джордаш, наш главный психиатр, мастер своего дела.

— Сволочи, — попытался прорычать я, но вышло лишь тихое и жалкое мычание.

— Теперь тебе понятна логика Первого министра? — продолжала Фэллон, игнорируя мой слабый протест. — Он не только получит воплощение своей сокровенной сексуальной мечты, но к тому же будет знать, что прежде эта мечта была хладнокровным убийцей, посланным, чтобы прикончить его любой ценой. Ты станешь живым напоминанием о том, что Конфедерация в делах Медузы — полный профан. Именно тебе пред-

стоит роль не только наложницы, но еще и слуги, и телохранителя. Кстати, он приказал сделать видеозапись всего процесса, чтобы впоследствии убедить любого, что Ослица — и впрямь ты, неудавшийся душегуб. Упсир прибудет сюда завтра — сейчас он на Конференции Четырех Властителей. Я только что разговаривала с ним, и он попросил меня организовать прямую трансляцию этого события. Ты встретишься с властителем Медузы — и не только с ним, но и с тремя другими. И разумеется, он вряд ли удержится от искушения продемонстрировать им абсолютно все твои прелести — да еще приведет тебя на золотом поводке.

Проклятие! Она в открытую смаковала мои мучения!

— Прощай, Тарин Бул, или кто ты там на самом деле. Ты, конечно, понимаешь, что все это передается тому, кто отслеживает тебя; в принципе мы бы поступили так же. Конечно, прежде всего мы обнаружим и удалим имплантированный в твой мозг передатчик, но, возможно, мы еще отправим ему копию записи. Это будет по-настоящему справедливо. — С этими словами она вышла, захлопнув дверь.

Я не мог даже шевельнуться. Единственное, что я мог, — покончить с собой за те немногие секунды, пока еще оставался хозяином своего тела.

Внезапно я почувствовал, как в мозг что-то проникло. Или кто-то. Началась процедура — психиатр сканировал мозг в поисках блоков и зашит, установленных, в свою очередь, лучшими специалистами Конфедерации. Разрушат не мое тело, а личность, как и любую другую, разве что им придется потрудиться чуть больше. Собственно говоря, хорошая психозащитенность и волновала меня больше всего. Что, если где-то в лабиринте сознания останется крошечный осколок МЕНЯ, — беспомощный, но остро чувствующий зритель?

Включилось записывающее устройство. «Приступили», — подумал я.

Однако я ошибся. Вместо мгновенной боли во мне зазвучал тихий, журчащий мужской голос.

— Слушайте, агент. Я Джордаш, хирург. Как и все психиатры Медузы, я обучался на Цербере, единственном центре подготовки психиатров на Ромбе Вардена. Его руководитель — настоящий гений, но мы отнюдь не испытываем уважения ни к Четырем Властителям, ни к Таланту Упсиру. Нам ненавистен предательский союз с пришельцами да и все остальное, чем славится Ромб. Нас готовили лечить людей, а не экспериментировать над ними. Мы давно контролируем самых высокопоставленных здешних чиновников — с тех пор, как Упсир пожелал подвергнуть их психообработке с целью формирования установки на абсолютную преданность лично ему. Тогда же был взят под контроль и властитель Цербера Лару — кстати, не без помощи вашего коллеги. Но сам Упсир осторожен и близко не подходит к психомашине. Однажды он попал в катастрофу вместе с Фэллон и Канцером, и они спасли ему жизнь. С тех пор властитель безгранично доверяет этой парочке, и только они избежали принудительной психообработки.

Убить властителя Медузы легко, но это ничего не даст. Достигнуть цели можно, лишь одновременно уничтожив Упсира, Фэллон и Канцера, иначе гибель одного только усилит влияние другого. Фэллон неплохо разбирается в психотехнике и может, как и Канцер, неусыпно следить за деятельностью партнеров. Они не доверяют ни одному психиатру и, хотя не имеют доказательств, подозревают о зреющем антиправительственном заговоре. Необходимо собрать этих троих вместе, но такое случается крайне редко. За последние три года Фэллон и Канцер встречались только два раза, и лишь однажды эту встречу почтил присутствием сам Упсир. Я говорю это не для того, чтобы приободрить вас...

Мой страх потихоньку начал вытесняться надеждой. Но что это — психологический прием или конкретный разговор?

— Спасти вас я не могу, — продолжал Джордаш, — и не в состоянии помочь вашим друзьям — их личность не обладает вашей силой и глубочайшим ощущением собственной идентичности. Если я в точности не выполняю приказ Упсира и вы сохраните хоть что-то самобытное, пусть даже на подсознательном уровне, — это рано или поздно проявится. А Талант Упсир очень наблюдателен, и от него не укроются странности в вашем поведении. Признаюсь честно: этот процесс знаком мне сутобо теоретически, однако выслушайте мое предложение. Я попытаюсь сохранить ядро, но любые связи между мозгом и этим участком будут уничтожены. Это крайне деликатная операция — различия между простым стиранием ядра и переводом его в пассивный режим таковы, что коэффициент усиления любой ошибки примерно равен единице с сорока нулями. Честно говоря, я не уверен, удастся ли мне стабилизировать его в этом состоянии, но я попытаюсь сберечь вашу ненависть и презрение к существующему режиму, а особенно к тем, кто устроил такое неслыханное надругательство над людьми. Если ваше отвращение и жажда мести в самом деле сильны, они могут остаться и в определенной ситуации заявить о себе совершенно неожиданно даже для вас. Теоретически для пробуждения этой части вашего сознания достаточно простого постгипнотического сигнала. Для вас таким сигналом послужит момент, когда трое главарей соберутся в вашем присутствии. В этом случае вы либо уничтожите их всех, либо погибнете.

Впрочем, не будем загадывать. Один из троих может погибнуть, и тогда ваша личность не активизируется, даже в обществе остальных могут встретиться в ваше отсутствие — результат будет тот же. Такое вполне возможно, особенно в условиях войны, но тем не менее я должен использовать малейший шанс.

ОН ДОЛЖЕН ИСПОЛЬЗОВАТЬ!!!

— ...Что случится с вами после того, как вы убьете их — если это удастся и вы останетесь живы, — мне неизвестно. Скорее всего произойдет мгновенное высвобождение энергии, и вы окончательно превратитесь в того, кем вас так жаждет видеть Упсир: в дикого зверя. Однако в вас должно быть определенное рациональное зерно в зависимости от того, насколько мне удастся сохранить вашу суть. В результате физической трансформации и фиксации вы навсегда сохраните свое новое обличье. Это, конечно, не очень приятно, но с помощью хорошего психиатра ваш интеллект может быть восстановлен, хотя он будет совершенно иным, и никаких воспоминаний о прошлом у вас не сохранится. Тут я пас — желание Упсира закон. Кроме того, процесс может пойти неудачно — даже у моего учителя успешным был только каждый десятый эксперимент, — но я обещаю вам и вашему коллеге, наблюдающему сейчас за вами, — прекраснейшее создание, сопровождающее Упсира, как тень, превратится в бомбу с часовым механизмом. Теперь, к сожалению, я вынужден приступить к своим обязанностям. Я уже определил местоположение передатчика, так что ваш коллега также получит эту информацию. Отныне только он и я будем знать правду. Прости, Бул, или кто ты на самом деле. Прощай.

Ужасная боль пронзила мой мозг... я взрываюсь...
О ГОСПОДИ!!!

КОНЕЦ СВЯЗИ. ПЕРЕДАТЧИК РАЗРУШЕН.

1

Человек медленно приподнялся и, сняв с головы датчики, слегка пошелился.

— Это было ужасно, — тактично заметил компьютер.

Человек слегка усмехнулся:

— Господи, помоги Думонису! Помогите его дьявольски хитрому замыслу! Мы определенно узнаем больше.

— Глядя на вас, не подумаешь, что вы только что подверглись чудовищному насилию и испытали панический страх. Я читаю на вашем лице неоправданный оптимизм и, честно говоря, обеспокоен.

— Не беспокойся, — улыбнулся человек. На самом деле это большая удача. Мы наконец-то узнали, кто такие пришельцы, и мои невероятные на первый взгляд выводы полностью подтвердились.

— Значит, задача решена?

— Похоже, замечания Мораха не выходили у меня из головы. У меня было такое чувство... нет, не ошибся, скорее упущения чего-то важного. И Талант Упсир это доказал.

— Но ведь вы его никогда не видели.

— И слава Богу. Старый подлец скользок, как угорь. К тому же он был политическим деятелем Конфедерации и теперь собирается кичиться перед ней своим богатством. Это крайне самоуверенное заявление особенно на пороге войны, исход которой неясен. Упсир, конечно, редкий мерзавец, но не дурак, а кроме того, ему прекрасно известна военная мощь Конфедерации. И все

же, несмотря на то, что два властителя погибли, а тайна заговора раскрыта, он все равно уверен в победе. Почему? Потому что наше предположение о пришельцах, Альтаварах, неверно.

— Вы полагаете, что война неизбежна?

— Уверен. Как ни странно, самые большие шансы предотвратить катастрофу были у Кригана. Лучше бы в живых остался именно он, а не этот мерзкий слизняк Упсир.

— Ничего не понимаю. Он же предатель.

— Только ему это было по силам. Посмотри на Четырех Властителей. Один — классический гангстер, а двое других — коррумпированные до мозга костей политики. Какого черта Кригану делать в этой компании? И почему остальные приняли его, как равного. Вспомни, ведь властители фактически сместили предшественника Упсира — он был излишне либерален и недостаточно развратен, чтобы делить с ним власть. Все законопослушные тянулись к Кригану — единственному властителю, не запятнавшему себя пороками и взяточничеством, и полагались на него чисто интуитивно. Дело не только в том, что он попал на Ромб по собственной воле, важно и то, что Лилит последней присоединилась к заговору. Тем не менее он был ключевой фигурой, лидером.

— Я не разделяю вашего восхищения.

— Возможно, — усмехнулся человек, — однако я вижу в нем себя — человека, выполняющего свой долг в чрезвычайно сложных условиях, а не просто уголовного.

— Это лишь предположение.

— Для нас или по крайней мере для нашего начальства. Мне кажется, что Криган обнаружил пришельцев гораздо раньше, чем мы. Вероятно, на несколько десятилетий, так как есть косвенные доказательства, что пришельцы были здесь все время.

— Не лучше ли доложить руководству? — заметил компьютер.

— Доложить? Может статься, реальных свидетельств вообще нет. Чтобы Конфедерация поверила, ее надо ткнуть носом в неопровержимые факты; даже сейчас она предпочитает ходить вокруг да около, вместо того чтобы действовать быстро и решительно, хотя память о роботе-шпионе еще свежа. Заяви Криган о своем открытии, его сочли бы сумасшедшим и уничтожили — в лучшем случае тоже сослали бы на Ромб Вардена. Вот ему и пришлось играть свою роль в течение двадцати лет — подумать только, ДВАДЦАТЬ ЛЕТ! — стать властителем Лилит и взять ситуацию под контроль. Мы лишились величайшего агента Конфедерации, и как раз тогда, когда он почти выполнил свое задание.

— Вы считаете, что перед гибелью он уже был готов нанести удар по пришельцам?

— Да нет, конечно же, нет. Естественно, он был целиком вовлечен в ту невидимую войну, которую вели пришельцы с Конфедерацией при помощи своих чертовых роботов. Но Криган исподволь готовил слабую, неуверенную и разбалансированную Конфедерацию к реальной схватке. Поэтому он пошел на сотрудничество с Упсиром и Морахом. Похоже, мы здорово недооценивали этих Альтавар. Криган считал, что в решающей битве победа вполне может быть за ними, а он все-таки оставался человеком. Конечно! Все сходится!!! У него был выбор между невидимой войной, грозящей разделом Конфедерации, и прямым галактическим столкновением, в котором, с его точки зрения, у нас не было шансов на победу.

— Вы собираетесь включить в доклад этот вывод?

— Нет. Начальство просто не поверит, если и поверит, то не поймет, что за ним кроется. Это ничего не меняет в моих построениях, просто многое проясняет. Теперь ситуацией полностью владеет Морах, а он при всех своих очевидных достоинствах не обладает талантами Кригана. Когда-то судьба свела его с Криганом, и Морах, гениальный преступник, почувствовал, что от

него требуется. В чем-то его мировоззрение очень напоминает кригановское. Он делает то, что в его силах, понимая в душе, что работенка ему не по плечу. Проклятие! — внезапно пробормотал человек и ненадолго задумался. — Быстро свяжись с Морахом. Попроси его задержать эту встречу; я присоединюсь к ним, когда переговорю с руководством.

— Это нетрудно. Вы не задумывались, что они соберутся на очень уязвимой орбитальной станции вокруг Лилит? Всего один выстрел...

— ...и мы останемся наедине с Альтаваром, тогда у нас не будет вообще ни одного шанса! И кроме того, из чего ты собираешься делать этот выстрел?

— Патрульный корабль набит оружием!

— И человек победит благодаря компьютеру, — усмехнулся инспектор. — А как, по-твоему, Альтавар входит в систему и покидает ее, не говоря уж о роботах? Или ты считаешь, что их действительно невозможно распознать?

— О, но это значит, что наш корабль в их руках. Убийственное предположение.

— Однако это так, поверь. А если тебе нужны дополнительные доказательства, вспомни, что я связался с Морахом мгновенно, назвав лишь его имя и планету. Связисты уже явно знали, кто он такой и где находится.

— Я взорву модуль, чтобы не допустить утечки информации.

— Это лишнее. В настоящее время из всей Конфедерации Морах полностью доверяет только мне. Они меня знают, ведь так или иначе я все время был с ними; я и Кол Тремон, и Парк Лакош, и Квин Занг, разве что без микроорганизмов Вардена. Они могут положиться на меня, потому что только я могу выдать экспертное заключение. — Он засмеялся. — Надеюсь, ты не собираешься убивать меня, старина?

— В этом нет необходимости, пока не подвергается риску само задание.

— Скорее всего ты его просто не знаешь. Но это уже к делу не относится. — Человек встал с кресла и, подойдя к письменному столу, взял ручку и бумагу. Многолетняя привычка — доверять свои мысли не терминалу, а старой доброй бумаге. Память компьютера доступна любому, но если сжевать и проглотить записи в случае опасности, всегда будешь знать, где они находятся.

Некоторое время он сосредоточенно трудился, затем аккуратно собрал разбросанные листки, покрытые каракулями. Просмотрев их, усмехнулся, удовлетворенно кивнул и, встав из-за стола, подошел к панели секретной связи.

— Открыть резервный канал Р, — приказал он компьютеру. — Узкий пучок, плавающая частота, высшая степень защиты. Давай-ка их разыграем.

На все ушло несколько минут, но, поскольку связь осуществлялась в гиперпространственном измерении, задержка сигнала практически отсутствовала. Далекий абонент снял трубку.

— Привет, надзиратель Ромба! — раздался слегка искаженный динамиками голос. — Папа слушает.

— Привет, Крег! Голос у тебя неважный.

— Мне пришлось проглотить пару пилполь, чтобы побыстрее проснуться. Ну что там у тебя? Опять что-нибудь с Цербера?

— Нет. Просто хочу сделать доклад. До сих пор мы кое-что упускали, но теперь я собрал необходимые данные и готов изложить свои выводы. Полагаю, пора приступать к действиям. Сейчас на Ромбе Вардена собирается военный совет, и, похоже, наш час пробил.

— На цивилизованных планетах настоящий бедлам, — сообщил командор. — Я уснул впервые за последние четверо суток. Грузовые корабли сбиваются с маршрутов, а предприятия останавливаются из-за нехватки сырья. Боевые крейсеры расстреливают друг друга! Этих проклятых роботов ТЬМА-ТЬМУЩАЯ!!! Их

тысячи, и они занимают незначительные на первый взгляд должности, но ты же знаешь, в нашей Конфедерации все теснейшим образом взаимосвязано.

Инспектор кивнул, не сумев скрыть легкую усмешку. Значит, Морах превратил планируемую Криганом войну в одностороннюю операцию, мобилизовав множество политических и преступных организаций, контролируемых Четырьмя Властителями.

— Ну и как, держитесь? — поинтересовался он, почти уверенный в отрицательном ответе.

— Держимся, но из последних сил! — ответил Крег. — Мы предполагали что-то подобное, но действительность превосходит все ожидания. Они чертовски пронывательны, и саботаж охватывает все без исключения сферы Конфедерации. Виновных найти невозможно. Их не интересуют высокопоставленные руководители; только мелкие сошки, через чьи руки проходят документы. Во многих местах уже наступил настоящий голод, и я сомневаюсь, что нам удастся быстро овладеть ситуацией. Ты был абсолютно прав, когда советовал спешить. Но если ты не сможешь обеспечить нам передышку, этот проклятый Ромб придется уничтожить к чертовой бабушке. И немедленно.

— Вряд ли тебе это удастся, — глухо заметил человек. — Все говорит за то, что они значительно сильнее нас, во всяком случае, ничуть не слабее. Держись за кресло — сейчас ты не поверишь своим ушам.

— Давай. Но я не верю в их огромную военную мощь.

Человек через силу улыбнулся. Почему пришельцы так пугают даже прожженных убийц и сорвиголов? Этот вопрос мучил его еще на Хароне, но тогда он не знал ответа. Теперь ответ есть.

ОНИ КАЖУТСЯ ВОПЛОЩЕНИЕМ ЗЛА, ИБО ХЛАДНОКРОВНО ЗАМЫШЛЯЮТ ГЕНОЦИД ДРУГОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПРОСТО ПОТОМУ, ЧТО ОНА ИМ МЕШАЕТ.

Он уже собирался начать доклад, как в голову неожиданно пришла шальная мысль.

— Папа? А этот доктор Думонис на Цербере — кто он такой?

— Он? Бывший начальник Отдела Психиатрии департамента уголовной полиции Конфедерации. Разумеется, тогда у него было другое имя. Автор множества методик, которыми мы по-прежнему пользуемся в работе с агентами вроде тебя.

— И его сослали на Цербер?!

— А чему ты удивляешься? Он очень непостоянен. Психиатру приходится сталкиваться с настоящими душевнобольными, и когда-нибудь они настолько надоедают, что врач уже не в силах выносить своих пациентов — или сам сходит с катушек. Думонис не исключение. Конечно, мы не могли убить его в награду за беспорочную службу — она была поистине бесценной для нас, — а любая психомашина бессильна против такого аса. Так что мы изменили его внешность, дали другое имя и отправили на Цербер, где он завел небольшую частную практику. Он не питает никаких симпатий к Конфедерации, но и к Четырем Властителям тоже. Их союз с пришельцами переполнил чашу его терпения. Он с головой ушел в политику и создал подпольную организацию, действующую в наших интересах.

— Я рад, что он на нашей стороне.

Крег весело хохотнул:

— Тем лучше для него. Мы имплантировали ему в мозг несколько органических устройств и кое-что еще. Чтобы навсегда обезвредить его, достаточно послать сигнал со спутника.

Агент не нашелся, что сказать. Он быстро перетасовал листки:

— Готов к докладу.

— Готов к записи. Начинать по моей команде... Давай!

Большая часть содержащихся в докладе выводов получена методом дедукции. Сразу оговорюсь, что каждое в отдельности и все вместе умозаключения справедливы для всех четырех планет Ромба Вардена. Сведения, на которых они базируются, добыты посланными на планеты наблюдателями. Позвольте начать с основных проблем исключительно сложной и загадочной системы, именуемой Ромб Вардена.

ПУНКТ 1

Очевидно, что Ромб Вардена не является естественным образованием. Каждая из четырех планет находилась внутри «жизненной зоны» задолго до того, как трансформировалась в свое нынешнее состояние, но само по себе это еще не гарантирует зарождения местных форм жизни. То, что каждая из планет была искусственно преобразована, подтверждается изысканиями первых научных экспедиций. В то же время диагностика микроорганизмов Вардена была решительно невозможна в первые годы, хотя нынешний уровень их изученности позволяет обитателям Ромба Вардена преодолевать негативные последствия симбиоза и управлять ситуацией. Есть много данных, подтверждающих мысль о целенаправленном переустройстве планет, и прежде всего отсутствие предновых форм флоры и фауны. Существование на каждой из планет доминирующих видов никак не обусловлено с точки зрения естественного отбора. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что животный мир Ромба излишне специализирован. Получается, что холоднокровные рептилии господствуют на самой горячей из планет, насекомые — на самой влажной и теплой, морские животные обитают на покрытой водой планете, а крупные

микопитающие — на самой холодной из них. Все это больше напоминает эксперимент, нежели случайность — чересчур много совпадений.

ПУ Н К Т 2

Флора и фауна Ромба Вардена естественно сочетается с нашей, построенной на углеродной органике, и легко интегрируется в дикую биосферу — за исключением вездесущих микроорганизмов Вардена. Это совершенно уникальная форма жизни, аналоги которой нам неизвестны. Она достаточно статична, и ее свойства на каждой из планет единообразны и предсказуемы. Принято считать, что люди распространили микроорганизм, изначально находившийся только на Лилит, на три остальные планеты Ромба. Выходит, мы имеем дело с бактерией, способной мгновенно приспосабливаться к любым условиям и при этом демонстрирующей поразительную устойчивость и не подверженной никаким мутациям. Из этого абсурдного положения с неизбежностью следует вывод об искусственном происхождении микроорганизмов Вардена, ориентированных специально для каждой планеты Ромба.

Микроорганизмы Вардена слишком примитивны, чтобы являться разносчиками болезней, однако они интегрированы друг с другом и образуют исполдинскую сеть — неотъемлемый элемент биосферы каждой планеты. На Лилит они, очевидно, выступают в качестве своеобразного всепланетного регулятора, поддерживая равновесие экосистемы. Именно это породило мнение, будто микроорганизмы Вардена имели один источник распространения. Для окончательного подтверждения моей гипотезы достаточно провести несложные научные исследования. Что касается воздействия микроорганизмов Вардена на людей, то оно вполне объяснимо, если их основная функция — сохранять стабильность

биосферы (и геосферы) и свести на нет любые случайные изменения.

Харон и Медуза — яркие примеры тому, что очень простые химически микроорганизмы Вардена обладают способностью к совместным действиям и, следовательно, способностью накапливать огромные массивы информации. На Цербере и Лилит это проявляется не так очевидно, но достаточно вспомнить, как быстро они устраняют повреждения и даже восстанавливают утраченные конечности у людей всего Ромба. Суть в том, откуда берутся необходимые знания и какой способ их применения.

Конечно, напрашивается гипотеза о коллективном разуме: каждая колония микроорганизмов представляет собой ячейку или совокупность ячеек, поддерживающих информационный обмен с аналогичными ячейками, сливаясь в единый пространственно неограниченный организм. По ряду причин эта гипотеза представляется мне неверной. Жители Харона могут путешествовать на Медузу и наоборот без всяких отрицательных последствий для себя, хотя расстояния между планетами вполне достаточно, чтобы прервать любые связи между «личными» микроорганизмами путешественника и всеобщим планетарным «телом». Еще один пример: только обитатели Лилит воспринимают связь между колониями микроорганизмов Вардена. И, наконец, маловероятно, чтобы мельчайшие микроорганизмы, даже объединенные в коллектив, были бы в состоянии хранить и обрабатывать огромные массивы данных, необходимые для осуществления даже одной сложной регенерации.

Но если представить микроорганизмы в виде нейронных передатчиков, все сразу становится на свои места. Вообразите рецепторы вашего указательного пальца. Они служат только одной цели — передавать информацию в мозг. Обожгите их, и сигнал достигнет мозга, будет обработан, и по другому нейронному каналу в тот же палец уйдет команда о необходимом для

устранения причины раздражителя действию. Колонии микроорганизмов можно представить в виде удаленных чувствительных элементов некоего огромного мозга. В этой роли может выступать чрезвычайно сложный и быстродействующий компьютер с практически неограниченной памятью. Такое предположение не противоречит ни одному из имеющихся фактов.

Полученные со всех четырех планет данные свидетельствуют о том, что микроорганизмы Вардена используют внешний источник энергии; это нашло отражение в гипотезе о так называемой границе Вардена — расстоянии от системы Ромба, при удалении на которое микроорганизмы теряют управляемость и разрушаются, уничтожая также организм-носитель. Для нормального существования микроорганизмы получают все необходимое от своего симбионта, а в тех редких случаях, когда это невозможно, демонстрируют ограниченную возможность к преобразованию вещества в энергию и наоборот. В случае необходимости они способны причинить неудобство, боль своему носителю и даже представить реальную угрозу для жизни. В определенных условиях они могут самостоятельно разрушаться.

Если отталкиваться от факта, что микроорганизмы Вардена являются всего лишь приемо-передающими устройствами, в этом случае смысл границы Вардена становится совершенно прозрачен — это предельный радиус связи между ними и управляющим компьютером.

Равным образом очевидно, что используются четыре разные частоты, а может быть, и четыре разных типа передатчика. Вот почему Цербер кажется лишенным микроорганизмов жителю Харона, который инфицирован только бактериями своей планеты, работающими на одной фиксированной частоте. Однако возникает вопрос: где же расположена «база» микроорганизмов Вардена? Я полагаю, что центральный компьютер находится вне Ромба, скорее всего за орбитой Момрата. Этот газовый гигант с огромной кольцевой системой и ты-

сячами спутников прекрасно подходит для этой цели. Компьютер снабжен периферийными субкомпьютерами, которые и осуществляют управление. Двухъязысная система на первый взгляд может показаться излишне экстравагантной, но только с ее помощью можно объяснить, почему расстояние в четверть светового года является предельным для микроорганизмов, в то время как жители одной планеты без проблем перемещаются на любую другую. При этом, разумеется, прерывается связь с планетной сетью, но не с главным компьютером.

На Медузе находится «священная гора», и переночевавший там агент испытал кошмарные ощущения, а, проснувшись, обнаружил, что способен гораздо лучше управлять своими микроорганизмами и как следствие — собственным телом. Убежден, что где-то в недрах этой горы размещен центральный процессор субкомпьютера, управляющего микроорганизмами Вардена на Медузе. На этой планете уже научились распоряжаться информационным обменом между микроорганизмами и компьютером, но там, в зоне максимальной мощности сигнала, микроорганизмы возбуждаются гораздо сильнее. Это немного сродни тому, что в технике связи называется импульсной перегрузкой: мощный сигнал на входе электронного устройства на выходе многократно усиливается, но становится бессодержательным. Однако человеческий мозг, способный отчасти контролировать микроорганизмы, реагирует на перегрузку примерно так же, как защитный контур в электронном устройстве, то есть сбрасывает избыточную мощность. Но чрезвычайно высокое насыщение, продуцируемое перегрузкой, позволяет человеку гораздо лучше чувствовать сами микроорганизмы, их информационные и энергетические потоки.

Убежден, что подобные точки имеются на каждой планете Ромба. В частности, я обнаружил, что на всех существует своеобразный культ планеты — поклонение Богу, сокрытому в недрах. Одновременно он является

и источником власти, и движущей силой всего сущего. Если бы мы могли переместить все население Лилит к его субкомпьютеру, уверен: почти все обрели бы способности, которые сейчас удел лишь избранных. И среди них подавляющее большинство — ссылные, которые превосходят аборигенов в психическом отношении. На Цербере подобная перегрузка может лишит людей рассудка или привести к постоянному, неконтролируемому обмену телами.

ПУ Н К Т 3

Отсюда следует, что мы столкнулись с невероятно развитой технической цивилизацией, степень превосходства которой невозможно даже представить. Эта цивилизация оживила четыре планеты и управляет ими при помощи микроорганизмов. Хотя эти пришельцы, называемые Альтавар, и создали видимость охраны субкомпьютера Медузы, сомневаюсь, что планеты Ромба — их родной дом. Один из моих двойников предполагал, что они являются млекопитающими-амфибиями, дышащими воздухом, но мне это представляется довольно спорным, ибо, если их среда обитания столь ограничена, как объяснить их невероятный технический прогресс. Безусловно, эти существа предназначены для вполне типичных условий, но они вряд ли вполне соответствуют условиям Альтавара. Вероятно, это не столько охранники, сколько механики и инженеры — обслуживающий персонал компьютера, в обязанности которых входит также защищать центр от случайных визитеров.

Так как пришельцам удается решать все проблемы, не обитая — в широком смысле — на четырех планетах, напрашивается вывод о целях такого проекта. Налицо все признаки отлично поставленного научного эксперимента, но если это действительно так, то неожиданное появление на планетах людей никак не отразилось

на его программе. Похоже, незванные гости мало беспокоили экспериментаторов.

В настоящее время планеты пришельцами не используются, и, значит, либо были нужны в прошлом, либо понадобятся в будущем. Поскольку сегодня они не интересуются Ромбом Вардена, но всерьез озабочены подготовкой к войне с Конфедерацией, похоже, что второе предположение верно.

С самого начала меня очень беспокоила мысль о том, что пришельцы, якобы не способные принимать наш облик и проникать к нам, в то же время узнали о нашей цивилизации все и сразу же установили контакт с Четырьмя Властителями — единственными людьми, которые были бы не прочь оказаться среди наших противников. Вряд ли они прибыли на Ромб уже с конкретной целью — скорее всего их вызвал обслуживающий персонал, заметивший наше появление в системе. Нетрудно себе представить вставшие перед небольшой базой проблемы: требовалось доложить о нас, получить инструкции и дожидаться специалистов, между тем микроорганизмы Вардена принялись активно осваивать чужеродный элемент. На месте пришельцев я попытался бы выиграть время, удерживая непрошенных гостей как можно дольше и одновременно контролируя их расселение на планетах и места постоянных поселений. Слегка изменив программу центрального компьютера, они превратили микроорганизмы Вардена в своеобразный «вирус», действующий не только на живые существа, но и на технику. Ловушка захлопнулась.

Альтавары, несомненно, успокоились и на время ушли в тень. Однако мне кажется, что необычные последствия взаимодействия человека и микроорганизмов Вардена поразили их не меньше нашего. Не думаю, что столь удивительные возможности закладывались ими изначально, ибо в их интересах было как раз обратное — как можно дольше держать людей под контролем. Вполне вероятно, что биоэлектрические токи человеческого

организма случайно совпали с частотным диапазоном приемопередатчиков или оказались очень близко к нему. Этим объясняются разные способности людей к овладению силой. Можно сказать, что наша нервная система и их квазиорганические машины работают на волне одной и той же длины.

В случившемся есть свои положительные и отрицательные стороны. Симбиоз микроорганизмы-человек превращает последнего в такое же полусинтетическое создание, как и буквально все на этих планетах. Центральный компьютер методично исследовал поступающую от симбионта-носителя информацию и в результате получил важнейшие сведения о природе человека, его политической организации, целях и устремлениях и о многом другом. Другими словами, нас анонимно исследовали.

Как только наши агенты инфицировались микроорганизмами, становясь таким образом очередной периферийной компонентой суперкомпьютера, о них тотчас узнавали. В частности, пришельцам стал известен наш замысел. Но либо они не использовали эту информацию, либо сочли Четырех Властителей опасными и для себя, и тем самым наши интересы в определенной степени совпали.

Альтавары не только не оповестили властителей о наших планах, но умолчали даже о конкретных действиях агентов. Они пальцем не пошевелили, чтобы предупредить Кригана и Мэтьюз, не сообщили Лару, что он может подпасть под чужое влияние. С другой стороны, они управляют на Цербер специалистов по производству своих роботов, и их ничуть не беспокоит наша реакция. Похоже, пришельцы убеждены, что их интересы защищены от нас более чем надежно — в отличие от интересов Четырех Властителей и их подданных. Отсюда следует, что невидимая война против Конфедерации инициирована не Альтаваром, а исключительно властителями.

Но в таком случае, почему пришельцы спокойно отнеслись к этой дьявольски хитро задуманной кампании,

зная, что она неизбежно привлечет наше внимание — как, собственно, и произошло?

Ответ только один. Видимо, когда-то Альтавар решил использовать Ромб Вардена в собственных целях, но этому мешали поселившиеся на планетах люди. Как мне кажется, поначалу они решили атаковать Конфедерацию, от чего их отговорил или же посоветовал отсрочить Марек Криган. Испугавшись вполне реальной перспективы гибели Ромба в этой войне, он решил нанести удар в самое сердце политического и экономического союза Конфедерации. Только это могло бы заставить нас обратиться к внутренним проблемам, чтобы сохранить единство человечества — единственный источник нашей силы. Конечно, было бы загублено бесчисленное количество жизней, нас вновь отбросило бы во мрак жесточайшего варварства, но все же люди получили бы шанс выжить. Остальные властители одобрили этот план, движимые жадной мести и надеждой покинуть Ромб Вардена и значительно расширить свои владения за счет разрушенной Конфедерации. Альтавар не препятствовал просто потому, что по итогам это было сравнимо с тотальной войной, только гораздо проще и дешевле. Вряд ли они сильно рассчитывали на успех, однако времени хватало, чтобы дать возможность Четырём Властителям рискнуть.

ПУНКТ 4

Пришельцы решили от нас избавиться в полной уверенности, что для этого все средства хороши. Почему же мы представляем для них такую угрозу? Ведь мы ничего не знаем, и в настоящий момент единственная точка пересечения интересов наших цивилизаций — Ромб Вардена. Разумеется, они опасаются, что мы либо уничтожим его либо излишне расплодимся. Именно спасение Ромба — та основная цель, ради которой они

пошли на сговор с Криганом. Так что же для них Ромб Вардена?

Альтавары дышат тем же воздухом, что и мы. Они почти наверняка имеют углеродную основу, которая должна быть понятна нашим биологам. Таким образом, общие знаменатели совпадают: пища, безопасность и воспроизведение.

Первое исключим сразу же. На планетах Ромба производится огромное количество белков и других пищевых продуктов. Кроме того, если мы научились превращать энергию в материю, а значит, им это тоже по силам.

Вторая причина кажется более вероятной. Складывается впечатление, что они собирались поселиться на заботливо переделанных планетах. Но здесь можно разместить только очень небольшую популяцию, и вряд ли из-за этого стоит затевать межзвездную войну. В сравнении с огромным числом потенциально пригодных для обитания миров, обнаруженных человечеством только в этом квадрате Галактики, война на полное уничтожение из-за четырех небольших планет, которые к тому же мы не способны эффективно освоить из-за микроорганизмов Вардена, кажется весьма нелогичной.

Остается последнее — воспроизведение. Это легко объясняет на первый взгляд совершенно отчаянные действия пришельцев. Нет никаких оснований считать, что наши способы размножения похожи, и если предположить, что Ромб Вардена — репродуктивный центр пришельцев, своеобразное нерестилище, значит, их размножение протекает чрезвычайно медленно. А стало быть, и жизненный цикл отдельной особи огромен. Следовательно, не исключено, что количество яиц или каких-нибудь личинок может быть гигантским, и в таком случае микроорганизмы Вардена представляют собой своеобразные миниатюрные элементы единого защитного механизма, обеспечивающего оптимальные условия внешней среды. Допустим также, что наличие на Медузе — единственной из планет Ромба — геотермальной активности означает,

что на какой-то стадии выведения потомства требуется своеобразная терморегуляция.

ПУНКТ 5

Из этой гипотезы следуют интересные выводы. Например, что планеты Ромба служат не только инкубатором, но и своеобразными яслями для молодняка. Правда, возникает вопрос: почему же для размножения чужакам обязательно требуются космические путешествия, переделка целых планет и мощнейшие вычислительные машины? Абсурд. И кроме того, как же они размножались изначально?

Однако, учитывая, что подобная цивилизация наверняка гораздо старше нашей, проблема отчасти будет решена. Кроме того, на цивилизованных планетах человек в настоящее время появляется на свет в лабораторных условиях при помощи самой совершенной техники. Незнакомая с нашей историей и планетами Границы или Ромба Вардена цивилизация столкнется с такими же вопросами, как и мы. В данный момент нас интересует лишь то, каким образом они размножаются сейчас.

ИТОГИ

Пришельцы создали Ромб Вардена в качестве инкубатора и нового дома для своего потомства. Видимо, у них очень длительный цикл размножения и очень большая продолжительность жизни отдельной особи. Таким образом, в настоящее время на Ромбе Вардена выводится новое поколение альтаваров. Хотя я сомневаюсь, что это единственное назначение Ромба, но любая деятельность, препятствующая нормальному процессу выведения молоди, для Альтавара равноценна геноциду.

Когда люди впервые попадали туда, пришельцы при помощи своих технических устройств — микроорганизмов Вардена и связанных с ними планетных компьютеров — сделали выводы о нашей цивилизации и ее

мощи. Так как до «вылупления» потомства было еще очень далеко, они не реагировали на пришельцев-землян. Но мы сами спровоцировали их, наводнив Ромб отбросами общества со всей Конфедерации. Вероятно, пришельцы решили, что мы проводим политику колонизаций, и уж навёрняка их мнение о нашей цивилизации стало по меньшей мере скептическим. То ли с научными целями, то ли просто из любопытства они установили контакт с Четырьмя Властителями, и участь человечества Извне был решена.

Став властителем Лилит, Криган предложил Альтавару свою помощь, не связывая, однако, с осуществлением этого плана больших надежд и совершенно не заботясь о судьбе остальных властителей. Но, поскольку властители допустили ошибку, Альтавар вновь почувствовал себя загнанным в угол. Пришельцы решили, что дальнейшее промедление угрожает потомству, и перед лицом выбора «мы или они» действовали в собственных интересах. Они уже знали все плюсы и минусы нашей военной машины, нашего руководства и многое другое. Полученные данные не насторожили их. Они до сих пор в полной уверенности, что способны разгромить нас, и, как мне кажется, попытаются сделать это при помощи упреждающего удара после того, как предпринятая Четырьмя Властителями кампания нанесет максимальный ущерб Конфедерации. Я думаю, у нас в запасе от силы несколько недель, если не дней. После этого может разразиться война, итогом которой станет уничтожение либо нашей, либо обеих цивилизаций.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Судя по их уверенности в успехе, пришельцы уже имеют опыт подобных схваток, но даже им вряд ли удастся одним ударом уничтожить цивилизацию, рассеянную почти по половине Галактики. Человечество окажется отброшенным в эпоху варварства, как минимум

треть его погибнет, но род человеческий, безусловно, выживет.

Однако, если вспыхнет война, нашей первейшей — и единственной — целью станет уничтожение Ромба одним мощнейшим ударом: на второй у нас уже просто не хватит времени. Такая акция лишит пришельцев потомства и повергнет их цивилизацию в состояние медленной агонии. Естественно, что после этого их задачей станет методичное и полное уничтожение человечества — точно так же поступили бы и мы на их месте.

Еще раз подчеркиваю, что победить в грядущей войне мы не можем. Если вы откажетесь взглянуть правде в глаза и согласиться с моими предложениями, тогда скорее всего погибнут обе расы.

В настоящий момент Четыре Властителя готовятся к совещанию, и я намереваюсь к ним присоединиться. Это единственный шанс предотвратить кровавую бойню, и, если вы хотите его использовать, вам необходимо немедленно приступить к осуществлению предлагаемого мною комплекса мер, не отступая от него ни на йоту.

1. Наш корабль набит замаскированными роботами противника, и сюда должны поступать сообщения только о непоправимых катастрофах — даже если вы будете успешно бороться с саботажем. Пусть Четыре Властителя и сам Альтавар убедятся, что план Кригана СРАБОТАЛ, и они на пороге победы. При малейшем подозрении Альтавар почти наверняка нанесет нам мощнейший упреждающий удар.

2. Необходимо незамедлительно приступить к переговорам. Посредником придется выступить мне, ибо для моих выживших копий я единственный, кто заслуживает доверия. Что касается Тайного Совета Конфедерации, то он должен собраться в полном составе и связь при этом должна быть визуальной. Необходимо, чтобы противник был уверен, что я представляю высший орган Конфедерации и вправе ратифицировать все заключенные соглашения.

3. Весь флот, свободный от выполнения стратегических задач, под руководством лучших военачальников следует немедленно направить к Ромбу Вардена. Только под реальной угрозой уничтожения Ромба противник пойдет на действительно серьезные переговоры.

И еще: требования Альтавара следует выполнять четко и незамедлительно. Переговоры — наш единственный шанс, и нужно подготовиться к огромным уступкам, вероятно — беспрецедентным. Любой ценой надо найти решение и подкрепить его конкретными и оперативными действиями — только так можно успокоить Альтавар и обеспечить собственную безопасность.

Подпись: Надзиратель Вардена,
ожидающий вашего решения и инструкций.

3

— Ну что скажешь?

— Это единственное логичное решение, — ответил компьютер. — Из вас вышла бы неплохая ЭВМ.

— Весьма польщен. Итак, доклад они получили и как, по-твоему, они его воспримут?

— Разумеется, не поверят ни одному слову, но начнут работать на два фронта. Неужели вы ждете чего-то иного?

Человек задумчиво пожал плечами:

— Не знаю. Сомневаюсь. Ты мог бы оценить вероятность тотальной войны?

— Слишком много неучтенных параметров, но вероятность того, что у вас что-нибудь получится, около десяти процентов.

— Десять процентов, — с тяжелым вздохом повторил человек. — Мне кажется, что наш план сработает. Разбуди меня, когда придет ответ. — Он помолчал. — В любом случае не похоже, что ты получишь приказ убить меня.

Компьютер ничего не ответил. Потребовалось почти пять часов, прежде чем в верхах достигли определенного

согласия; учитывая невообразимую сложность Конфедерации и ее бюрократическую машину, подобную скорость можно было назвать фантастической.

— Мы в состоянии организовать визуальную связь, — сообщил командор Крег. Они наверняка перехватывают и расшифровывают любые сообщения, так что я решил выходить в эфир открыто.

Человек кивнул:

— Альтавар будет настаивать на какой-нибудь Тму-таракани. Я попытаюсь всеми силами тянуть время, пока не прибудет флот. Но мне нужна по крайней мере одна надежно засекреченная линия связи; пока я уверен только в отношении этого канала. Компьютер сообщил, что я смогу передавать информацию в модуль из любой точки Ромба, а он сделает все остальное. Совет властителей тоже настаивает на открытом и визуальном общении. Когда я получу какие-нибудь гарантии, то немедленно сообщу вам, а там вы уже будете непосредственно контактировать с властями.

— Согласен. Но ты же знаешь, что на Ромбе можно застрять до скончания века.

— Я в это не верю. Микроорганизмы Вардена уже достаточно хорошо изучены, и сейчас их можно держать под контролем. Но все это не важно. Положение ужасное, и, если предстоит сделать выбор между уничтожением Конфедерации и моей личной гибелью, я, конечно же, выбираю последнее. Меня, командор, это вполне устраивает.

Царству преступников в любом случае пора уже положить конец.

Отключив связь, человек повернулся в кресле.

— Свяжи меня с Морахом; он на борту орбитальной станции Лилит.

Всего через несколько минут на экране появилось мрачное, таинственное лицо шефа безопасности.

— Вы на грани капитуляции, — сразу же заявил тот.

— Не торопите события. Еще многое предстоит обговорить. — И агент кратко изложил Мораху свои предложения о переговорах Конфедерации с Советом Ромба.

Морах ненадолго задумался:

— Вы пытаетесь тянуть время до прибытия флота?

— Ни в малейшей степени. Наши силы уже несколько недель всего в паре дней пути от Ромба. Однако уверен, что Совет сдержит свое слово — по крайней мере на время переговоров. Мне кажется, это и в интересах Альтавар, так как мы уже обладаем определенным преимуществом — наш флот развернут и приведен в полную боевую готовность.

Морах некоторое время раздумывал, затем с отсутствующим видом кивнул головой:

— Хорошо. Но любая попытка атаковать Ромб Вардена будет немедленно подавлена. Вы понимаете?

— Да. Назовите время и место.

— Буджум — это седьмой спутник Момрата. Там размещен наш многоцелевой центр управления. Вы можете прибыть туда завтра к 16.00 по земному времени?

— Да. Я захвачу все необходимые коды. Но я хотел бы, чтобы на переговорах присутствовали представители Ромба Вардена.

— Вот как? Кто именно?

— Во-первых, Совет настаивает, чтобы мистер Альтавар поручил это тем, кому доверяет. Во-вторых, я не очень хорошо разбираюсь в нынешней политической ситуации на Ромбе. Кто должен представлять Харон?

— Я как исполняющий обязанности властителя Харона, — ответил Морах. — От Лилит будет Герцог Кобе, а от остальных — оставшиеся властители.

— Я требую присутствия психиатра Думониса с Цербера.

— Кто это?

— Некоронованный властитель Цербера. Но ни вы, ни Лару об этом даже не догадываетесь. В его руках Лару всего лишь жалкая марионетка. — Агент с удовольст-

вием подумал, какое потрясение, очевидно, испытал Морах от этих слов. Один — ноль. Теперь он начнет сомневаться буквально во всем. — Еще я хотел бы видеть Парка Лакоша с Харона, Кола Тремона с Лилит и Квин Занг — с Цербера.

Мораха развеселила эта просьба.

— Вот как? — усмехнулся он. — И на чьей же стороне они будут?

— На стороне здравого смысла, — ответил агент. — В любом случае вы возьмете с собой Лакоша, так почему бы не прихватить и остальных? Кто лучше оценит мою искренность?

— Хорошо. Я распоряжусь.

— Надеюсь, вас не удивляет, что я не настаиваю на том, чтобы от Медузы был кто-то еще, кроме Упсира.

Морах слегка кашлянул. Он явно почувствовал неловкость.

— Нам известно, что произошло на Медузе. Упсир до сих пор шальной от радости и гордости. Это умнейший, безжалостный, но, к сожалению, на редкость отвратительный человек — он один из тех, кто в свое время настроил всех против Конфедерации. — Морах задумчиво нахмурился. — Вам неизбежно придется столкнуться с Упсиром и с его... э-э-э... новой игрушкой... Полагаю, мы не станем свидетелями вендетты? По крайней мере во время переговоров?

— Вендетта подождет. Предмет переговоров слишком важен, чтобы предаваться мщению в настоящий момент.

Морах в упор взглянул на собеседника колпочими, немигающими глазами.

— У меня такое впечатление, будто вы чего-то не договариваете, — признался он.

Человек на борту патрульного корабля слегка улыбнулся:

— Морах, если не секрет, расскажите, откуда у вас такие необыкновенные глаза.

Морах помолчал:

— Я слишком часто поднимался на Гору.

К Момрату агента должна была доставить автоматическая шлюпка. Затем ей надлежало вернуться обратно и пройти процедуру полного обеззараживания. Позднее, заверили человека, если все завершится нормально, она заберет его на патрульный корабль. С удивлением он обнаружил, что неохотно покидает модуль, который еще сутки назад казался ему могилой.

— Мы будем поддерживать с вами постоянный контакт, — заверил компьютер.

Он молча кивнул, проверяя содержимое маленькой багажной сумки, которую предстояло взять с собой.

— Вы не ответите на один вопрос? — неожиданно произнес компьютер.

— Валяй.

— Откуда вы узнали, что военная флотилия всего в двух днях пути от Ромба? Я-то об этом, конечно же, знал, но вы не были осведомлены. Как вы пришли к правильному выводу?

— А никак, — весело признался человек. — Блефовал.

— О-о-о.

На сей раз он покинул модуль без всяких затруднений. Пройдя через множество палуб, он вышел на терминал патрульных шлюпок. Предназначенный для него аппарат не отличался комфортом, однако развивал огромную скорость и мог в течение сотых долей секунды перейти в подпространство, а затем столь же неожиданно вернуться. В такой шлюпке полет до Ромба занял бы самое большее двадцать пять часов. На мгновение человек почувствовал странную опустошенность. Наступила кульминация затянувшегося сражения, и теперь малейшая опшибка могла повлечь гибель всего и вся. Поражение на Медузе и лишь случайный успех миссии на Лилит и Хароне всерьез беспокоили агента. Его бывшая абсолютная самоуверенность здорово пошатнулась, хотя он и понимал, что в обозримом прошлом не было человека, которому волею судеб досталась столь тяжкая ноша.

И по-прежнему тревожили сделанные выводы и заключения. Слишком удачным и обоснованным оказалось решение запутанной загадки; пришельцы в его интерпретации подозрительно смахивали на людей, и это само по себе настораживало — жизнь всегда гораздо сложнее изящных теорий.

С этими мыслями человек заснул, а когда спустя девять часов проснулся, в голове смутно забрезжила догадка. Животные и растения. Ну конечно! Они чересчур похожи на двуполые и бесполое формы, и так как явно не специально созданы для попавших на планеты людей, то должны выражать основные особенности мышления Альтавар. Как бы причудливо он ни выглядел, как бы ни отличались его эволюционные предки от порядков человека, биологическое развитие и тех, и других наверняка протекало в сходных условиях. И теперь он почувствовал, что сильно заблуждался насчет того, какая планета подходит пришельцам.

Человек потянулся к пульту и с максимальным увеличением вывел на один из экранов картинку планеты Ромба Вардена, в конфигурации которых теперь не было и отдаленного намека на ромб. На таком расстоянии поверхность угадывалась в самых общих чертах. Эти странные, необычные, экзотичные планеты... И такие враждебные...

НО ЕСЛИ ОН ПРАВ, ПОЧЕМУ ЖЕ ПРИШЕЛЬЦЫ ДОПУСТИЛИ ДАЛЬНЕЙШИЙ РОСТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КОЛОНИЙ? ВЕДЬ ЭТО ЖЕ МИЛЛИОНЫ ЛЮДЕЙ?

Вопросы не давали агенту покоя. Долгие годы краеугольным камнем его веры была Конфедерация. Именно ради нее он четыре раза прошел через ад. Властители Ромба по-прежнему не вызывали у него восхищения, как, собственно, и построенные ими социальные системы; но теперь он понял, что принципиальных отличий между Ромбом и Конфедерацией нет. Так убежденный атеист, попав в огромный пустынный собор, ис-

крenne восхищается мастерством и талантом зодчих, но отнюдь не целами, ради которых строился храм.

Он все больше отождествлял себя с Марексом Криганом, который наверняка прошел через подобные душевные муки. Роль странствующего миссионера служила ему не просто маскировкой, скорее он видел в этом тонкий намек на тщетность вечных усилий человечества построить общество, которое служило бы людям, а не наоборот. Сколько же тысяч, десятков тысяч лет ушло на бесплодные попытки? Сколько же миллионов превратилось в рабов своих собственных иллюзий? Сколько продолжает добросовестно заблуждаться даже сейчас?..

Некогда шестьдесят процентов граждан отвергало социум, в котором вынуждено было жить, но только двенадцать процентов верило в возможность более справедливого общественного устройства, за которое стоит бороться. Теперь, окидывая пройденный человечеством путь, странные поступки огромных социальных групп трудно назвать чем-то из ряда вон выходящим. Люди мучительно стремились к крайностям, ибо надежда перестала согревать их с тех пор, как была утрачена вера, отчаяние казалось наиболее естественным состоянием, и общество неудержимо катилось в пропасть.

Он до боли припечатал кулаком по твердому покрытию стола. «Тарин Бул» пал духом и отчаялся, хотя умер со смутной надеждой. Квин Занг поставила на карту все, но в итоге победила. Парк Лакош отказался от спокойной и обеспеченной жизни, поняв, что нужен другим. Кола Тремона использовали в своих целях и предавали все кому не лень, однако он не унывал даже в самых немислимых ситуациях.

Четыре человека, четыре яркие индивидуальности. Каждый — его слепок. Благодаря им он осознал нечто чрезвычайно ценное, чему Конфедерация и не думала обучать его. И теперь наступал его черед.

Огромный диск Момрата давно уже заполнил передний экран, и человек зачарованно наблюдал, как изо-

бражение медленно расползается по мере приближения к планете. Газовые гиганты с их удивительными кольцевыми структурами — величественное и незабываемое зрелище. Два спутника Момрата по размерам превосходили любую из планет Ромба Вардена, однако намеченная встреча планировалась на маленьком холодном Буджуме. Именно Момрат оставался единственным местом в системе, где агент еще не был. Ну что же, скоро и этот пробел будет восполнен.

Он опустился в мягкое кресло и погрузился в размышления.

Эскадрилья особого назначения «Дельта» состояла из четырех боевых платформ, каждую из которых защищали сильнейшие группировки тактических единиц. Большинство из них были беспилотными; войны в эту эпоху представляли собой, как правило, поединки между дистанционно управляемыми войсковыми объединениями. Находясь в глубоком тылу, командующий ставил перед управляющими компьютерами задачи и назначал цели, оставляя на них всю рутинную тактическую работу.

Модули могли действовать лишь комплексно. Их огневая мощь позволяла уничтожать города, стирать с лица планеты горные массивы и даже избирательно убивать все живое. С их помощью можно было выжечь или разломить планету на части.

Каждая из планет могла с легкостью превратить целую планетную систему в туманность и даже уничтожить центральную звезду. Конфедерация располагала только шестью такими платформами и теперь спешно перебрасывала в окрестности Ромба Вардена четыре из них. Подобной концентрации техники история Конфедерации еще не знала.

Оборонительное объединение состояло из пятидесяти кораблей, называемых «крейсерами» — в память о древних морских судах. Их боевые порядки совпадали с порядком ударной группировки. Ее структура включала в

себя сотни катеров-разведчиков, зондов и истребителей, которые, как правило, управлялись с базового крейсера, а в случае его уничтожения — с других крейсеров или боевых платформ. Этого было вполне достаточно: объединенная неслыханная огневая мощь ударной эскадрильи и множества мобильных крейсеров обеспечивала успешную высадку десанта. Десантникам, действовавшим на поле брани в индивидуальных боевых машинах, по силам было захватить или уничтожить крупный город, даже защищенный лазерными пушками.

Теоретически эскадрилья особого назначения была неуязвима. Единственное «но» — она ни разу не прошла боевого крещения — уже не одно столетие войска Конфедерации выполняли сугубо полицейские функции.

В половине светового года от Ромба Вардена крейсер выпустил четыре разведчика — по одному на каждую планету. Сразу после старта они нырнули в подпространство, случайным образом перемещаясь в нем и возвращаясь на считанные мгновения для определения своего положения. Разведчики были беспилотными, и все путешествие заняло менее часа.

Люди с непроницаемыми лицами, рожденные и воспитанные специально для войн, находились в центре боевых порядков, наблюдая за поступавшими с разведчиков данными: по бесчисленным мониторам нескончаемым потоком бежали колонки цифр. Но это была лишь мизерная часть тех сведений, которые поглощал главный компьютер вооруженных сил.

Четыре небольших стальных устройства темно-синего цвета приблизились к заданным планетам и вышли на близкие орбиты. Их вооружение состояло из мощных защитных экранов и всевозможнейшего оборудования для перехвата информации. Они представляли собой передовой рубеж Конфедерации.

— Между планетами Ромба зарегистрирован аномальный поток энергии, — сообщил компьютер. —

Зонды докладывают перехват сканирующего излучения необычного диапазона.

— Отлично, — отозвался адмирал. — Сократить дистанцию. Включить все камеры визуального наблюдения. Приступить к маневрам.

Приказ был мгновенно выполнен. Теперь оставалось выяснить реальные возможности противника.

Они превзошли все ожидания. Никакие ухищрения не позволили зондам уйти от странного излучения. Не помогли даже защитные экраны.

Когда зонды вышли на орбиты станций Четырех Властителей, поток разведанных внезапно прервался. Наблюдатели прильнули к экранам, забарабанили по кнопкам, но тщетно. Все зонды были уничтожены. Одновременно.

Внимательный просмотр последней поступившей информации не дал ничего, и анализ ее поручили компьютеру. Только он мог смоделировать ситуацию. Компьютер сообщил, что разведчиков уничтожил мощный электрический пучок, очень похожий на обычную молнию, но чудовищной энергии — это выходило за рамки известных представлений. Он мгновенно появился из нижних слоев атмосферы — возможно, даже с поверхности.

Командующий эскадрилей специального назначения вздохнул и покачал головой:

— Ну что ж, теперь ясно, что нас ждет.

Через пять секунд после гибели зондов-разведчиков в системе Ромба Вардена не осталось ни одного спутника, запущенного Конфедерацией. Теперь противников связывал только один информационный канал.

4

Человек с удовольствием отметил, что невысокие горы не заслоняют горизонт и отовсюду открывается чудесный вид, освещаемый огромным разноцветным дис-

ком Момрата, заполнившим небо Буджума. В его свете маленький зонд в пустом доке сливался с пустынным пейзажем, окрашенным в желтые, голубые и красноватые тона.

Надев скафандр, он разгерметизировал кабину и подождал, пока световой транспарант не разрешит открыть внешний люк. Док строился для огромных угловатых грузовиков, а не крошечных транспортных капсул, так что шлюзовая камера располагалась слишком высоко и пристыковаться к ней было невозможно. В дальнем углу тускло поблескивали два стандартных челнока, но ни одного корабля неизвестной конструкции агент не обнаружил. Либо Альтавар еще не прибыл, либо он использовал другие, не столь очевидные способы передвижения.

Как только человек спустился в ангар, из ниши в дальней стене выкатился портовый буксир. Он зажал капсулу огромными штангами-захватами и устремился во внутреннее помещение. Человек с недоумением подумал, что предупреждал Мораха об автоматическом возвращении капсулы к патрульному кораблю, но потом выбросил это из головы. Какой толк возиться с небольшой шлюпкой, если твои шпионы оказались некомпетентны? Не могут же от него ждать всего сразу.

Над входом в шлюзовую камеру зажегся зеленый огонек, и человек вошел внутрь. Ему уже приходилось встречаться с подобным шлюзом в космическом дворце Таланта Упсира. Он был точно таким же, включая и странные проекторы под потолком.

В следующую минуту камера заполнилась энергетическим полем, а несколько мгновений спустя оно так же внезапно исчезло, не причинив человеку никакого вреда. Он даже не почувствовал ничего необычного и теперь терялся в догадках. Что это — обычная мера предосторожности? А если процедура обеззараживания, то логичнее провести ее, когда он снимет скафандр.

Выйдя из шлюза, человек оказался в большой раздевалке. Быстро освободившись от скафандра, он вытащил из сумки ботинки на толстой резиновой подошве и обычные брюки с рубашкой. Проверив небольшой передатчик, он бросил его в сумку и, покинув раздевалку, спустился к лифту. Сила притяжения была немного меньше обычной. Наверняка на станции существовало искусственное гравитационное поле.

Опустившись на третий из восьми уровней, лифт остановился, и створки бесшумно разъехались в стороны. За ними стоял Ятек Морах в блестящей черной форме, дополненной эффектным головным убором.

Агент представлял себе Мораха очень крупным и теперь с удивлением обнаружил, что они примерно одинаковой комплекции. Но взгляд его и в самом деле был весьма тяжелым.

Человек вышел из лифта, но не подал руки Мораху.

— Итак, — полувопросительно произнес он.

— Добро пожаловать в Буджум, — дружелюбно сказал Морах. — Странное имечко для планеты, не правда ли? Будто из сборника фантастики для школьников. — Он помолчал несколько секунд. — Кстати, об именах — как мне величать вас?

Человек неопределенно пожал плечами:

— Называйте меня мистер Кэрролл. В нашей ситуации такой персонаж как нельзя кстати.

— Отлично. — Шеф Службы безопасности пропустил иронию мимо ушей. — Позвольте предложить вам небольшую экскурсию. В принципе база невелика — все-таки это колония шахтеров, а не фешенебельный курорт. Наверное, вам интересно узнать, почему при входе вам устроили настоящий душ из энергетического поля. Микроорганизмы Вардена, которых здесь больше, чем пыли на поверхности планеты, теперь совершенно не будут на вас реагировать.

— Как все просто, — с облегчением произнес агент. — А я-то ломал голову...

Первым делом они зашли в отведенную для гостя комнату — прямоугольное помещение раза в три меньше его модуля на патрульном крейсере. Он не хотел оставлять сумку, но потом передумал и бросил ее на кровать.

— Предупредите ваших людей, чтобы не трогали без моего разрешения, — попросил он Мораха.

— Формально Буджум принадлежит Упсиру, но всем заправляю я, — заверил Ятек. — Ваш статус точнее всего определяется как дипломатическая неприкосновенность. Вы — и все ваши личные вещи — находитесь под моим покровительством и защитой. Другие участники переговоров разместятся в кубрике, где обычно проживают рабочие. Думаю, это придется им не по вкусу, но более или менее пристойные апартаменты здесь только у властителя.

— Ничего страшного, — ответил гость. — Бывало и хуже.

В маленьком зале между каютами и кубриком стоял большой стол с удобными креслами.

— Здесь будут проходить переговоры, — пояснил Морах. — И здесь же, боюсь, нам придется обедать. Но за качество пищи ручаюсь — ее будет готовить личный повар Упсира.

В «зале заседаний» сидели трое и, когда Морах со спутником вошли, обернулись и уставились на незнакомца. Один, казалось, вот-вот упадет без чувств.

— Вы! — задохнулся он.

— Человек усмехнулся:

— Привет, Занг! Тебя даже не предупредили. — Он повернулся к остальным. — Доктор, рад встрече с вами. Хочу поблагодарить вас за неоценимую помощь. — Думонис слегка поклонился и пожал плечами.

Рядом с Думонисом стоял высокий сухопарый блондин неопределенного возраста. Одно о нем можно было сказать наверняка: он с Медузы.

— С кем имею честь?

— Хэйвел Канцер, Главный администратор Медузы. Человек обменялся с ним сердечным рукопожатием.

— Мне **ОЧЕНЬ** приятно, что вы здесь, — добавил он. — Я много слышал о вас. — Затем он повернулся к Зангу, который уже справился с потрясением. — Как настроение — пристрелить меня или вместе выпить?

— А вы на что рассчитывали? — едко ответил тот. — Спросите-ка лучше остальных.

— А где они?

— Все уже здесь, — ответил за Квина Морах. — Если вы не против, займемся делами после обеда.

— А Альтавар?

— Двумя этажами ниже. Они смердят, как полуразложившаяся падаль, а привычные для нас запахи тоже оскорбляют их обоняние. Поэтому мы вынуждены работать в раздельных помещениях. Конечно, я могу вас и познакомить, но ради взаимного комфорта лучше общаться на расстоянии. Почувствовав это зловоние, вы полностью согласитесь со мной.

Человек усмехнулся:

— Отлично. По поводу дистанционного общения не возражаю, но я хотел бы лично убедиться в их присутствии. Иначе Совет мне не поверит.

— Понятно. А теперь прошу сюда.

Они вошли в огромное помещение, напоминающее барак. Несколько человек, которые разговаривали, читали или писали что-то, как по команде обернулись и уставились на вошедших. От агента не ускользнуло, что кое-кто удивился ничуть не меньше, чем Квин Занг. Один из них, Кол Тремон, был поражен настолько, что, вскочив с нижней двухъярусной кровати, больно ударился головой о верхнюю.

— Тремон и Лакош, как вам, очевидно, известно, — любезно пояснил Морах. — Остальные либо так или иначе вовлечены в наши дела, либо состоят советниками при властителях, как Канцер. Все средства связи, а

также дополнительная комната находятся этажом ниже. У нас все готово, мистер Кэрролл.

У Тремона и Лакоша брови поползли на лоб.

— Мистер КТО? — пробормотал Лакош, но не стал настаивать на объяснениях и жестом указал на стоявших неподалеку женщин.

— Дарва и Дилан. Рад встрече.

Обе они озадаченно посмотрели на незнакомца; тот, в свою очередь, повернулся к Тремону:

— А где же Ти?

— Выходит, эта штука работала! — потрясенно воскликнул Кол.

— И гораздо лучше, чем ты думаешь, — мягко ответил человек и взглянул на Мораха. — Я передам вашим техникам необходимые коды. Совет должен убедиться, что я благополучно прибыл, и установить время начала переговоров. Затем я хотел бы наедине встретиться со своими двойниками, а потом — лично с доктором Думонисом. А после этого, Морах, я все же надеюсь, что вы проводите меня к Альтавару. Там, глядишь, и начнем...

Мораха это заметно обескуражило.

— Э-э-э, — произнес он, — я настоятельно рекомендую пообедать ДО свидания с Альтаваром. Властитель Упсир пригласил вас откусать в его личных апартаментах. Если, конечно, вы согласны, — добавил после секундной паузы.

— Он все знает обо мне? — поразмыслив, поинтересовался человек.

— Нет. Наверное... Я не стал его подробно информировать. Повторяю, здесь хозяин я.

— Благодарю вас. Вы очень предусмотрительны. Пожалуй, стоит принять приглашение. И не беспокойтесь — я буду паинькой.

Подумав немного, Морах решительно кивнул:

— Отлично. Я передам ему. Сейчас... сейчас у нас 17.20. Дайте мне кодировки, и мы все организуем... ска-

жем, в 19.00, согласны? После этого вы отобедаете с Упсиром, а завтра утром встретитесь с Альтаваром. Не назначить ли нам первый раунд переговоров, скажем, на 10.00? В этом случае у Совета будет достаточно времени, а мои люди предоставят возможность Совету и Альтавару полюбоваться друг другом. Как вам такой план?

— Замечательно, — кивнул человек и повернулся к своим двойникам. — Вы не хотите выбраться отсюда со мной? Разумеется, с дамами, если желаете.

Они пристально изучали друг друга. Тремон оказался огромным мускулистым мужчиной — точно таким, каким он запомнил его. В Лакоше так и осталось что-то от рептилии, в том числе хвост. Занг обладал телом мужчины с цивилизованной планеты и очень смахивал на самого агента в юности. Человек с любопытством отметил, что ни тот, ни другой не взяли с собой своих дам.

— Думаю, все наши разговоры обязательно будут прослушиваться, поэтому не скажу ничего, о чем не должен узнать Морах, — начал он. — Как вы понимаете, я был по очереди каждым из вас. Мы хорошо узнали друг друга, не так ли?

Всех троих переполняли одинаковые чувства. Они с трудом удерживались от того, чтобы не заговорить всем сразу, и зачастую один мог закончить фразу, начатую другим.

Человек терпеливо ждал, пока бурные проявления эмоций поутихнут. Занг откровенно признался, почему не хотел, чтобы здесь присутствовала Дилан.

— Черт возьми, — горячился он, — ты же был с нами даже в постели. Ей невозможно это объяснить.

— И не надо, — согласился агент, — перейдем к делу. В настоящий момент все мы совершенно независимые личности. Меня зовут мистер Кэрролл — надеюсь, вы понимаете почему. Итак, Кэрролл, Тремон, Лакош и Занг. Как бы покороче объяснить взаимоотношения?

— Квадридулет, — в один голос заявила троица.

— Годится, — одобрил человек. — К тому же это правда. Вы хорошо представляете себе ситуацию?

Все трое дружно кивнули, но все-таки он счел нужным кое-что объяснить подробнее. Его приятно удивило, что эмоции сразу же отошли на второй план, и они вчетвером принялись работать быстро и четко. В конце концов Лакош задал вопрос, который никто не решался задать:

— Где наш собрат с Медузы?

Человек тяжело вздохнул:

— Три попадания в цель, одна неудача. Для столь сложного задания — результат великолепный.

— Он погиб?

— Да, погиб, — вздохнул человек. — Но передал поистине бесценные сведения. Черт возьми, меня до сих пор не оставляет чувство вины. После твоего доклада, Лакош, я уже почти сел на хвост. Если бы я в тот же миг направился на Медузу, он вполне мог остаться в живых. Я немного опоздал.

Тремон легонько присвистнул.

— Знаешь, — сказал он, — мы ненавидели тебя за слабохарактерность — вплоть до сегодняшнего дня. — Все утвердительно кивнули. — Но когда ты так неожиданно появился среди этого дерьма, я подумал, что мы еще легко отделались. Мы полноценные свободные люди и пока живем собственной жизнью. Ты же не получил взамен ничего, а пережил в четыре раза больше, чем любой из нас.

— К тому же ты действительно переродился, — добавил Лакош. — Мы все это чувствуем. Каждый из нас тоже здорово изменился, но тебе пришлось куда труднее — такой груз не всякий сумеет вынести. Поэтому ты и устроил нашу встречу, да?

Человек усмехнулся:

— В некотором смысле. Без этого свидания и разговора мы не смогли бы обрести полную самостоятельность. В первую очередь это относится ко мне. Если наш замысел удастся, то мы будем великолепно рабо-

тать вчетвером... как братья. А если нет — что ж, кто не рискует, тот не пирует.

Воцарилось молчание.

— Совет никогда не пойдет на честную и открытую сделку, — прервал затянувшуюся паузу Кол Тремон. — Ты сам знаешь.

— До сих пор такого не бывало, — вздохнул агент. — Все заканчивалось кровопролитием. Завтра мне предстоит решить сложнейшую задачу в жизни, а вы — единственные, кто понимает меня и верит в мою преданность.

— Да, — дружно подтвердили двойники. На этом беседа завершилась и в комнату вошел Думонис. Маленький человечек в уродливых очках, даже не пытался скрыть свое превосходство и уверенность, но оказался весьма любопытным.

— Вы действительно их подлинник? — сразу же поинтересовался он.

— Да. Если подлинник — уместное в данном случае слово. К тому же, доктор, я испытал то же, что и каждый из них по отдельности, и совершенно естественно — без этих милых шуточек современной психиатрии. Но расскажите, как вам удалось стереть память о себе из мозга Квина Занга? Я считал, что проделать такое со мной попросту невозможно.

Думонис радостно улыбнулся:

— А кто, по-вашему, разработал все эти методы, о которых вы упомянули с таким сарказмом?

— Мне бы хотелось, чтобы вы задержались здесь еще на пару дней. Полагаю, это вы стояли за спиной проекта «Оппозиция»?

Доктор кивнул.

— И зачем я вам так срочно понадобился? — спросил он.

Человек в двух словах обрисовал ему ситуацию.

— Каков ваш долгосрочный прогноз? — спросил он.

— Ну что же... Джордаш, конечно, талантлив, хотя это слабое утешение, а склад вашего ума — лучшая га-

рантия успеха; но все же я советую вам считать, что Бул мертв — и мертв необратимо. Мне понятны ваши угрызения совести, но я хорошо знаю Упсира. Для него не секрет, кем вы приходитесь Булу и Бул — вам, и именно поэтому он пригласил вас на обед. Если вы хоть раз обращались к кому-нибудь с просьбой, он решит, что и на сей раз заставит вас умолять. Во всем мире для Упсира существует только одно живое существо — он сам; все остальные — либо орудия в его руках, либо враги. Противникам — как, впрочем, и себе — он постоянно доказывает собственное превосходство. Сейчас вы олицетворяете его врага — Конфедерацию. Я бы советовал отказаться от сегодняшней трапезы.

— Почему? Вы думаете, он сведет со мной счеты?

— Он не настолько глуп. Но если вы в глубине души не примиритесь с тем, что Тарин Бул мертв и перед вами совершенно иной человек, которого вы прежде ни разу не встречали, — вот тогда вас ждет ужасная пытка. Перестаньте мучить себя — вы ни в чем не виноваты. Не в ваших силах было предотвратить неизбежное.

— Учту, — кивнул агент. — И как, по-вашему, мне себя вести?

— Поймите! — с неожиданной злобой произнес психолог. — В данный момент вы даже не воплощенная Конфедерация. Вы сейчас — все человечество, как и весь Ромб Вардена! Этот пост независимо от вашего желания сделает вас таким же чужим для нас, как Альтавар! Вы обязаны подавить в себе все гуманное, человеческое, личное — на время переговоров. Если вам это не удастся — все пропало.

Человек кивнул и вымученно улыбнулся:

— Вы понимаете проблему так, как я и предполагал.

— Мне известно все, что известно Лару, а этого более чем достаточно. Полагаю, вы тоже знаете немало — иначе бы вас здесь не было. Если я ошибаюсь, тогда вам остается уповать только на Господа.

— Ну что же, — тяжело вздохнул человек, — я не претендую на то, чтобы узнать ответы на все вопросы — хотя бы на некоторые. Но именно вы, доктор, убедили меня отужинать с Талантом Упсиром.

— Да?

— Если мне не удастся победить его эгоцентризм, на что же надеяться завтра?

5

После тесных клетушек личные покои Упсира поражали размерами. Подобные дворцы наверняка имелись на всех спутниках, принадлежащих властителю Медузы.

Из боковой комнаты доносились голоса: там его уже ждали, и агент сразу же выделил новые лица. Высокий представительный мужчина с белыми как снег волосами — Герцог Кобе, недавно ставший властителем Лилит. Лару, крепкий мужчина с красивыми и мужественными чертами лица, тоже был здесь, и его искусственное тело ничем не отличалось от человеческого. Присутствовал тут и Морах — в качестве представителя Харона. Агент решил при случае поинтересоваться, что же случилось с милой малышкой — убийцей Ятека.

В этой разношерстной компании безраздельно царил импозантный мужчина с внешностью типичного жителя цивилизованной планеты с невероятной огненно-рыжей шевелюрой, шаловливо бегающими глазами и улыбочным, чувственным ртом. В его костюме причудливо сочетались черное с золотым. Это был сам Талант Упсир.

Его окружали четыре чрезвычайно скудно одетые девушки необыкновенной красоты. Столы с многочисленными изысканными закусками сверкали хрустальными гранями бокалов. Лица присутствующих выражали полное счастье и удовлетворение. Девушки Радости с восторгом выполняли свою работу. Агент лениво подумал, всегда ли они находятся здесь, в ожидании чрез-

вычайно редких визитов своего владельца, или же входят в свиту, с которой тот путешествует.

Заметив его, властитель Медузы улыбнулся заученной улыбкой прожженного политика и поспешил навстречу, протягивая руку.

— О! Добро пожаловать! Так вот он, этот Спаситель Вселенной! — Развязные манеры и саркастический тон безошибочно выдавали в нем привыкшего к веселым сборищам гуляку, специалиста по лицемерным поцелуям, плута, у которого всегда есть что-то в запасе. Он слегка поманил пальцем, и рядом с ним моментально возникла Девушка Радости.

— Принеси э-э-э, мистеру Кэрроллу, если не ошибаюсь? — мистеру Кэрроллу ХОМАУ и наши сырные колбаски.

Спустя несколько мгновений девушка появилась вновь. Человек пригубил из большого бокала и попробовал коронное блюдо хозяина. Напиток был не совсем в его вкусе — типичная смесь харонианских фруктов и спирта, — но закуска оказалась превосходной.

Упсир завязал бессодержательный светский разговор, и агент непринужденно поддержал его. Чувство негодования и испепеляющей ненависти ничуть не угасло, но он владел собой: ему не раз доводилось общаться с законченными подонками, и он выработал иммунитет.

Гости были под стать хозяину. Лару в свое время считался признанным главой преступного мира на доброй дюжине планет; Морах руководил научными исследованиями подпольного уголовного братства, которые включали также и работы по созданию Девушек Радости. Кобе, посвятивший молодые годы роботехнике и компьютерным системам безопасности, собственноручно выкрал больше величайших произведений искусства, чем любой бандит. Человек проникся неожиданной симпатией к этим закоренелым уголовникам, чья карьера основывалась на пренебрежении к ценностям, которыми теперь пришлось поступиться и ему самому, к преступникам, ко-

торым хватало здравомыслия жить в реальном мире с реальными, а не надуманными проблемами.

В этом сборище лишь Талант Упсир надеялся, что все попытки остановить надвигающуюся угрозу войны потерпят крах. Объяснить эту странность мог только опытный психолог вроде Думониса. Упсир болезненно желал гибели Конфедерации, а вместе с ней и всего человечества. При этом он несколько не сомневался, что чаша сия минует лично его, и воспринимал Альтавар лишь как оружие в борьбе со своими врагами.

Упсир поднял палец и широко улыбнулся, словно дружески и шутливо настроенный политик, и только ледяные глаза выдавали его истинную сущность.

— Подождите-ка! — весело произнес он. — Я хочу продемонстрировать вам свои сокровища! — С этими словами он выскользнул из комнаты.

Послышались оживленные перешептывания. Казалось, присутствующие знали о готовящемся спектакле. Но когда Талант Упсир вернулся, их взоры — и в особенности пронизывающие и обжигающие, как лед, глаза Мораха — устремились не на него, а на представителя Конфедерации. Для Упсира это была прекрасная, утонченная пытка; для других — проверка самообладания и решительности новичка. Агент прекрасно понимал, что, стоит ему спастись, и завтра не наступит для него никогда.

Девушка была почти бесчеловечна в своей дикой, чувственной красоте, далеко превосходящей те жалкие наброски, которые он однажды видел в кабинете Фэллон. Похотливые мысли бурей пронеслись у него в голове, и именно это, как он понял позднее, спасло его.

ДУМАЙ О НЕЙ, КАК О СОВЕРШЕННО НЕЗНАКОМОМ ЧЕЛОВЕКЕ, С КОТОРЫМ НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ВСТРЕТИШЬСЯ.

Это оказалось гораздо проще, чем он предполагал.

Она вползла на четвереньках, повинаясь движениям тонкого изящного поводка из чистого золота, которым игрывал Упсир; на его лице отразилось полное, три-

умфальное самодовольство. Он был на вершине блаженства: утер нос всему миру, то есть Конфедерации, и умудрился обскакать остальных властителей. У МЕНЯ ЕСТЬ ТО, ЧЕГО ВАМ НИКОГДА НЕ ВИДАТЬ.

Упсир с девушкой остановились на пороге. Она грациозно изогнулась и слегка приподнялась на руке и скрещенных ногах. Ее огромные зеленые глаза смотрели на остолебеневших присутствующих плотноядно и одновременно с холодной звериной жестокостью.

Она воплощала все профессиональные достоинства лучших порнозвезд. Да и задумывалась только с целью вызвать слепящую зависть и похоть у всякого, кто опрометчиво бросит на нее взгляд. Она бесстрастно уставилась на агента, и только интуитивно можно было почувствовать, что когда-то она была совсем иной.

Упсир слегка наклонился и с гордостью поглядел на нее.

— Скажи-ка, как тебя зовут, — произнес он слащавым голосом, словно беседовал с ребенком или домашним животным.

— Я — Ослица Уби, — промурлыкала она. — Плоха-а-ая Ослица.

— Почему тебя зовут Уби?

— Поо-о-о-тому, что Ослица Уби была Убийцей. Мечтала убить своего Хозяина.

Агент полностью владел собой и краешком глаза видел, что остальные напряженно наблюдают за его реакцией.

— А что случилось с тобой потом?

— Хозяин так мил. Хозяин так мудр и великодушен. Он не убил Ослицу и не причинил ей зла. Ослица полюбила его и превратилась в милую Уби.

Подобная сцена могла родиться только в совершенно развращенном мозгу, но тем не менее агент заинтересовался. Если Упсир так много рассказывал ей о прошлом, как же она представляет свое собственное? Этого недостаточно, чтобы к ней вернулось самосознание, но

замысел властителя был как на ладони — УПСИР ХОТЕЛ, ЧТОБЫ ОНА ЗНАЛА.

— Кем ты была прежде?

Девушка сконфузилась:

— Уби не помнит, что было прежде, да и не хочет.

— А сейчас ты счастлива, Ослица?

— ДА!!!

— Ты бы хотела стать кем-нибудь еще?

— Нет, нет, НЕТ!!! Уби хочет быть просто Ослицей Уби. В этом ее счастье.

В этот момент Упсир пристально взглянул на своего противника:

— Это ваш бывший агент.

— Искусно сделано, — сухо ответил человек, лениво потягивая напиток. — И не без вкуса. Вы подали нам прекрасную идею, властитель Упсир, — жаль, что никто не додумался раньше. Следовало превратить вас в пышнотелую потаскушку, а не ссылая на Медузу.

Лицо Таланта Упсира потемнело. Казалось, вот-вот маска добродушного политика сменится злобным оскалом демона.

С уст посланца Конфедерации рвались убийственные реплики, но осторожное прикосновение Мораха отрезвило его. Сейчас имело значение только дело, ради которого все собрались сейчас, однако у него возникло горячее желание отомстить Таланту Упсиру — причем тем же способом, столь популярным на Медузе.

Только минуту спустя самообладание вернулось к властителю. Теперь посланник Конфедерации полностью уверился в собственных силах. И хотя никогда не верил в Бога, воочию убедился в существовании Дьявола.

Ужин прошел несколько скомканно, атмосфера оставалась напряженной; однако человек почувствовал, что не только Морах, но и другие властители в известном смысле сопереживают ему. Устроенное Упсиром представление возымело обратное действие. Это тот чрезвычайно редкий случай, подумалось человеку, когда

я не только подвергся нелегкому испытанию, но и вышел из него с честью.

Морах увел гостя сразу после десерта. Упсир метал громы и молнии еще несколько часов. Однако харонианец был полностью удовлетворен поведением «мистера Кэрролла» и, казалось, проникся к нему большим уважением.

— Он убьет вас при первой же возможности, — предупредил Морах, как только они остались одни. — Не так-то легко заставить Упсира потерять лицо. Сегодня его остановило только присутствие других владельцев — он хорошо понимает, что его интересы далеко не во всем совпадают с нашими.

Человек кивнул.

— Не взглянуть ли нам сейчас на Альтавара? — поинтересовался он. — Черт с ним, с запахом!

— Ну что ж, пойдете, — предложил Морах.

Запах оказался воистину утонченно-отвратительным. Содержимое желудка моментально попросилось наружу, и только огромным усилием воли агент сдержался.

Альтавар совершенно не соответствовал его представлениям. Он так же был похож на охранников «Божественной Вершины», как Ослица Уби — на командора Крега.

Первое, что неприятно поразило его, — это специфические апартаменты. Слабое освещение, странная «мебель», необычной формы бассейн. Он понимал, что пришельцы внимательно изучают его, но не мог понять, каким образом. Ему уже были знакомы эти щупальца и сердцевидные пластинки в том месте, которое с изрядной натяжкой можно было бы назвать «головой»; бесформенные тела пребывали в постоянном движении. Они не лежали и не ходили, а как бы перетекали, оставляя за собой мокрый слизистый след. Один из альтаваров приблизился к небольшому устройству неизвестного назначения и

после нескольких попыток вставил в разъем на боковой панели свой стеблевидный придаток. Раздалось пощелкивание внутреннего динамика.

— Это он доставил нам столько хлопот — да, Морах? — Синтезированный голос звучал таинственно и загадочно, а влажный затхлый воздух только усиливал искажения. Морах слегка поклонился, хотя вряд ли столь человеческий жест мог что-то значить для чужаков.

— Этот человек хотел встретиться с вами до начала переговоров.

— Зачем?

Казалось, вопрос адресован им обоим, и посланец Конфедерации решил ответить, не дожидаясь особого приглашения.

— Отчасти из любопытства, а отчасти потому, что так требует протокол.

— Ах да, протокол, — понимающе ответил Альтавар. — Похоже, он для вас крайне важен. — Существо немного помолчало. — А вы неплохо держитесь. Чем-то вы напоминаете мне одного из ваших людей, Кригана.

— Мы земляки и к тому же коллеги, — пояснил человек. — Но этим наше сходство не исчерпывается. Наш образ мышления частично совпадал. Я знаю, что вы уважали Кригана. Надеюсь завтра тоже заслужить ваше доверие.

— Он, как и вы, хотел спасти свой народ. Этому благородному пробуждению нельзя не сочувствовать, и надемся, оно искренне, ибо обман обойдется вам гораздо дороже. Мы намеревались уничтожить подавляющее большинство ваших планет. Это помогло бы нам успешно завершить текущий этап нашей основной задачи.

Это признание не на шутку испугало агента и в особенности небрежный тон, каким оно было произнесено. В свое время Криган наверняка испытал то же самое. Тогда Конфедерация включала в себя примерно девять сотен обитаемых планет, из которых семьсот были цивилизованными. В среднем на каждой цивилизованной

планете проживало три миллиарда человек, на прочих — около полумиллиарда. Значит, Альтавар собирался истребить более триллиона жизней!

Агент откашлялся и глубоко вздохнул:

— Поговорим откровенно. Вы планировали избавиться от конкурентов на ближайшие триста лет?

— Раньше — да, — спокойно ответил Альтавар. Но сейчас, по нашим оценкам, человеческие и материальные ресурсы Конфедерации возросли примерно в десять раз.

Боже, как хладнокровно, буднично и деловито Альтавар подтвердил большую часть его тезисов о прищельцах!

— В настоящее время у нас есть все основания приложить максимум усилий, чтобы избежать войны, но, к сожалению, их может оказаться недостаточно, — продолжала отвратительная тварь. — Мы хорошо изучили вашу психологию и прекрасно представляем трудности.

— Вот как?

Вместо отвратительного и невыносимо смердящего чужака перед мысленным взором агента возникли целые полчища Талантов Упсиров, напроць лишенных чего-либо человеческого. Дикари Медузы называли эти существа демонами, даже не подозревая, как близки к истине.

— Мы понимаем ваше беспокойство, — говорил Альтавар. — Теперь вы сами убедились, как похожи наши расы. Мы происходим с планеты, очень напоминающей вашу Землю, хотя наша эволюция шла совершенно иным путем. Мы дышим таким же воздухом, пьем такую же воду. Клетки нашего тела хорошо знакомы вашим биологам. Только наиболее воинственные расы, у которых готовность к постоянному соперничеству в крови, способны к освоению космического пространства — и мы не исключение. Наша империя тоже насчитывает несколько сотен обитаемых планет, а сталкиваясь с угрозой, мы тоже всту-

паем в борьбу. Мы хорошо представляем себе дальнейшие шаги вашей Конфедерации — но мы гораздо старше, и теперь у нас иные устремления, вполне определенные и ясно сознаваемые задачи, в то время как вы просто существуете и не ставите перед собой более или менее долговременных целей. Мы не нуждаемся ни в ваших территориях, ни в жизнях ваших сограждан. Но ваше руководство ни за что не поверит в это — именно потому, что живет одним днем. Конечно, это очень печально, так как мы обязаны воспользоваться любым шансом избежать кровопролития. Вот почему мы предоставили Кригану возможность попытаться реализовать свой план. Кроме того, тогда у нас еще было в запасе время. Однако мы с самого начала опасались, что осуществление его плана приведет к подобным последствиям — так и получилось. Завтра мы попытаемся распутать этот клубок.

— Да, завтра, — кивнул человек. — Спасибо, что согласились побеседовать со мной. — Он вопросительно посмотрел на Мораха; тот тоже кивнул, повернулся и вышел, не говоря ни слова. Человек последовал за ним, вспомнив, что Альтавар не настаивает на соблюдении этикета.

В коридоре он отдышался. Морах терпеливо ждал, пока его коллега придет в себя:

— Ну как, ваша стройная теория пополнилась чем-нибудь новеньким?

— И да и нет. — Агент ненадолго задумался. — Многое зависит от переводчика. Слова-то он говорил правильные, но для разных людей они означают совершенно разные вещи.

— Скажите, — шеф Службы безопасности на мгновение замаялся, — почему вы решили, что Альтавар крайне заинтересован в Ромбе Вардена?

— А? Я предположил, что он нужен им для производства. Но не исключено, что ошибся. В чем, по-вашему?

Морах очень внимательно выслушал его гипотезу:

— Вы действительно великолепный агент, Кэрролл; у вас потрясающий дедуктивный ум. Даже Криган вам уступает. Не сокрушайтесь. Учитывая обстоятельства, вы в принципе не могли выполнить столь трудное задание.

— Вы так и не сказали, что же я упустил.

— Не сейчас. Честно говоря, не хочу ставить палки в колеса. Воспроизводство — отличная гипотеза, которую не грех принять за основу. Совет ее поймет, а возможно, и примет — чем не повод для переговоров? В то же время правильную версию он отметет напрочь, и это будет фатально — я тоже когда-то разделял это заблуждение.

Человек строго посмотрел на Мораха:

— Так объясните по крайней мере, где я просчитался.

— Мистер Кэрролл, мы имеем дело с чуждой расой. Да, они очень похожи на нас, но тем не менее совершенно ЧУЖИЕ. Их ценности, социальные институты, восприятие, наконец, настолько отличны от наших, что просто недоступны человеческому рассудку.

— Но вы же понимаете их?

— Я никогда не могу быть в этом уверен. Я знаю, что они делают и почему, но это не понимание. Уже поздно, мистер Кэрролл, и самое время отправляться спать. Завтра мы обсудим все проблемы, и, боюсь, наши надежды разобьются вдребезги. Мне слишком хорошо знакомы властные и всемогущие лидеры Конфедерации. Когда вы смотрите на Таланта Упсира, то видите отвратительное чудовище. Когда я гляжу на Совет, на Конгресс Конфедерации, на руководителей планет, то вижу невообразимое множество Талантов Упсиров, и вполне возможно, что ваши Таланты найдут общий язык с нашим. Собственно, в этом и кроется причина основания колонии на Ромбе Вардена. Им требовалось безопасное место, где можно скрываться в случае необходимости. Четыре Властителя Ромба отличаются от

Девяти Сотен Властителей Конфедерации разве что меньшим лицемерием. — Он направился прочь, но агент быстро догнал его и осторожно взял за руку.

— Морах, все это я знал и без вас. Но скажите: на чьей стороне вы? Какова ваша цель? Вы ненавидите Конфедерацию, но и Властителей Ромба не жалуете. Вы надеялись, что Криган спасет человечество, и в то же время продолжаете работать на пришельцев. В чем ваша игра?

— Я уже играл однажды, мистер Кэрролл, — вздохнул шеф Службы безопасности. — И не собираюсь повторяться. Я оказался в бескрайнем сумасшедшем доме Вселенной и совершенно не в состоянии управлять событиями или хотя бы благотворно влиять на них. С нашей точки зрения, Альтавар невероятно мудр и абсолютно безумен. Я и сам вряд ли буду признан нормальным по стандартам Конфедерации. Взгляните на меня, как в зеркало. Каждый из нас попал сюда и взвалил на себя тяжелейшую ответственность не по доброй воле. Мы выполняем свой долг. И, если мы не хотим бессмысленного кровопролития и разрушений, нам предстоит труднейшая работа.

— В такой дерьмовой Вселенной вам, наверное, нелегко.

Морах странно усмехнулся:

— Мне не хотелось говорить об этом накануне трудного дня, но, к вашему сведению: Альтавары — трехполые существа. Один обеспечивает сперму, другой — яйцеклетку, а те, в свою очередь, попадают в организм третьего, который и вынашивает плод. И живут они вдвое дольше нас. — Морах повернулся и ушел.

6

Конференция получилась нелепой и довольно бесплодной, но в сложившихся условиях лучшего не придумать. Человека с самого начала занимал вопрос: по-

чему выбор пал на столь маленький и совершенно не подходящий для этой миссии спутник; в конце концов он решил, что такова была воля Альтаваров.

В каждом углу инженеры установили экраны, вспомогательное оборудование и устройство, обеспечивающее одностороннюю связь для обслуживающего персонала и тех, кто сидел ближе к выходу. В центре восседали Четыре Властителя Ромба, одетые весьма импозантно, а также Думонис и «мистер Кэрролл», из чего остальные властители сделали вывод, что Лару и впрямь только марионетка в руках доктора. Морах, похоже, до сих пор не мог в это поверить. В свою очередь, Думонис был счастлив представлять Конфедерацию, хотя и находил ситуацию весьма забавной.

На правом экране появились Альтавары, а на левом — двое мужчин и женщина в обычных деловых костюмах. Это были уполномоченные представители Конфедерации; остальным выпала роль наблюдателей.

Человек окинул взглядом властителей и нервно потер переносицу. Несколько раз он пытался встретиться глазами с Упсиром, но тот упорно не замечал его присутствия.

Когда завершилась процедура проверки связи, Морах, в некотором роде представляющий здесь и самих альтаваров, поднялся:

— Объявляю заседание открытым в 10.00 Фундаментального Среднего Времени. Я — Ятек Морах, исполняющий обязанности властителя Харона. Справа от меня — Талант Упсир, властитель Медузы, Вагант Лару, властитель Цербера, и, наконец, Герцог Хамано Кобе, властитель Лилит. Мы представляем Ромб Вардена. Слева от меня вы видите мистера Льюиса Кэрролла, полномочного посла Конфедерации, и Антонины Думониса, резидента Конфедерации на Ромбе Вардена. — Морах прямо посмотрел на доктора, однако тот с легкостью выдержал тяжелый взгляд властителя. — Верховный Совет Конфедерации представляют сенаторы

Клон Людж, Моракар О'Хиггинс и Суренда Квапьер. Директорат Управления Проектом Альтавара, а также весь Альтавар в данном секторе пространства представляет Хадаким Сут. Так мы транскрибировали собственное имя Представителя с помощью электронного переводчика. Поскольку нейтральная сторона на переговорах отсутствует, вести переговоры буду я — если нет возражений.

Гробовое молчание.

— Отлично, — продолжил Морах, — тогда начнем. Мистер Кэрролл, изложите, пожалуйста, вашу точку зрения.

Человек улыбнулся и поднялся с места:

— Опустим обстоятельства, которые привели к нынешней ситуации. Они хорошо известны заинтересованным сторонам. Позиция Конфедерации сформулирована жестко и ясно — повода для войны нет. Насколько мы поняли, система Вардена входит в круг интересов как Альтавара, так и Четырех Властителей Ромба. Конфедерация не конфликтует ни с теми, ни с другими и поэтому убеждена: инцидент может быть улажен мирным путем. Мы готовы уступить звездную систему Ромба Вардена с областью радиусом в двадцать световых лет Альтавару и признать его суверенитет; мы готовы дать гарантии, что ни люди, ни суда за исключением тех, что являются собственностью резидентов Ромба, не будут вторгаться в его космическое пространство, а также то, что Альтавар сможет без помех общаться с Ромбом, даже если тот превратится в анклав Конфедерации. Четыре планеты, известные как Ромб Вардена, получают полную независимость и, в свою очередь, могут без ограничений контактировать с Альтаваром. Если последний подтвердит, что претендует только на территории Ромба, мы обнаруживаем реальную почву для достижения согласия. Разумеется, любое, даже случайное, нарушение наших космических рубежей может повлечь неуправляемый военный конфликт,

однако отсутствие кораблей в пограничной зоне само по себе послужит хорошим предупреждением.

Человек огляделся, чтобы оценить, какое впечатление произвела его речь — в свое время он произносил ее в присутствии командора Крега и представителей Верховного Совета, — но бесстрастные лица не выражали никаких эмоций. Только Талант Упсир лениво чистил ногти изящным ножичком.

— В свою очередь, — продолжил агент, — Конфедерация ожидает немедленного прекращения всех враждебных действий, предпринимаемых Четырьмя Властителями с молчаливого согласия Альтавара, отзывая роботов-агентов, а также официального подтверждения того, что любые территориальные и прочие конфликты между Конфедерацией и Альтаваром в дальнейшем будут разрешаться мирным путем.

Морах подождал несколько секунд, после чего повернулся к Думонису.

— Великолепно, — сказал он. — Вы ничего не хотите добавить, доктор?

В ответ Думонис отрицательно покачал головой.

— Хорошо. Я чувствую, что у Четырех Властителей есть возражения, но прежде мне хотелось бы услышать подтверждение непосредственно от членов Верховного Совета.

— Предложение принято подавляющим большинством и, таким образом, имеет силу закона, — после небольшой задержки, вызванной техническими причинами, раздался голос Людж.

Морах утвердительно кивнул и повернулся к безмятежному Альтавару.

— Директор Суг, вам слово.

— Да, — раздался жутковато-мрачный голос речевого синтезатора. — Это предложение как нельзя лучше удовлетворяет нашим потребностям, но мы вынуждены его отклонить. Вся история человечества свидетельствует, что в основе его поведения веками лежала абсо-

лютная нетерпимость ко всему мало-мальски отличному от него. Представителей своей собственной расы вы преследовали даже за малейшие отклонения антропометрического характера или цвет кожи; за поклонение другим богам или сектантство. Ваши политические или общественные договоры всегда базировались лишь на страхе, а после ратификации все усилия договаривающихся сторон были направлены на разрушение сложившегося равновесия. Эта практика не претерпела никаких изменений даже после выхода в космос и культурного и расового смешения — только она направилась по другому руслу. За время внеэкономической экспансии вам повстречалась дюжина иных цивилизаций, но ни одна не могла потягаться с вами в техническом или культурном развитии. Пять из них были полностью истреблены только оттого, что остались непонятыми, а оставшиеся семь безжалостно захвачены и насильно обращены в вашу веру. С двумя вы заключили договоры о мире и дружбе и обменялись посольствами — но только потому, что обе уже довольно долго распространились в космическом пространстве. Но стоило вам понять, что они не представляют для вас никакой угрозы, и участь их была решена. Мы не собираемся морализировать — так ведут себя все цивилизации, шагнувшие в космос, и подобными эпизодами в своей истории мы гордимся. Я говорю это лишь для того, чтобы обрисовать ситуацию.

Ваши политики и военные не смогут спать спокойно, пока не выявят наших возможностей. Если мы сохраним наш потенциал в секрете, вы постараетесь любой ценой раздобыть сведения о нем и таким образом превратитесь в помеху для нас. Если мы предоставим вам полную информацию, то вы либо сочтете нас слишком слабыми и развяжете войну, либо, наоборот, направите все усилия на то, чтобы превзойти нас в техническом и особенно в военном отношении. Таким образом, ваши предложения в случае их ратификации

только обеспечат вам необходимую передышку, чтобы добиться решающего преимущества, и в конечном итоге лишь отсрочат войну. Подобный договор не имеет смысла, и мы вынуждены отклонить предложение.

Членов Совета услышанное потрясло. Доктор Думонис повернулся к агенту.

— Отшлепали их, сынок, — прошептал он.

Тот согласно кивнул.

— Может, в таком случае Альтавар внесет контрпредложения по прекращению войны? — спросил он.

— Гарантировать вашу безопасность можно только одним способом. Конфедерация передает нам все свои космические летательные аппараты, пригодные для межзвездных перелетов, и обязуется не строить их впредь. Все средства сообщения и связь между населенными людьми планетами и силами, способными нанести нам вред, переходят под наш контроль на срок от трехсот до пятисот лет с момента подписания соглашения. Со своей стороны мы гарантируем сохранность всех существующих грузовых и пассажирских линий, а также организацию новых, необходимых для повышения благосостояния людей. Мы обязуемся ни в какой форме не вмешиваться во внутривнутриполитические дела Конфедерации. Производство, владение и управление любым космическим оружием на указанный период замораживаются.

Члены Совета задохнулись от возмущения, а Четыре Властителя Ромба понимающе усмехнулись.

— Но это значит променять человечество на голословные утверждения совершенно чуждой расы! — возмущенно произнес сенатор Люддж. — Это просто несерьезно!

— Вы избавились от пятидесяти миллионов граждан Конфедерации и отдали их в руки этой расы, — со злобностью произнес Талант Упсир. — Ничего страшного, если вы побудете в этой шкуре.

— Идут переговоры, — отрезвил всех Морах. — Вы не против принятого у нас этикета, директор Сут?

— Может, сенатор или его советники предложит иные гарантии нашей безопасности? — спросил пришелец.

— Честное слово... — начал сенатор, но существо тут же прервало его.

— Ваше слово ничего не стоит, и даже вы это понимаете. — В настоящий момент огромный космический флот находится в пределах Ромба Вардена. В самый канун переговоров вы запустили в Ромб четыре разведывательных зонда. Вот цена вашему слову, сенатор.

Члены Совета на мгновение оцепенели, после чего принялись оживленно перешептываться. Через некоторое время Людж, казалось, сумел овладеть собой и повернулся к камере.

— Вы не против небольшого перерыва для обсуждения альтернативных предложений? — поинтересовался он.

Морах огляделся.

— Есть возражения? — спросил он. — Сколько вам нужно времени, сенатор?

— Часа два.

— Представители? Директор? Властители?

— Пусть посоветуются, — прорычал Лару. — Это будет очень весело.

— Хорошо. Объявляется двухчасовой перерыв. Следующее заседание в 12.30 Фундаментального времени.

Экраны вспыхнули и погасли, и все слегка расслабились. И Упсир, и Лару, похоже, были удовлетворены ходом переговоров. Кобе оставался таким же невозмутимым, как и Морах. Властитель Харона взглянул на агента и Думониса.

— Ну как? Вы по-прежнему считаете, что можно достичь какого-либо соглашения?

— Сомневаюсь. Нет — если не произойдет нечто экстраординарное. А как думаете вы, Морах? Они обдумают или попрут напролом?

— Смысл игры они поняли, а что будет дальше — одному Богу известно. То, что они согласились на переговоры, это уже достижение.

Агент встал из-за стола:

— Мне нужно связаться с руководством.

Разумеется, ему не поверили. С самого начала он недоумевал, почему к его докладам относятся, как к евангельским откровениям. Конечно, его поддерживал компьютер, и эксперты федерации тоже подтверждали его выводы. Но что они никак не могли принять, так это утверждения о превосходстве Альтавар в военном отношении. В технологии — еще куда ни шло, но ни в коем случае не в огневой силе и не в общей военной мощи.

— И что же вы собираетесь предложить? — спросил агент. — Они не станут пересматривать свою позицию, а она неприемлема для нас.

— Мы уже пошли на все мыслимые уступки, — ответил сенатор Людж. — Разумеется, Упсир подозревает, что мы не согласимся отдать Ромб Альтавару — по их собственному признанию, они подняли неприкрытый мятеж. Я содрогаюсь при одной мысли об этом желе со щупальцами. Но, к сожалению, нам больше нечего им предложить. Увы, этот червяк заткнул нас за пояс. В такой ситуации можно считаться только с реальной силой. Ты считаешь, что им ничего не стоит разбить нас, никаких подтверждений этому нет. Единственный способ удостовериться — это разведка боем.

Человек тяжело вздохнул:

— Я долго раздумывал над таким вариантом, и теперь категорически против. У меня сильнейшее предчувствие, что Альтавар — а вместе с ним и Морах — только посмеется над нами.

— Блеф. Прежде всего скажи: где их флот? Даже если Ромб Вардена в самом деле великолепно подготовлен к войне, вся его мощь носит исключительно оборонительный характер. Их корабли будут здесь не рань-

ше, чем через несколько недель, а то и месяцев. Они крайне заинтересованы в Ромбе, и, значит, удар следует нанести именно туда. Это либо спровоцирует их на ответные действия, либо заставит отказаться от блефа. В любом случае необходимо узнать, с кем мы имеем дело.

— Но если вы и впрямь решитесь атаковать Ромб Вардена, то лишитесь единственного козыря, — заметил агент.

— Мы атакуем не всю систему, а только одну планету. Это будет демонстрация силы, и они либо будут вынуждены раскрыть свой потенциал, либо столкнутся с перспективой потерять и остальные три планеты. В худшем случае погибнет лишь четвертая часть тех «яиц», которую они прячут на Ромбе. Если они действительно могли уничтожить нас, то почему не сделали это сразу, когда мы были не готовы. Тот факт, что они воздерживаются от конкретных действий, только укрепляет нашу уверенность.

Агент с сожалением покачал головой:

— Я так и знал, что в конце концов вы это скажете, однако надеялся, что худшего удастся избежать. Вы сами ставите себя в безвыходное положение, и теперь я бессилен. — Он помолчал. — Вашей первой целью станет Медуза, не так ли?

Людж удивленно взглянул на него:

— Да. Население невелико, промышленность развита, и, кроме того, это единственная планета, где наверняка существует колония Альтавара. Уничтожить Медузу — значит, уничтожить индустриальный потенциал Альтавара. Остальные планеты не смогут самостоятельно наладить полный производственный цикл.

— Я должен узнать детали, — мягко произнес агент.

— Вам эта ошибка обойдется гораздо дороже, нежели нам, — повторил Альтавар членам Совета. — Ну что же, наверное, это судьба. Но не надейтесь, что все ог-

раничится лишь демонстрацией силы. Если планета, входящая в состав Ромба Вардена, будет уничтожена, мы доведем начатое вами до логического завершения.

— Вы предлагали положиться на вашу честность и добропорядочность, но ничем не подтвердили свои слова, — возразил агент, пытаясь избежать того, что ему самому уже начинало казаться неизбежным. — По вашим словам, у нас больше сходства, чем различий. В таком случае вы должны понимать, что цивилизация, включающая в себя девять сотен планет, не может капитулировать из-за пустых угроз.

— Конечно, — согласился директор Суг, и интонации звукосинтезатора донесли нескрываемую печаль и сожаление. — Именно поэтому мы стараемся не тратить времени на разговоры и сразу наносить противнику сокрушительный удар. Такая тактика гораздо дешевле, а результат — тот же.

— Почему же вы на сей раз нарушили свои правила? — быстро переспросил сенатор Людж, пытаясь отыграть очко.

— А как бы вы повели себя на нашем месте, обнаружив хотя бы пятипроцентную вероятность избежать столкновения? — спросил Альтавар. — Мы решили использовать этот шанс, но, к сожалению, допустили ошибку, и теперь прольются реки крови — хотя мы и не жалеем о предпринятой попытке.

— Извините, — голос сенатора Людж был далек от искреннего раскаяния, — но мы не можем принять всерьез ваше суесловие. Если вы защитите ту планету Ромба, которую мы собираемся атаковать, — мы вам поверим. Если же нет, поскорее соглашайтесь с нашими предложениями — пока мы не передумали.

В разговор вмешался взволнованный Морах.

— Сколько времени до атаки? — спросил он. — Альтавару необходимо разобраться в сути дела.

Представители Конфедерации посовещались. Вполне возможно, что Альтавару действительно требовалось

время, чтобы уяснить проблему. К тому же его коммуникационные системы могли действовать с задержкой.

— С 24.00 мы даем вам семь суток на размышление, — ответил сенатор Людж. — После этого вопрос либо будет урегулирован дипломатическим путем, либо наш флот получит приказ действовать — вплоть до тех пор, пока в сражение не вступит Альтавар. Этот канал связи останется открытым, и через нашего агента вы в любой момент сможете связаться с нами.

— Семь дней! — прогремел Морах, вставая. — Но мы же не в состоянии за неделю эвакуировать целую планету! Даже весь флот Ромба Вардена, включая герметичные грузовые контейнеры, не может перевезти и десятой доли населения самой маленькой планеты!

Людж возражать не стал.

— Это будет демонстрация силы, а не Варфоломеевская ночь. К Четырём Властителям у нас накопилось немало претензий, но мы не хотим невинных жертв. Мы все продумали, как только флот получил приказ отправиться к Ромбу. В настоящий момент у нас имеется шестнадцать грузовых кораблей, каждый из которых способен взять на борт до двадцати тысяч человек и за один-два часа перебросить их с одной планеты на другую. Если эвакуировать только людей, то каждый корабль сможет совершать до четырех рейсов в сутки, считая время на погрузочно-разгрузочные работы. Все корабли беспилотные, а непосредственный контроль осуществит ваш представитель. Несколько часов спустя корабли прибудут на орбиту Медузы — если только Альтавар не уничтожит их по дороге. Если вы начнете немедленно и подключите к ней свой собственный флот, то в указанный срок эвакуируете всю планету.

— Я не позволю! — дико закричал Талант Упсир. — Сволочи! Свиньи! Отродье змей. Ведь это МОЯ планета! МОЯ, а не Альтавара!!! И Я НЕ ОТДАМ СВОЕ ДОСТОЯНИЕ!!! — Огромный эмоциональный заряд вкупе с микроорганизмами Вардена возымел странное дейст-

вие. Неожиданно Упсир превратился в отвратительное чудовище, словно явившееся из ада. Тварь стремительно обернулась к агенту Конфедерации. — ТЫ!!! — бешено закричал Талант, устремив на него огромный узловатый палец. — ЭТО ТЫ НАДОУМИЛ ИХ!!! Я УБЬЮ ТЕБЯ, УБЬЮ, УУБЬЮЮЮ...

— Заткнись, Талант, — тихо произнес Ятек Морах и нажал на спусковой крючок лазерного пистолета. Потеряв сознание, властитель Медузы тяжело рухнул под стол. Из бугристой туши постепенно стали проступать знакомые черты.

Рядом мгновенно оказался Канцер, но желания отомстить за хозяина у него, похоже, не было.

— Разрешите взять пару человек и оттащить его наверх, — попросил он. — С ним придется повозиться.

Морах кивнул и спрятал оружие в кобуру.

— Сначала перевезем всех, кого сможем, на южный континент Харона, — сказал он помощнику властителя Медузы. — Потом начнем эвакуировать людей на Лилит — Цербер не выдержит подобной нагрузки. Когда Упсир очнется, передайте ему, что в его распоряжении восемь дней. Если он хоть в чем-то отступит от решений, принятых сегодня, его может постигнуть судьба предшественников. И напомним ему, что нам нет необходимости знать, где он находится или чем занимается — в крайнем случае Альтавар сделает так, что его микроорганизмы Вардена станут выполнять ВСЕ наши приказы. Ясно?

От этих слов все оцепенели. Даже сенатор Людж на экране замер, впервые услышав о всеисилии микроорганизмов Вардена.

Только Морах по-прежнему сохранял самообладание.

— Объявляется перерыв, — сообщил он. — Все участники единодушны в том, что акция, которая ожидается через восемь дней, станет началом войны между Альтаваром и Конфедерацией.

— Любые провокационные действия до истечения часа «х» повлекут за собой ужасные последствия, — отчеканил сенатор Людж. — Мы объявили семидневное перемирие из чисто гуманных соображений, но при малейшей попытке открыть враждебные действия флот получит приказ превратить центральное светило системы в Сверхновую.

Участники переговоров замерли, услышав чудовищную угрозу, и только Альтавар оставался совершенно спокоен.

— Интересно было бы взглянуть, — холодно произнес синтезатор. — Но это сильно осложнит положение. Мы поддерживаем предложение об отсрочке. Но предупреждаю, сенатор, ни вы, ни Конфедерация не проживете и нескольких часов после того, как поймете, что же вы натворили.

Агент по имени мистер Кэрролл нервно поглядел на Альтавара. Теперь найти приемлемое решение стало неизмеримо труднее...

7

Большую часть времени Талант Упсир проводил в великолепных садах своей орбитальной базы, предаваясь грустным размышлениям. Он ничем не препятствовал вывозу населения планеты. С ним была только Уби. Он надеялся лишь на то, что станцию успеют перетаскать буксирами на орбиту другой планеты.

Транспорт Конфедерации оказался модульного строения, что значительно упрощало погрузочно-разгрузочные операции. Корабли явно предназначались для десантных частей и не были рассчитаны на такие нагрузки. Но в предстоящей войне Конфедерация легко обойдется и без них, так как в последний момент блеф Альтавара в соответствии с заверениями командора Крега неизбежно раскроется.

Обыватели Медузы отнеслись к эвакуации спокойно. Они с колыхали привыкли беспрекословно повиноваться своим начальникам, и дело, несмотря на жалобы и ворчание, продвигалось на удивление быстро. В крупных городах не обошлось без паники — горожане свято верили в высшее руководство и в мыслях не допускали какой бы то ни было угрозы. Кое-кто утратил веру в общество, оказавшееся неспособным их защитить, но такие были поголовно уничтожены сотрудниками СНМ — с чрезвычайно высокой «эффективностью». Желающих остаться предупредили о скорой гибели и тут же забыли о них.

«Мистера Кэрролла» особенно волновала судьба колоний дикарей. Они были слишком разбросаны, к тому же их члены в большинстве своем просто не понимали слова «эвакуация» и на всякий случай скрывались в непроходимой тайге. На небольшом шаттле агент отправился к дикарям, которых хорошо знал.

Отыскав подходящую полянку, он опустил челнок и, облачившись в открытый защитный скафандр оранжевого цвета без шлема — только защитные очки и небольшой респиратор, поднялся на скалистый утес. Впервые агент почувствовал, насколько сурова эта земля для человека, лишённого микроорганизмов Вардена.

Во дворике не было ни души, и он, не теряя ни секунды, направился в знакомую пещеру. Там тускло горели факелы — значит, люди где-то рядом. Он пожалел, что не захватил какой-нибудь фонарь. В прошлый раз ему помогали микроорганизмы и он даже не представлял себе, насколько же темно в пещере, даже несмотря на факелы.

Как он и думал, трое старейшин ждали его на берегу подземной реки, и в их глазах не было ни малейших признаков суеверного ужаса или страха.

— Ты все-таки вернулся, — нарушила молчание древняя старушка. Он сильно удивился.

— Как вы узнали, кто я такой? — поинтересовался агент.

— В твоём теле нет микроорганизмов Вардена, но дух светит изнутри, — пояснила она. — Твоя походка, манеры и даже речь остались прежними.

— В таком случае вам известна причина моего визита.

— Да, — подтвердила женщина. — Мы не будем никому препятствовать покинуть планету, но сами остаемся здесь.

— Они готовы на все, — предупредил он, — и теперь их ничто не остановит. Планета закипит под ногами. Вы же знаете, что это такое. Альтавар действует иными методами, и никакие микроорганизмы Вардена вас не спасут.

— Мы все понимаем, но уйти для нас — равносильно вероотступничеству, — ответил старик. — Мы верим в Богиню Медузу и божественный промысел. На волю вырвутся силы куда более страшные и могущественные, чем воображают жалкие лидеры Конфедерации, и Богиня будет немилосердна к тем, кто нарушил ее покой. Мы уповаем лишь на Нее.

Человек тяжело вздохнул:

— Если вам угодно погибнуть, не в моей власти помешать вам. Однако у вас около пятидесяти тысяч последователей, и вы отвечаете за них. Они могут выжить, если мы узнаем, где они, и сможем заслужить их доверие.

— Вы не успеете предупредить всех, — заметила другая женщина, — но больше половины знают о грядущем. Если некоторые решат уйти, никто не станет мешать.

— Вы объяснили им, что скорее всего они погибнут в первые же дни?

— Да, — заверил старик. — Но подавляющее большинство предпочло остаться. Физическая смерть их не страшит.

— Здесь есть два человека, которые ДОЛЖНЫ уйти. Вы знаете, о ком идет речь.

Спустя несколько мгновений из-за излучины реки показалась лодка, в которой сидели две столь знакомые ему женщины. В испуге и замешательстве они взглянули на агента. Он помог им выбраться из лодки и сразу же заметил, что они беременны.

— Нам сказали, что Тари вернулся, — наконец вымолвила Бура. — Кто вы?

— Тари умер, — печально ответил агент, — а я его отец и в некотором смысле брат.

Первой новость осознала Анджи. Во время долгих скитаний по диким лесам Медузы Тарин Бул рассказывал ей о своем происхождении.

— Так вы тот человек, который...

— Да. Я был с вами в сточном канале в Рошанде и путешествовал по здешним лесам. Я был с вами, когда вы оказались в этой крепости, и вместе с Тари — до самой его смерти. Я не Тарин Бул, но он — это я. И вот я пришел, чтобы забрать вас.

— Старейшие сказали, что вся планета может погибнуть. Это правда? — спросила Бура.

— Правда.

— Этому нельзя помешать?

— Я пытался. О ГОСПОДИ, что я только не делал!!! Но, к сожалению, всем заправляют люди, бесконечно уверенные в своем могуществе — и бесконечно трусливые. Сейчас мы пытаемся спасти всех, кого только можно, и только в ваших силах не дать Тарину Булу погибнуть окончательно и должны улететь со мной.

Женщины неуверенно переглянулись. Бура взяла Анджи за руку и крепко сжала ее.

— Нас не остановит даже стая харраров, — сказала она.

Человек ласково улыбнулся:

— Отлично. — Он повернулся к Старейшим. — Ваше право остаться здесь, но, прошу вас, позвольте мне обратиться к остальным. Дадим им еще один, последний шанс!

— Что ж, попробуй, — сказала одна из женщин. — Иди во двор, и мы придем их выслушать тебя.

Его речь была пламенной — и в то же время напрасной. Из почти двух сотен только семнадцать — бывшие беженцы из городов — решили покинуть планету. Не исключено, что остальные поддались настроению толпы. Это было вновь для него и даже слегка обеспокоило, однако большего он сделать не мог.

Никто из беженцев ни разу еще не ступал на борт космического корабля, и пришлось немало повозиться, прежде чем он успокоил всех и поднял челнок в воздух. Из семнадцати человек пятнадцать оказались женщинами; и все они были на сносях.

Первое потрясение быстро прошло, и теперь, похоже, пассажиры наслаждались путешествием. Времени оставалось в обрез; эвакуация здорово затянулась, и каждый челнок был теперь нужен как воздух. Он направился на орбитальную станцию Цербера, заранее попросив людей Думониса встретить их. Орбитальная станция Упсира уже была здесь, но он не мог воспользоваться ею, прекрасно понимая, что сделал бы властитель обреченной планеты, узнай он, что среди путешественников — две жены Тарина Була и его будущие дети.

Агент сильно удивился, что его встретил лично Думонис, и, после того как пассажиры были размещены на станции, им удалось немного побеседовать. Доктор смотрел на происходящее философски.

— Как вам известно, — начал он, — предстоящее сражение закончится либо гибелью всего Ромба Вардена, либо гибелью всей Конфедерации.

«Мистер Кэрролл» кивнул.

— Если Конфедерация проиграет, мы выживем, но промышленность Ромба будет полностью разрушена, а Альтавару больше не придется скрываться. С другой стороны, гибель Ромба сведет на нет всю нашу работу.

— Зачем же так мрачно, — усмехнулся доктор Думонис. — Вы прекрасно понимаете, что Конфедерация уже вполне созрела для гибели — достаточно легкого толчка, и она рухнет. Дать полную независимость такому количеству планет — значит, сделать их крайне уязвимыми. Мне кажется, я знаю, что имел в виду Криган, когда предлагал операцию по скрытому перемещению людей. Будучи хрупкой и порочной как система, Конфедерация достаточно сильна, чтобы обеспечить единство множества планет, удаленных друг от друга на чудовищные расстояния. В некотором смысле Конфедерация является удивительным творением человечества, затмевающим все империи прошлого, и тем не менее **ОНА ДОЛЖНА РУХНУТЬ** — такова участь всех империй (как, впрочем, и республик!) после их расцвета. В противном случае человечество ждет вырождение.

Агент согласно кивнул:

— Я пришел к таким же выводам. Но меня бросает в дрожь при одной мысли о том, скольких жизней будет стоить эта авантюра.

— К сожалению, это старо как мир. В давние времена, когда человечество занимало одну планету, на которой не прекращались войны, любое усовершенствование военной машины шло на пользу техническому прогрессу. Но на самом деле нет абсолютно никакой разницы, от чего гибнут ваши сограждане — от меча или фугасных бомб, от лазерных пушек или чего-нибудь другого. В конце концов обнаружилось, что мы уже не в состоянии применять современное вооружение, не ставя под угрозу существование всего человечества. Большие международные конфликты сменились локальными, ограниченными сражениями. И только дальний космос помог разрядить нарастающее напряжение — человечество выплеснулось за пределы Земли и принялось за колонизацию. Но политика и технология по-прежнему объединяли нас, воплотившись в империи

из более чем девятисот планет. Но теперь пришел ее черед пасть под ударами новых варваров.

— Альтавары бесчеловечны, но варварами их никак не назовешь. Я до сих пор не уверен, что понимаю логику их действий. Почему они не атаковали нас, если теоретически это возможно? А если могли защитить Медузу, то к чему эта эвакуация?

— Не знаю, — ответил психолог. — Четыре Властителя тоже теряются в догадках — кроме, пожалуй, Мораха. Возможно, и Криган понимал это. Они также проигрывали ситуацию до конца. Альтавар убедил их, что не несет никакой угрозы Ромбу — вероятно, предъявив доказательства своего постоянного присутствия. Четырех Властителей вовлекли в войну благодаря дистанционному управлению: один считал ее совершенно безопасной, другой позарился на обещанные награды, особенно возможности покинуть Ромб Вардена. Даже роботы, так переполошившие Конфедерацию, управлялись микроорганизмами по заранее заложенной программе. Как вам известно, Конфедерация совершенно самостоятельно решила действовать подобным образом — и ей удалось перепрограммировать Лару и некоторых других. Благодаря Мертону и его коллегам мы узнали, где расположен их вычислительный центр, и разработали иную, не менее эффективную систему; однако мы занимались только ПЕРЕПРОГРАММИРОВАНИЕМ при помощи самоуничтожения инструкций. Свой собственный механизм тотального управления мы создать не смогли бы.

Агент задумчиво кивнул:

— Вы перешли на нашу сторону — за что я вам, кстати, весьма признателен, — потому что боялись пришельцев. А как вы сейчас к ним относитесь?

Думонис задумчиво потянулся.

— Кто его знает? — ответил он. — Ученого всегда интересует настоящее. В конце концов не исключено, что война началась благодаря нашим с вами действи-

ям. Если пришельцев разобьют, та же судьба постигнет и нас — и нет проблем. Если они победят, тогда, устраивая собственное будущее, нам придется иметь дело с ними. Безусловно, я на стороне чужаков — хоть и не доверяю даже кончикам их щупальцев. Поймите, что человека, посвятившего жизнь изучению человеческого мозга — а мы по-прежнему очень мало знаем о нем, — перспектива вынужденной переквалификации не может не пугать; все-таки эти создания абсолютно чужды нам.

— Но если мы выживем, каковы же будут перспективы. Предположим, Альтавар разрешит нам остаться на трех уцелевших планетах. Что тогда?

— Я вступил в игру отнюдь не из шкурных интересов, — ответил доктор, — это, как вы знаете, пришло потом. Но поначалу моей целью было только создать на планетах Ромба Вардена более открытое и свободное общество — тогда мне казалось, что для этого достаточно использовать огромные возможности микроорганизмов в мирных целях. Чем не задача для старика?

— Да и для юноши тоже, — улыбнулся агент. — А как же депортированные с Медузы? Вряд ли уничтожение планеты не отразится на их реальных и потенциальных возможностях, в том числе и на способности к воспроизводству.

— Поживем — увидим. Но мне кажется, что компьютер все-таки один. Возможно, он находится на одном из огромных спутников Момрата; но использует четыре различные частоты какого-то неизвестного излучения. В этом случае их генотип не изменится — просто Харон заселят две различные расы. Постепенно мы изучим все секреты микроорганизмов Вардена и наконец-то покинем эту космическую тюрьму — хотя три планеты Ромба будут способны прокормить гораздо больше населения, чем теперь. На Цербере может прожить полмиллиарда, и миллиарда по три — на двух других. У выживших хватит времени

разрешить все загадки. К тому же у них будет от чего оттолкнуться. Поставьте несколько действительно выдающихся умов перед проблемой, убедите, что она разрешима, и они в лепешку расшибутся, но решение найдут. Именно это качество и делает людей столь своеобразной космической расой.

Агент не удержался и задал еще один вопрос:

— Скажите, что будет с игрушкой Упсира? Она совсем безнадежна?

Думонис тяжело вздохнул:

— Джордаш — крупнейший специалист на Медузе. Он прямо сказал мне, что процесс проводился на физиологическом уровне и, стало быть, необратим. Я полагаю, что центральный компьютер Альтавар воспринимает Девушек Радости как растения и соответствующим образом поддерживает их существование. Вспомните о роли микроорганизмов Вардена. Зная возможности компьютера, мы можем полученную нами от Тарина Була информацию направить обратно — в Уби. Но не забывайте о последствиях. Ее организм имеет уже совершенно иной генетический код и просто не переварит ее. Но в то же время материалом для Уби служил Тарин Бул, а значит, его интеллектуальный потенциал остался тем же. Это, конечно, чисто академический вопрос, но мне КАЖЕТСЯ, что еще не все потеряно. Существо с ее телом и вашим выдающимся интеллектом вполне способно восстановиться за каких-нибудь два года. Об этом можно подумать на досуге.

— Мне до сих пор не по себе, — признался агент психологу, — но, если мы выживем в следующие трое суток, займусь проблемой вплотную. А сейчас мне пора.

Думонис положил руку ему на плечо.

— Поосторожнее с Упсиром, сынок, — заботливо сказал он. — Не забывай, он всегда был милитаристом — такова его испепеляющая ненависть к Конфедерации, — но теперь, когда война действительно неизбежна, он заплатит кругленькую сумму и никогда не простит этого Аль-

тавару. Однако Талант Упсир достаточно разумен и будет терпеливо ждать, пока не подвернется случай отомстить за свою вотчину. Стало быть, вся его злоба выльется на тебя и твоих братьев. Уже сейчас — можешь мне поверить — он озабочен только этим. Но простое убийство не в его правилах. Он придумает что-нибудь изощренное, такое, что нам и не снилось.

Агент кивнул и обменялся сердечным рукопожатием со старым доктором:

— Я буду предельно осторожен. Только бы уцелеть в предстоящей заварушке.

— Да, — лицо Думониса озарилось улыбкой, — конечно. Империи никогда не уходят бесшумно.

Он вернулся на Буджум за несколько часов до истечения условленного срока. Об этом они заранее условились и с Конфедерацией, и с Морахом. Агент поднялся в отведенное ему помещение и по секретному каналу связи связался с командором Крегом.

— Планы не изменились? — спросил он с затаенной надеждой. — Эвакуация еще не закончилась, а пятьдесят или сто тысяч человек мы не вывезем.

— Нет, слишком поздно, — ответил Крег. — Даже эта отсрочка далась нам с огромным трудом. Похоже, драка предстоит серьезная. Мы засекли множество кораблей в различных точках Ромба. Они появляются из подпространства на считанные мгновения, и некоторые поистине огромны. Наши противники по-прежнему стоят на своем?

— Да. Морах и Альтавар непреклонны. Не нравятся мне эти неизвестные корабли в Ромбе. Однако до сих пор нет никаких признаков флота Альтавара. Сомнительно, что они готовы встретить удар Конфедерации.

— Мы провели компьютерное моделирование их потенциала, и даже если сознательно занижить их огневую мощь, результат получается более чем впечатляющим, —

сообщил Крег. — За минувшую неделю Военное Командование и Служба безопасности передали управление на запасные командные пункты. Если это не обманный маневр, они рассредоточились и собираются постоянно совершать разбойные нападения. Имей мы десяток «боевых платформ», мы бы уничтожили сотни планет. На наших картах только одна цель нанесена наверняка — база на Буджуме, где ты сейчас находишься, извини за подробность. Они могут начать партизанскую войну. Внезапно появиться, разрушить слабозащищенные планеты и так же неожиданно скрыться. Нужно не меньше двух тысяч крейсеров, а у нас не наберется и трех сотен. В свое время даже это количество казалось чрезмерным.

— И руководство Конфедерации готово на такие жертвы?

Крег сухо усмехнулся:

— Сынок, ты слишком наивен. Совет и правительство, как и все влиятельные люди, отсиживаются в великолепно защищенных крепостях. Они могут помереть только от старости и теперь — взгляни правде в глаза — требуют победы любой ценой.

Любой ценой... Это многое объясняло. И Фэллон была права. И Корман. Все были абсолютно правы. Ромб Вардена — плоть от плоти Конфедерации, а Четыре Властителя — достойные члены Верховного Совета. Ромб — зеркальное отражение Конфедерации, пусть и с некоторой местной спецификой. Отныне агент навсегда порвал с Конфедерацией — окончательно и бесповоротно.

— Прощай, Папа.

— Прощай, Агент.

Он сгреб шифрующий блок передатчика и, размахнувшись, шмякнул его о стену. Отскочив, тот с грохотом покатился по полу — прямо к ногам человека.

Флот Конфедерации находился в полной боевой готовности. До атаки оставался один час.

8

Морах повернулся и кивком приветствовал агента.

— Добро пожаловать, мистер Кэрролл, — спокойно сказал он. Судя по тону, у него было хорошее настроение. — Присаживайтесь. Скоро здесь соберется весь штаб; отсюда мы будем следить за событиями. К сожалению, корабли Альтавара не предназначены для нас, как и их командный центр. Однако я перебросил к ним на борт пару передатчиков.

Морах слегка раздражал агента. Он впервые видел человека, способного на глазах превращаться из философа-скептика в проникательного следователя, и тут же — в нечто упсирообразное, сохраняющее невероятное хладнокровие. Однако точки над «i» еще не расставлены, и сейчас не время предаваться чувствам. Нужно работать — и постараться сделать все возможное.

За большим столом в центре комнаты собрались скорее заинтересованные, чем обеспокоенные люди. Некоторые держали в руках портативные терминалы, другие — допотопные листы бумаги и ручки. Почти все они были с Харона. Представители Медузы отсутствовали.

На одном из больших экранов демонстрировалась тактическая схема боя. Здесь было показано положение планет Ромба, «боевых платформ» Конфедерации, а также движение всех транспортных кораблей и искусственных спутников. Схема ограничивалась орбитой Момрата.

Сначала эскадрилья разделилась на три группировки. Две под прикрытием крейсеров отошли к флангам, а третья, куда входили две «боевые платформы», стала быстро приближаться к цели, явно намереваясь нарушить боевой порядок вражеского флота, если таковой и в самом деле имелся, и прощупать внутреннюю линию оборонительных систем Ромба Вардена; по-другому этот маневр объяснить было невозможно — радиус дей-

ствия главных систем вооружения «платформ» равнялся световому году.

Агент нахмурился:

— Похоже, Альтавар не собирается защищаться.

Морах откинулся на спинку кресла и внимательно взглянул на экран.

— Противник не встретит никакого сопротивления, кроме оборонительных комплексов на поверхности планеты, — пояснил он агенту. — Чем ближе он подберется, тем выше эффективность. А в нужный момент подойдут основные силы.

— Но их же нет вообще! Где они?

— Всеми свое время, мистер Кэрролл. Наши камеры наблюдения повсюду, так что информация будет из первых рук. Судя по всему, Конфедерация придерживается объявленного плана. Если бы они решили изменить цели и напасть на все планеты сразу или на спутники Момрата, боевые порядки были бы совершенно иными. Честно говоря, я боялся, что нам тоже достанется, но пока основные силы направлены на Медузу — мы в безопасности.

Когда часы показали 24.00, все в ожидании чего-то невероятного разом вздохнули — но ничего не произошло. Корабли двигались по направлению к Ромбу Вардена и уже пересекли орбиту Орфея — самой дальней планеты системы.

В 24.03 корабли начали торможение, а затем, не достигнув орбиты Эдипа — предпоследней планеты, — остановились; крейсера заняли оборонительную позицию вокруг обеих «боевых платформ». Послышался гул, и «платформы» на экране облепили мириады крошечных ярко-белых точек, которые сплошным потоком устремились вперед.

Несколько секунд — и со спутников Момрата к модулям устремились ярко-синие лучи. Примерно треть модулей покинула строй и понеслась к источникам огня, но нападающие уже несли огромные потери.

— Слишком тесный строй, — с усмешкой прокомментировал Морах.

И правда: яркие вспышки сверкали по всему полю, и белые точки мгновенно угасли. Глаз не успевал следить за движением голубых лучей, но, судя по всему, они били без промаха.

— Второй эшелон разворачивается в боевой порядок!

На экране появилось множество новых модулей, но теперь их строй был гораздо реже, и двигались они весьма беспорядочно, во всех направлениях.

— Это уже лучше, — пробормотал Морах.

Агент бросил на него удивленный взгляд. Часть модулей двигалась прямо на них, но, казалось, это никого не волновало. Он вздохнул и недоуменно пожал плечами. Ну что ж, на войне как на войне.

— Обзорные камеры — на экран, — быстро скомандовал Морах, и на заднем экране возник ряд изображений. Медуза находилась очень далеко; виднелся лишь ее зеленовато-белый диск. В сильно поляризованном свете неосвещенная сторона планеты прекрасно просматривалась. Шесть других фрагментов представляли собой снимки Медузы, полученные с орбиты, и изображения поверхности планеты. На нем был какой-то большой город, очень напоминающий Рошанд. На другом — хорошо знакомая агенту Божественная Вершина.

— Превосходная защита, — прокомментировал Морах, ни к кому конкретно не обращаясь. — Однако одновременно прикрыть базы на Момрате и на трёх остальных планетах нам вряд ли удастся. — Он быстро повернулся к противоположным экранам. — Видишь? — спросил он агента. — Видишь небо... вон там?

Все посмотрели в указанном направлении. Там, в черной глубине, возникли неясные черточки, оставляющие за собой коричневато-белые следы. Их становилось все больше и больше. Они заполнили собой почти весь небосвод, когда атакующие модули вошли в атмосферу

планеты и начали складываться во множество мощных огневых комплексов.

Небо озарилось бесчисленными вспышками разрывов. Изображение на одном из экранов внезапно исчезло, но его тут же сменила картинка с другой камеры. Судя по ней, на Медузе творился сущий ад.

Диск планеты искрился тысячами ослепительных вспышек, словно сквозь мельчайшие поры показались раскаленные недра. Каждая такая точка означала оружейный комплекс чудовищной разрушительной силы.

Агент взглянул на дисплей. К его удивлению, на экране возникли новые корабли странного желтого цвета. Они окружали систему со всех сторон, с каждой минутой сжимая кольцо. Определить их размер или конструкцию было, конечно, невозможно — ясно было только одно: их ТЬМА-ТЬМУЩАЯ. И очевидно, огневая мощь пришельцев ничуть не меньше, чем у эскадры Конфедерации.

— Альтавар готовится атаковать, — бросил агент.

— Да, — обернувшись, подтвердил Морах. — Ваша недельная отсрочка существенно упростила нам задачу. Мы тщательно просчитали все варианты, и теперь наши корабли вышли из подпространства в заранее определенных местах, и сразу в боевом порядке. Теперь вам придется бросить в бой обе резервные фланговые группировки; главные силы крепко завязли и быстро не перестроятся.

— Но ведь с таким флотом они спокойно бы защитили всю эту чертову систему! — в гневе прокричал агент. — Они совершенно ОБДУМАННО пожертвовали Медузой! **НО ПОЧЕМУ? ПОЧЕМУ? В ЧЕМ Я ОШИБСЯ???**

В этот момент флот Альтавара разделился: две группировки образовали кольцо, в центре которого оказались резервные войска Конфедерации, а третья ринулась вперед и заняла позиции на орбите Момрата.

Корабли Альтавара были намного меньше крейсеров Конфедерации, но зато быстрее и маневреннее на суб-

световых скоростях. Они двигались столь стремительно и согласованно, что огромные дредноуты Конфедерации просто не успели выбраться из окружения, и контратаковать Альтавар могли лишь крейсера сопровождения. Завязался яростный и напряженный бой. Несколько секунд спустя дисплей превратился в мешанину желтых и белых цветов.

Со стороны это выглядело весьма романтично, но агент прекрасно понимал, что это не так. Противников разделяло огромное расстояние, и члены экипажей видели друг друга разве что на дисплеях. К тому же в схватке участвовало не так-то много людей. Современная война — это скорее дуэль компьютеров и технологий, и кто-то выиграл ее уже задолго до исхода битвы. Крохотные, быстрые и невероятно маневренные корабли Альтавара, программное обеспечение которых базировалось на реальном боевом опыте, имели несомненное преимущество — даже если предположить, что боевая мощь обоих флотов одинакова.

Главные силы Конфедерации между орбитами Орфея и Эдипа перестроились и бросились в гущу схватки, но армада кораблей Альтавара, игнорируя встречный бой, летела «ромбом», защищая внутренние планеты системы Вардена. «Платформы» выпустили целое облако модулей-убийц, но их тут же нейтрализовали. Основная огневая мощь флота Конфедерации по-прежнему была сосредоточена на Медузе.

Но вскоре обе резервные группировки оказались окружены ярко-желтыми кружками, означавшими, что Альтавар подавил сопротивление, и командующий флотилией решил усилить огневое воздействие, а высвободившиеся резервы бросить против ударных сил противника.

Агент задохнулся от восторга; командующий и впрямь продемонстрировал трезвый ум и железную выдержку. Он не стал рассредоточивать силы, чтобы помочь окруженному резерву, — это еще больше ослабило бы его позицию. Адмирал прекрасно понимал, что Ме-

дуза станет защищать три оставшиеся внутренние планеты Ромба и, возможно, Момрат. Поскольку даже линия обороны Медузы оказалась гораздо плотнее, для прорыва эскадре следовало вплотную приблизиться к замершему в ожидании атаки флоту Альтавара.

Теперь на поверхности Медузы продолжали работать лишь две камеры; потом осталась одна — на далеком севере, где мощные потоки энергии уже растопили огромные ледники. Впервые — может быть, со времен своего возникновения — океан освободился от ледяного покрова. Некоторые его участки просто кипели.

— Седьмой залп! — крикнул кто-то, и последняя камера вышла из строя.

ОН УВИДЕЛ ОСТАВШИХСЯ В КРЕПОСТИ ДИКАРЕЙ, ГОРДЫХ И НЕСЧАСТНЫХ, ВОЗНОСЯЩИХ МОЛИТВЫ СВОЕМУ БОГУ, В ТО ВРЕМЯ КАК ВСЕ ВОКРУГ, ДАЖЕ ВОЗДУХ, ПОСТЕПЕННО РАСКАЛЯЕТСЯ. ЧТО Ж, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ ИХ МУЧЕНИЯ БЫЛИ НЕДОЛГИМИ. ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ...

В этот момент планету накрыл мощный залп термических боеголовок; атмосфера исчезла в короткой вспышке, а кора начала трескаться и плавиться. Океаны и уцелевший лед мгновенно превратились в огромные клубы обжигающего пара. Теперь планета казалась уже не ослепительно белой, как до начала атаки, а темно-красной — последние остатки материковых платформ исчезли в бушующем океане раскаленной магмы.

Торжественное зрелище космической трагедии настолько потрясло агента, что он долго не мог отвести глаз.

— Приготовиться... — сказал за его спиной Морах. — Так... НАЧАЛОСЬ!!!

Человек бросил взгляд на экран и несколько мгновений спустя вдруг осознал, что там творится что-то невероятное. В замешательстве он даже протер глаза, увидев, что диск планеты начал странным образом изменяться и внезапно превратился в расширяющуюся сферу, состоящую из небольших красновато-коричне-

вых ядрышек, разлетающихся в разные стороны. Диск увеличился как минимум вдвое.

— Черт побери, да что же это? — беспомощно пробормотал агент.

Внезапно шар стал гантелеобразно растягиваться, а затем разделился надвое — и вторая половина представляла собой почти такое же небесное тело, как и Медуза. Застыв на мгновение, она принялась бешено раскручиваться и ДВИНУЛАСЬ ВПЕРЕД, стремительно сближаясь с силами Конфедерации.

Флот Альтавара, выстроившись «клином», двинулся вслед за ним.

— Колдаха! — прорычал Морах. — Колдаха на экран! БЫСТРО!

В комнате возникла суета, и вскоре на экране возникло изображение вылетевшего из недр бывшей Медузы огромного, колышавшегося небесного тела размером с солидную планету.

Это странное и наверняка энергетическое образование в считанные секунды превратилось в неопределенную субстанцию, а затем — в нечто, похожее на клубок неистовых молний. Правда, объект строго придерживался определенного курса и скорости. Он неуклонно сближался с флотом Конфедерации, бесследно поглощая на своем пути модули, каждый из которых мог легко разрушить целую планету.

Он достиг цели гораздо раньше, чем были предприняты хоть какие-то защитные меры, и пространство озагорилось мощнейшими вспышками. По небу протянулись исполинские хвосты раскаленной плазмы; обе «платформы» исчезли в чудовищных разрывах, однако оставшиеся корабли, до которых еще не дотянулись щупальца Колдаха, перестроившись, обрушились с флангов на Альтавара широким «клином», движущимся под прикрытием огромного существа.

Агент в гневе впечатал кулак в поверхность стола.

— Ну конечно! — пробормотал он. — Конечно! Как же я сразу не сообразил? Не одна цивилизация — их две! На Медузе я нашел не компьютер!!! А мозг этого второго существа!!!

Морах, не отрываясь от экрана, утвердительно кивнул:

— Да, две. Альтавар охраняет и защищает Колдах.

— Что за чертовщина этот Колдах? И как он существует при таких размерах?

— Пока неизвестно. Даже Альтавару — хоть он и потратил на его изучение не одну тысячу лет. Их не очень много, этих Колдахов, так что у нас нет ни малейшего представления об их численности и местах постоянного обитания. Они в одиночестве путешествуют по самым глухим уголкам Вселенной, пока не найдут подходящую. Они могут быть и чистой энергией, и чистым веществом — всем чем угодно. Давным-давно, много тысячелетий назад, когда Альтавар только-только создал огромную галактическую империю наподобие современной Конфедерации, один из них вошел в ее пределы и сделал одну из заселенных Альтаваром планет своим домом. При этом погибло три миллиарда ее обитателей. Естественно, это привело к долгой и тяжелой войне.

Агент кивнул.

— Естественно, — продолжал Морах, — они атаковали своего первого Колдах почти так же, как и мы сейчас, и точно с таким же результатом. Им удалось только разгневать его — Колдах буквально взбесился. Он прошел насквозь, добрался до следующей обитаемой планеты и сотворил там то же самое. Альтавар продолжал отчаянно бороться, пока не осознал чудовищное превосходство нового противника. Они едва не свихнулись — нас скорее всего ожидает то же самое. Однако Колдах каким-то образом связан со своими сородичами, и столетия спустя в системе Альтавара объявилось уже несколько Колдахов. Постепенно они научились предвидеть атаки Альтавара — и потери атакующих стали просто грандиозными. В конце концов Альтавар решил

прекратить бесполезную изматывающую борьбу и взять тайм-аут. И вот уже тысячелетия они так и не могут разобраться в феномене, хотя узнали очень многое. Масса планеты почти или совсем не увеличивается, когда Колдах проникает в ее недра. Там он становится просто сгустком энергии и производит на свет множество удивительных бактерий, обеспечивающих ему необходимые условия и маскировку.

— Микроорганизмы Вардена... — выдохнул агент.

— Природа их по-прежнему неясна. Чем они руководствуются, когда выбирают планеты, не знает никто. Они-то и есть самые настоящие пришельцы — совершенно ни на что не похожие и непостижимые. Ваш человек на Медузе недолго общался с Колдахом — помните?

Агент кивнул:

— Я думал, это компьютер.

— Ну и какие ощущения?

— Определенного впечатления не сложилось. Помню исходящее откуда-то поразительное чувство превосходства, а потом мне показалось, что меня заметили — и тут же словно стряхнули, как букашку с рукава.

— Я контактировал с ним гораздо дольше — многие годы, — вздохнул Морах, — и теперь мне кажется, что это выше человеческих возможностей. Не уверен даже, что наш мозг непосредственно воспринял Колдах. Несомненное могущество — пожалуй. Но что за этим кроется? Разумеется, они ощущали наше присутствие и даже разбирались, кто друг, а кто враг. Возможно, когда-нибудь нам удастся разгадать эту загадку, хотя лично я сомневаюсь. Мы можем только продолжать их изучение. Эти невероятные, невообразимые создания противоречат всем законам природы. Вероятно, они знают их лучше.

Теперь на экране осталось только изображение Медузы с большого расстояния. Поверхность, окутанная непривычно толстым слоем облаков, уже остывала. На тактическом дисплее белые точки исчезли — остались

только желтые. Все закончилось. Крупнейшая эскадра в истории человечества была разбита наголову.

— И куда теперь направится это чудовище? — спросил агент Мораха.

— Кто его знает, — неопределенно пожал плечами тот. — Наверное, на поиски очередной планеты. Сначала они ищут систему, пригодную для биологических форм жизни, а затем проникают в нее и переделывают в соответствии со своими представлениями. Такие планеты не похожи друг на друга, но весьма удобны для нас. По прошествии нескольких тысячелетий Колдах отправляется на поиски нового жилища. Трудно поверить, но при этом созданные им микроорганизмы не причиняют планете и ее биосфере никакого вреда — они просто исчезают! Загадки, связанные с образованием пригодных для жизни планет, теперь, похоже, нашли объяснение. — Морах странно усмехнулся. — Кто знает, возможно, и мы, и Альтавар всего лишь следствие гигантского эксперимента, поставленного этими существами в далеком прошлом. Как вам такая гипотеза?

— Но ведь Альтавар... когда-то он воевал с ними. А теперь защищает Колдаху.

— Действительно, — согласился Морах и приказал одному из своих сотрудников принести чего-нибудь покрепче. — Но за тысячелетия борьбы они в душе капитулировали перед космическим чудовищем. Для их цивилизации Колдах стал смыслом существования, и постепенно Альтавар не только свылся с ним, но и стал ПОМОГАТЬ. Не спрашивайте меня почему — это вопрос скорее религиозно-мистический, а мы не в состоянии объяснить даже собственные религии. В конце концов делом их жизни стало осуществление так называемого Великого Проекта. С помощью своего флота они защищают Колдаху от всяческих невзгод и подыскивают ему подходящие планеты. По-моему, между ними установился своеобразный симбиоз.

— Только не здесь.

— Да, роковое стечение обстоятельств. Когда Колдах впервые прибыл в систему Ромба Вардена, мы еще ползали по поверхности старушки Земли. Безжизненные планеты, ужасные атмосферы. Огромный пузатый Колдах сотворил чудо. Он разделился — появилось три новых Колдаха — и вместе с родителем обосновался на всех четырех планетах Ромба. Вскоре после этого они создали, или выпустили, или произвели каким-то способом эти крошечные бактерии и принялись за обустройство планет. На Лилит, где поселился старый Колдах, установился самый жесткий режим. После этого сюда двинулся Альтавар. Под знаком Колдаха они многому научились — например, создавать собственные микроорганизмы Вардена и управлять ими. До определенных пределов им позволялось даже играть с подлинными микроорганизмами. В зависимости от климата планет на каждой появилась наиболее уместная фауна.

— Я заметил.

— Ну вот. В этом и заключался их Великий Проект. Так как Колдах покидает планету незаметно и без разрушений — в виде густого тумана, по словам Альтавара, — оставляя ее для дальнейшего развития, они тоже стараются повлиять на эволюционный процесс. Понятно, не сразу, однако они всерьез изучают проблему возникновения жизни и немало продвинулись в этом вопросе. Но наше появление спутало все их планы.

— А поскольку случайно электромагнитное излучение человеческого мозга совпало по частоте с тем, что использует Колдах для управления микроорганизмами, мы развили свои дотоле дремавшие способности, — заключил агент. — Я полагаю, Альтавару в этом смысле повезло меньше?

— Да, — засмеялся в ответ Морах. — Они могут перехватывать эти сигналы при помощи технических устройств, но сами на такое не способны.

Слегка присвистнув, агент отпил из бокала обжигающей прозрачной жидкости. Сейчас выпивка оказалась как нельзя кстати.

— Теперь наша очередь начать свой проект, — сказал он наконец.

— Да, — согласился Морах. — И мы его организуем. Но Конфедерация мешала нам во многих аспектах, а то, что нашей цивилизации удалось без всяких проблем настроиться на один из диапазонов Колдаха, не на шутку испугало Альтаваров: вдруг мы отыщем способ установить с Колдахом тесный контакт. Может быть, это и в самом деле в наших силах, но я, честно говоря, сомневаюсь.

— Значит, Альтавару именно мы казались демонами. — Агент рассмеялся и удивленно покачал головой. — Они боялись, что мы похитим их богов! Но если в конце концов все обошлось довольно благополучно, они должны быть просто счастливы, не так ли? — Он ненадолго задумался. — Однако почему же они не уничтожили людей сразу, как те попали на Ромб Вардена? Это было бы вполне естественно.

— Они собирались. Но Альтавар — огромная, очень мобильная раса, занявшая почти пол-Галактики — вместе с Колдахом. И вот они столкнулись с цивилизацией, столь же распространенной в космосе, но ее потенциал оставался им совершенно неизвестен. Требовалось узнать как можно больше. А это время, до выхода — или вылупливания — в общем, до выхода Колдаха еще три сотни лет; с того момента, когда на планеты Ромба ступила нога человека, прошло уже четверста. Альтавар потратил больше полувека, чтобы при помощи микроорганизмов Вардена собрать необходимую информацию и понять, насколько своеобразны отношения, установившиеся между нами и этими бактериями. И только после этого они послали за флотом, а тот находился почти за пределами Галактики; здесь у них были только очень небольшие резервы. Вообще-то

было гораздо проще построить корабли здесь. Но в тот момент, когда флот прибыл и они приготовились к сражению, Марек Криган стал властителем Лилит.

— И наткнулся на них?

— Да. Точно так же, как и я. На каждой планете имеются определенные области, своеобразные «окна», через которые Колдах общается с внешним миром. Как они действуют, я не имею ни малейшего понятия. На Лилит эта точка находится почти на северном полюсе. На Хароне это небольшой остров у южного континента. С какой стати Криган оказался на севере, я тоже не знаю, но полагаю, что религия потомков первопроходцев — своеобразное поклонение духу земли — и навела Кригана на след. Излучение в таких местах необычайно мощное, и каждый, кто столкнулся с ним, приобретает способность к управлению собственными микроорганизмами Вардена — или значительно совершенствует ее.

— Неудивительно, что Криган вскоре стал властителем.

Морах кивнул:

— На Ромбе Альтавары всячески старались ненавязчиво помешать любому проникнуть в тайну таких районов. С этой целью они часто прибегали к созданию всевозможных чудовищ. Для перехвата сигналов строились целые станции наблюдения, а по ним непрощенный гость легко мог догадаться о существовании Колдаха.

Агент немного поразмыслил:

— Значит, те демоны льда, с которыми я столкнулся на подступах к Божественной Вершине, не относятся непосредственно к Альтавару? Помнится, в пустынях Харона тоже обитали весьма странные создания.

— Да-да, нэрилы. Или, скажем, борки с Цербера. В некотором смысле это домашние животные, попытка сотворить биосущество, способное улавливать излучение микроорганизмов Вардена. Конечно, подобный опыт нельзя назвать удачным. Некоторым особям удалось бежать и приспособиться к жизни на воле. Но

полученный результат настолько беспокоил Альтавар, что дальнейшие работы в этом направлении прекратились.

— Я все-таки не понимаю, почему они приняли план Кригана.

— Очень просто. Альтавар чувствовал, что не готов к сражению. В том, что план Марека в итоге провалится, они не сомневались и согласились только потому, что рассчитывали таким путем получить много новой информации и стратегического, и военного характера. Однако мы оказались им не по зубам.

— И что же они теперь сделают с Конфедерацией? И с нами?

— Их небольшие, но хорошо вооруженные силы нанесут удар по наименее защищенным планетам Конфедерации. Та часть флота, которая не работает на Колдаха, отправится на свободную охоту. Конфедерация будет отброшена в далекое прошлое, в эпоху варварства и лишена выхода в космос — но не на всех планетах. Конечно, она будет держаться с фанатичным упорством, сожмется до удобных размеров, но спустя какое-то время подавит и последний очаг сопротивления. На самом деле, коллега, что они предпримут, неизвестно никому. Но скорее всего человечество ждет долгая и мучительная смерть.

— А что будет с Ромбом?

— Компьютеры Альтавара могут стабилизировать Медузу и даже отстроить заново, но скорее всего не станут этим заниматься. Мы расселим жителей Медузы на Лилит и Хароне, а затем перепрограммируем их к новой планете; если не их самих, то их потомков. Альтавар тактично не станет вмешиваться в ближайшие три столетия. Затем особи Колдаха один за другим покинут планету, микроорганизмы Вардена исчезнут и, насколько я могу судить, мы вновь обретем свободу и снова выйдем в космос. А может, и нет. Многое зависит от того, сумеет ли следующее поколение жителей Медузы

приспособиться или же сохранит свою самобытность. Главное, чтобы не было проблем с воспроизводством — тогда уход Колдаха не приведет ни к каким отрицательным последствиям. А если за предстоящие три столетия мы научимся удерживать микроорганизмы Вардена или создадим их эффективный аналог, как сделал Альтавар, — мы вырвемся за пределы Ромба Вардена, выйдем в космос и станем основателями новой расы — ЧЕЛОВЕК ВСЕМОГУЩИЙ. И все это благодаря лишь одной силе воли.

— Узнаю бывшего биолога, — кивнул агент.

— Я и сейчас биолог. Рано или поздно при помощи Альтавара, а также церберийских компьютеров, развитие которых теперь ничто не помешает, мы найдем ответы на все вопросы. Но пока первоочередная задача — восстановить промышленность. У нас есть квалифицированная рабочая сила — беженцы с Медузы, и нужно только построить необходимые предприятия — сначала здесь, а потом и в космосе. Все лучшие инженеры и ученые уже давно на Ромбе, и теперь мы наконец-то обставим Конфедерацию.

— Вы уверены, что Альтавар не будет мешать?

— Нет, до тех пор, пока не почувствует, что мы и впрямь ему угрожаем. Но у нас в запасе еще три столетия. Если мы не успеем разобраться в микроорганизмах Вардена, то просто останемся здесь прозябать в дикости и варварстве и навсегда распрощаемся с Альтаваром и Колдахом. Когда-нибудь мы выйдем за пределы Ромба, найдем остатки человечества, уцелевшие после разгрома Конфедерации, и восстановим нашу цивилизацию — она станет неизмеримо могущественнее, чем прежде. Работы хватит и нашим детям, и внукам. Главное — не повторять старых ошибок, и тогда наших потомков ждет поистине блестящее будущее.

Морах откинулся назад, сделал большой глоток и закурил ароматную харонийскую сигару.

— В следующий раз, — продолжил он, — наступит наш черед быть демонами — а может, и богами. Как вам эта перспектива, мистер Кэрролл? И какую роль вы отводите себе в этом грандиозном строительстве?

Агент поудобнее устроился в кресле и положил ноги на стол.

— Мне кажется, на Ромбе найдется место и для меня. Вернее, для нашей четверки. Но сначала, если позволите, я закончу одно дело.

— Посмотрим. Теперь, когда все карты раскрыты, у меня возникло странное ощущение, будто вы что-то от меня утаили.

— Нет-нет, ничего существенного, — заверил агент шефа Службы безопасности. — Небольшое личное дело.

9

Он провел пару недель на Цербере в обществе Квин и Дилан, которые с радостью приняли Буру и Анджи и были вне себя от восторга, что дети попадут в «лоно семьи». Малыши ничем не отличались от сверстников, хотя Дилан не без зависти отметила, как безболезненно они появились на свет. Несмотря на уход Колдаха, они развивались вполне нормально, впрочем, Альватар, без сомнения, продолжал передавать их микроорганизмам Вардена необходимую информацию через компьютерную сеть Снарка.

В то же время Альватар без всяких объяснений исключил беглецов с Медузы из списка «абонентов» компьютера, и, ко всеобщему удивлению, микроорганизмы в них стали совершенно нейтральны. В отношениях между симбионтами появилось нечто новое — можно сказать, возникла новая разновидность человека, который полностью зависел от штаба Мораха.

Огромный патрульный крейсер доставили в систему Вардена и в считанные дни превратили в огромный ор-

битальный завод, в то время как на спутниках Момрата с помощью Альтавара налаживалось совершенно новое, еще не знакомое человечеству производство.

Думонис неохотно принял официальную должность властителя Цербера, но теперь в этом назрела необходимость. Однако он тесно сотрудничал с командой Мораха и старался переложить как можно больше обязанностей на Квина Занга.

Парк с Дарвой по предложению «мистера Кэрролла» провели короткий отпуск на юго-западном побережье южного континента Харона. После небольшой тренировки под руководством учеников доктора Думониса они взяли на себя всю административную работу на Хароне — чего и хотел Морах. Как он и предупреждал в свое время Парка, его амбиции простирались гораздо дальше титула простого властителя, к тому же и Харонем управляли строго по его указке.

Кол Тремон почувствовал тягу к уединению и отправился в исследовательскую экспедицию к северному полюсу Лилит, а потом надолго застрял на юге, в компании местных ученых, дожидаясь дальнейшего развития событий.

«Мистер Кэрролл», покончив с неотложными делами и вопреки всем советам, вновь отправился на Харон. Талант Упсир тоже был там — такой же жизнелюбивый и порочный. Он остался не у дел — бывшие подданные потихоньку отвыкали от вездесущих камер, и мысль об абсолютном господстве пришлось отложить — похоже, на долгие годы.

Со смешанным чувством «мистер Кэрролл» подвел челнок к причальной палубе огромной станции Упсира, которая была теперь на орбите Харона. С тех пор как окончилась война, властитель не покидал ее и всем управлял его неизменный спутник и «второе я», Хэйвел Канцер.

Резкий сигнал оповестил о стыковке; «Кэрролл» вышел из челнока и вошел в шлюзовую камеру. Проек-

торы вновь облучили его, но теперь он ничуть не встревожился. Он уже выяснил, что его тело и впрямь было инфицировано микроорганизмами, но не настоящими, а искусственной версией Альтавара с нейтральной программой. Теперь дезинфицирующее излучение ему ни почем.

За внутренней дверью его уже ждали два вооруженных охранника:

— Имя?

— Льюис Кэрролл.

— Цель прибытия?

— Официальный визит к Первому министру. Я — представитель Совета Четырех Властителей. Нас интересует главный компьютер вашей орбитальной станции.

Они непонимающе переглянулись, и агент понял, насколько померкло бывшее могущество их хозяина.

— Вызовите Фэллон, — предложил он.

«Льюис Кэрролл» прождал ее минут пятнадцать. Он никогда не встречался с ней лично, но помнил очень хорошо, а она, в свою очередь, была немало наслышана о нем от Упсира.

— Ну и ну! — заявила она. — Вы или дурак, каких свет не видывал, или у вас и вправду железная воля. Входите.

Он улыбнулся, и это слегка обескуражило Фэллон. В этот момент раздался еще один предупредительный сигнал.

— Администратор Канцер прибыл на причальную палубу три.

— Проклятие! — нахмурилась Фэллон. — Какого черта?

— А что такого? — сказал «Кэрролл». — Откровенно говоря, это я его пригласил. Мы провели голосование с тремя властителями, и теперь очередь за четвертым. Поскольку собирать их вместе просто нет времени, вполне разумно решать вопросы по отдельности.

— Воля ваша, — нахмурилась она. — Но мне кажется, что вы не в своем уме, раз прилетели сюда.

Канцер наверняка был не менее озадачен, чем Фэллон, но, будучи в зависимости от других властителей, не посмел отказаться от официального приглашения. Агент без труда читал его мысли. **МОРАХ РЕШИЛ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ОПАСНОГО СОПЕРНИКА.** Однако и он, и Фэллон держались с агентом подчеркнуто вежливо. Обоим не терпелось увидеть, что же произойдет, когда Кэрролл и Упсир столкнутся лицом к лицу.

Ко всеобщему удивлению, Упсир, принявший их в своем рабочем кабинете, приветливо улыбался, как и всякий преуспевающий политик. В уголке, на атласных подушках, полулежала сногшибательная Уби.

— Зачем Мораху понадобился мой компьютер? И о каком голосовании идет речь? — полюбопытствовал Первый министр.

— Ваша ЭВМ, вероятно, самая мощная на Ромбе, однако в настоящее время только управляет станцией. Для этих целей подойдет машина попроще, вроде тех, что давно выпускают на Цербере. Ваша понадобилась так срочно, потому что без нее застопорится производство более мощной вычислительной техники.

— Хватило же у них смелости решать такие вопросы за моей спиной, — сокрушенно произнес Упсир.

— Вы не ответили на запрос, поэтому Морах и послал меня сюда.

Упсир широко улыбнулся. **«ЭТО ТОЛЬКО ОДНА ИЗ ПРИЧИН»**, — подумал он вместе со своими помощниками, но не подал виду.

— Хоть мне и не нравится эта идея, сейчас я не в состоянии отвергнуть подобную просьбу. Надеюсь, моя станция от этого не развалится.

— Разумеется.

— Вы знакомы с Уби? — внезапно заинтересовался Первый министр.

— Да, — усмехнулся агент. — Видите ли, Тарин Бул — моя точная копия, полученная при помощи про-

цесса Мертон, и я прожил всю его жизнь — вплоть до последних мгновений.

— О, это замечательно! — Лицо Таланта Упсира расплылось в широкой улыбке, и он громко расхохотался.

— Компьютер не единственная причина, по которой я здесь, — невозмутимо продолжил агент.. — Видите ли, мне надоело быть на побегушках при Совете Четырех Властителей, и я решил, что достоин чего-нибудь получше.

Упсир настолько развеселился, что уже не слушал его. Он повернулся к Уби:

— Как тебе это, малышка? ТЫ была ИМ!!! А ОН — ТОБОЙ!!!

Уби удивленно и непонимающе взглянула на агента.

— Уби? — позвал «мистер Кэрролл». — Тебе знакомы присутствующие? ВОТ ЭТО — Хэйвел Канцер, ЭТО — Шуга Фэллон, а ВОН ТАМ стоит Талант Упсир.

Глаза Уби неожиданно расширились, уголки губ задрожали; она нахмурилась и резко вскочила.

— Я решил либо погибнуть, либо стать властителем Медузы, — пояснил бывший агент Конфедерации, но его уже никто не слышал.

Голова Таланта Упсира, отделенная от туловища, подкатилась к ногам агента еще до того, как тела Фэллон и Канцера с глухим стуком упали на пол.

ОБ АВТОРЕ

Джек Чалкер родился 17 декабря 1944 года в американском городе Балтиморе, штат Мэриленд. Он рано пристрастился к чтению и, перепробовав множество различных занятий — от организатора рок-концертов на открытых площадках в шестидесятых годах до компьютерного наборщика, — собрал грандиозную библиотеку научной фантастики, которая считается одной из крупнейших частных коллекций.

В 1958 году Чалкер вступил в Вашингтонскую Ассоциацию научной фантастики, в 1960 году начал издавать любительский журнал «Мираж», а в 1963 году основал Балтиморское общество научной фантастики. Чалкер получил высшее юридическое образование, но финансовые проблемы заставили его заняться преподавательской деятельностью. Ему была присвоена степень бакалавра истории и английского языка в Государственном колледже Таусона и степень магистра искусствоведения в Университете Джона Гопкинса — за изыскания в области истории идей. С 1966 по 1978 год, за исключением периода воинской службы, он преподавал историю и географию в школах Балтимора, после чего целиком посвятил себя писательской деятельности. Впоследствии он основал издательство Mirage Press Ltd., которое уже выпустило около тридцати книг, в основном научную фантастику и романы. Он интересуется компьютерами, древними таинственными мелодиями (esoteric audio), путешествиями, историей и политикой, читает лекции

по научной фантастике частным группам, в университетах и в таких организациях, как Смитсониан. Джек Чалкер — убежденный консерватор, пожизненный член «Сьерра-Клуба» и активно помогает национальным паркам. Большой любитель паромов, он поставил себе целью осуществить переправу на всех сохранившихся судах такого типа. В 1978 году на одном из древних паромов, посреди реки состоялась его свадьба с Евой Уитли. В настоящее время он с женой и сыном проживает в горной области Кэтоктин, штат Мэриленд.

СОДЕРЖАНИЕ

ХАРОН: ДРАКОН В ВОРОТАХ	5
МЕДУЗА: ПРЫЖОК ТИГРА	311

Литературно-художественное издание

Джек Л. Чалкер

Харон. Медуза

Составители серии *С.Н.Герцева, Н.А.Науменко*

Художественный редактор *С.Н.Герцева*

Компьютерный дизайн *А.А.Кудрявцев*

Технический редактор *Н.Н.Хотулева*

**Подписано в печать с оригинал-макета 25.07.96.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура
"Ньютон". Усл.печ.л. 33,6. Тираж 20000 экз.**

Заказ 381

**Издательство ТКО АСТ. Лицензия ЛР № 060519.
143900, г.Балашиха Московской обл., ул. Фадеева, д.8**

**При участии ООО "Издательство АСТ"
366720, РИ, г.Назрань, ул.Фабричная, 3
Лицензия Серия ПИМ № 01372 от 16.04.96.**

**Отпечатано с оригинал-макета в Тульской типографии,
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.**

